КОГДА-ТО, В ДАВНИЕ ВРЕМЕНА,
ЛЮДИ И ВОЛКИ ЧТИЛИ ТАИНСТВЕННЫЙ ДОГОВОР...
Дороти Херст
ВОЛКИ
НИКОГДА
не иметь дела с человеком
не убивать человека, если он не напал на тебя первым
не оставлять в живых детенышей, рожденных от союза волка и его врага – собаки

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

НИКОГДА не иметь дела с человеком.

НИКОГДА не убивать человека, если он не напал на тебя первым.

НИКОГДА не оставлять в живых детенышей, рожденных от союза волка и его врага – собаки.

Свои законы волки Широкой Долины чтили испокон веков. Но однажды кое-что изменилось… Молодая Каала – дочь изгнанной из стаи волчицы – спасла жизнь девочке Тали. Так зародилась их дружба. И Каала задумала невозможное: примирить людей и волков. Вместе легче выживать и охотиться. Лучше быть товарищами, чем врагами, верно?

Однако не все так считают. Люди боятся волков, а волки не доверяют людям… Поможет ли общая опасность им объединиться?..

- Дороти Херст
  - ○
  - ○ Закон волков
    - ■ Часть I
      - ■ Пролог
      - ■ Глава 1
      - ■ Глава 2
      - ■ Глава 3
      - ■ Глава 4
      - ■ Глава 5
      - ■ Глава 6
      - ■ Глава 7
      - ■ Глава 8
      - ■ Глава 9
    - ■ Часть II
      - ■ Пролог
      - ■ Глава 10
      - ■ Глава 11
      - ■ Глава 12
      - ■ Глава 13
      - ■ Глава 14
      - ■ Глава 15
      - ■ Глава 16
      - ■ Глава 17
      - ■ Глава 18
      - ■ Глава 19

- Глава 20
- Эпилог
- Выражение признательности

○ Тайны волков
-
- Пролог
- Глава 1
- Глава 2
- Глава 3
- Глава 4
- Глава 5
- Глава 6
- Глава 7
- Глава 8
- Глава 9
- Глава 10
- Глава 11
- Глава 12
- Глава 13
- Глава 14
- Глава 15
- Глава 16
- Глава 17
- Глава 18
- Глава 19

○ Дух волков
- Глава 1
- Глава 2
- Глава 3
- Глава 4
- Глава 5
- Глава 6
- Глава 7
- Глава 8
- Глава 9
- Глава 10
- Глава 11
- Глава 12
- Глава 13
- Глава 14
- Глава 15
- Глава 16
- Глава 17
- Глава 18

- Глава 19
- Глава 20
- Глава 21
- Глава 22
- Глава 23
- Глава 24
- Глава 25
- Глава 26
- Эпилог
- Выражение признательности

Дороти Херст
Волки: Закон волков; Тайны волков; Дух волков (сборник)

Dorothy Hearst
PROMISE OF THE WOLVES
SECRETS OF THE WOLVES
SPIRIT OF THE WOLVES
Печатается с разрешения издательства Simon & Schuster, Inc. и литературного агентства Andrew Nurnberg.
© Dorothy Hearst, 2008, 2011, 2012
Школа перевода В. Баканова, 2010
© Перевод. В. Сергеева, 2012
© Перевод. А. Анваер, 2015
© Издание на русском языке AST Publishers, 2016

Закон волков

Посвящается моей семье, друзьям, а также Хэппи, лучшей собаке из прежде живших, и Эмми, лучшей собаке из ныне живущих

Часть I
Стая

Пролог

40000 лет назад

И тогда настал холод. Из-за жестокой стужи, как говорят легенды, кролики не вылезали из нор многие месяцы, лоси укрывались в пещерах, у птиц на лету леденели крылья. Воздух переливался кристаллами перед носом волков Широкой Долины, когда те выходили на охоту. Каждый вдох обжигал легкие, от мороза не спасал даже густой подшерсток. Волки сотворены для зимы, но та зима была выше волчьих сил. Солнце, казалось, навечно ушло к дальнему краю земли, а луна, прежде струившая живой свет, смерзлась в темное пятно.

Царь воронов сказал, что зима будет длиться три года и принесет гибель миру. Что она послана в наказание тем, кто не чтит волю Древних. Лидда чувствовала только голод и знала лишь то, что ее стая не способна охотиться.

Лидда бродила вдалеке от семьи, даже не пытаясь по пути вынюхивать мышей и зайцев. Тахиим как вожак уже объявил стае о прекращении охоты: волки слишком ослабли и не в силах добывать даже тех немногих лосей, что еще уцелели в Широкой Долине. Оставалось ждать, когда морозная стужа обратится в стылый холод смерти. Ожидание тяготило Лидду, и она двинулась прочь, подальше от голодного взгляда щенков, чьи тонкие кости выступали сквозь шерсть. Все волки в стае – даже подростки – должны заботиться о детенышах, и если Лидда не в состоянии добыть им пищу, то она недостойна называться волчицей.

Она пробиралась через глубокие снежные завалы; каждая шерстинка на спине казалась тяжким грузом. Над головой кружили несколько воронов – ей бы такие крылья, долететь до равнины, где обычно охотилась стая… Там еще остались лоси, можно напасть на самого сильного и биться до смерти – до собственной смерти, ослабевшая Лидда в этом не сомневалась.

За гребнем заснеженного холма уже виднелась равнина. Лидда, тяжело дыша, легла брюхом на землю, но тут же вскочила; светло-бурая шерсть поднялась дыбом. Запах человека! Скорее прочь отсюда – волкам нельзя встречаться с людьми, древний запрет неумолим… Опомнившись, Лидда засмеялась над собой. Чего бояться? Она ведь ищет смерти, а человек ей поможет…

Ее ждало разочарование: найденный ею человек – подросток, как сама Лидда, – выглядел не более угрожающе, чем новорожденный лисенок. Тощий и голодный, как все сейчас на равнине, он плакал, привалившись спиной к скале; его смертоносная палка валялась рядом. Страх в человеческих глазах, вскинутых навстречу Лидде, через миг сменился покорностью.

– Ты за мной, волчица? – произнес он. – Тогда не теряй времени. Мне не добыть еды для братьев и сестер: я слишком слаб, чтоб настичь легконогого лося. А возвращаться к голодной семье с пустыми руками – выше моих сил. Возьми мою жизнь…

В глазах юноши Лидда увидела такое же отчаяние, какое испытывала сама. Ему тоже нужно кормить щенков своей стаи… Привлеченная теплом его тела, она незаметно для себя сделала несколько шагов. Юноша отбросил прочь заостренную палку и опустил руки, открывая волчице шею и живот: теперь, вздумай она покончить с ним, лишних хлопот не потребуется. Однако Лидда замерла на месте, впервые разглядывая человека пристально – наперекор былому запрету.

«Волк, вступивший в общение с человеком, будет изгнан из стаи, – говорил Тахиим волчатам Лиддиного помета, тогда еще совсем щенкам. – Люди – охотники, как и мы, они считают нас добычей. Влечение к ним подобно зову охоты. Держитесь от них подальше – или вы перестанете быть волками».

Теперь, глядя на юношу, Лидда почувствовала, о чем говорил Тахиим: ее тянуло к человеку так, словно он был щенком ее стаи или волком, который станет ей парой. От смятения ее бросило в дрожь, словно пойманного кролика. Разум приказывал уходить прочь; рвущееся из груди сердце влеклось к юноше. Лечь бы рядом с ним, выгнать холод из промерзших костей… Лидда встряхнулась и отступила на шаг, но человеческий взгляд не давал ей уйти. Ледяной порыв ветра толкнул ее в спину, она качнулась вперед. Юноша неуверенно протянул руки.

Лидда шагнула в раскрытые объятия и легла, укрыв собой ноги юноши и положив голову ему на грудь; тепло человеческого тела она ощущала даже сквозь шкуры, которыми люди – почти бесшерстые – пытаются защититься от холода. Юноша, на миг замерший от удивления, обхватил волчицу руками; Лидда не отводила от него глаз.

Так они лежали вместе, пока сердца отбивали тысячу ударов: волчье сердце замедлило бег, приноровляясь к человеческому, человеческое в ответ забилось быстрее. Лидда почувствовала, как прибывают силы; юноша, должно быть, ощутил то же. Разом поднявшись, словно единое существо, они направились к полям охоты.

Человек и волчица перешли на дальний край равнины, где водилась добыча, и не сговариваясь выбрали жертву; лось-самец, обнаруживая свою слабость, нервно задергал головой при их приближении. Стремительная, как солнечный луч, Лидда понеслась за ним, забыв о недавней усталости. Она гнала лося все дальше, запутывая и изматывая, пока окончательным броском не выгнала его на юношу, стоящего наготове. Заостренная палка со свистом рассекла воздух, глубоко вошла в грудь лося – и Лидда, настигнув споткнувшуюся жертву, вонзила зубы в лосиное брюхо.

Она вгрызалась в теплую плоть, голову дурманил запах и вкус добытой наконец еды. Что-то тяжелое ударило ей в бок – толкнул человек, подоспев за своей долей добычи. Зарычав, Лидда вернулась на прежнее место, и вдвоем они припали к туше. Прежде чем насытиться до полной неподвижности, Лидда вспомнила о голодающей стае и принялась отгрызать от туши задний окорок, чтобы отнести его своим. Юноша, орудуя острым камнем, уже отрезал второй окорок и теперь разделывал оставшуюся часть лося. Ухватив пастью тяжелую ношу, Лидда порадовалась, что дом недалеко. Сытость придала ей сил, она двинулась к своей стае.

Полный желудок, вкус свежего, еще теплого мяса во рту – она на время забыла о человеке и обернулась только на границе леса. Юноша, на тощих плечах которого громоздился окорок, тоже остановился, опустив руку с волочащимся по земле лосиным ребром. Второй рукой он помахал Лидде. Она положила добычу на землю и пригнула голову в знак приветствия.

Взрослые волки ее стаи, почуявшие мясо издалека, едва поверили собственным глазам, когда Лидда добралась до заветной поляны и тихо опустила окорок на землю.

Всю стаю таким куском, конечно, не насытить, но все же появление полноценной еды – первой за пол-луны – означало надежду. Как только волки поняли, что мясо – не предсмертное видение, а реальность, они сгрудились вокруг Лидды в радостных приветствиях, на миг забыв об изнуряющей слабости. Лидда, склонив голову, положила мясо перед Тахиимом и отступила на шаг. Он легко прикоснулся к волчице носом и дал знак стае, что можно приступать к дележу. После, взяв с собой тех из волков, кто еще годился для дальнего бега, Тахиим пустился по Лиддиному следу, чтобы принести остатки туши.

Лидда обернулась к щенкам – те скулили, почуяв запах свежего мяса. Она опустила голову и, когда один из них ткнулся в угол ее рта, отрыгнула часть пищи. Хотя изголодавшееся тело отдавало еду неохотно, радость щенков того стоила. Волчатам из стаи Широкой Долины голод больше не грозил.

Лидда устремилась вслед за Тахиимом и теми, кто отправился за остатками добычи. Она была слишком взбудоражена успешной охотой и слишком счастлива оттого, что добыла пропитание для стаи, первое знакомство с человеком кружило ей голову – и она даже не заметила, что в воздухе стало неуловимо разливаться тонкое веяние тепла, настолько легкого, что его можно было принять за иллюзию.

… Лидда и человеческий юноша лежали у скалы, где впервые встретились; теперь здесь появился клочок теплой земли, с которой сошел талый снег. На протяжении целой луны волки Лиддиной стаи охотились вместе с людьми, и делили с ними добычу, и играли с их детенышами, и пускались с ними в бег на рассвете и в закатных сумерках. Лидда не расставалась со своим человеком: ей чудилось, будто она обрела в нем нечто давно утраченное – былую потерю, о которой даже не подозревала.

Они сидели под скалой; юноша перебирал пальцами густой мех Лидды, свернувшейся у его ног. Их освещало Солнце, Земля приветственно тянулась к ним стеблями травы. Луна ревниво ожидала часа, когда вновь их увидит. А Небо – Небо простиралось вокруг, не отводя от них взгляда.

Потому что Древние были исполнены ожидания и надежды. Они вовсе не желали гибели живых существ.

Глава 1

14000 лет назад

Легенды гласят, что от смешения крови волков Широкой Долины и волков, живущих за ее пределами, появится волчица, которой судьба вечно стоять на рубеже между двумя мирами. Из-за нее может прийти конец не только стае, но и всему волчьему роду. Именно потому Рууко, представший перед нами в сумраке занимающегося рассвета, пришел убить моего брата, сестер и меня через четыре недели после нашего рождения.

Убийство щенка – деяние противоестественное: волк предпочтет скорее отгрызть себе лапы, чем тронуть детеныша. Мою мать могли бы простить, когда она – обычная волчица, которой не положено давать потомство, – все же принесла щенков. Но она еще нарушила закон Широкой Долины, охраняющий чистоту нашей крови, а это было много хуже. Рууко всего лишь выполнял свой долг.

Он недавно наделил Риссу целым выводком детенышей: продолжать род позволено только вожаку, прочие волки могут спариваться не иначе как с его разрешения, поскольку лишних щенков в скудные годы трудно прокормить. В Широкой Долине,

вмещавшей четыре волчьих стаи и несколько людских племен, в то время царила вражда, добычи становилось все меньше. Волки, как правило, обходили наши владения стороной, зато люди то и дело норовили оттеснить нас с привычных мест охоты. Год моего рождения был не самым изобильным для стаи Быстрой Реки. Мать, видимо, до конца надеялась, что Рууко не почует в щенках кровь чужака и не станет нас убивать.

Двумя днями раньше, на рассвете, мы с братом попробовали вскарабкаться по мягкому прохладному склону, ведущему из полутемной норы в тот незнакомый мир, звуки которого отражались эхом от стен нашего жилища. Голоса взрослых волков, неведомые запахи – все казалось заманчивым, и мы норовили пробраться к выходу всякий раз, как улучали время между едой и сном.

– Погодите, – остановила нас мать, преграждая дорогу. – Сначала я вам кое-что скажу.

– Мы только взглянем, что там снаружи. – Хотя Триелл старался говорить вкрадчиво, глаза его озорно блеснули. Мы двинулись было дальше, но мать огромной лапой прижала нас к полу.

– Щенков перед вступлением в стаю подвергают проверке. Кто не выдержит, того не оставляют в живых. Поэтому слушайте. – Ее голос, обычно мягкий и успокаивающий, теперь звучал озабоченно. – При встрече с вожаками, Рууко и Риссой, вы должны показать им, что сильны и здоровы, что вы достойны стать членами стаи Быстрой Реки. И отнеситесь к ним с почетом и уважением.

Окинув нас тревожным взглядом, мать убрала лапу и наклонилась вылизать моих сестер, тоже потянувшихся к выходу. Мы с Триеллом вернулись в угол теплой норы и принялись мечтать о подвигах, которыми мы завоюем место в стае. То, что мы можем не преуспеть, даже не приходило нам в голову.

Через пару дней, наконец выбравшись из норы, мы увидели пятерых щенков Риссы, неуверенно толпящихся на прогалине между деревьями. Двумя неделями старше нас, они уже были готовы предстать перед стаей и получить имена. Рисса стояла чуть поодаль, наблюдая, как Рууко осматривает детенышей. Нас, еще нетвердо держащихся на лапах, мать подтолкнула ближе к нему и оглядела тесную поляну.

– Рууко выбирает, кого принять в стаю. – Ее морда от волнения напряглась, голос сделался хриплым. – Поклонитесь, выкажите почтение, расположите его к себе. Он оставит тех, кто ему понравится. Слышите? Угодить ему – значит выжить!

Мир за пределами логова полнился незнакомыми запахами.

Мощный и дразнящий запах стаи – по меньшей мере шестерых волков, собравшихся поглядеть на обряд принятия детенышей, – смешивался с ароматом листьев, травы и земли, от него хотелось чихать. Чистый, нагретый солнцем воздух манил прочь от норы и привычного материнского тепла. Мать следовала за нами, едва слышно поскуливая.

Рууко окинул ее взглядом и отвернулся. Его собственные волчата, крупнее и упитаннее нас, тявкали и жались к отцу, то и дело норовя лизнуть опущенную к ним морду или упасть на спину, открыв мягкий живот. Он обнюхал их одного за другим, поворачивая с боку на бок, чтоб не пропустить знака слабости или болезни. Те, чьей мордочки в итоге Рууко касался еще раз, осторожно беря ее зубами, считались принятыми в стаю – такими оказались все, кроме одного.

– Теперь вы часть стаи, – сказал им Рууко, – и любой из наших волков обязан вас кормить и защищать. Приветствуем тебя, Борлла. И тебя, Уннан. Добро пожаловать, Реел и Марра. Теперь вы – волки Быстрой Реки, наше будущее.

Мелкого взъерошенного волчонка Рууко оставил безымянным: нареченный щенок пользуется покровительством стаи, и потому вожак не дает имени тем детенышам, которые слишком слабы, чтобы выжить. Один волчонок даже не дожил до испытания: Рисса, метнувшись в нору, вытащила оттуда мягкий комок и зарыла его на краю прогалины.

Стая уже разразилась приветственным воем в честь детенышей; волки, радостно помахивая хвостом и топорща уши, подбегали к щенкам поздравить их со вступлением в стаю. Приветствия перешли в игру, и взрослые волки гоняли наперегонки и валялись по устланной листьями земле, тявкая от удовольствия при виде новых щенков – таких же, как мы. Я ткнулась носом в щеку Триелла.

– Бояться нечего: надо просто показать, что мы сильные и почтительно относимся к взрослым.

Триелл чуть помахивал хвостом, наблюдая за играми. Живые глаза, короткая сильная шея – он ничем не уступает щенкам Рууко и Риссы. Мать боялась напрасно: мы тоже крепки и здоровы, Рууко не замедлит дать нам имена и объявить нас членами стаи Быстрой Реки.

Рууко, оставив своих волчат, подошел ближе и теперь сверху вниз глядел на нас. Он был самым крупным волком в стае – на целое ухо выше остальных, с широкой грудной клеткой и внушительными мускулами под серой меховой шкурой. Помедлив мгновение, Рууко наклонился и раскрыл над нами огромную пасть. Мать, шагнув вперед, заступила ему дорогу.

– Брат, – попросила она (мать с Риссой родились в одном помете и вступили в стаю Быстрой Реки одновременно), – оставь их жить.

– В них кровь чужаков, Нееса, они будут отбирать мясо у законных детенышей. Лишних щенков стая не вместит.

От злобного голоса меня бросило в дрожь, Триелл начал поскуливать.

– Ты лжешь. – Мать бесстрашно глядела на Рууко снизу вверх, не отводя янтарных глаз. – И прежде бывали тяжкие времена, но стая выживала. Ты просто боишься всего непривычного, для вожака Быстрой Реки ты слишком пуглив. Лишь трус решится убивать щенков.

Рууко зарычал и с размаху обрушился на нее всем телом, прижав мать к земле.

– Думаешь, мне нравится убивать детенышей? – пророкотал он. – Когда мои стоят здесь же? Твои щенки – не просто непривычные, я чую в них кровь чужаков! Не мной они рождены, Нееса, не я нарушил заповедь. Отвечать за все – тебе! – Он вонзил зубы в ее шею и сжимал челюсти до тех пор, пока мать не заскулила. Лишь тогда он ее отпустил.

Мать с трудом встала на ноги и отшатнулась, теперь страшная пасть Рууко нависала прямо над нами. Мы в ужасе отбежали, сгрудившись вокруг матери.

– У них есть имена! – попробовала она вступиться еще раз.

Да, в обход обычая мать нарекла нас при рождении. «Получая имя, вы становитесь частью стаи, – сказала она тогда. – И Рууко вас уже не убьет». Моих сестер она назвала в честь цветов и трав, растущих вокруг норы, Триелла – черного волчонка со сверкающими, как звезды, глазами – в честь безлунного ночного неба. Из-за белого полумесяца, четко прорисованного посреди серой шерсти у меня на груди, я получила имя Каала – Дочь Луны.

Мы с Триеллом и сестрами, трепеща, льнули к матери. Прежде я смеялась над ее опасениями и считала, будто в стаю принимают всех, кто умеет себя вести как настоящий волк. Однако теперь стало ясно, что не только место в стае, но и сама жизнь оказывается под угрозой.

– У моих детей есть имена, брат, – повторила мать.

– Не я их нарекал. Твои щенки рождены вне закона, они не принадлежат стае. Прочь с дороги!

– Я не уйду!

Огромная, почти в рост Рууко волчица, морду которой густо покрывали шрамы, прыгнула на мать вслед за вожаком; вдвоем им удалось оттеснить ее в сторону.

– Убийца щенков! Ты мне не брат! – огрызалась мать. – Ты недостоин зваться волком!

Даже я понимала, что такие слова только озлобят Рууко. Рыча, он отогнал мать к самой норе, под присмотр волчицы со шрамами, и вернулся к нам. Рисса, оставив скулящих и жмущихся к ней щенков, вышла вперед и встала рядом с Рууко.

– Спутник, – произнесла она низким звучным голосом, – моя ответственность не меньше твоей, ведь это я не уследила за сестрой. Я сделаю что положено.

От нее пахло силой и уверенностью, белая шерсть блестела под лучами раннего солнца. Рууко лизнул волчицу в морду, на мгновение ткнулся носом в белоснежную шею, словно набираясь решимости, а затем мягким движением оттеснил Риссу назад. Остальные волки стояли по краям прогалины – одни поскуливали, другие смотрели молча; никто не пытался подойти, над нами возвышался один Рууко. Даже сейчас, много времени спустя, при взгляде на него я порой вспоминаю тот миг, когда вожак навис надо мной, готовый вцепиться зубами в глотку и вытрясти из меня дух. В живых оставалась лишь я: мои сестры и любимый брат уже лежали бездыханными.

Аззуен говорит, что я не могу помнить случившегося, ведь мне было всего четыре недели от роду. Однако я ничего не забыла. Сначала погибли сестры, затем вожак добрался до Триелла: еще мгновение назад тот лежал, прижавшись ко мне теплым боком, – и вдруг его тело взмыло вверх, поднятое с земли мощной хваткой Рууко. Триелл взвизгнул, я поймала его взгляд и, забыв о страхе, подскочила на задних лапах, чтобы удержать его, но тут же вновь свалилась на землю – неокрепшие пока лапы держали меня плохо. Острые зубы Рууко грозно сомкнулись, тело Триелла обмякло и замерло. Неужели он мертв? Неужели не поднимет голову, не взглянет на меня лучистыми глазами?..

Рууко, бросив Триелла рядом с сестрами, повернулся ко мне.

Мать потихоньку отползла от норы и теперь подобралась ближе, стелясь брюхом по земле. Опустив уши и поджав хвост, она умоляла Рууко остановиться. Он на нее даже не взглянул.

– Вожак вершит что положено, Нееса, – спокойно произнес старый волк. – В щенках течет кровь чужака, Рууко лишь ограждает стаю от опасности. Не осложняй ему выбор.

Я глядела на Рууко, не опуская головы. Ни унижение, ни мольбы не спасли моих сестер и брата. Когда тело Триелла ударилось о землю рядом со мной, вместо трепета меня обуяла ярость: мы с Триеллом спали и ели вдвоем, и вдвоем мечтали, как завоюем место в стае! А теперь он погиб! Оскалившись, я зарычала на тех же нотах, что и Рууко, и тот от неожиданности

отступил. От гнева куда-то делся страх – я прыгнула, норовя вцепиться в волчье горло, но достала лишь до груди: высоко прыгать я еще не умела. Рууко легко отбросил меня в сторону и на мгновение замер, не отводя взгляда, словно вместо меня увидел самого Волка Смерти.

– Жаль, кроха, – тихо проговорил он. – Я обязан думать о благе стаи. У меня нет выбора.

Раскрытая пасть Рууко приблизилась ко мне вплотную. Послышался чей-то горестный вскрик, волки сбились к краю прогалины. Яркий луч утреннего солнца ударил мне в глаза, когда я подняла голову, чтобы встретить смерть.

– Она должна остаться в живых, Рууко.

Вожак замер на месте, бледно-желтые глаза расширились. Эхо от голоса разнеслось по поляне, и Рууко, к моему изумлению, захлопнул грозную пасть, прижал уши и отступил, приветствуя пришедшего.

Проследив взгляд вожака, я увидела огромного, небывало крупного волка: грудь его приходилась на уровне морды Рууко, а мощная шея проступала где-то там, откуда струились на поляну лучи взошедшего солнца. В странных зеленых глазах – не янтарных, как у взрослых волков, и не голубых, как у детенышей, – проглядывало удовольствие. Через мгновение на прогалину ступила такая же крупная зеленоглазая волчица с более густым и темным мехом.

Волки материнской стаи, прижав уши и опустив хвост, один за другим подползали на брюхе к середине поляны, чтобы почтительно приветствовать невиданных и грозных гостей.

– Это верховные волки, – шепнула мать, подобравшись ближе ко мне, – Яндру и Франдра. Двое из тех, что еще остались в Широкой Долине. Они говорят с Древними, мы им подчиняемся.

Верховные волки милостиво принимали приветствия.

– Добро пожаловать, владыки, – уважительно опустив голову, проговорил Рууко. – Я лишь исполняю свой долг и забочусь о стае. Этот помет появился без моего дозволения.

– Второй помет тоже часто оставляют жить. – Яндру, опустив голову, обнюхал недвижное тело Триелла. – И ты, Рууко, прекрасно это знаешь: четыре года назад тебе с братьями сохранили жизнь. Ты, вероятно, за давностью забыл, но для меня срок невелик.

– То было время изобилия, владыка.

– Один щенок много не съест. Я хочу, чтобы она осталась в живых.

Рууко помедлил с ответом, остерегаясь гнева Яндру.

– Не все так просто, владыка, – произнесла, выходя вперед,

Рисса. – В ней течет кровь чужака. Мы не вольны нарушать закон Долины.

– Чужака? – Яндру резко взглянул на Рууко, в голосе его больше не слышалось ни мягкости, ни усмешки. – Почему ты не сказал?

Рууко склонил голову еще ниже.

– Мне не хотелось показаться неумелым вожаком.

Яндру молча задержал на нем взгляд, затем обернулся к моей матери, не сдерживая гнева:

– Как ты посмела? Ведь от этого зависит жизнь стаи!

Франдра сверкнула глазами; сильный и уверенный голос прозвучал неожиданно громко – я даже отскочила назад, не устояв на лапах.

– Легко говорить, Яндру, когда тебе не запрещено плодить потомство где и когда пожелаешь. Не в одиночку же она зачала. – Взглянув на Яндру, смущенно приопустившего уши, Франдра повернула огромную голову к матери. – Но как ты позволила щенкам дожить до возраста, когда придет пора зваться волками? Ты ведь знала, что таким не место в стае, их надо было убить при рождении!

– Я хотела, чтобы стая их приняла, волчата могли оказаться полезны, – робко проговорила мать. – Мне снилось, будто они спасут волчий род. Остановят добычу, уходящую из Долины, или оттеснят людское племя. В моих снах щенки всегда спасают нам жизнь. Взгляни, ведь она не знает страха!

Я поднялась с земли и попыталась унять дрожь в лапах – чтобы больше походить на приличного волка, достойного принятия в стаю.

– Владыки, сестра всегда мечтала о большем влиянии, – снова вступила Рисса. – Бывало, ее сны приносили нам удачу на охоте, но ей хотелось щенков.

– Не важно, – отрезал Яндру. – Щенки, рожденные от чужака, не должны оставаться в живых. Делай что положено, Рууко.

Поворачиваясь уходить, Яндру чуть не наступил на меня, я снова зарычала.

– Мне очень жаль, Мелкозубка, – отозвался он. – Я бы сохранил тебе жизнь, но не могу идти против заповеди. Да будет скорым твое возвращение в Широкую Долину.

Происходящее отзывалось обидой и несправедливостью – так тянуло иногда сырым холодным ветром в материнской норе. Неужели величественный волк не властен поступать как пожелает?.. Я оглянулась, высматривая место, куда можно спрятаться, и уже хотела бежать, когда Франдра шагнула вперед, отгородив меня от острых зубов Рууко.

– Я не позволю ее убить! – прорычала она. – Пусть обычный порядок вещей диктует иное, – жизнь меняется, спутник, нельзя вечно стоять на месте. Люди захватывают все больше добычи, и с каждым днем их все труднее сдерживать. Равновесие поколебалось, нам нельзя оставаться в бездействии, нужно что-то менять. И чем скорее, тем лучше. – Волчица посмотрела на меня. – Если в ней кровь чужака – так тому и быть. Эта храбрая кроха, останься она в живых, может добавить нам забот, зато с ней может прийти и надежда. Воля к жизни в ней слишком сильна – нельзя отмахиваться от знаков, даруемых нам Древними.

– Франдра…

– Ты потерял не только чутье, но и слух, Яндру? – огрызнулась она в ответ. – Ты ведь знаешь, что время на исходе, а мы почти бессильны.

– Я не приму такую ответственность. Закон нарушен в обход нашего позволения, нам незачем идти против Совета верховных волков.

– Ответственность тут не только твоя. – Франдра твердо взглянула ему в глаза. – Хочешь решить спор битвой – будем биться.

Яндру на миг застыл, и Франдра проговорила торопливым шепотом так, что слышали лишь Яндру и мы с матерью:

– Взгляни, спутник! У нее на груди знак луны, знак Равновесия. Совет волков слишком закоснел и часто не видит дальше своего носа. А вдруг мы ждем именно ее? Вдруг она избрана Древними?

– Я назвала ее Каалой, Дочерью Луны, – вставила мать.

Яндру помедлил, затем огромной лапой перевернул меня на спину, разглядывая полумесяц на груди. Я лихорадочно пыталась придумать хоть что-нибудь, что сохранит мне жизнь, но взгляд зеленых глаз не давал соображать. Наконец Яндру, приняв решение, отступил на шаг и склонил голову перед Франдрой.

– Оставь ее жить, – проговорил он, поворачиваясь к Рууко. – Если решение окажется неверным, верховные волки примут ответственность на себя.

– Владыки…

– Тебе не позволено ее убивать, малый волк, – жестко бросила Франдра, перебивая Рууко. – Законы Долины устанавливаются верховными волками, мы вольны делать исключения. У нас есть причины оставить этого щенка в живых.

Рууко попытался было возразить, но Франдра, зарычав, прижала его к земле передними лапами. Когда она отступила, он с трудом встал на ноги и склонил голову в знак подчинения, хотя в глазах его затаился злобный огонь. Франдра обратилась ко мне:

– Доброй удачи, Каала Мелкие Зубки. – Она улыбнулась и подтолкнула Яндру к краю прогалины. – Наверняка мы еще встретимся.

Когда Франдра и вслед за ней Яндру скрылись в лесу, мать настойчиво зашептала мне в ухо:

– Каала, послушай и запомни. Теперь Рууко не даст мне здесь жить, это точно. Но ты обязана остаться. Делай все, чтобы войти в стаю. Вырастешь – отыщи меня: я должна рассказать тебе об отце. Обещаешь?

Она не отводила от меня взгляда, и я не могла ей отказать.

– Обещаю, – прошептала я. – А можно мне уйти с тобой?

– Нет. – Она приблизила ко мне морду, прижавшись мягкой шерстью к моему лицу, чтобы я запомнила ее запах. – Ты должна остаться и войти в стаю. И только потом ищи меня. Ты обещала.

Мне хотелось спросить почему. Хотелось спросить, как ее отыскать, – однако было поздно: как только верховные волки скрылись из виду, Рууко подскочил к моей матери и, повалив на землю, вонзил зубы ей в шею. Брызнула кровь, мать взвыла от боли, хотя успела оттолкнуть меня прочь – я, не устояв, шлепнулась на землю, но тут же снова встала на ноги.

– Ты принесла раздор в стаю, отняв покой у меня и детей! – прорычал Рууко. – Из-за тебя стая Быстрой Реки нарушила Равновесие!

Обычно волки не ранят друг друга: каждый знает свое место в стае и избегает стычек, – однако сейчас Рууко не мог выместить гнев ни на мне, ни на верховных волках, и потому налетел на мать. Она пыталась защититься, однако, когда на нее налетели Минн, волк-однолетка, и Веррна – огромная волчица с покрытой шрамами мордой, – мать заскулила и отползла к краю поляны; едва она попробовала приблизиться к остальным, на нее снова напали и оттеснили в сторону. Меня тянуло бежать за ней, чем-то помочь… увы, силы мне изменили, оставалось лишь в ужасе смотреть на происходящее.

Рисса подхватила ближайшего щенка, Реела, и в зубах отнесла его в нору.

– Дай мне хотя бы выкормить щенка, брат, – в отчаянии молила мать. – Не прогоняй меня до тех пор.

– Уходи сейчас, ты больше не в стае. – Рууко теснил ее к краю прогалины; несколько раз она пыталась обернуться, и все-таки вожак с двумя волками отогнал ее, окровавленную и поскуливающую, далеко в лес.

Вернувшись, Рууко издал повелительный рык, и все взрослые волки, кроме Риссы, устремились прочь с поляны: вожаку нужно заботиться о добыче, а солнце уже делалось жарким, для охоты

оставались немногие часы.

Я хотела было двинуться в лес, по следам матери, но измученные душа и тело отказывались служить, я бессильно опустилась на жесткую землю, прохладную даже под теплым утренним солнцем.

Самые крупные и самодовольные из щенков Риссы, Уннан и Борлла, подобрались ко мне и оглядели с головы до ног, не скрывая презрения. Борлла, на вид покрепче Уннана, больно ткнула мордой мне в ребра и обернулась к брату:

– Да уж, долго она не протянет.

– Точно! Только и годна, что в пищу медведям.

– Эй, медвежья еда! – подхватила Борлла. – Не вздумай подступиться к нашему молоку!

– А то мы довершим начатое отцом! – Подлые глазки Уннана смерили меня от носа до хвоста.

Щенки припустили рысью к норе, где прежде скрылась Рисса. Борлла по пути не упустила случая отвесить шлепок самому мелкому из братьев – взъерошенному волчонку, которому не дали имени; Уннан, глядя на нее, зарычал на Марру – вторую из своих сестер – и повалил ее в пыль. После этого Уннан и Борлла, довольные собой, победно задрали хвосты и важно двинулись дальше. Марра отряхнулась и поспешила за ними; меньший волчонок остался лежать, припав к земле.

Весь день я провела на поляне, несмотря на жарко палящее солнце. Мне казалось, что если ждать долго, то мать вернется и заберет меня с собой.

Прошел день, настала ночь; взрослые волки вернулись с утренней охоты, выспались и ушли на вечерний промысел, темный лес ожил незнакомыми пугающими звуками. Мать все не возвращалась. Меня оставили в живых, но я была обречена на одиночество, страх и презрение со стороны родной стаи.

Глава 2

Я не стала возвращаться в материнскую нору – там пахло погибшими сестрами и братом, там ждало лишь одиночество. Внезапно донесся запах молока и теплых тел, послышалось чмоканье, – и голод сорвал с меня оцепенение, не отпускавшее весь день. Часть меня еще недоумевала: как я смею думать о еде, когда мою мать навсегда изгнали? Однако неужели я выстояла против Рууко лишь для того, чтобы умереть от голода в нескольких шагах от теплого молока Риссы? Я не знала, захочет ли она меня накормить, но ведь я дочь ее сестры, во мне течет та же кровь – я должна попытаться! Я не забыла угроз Уннана и

Борллы, и тем не менее страх пересиливался голодом. Я отползла от тел брата и сестер и двинулась было к норе, откуда доносились манящие запахи и звуки, как вдруг заметила взъерошенного волчонка, неловко свернувшегося на краю поляны. После удара Борллы у него поперек правого глаза осталась царапина, а тело из-за спутанной шерсти казалось еще более мелким и жалким.

– Ты умрешь от голода, если здесь останешься!

В ответ он лишь молча на меня взглянул. Яркие, лучащиеся серебристым светом глаза напомнили мне Триелла, и я уже не могла пройти мимо, как ни манила еда.

– Кроха, – я назвала его тем же ласковым словом, каким обращалась к нам мать, – если ты не научишься давать отпор, то так и проживешь всю жизнь с поджатым хвостом, и тебя станут звать низкохвостом.

В каждой стае есть слабый волк: его презирают, с ним не считаются, ему перепадает меньше еды. Таких и зовут низкохвостами. Впрочем, если взъерошенный волчонок сейчас не поест, то ему и не придется дожить до возраста, когда его вздумают наградить такой кличкой.

Он прикрыл лапы облезлым хвостом и оглянулся на такую же облезлую траву рядом.

– Тебе-то легко, за тебя верховные волки… – Он нахмурился, прикрыв лучистые глаза. – Все хотят, чтобы я умер. Мне даже не дали имени.

Я нетерпеливо отвернулась: незачем терять время на щенка, который не собирается выжить. Триелл, останься он в живых, отдал бы за такой шанс что угодно и не подумал бы скулить и дрожать от страха. А слабым не место в стае.

Я просунула морду в нору, раздался голос Риссы:

– Входите, щенки, пора пить молоко и отдыхать!

Обрадовавшись, я полезла было внутрь, но на полпути вспомнила, какой одинокой и брошенной я себя чувствовала совсем недавно, – и оглянулась на безымянного волчонка. Не оставлять же бедолагу на голодную смерть… Я вылезла обратно и без лишних слов пропихнула его в нору. С удивленным визгом он кувыркнулся вниз, а я влезла следом.

Нора Риссы оказалась больше материнской, прочные земляные стены поддерживались корнями огромного дуба, росшего прямо над ней. Здесь я почувствовала себя в безопасности. При нашем появлении Уннан, с тремя остальными щенками жадно припавший к животу Риссы, скосил на нас глаза и зарычал; безымянный волчонок вздрогнул и попятился.

Я была слишком подавлена потерей брата с сестрами и

изгнанием матери, слишком обозлена отношением стаи ко мне, все тело горело, мускулы свело, шерсть на загривке встала дыбом – и при виде Уннана и Борллы, сосредоточенно сосущих молоко и не намеренных им делиться, я просто оттолкнула Уннана в сторону, освобождая нам место. Я даже не задумалась о том, что наживаю врага в лице Уннана, мной владело безумие. Безымянный волчонок все медлил, я сгребла его зубами за мягкий загривок, подтащила к Риссе и велела:

– Ешь!

Уннан попытался меня отпихнуть, Борлла зарычала, но мне было не до них: я уже припала к вкусному, животворному молоку Риссы. Безымянный волчонок угнездился между мной и Маррой – самой мирной из всего помета. Затем, сытые и согретые, мы уснули, прижавшись к сильному телу волчицы.

На следующее утро Уннан и Борлла попробовали избавиться от меня насовсем. Рисса, уставшая от долгого заточения, ушла с Рууко на предрассветную охоту, оставив нас, как принято в стае, под присмотром двоих годовалых волков. Минну, драчуну и забияке, помогавшему Рууко прогнать мою мать, было лень с нами возиться, но он опасался старшей сестры – Иллин, а уж она-то отнеслась к поручению всерьез. Поэтому играли с нами так, будто мы боремся взаправду, и когда мы налетали на старших и кусали их за хвост, Минн с Иллин рычали на нас совсем как в настоящей драке. Постепенно утомившись, они прилегли в тени и оттуда следили за нашей возней, то и дело задремывая. Я продолжала играть с Маррой и безымянным щенком. Он был не крупнее меня, хоть и старше на целых две недели, и в нем не чувствовалось крепости и силы, без которых невозможно выжить. Однако блестящие глаза уже глядели живее, из них исчезли усталость и обреченность, и даже несмотря на притеснения Уннана и Борллы, то и дело отгонявших его от еды, он выглядел более жизнерадостным, чем прежде. Удивленная такой переменой, я радостно прыгнула на него, перевернулась – и мы покатились по земле, довольно повизгивая.

Такой же черный, как Триелл, и такой же невысокий… Мне вдруг показалось, что я знаю безымянного щенка гораздо дольше, чем один день, и я легко коснулась носом его щеки. Обрадованный, он с налету ткнулся в меня мордой так стремительно, что я не устояла на ногах и неподобающе шлепнулась на землю, подняв облако пыли, – он даже смутился, однако тут же прыгнул на меня, чтобы снова завязать шуточный бой; Марра, радостно взвизгнув, прыгнула сверху. Трое остальных щенков поначалу не обращали на нас внимания. Упитанная Борлла – светлошерстная в мать, но грязно-тусклого оттенка –

возилась в пыли с серо-буроватым Уннаном, чья острая морда и узкие глаза делали его похожим скорее на ласку, чем на волка. Реел – уступавший им в росте, хотя и более крупный, чем Марра и безымянный волчонок, – присоединился к Уннану и Борлле и старался держаться с ними на равных. Вскоре Марра пустилась вслед за безымянным щенком, который вздумал укрыться в тени большого дуба, а я, устав от драк, прилегла под колючим ягодным кустом. Меня убаюкивало утреннее солнце, по утомленному игрой телу разлилась приятная тяжесть, я закрыла глаза…

Звук шагов я услышала за миг до нападения и успела вскочить на ноги. Реел, Борлла и Уннан бросились в атаку одновременно, опрокинув меня на спину и стараясь ухватить зубами побольнее. Для Иллин и Минна, сонно следивших за нами из-под дерева, все наверняка выглядело как продолжение игры, однако напавшие и не думали шутить: их острые зубы то и дело впивались в меня, каждый миг грозя смертью.

– Рууко не посмел тебя убить, но мы уж постараемся, – прорычал Уннан.

– Тебе не место в стае, – прошипела Борлла, пытаясь прокусить мою шею.

Реел просто молча вгрызался мне в живот.

Я рычала, кусалась, хрипела, отбивалась от них как могла – но понимала, что втроем меня одну если и не убьют, то уж точно покалечат так, что мне не выжить.

Силы уже были на исходе, когда Уннан и Борлла вдруг разом отпустили меня; я цапнула Реела за плечо и с трудом встала на ноги. Оказалось, что безымянный щенок, к удивлению собственных сестер и брата, пришел мне на помощь и скинул их на землю. Уннан, тут же вскочив, прижал волчонка к траве, и Борлла уже готова была вгрызться ему в горло, когда я, перепрыгнув через нее, вцепилась зубами в пыльную шерсть Уннана, пытаясь столкнуть его с волчонка. Борлла оставила безымянного щенка и кинулась выручать Уннана, вдвоем они прижали меня к земле.

– Твой отец был гиеной, – фыркнула Борлла, глядя на меня сверху вниз, – а твоя мать – предательница и трусиха.

– Потому она тебя и бросила, – поддакнул Уннан, рыча и оскаливаясь.

Они явно рассчитывали, что я струшу – ведь они крупнее и сильнее. Но я была разозлена уже тем, что они накинулись на безымянного щенка, и нападки на мать меня только ожесточили.

«Как они смеют?! – Громкий голос, зазвучавший где-то внутри меня, перекрыл все внешние звуки. Острый запах крови

заполнил ноздри и заглушил собой волчий запах, смешанный с ароматом хвои и дубовых листьев. – Убей их, они недостойны быть волками!» Ярость подбросила меня на ноги, как буря взметает в воздух легкий лист, я сбросила с себя обоих щенков и уже готова была их растерзать, когда увидела безымянного волчонка в лапах Реела и кинулась ему на выручку, еще успев заметить, что Марра со всех ног полетела за помощью к Минну и Иллин. Я вырвала безымянного щенка из-под лап Реела, и теперь мы вдвоем стояли, рыча, лицом к лицу с тремя противниками. От Борллы и Уннана пахло ненавистью, от Реела – страхом. Во взгляде, который бросил на меня спасенный щенок, читалось что-то вроде благоговения. Ему явно повредили правую переднюю лапу, он держал ее перед собой. Моя левая задняя лапа кровоточила от глубокой раны, не замеченной в драке, я едва держалась на ногах.

Поверх головы врагов я увидела, что через поляну уже мчится Иллин вместе с разгневанным Рууко – охота, наверное, оказалась неудачной, и стая вернулась раньше обычного. Борлла, Уннан и Реел, проследив за моим взглядом, обернулись и тут же отскочили от нас, припав на брюхо перед вожаком. Иллин что-то договаривала ему на бегу.

– Прости, Рууко, – услышала я, когда они приблизились, – щенки просто играли, потом сильные напали на маленьких, и тем пришлось защищаться. Они смелые, – решилась добавить Иллин, несмотря на грозящий гнев Рууко: ей ведь вполне могло достаться за то, что не уследила за дракой.

Однако вожак лишь поднял уши и не стал ее отчитывать. Иллин ему, кажется, нравилась – по крайней мере ей он спускал то, что не сошло бы с лап любому другому однолетке. Он взглянул на нас:

– Волк не калечит и не станет беспричинно убивать члена своей стаи! Если вы этому не научитесь, в стае вам не место. Любой волк Быстрой Реки знает разницу между статусным поединком и смертельной схваткой. В чем она состоит? – обратился он к съежившемуся Реелу.

Тот обернулся было к Борлле и Уннану за помощью, но тут же получил оплеуху от Рууко.

– Я спрашиваю не их, а тебя. Ну?

Реелу ничего не оставалось, как вместо ответа виновато опрокинуться на спину, жалобно поскуливая.

– Иллин, – велел вожак, – объясни им.

Иллин вздернула уши и хвост.

– Статусный поединок происходит, когда волк отстаивает свое место в стае или вожак усмиряет непокорных, чтобы

сохранить порядок. В таких боях ранить противника можно только символически, чтобы показать свою силу. А в смертельной схватке стараешься убить или серьезно ранить, и драться насмерть можно лишь тогда, когда нет иного выбора.

Рууко одобрительно фыркнул.

– Всякий волк, претендующий на место в стае, должен знать законы битвы, – продолжил он. – Только вожак имеет право убить члена стаи или велеть кому-то это сделать. Что до чужих – мы, волки Быстрой Реки, убиваем, лишь если на нас напали или кому-то из стаи грозит опасность.

Борлла попыталась было встать, но шлепок Рууко вновь заставил ее упасть на брюхо. Уннану и Реелу достало ума не шевелиться. Затем вожак обернулся ко мне и безымянному щенку – мы припали к земле, ожидая удара. Рууко, не удостоив меня взглядом, обнюхал безымянного волчонка и произнес громко, словно бы для всех, но на деле обращаясь к троим провинившимся щенкам:

– Чтобы быть волком, мало уметь выиграть схватку или настигнуть добычу. Рост, сила и выносливость – еще не все: благородство и бесстрашие важны не меньше. Кроме того, каждый волк должен служить не своим прихотям, а интересам стаи. Если кто-то этого не усвоит, – вожак обвел взглядом Борллу, Уннана и Реела, – им не место в стае Быстрой Реки.

Стыдно признаться – я не могла скрыть удовольствия, глядя на дрожащих и повизгивающих Борллу с Реелом, и особенно на Уннана, который вжался в землю чуть не до ушей. Однако дальнейшего от Рууко я не ожидала. Обычно щенка, оставленного без имени, принимают в стаю самое раннее через три месяца и относятся к нему с пренебрежением. Рууко же, не сходя с места, обернулся к безымянному волчонку.

– Сегодня ты выказал благородство, храбрость и присутствие духа – все качества настоящего волка. Я принимаю тебя в стаю Быстрой Реки, – произнес вожак и коснулся мордочки щенка, осторожно взяв ее в зубы.

Рисса, чей белоснежный мех сиял на солнце, вздернула хвост и выступила вперед прежде, чем Рууко успел продолжить.

– Нарекаем тебя Аззуен – воинским именем, которое носил мой отец, – проговорила она. – Будь его достоин, пусть оно послужит к чести стаи.

Так волчонка приняли в стаю Быстрой Реки. Все произошло стремительно, я даже не успела разобраться в чувствах: боюсь, я не столько радовалась, сколько завидовала. Ведь у меня есть имя, данное матерью, – и меня никто им не зовет! Ведь я сражалась отчаяннее Аззуена – и Рууко ни словом не упомянул о моей

храбрости, он на меня даже не глянул! На какой-то миг, к своему стыду, я готова была схватить Аззуена за загривок и тряхнуть его посильнее, но он так гордо шагал к жилищу Риссы, помахивая коротким хвостиком, что вся моя обида куда-то испарилась и я не устояла: подкравшись сзади, я прыгнула и весело куснула его за хвост. Аззуен обернулся – и я, довольная проделкой, улыбнулась ему и припустила к норе. С тявканьем намного более громким, чем можно было ожидать от такого мелкого щенка, Аззуен кинулся за мной к пахнущему молоком жилищу. И пусть я хорошо знала, что Триелла мне не вернуть, все же в Аззуене я вновь обрела брата.

Несмотря на то что Рууко не посмел ослушаться верховных волков и открыто меня убить, он не признал моего имени и теперь всячески осложнял мне жизнь. В первый же раз, когда Рисса кормила нас у норы, Рууко с грозным видом заступил путь и пропускал щенков по одному, отгоняя меня рыком: мне пришлось собрать все свое мужество, чтобы пробраться мимо него к еде. С тех пор он рычал всякий раз, едва меня завидев. Уннан и Борлла, беря пример с вожака, не упускали случая меня задеть, хотя убивать больше не пытались.

На третью ночь после того, как верховные волки явились меня спасти, Рууко воем собрал стаю и велел готовиться в путь к следующему утру.

– Рууко! – Рисса, отдыхавшая у входа в нору, возмущенно подняла голову. – Щенки еще слишком малы для такого перехода!

– Что за переход? – спросил Реел у Борллы.

– Переход к летним угодьям, – ответила за нее Иллин, стоящая рядом, в тени большого дуба. – К лучшему из наших владений, где вам ничто не будет грозить, пока мы охотимся и добываем еду. Здесь, на поляне, летом бывает слишком тесно и душно.

– Это далеко? – спросила я.

– Для щенка – да. У других стай путь к летним владениям близок, а у нас прежние норы затопило паводком в прошлую зиму, теперь нам придется идти дольше. – Иллин нахмурилась. – Год назад Рууко ждал, пока нам сравняется восемь недель. Не знаю, почему сейчас он решил по-другому.

Рисса посмотрела на вожака, вышагивающего по прогалине, и сощурила глаза.

– Ты просто хочешь поквитаться с верховными волками! Ты хочешь, чтобы она погибла! – обличающе произнесла волчица, и никому не пришлось спрашивать, о ком речь. Рисса подошла к Рууко и коснулась носом его щеки. – Тебе известно решение,

спутник. Ты не можешь нарушить волю Яндру и Франдры.

– Верно. Но тогда я рискую прогневить Древних. Ты ведь знаешь, что волки Широкой Долины обязаны сохранять чистоту крови, иначе грозит беда. Если оставить полукровку в живых, то Древние, чтобы погубить всю дичь, могут наслать засуху или мороз, а то и чуму. Легенды говорят, такое случалось. – Вожак невесело покачал головой: – И чем нам помогут Франдра и Яндру, если о щенке, рожденном от чужака, узнают прочие верховные волки? Или прочие стаи в Долине? У верховных волков своя жизнь: не всякое их повеление идет нам на пользу. Я не хочу, чтобы моей стае пришлось худо.

Веррна, волчица со шрамами, самая сильная в стае после Рууко и Риссы, ступила вперед.

– Когда волки Гнилого Леса оставили в живых целый помет полукровок, стая Скалистой Вершины вырезала их всех, от вожака до щенков! И верховные волки лишь стояли и смотрели! – Она резко обернулась ко мне. – А эту не спрячешь – на ней проклятая метка, дурной знак!

Рисса даже не повела головой в сторону Веррны.

– Самых маленьких волчат можно нести, если они устанут по дороге.

– Никаких «нести»! – отрезал Рууко. – Щенку, которому не под силу переход, нечего делать в стае. Если Лунная Волчица назначила полукровке выжить – пусть выживает.

– Рисковать жизнью моих щенков ради твоей гордыни? – огрызнулась Рисса. – Не позволю!

– Не ради гордыни, Рисса, ради сохранения стаи. Выходим завтра с рассветом.

Рууко нечасто осмеливался приказывать или угрожать своей волчице, хотя и не скрывал, что считает себя главнее. Рисса, ослабленная выкармливанием детенышей, сейчас уступала вожаку в силе: вздумай она затеять поединок – победить ей не удастся.

Голос Рууко смягчился.

– Еще смолоду мы знали, Рисса, что обязаны чтить заповедь – каких бы жертв это ни стоило. – Я никогда прежде не слышала печали в его голосе. Интересно, о чем он…

Рисса надолго задержала взгляд на вожаке, затем обернулась и пошла прочь. Уши и хвост Рууко, глядящего ей вслед, постепенно опустились.

Ранним утром следующего дня стая выступала в путь. Пока остальные волки исполняли положенный перед дорогой ритуал, Рисса стояла в стороне и лишь наблюдала, как они с приветственным подвыванием теснятся вокруг Рууко и тянутся

носом к его морде и шее, а вожак в ответ касается головой их шей и плеч, стараясь лизнуть подставленные морды.

– Так и останешься в стороне, Рисса? – обернулся он к ней. – Добрая дорога начинается с доброго напутствия!

– Добрая дорога начинается с доброго намерения, – огрызнулась Рисса. – Мне нечего ей радоваться.

Оставив Риссу без ответа, Рууко издал громкий вой, к которому присоединились остальные волки, и путешествие началось.

Обойдя старый дуб, мы взошли на пригорок, ограждающий поляну; стало ясно, что наша прогалина лежит у самого края чащи. За перелеском расстилалась просторная равнина, переходящая в пологий холм, дальше ничего не было видно.

Начало путешествия я почти не помню. Когда ты младше Риссиных щенков на две недели и при этом тебе всего месяц от роду – разница огромна: ноги не такие длинные, дыхание не такое надежное и зрение не такое четкое, как хотелось бы. Раненая задняя лапа еще не зажила, я не могла толком на нее опереться; Аззуен тоже с трудом наступал на больную ногу. Страх не поспеть за стаей затмевал все мысли: мы с Аззуеном и Маррой, стараясь угнаться за более крупными щенками, не обращали внимания на новые запахи и звуки. Время тянулось бесконечно. Наконец стая, намного опередившая нас, остановилась в тени большого валуна, и мы из последних сил поспешили к привалу. Когда мы в изнеможении рухнули рядом с остальными, я поняла, что для Уннана и Борллы путь тоже оказался непростым – они еле дышали от усталости и даже не пытались меня тронуть. Отдыхать почти не пришлось: взрослые подняли нас почти сразу, чтобы вновь двинуться в путь. Добравшись к привалу позже всех, я не успела толком перевести дух и теперь едва держалась на слабеющих лапах.

Когда мы взошли на гребень холма, откуда виднелись заросли деревьев на другом конце равнины, Рисса испустила радостный вой:

– На той стороне, малыши, ваш новый дом! Дойти до леса и к нашему месту у лежачего дерева – и испытание закончится! Там вам ничего не грозит.

Ее вой подхватили остальные:

– Не отставать! Собирайтесь с силами!

После уютного леса огромное открытое небо давило как гнет, непривычный простор и неведомые звуки широкой равнины обрушивались на нас, захлестывая чувства. Путь казался нескончаемым, хотя солнце еще только перевалило за середину неба. Я не верила, что мы успеем дойти засветло. Рууко и Рисса

шли впереди, остальные взрослые держались ближе к щенкам; Рисса, однолетки и старый волк по имени Тревегг то и дело нас подбадривали, не оставляя надолго. Марра, двумя неделями старше меня и более крупная, чем Аззуен, еще могла двигаться вместе с прочими, мы же с Аззуеном вскоре безнадежно отстали.

Рууко, обернувшись, велел взрослым подтянуться вперед. Шагавший рядом с нами Тревегг мягко подхватил меня, чтобы нести в зубах, но Рууко его резко осадил:

– Щенки должны идти сами! Либо они проделают путь собственными лапами, либо звание волков не для них!

Тревегг помедлил, затем все же опустил меня на землю:

– Не останавливайся, кроха! Не отступай, тогда ты нас найдешь. Держись. Ты – часть Равновесия.

Стая двинулась дальше, я лишь глядела ей вслед, не в силах встать на ноги. Аззуен, сидя рядом со мной, тихо поскуливал.

Иллин, резко оторвавшись от стаи, настигла нас в несколько прыжков – мне, разбитой и измученной, даже не верилось, что мои лапы когда-нибудь сделаются такими же крепкими и проворными. Я не сомневалась, что Иллин, острая на язык и ни в ком не терпящая слабости, осыплет меня насмешками, но когда она поравнялась с нами, не обращая внимания на гневные окрики Рууко, в ее глазах светилось лишь озорство.

– Не отставай, сестренка! Когда я возглавлю стаю Быстрой Реки – а я намерена этого добиться, – мне нужна будет надежная подруга. Не разочаровывай меня! – Наклонившись, чтобы слышала только я, она заговорила тише: – Нынешний путь – первое испытание, которое должен пройти волк. Тем, кто выдержит все три – переход, первую охоту и первую зиму, – вожаком дается «ромма», метка принадлежности к стае: тогда любой встречный волк будет знать, что ты из стаи Быстрой Реки. Случается, что при испытаниях вожак помогает слабым щенкам – ведь все волки любят малышей и стараются, чтобы они выжили. Однако порой он ужесточает испытания: если щенок выкажет силу и упорство – стая его примет, если нет – на долю каждого придется больше добычи, вот и все.

И прежде чем Рууко успел бы вновь оглянуться и выбранить ее за неповиновение, Иллин унеслась вперед – я увидела, как она, нагнав остальных, поджала хвост и извинилась перед вожаком.

Стая уходила все дальше, я уже едва различала темные фигуры, пересекающие равнину. Доброта Тревегга и ободряющее вмешательство Иллин добавили мне сил, я встала и потихоньку, преодолевая боль, двинулась вперед, Аззуен за мной. Вскоре дыхание начало сбиваться, снова открылась рана в задней лапе, каждый шаг отзывался болью; я шла все медленнее, то и дело

поджидая Аззуена, из последних сил тянувшегося следом.

Мы брели и брели, я не чуяла под собой лап и проклинала необходимость дышать – каждый вдох стоил непомерных усилий. Стая исчезла из виду, ее запах стал совсем слабым; я даже не знала, по верному ли следу я иду.

Небо темнело.

Взрослые волки часто выходят в путь по ночам, когда отступает дневной зной, но щенков в ночные переходы не берут – волчата неспособны себя защитить и потому могут стать легкой добычей.

– Медвежья еда! – сегодня утром, еще до выхода, прошипел мне в ухо Уннан, пока Рисса с Рууко спорили о предстоящей дороге. Поглощенная их разговором, я не слышала, как он подкрался. – Не пройдет и дня, как тебя съедят медведи! Или длиннозуб утащит на обед детенышам!

Я тогда отошла от него с самым гордым видом, какой могла изобразить, но теперь, стоя с Аззуеном посреди открытой равнины, вспомнила слова Уннана с содроганием.

И все же мы шли дальше. Сколько бы меня ни злило безразличие стаи, которой все равно, жива я или нет, – другой семьи у меня не было. Хватило нас ненадолго: скоро лапы отказали вовсе, а нос перестал различать запах стаи в насыщенном воздухе Долины. Я бессильно опустилась на землю, ожидая лишь смерти; Аззуен упал рядом. Облака сгущались, вечернее небо стремительно темнело.

На меня навалилась дрема, во сне перед глазами замелькали медведи и чьи-то острые зубы. Погружаясь все дальше в сон, я внезапно увидела лицо – доброе лицо молодой волчицы. Совершенно незнакомой, явно не из нашей стаи. От нее пахло можжевельником и еще чем-то теплым и едким, на груди виднелся ни у кого больше не виданный белый полумесяц – такой же, как у меня. Может, мне привиделась мать, какой она была в юные, более счастливые дни?

Волчица из сна засмеялась, ее тепло окутало меня, облегчая боль измученного тела.

– Нет, Мелкозубка! Я из давних твоих праматерей, живших в далекие времена, каких ты и не представишь!.. Тебе не судьба умереть сегодня, сестра: ты ведь обещала матери, что выживешь и войдешь в стаю. Ты должна уцелеть и продолжить начатое мной. Дел хватит с избытком, тебе придется нелегко. – Приветливое лицо на мгновение стало печальным и гневным, однако тут же разгладилось. – Но ты встретишь и великие радости. Теперь же поднимайся, сестра. Пора в путь, дочь моя. Дороги будут трудны, надо выучиться упорству. Ступай, Каала Мелкие Зубки! Разбуди

своего спутника – и вперед: туда, где вас ждет новый дом.

Ошеломленная, я поднялась на ноги, не обращая внимания на больную лапу. Заставила встать Аззуена; тот в ответ зарычал и вновь повалился на землю. Мне пришлось его укусить.

– Вставай! – Горло у меня пересохло, вместо голоса раздавался лишь хрип. – Я иду дальше, ты со мной, иначе погибнешь.

– Имя-то мне дали, а вот жив я или умер – им все равно, – пролепетал он жалобно. – Меня просто бросили…

Разозленная сетованиями, я укусила его снова – на этот раз намного сильнее.

– Хватит ныть о своих несчастьях! Когда на меня напали, ты спас мне жизнь и теперь пойдешь со мной. Докажи им, что достоин быть волком! Или пусть Уннан с Борллой считают, что тебе и вправду не место в стае?

Аззуен помедлил.

– Плевать, что скажут Борлла и Уннан. Ты одна заботилась о том, чтобы мне доставалось молоко. Я пойду за тобой, Каала. – Он взглянул просто и доверчиво, словно я была взрослой волчицей, и его вера придала мне сил. Если Аззуен на меня полагается – значит, я должна привести его к остальным.

Боль в ноге и в груди притупилась; вместо запаха семьи, давно затерявшегося, меня вел запах волчицы из сна – я не знала, приведет ли он к стае, но выбора не было. Свет полной и яркой луны хоть и не грел, как солнечный, зато освещал дорогу и придавал бодрости, я шла уверенно. Краем глаза я то и дело замечала впереди мелькающий силуэт молодой волчицы и старалась не отставать, хотя она, словно в шутку, пропадала из виду всякий раз, чуть только я пыталась взглянуть на нее пристальнее. Аззуен усердно вышагивал рядом, и я, видя его безраздельное доверие, продолжала путь, даже когда усталость делалась невыносимой.

И в тот миг, когда лапы уже совсем отказывались идти, ночь вдруг сделалась чернее, земля под ногами – прохладнее, луну скрыли подступившие вплотную деревья. Страшная равнина осталась позади. Волчица растаяла вместе с лунным светом, к телу снова прилила боль. И тут я уловила знакомый запах.

– Я тебя ждала! – У кромки леса стояла Иллин. – Я знала, что ты найдешь дорогу, сестренка! Рада видеть и тебя, малыш, – улыбнулась она Аззуену. Моих сил хватило лишь на то, чтобы благодарно ткнуться носом в ее опущенную морду.

Когда мы, идя по следу, через час добрались до стаи и бессильно повалились на землю, Рууко не удостоил нас ни словом.

– Она может остаться, – бросил он Риссе, глядевшей на него с вызовом. – Когда обрастет зимней шерстью – тогда посмотрим. Я ничего не обещаю.

Я не поняла его слов: Иллин вроде бы упоминала что-то похожее, но я была слишком измучена, чтоб выяснять. А вскоре стало и вовсе не до того – Рисса и за ней вся стая потянулись ко мне, чтобы лизнуть в знак приветствия и назвать меня по имени.

Глава 3

Тенистая прогалина, где нам предстояло набираться сил и учиться законам стаи, лежала всего в часе ходьбы от края леса, если ступать слабыми щенячьими лапами. Поляну окружали можжевеловые кусты и ели, в точности как на старом месте, здесь пахло защитой и надежностью. С небольшого холма на северном краю поляны открывался вид в глубь леса; для большей безопасности Рууко всегда выбирал места рядом с буграми, скалами или завалами деревьев – чтобы было откуда взглянуть вокруг. Два крепких дуба стояли стражами на западной стороне прогалины; поперек нее, чуть ли не из конца в конец, лежала поваленная ель. Упругий мох, к которому так и тянет припасть, мягкая земля для щенячьих игр, высокие тенистые деревья, под которыми не страшен зной подступающего лета, близкое журчание чистого ручья – этим вполне окупался и тяжкий путь, и ноющее тело.

Мы с Аззуеном и Маррой стояли у корней лежачей ели, с удовольствием оглядывая новое место. Борлла и Уннан косились на нас из-под большого валуна и о чем-то перешептывались, Реел то и дело норовил протиснуть между ними морду, чтобы подслушать. Они наверняка замышляли против нас новую каверзу, но Тревегг, перебежав поляну, притащил всех троих поближе к нам. Борлла не упустила случая наступить Аззуену на больную лапу так, что тот взвизгнул, и я готова была хорошенько ей поддать, чтобы лишь хвост над ушами мелькнул, – однако прежде заговорил Тревегг:

– Послушайте меня, щенки! Вы добрались до места у лежачего дерева – одного из тех пяти мест на нашей территории, где может собираться стая. Запомните его! – Тревегг, старейший волк стаи, приходился вожаку дядей, даже глаза у них были с одинаковым темным ободком, хотя открытый и добрый взгляд Тревегга не имел ничего общего с беспокойными глазками Рууко. Более светлая, чем на теле, шерсть вокруг морды придавала ему вид мягкий и располагающий. Он оглядел поляну и вдохнул запахи нашего нового дома. – В местах сбора мы договариваемся

об охоте или решаем, как лучше защитить свою территорию. Сюда возвращаются волки, уходившие на промысел, здесь остаются щенки во время охоты. Дело взрослых волков – добывать еду, а удобное и надежное место сбора дает защиту всей стае. Такие места надо помнить: никогда не знаешь, в какой нужде оно может понадобиться.

Я подняла морду навстречу ветру и вдохнула пахнущий желудями воздух поляны, постаралась запомнить слабый шелест можжевеловых кустов и запах земли, смешанный с запахом стаи.

– Глядите, малыши! – Иллин, стоявшая в центре прогалины, припала плечом к земле, опрокинулась на спину и теперь каталась в пыли, урча от удовольствия. И она, и ее брат Минн, рожденные Риссой и Рууко в прошлом году, уже выросли величиной со взрослого волка и считались почти полноправными членами стаи, и все же в них оставалось много щенячьего; на радостную возню Иллин мы смотрели с любопытством. Тревегг – неуловимо молодеющий, словно сбрасывающий с себя годы жестоких схваток каждый раз, когда брался нас учить, – объяснил:

– Когда вы оставляете часть себя на кусте или дереве, или на земле, или на теле животного, чей дух вернулся к Луне, – тогда вы обращаетесь к Равновесию, которое не дает миру распасться. Те, кого мы зовем Древними – Солнце, Луна, Земля и праматерь Небо, властвующие жизнями всех существ, – создали Равновесие для того, чтобы никто не мог стать сильнее, чем нужно, и причинить зло другим. О Древних вы узнаете больше, – строго обернулся Тревегг к Аззуену, уже было открывшему рот для вопроса, – если переживете свою первую зиму. Пока же знайте, что могущественнее их нет никого: вы должны подчиняться их законам и не нарушать Равновесие. Все существа и растения, любое дуновение воздуха – часть Равновесия, и что бы мы ни делали, мы должны уважать мир, в котором живем. И даже когда что-то берем – воду из реки, мясо на удачной охоте, – мы должны в ответ отдать, оставить что-то свое, как благодарность Древним за их дары.

Один за другим мы валились через плечо на спину и начинали перекатываться по земле, где еще остался запах умершего кролика – резко пахнущая лисица давно утащила его с прогалины, но запах того, что когда-то было жизнью, сохранился до сих пор. Мы купались в нем, добавляя свой мускус к ароматам земли и деревьев, и поляна лежачего дерева по праву становилась нашим домом. Тогда я впервые поняла, что Рууко распоряжается лишь моим принятием в стаю; никто не запретит мне быть волчицей и частью Равновесия. «Я здесь, – подумала я, глядя на ласочью морду Уннана, косящегося на меня с хитрой ухмылкой, –

и тебе с этим ничего не сделать».

Знакомство с новым местом и ритуал оставления запаха отняли много сил, навалилась усталость. Пошатываясь на ногах и едва не засыпая на ходу, я направилась было к мягкой подстилке мха под большим валуном, когда Борлла и Уннан, налетев как пыльный ураган, заступили мне путь.

– Что, к нашему валуну захотела? – прошипела Борлла, уставясь на меня сощуренными глазками.

Чувствуя каждый вздыбленный волосок на своем теле, я уже представила себе, как вгрызаюсь ей в глотку. Борлла, приоткрыв пасть и учащенно дыша, явно ожидала нападения, но голос Аззуена охладил мою злобу:

– Каала, иди к нам! – Они с Маррой нашли тенистое местечко под лежачей елью, и, поскольку отдохнуть мне хотелось больше, чем проучить Борллу, я стряхнула с себя остатки ярости, задрала нос перед Борллой и Уннаном и, вздернув хвост, показала им зад, направляясь к своим друзьям. Почва под деревом была мягкой и приятно влажной, солнце проникало сюда ровно настолько, чтобы не дать воздуху слишком остыть, и я с удовольствием опустилась на ласковую землю, благодарно ткнувшись носом в шею Аззуена. Марра, пристроив голову ему на спину, немедленно провалилась в сон, сам же Аззуен еще долго смотрел на меня в задумчивости.

– Спасибо тебе, – произнес он наконец, – я не добрался бы сюда без твоей помощи.

– Мы оба помогали друг другу, – ответила я растерянно.

– Нет, – помотал он темно-серой головой, заставив Марру вздрогнуть во сне. – Ты сильная.

Мне хотелось рассказать ему, что не так уж я вынослива, что всей моей силой я обязана бесплотной волчице, – теперь, после драк с щенками и перехода через равнину, Аззуен стал мне намного ближе, а я так устала от одиночества в стае… И все же я промолчала: незачем давать новые поводы считать меня странной, я и без того слишком отличаюсь от других. Я просто легонько коснулась носом морды Аззуена – и позволила себе уснуть.

Меня разбудил резкий рывок за ухо. Я вскочила – боль только усилилась, ухо явно хотели оторвать. Мотая головой и недоумевая, кому, во имя Луны, понадобилось меня трогать, я отскочила, но это не помогло. Аззуен безмятежно посапывал здесь же, не подозревая о новой напасти; Марры я не видела, однако, судя по запаху, она была где-то рядом. Я обернулась поглядеть, что за враг притаился за спиной, – и никого не увидела, зато боль стала еще резче.

Я изогнулась так, что голова чуть не оторвалась от шеи, и

наткнулась на взгляд круглых карих глаз. Гладкая голова, длинные глянцевые перья, запах листвы и ветра – большая черная птица защемила мое ухо острым клювом и теперь, клокоча горлом, смотрела на меня с явным удовольствием. Встретив мой взгляд, птица вцепилась в меня сильнее, пока я не заскулила; тогда она разжала клюв, оглядела меня блестящими глазами и оглушительно гаркнула:

Вкусный волчонок
Проснулся не вовремя.
Эх, голодать мне…

Странная манера изъясняться не могла не удивить, и я в замешательстве уставилась на птицу, которая разглядывала меня, откровенно ожидая ответа. Такие же птицы кружили над Минном и Иллин, и те носились по поляне, то уворачиваясь от клювов и когтей, то подпрыгивая, чтобы схватить птиц на лету. Что это – еще одно испытание? Мне захотелось свернуться в комок и заплакать, но острый клюв маячил слишком близко, приходилось быть начеку.

Птица пока не нападала, лишь искоса следила за мной, склонив голову. Устало поднявшись на ноги, я попробовала зарычать – и сама поняла, что рык вышел неубедительным; зато он разбудил Марру, которая, вскочив, замерла рядом и теперь тоже разглядывала птицу. Аззуен по-прежнему спал, пришлось его толкнуть. Он нехотя разлепил веки и тут же, вытаращив глаза и раскрыв рот от удивления, взвизгнул и юркнул мне за спину. Птица захохотала и захлопала крыльями, от поднятой пыли мы раскашлялись.

Прячься, волчонок,
Чтоб ворон тебя не съел!
Пусть съест в другой раз!

Я вновь обернулась к стае, надеясь на помощь. На поляне царила кутерьма: старшие волки наконец вступили в драку, хотя явно не принимали ее всерьез; птицы то и дело пикировали сверху, щипля волчьи хвосты, уши, зады – что подвернется под клюв. Волки в ответ клацали зубами, стараясь ухватить воронов пастью, и при этом повизгивали от возбуждения и помахивали хвостами: ни злобного рычания, ни окровавленных птиц…

– Они забавляются, – проговорила Марра в задумчивости. – Это просто игра с воронами.

Я чуть было не решила, что она спятила, но в этот миг Рууко в погоне за птицей кувыркнулся через поляну так, что только лапы сверкнули, – и я поняла, что Марра права. Вороны носились взад-вперед, не уследить и не сосчитать – кажется, не меньше дюжины. Большая птица, крупнее головы Иллин, уселась ей на шею, тут же взлетела, едва Иллин обернулась схватить ее зубами, и теперь зависла над волчицей, хлопая крыльями и хохоча.

Моя обидчица, заглядевшаяся было на суматоху, вдруг больно вцепилась мне клювом в другое ухо.

– Пусти, гнусная птица! – завизжала я.

Пусти, о пусти!
Как напуган волчонок!
Плакса-щеночек!

Птица отпустила мое ухо и, пока я с облегчением мотала головой, вцепилась мне в нос. Я завопила и свалилась на Аззуена.

– Дурацкий ворон, – пробормотала я про себя. – Разгрызть тебя пополам!

Птица расхохоталась и тут же, вспарывая воздух крыльями, взлетела над Иллин и Минном, прыгнувшими на нее сзади. Иллин усмехнулась:

– Да ладно тебе, Песнь Дождя, оставь щенков в покое. Или ты пристаешь только к маленьким? – Иллин лукаво обернулась к Минну: – Взрослых волков она, должно быть, опасается!

Я поразилась смелости Иллин. С другой стороны, она ведь настолько крупнее глупых птиц…

– Это вы, что ли, взрослые волки? – парировала Песнь Дождя, оставив странную манеру выражаться. – Давно ли вы хныкали по-щенячьи и питались отрыгнутым мясом?

Она вспорхнула над головой Иллин, и волчица взвилась за ней в немыслимом прыжке – я была уверена, что в тот же миг полетят перья. Однако Песнь Дождя оказалась проворнее: взмыв вверх и вбок, она теперь с хохотом летала над нашими головами. Смелая Марра тщетно пыталась до нее допрыгнуть.

– Иллин, почему они нападают? – Голос Аззуена, следившего за птицами, дрожал от усталости и страха. – Я думал, нам тут ничего не грозит…

Не спуская глаз с Песни Дождя, Иллин фыркнула:

– Они не нападают, глупый! Неужто ты не отличаешь битву от игры? Не научишься играть – не сможешь и охотиться!

– Полегче, Иллин, ты ведь тоже когда-то была щенком! – послышался голос Риссы. Оставив поляну, она уже подходила к нам, стряхивая с шеи ворона, черное оперение которого ярко

выделялось на фоне ее белоснежного меха; птица в ответ попыталась ухватить волчицу за стремительно движущийся хвост, и Рисса, сверкнув глазами, весело на нее зарычала. Все еще исхудалая после родов и выкармливания детенышей, она оставалась необычайно энергичной; я даже не заметила, как стала помахивать хвостом от удовольствия.

Иллин, не поведя ухом, пренебрежительно фыркнула.

– Мне не случалось быть такой робкой, – бросила она, устремляясь в погоню за двумя воронами.

– Случалось, случалось, – ласково проговорила Рисса вслед дочери.

При виде Риссы, подошедшей к нам с разговорами, Борлла, Уннан и Реел выскочили из-за валуна и подскочили к матери, прячась от двух птиц, которые тут же прекратили погоню и с издевательскими криками улетели. Рисса обернулась к нам и, легонько куснув каждого, чтобы привлечь внимание, заговорила:

– Послушайте, малыши! Среди тех, кто не принадлежит к волчьему роду, бывают существа, которые не добыча и не враги. – Мы, наверное, выглядели растерянно; Рисса поразмыслила и начала снова: – В мире бывают волки и не-волки. Для волков главное – стая: ее благо важнее судьбы любого волка, важнее охоты и самой жизни. Помимо стаи, есть еще чужие волки – враги или друзья. А среди не-волков есть те, кто считается добычей, их мы убиваем – любую добычу можно убивать, если не нарушаешь законов охоты.

– А как распознать, добыча оно или нет? – Аззуен, по обыкновению, подоспел с вопросом раньше других.

– Научишься, – проговорила Иллин, запыхавшаяся после погони за воронами. – Если оно убегает, настигай!

– Не все так просто, – приоткрыв пасть в улыбке, ответила Рисса. – Узнаете больше, когда вас начнут брать на охоту. Не отвлекайся! – Она отвесила шлепок Уннану, который уже примерялся схватить Марру за хвост, и продолжила: – Помимо добычи, есть еще враги. Лисы, красные волки и большинство хищных птиц норовят утащить у нас добычу, с ними приходится часто сталкиваться; взрослому волку они не соперники – даже красные волки, которые охотятся стаями, как и мы. На нас они нападают редко. Зато медведи, длиннозубы, скалистые львы и иногда гиены могут нас одолеть, их нужно остерегаться. Прочие же существа, которые не добыча и не враги, – тоже часть Равновесия, хотя жизнь волков с ними почти не связана.

Я попыталась вспомнить, какие существа мне знакомы. А скольких еще я не встречала! Насекомые, мелкое лесное зверье, пугающие меня совы… Для первого раза сведений было

многовато, я изо всех сил старалась все понять и запомнить.

Рисса поглядела на двух воронов, подкрадывающихся к Рууко, и продолжила:

– А еще бывают почти-волки – существа, ближайшие к нам по Равновесию: им позволено многое из того, что доступно волкам. Вороны – из таких. Они помогают нам находить пищу и не терять навыков охоты. – Рисса вновь стряхнула с себя Песнь Дождя, которая, сидя у нее на спине, покачивалась в такт словам волчицы.

Да, тут было над чем поразмыслить. Уннан и Борлла уже ерзали от нетерпения, зато Аззуен застыл на месте, явно пытаясь уложить в голове все услышанное.

– Нет ничего проще, малыши! – Иллин мягко ткнула Аззуена носом под ребра. – Мы с ними играем, а вороны указывают нам места хорошей охоты.

– Игра с воронами учит охотиться, – улыбнулась Рисса, – можете мне поверить. А учиться охоте никогда не рано!

Она перебежала рысцой к середине поляны, где Минн, Рууко и Тревегг воевали сразу с несколькими воронами. Уннан, Борлла, Марра и Реел устремились ей вслед, Аззуен посмотрел на них скептически.

– Игра, говорите? – пробормотал он тихо, словно для одной меня. – Ну тогда пойдем играть, Каала.

Из уст щенка это прозвучало так по-стариковски, что я не выдержала и засмеялась, глядя, как он побрел вслед за остальными.

Я ради пробы решила подкрасться к совсем маленькому ворону, стоящему в стороне от других. Во мне проснулся охотничий азарт, я ничего не видела вокруг, взгляд сошелся на черной спине. Птица обо мне явно не подозревает, я останусь незамеченной… Не обращая внимания на больную лапу, я подобралась – и прыгнула. Вороненок резко обернулся и, взлетев надо мной, захлопал крыльями перед моим носом.

Щенок неуклюж.
Куда ему до Тлитоо!
Ворон не дремлет!

Разозленная, я уселась на землю и гневно смерила взглядом вороненка, который не отрывал от меня глаз. Он пару раз моргнул и раскрыл было клюв что-то сказать, но, к моему и его удивлению, налетевший сзади Минн чуть его не схватил, – и взъерошенный Тлитоо предпочел отлететь подальше, под защиту взрослых воронов, хотя и оттуда продолжал наблюдать за мной,

не отводя пристального взгляда.

Внезапно, по какому-то незаметному знаку, волки с воронами прекратили игру. Самый крупный ворон с блестящими перьями уселся рядом с Рууко на валуне, который Борлла с Уннаном утром пытались объявить своим.

– Итак, Гладкое Крыло, что за добычу видел ты в Долине? – обратился Рууко к ворону как к равному. – Лосей на Великой Равнине нет.

– Добыча по-прежнему уходит, Долина пустеет. И все же есть где поохотиться, лосей осталось много. – Воронам, очевидно, ничто не мешало разговаривать нормальным языком, когда они того хотели. Гладкое Крыло, высокий и величественный, гордо возвышался над притихшими птицами – теперь, когда они сидели спокойно, я наконец их сосчитала: всего семь, а не дюжина, и многие едва ли крупнее Тлитоо. Гладкое Крыло продолжал: – Волки Скалистой Вершины и люди захватывают что могут, но для знающих волков добыча есть. И коней много, и лоси никого не боятся.

– То, что нам надо, – встрял Минн. – Бесстрашные лоси!

– А-а, прошлогодний щенок! – Гладкое Крыло, хоть и более сдержанный, чем Песнь Дождя, все же не прочь был подразнить Минна. – Бесстрашная добыча – лучшее средство от ожирения и неповоротливости. Вот туры, например, вкусные: на прошлой неделе длиннозуб завалил для нас такого – перышки оближешь. Может, и ты поймаешь тура, Минн-волчишка?

О турах нам рассказывал Тревегг – мол, одного зверя хватит, чтобы целая стая не голодала многие недели: они огромные и опасные, каждый самец весит, как два десятка волков…

Слова Гладкого Крыла явно задели Минна.

– И против тура не побоюсь выйти! – заявил он, с вызовом глядя на Рууко. – Почему мы на них не охотимся? Самое время показать Скалистой Вершине, кто тут хозяин!

– Пока есть другая добыча, туров мы не трогаем, – терпеливо объяснил вожак. – И туры, и сломанные ребра пусть достаются верховным волкам, нам достаточно лосей. Отстань от него, Гладкое Крыло.

– А над кем тогда потешаться? – обиженно, как отшлепанный щенок, вскинулся ворон. – С каких пор волки так посерьезнели? «Ах, не смейтесь над волчонком, а то он не сможет охотиться, бедняжка!»

Минн прыгнул, чтобы его ухватить, и Гладкое Крыло прокаркал:

Минну-лентяю

Вовек не добыть тура,
Мяса не видеть!

– Гладкое Крыло! – предостерегающе бросил Рууко.

Трусишка взамен
Мечтает съесть ворона?
Не выйдет, глупый!

Рууко зарычал уже не шутя и прыгнул на вожака птиц; тот успел перелететь на лежачее дерево, Песнь Дождя устроилась рядом.

– У тебя совсем нет чувства юмора, Рууко! – заявил Гладкое Крыло, приглаживая встрепанные перья.

– Потому ты и выглядишь стариком до времени, не в обиду Тревеггу будь сказано, – поддакнула Песнь Дождя. Старый волк, поймав ее взгляд, лишь ухмыльнулся в ответ.

– Наверняка красавица Рисса легко найдет другого спутника… – задумчиво произнес ворон, привставая, словно для нападения на Рууко.

– Я сказал – довольно! – огрызнулся волк. – А теперь, Гладкое Крыло, если не собираешься все лето питаться мошками и ягодками, давай подробнее о добыче.

Вожак воронов, обиженно вздохнув, тряхнул перьями, устроился поудобнее и заговорил неожиданно серьезным тоном – так что Аззуен, чуть не оттолкнув меня, даже протиснулся вперед, чтобы лучше слышать.

– И волки Скалистой Вершины, и люди оттесняют добычу с привычных мест и не думают брать нас в долю… Вокруг все меняется. – Рууко сунулся было перебить, и Гладкое Крыло смерил его взглядом. – Меняется больше обычного, причем в худшую сторону. Я не понимаю, что происходит. Что-то творится со зверьем, что-то беспокойное зреет в воздухе. Это настораживает. – Помолчав, ворон встряхнулся, в глазах мелькнуло прежнее озорство. – И все же равнины Высокой Травы богаты дичью, вокруг полно коней и антилоп, возвращаются лоси. Вас ждет хорошая охота.

– А что такое люди? – звонко тявкнула рядом со мной Марра. – И кто такие волки Скалистой Вершины?

– Тихо! – прошептал Аззуен. – Не мешай.

– Равнина Высокой Травы примыкает к Скалистой Вершине, – произнес Рууко, не обращая на нас внимания, – стая Скалистых давно на нее претендует. Да и люди там слишком близко.

– Если там добыча, туда нам и идти, – решительно вмешалась Рисса. – Скалистые по клочку отбирают наши земли, хватит уже терпеть!

– Я буду иметь в виду, – блеснул глазами Гладкое Крыло. – Тогда давайте обсудим охоту, а то я устал жить на одних кротах и мышах, слишком уж костисты.

Он оценивающе оглядел нас, щенков, будто раздумывая, не наброситься ли на нас вновь, потом с тоскливым вздохом отвернулся и полетел к скале, где сидела Рисса. К ним присоединились Рууко, Тревегг и еще два ворона.

Говорили они слишком тихо, прислушиваться мне вскоре наскучило; я наблюдала, как волки устраиваются на отдых перед ночной охотой, как вороны скачут по поляне без дела…

Кто-то дернул меня за хвост. Я вовремя спохватилась, чтобы не взвизгнуть: пусть только попробуют назвать меня плаксой-щеночком! Обернувшись, я увидела Тлитоо.

– Пойдем со мной, щеночек! – Голос вороненка звучал легче и звонче, чем у взрослых птиц. Перелетев к краю прогалины, он в ожидании остановился под большими дубами.

Зализывая ущипнутый хвост, я смерила его взглядом.

– Мне нельзя уходить с поляны, – ответила я осторожно. Вдруг за деревьями меня поджидают его братья и сестры, которые не прочь задать трепку волчонку…

Тлитоо в ответ разразился карканьем:

Плакса-щеночек
Боится своей тени!
Что за скука с ним!

Подлетев, он приблизил клюв к моему уху – будто вновь собираясь в меня вцепиться.

– Верховные волки сказали, чтоб ты пришла, Каала Мелкие Зубки! – проговорил вороненок и, пока я собиралась с мыслями, взлетел на ветку дуба.

Удивляясь собственному безрассудству, я пошла за ним, временами оглядываясь – не хватало еще, чтобы кто-нибудь увидел, как я ухожу с поляны. Сразу за дубами, на поросшем редкой травой каменистом пятачке, я остановилась.

– Большие волки мне все про тебя рассказали, – проговорил слетевший ко мне Тлитоо. – Ты не настоящая волчица.

– Неправда! Я перешла через Великую Равнину, и еще у меня есть имя! Я волчица из стаи Быстрой Реки! – Уязвленная, я всячески отгоняла мысль о том, что, пока Рууко не примет меня в стаю, я так и буду считаться изгоем.

Тлитоо повертел головой.

– Главные волки говорят, что ты не похожа на других: ты и больше, и меньше, чем просто волчица. Мне велели за тобой приглядывать. Я тоже не такой, как все вороны. Меня назвали в честь нашего предка, который говорил с Древними от имени всех существ, я отмечен его знаком. – Он гордо поднял крыло, на внутренней стороне которого виднелся белый полумесяц. – Я рожден на гибель или спасение своему народу. Как и ты.

– Заодно не расскажешь ли, зачем ты меня сюда вытащил? Меня ведь могут наказать!

Тлитоо издал тихий клокочущий звук.

– Если думать о наказаниях, нам ничего не удастся.

– А мы должны что-то делать? Коли ты так сведущ – расскажи!

Вороненок бросил на меня нетерпеливый взгляд.

– Щеночек, главные волки велели передать, чтоб ты их нашла. И чтоб вела себя поосторожнее и не ссорилась со стаей. И еще – чтобы ты приглядывала за мной, а я за тобой. Вот так.

Он выглядел задетым – кажется, верховные волки сказали ему меньше, чем он рассчитывал. Выспросить бы у него подробнее, что говорили и зачем, – но раздался гневный голос Риссы, и вороненок тут же исчез в зарослях. Я кинулась обратно к поляне.

– Не отходи от лежки! Или хочешь стать добычей медведей? Ты еще не знаешь законов леса! – Позади рассерженной Риссы я заметила Уннана и Борллу: вот кто наябедничал о моем исчезновении! Рисса тем временем продолжала: – Хотя тебя, Каала, оставили пока со стаей, не забывай: тебе многому надо учиться!

Когда Рисса, лизнув меня, поспешила обратно к Рууко и воронам, я обернулась в сторону леса. Среди деревьев мелькнуло черное крыло, послышался шелест листвы. Значит, где-то здесь и Тлитоо, не спускающий с меня внимательных глаз.

Глава 4

Дни становились все жарче и длиннее. Мы, щенки, набирались сил, уже не падали так часто от усталости и понемногу привыкали к укладу волков: днем спать, а еде, играм и учебе отводить прохладные сумерки и лунные ночи. Мы узнавали, что луна с каждой ночью меняется, подчиняясь многодневному ритму, и по ней можно отсчитывать время. Тревегг сказал, что мы будем годны для охоты, когда луна еще пять раз станет круглой и яркой. Пока же мы для тренировки охотились на мышей, что неосторожно вылезали на поляну, и играли с Тлитоо и другими воронятами из семьи Гладкого Крыла. Луна делалась ярким диском уже дважды, и каждый раз я вспоминала наш переход через равнину и вновь содрогалась от ужаса.

На поляне я впервые попробовала мясо, когда Рисса прекратила кормить нас молоком и волки стали носить нам пищу в желудке. В первый раз, когда Тревегг склонился к нам, мы не поняли, откуда идет запах; затем Аззуен, сощурив внимательные глаза, ткнулся носом в его морду, и старый волк, натужившись, отрыгнул немного мяса на землю перед нами. С тех пор мы уже знали, что стоит лишь попросить – и любой из волков накормит нас мясом, свежим и мягким.

Вместе с силами у нас прибывало любопытства, мы жаждали исследовать тот мир, что простирался вокруг поляны с лежачим деревом. Сколько мы ни докучали взрослым просьбами взять нас поохотиться или обойти территорию, нам перепадали в лучшем случае получасовые прогулки. Наконец, через три луны после перехода к лежачему дереву наша мечта сбылась.

Однажды с рассветом на прогалину прилетели Гладкое Крыло и Песнь Дождя. Вороны – существа дневные, и хотя мы обычно охотимся ночью, нам бывает интересно к ним присоединиться. Рууко в тот миг сосредоточенно оглядывал поляну и потому раздраженно стряхнул с себя Гладкое Крыло, когда тот уселся ему на голову.

– Неблагодарный! – высокомерно заявил ворон. – Если тебе не нужны мои новости, улечу к стае Мышеедов, они только обрадуются.

Рууко зевнул.

– Мышееды в состоянии загнать самое большее оленя-подростка, с ними тебе грозит тощий год.

– Ну почему, я могу питаться и волчатами, – парировал Гладкое Крыло и внезапно спикировал на нас с Аззуеном. Мы были готовы: Аззуен метнулся влево, я – вправо; ворон от

неожиданности чуть не врезался в землю.

– Для волчат Быстрой Реки ты слишком неуклюж, – заметила Рисса. – Что за новости ты принес, Гладкое Крыло?

Ворон пригладил перья.

– Только из уважения к тебе, Рисса, – проговорил он, недовольно поглядывая на Рууко. – На равнине Высокой Травы лежит кобыла: только что убита и совсем свежа, на нее претендует лишь мелкая медведица.

Рисса приоткрыла пасть, показав зубы.

– Не облегчить ли медведице труд, не помочь ли с поеданием мяса? А как ей, неповоротливой, удалось добыть лошадь?

– Лошадь к тому времени охромела и была загнана до полусмерти, – ответила Песнь Дождя. – Однако медведица делает вид, что она одна на всей равнине способна убивать коней. Медведица слаба и медлительна, смелым волкам будет под силу отобрать у нее тушу.

– Я думал, мы не питаемся добычей, отобранной у других! – удивился Аззуен.

– Мясо есть мясо, волчонок, – обернулся к нему Минн. – Если глупая медведица убивает для нас лошадь, почему мы должны отказываться? Медведи таскают нашу добычу не задумываясь, только дай волю.

– Медведица – жадина: забрала всю тушу и рычит, чуть подлетишь, – прокаркал Гладкое Крыло. – Но добрые волки ведь поделятся с друзьями?

– Если приведете нас к кобыле, пока медведица ее не съест, поделимся, – снова сверкнула острыми зубами Рисса. – Укажешь ли нам путь, Гладкое Крыло?

– Для щенков далековато… – Ворон задумчиво посмотрел на нас. – Волчата растут медленно, под силу ли им добраться до Высокой Травы?

Я насторожила уши. Неужели нам позволят посмотреть на настоящую добычу? Я услышала, как быстро застучало сердце Аззуена и как прерывисто задышала Марра.

– Мои щенки сильны, – спокойно проговорила Рисса, будто не замечая насмешки. – Они из стаи Быстрой Реки.

Я невольно подобралась, чтобы выглядеть повыше: мысль о долгом путешествии навевала беспокойство, но не показывать же всем, что я напугана! Мы уже не маленькие, почти по бедро взрослому волку… При виде Аззуена, взвизгнувшего от радости, Уннан закатил глаза и подмигнул Борлле, хотя не заметил, что сам неудержимо виляет хвостом в предвкушении нового похода.

Минну и Иллин весть об охоте тоже пришлась по душе. Иллин в шутку куснула брата за морду, а когда тот повалил ее на

землю, прыгнула через мшистый валун и приземлилась в лужу, обдав Минна грязной водой. Потом она с ухмылкой откинулась на спину, ожидая его нападения, и когда Минн прыгнул, Иллин гибким движением перевернулась, сбила его с ног и тут же взобралась на верхушку валуна, стряхивая грязные капли прямо ему в морду.

Пока однолетки играли, Рисса подготавливала стаю к охоте, переходя от одного волка к другому и напоминая всем о единстве. Тревегг уже говорил нам, что охота успешна, когда стая действует как единый организм и каждый волк чует намерение другого: если на тебя гонят добычу, то загоняющий должен быть уверен, что ты готов ее принять. Поэтому вожак напоминает каждому, что главная цель – успех охоты и благополучие стаи. Такой ритуал происходит перед путешествиями и принятием значимых для стаи решений, но важнее всего он становится перед охотой.

Рисса положила голову на плечо Тревеггу, потом обнюхала темную морду Веррны – суровой, хладнокровной волчицы, считавшейся второй по главенству после вожаков. Лишь Веррне, сильной и бесстрашной, доверяли планировать все битвы стаи; ее темно-серая морда в боевых шрамах и чернеющие к кончикам уши всегда казались неподвижными, она реже других играла с щенками. Я не знала, как к ней относиться. Веррна поспешно ответила на приветствие Риссы и присела в стороне, наблюдая за остальными. Рисса усмехнулась и, перебежав к Рууко, положила передние лапы ему на хребет. Я думала, вожак рассердится, но он улыбнулся во всю пасть и перекатился на спину, затеяв шутливую борьбу с Риссой, словно оба еще не вышли из щенячьего возраста. Минн и Иллин подобрались к остальным, низко припадая брюхом к земле, чтобы взрослые приняли их в игру. К ним присоединились Борлла с Уннаном и даже Аззуен с Маррой. Мне оставалось только сидеть в стороне и наблюдать издалека за общей возней.

Рууко вдруг чихнул, взметнув облачко пыли, и встал; волки тут же прекратили игру. Рисса, присев на задние лапы и вскинув голову, испустила протяжный вой, к нему присоединился вожак. Один за другим волки подавали голос, и вскоре слитный вой заполнил всю поляну: разные по тону голоса сплетались в один мощный звук – охотничий клич стаи Быстрой Реки.

– Вступайте, малыши, – обернулась к нам Рисса. – Вы ведь тоже идете охотиться!

Наши слабые щенячьи голоса влились в ту же песнь. Кровь быстрее заструилась по жилам, сердца застучали как одно, дыхание вошло в общий для всех ритм. Я видела, как взгляд

волков становился острее и неистовее, мои собственные глаза словно застыли, зрение сделалось резче, голову заполнил звенящий вой – и мир изменился: запахи поляны превратились в единый запах стаи, звуки стали Риссиным кличем, меня потянуло вслед за волками. Тревегг подтолкнул нас, и мы двинулись за остальными в гущу леса.

Окрепнув за эти несколько недель, я стала ростом с Марру, крупнее Аззуена и Реела; игры с воронами прибавили мне силы и выносливости. Вместо того чтобы тянуться в хвосте, я летела вперед наравне с Уннаном и Борллой. Лес расступался; сосны и ели, тесно росшие рядом с прогалиной, сменились редкими березами. Утренняя прохлада освежала, путь был легким и приятным, манящие ароматы зрелого лета кружили голову – так и тянуло остановиться у каждого нового куста или цветка. И все же отвлекаться было нельзя: стая шла вперед, отставших отправили бы с позором обратно на поляну.

Внезапно в ноздри ударил густой пронзительный запах, перекрывший все остальное, – я резко остановилась, чуть не шлепнувшись носом на землю. Другие щенки тоже застыли на месте; в следующий миг Борлла и Уннан полезли в кусты, откуда исходил дурманящий аромат, за ними потянулись остальные, Аззуен позади всех. Услышав шум, я оглянулась: Аззуена, крайне изумленного, кто-то за хвост оттащил назад, и тут же Веррна, недовольно морща покрытую шрамами морду, нырнула обратно в кусты и вытащила за загривок Марру. Раздался грозный окрик Рууко, мы кинулись прочь из зарослей.

– Щенки! – рокотал вожак. – Не отставать от стаи! Не замедлять охоту! Выходите сейчас же, или будем считать вас травоедами!

– Нечего подпускать щенков к полыни, – с отвращением прорычала Веррна.

– Кто последний – того съедим! – крикнула Иллин.

Реел, вылезавший из кустов, ринулся меня обгонять. Мне бы нипочем не остаться последней, не оттесни меня Борлла с Уннаном глубже в полынь, где я сначала выпутывалась из толстых стеблей и пахучих листьев, а потом, сбитая с толку дурманящим ароматом, дважды совалась не в ту сторону, пока наконец не поймала запах стаи и не вылезла из зарослей, чихая и отряхиваясь, прямо перед мордами волков, дожидавшихся одну меня. Борлла с Уннаном нагло ухмылялись.

– Кто отбивается от стаи – тому еда не нужна, – гневно бросил Рууко. – Не отставай.

Меня ожгло обидой: я ведь такого не заслужила! Других щенков Рууко никогда так не отчитывал!

Не удостоив меня лишним взглядом, он повел стаю дальше.

«Не отставать… – подумала я. – Еще как не отстану!»

Лапы налились силой и уверенностью, я перепрыгнула через удивленного Аззуена и устремилась вперед – казалось, ноги без устали донесут меня, куда захочу. Обгоняя остальных, я услышала ободряющее фырканье Иллин. Из всех щенков лишь Марра шла со мной наравне: длинные сильные ноги и легкий костяк делали ее стремительной, хотя она была не крупнее Борллы и Уннана. Ей ничего не стоило бы меня обогнать: я уже слегка запыхалась, а Марра дышала свободно и ровно.

– Покажем этим низкохвостам, да? – улыбнулась я и, припустив еще резвее, обогнала Борллу и поравнялась с Веррной. Взрослым, конечно, под силу и не такие скорости, но мы, щенки, никогда прежде не бегали так быстро. Лесные запахи лезли в ноздри, тонкая летняя пыль вздымалась под лапами. Я вдруг споткнулась и перелетела через голову; Марра обежала вокруг меня, пока я поднималась. Я и не видела, что Аззуен изо всех сил пытался держаться с нами рядом, хотя уже похрипывал на бегу. Подождать бы его – но путь доставлял столько радости, так манил вперед!

Непривычная земля за пределами поляны, неизвестные запахи и звуки, стремительный бег – новые ощущения переполняли, я даже не заметила аромат мяса и едкий запах незнакомого существа у самой опушки. Рисса, пригнув голову, остановила нас, Марра с разбегу на меня налетела.

– Быстрые ноги – это хорошо, – сказала Рисса, тихонько посмеиваясь, – и все же не теряйте голову, вас могло вынести куда не надо.

Лес резко обрывался, крутой склон вел к полю. Посреди высокой травы, уже принимавшей золотистый оттенок, тут и там виднелись луговые цветы. Рисса указала мордой на равнину, где огромный коричневый зверь вгрызался в лошадиную тушу: оттуда-то и исходил едкий запах, смешанный с манящим ароматом мяса. На другой стороне поля паслись лошади, настороженно поглядывая по сторонам.

– Как они могут спокойно стоять, когда пожирают их сестру? – спросила Марра. Она даже не запыхалась после бега, зато Аззуен, подошедший к нам с запозданием, тяжело дышал и поглядывал на меня с укором.

– Лошади не волки, – пренебрежительно ответил Минн. – Просто добыча. Они не умеют горевать, как мы. Большой табун – не то что волчья семья, кони не так близки между собой. Смерть сородичей для них не потеря.

– Все не так просто, Минн, – задумчиво возразил старый

Тревегг. – Откуда нам знать их чувства? Мне приходилось видеть, как мать два дня стояла над погибшим жеребенком, не давая нам подойти к мясу. Или как лосенок отказывался от еды после гибели матери и умер рядом с ее телом. Чтобы выжить, мы убиваем, но не надо презирать своих жертв. Будь благодарен Луне за всех, кого она дает нам в пищу, а для этого научись их уважать. Любое существо – часть Равновесия.

Минн понимающе склонил голову, но тут же его глаза вновь обратились к равнине, и он нетерпеливо зарычал.

– Тихо! – разом прошипели Рууко с Риссой.

– Научись себя сдерживать, Минн, иначе тебе никогда не возглавить охоту, – ворчливо добавила Рисса, и Минн виновато сжался.

– Щенки, – приказал Рууко, – остаетесь здесь. Не выходите, пока я не скажу, не то я каждому отгрызу уши, засуну ему под хвост и залеплю сосновой смолой. Минн, Иллин – не высовывайтесь без нужды. Хоть вы и считаете себя взрослыми волками, не отходите от Веррны и делайте, как она скажет.

– Не так уж велика та медведица, – заикнулся было Минн, но Рууко смерил его взглядом, и Минн снова опустил голову, покорно пробормотав: – Следую за тобой, вожак.

Иллин сузила глаза, разглядывая медведицу. Та казалась мне огромной: когда она, на миг оторвавшись от туши, распрямилась оглядеть равнину, то стало видно, что она ростом не ниже четырех волков. Мне не верилось, что Рууко с Риссой всерьез намерены на нее напасть.

Рисса шла первой – припадая к земле, кралась вдоль кромки леса.

– Веррна, – прошептала она второй волчице, – бери Минна и Иллин, обходи эту косолапую недотепу сзади и по моей команде нападай. Не забудь, в стае сейчас одним волком меньше.

«В стае недостает моей матери», – поняла я, и меня захлестнула волна горести. Остальные волчата принимали семью как должное, у них были мать и отец. И хотя Рисса ничем не отличала меня от своих щенков, для Рууко я всегда оставалась нежеланной, у меня не было никого по-настоящему родного. Интересно, когда можно отправиться на поиски матери? И как ее найти, если я даже не знаю, с чего начать? С трудом удержавшись от жалобного воя, я стала смотреть на медведицу и волков, уже почти ее окруживших. Первая в жизни охота, а матери рядом нет…

Я полагала, моего огорчения никто не заметит, однако Аззуен лизнул меня в щеку, а когда я обернулась, глянул на меня участливо.

– Иллин сказала, что твоя мать бегала быстрее всех, – проговорил он смущенно. – Наверное, потому ты такая легконогая.

Веррна с молодыми волками прошла вдоль кромки леса и возникла в тридцати прыжках справа от медведицы, обежав ее так осторожно, что та, издалека взглянув на силуэты, не почувствовала угрозы и вернулась к трапезе. Веррна, остановившись сзади и чуть справа от нее, что-то сказала Иллин, и та припала к земле за вересковым кустом. Веррна с Минном двинулись дальше и обогнули медведицу, Минн залег позади нее. Веррна, пробежав вперед по дуге, остановилась на пригорке слева от жертвы, – и медведица оказалась окружена с трех сторон. Рисса и остальные замкнули круг, теперь жертва была в ловушке.

– Думаешь, шестерых волков хватит? – озабоченно спросил Риссу Тревегг. – Я не так скор, как прежде…

– Ты, старый волк, сильнее и мудрее нас всех, – ответила Рисса, лизнув его в щеку. – Скольких медведей ты победил? Лучше тебя никто не знает, как с ними драться. Твои внучатые племянник и племянница выросли быстроногими и выносливыми, стая сейчас сильна. И кроме того, – она усмехнулась, обнажив зубы, – Минн прав: не так уж велика та медведица!

Над нами раздался нетерпеливый окрик, заставивший нас подпрыгнуть.

– Чего сидите? Ждете, пока солнце не прожжет равнину до дыр? – прокаркал Гладкое Крыло. Мы и не услышали, как он подлетел сзади и уселся в ветвях ближайшего дерева. – Пока вы тут перетявкиваетесь, от кобылы ничего не останется!

Волки тявкают.
Мясо все убывает.
Голоден ворон!

С громким кликом он вспорхнул с дерева, с ним Тлитоо и добрая половина вороновой стаи.

– А ведь задумывали внезапное нападение, – вздохнул Рууко, когда медведица подняла морду к гомонящей толпе воронов.

– Ну, все равно незачем тянуть до восхода луны, – ответила Рисса и издала низкий горловой звук, похожий на стон. С другой стороны поля ей ответил резкий голос Веррны, и через мгновение Минн кинулся на медведицу сзади, Иллин налетела справа, Веррна сорвалась с пригорка и тоже рванулась к жертве.

Медведица встала во весь рост, и я разглядела огромные, с волчью голову, лапы и страшные оскаленные зубы. Завидев трех волков, несущихся к ней по высокой траве, она обернулась и

заревела грозно и яростно – не нужно было знать язык, чтобы понять: она не намерена отдавать еду каким-то ничтожным хилым волкам. Иллин, Минн и Веррна носились вокруг, держась подальше от смертоносных лап, и вдруг прыгнули на нее все разом; медведица обернулась, чтобы отразить нападение, и в это время Рисса, Рууко и не менее стремительный, несмотря на опасения, Тревегг помчались с холма и налетели на медведицу сзади, рыча бешено и яростно.

Аззуен рядом со мной взвизгнул от страха. Медведица была злобной и свирепой – мне с трудом верилось, что нападение обойдется без потерь. Однако волки бесстрашно носились вокруг жертвы, то налетая, то отскакивая в стороны; вороны кружили над ними, карканьем ободряя стаю. Я вдруг поняла, что волчья игра с птицами, которую я раньше считала тратой сил, помогает не терять охотничьи навыки: грациозные увертывания Иллин и прыжки Минна – лишь продолжение игр с Гладким Крылом и его семьей. И еще я поняла, почему в стае не место слабым: если хоть один волк окажется негоден к битве, медведица легче разделается с остальными.

За дракой наблюдали не только мы: тушу не упускали из виду лисы и гиены, которые надеялись поживиться остатками медвежьего пира; одинокого орла, парящего над полем, то и дело прогоняли криками вороны. Медведица, упорно оттесняемая стаей, все норовила вернуться к туше, но шесть беспощадных волков – слишком сильные соперники для молодой самки, не более опытной, чем Минн с Иллин. Наконец, злобно рыча, она заковыляла прочь, к дальнему краю поля, и скрылась за небольшим бугром. Пока Веррна с молодыми волками отгоняли ее дальше, Рисса с Тревеггом и Рууко стерегли добычу.

Наконец Веррна с однолетками, победительно вздернув уши и хвосты, вернулись к остальным и, яростно рыча на жадных лис и гиен, подбежали к туше. Стая затанцевала вокруг Рууко и Риссы, празднуя успех охоты. Вожак, припав на брюхо, оторвал первый кус конины, и пир начался: волки принялись насыщаться долгожданным мясом, обступив тушу со всех сторон.

– Щенки, сюда! – крикнула Рисса, и мы скатились с холма на поле.

Веррна предостерегающе зарычала.

– Следите, что делается за спиной! – хрипло проговорила она, указывая мордой, уже окровавленной, в сторону падальщиков. – Кобылу трупоедам не получить, зато от щенка они не откажутся. Ждите пока, пусть взрослые поедят.

Бдительно поглядывая на лис, гиен и орла, волки вгрызались в кобылью тушу: медведица успела съесть не так много, стае

перепало мяса вдоволь. Рот наполнился слюной, брюхо свело, ожидание казалось вечностью. Семья Гладкого Крыла клевала мясо, не боясь волчьих челюстей и острых зубов, тут же рвущих конину, но мы, щенки, опасались соваться ближе к взрослым. Наконец Рисса снова позвала нас:

– Чего ждете, щенки? Подходите! Вы уже не младенцы, чтоб мы носили вам пищу в желудке!

Мы подобрались ближе к добыче, при каждом шаге замирая и на всякий случай поглядывая на Рууко и Риссу, вгрызающихся в кобылье брюхо. Просительно поскуливая, мы всем видом показывали, что претендуем на мясо только с позволения старших. Иллин с Минном, рвущие куски от груди лошади, при нашем приближении зарычали, Рисса издала ответный рык.

– Пустите щенков к мясу! Вам уже хватит!

Минн и Иллин, самые младшие из взрослых, нехотя отступили, мы робко заняли их место. Мне сделалось обидно оттого, что Иллин на меня зарычала, но запах добычи вмиг прогнал все мысли: вгрызшись зубами в тушу, я уже не могла остановиться – вкус мяса затмевал все, доводил почти до безумия. В стремлении заполучить побольше еды я кусалась, рычала и отталкивала других щенков. Кровь гулко билась в жилах, сердце готово было разорваться. Я вдруг поняла, почему на нас рычала Иллин: Уннана, который попытался меня оттолкнуть, я цапнула за морду, он откатился назад; случайно задевшая меня Марра отступила подальше, заслышав мой рык. Я огрызнулась даже на Гладкое Крыло, и он больно клюнул меня в темя – я взвизгнула, но не подняла морду от мяса.

Я все еще рвала от туши куски конины, когда Минн заворчал, словно предупреждая, и шлепком отбросил меня от туши, Иллин с Веррной оттеснили Борллу и Уннана. Мы скулили и пытались вернуться к мясу – тщетно: взрослые отогнали нас подальше, туда, где уже сидели Аззуен, Марра и Реел. Нам оставалось лишь смотреть, как стая пожирает добычу. Я смутно вспомнила, что щенки пытались пробиться к мясу и всем от меня перепало трепки. Мне стало неловко, и все же я подумала, что раз они не хотели драться за еду, то могли бы подождать, пока я наемся. Я легла на землю, продолжая глядеть на взрослых. Борлла и Реел сидели неподалеку, к ним привалился сонный Уннан. Я устало двинулась к Аззуену, чтобы уткнуться головой в его пушистую спину, – но он отполз подальше и лег рядом с Маррой.

Ко мне подошла Иллин, которую Веррна отогнала от туши.

– Быть сильной – это хорошо, сестренка, только нельзя обижать собратьев. – Она оглядела Борллу с Уннаном и пренебрежительно фыркнула. – Волчица, достойная вести стаю,

должна уметь себя отстоять, но надо заботиться о других и применять силу осторожно. Не давай волю злобе и жадности.

Я отнеслась бы к ее словам с большей серьезностью, если б не помнила разъяренного рычания, которым она отгоняла меня от кобылы, и не видела сейчас, как она подбежала к добыче и отогнала от нее Минна, заняв его место. Однако я поняла, что она хотела сказать. Я уже заметила, как от меня отодвинулась Марра и как Аззуен, прежде такой добрый, отказался спать рядом со мной. Даже Тлитоо просто реял надо мной в воздухе, не пытаясь заговорить, а когда я подняла голову, кинул в меня камешком.

– Жадный щенок! – каркнул он и улетел прочь.

Меня охватил стыд. Как я могла!.. Ведь не так давно я была самой слабой в стае! Я не хочу, чтобы меня считали грубиянкой, как Уннана и Борллу! Впредь надо сдерживаться, иначе останусь одна… Мне захотелось тут же подойти к Аззуену и Марре, но от съеденного мяса я отяжелела, глаза слипались, мысли путались…

Меня пробудил легкий ветерок, я подняла голову. Стоял жаркий полдень, когда ни бегать, ни охотиться невозможно; взрослые волки, окружив нас кольцом, спали. В воздухе реял густой запах мяса, рот мгновенно наполнился слюной. Я огляделась: возле самой кобылы, охраняя ее от падальщиков, спали Веррна и Рисса; по остаткам туши скакали вороны. Наверняка они поднимут тревогу, если на тушу покусится кто-то чужой. Интересно, позволят ли мне подойти ближе… Я осторожно поползла к кобыле и, проскользнув между Риссой и Веррной, уже взялась было зубами за соблазнительное сухожилие, когда Рисса подняла голову и зарычала, едва проснувшись. Через миг, узнав меня, волчица оттолкнула меня прочь.

– Тебе хватит, – улыбнулась она. – Иначе лопнешь, и нам придется собирать клочки по всей равнине.

Рисса вновь положила голову на лапы и закрыла глаза, а я пошла к остальным щенкам. Наскучило ждать, пока стая проснется, и я хотела разбудить Аззуена – но не знала, прошла ли его обида. Играть не тянуло: день стоял знойный, да еще полумесяц у меня на груди болел и ныл так, как никогда прежде.

Из-за боли я и оказалась первой, кто увидел тех странных существ. Их было двое, они смотрели на нас с другого края равнины, где кончалась трава и начинались деревья. Ветер дул в их сторону, никто из нас не почуял запаха. Они стояли на двух лапах, как выпрямившаяся медведица нынешним утром, только та была выше и намного массивнее. В передних лапах, свисающих по бокам, существа держали палки. Я не поняла, что на них за шерсть: то ли редкая, то ли короткая… Ветер переменился и принес запах, – их влажная, как у коней, кожа пахла чем-то

густым и едким, можжевеловый аромат почему-то казался знакомым.

Вздрогнув, я тявкнула, чтобы разбудить стаю. Проснувшиеся волки взглядывали на меня раздраженно, однако, почуяв запах и увидев существ, они с рычанием окружили тушу; вороны тут же с карканьем взмыли в воздух. Странные существа подняли палки, направив их на нас, и я увидела, что концы палок острые и походят на гигантские шипы. Существа чуть приблизились; до них оставалось не меньше сорока прыжков, но я не знала, быстро ли они бегают. Длиннозуб покроет такое расстояние за один вдох.

Рууко издал низкий рык и раскрыл пасть, показав все сорок два острых зуба; шерсть его угрожающе вздыбилась, он словно стал вдвое больше. Рядом с ним яростно скалились все волки Быстрой Реки. Когда два длиннолапых существа, помедлив, опустили палки и постепенно отступили в лес, стая еще несколько мгновений стояла, рыча и не отходя от своей добычи.

– Веррна, они ушли? – спросил Рууко. Все знали, что у Веррны в стае самый острый слух.

– Они идут к реке, вожак. – Веррна насторожила уши с темными кончиками. – Пока нам ничто не грозит.

Боль в груди, где полумесяц, немного ослабла, и я вдруг поняла, что при приближении существ она усиливалась.

Рууко вздохнул чуть спокойнее, волки снова легли на землю, на этот раз не отходя от добычи. Рисса осталась стоять в нескольких прыжках от нас, глядя вслед ушедшим существам – напряженная, с вздыбленной шерстью и поднятым хвостом.

– Спутница… – произнес Рууко, когда заметил, что она не присоединилась к остальным.

Рисса отозвалась не сразу.

– Мне это не нравится, – наконец произнесла она. – Совсем не нравится. Когда взойдет луна, переправимся через реку. Щенкам пора узнать, что такое люди.

Глава 5

Стая замерла в молчании. Стало слышно, как поодаль вороны ссорятся за кусок мяса, как шуршит в кустах мелкая дичь и даже как прыгают блохи по шкуре старого Тревегга.

– Люди? – переспросил Рууко, не сводя глаз с Риссы. – Когда волчатам едва четыре луны от роду? Прежде ты была осторожнее!..

Волчица угрожающе шагнула к вожаку.

– Осторожность и велит мне показать людей сейчас, пока не поздно, – огрызнулась она. – Когда ты вел щенков через Великую

Равнину лишь для того, чтоб потешить свою гордость, тебе никто не мешал. Теперь мой черед принимать решения.

Рууко отступил, и его изумление показалось бы мне забавным, не будь я так ошеломлена: увидев гневную Риссу, я поняла, что считать Рууко единственным вожаком стаи Быстрой Реки – непростительная глупость. Гладкое Крыло и Песнь Дождя на минуту отвлеклись от туши и, склонив головы набок, прислушались к перепалке.

– Люди, – тихо произнес Аззуен, словно пробуя слово на вкус, и задумчиво наморщил лоб. – Они не похожи на других существ. Кто они – добыча или враги?..

– С каких пор люди суются на равнину Высокой Травы среди лета? – продолжала Рисса. – Их место под горой или у саламандрового озера. А сейчас они уже не помнят, что такое границы, бродят где попало когда захотят. Ты и вправду хочешь, чтобы щенки нарвались на них неожиданно, ничего не зная?.. Еще одна луна – и волчата двинутся на вылазки. Им нельзя оставаться в неведении!

Рууко зарычал, словно хотел отыграться за недавний испуг; Рисса в ответ сощурила глаза и оскалилась. За последнее время она набрала вес и уже не выглядела похудевшей, как во время выкармливания щенков, ее белоснежная шерсть стала густой и блестящей. Мощная в плечах и не уступающая спутнику в силе, Рисса стояла напротив Рууко, и было ясно, что она не отступится. Остальные волки, окружившие их, явно заволновались: размолвки вожаков могут ослабить стаю, к таким ссорам относятся настороженно. Тревегг подошел к Рууко и что-то сказал ему на ухо. Минн тревожно взвизгнул, у меня свело брюхо от страха: что будет, если вожаки и правда вступят в бой? Аззуена била дрожь, Марра прерывисто дышала, только Иллин и Веррна глядели спокойно и заинтересованно. Глаза Иллин то и дело перебегали с Риссы на Рууко и обратно, я чуть не въяве слышала ее мысли – она жадно впитывала все касающееся главенства в стае. Веррна тихо зарычала, глядя на битву спокойным оценивающим взглядом: любой промах Рууко или Риссы может открыть сильному волку дорогу в вожаки. Мне почему-то не хотелось, чтобы стаю возглавила Веррна.

– Я думаю о стае, Рисса. – Рууко не отступил, но и не пытался оттеснять волчицу туда, где ей останется лишь нападать. Голос его звучал серьезно. – Волки Скалистой Вершины сильны, а к людям нужно идти через земли Скалистых. Нам нельзя терять щенков: зимой нужны будут все, кто способен охотиться. Добыча сейчас не та, что прежде.

Я разозлилась. При переходе через равнину Рууко не

волновало, выживем ли мы с Аззуеном: он тогда сказал Веррне, что в любой стае выживают не все щенки и что двое самых слабых – не потеря. А теперь делает вид, будто изо всех сил о нас заботится! Я, конечно, признавала Рууко вожаком, но любить его мне было не за что. Я с трудом подавила недовольный рык.

Рисса все же приняла слова Рууко всерьез.

– Да, спутник, добычи сейчас меньше: ее забирают люди. Нам грозит зимний переход, людей мы неминуемо встретим – и потому щенки должны о них узнать.

– Мне это не нравится, – повторил Рууко, уже не пытаясь вздыбить шерсть. – До зимы людей можно просто не замечать.

– Не замечать? Как когда-то Хиилн? – бросила Рисса.

Вожак вздрогнул. В стае временами шептались о Хиилне – волке, оставившем стаю еще до нашего рождения.

– Проще не заметить длиннозуба, настигающего добычу, – продолжала волчица. – Ты не хуже меня знаешь, что встреч с человеком не избежать. Дождемся восхода луны: люди ночью слепы, как птенцы, нас никто не увидит.

Рууко ослабил плечи и кивнул.

– Мы с Тревеггом и Минном останемся стеречь мясо, с вами пойдут Иллин и Веррна.

Иллин и Веррна – сильные и отважные бойцы: может, вожак и впрямь о нас заботится? Хотя, наверное, скорее о Риссе…

Волчица мягко ткнулась мордой в шею Рууко; стая вздохнула свободнее. Вороны, якобы увлеченные трапезой, одобрительно закивали головами, как вдруг Гладкое Крыло тревожно каркнул.

Я снова почувствовала странное покалывание в груди – и поняла, что люди возвращаются. Я не успела ничего сказать: Веррна вздернула уши торчком.

– Люди идут обратно. Их много. – В ее груди что-то заклокотало. – Идут отнять нашу добычу!

Мы разом обернулись к Рууко.

– Сколько их? – спросил он Веррну.

– Семеро взрослых самцов, – подал голос Гладкое Крыло, со вздохом расправляя крылья. – Лучше давайте уносить мясо, пока тут еще что-то осталось, кроме окровавленной травы.

– Может, пойдете с нами к людям? – улыбнулась Рисса.

– Днем – не отказались бы, но днем вы их боитесь, – ответила Песнь Дождя. – Нам-то они не страшны, летаем когда захотим.

– Люди швыряют в нас чем попало, – доверительно доложил Тлитоо, садясь на землю между мной и Аззуеном. – Зато на краю их поляны валяется хорошая еда: тащи что хочешь, лишь бы не заметили. Я вас туда отведу, даже если стая не пойдет. Я знаю дорогу.

– Может, нападем, Рууко? – Твердый энергичный взгляд Веррны впился в вожака.

Я надеялась, что Рууко решится на бой и не оставит волчат в стороне. К медведице нас не пустили – и правильно: любого щенка она убьет одним взмахом лапы. Но люди! Они слабые, мелкие, куда им до медведей…

– Сколько от них шума! – прошептала Марра. Треск и топот разносились по всей равнине Высокой Травы, хотя люди были еще далеко. – Люди такие дураки? Или им все равно? Нам не позволяют так шуметь…

– Они, наверное, уверены в себе – и не без причины, – сказал Аззуен, устремив вдаль блестящие глаза. – Ведь в прошлый раз они нас не боялись, просто осторожничали. Да, люди не такие, как мы.

– Они наши враги, идиот, – процедил Уннан. – Этого не понимают только тупицы вроде тебя.

Аззуен даже ухом не повел.

– Нет, в них есть что-то другое. Разве ты не чувствуешь?

Уннан закатил глаза и отвернулся, зато Марра задумчиво кивнула. Мне хотелось рассказать им, как наливается огнем полумесяц на груди при появлении людей, – умница Аззуен сумел бы меня понять, но я побоялась, что услышат другие. Жжение в груди все росло; мне грезилось, как я в прыжке настигаю кого-то из людей, сбиваю его с ног, к нашему с Аззуеном торжеству, однако сохраняю человеку жизнь и делаюсь его другом – и потом мы бежим бок о бок, оставляя позади луга и рощи… Странная мысль. Ни с добычей, ни с врагом не станешь дружить, на них можно только нападать.

Я помотала головой и вновь обернулась к Рууко.

– Уходим, – объявил он. – Забираем мясо, сколько можем унести, и уходим в лес.

Иллин, Веррна и Тревегг тут же начали рвать тушу на куски. Мне все не верилось, что Рууко решил спасаться бегством…

Минн, пробегая, вцепился в меня зубами, я взвизгнула.

– Луной тебя по лбу, чего ждешь? – рявкнул он. Почему я раньше не замечала, как похожа его узкая морда на ласочью физиономию Уннана? И характерами они схожи. – Делай, что велено!

Все еще сбитая с толку, я двинулась к остаткам кобылы. Иллин успела оторвать от туши переднюю ногу, вместе с лопаткой и несколькими ребрами, и теперь волокла ее к лесу. Мы с Аззуеном кинулись ей помогать; Тревегг уже подгонял остальных щенков, тащивших мелкие куски добычи, вверх по склону и к деревьям.

– Скорее, скорее! – то и дело раздавался его голос. – Люди нынче быстроноги!

– Почему мы не нападаем? – спросила я Иллин, вцепляясь в кобылью лопатку. Аззуен подхватил узкую часть ноги, и Тлитоо, вспрыгнувший между нами на кусок туши, принялся склевывать мясо, стараясь не свалиться на ходу.

– Потому что Рууко боится людей, – ответила Иллин, останавливаясь перевести дух. Она оглянулась через плечо, не услышит ли кто, и понизила голос. – Его брата Хиилна изгнали из стаи за то, что слишком тесно водился с людьми. Хиилн должен был стать вожаком, и Рисса предназначалась в спутницы ему, а не Рууко. И теперь Рууко сомневается в себе и подозревает, что он не самый главный и лучший в стае – ведь даже его имя значит «второй сын». Отец дал им имена, когда Рууко с Хиилном было всего четыре недели от роду.

Рисса пронеслась мимо с куском туши в зубах, одобрительно фыркнув при виде огромной ноги, которую мы тащили.

– Идем скорее, – велела Иллин, вцепляясь зубами в лопатку с ребрами так, что Тлитоо потерял равновесие и чуть не свалился на землю. Снова усевшись на кобыльи ребра, он с укором посмотрел на Иллин.

– Неуклюжая, хуже хромого тура!

Ухмыльнувшись ему, я ухватила зубами кобылью ногу, и мы с Аззуеном и Иллин потащили ее к деревьям, за которыми уже спряталась остальная стая. Огромный кусок замедлял движение, мы снова остановились передохнуть. Тлитоо досадливо смерил нас взглядом и улетел к остаткам кобылы. Иллин посмотрела ему вслед.

– Мы должны избегать людей, – продолжила она. – Таков волчий закон, только Рууко уж слишком усердствует. Людей нельзя ранить или убивать, пока они не напали первыми. С ними не позволено общаться. Воровать у них еду и отбивать их от нашей добычи – можно, если не причинять им вреда. И только если позволит вожак. Никто не обязан умирать голодной смертью лишь оттого, что волкам запрещено драться с людьми. Будь я вожаком – я бы дралась.

– Ты не вожак, Иллин. По крайней мере пока. – От слов Тревегга Иллин вздрогнула, однако старый волк улыбался. – Вожак обязан следить, чтобы волки не сближались с людьми, ты это знаешь. А теперь давай прятать мясо, пока его не учуяли даже никчемные людские носы.

– Хорошо, старый волк, – отозвалась Иллин смиренным голосом, даже не попытавшись опустить уши.

Тревегг, видя такое неубедительное послушание, усмехнулся.

– Подаешь дурной пример щенкам? Не спеши, однолетка, тебе еще есть чему поучиться у нас, стариков. – И Тревегг, подхватив всю лошадиную ногу вместе с лопаткой и ребрами, в одиночку потащил ее в лес – мы лишь восторженно глядели вслед. Иллин, будто не заметив упреков Тревегга, как ни в чем не бывало потрусила за ним.

Мы не смотрели, как люди утаскивают нашу добычу: мы засели в кустах, словно пугливые кролики. Люди гомонили как стая воронов, будто им нет дела до того, что их слышат все медведи и длиннозубы Широкой Долины. Мясо мы спрятали у кромки леса – по словам Риссы, на этом месте собирается стая, когда охотится на равнине Высокой Травы.

Потом Рисса собрала щенков. Тревегг сел рядом с ней, тяжело дыша от жары, остальные волки тоже устроились рядом, выбрав самые мягкие и прохладные клочки земли. Лишь Рууко стоял в стороне, глядя туда, где еще гомонили люди, уносящие нашу добычу. Рисса, дождавшись, пока все глаза обратятся на нее, заговорила:

– Широкая Долина отличается от прочих мест, и мы сами не похожи на прочих волков. Мы избраны для исполнения великой задачи, и потому от нас требуется соблюдение правил. Слушайте же внимательно.

Хотя Рисса, упомянув о правилах, не посмотрела в мою сторону, я почувствовала на себе взгляды остальных – все еще помнили слова вожака и верховных волков о том, что я родилась в нарушение законов Широкой Долины. Аззуен прижался ко мне, хотя мне не было страшно: может, наконец расскажут, чем я отличаюсь от других и почему Рууко так меня возненавидел… Я подалась вперед, намереваясь не пропустить ни слова.

– Сегодня вы увидите людей, которые живут на нашей равнине, – продолжала Рисса. – Они опаснее медведей или хищных птиц, вам нельзя иметь с ними дело. Когда рядом нет вожака, при появлении людей сразу уходите, даже если только что добыли лучшую на свете дичь. С позволения вожака можно воровать людскую еду или соперничать с человеком за добычу.

При этих словах Иллин заворчала, все еще недовольная тем, что Рууко решил не драться с людьми за кобылью тушу.

– Волк, который вздумает подойти к людям не из-за добычи, – твердо произнес вожак, – будет изгнан не только из стаи, но и из Широкой Долины.

Я огляделась. С лесной поляны не было видно ни гор, ни холмов, ограждающих равнинный простор. Я не представляла, как можно кого-то прогнать за его пределы…

– Главное, – вступила Рисса, – людей нельзя убивать, кроме

как защищая себя или семью. За беспричинное убийство человека верховные волки уничтожат и вас самих, и всю стаю – всех, в ком течет ваша кровь.

Новость нас поразила – щенки сразу прекратили ерзать и оглядывать поляну, взгляды устремились на Риссу.

– Вам пора узнать, что такое заповедь Широкой Долины, – сказала она и обернулась к Рууко, словно ожидая отпора. Он с вызовом встретил ее взгляд.

– Когда ведешь к людям бестолковых щенков, еще не доросших до ума, – огрызнулся он, – то отчего бы не рассказать им и легенды!

Он выбрал поодаль клочок влажной земли у гнилого бревна и лег, повернувшись к нам спиной.

– Прекрасно, – кивнула Рисса, словно не замечая его гнева. – Тогда слушайте. Было время, когда волки воевали с людьми, и волчьему роду едва не пришел конец. Помните, что вам рассказывали о Древних?

– Древние – это Солнце, Луна, Земля и праматерь Небо, – немедленно отозвался Аззуен, в точности повторив слова Тревегга, сказанные много лун назад. – Они создали всех существ и Равновесие. Больше Тревегг ничего не говорил…

– Верно. – Рисса улыбнулась, заслышав недовольные нотки в голосе Аззуена, который всегда стремился все знать. – Когда понадобится, вам расскажут больше. Сейчас знайте лишь, что волчьи предки обещали Древним сохранять мир и покой в Широкой Долине – такова была заповедь. И мы должны сдержать обещание, ведь от нас зависит судьба всего волчьего рода.

Ее голос зазвучал на низких нотах, в мерном ритме легенд, передававшихся волками из рода в род.

– Обещание было дано в давние времена, когда волк только стал волком, а человек еще не был человеком. Однажды на северном краю великой пустоши встретились волк по имени Индру и человек – оба вели свои изголодавшиеся стаи на поиски еды.

– В то время люди не сильно отличались от других существ, – добавил Тревегг, с удовлетворенным вздохом ложась на землю. – Чуть умнее одних, чуть глупее других, чуть более умелые в искусстве выживать, но в общем не лучше прочих. Тогда они еще не расплодились так сильно и не ходили полулысыми, а были покрыты шерстью, как подобает приличным существам.

Борлла фыркнула, и Тревегг усмехнулся в ответ, прежде чем продолжить:

– Но даже тогда они стояли на задних лапах и у них уже были орудия, хоть и не такие многочисленные, как сейчас.

– Что такое орудия? – встрял Аззуен раньше меня.

– Видел, как вороны освобождают прутья от коры и достают ими личинок, которые живут внутри дерева? – обернулся к нему Тревегг. – Прутик – это орудие, и люди умеют с ними управляться лучше любых существ. Таков дар Древних человеческому роду, подобный нашему дару стремительности и охотничьей смекалки.

– Орудия, правда, отличались от нынешних, – вставила Иллин. – У людских предков, которых встретил Индру, были всего лишь палка для копания и камень с режущим краем. Человеку еще не пришло в голову заострить палку или насадить на нее камень, чтобы убивать животных.

До Иллин вдруг дошло, что она перебила рассказ взрослых, однако Рисса ободряюще кивнула, и Иллин продолжила:

– Люди тогда были падальщиками и питались чужой добычей, лишь изредка охотясь на мелкую дичь.

– Просто падальщики? – встрял Уннан. – А что тогда их бояться?

– Потише, щенок! – раздался от бревна голос Рууко. Аззуен и Марра даже вздрогнули от неожиданности. Я-то думала, что Рууко спокойно спит, а он вслушивается в каждое слово! Вожак смерил взглядом Уннана, отчего тот поджал уши, и вновь отвернулся.

– Падальщиками они были тогда, не сейчас, – отрезал Тревегг, недовольно взглянув на Уннана. – С тех пор многое изменилось.

При виде растерянного Уннана я довольно заворчала и устроилась поудобнее.

– То были трудные времена, – продолжила Рисса, словно Иллин ее и не перебивала, – добычи едва хватало на всех. Человеческие предки уже не могли бороться за выживание, да и стая Индру выбивалась из сил, хоть ей приходилось легче, чем людям. Индру был не намерен упускать добычу – ведь для любого волка те слабые существа выглядели лишь добычей.

Я вспомнила, как впервые увидела людей на равнине Высокой Травы, как разрывалась между желанием их растерзать и стремлением подружиться… И чуть ли не вживую ощутила себя рядом с Индру в тот миг, когда он столкнулся с человечьей стаей.

– Он понял, что люди не добыча, – прошептала я неожиданно для себя и тут же виновато прижала уши, пока меня не отругали.

Рисса, чуть оскалив зубы, вздохнула.

– Он понял, что люди не добыча, – повторила она мягко. – Человеческий взгляд показался ему знакомым, слишком похожим на волчий.

Рууко, тихо зарычав, приподнял голову от бревна.

– Вопреки разуму и здравому смыслу, – продолжила Рисса, – Индру велел стае не трогать людей. И даже позвал прямостоящих существ поиграть в волчьи игры, а когда поднявшееся солнце затопило жаром всю Долину, волки и люди легли отдыхать вместе, бок о бок. Проснулись они уже другими. Индру понял, что человек не так уж отличается от волка и обрекать на гибель людей – слабых, отощавших до полусмерти существ – все равно что набивать себе брюхо мясом и оставлять голодными собственных щенков. Ему хотелось остаться с людьми и охотиться вместе; он решил научить их тому, что поможет им выжить. Говорят, если волк и человек ложатся спать рядом, во сне их души переплетаются так, что даже наяву, живя врозь, каждый сохраняет частицу души другого.

– В легенде этого нет! – заявил Рууко, появляясь из-за бревна; мы даже подпрыгнули от неожиданности. – Обычно рассказывают иначе.

– Я слышала так в детстве, – возразила Рисса. – Не все, во что ты не веришь, обязательно обман!

Рууко, тихо заворчав, прошел обратно к гнилому бревну, беспокойно покрутился на месте, а потом, вместо того чтобы лечь, снова вернулся к нам и сел рядом с Риссой – настороженный, словно готовый к прыжку. Волчица недовольно зарычала, но продолжила рассказ:

– Волки научили людей охотиться вместе, так что человеческая стая уже не зависела от чужой добычи. И показали, как устраивать места сбора, где можно отдыхать и обсуждать новые вылазки.

– Прежде эти знания принадлежали только волкам, – прервал Риссу вожак, – старому Индру стоило дважды подумать, прежде чем разглашать их людским предкам. Каждый род существ владеет своей тайной, дарованной Древними, и открывать ее другим нельзя: научившись слишком многому, можно превысить пределы сил и сбить Равновесие. Индру сделался слеп от любви к человеку и в нарушение закона Древних продолжал учить людей тому, что им не следовало знать. И вскоре люди изменились.

Вожак отвернулся и молча прошел к своему бревну. Увидев, что он не собирается продолжать, Рисса заговорила снова:

– Люди стали другими. Охотясь всей стаей, они добывали больше еды и делались сильнее. Сходясь в местах сбора, они поняли, что планировать охоту всем вместе – много лучше, чем в одиночку. Они узнавали новые способы выслеживать дичь и учились лучше укрываться от непогоды. Однажды зябкой ночью, чтобы больше не дрожать от холода и не бояться нападения зверей, они подчинили себе огонь.

Мне уже приходилось видеть целые пространства, выжженные огнем посреди лесной чащи, – в голове не укладывалось, что огонь можно покорить, я даже не представляла, кому такое под силу. Голос Риссы прервал мои раздумья, я встряхнулась и подползла чуть ближе.

– Когда люди овладели огнем, им уже не нужна была густая шерсть – и она опала, как листва с деревьев. Человек изобрел новые орудия, какие и не снились его предкам, и придумал лучшие способы убивать и драться. Люди стали заносчивы и решили, что они выше других существ – ведь никто, кроме них, не умел зажигать огонь и делать орудия из камня и дерева.

Шумно забили по воздуху крылья. На землю перед Риссой и Тревеггом опустился Гладкое Крыло; при виде его окровавленного клюва я вспомнила о мясе, лежащем неподалеку, и в брюхе у меня заурчало.

Гордыню унять —
Волчью и человечью —
Может лишь ворон!

Гладкое Крыло дернул Риссу за ухо и захлопал крыльями перед самой мордой Тревегга. Тот с ухмылкой цапнул зубами воздух, и ворон вспорхнул, чтобы усесться на ветку у нас над головой, где его ждала Песнь Дождя. Интересно, долго ли они подслушивают… И зачем воронам наши легенды…

Рисса, подозрительно на них покосившись, вновь заговорила:

– Человек решил, что прочие существа должны ему служить. Волки не подчинились – и тогда произошла битва людей и волков. Люди убивали всех непокорных и даже подожгли лес, в котором жили.

Меня передернуло. Тревегг рассказывал, что несколько лет назад огонь уничтожил две наших лучших поляны, – неужели такое можно делать намеренно?

– Лесной пожар заметили Древние, – кивнул Тревегг. – Узнав, что люди выучились у волков, и увидев их дела, Древние поняли, что человеческий род таит угрозу Равновесию – ведь люди не остановятся, пока не уничтожат все вокруг. Древние не могли такого допустить, и потому праматерь Небо объявила всем волкам и людям, что настал час их смерти.

– Индру, услышав эту весть, испустил горестный вой, – продолжила Рисса. – Взобравшись на высокую скалу, он воззвал к Древним, прося их сохранить жизнь волчьему и человечьему роду. Вначале его никто не слушал.

Рисса подняла голову на Гладкое Крыло и Песнь Дождя,

сидевших на дереве. Птицы встрепенулись, Гладкое Крыло заговорил:

– И тогда Тлитоокилакин – царь воронов, следивший за жизнью волков и людей, – взлетел к самому Солнцу и стукнул его клювом. Солнце взглянуло вниз на Индру и позвало Луну, Землю и праматерь Небо выслушать его просьбу, а Тлитоокилакин спустился обратно к Индру – ведь из-за волчьего легкомыслия воронам мог грозить голод.

Тревегг мгновение помолчал, принюхиваясь к потоку ветра, затем продолжил рассказ:

– Покорно опустив уши и робко поджав хвост, стоял Индру перед Древними, обращаясь к ним со словами, для которых требовалась вся волчья смелость. «Не наказывайте людей и волков, о владыки! – молил Индру. – В происшедшем виновны лишь я и моя стая, но не убивайте нас. Нам еще есть чему научиться, мы столь многого не знаем!» Тогда праматерь Небо послала теплый ветер, огладивший спину Индру. «Всем существам есть срок жить и срок умирать, – тихо промолвила она. – Нынче тебе настало время для следующего шага. Так всегда было и всегда будет». Индру в отчаянии взглянул на Небо, не зная, что делать дальше. И тогда царь воронов клюнул его в хвост. «Наше время еще не настало, – вновь заговорил Индру. – Мы только начали узнавать чудесный мир, в котором живем!» Земля при этих словах довольно заворочалась, пошатнув скалу, где стоял Индру. Тогда волк сел на задние лапы и вознес к Древним песнь – такую прекрасную и скорбную, что даже праматерь Небо затрепетала, а Луна и Земля замерли неподвижно, впервые за всю жизнь. Древние глядели на Индру с любопытством: никогда прежде земное существо не обращалось к ним так спокойно и смело, отстаивая себя и свой род. Живя издревле и деля вечность лишь друг с другом, Древние устали быть одни, подобно волку без стаи. Песнь Индру дала им надежду – может, земные существа скрасят их одиночество? И Древние говорили друг с другом, пока Индру и Тлитоокилакин ждали на высокой скале под стылым ветром. Индру показалось, что прошла вечность, когда наконец праматерь Небо ответила. «Мы выполним твою просьбу, – услышал Индру ее слова, и сердце его забилось вновь. – Однако дай нам обещание – и пусть его сохранят твои дети и потомки твоих детей». «Я дам любое обещание», – произнес Индру. Праматерь Небо зарокотала от удовольствия: иного ответа она не ожидала. «Люди считают себя лучше других, – молвила она, – и дерзость сделает их безумными. Пожары станут обширнее, люди будут драться и убивать, истребляя все вокруг. Если оставить их без присмотра, они

разрушат само Равновесие. Тогда у нас не будет выбора, кроме как уничтожить не только волков и людей, но и весь мир».

Тревегг замолчал и окинул нас взглядом:

– Помните, что я рассказывал о Равновесии, когда вы были малышами? Равновесие не дает миру распасться, каждое существо или растение, каждое дуновение ветра составляют его часть. Праматерь Небо боялась, что при нарушенном Равновесии погибнут и сами Древние. Откликаясь на просьбу Индру, она подвергала мир опасности. Но ей было одиноко, и она хотела, чтобы волки остались жить.

Старый волк снова вытянулся на земле, закрыл глаза, словно так он мог лучше разглядеть Индру на вершине скалы, и продолжил:

– «Мы нашлем на людей ливень и засуху, им будут грозить смертью все горы и скалы, – произнесла тогда праматерь Небо. – Люди лишатся сил и утратят самонадеянность. Занятые борьбой со стихиями, они не смогут нам досаждать. А ты, волк, должен обещать нам, что вы будете сторониться людей и что волчий род никогда не придет на помощь человечьему». Индру с готовностью отдал бы Древним собственный нос и все зубы в придачу, только бы не давать такого обещания. Отвернуться от людей – хуже этого не было ничего, разве что обречь на смерть родную стаю. Индру отвел глаза от Неба и Солнца и замолчал. «Иного пути нет», – гулко пророкотала Земля под его лапами. «Если не отречешься от людей, – тяжело ударил в голову луч Солнца, – они выучатся всему, что ты знаешь. Тогда даже Древним не побороть их силу, волки и люди будут биться насмерть». Луна крикнула от дальнего края Земли: «Такова цена, ты должен ее заплатить!» И лишь когда Тлитоокилакин клюнул Индру в голову так сильно, что волк взвыл от боли, услышали Древние его ответ. Индру склонил голову и произнес обещание – никогда не знаться с людьми.

На неуловимый миг глаза Тревегга встретились с моими.

– Многие годы, – проговорил он, отводя взгляд, – волки держат обещание, данное Древним. Но как бы мы ни старались, мы не можем вечно избегать людей.

– Тогда никто не знал, как это трудно, – тихо произнесла Рисса. – Ни волки, ни Древние не понимали, как сильна связь между людским и волчьим родом. То ли оттого, что души волков переплелись с человеческими, – она с вызовом посмотрела на Рууко, – то ли от долгого общения с людьми дети Индру не могли оторваться от человека. Вновь и вновь два рода сходились вместе, и каждый раз праматерь Небо гневалась все больше и пыталась их разлучить. В иные времена, через много лет после Индру, юная волчица – ненамного старше вас, щенки, – стала охотиться с

людьми и научила этому всю стаю. С годами это привело к великой вражде, и тогда появилась заповедь Широкой Долины.

– Древние предупреждали: если нарушить обещание, волков и людей ждет смерть, – подхватил Тревегг. – И когда Лидда, юная волчица, стала охотиться с людьми, праматерь Небо наслала трехлетнюю зиму, чтобы уничтожить оба рода. Надвигалась гибель, исчезала надежда. И тогда появились огромные волки – они принесли весть, что посланы нас оберегать. То были первые из верховных волков; говорят, они той же природы, что и Древние, и спустились с неба по солнечному лучу.

– Верховные волки пришли, чтобы дать нам возможность выжить, – снова вступила Рисса. – Они следят, чтобы не нарушалось обещание Индру. Зная, что им не дано остаться на Земле вечно, они выбрали таких волков, которые вместо них станут охранителями волчьего рода и будут следить за тем, чтобы волки не сближались с людьми. По всему миру они искали тех, кому под силу такая задача; потом их собрали в Широкую Долину и определили, кому можно иметь детенышей, и оставили в Долине только тех волков, которые поклялись Древним соблюдать заповедь.

– Поклялись в том, что мы будем сторониться людей, – уточнил Тревегг.

– Поклялись, что никогда не убьем человека без причины, – добавила Иллин.

– И в том, что сохраним чистоту крови и не будем спариваться с волками, живущими за пределами Долины, – подытожила Рисса. – Эти три закона передаются в Долине от волка к волку, и любой, кто их нарушит, будет убит или изгнан, а его стая погибнет. Верховные волки говорят с нами от имени Древних, охраняя волков и следя за соблюдением законов. Но когда они вернутся на небо, мы займем их место – и мы должны оказаться достойны, иначе погибнет весь волчий род.

Глава 6

Первым заговорил Уннан.

– А почему нельзя спариваться с чужими волками? – нагло спросил он, глядя на меня в упор. – Полукровки опасны для стаи, да?

Тревегг недовольно нахмурился, однако ответил:

– Полукровок тянет либо дружить с людьми, либо их убивать – в обоих случаях нарушается заповедь и мы не исполняем обещания. А бывает, полукровки сходят с ума, тогда они и вовсе непредсказуемы.

– Значит, полукровка в стае грозит нам бедой? – невинным голосом осведомилась Борлла, и я еле удержалась, чтоб не отгрызть ей ухо. Марра, якобы углядев блоху, тут же вцепилась зубами Борлле в ногу, та зарычала и бросилась на Марру… Мы уже готовы были кинуться в драку, когда Тревегг схватил Борллу за загривок и оттащил в сторону.

– Хватит! – рыкнул он. – Спариваться с чужими – не всегда преступление: верховные волки порой впускают в Долину чужаков, иначе испортится кровь и наш род иссякнет.

– Начнут рождаться двуносые щенки с тремя ушами, – поддакнула Иллин, словно бы в шутку отвесив Уннану оплеуху, свалившую его на бок.

– С разрешения верховных волков полукровки могут оставаться в стае, – добавила Рисса. – Так было с Каалой.

– А верховные что, никогда не ошибаются? – не отступала Борлла. – Может, она все-таки опасна?

– Не тебе судить, щенок, – отрезал Тревегг.

Рууко снова поднял голову и поглядел на меня, когда Рисса подошла и лизнула меня в макушку.

– Это не обсуждается, – произнесла она, – такова была воля верховных волков. Не забудьте то, что узнали о людях и заповеди. А теперь отдыхайте, нам скоро в путь.

И стая как ни в чем не бывало стала располагаться на дневной отдых, чтобы переждать жару и быть готовой к ночным походам. Аззуен и Марра улеглись ко мне поближе, я была им благодарна. И все же сердце билось сильнее обычного: оказывается, дело не только в ненависти Рууко! Я могу принести беду всем живущим в Долине! Я отчаянно хотела знать больше о людях и о том, почему они так важны, и уже собралась было поспрашивать Иллин или Тревегга, пока другие щенки спят, – однако незаметно для себя уснула, убаюканная полуденным зноем.

Через два часа после восхода луны нас разбудила Рисса. Я с наслаждением потянулась в прохладном вечернем воздухе, чувствуя себя более уверенно, чем прежде. Я – щенок из стаи Быстрой Реки, и никакие слова Борллы и Уннана этого не изменят. Прощание со стаей было скорым, выть и скулить старались потише: люди, судя по ослабшему запаху, уже прекратили охоту и ушли из леса, но осторожность не повредит. Рисса сказала, что наш вой их раздражает и слышен даже издали.

Мы ушли с поляны, не останавливаясь пересекли Высокую Траву и скрылись в лесу по другую сторону равнины, стараясь не отставать от взрослых, – мы помнили предупреждение Рууко.

– С тропы, которую укажет Рисса, не отходить. Кто

ослушается старших, того в одиночку отошлют обратно: не умеете подчиняться – сидите на месте, – произнес он строго, и мы все обещали не нарушать приказаний.

Леса на той стороне Высокой Травы полнились ароматом незнакомых деревьев и кустов, поверх которого ясно слышался человеческий запах – хотя люди прошли здесь много часов назад, едкий дурманящий аромат хорошо сохранился. Свет яркой, почти полной луны очерчивал контуры деревьев и бросал на землю гибкие четкие тени, мы без труда отслеживали сломанные ольховые ветки и растоптанные комья земли, которые люди беспечно оставляли за собой. Сейчас мы видели лучше, чем днем, хотя зрение нам почти не требовалось: человеческий запах был таким сильным, что вел бы нас даже безлунной ночью.

Река дала о себе знать издалека: она звучала как шум могучего ветра, рвущегося сквозь тысячу многолистных деревьев. Здесь пахло не просто водой – пахло сырой почвой, и подгнившими корнями, и плотным влажным лесом, и мелкой упитанной дичью – мышами и ящерицами. Когда мы приблизились, у меня перехватило дух от волнения: что за край ждет нас на том берегу? Что нового таит он для нас?

Река оказалась шире и стремительнее, чем я ожидала. С нашей стороны к ней вел пологий склон; противоположный берег нависал крутым обрывом. Волчата робко столпились у самой кромки реки.

– Это всего лишь вода, малыши. – Рисса бдительно оглядела берег и опустила голову к воде.

Пока она лакала, я вспомнила, что тоже хочу пить; вода была приятной, от нее пахло листьями, рыбой и дальними краями.

– Интересно, где она кончается, – проговорила Марра, следя глазами за течением.

– Мне больше интересно, как перебраться на ту сторону, – задумчиво произнес Аззуен, глядя через реку. Уннан при этих словах хихикнул, и Аззуен чуть поджал хвост.

– Вперед, малыши, – весело тряхнула головой Рисса, входя в поток. – Пора привыкать к текучей воде: если преследуешь добычу, а она прыгает в реку – надо уметь ее догонять. Не дело, когда еда спокойно уплывает!

Широко улыбнувшись, Рисса двинулась вперед. Чуть ли не половину пути волчица спокойно шла вброд, плыть ей пришлось лишь на самой стремнине. Нам, щенкам, так просто не отделаться… Легко выбравшись на дальний берег, Рисса встряхнулась и посмотрела на нас. Веррна вошла в воду вслед за ней и остановилась там, где река становилась глубокой.

Вода двигалась, словно поток ветра. Я любила плавать и

часто плескалась в мелком озерке рядом с нашей поляной, но рек я прежде не видела. Я ступила одной лапой в воду, собираясь с силами.

Что-то ударило меня сзади, и я с громким плеском шлепнулась в реку. Меня захлестнуло водой, в рот набилась глина – я выскочила обратно на берег, отплевываясь, стряхивая воду со шкуры и прочищая глаза. Борлла, стоя на берегу, злобно ухмылялась, и я, забыв о предупреждении Рууко, прыгнула на нее и повалила в грязь: она ведь чуть меня не утопила! И уж точно выставила на посмешище! Я этого так не оставлю!

– Щенки! – раздался громовой окрик Веррны, пробирающейся обратно к берегу. Я успела увидеть, как Иллин, опустив морду, отгородила от нас Уннана и Аззуена, уже готовых ринуться в драку. – Как вы себя ведете? Их взяли в серьезный поход, а они норовят безобразничать, чуть только взрослые отвернутся! Отослать вас обратно к Рууко?

Я нехотя отпустила Борллу. Ее глазки злобно блестели, она явно жаждала драки – что ж, придется ей подождать другого раза: ни я, ни она не собирались упускать случая посмотреть на людей. Мы склонили головы перед Веррной и припали брюхом к земле. Борлла двинула меня лапой в ребра, я еле устояла, чтоб не цапнуть ее за шею. Веррна придирчиво оглядела нас и, убедившись, что драка прекращена, снова вошла в реку. Стремительное течение отвлекало ее не больше, чем легкий ветерок: волчица неподвижно стояла в реке, плотно облепленная намокшей шерстью, ее глаза поблескивали в лунном свете.

– Долго еще будете собираться? Всю ночь? – рыкнула она. – Пока надумаете замочить лапы, луна уйдет за холмы!

Рисса беспокойно мерила шагами противоположный берег.

– А ну вперед! – рявкнула Иллин, видя нашу нерешительность. – Река медленная, чего ждете? После дождей покатится так, что не догонишь!

Я глубоко вдохнула и ступила в воду, Борлла оттеснила меня плечом.

– Вот же бывают волки, которые всего боятся! – заявила она. – Я не из таких!

Уверенно войдя в реку, она двинулась вброд, затем поплыла. За ней последовал Уннан, задержавшийся лишь для того, чтобы плеснуть водой в морду Аззуену. Плыли они некрасиво – лапы загребали воду судорожными движениями, головы на вытянутой шее торчали над поверхностью реки. Однако в силе им не откажешь, продвигались они быстро.

– Я, наверное, не смогу, – почти неслышно прошептал Аззуен, жавшийся к Иллин. Я хотела подойти, но увидела, что Борлла и

Уннан уже почти подплыли к середине реки, где стояла Веррна.

Марра подтолкнула меня носом.

– Вперед, хватит ждать! – тявкнула она и прыгнула в реку.

– Давай за нами! – крикнула я Аззуену и бросилась ей вслед, уже не оборачиваясь, чтобы посмотреть на оставшихся. Я не могла равняться с Маррой, и все же плыть оказалось легче, чем я ожидала. Мы были явно слабее Риссы, и нас круче сносило течением, поэтому Рисса перебежала по берегу к тому месту, куда мы подплыли.

– Молодцы, – удовлетворенно сказала она и обернулась посмотреть через реку. Лишь тогда я взглянула назад, где у берега, едва войдя в воду, топтались Аззуен и Реел, подталкиваемые Иллин. Ее окрики доносились даже до нас.

– Вас что, в зубах нести? – издевательски скалилась она. – И что скажет Рууко, когда узнает, какие вы смелые?

«Ну давай же, Аззуен!» – мысленно подгоняла я щенка. Если все увидят, что он боится, его никогда не примут в стаю.

Наконец они с Реелом нехотя вошли в реку. Аззуен поплыл неловко и медленно; на середине пути между стремниной и нашим берегом он выбился из сил и начал уходить под воду. Я окликнула его:

– Плыви, не сдавайся! Уж если тупица Уннан одолел реку, ты тоже доплывешь!

Видимо, мой голос придал Аззуену сил: он добрался до берега, вылез из воды и встряхнулся. Я радовалась, что мои слова ему помогли, и немножко стыдилась того, что не стала его ждать.

– Я знала, что у тебя все получится!

– Ага. Теперь бы еще обратно переплыть… – Он ткнулся носом мне в щеку.

Я повернулась к Борлле, которая наверняка не упустит случая высмеять наши нежности, – но та не сводила глаз с реки, где Реел боролся с течением. Он, по-видимому, толком не понял, как надо плавать: на середине реки он прекратил двигать лапами и стал тонуть. Рисса тревожно тявкнула, Иллин с Веррной двинулись было на помощь Реелу, однако его уже снесло течением слишком далеко в сторону.

Борлла, прыгнув в воду, энергично подплыла к Реелу, ухватила за загривок и удерживала его голову над водой, пока Иллин не доплыла до них и не вытащила Реела на безопасную глубину. Рисса, убедившись, что он цел, вылизала его с морды до хвоста, словно хотела отмыть от былой опасности. Борлла, вылезшая на берег, лежала в грязи, пытаясь отдышаться; Реел, робко подойдя к ней, благодарно лизнул ее в морду. Я ожидала, что она станет издеваться над его слабостью, однако вместо

насмешек она тихо положила морду ему на шею. Меня захлестнула ревность: я-то ведь и не подумала утешить Аззуена! Обернувшись, я встретила его пристальный взгляд, но не успела ничего сказать – Рисса заговорила с Борллой:

– Ты поступила правильно, как подобает члену стаи. А тебе надо становиться сильнее, – добавила она, повернувшись к Реелу. Волчица еще раз коснулась носом его макушки и стряхнула со шкуры последние капли воды. – Ну что, щенки, самое опасное позади. Теперь за мной, и не шуметь! Пока не дойдем до человеческого жилья, останавливаться не будем.

Двигаясь врассыпную, чтобы ни один встречный волк не понял, сколько нас на самом деле, мы скользнули в лесную чащу, следуя за крепнущим запахом людей.

Лес расступился у подножия невысокого сухого холма, покрытого высокой летней травой и колючими кустами. Запах людей перекрывал все прочие. Рисса подозвала нас поближе и предупредила:

– За холмом вы увидите поляну, где собираются люди. Не вздумайте к ним подходить, не отрывайтесь от взрослых.

Мое сердце возбужденно забилось. Молча и осторожно, как взрослые при выслеживании медведицы, мы взбирались на верхушку холма. Людей мы не видели, нас достигали одни запахи и звуки. Рисса вновь остановилась, мы ждали рядом. Иллин и Веррна следили за нами – и за всем, что могло нам угрожать. Аззуен, сидя рядом со мной, тихонько задрожал; я лизнула его в нос и осторожно взяла его мордочку в зубы, как делала Рисса раньше, когда мы были малышами и чего-нибудь пугались. Его сердце забилось спокойнее. Марра, такая смелая на реке, теперь тоже подползла ко мне ближе и тихонько заскулила; я коснулась и ее морды, она вздохнула с облегчением. Борлла, с вызовом поглядев на меня, наклонилась ухватить зубами мордочку Реела.

По кивку Риссы мы припали к земле и поползли вперед, скрытые высокой травой. Рисса говорила, будто люди не видят в темноте, и все же под защитой травы и кустов я чувствовала себя спокойнее. Аззуен и Марра тихонько повизгивали от возбуждения и страха, пока гневный взгляд Риссы и ощутимые укусы Иллин не заставили их умолкнуть. Наконец мы добрались до вершины холма и взглянули вниз, на человеческое жилье.

Двуногих существ было много, будто сразу несколько стай. Как медведи перед нападением, они неуклюже двигались на задних лапах по большой поляне – размером с шесть наших прогалин. Длинные тела, гладкие, как у ящериц или змей, местами покрывала лоснящаяся шерсть, на плечах и бедрах у многих висели шкуры убитой добычи. От людей пахло солью,

мясом и мягкой влажной землей, но все перекрывал тот едкий запах, по которому мы нашли их издалека. «Огонь!» – внезапно поняла я. То был запах огня и дыма, смешанный с запахом нагретых камней: каждый огонь на поляне пылал внутри круга, выложенного из крупных каменных осколков. Запах казался странным, хотя я никак не могла уловить почему.

Люди держались группами, словно мелкими стаями, взрослые и детеныши вместе. Детеныши резвились на поляне, скуля и повизгивая: младшие, не крупнее четырехнедельного щенка, ползали по земле совсем как волчата, так что хвост у меня невольно завилял; старшие самцы, размером со взрослого волка, выглядели мощнее самок, и их покрывала более густая шерсть. Внезапно мне сделалось одиноко – как в тот день, когда я осталась без матери.

– Не диво, что люди забирают всю добычу в Долине! – Голос Веррны от удивления звучал хрипло. – Их никогда столько не было, стая не росла сверх меры!

– Люди еще хуже, чем стая Скалистой Вершины! – согласилась Рисса. – Мало им охоты на нашей территории – скоро они начнут занимать и наши поляны, даже не задумавшись о волчьих жизнях.

Я поразилась. Любой волк, ступая на чужую территорию, знает, что рискует, и потому отваживается на такое лишь в крайних случаях и ведет себя осторожно, каждый миг ожидая нападения.

– Если стая растет, им надо от кого-то избавляться, как делаем мы, – презрительно скривила губы Борлла. – Они похожи на стадо добычи, а не на людей.

– Люди – охотники, не забывай, – бросила Рисса. – Охотники, не чтущие ни законов, ни границ. Когда я родилась, соблюдать заповедь было проще: мы держались подальше от них, а они – от нас. Теперь они бродят где придется, поэтому вы должны знать, что такое люди.

И мы смотрели. Человеческая самка устраивалась на отдых рядом с самцом, тот обхватил ее руками. Другая самка прошла через поляну, детеныш у нее на руках уткнулся ей в шею лицом. Я готова была заскулить от отчаяния: я чувствовала, что запрет общаться с людьми несправедлив! Однако после слов Тревегга о полукровках я не рискнула ничего спрашивать.

– А почему нельзя побыть с ними хоть немного? – задумчиво произнес Аззуен. Он уже давно наблюдал за мной. – Понятно, что мы не должны оставаться и помогать, но почему нельзя даже подойти?

Я едва удержалась, чтобы не кинуться к нему от радости, и

наградила его благодарным взглядом. Рисса посмотрела на Аззуена.

– Если побыть с ними даже недолго, мы не сможем остановиться: нас потянет помогать и делиться знаниями, как Индру. По крайней мере так я слышала, когда была щенком. – Рисса отвела взгляд и помолчала, словно раздумывая, говорить ли дальше. – Кроме того, есть что-то в душе волков и людей, что препятствует нам жить вместе. Людей обычно пугает вольный и дикий волчий нрав, который они не могут подчинить. Оставаясь с ними надолго, мы вынуждены будем смирять себя, иначе мы их раздражаем или сами начинаем злиться – и тогда можем напасть на человека. А за такое верховные волки уничтожают всю стаю. Потому наши предки и обещали, что волки Широкой Долины будут избегать людей. Конечно, кроме тех случаев, – она блеснула глазами, – когда у них можно утащить что-нибудь вкусное!

Аззуен серьезно посмотрел на Риссу.

– Тогда почему Древние не истребили волков, когда молодая волчица из легенды стала охотиться с людьми? Ведь волки нарушили обещание Индру! Если видеться с человеком так опасно, почему Древние оставили нас в живых?

– Радуйся хотя бы этому! – проворчала Веррна, смерив взглядом Аззуена. – Не тебе, щенок, сомневаться в легендах!

– Даже когда мы держимся от них подальше, лучше не становится! – Аззуен неожиданно вскочил. – Люди захватывают чужую добычу и нарушают границы! И еще Гладкое Крыло говорил, что они оттесняют добычу прочь из Долины!

– Сядь, щенок! – рявкнула Рисса. – Замолчи и не высовывайся!

Аззуен тяжело плюхнулся на землю, удивленный яростью Риссы. Он раскрыл было пасть, чтоб возразить, но волчица зарычала.

– Тебе сказали не обсуждать легенды! Сиди смирно – или ступай назад и плыви через реку один!

Пристыженный, Аззуен опустился на брюхо; я коснулась носом его морды, чувствуя себя виноватой, – все-таки первый вопрос он задал из-за меня.

Я вновь посмотрела на людей. Маленькая девочка свернулась у ног самца и самки – видимо, родителей. От нее пахло свежевыпавшим дождем.

– Тебе захочется туда, к ним, – тихо проговорила Иллин, наблюдавшая за двумя молодыми самцами, которые шутливо боролись, словно волки-однолетки. – Захочется их коснуться, побыть рядом, поиграть как с волками своей стаи. Но твой волчий

долг – этого не допустить. Долг перед стаей и заповедью выше других желаний.

Рисса согласно кивнула.

– Они нас не учуют? – спросил Реел, отодвигаясь назад.

– Для них носы – что для туров крылья: бесполезная вещь, – ухмыльнулась Веррна. – Будешь пускать ветры прямо у него за спиной – и то не учует.

– Ну, не совсем так, – посмеиваясь против воли, заметила Рисса, – хотя и вправду их носы слабее наших и услышать наш запах на расстоянии они не могут.

Интересно, как они выживают, если не могут почуять запах врагов или добычи? Мой нос даже сейчас расслаивал и распознавал запахи их поляны, и я по-прежнему не понимала, почему запах огня и дыма мне кажется странным. И вдруг меня осенило: мясо и огонь! Запах обожженного мяса! Непривычный, противоестественный и все же неодолимо притягательный; я влеклась к нему так же, как к самим людям, он пробуждал голод – не только желание мяса, но и желание чего-то еще, непонятное и странное.

– Как же они живут? – спросила я, чтобы сбросить с себя наваждение. – Как охотятся, если не чуют запахов?

– Так же, как и мы, – ответила Рисса. – На свету люди хорошо видят, а охотятся стаей. И убивают не зубами или когтями, а орудиями – острой палкой, похожей на длинный шип, которую бросают при помощи второй палки, чтобы убить дичь издалека. Они умелые охотники, – добавила она с легкой завистью.

Мы замолчали, глядя на людей. Теперь я понимала, почему нам так жестко запрещено с ними знаться: между нами ощущалось странное родство, они казались ближе к волкам, чем даже вороны. Людские звуки и движения были похожи на волчий язык, их детеныши ползали и играли совсем как волчата. Выделялся высокий мускулистый самец – от него пахло силой, и голенастые поджарые юнцы старались завоевать его одобрение. Непонятно, как он умудрялся сохранять порядок в такой большой стае, но его поведение завораживало.

Внезапно повеяло теплом: рядом со мной возникла волчица – явно не из нашей стаи, хотя ее запах показался мне знакомым. Удивительно, как она подошла, не поприветствовав Риссу и не обнюхавшись с остальными взрослыми… Молодая, как Иллин, волчица с тоской смотрела на людей. Не хотелось ее отвлекать, но она выглядела такой печальной, что я не удержалась и ткнула ее носом.

Странная волчица обернулась, и я, увидев белый полумесяц на груди, ее узнала: та самая волчица с Великой Равнины! Значит,

я не выдумала ее от изнеможения и отчаяния, она настоящая! И даже вполне обычная: невысокая, светло-бурая, худощавая… Вот чей запах привел меня тогда к стае, вот кто спас нас с Аззуеном! Я вдруг поняла, что едкий отголосок в ее запахе – тот же, что исходил от человеческого лагеря: запах обожженного огнем мяса. Странная волчица пахла людьми!

– Ты подросла, малышка Мелкие Зубки, – сказала она, касаясь носом полумесяца у меня на груди. – Ты уже не щенок. Как поживает стая Быстрой Реки?

Человеческий запах волчицы не давал мне покоя.

– Ты из стаи людей?

– Не совсем. – Она с тоской посмотрела на поляну и перевела взгляд на Риссу и щенков. Я не понимала, почему остальные не подходят к ней ни с приветствиями, ни с угрозами.

– Тогда из какой ты стаи?

– Я из волков Быстрой Реки, кроха, откуда ж еще? У нас с тобой одна стая.

Совсем ничего не понятно. Говорили, что кто-то из прошлогодних щенков, братья и сестры Иллин и Минна, ушли искать себе пару и должны вернуться к зиме. Такие не стали бы тянуть с приветствием и сразу подошли бы к Риссе… Я не полезла с вопросами: если окажется, что волчицу изгнали, вряд ли она захочет рассказывать подробности. Но тогда почему Рисса ее подпустила?.. Я так озадаченно разглядывала волчицу, что она засмеялась:

– Тебе велели смотреть на людей, а не на меня, кроха! Из всех волков Широкой Долины тебе нужно знать о них больше всех.

– Почему?

– Ты, Дочь Луны, должна завершить начатый мной путь.

Звучный дальний вой заставил нас вздрогнуть, волчица навострила уши.

– Мне пора. Позаботься о моей стае. – Она вновь посмотрела на людей. – Обо всех, кто в моей стае.

Еще раз тронув носом полумесяц у меня на груди, она скрылась в лесу. Тут же повеяло холодом, я поежилась.

Полумесяц на груди еще пульсировал теплом от прикосновения, не давали покоя слова про заботу о стае – я поднялась и хотела было бежать вслед волчице, чтобы спросить. И тут меня внезапно потянуло к человеческому лагерю, безумно и неудержимо. Не в силах сопротивляться, я шагнула вниз по склону холма.

– Ляг сейчас же! – прорычала Веррна.

Лапы у меня подрагивали, голова кружилась; грудь налилась жаром и пылала, как огонь в человеческом лагере, – будто кто-то

обвил сердце прочной лозой и теперь тянул меня к людям. Поляна вдруг увиделась ясно и четко, людские слова из нелепой мешанины звуков превратились в осмысленную речь, такую же, как волчья. Мне захотелось, чтобы меня тоже обвили человечьи руки – как того ребенка, что прижимался к матери; захотелось почувствовать вкус обожженного мяса и тепло огня, согревающего шкуру. Внутренний зов, слышимый издавна, усилился вдесятеро, я не могла ему противостоять.

Я сделала еще шаг, потом еще и уже двинулась вниз по склону, как вдруг Веррна, прыгнув, грудью сбила меня с ног и вмяла в землю. Я громко заскулила.

– Тихо, бестолочь! – прошипела волчица. – Хочешь, чтобы весь лес знал, что мы тут?

И все же я пыталась выбраться туда, к людям, и била лапами под тяжестью массивного тела Веррны. Боль в груди – ослабшая было, когда я двинулась к поляне, – вновь росла, желание быть с людьми пересилило страх, я отбивалась как могла. В конце концов Веррна ударила меня в плечо, и наваждение, оставленное человеческим запахом, отступило. Я вспомнила, что я волчица и принадлежу стае Быстрой Реки, и позволила Веррне втащить меня обратно на вершину холма, где ждала разгневанная Рисса. Аззуен и Марра смотрели на меня широко раскрытыми глазами, и даже Уннан с Борллой были слишком удивлены, чтобы произнести хоть слово.

– О чем, во имя Луны, ты думаешь? – обрушилась на меня Рисса. – Как ты смеешь приближаться к людям после всего, что тебе говорили?

Я не нашлась с ответом. Не рассказывать же ей о волчице, которая то ли настоящая, то ли нет: Рисса сочтет меня помешанной или, чего доброго, решит, что из-за тяги к людям меня надо изгнать из стаи. От одной мысли о людях вновь закружилась голова.

– Отвечай! Иначе пойдешь через реку и равнину в одиночку, сейчас же! – Никто из щенков еще не доводил Риссу до такой ярости. – Как ты смела меня ослушаться?

– Прости, пожалуйста, – прошептала я. – Меня потянуло к людям.

Веррна с Риссой обменялись беспокойным взглядом, Борлла что-то пробормотала про полукровок. Аззуен сокрушенно смотрел на меня, явно хотел подойти и не осмеливался. Я была благодарна ему за заботу, но его унылое сострадание меня раздражало. На Иллин я даже не взглянула, боясь увидеть в ее глазах разочарование.

– Что ты говоришь? – не отступала Рисса. – Как потянуло?

– Будто огнем обожгло, – прошептала я, – и показалось, что если не пойти к людям, то жжение не остановится. Прости.

О странной волчице я говорить не стала. Не смогла.

– Кровь – она и есть кровь, – смерила меня взглядом Веррна. – Всего четыре луны от роду, а уже сказывается.

– Ты слишком строга, Веррна, – укорила ее Рисса. – Малышка просто излишне впечатлительна. Щенки, пытающиеся подойти к людям при первой встрече, не редкость, это ничего не значит.

Однако она озабоченно потрогала носом белый полумесяц у меня на груди.

– Ничего не значит – пока, – стояла на своем Веррна. – Ты скажешь Рууко?

– Нет. – Рисса, подняв голову, твердо встретила взгляд Веррны. – И ты тоже.

Веррна замерла на мгновение, затем опустила уши.

– Будь по-твоему…

Борлла важно подошла к Риссе.

– Меня, может, тоже к ним тянуло, но я ведь не пошла! – процедила она презрительно.

Уннан согласно кивнул:

– Никто не двинулся с места, только Каала.

– Замолчите! – приказала Рисса. – И больше не вспоминайте. Слышите? Каала, будешь ждать у подножия холма. А мы попробуем вернуть хоть что-то из того, что люди у нас стащили.

– Рууко не одобрит, – покачала головой Веррна.

– Не все в стае решает Рууко, – отрезала Рисса. – Запрещено биться с людьми, когда они отбирают нашу добычу, зато можно утаскивать то, что они оставляют без присмотра на краю лагеря. Можешь остаться здесь со щенками, – добавила Рисса, окинув Веррну небрежным взглядом.

Веррна собралась было возразить, но что-то в лице Риссы ее остановило.

– Хорошо, – послушно согласилась она. – Щенки, а ну шевелите лапами!

Волчица отогнала Аззуена и Реела в сторону, я медлила.

– Ступай, – скомандовала мне Рисса. – Ты собой не владеешь, тебе туда нельзя.

Если уж Веррна решила не спорить с Риссой, то мне и подавно не стоило. Пытаясь не замечать жгучую боль в груди, я повернулась прочь от волков моей стаи – и от людей, к которым меня так влекло.

Глава 7

Измученная болью, я плелась к подножию холма. При виде половинки луны захотелось повыть от горя, но ведь Рисса и без того отчитала меня за несдержанность… Я уныло брела, чувствуя каждый комок земли подушечками лап, и тихонько про себя поскуливала. Вдруг позади раздался мягкий звук шагов.

– Я с тобой, – серьезно заявил Аззуен.

Вдвоем с Аззуеном мы дошли до подножия холма и сели, луна светила нам сквозь ветви деревьев.

– А если Веррна увидит, что тебя нет?

– Ей не до того, – усмехнулся Аззуен. – Злится, что ее оставили со щенками, и не следит, кто на сколько шагов отошел. Хорошо быть мелким волчонком: взрослым до тебя нет дела, тебе все равно не дожить до весны…

– Неправда! – воскликнула я. Неужели его так мало заботит собственное будущее и место в стае? – Тебя же не бросили, когда ты переплывал реку!

– Да, взрослые следят, чтоб мы не погибли, но все равно думают, что нам с Реелом не пережить зиму.

– Уж ты-то переживешь, я позабочусь! – выпалила я и испугалась: вдруг он подумает, что я считаю его слабым?

Аззуен помолчал, обдумывая мои слова, однако заговорил о другом:

– А почему ты пошла к людям? После всего, что Рисса с Тревеггом рассказали нам о заповеди… Нас тоже к ним тянуло, ну и что? Тебя ведь могли вышвырнуть из стаи! Или еще хуже… – Он не пытался обвинять или поучать, просто любопытствовал.

– Вначале меня тянуло не больше, чем других. А потом вдруг раз – и я не могла остановиться. Как Индру, про которого говорила Рисса. Понимаешь, не могла! Это плохо, да ничего не поделаешь. Не будь я уверена, что Рисса с Веррной меня удержат, – пошла бы даже сейчас.

Аззуен поглядел на меня. Я заметила, что мордочка его за последнее время округлилась. Хоть он и считает себя мелким волчонком, он все же взрослеет и становится сильнее.

– В следующий раз, когда тебя потянет к людям, скажи мне. Я на тебя сяду и прижму к земле.

Я засмеялась, боль в груди немного ослабла.

Внезапно я чуть не выскочила из шкуры от испуга – над головой зашуршали крылья и прямо передо мной приземлился Тлитоо.

– Глупее волчонка я не видал, – заявил он мне, принимаясь

чистить перья. – Если тебя вышибут из стаи, щеночек, верховные волки тебе ничем не помогут, так что учись себя сдерживать. У меня тоже при появлении людей жжется метка на крыле, и ничего – научился не замечать. Мало ли что ты чувствуешь, не обращать же внимание на все подряд. – Он вытащил из крыла травинку и швырнул в меня.

– А почему ты здесь, да еще ночью? – буркнула я. Вороны обычно не любят темноты. – Чего тебе не сидится с семьей?

– Я уже вырос, чтоб летать, где хочу и когда хочу, не то что малютки-щеночки. Должен же кто-то присматривать, чтобы ты не скулила по ночам. – Тлитоо уставился на меня в темноте, часто мигая. – А то вдруг верховолки рассердятся.

Повадились мне сегодня выговаривать за поведение…

– Если верховным волкам есть до меня дело, то где они сами? – огрызнулась я. Вот уж кого бы увидеть! Спросить, кто мой отец, и правда ли во мне кровь чужака, и какая во мне угроза стае, и вообще что я за существо…

Тлитоо издал низкий клекот и встопорщил перья на ногах.

– Верховолки приходят, когда хотят, щеночек! У них есть дела поважнее, чем успокаивать глупых обиженных волчат.

– Думай, что говоришь, вороненок! – Аззуен встал рядом со мной. Вступился!..

Тлитоо склонил голову набок.

– Друзья – это хорошо. Особенно если их не терять. В одиночестве тебе лучше не оставаться.

– У тебя все? – раздраженно бросила я. Надоели его загадочные намеки на верховных волков.

– Послушай! – Внезапная серьезность Тлитоо меня ошеломила, Аззуен прижался ко мне – на этот раз не успокоиться, а успокоить. – Нельзя, чтоб тебя выгнали из стаи, пока ты не можешь себя прокормить. Не показывай, что чем-то отличаешься. Не выделяйся. Сумеешь? Подумай.

Я смотрела на вороненка, прижавшись к Аззуену, и не знала, что отвечать. Голос Тлитоо чуть смягчился.

– Ты ведь знала, что не похожа на других. Думаешь, почему верховолки сохранили тебе жизнь? – Он бережно провел клювом по моей макушке, тихонько заурчав. – Мне тоже не нравится таинственность злюковолков, но ведь я из-за этого не рву себе перья на голове! Тебе сейчас хватает и других забот.

Его неожиданная доброта меня удивила, я раскрыла было пасть, чтобы поблагодарить, – как вдруг он развернулся и щелкнул меня по носу хвостом.

Ворон умрет от тоски!
Хвостом ему в нос!

Он встопорщил крылья, словно собрался напасть, и тут Аззуен вдруг прыгнул.

Тлитоо отскочил в сторону.

– Ха! – довольно каркнул он. – Здорово, когда щенок не похож на унылую гусеницу!

Вороненок замолчал и свесил голову набок, словно к чему-то прислушиваясь. Аззуен, едва сдерживая смех, переводил взгляд с него на меня.

– Таких странных воронов я не встречал! Что он делает здесь среди ночи? – Аззуен склонился ко мне и шепнул: – По-моему, Каала, ему нельзя доверять.

Признательность к волчонку затопила меня теплой волной. Выражением мордочки он вновь напомнил мне маленького старичка – суждено ли проявиться его задаткам, суждено ли ему вырасти? Аззуен и Реел – слабейшие щенки в стае, и если оба выживут, кому-то из них придется вечно быть низкохвостом. Если я хоть на что-то способна – я не позволю, чтобы им стал Аззуен.

Вопросы Тлитоо, правда, оставались более насущными. Я сузила глаза и посмотрела на него.

– Слушай… – начала я.

– Вам пора спешить, щеночки! – внезапно каркнул Тлитоо и на мгновение задержал на мне взгляд. – Не торчите тут, как больной клюв!

С клокочущим хохотом Тлитоо исчез в темноте, и в тот же миг я услышала позади треск кустов – с холма спускались наши; со стороны человеческого лагеря вслед им неслись громкие вопли. Иллин, пробегая, глянула на меня блестящими от возбуждения глазами, из ее пасти торчал огромный кусок мяса – мяса, обожженного огнем!

– Такое мясо на обочине не найдешь, – пробормотал Аззуен.

– Они заходили в лагерь, к самим людям! – Меня охватила зависть: задали мне трепку только за то, что я шагнула в сторону лагеря, а сами в него вошли! От запаха обожженного мяса рот наполнился слюной, однако времени на трапезу явно не было.

– Бежим! – с ухмылкой, смягчавшей резкость команды, прорычала Рисса сквозь зажатый в зубах ломоть мяса. Уже не заботясь, слышно нас или нет, мы устремились к деревьям – и дальше через лес к своей территории; я могла поклясться, что в ясной прохладной ночи рядом со мной и Аззуеном летела тень молодой волчицы.

Люди нас не преследовали. Ни их медленный неровный бег, ни их слух и обоняние не сравнить с нашими – оторвавшись от них так, чтобы их летающие палки не могли нас достать, мы больше не волновались. И все же продолжали бежать. В лесу пахло волками Скалистой Вершины, позади нас слышались гневные людские крики. Я не могла не посмеяться над погоней: мы летели как ветер.

Марра, Борлла и Уннан, гордо вздернув хвостики, сжимали в зубах куски утащенной еды; я бежала рядом без всякой ноши, будто я такая же слабая, как недоростки Реел и Аззуен. Уннан выпустил из пасти мелкий кусочек мяса – я проглотила его на ходу, не замедлив шага, и ухмыльнулась Марре, которая за мной наблюдала. Она закатила глаза и устремилась вперед еще быстрее, стараясь поравняться с Риссой.

– Задавака! – рассмеялась я, чуть задыхаясь от усилия.

Наконец мы перешли на более легкий бег и теперь двигались друг за другом в льющемся лунном свете. Ближе к нашей территории запах Скалистых волков сделался слабее, бежать стало спокойнее. По хриплому дыханию Аззуена и Реела было слышно, что они не прочь замедлить шаг.

Я думала, Рисса вновь поведет нас туда, где мы переплывали реку, но она свернула на широкую тропинку, протоптанную оленями к водопою, а потом еще час вела нас по берегу, намного выше прежнего места. Я не понимала, зачем обходить так далеко. Если пересечь реку здесь, то на той стороне нужно будет долго возвращаться к равнине Высокой Травы… Однако при виде ольхи, поваленной поперек течения, все стало ясно, и я с удивлением следила, как Рисса переходит через реку по стволу. Веррна помогла перебраться Реелу, за ними двинулись Уннан и Борлла.

– Зачем было заставлять нас плыть, если здесь переправа? – спросила я Марру.

Вместо нее ответила Иллин, стоявшая рядом и следившая за тем, чтобы Аззуен благополучно добрался до берега:

– Волк, которому предстоит охотиться, должен уметь плавать. К тому же до Ольховой Переправы далеко: на переход надо тратить силы. Рисса явно не рассчитывала, что волчатам будет трудно переплыть, хотя им все равно ничего не грозило: мы с Веррной успели бы подхватить любого. Но сейчас нельзя одновременно тащить мясо и следить за щенками. И без того в последний раз, добираясь вплавь, Минн упустил по течению целый окорок. Так что на обратном пути от людского лагеря мы теперь ходим через Ольховую Переправу.

– Волки так часто воруют добычу у людей? – изумленно спросила Марра.

Иллин усмехнулась:

– Настолько часто, чтоб знать пути через реку и уметь переправиться в любой миг. Нам пора.

Она взяла в зубы свой кусок мяса и легко перебежала по дереву на другой берег, где уже ждали остальные.

Я все равно ничего не понимала.

– Аззуен с Реелом могли утонуть! – обернулась я к Марре. После всего, что Рисса говорила про заботу о щенках, подвергать нас такой опасности… Я помотала головой и взглянула вслед Иллин.

– Нас опять проверяли, – предположила Марра, проследив за моим взглядом; у ее ног лежало вкусно пахнущее оленье ребро. Я подняла голову, чтобы вобрать в себя расплывчатый свет солнца: небо уже озарялось первыми рассветными лучами. – Никто не хотел гибели Реела или Аззуена, взрослые лишь проверяли, кто из нас сильнее. И кто утащит лучший кусок. Ты бы видела Иллин: она выждала, пока люди отвернутся, подскочила к костру и украла мясо прямо с огня! Потому нам и пришлось удирать что есть сил. Рисса ей, конечно, попеняла для виду, но явно была довольна.

«Довольна, когда Иллин ворует ценный кус мяса, – подумала я, – и когда Борлла помогает Реелу перебраться через реку. А мне грозит наказание: как же, ведь меня тянет к людям слишком сильно…» Я вздохнула, переведя взгляд на Борллу, и вдруг увидела, что мясо у нее в зубах тоже обожжено огнем!

– А Борлла что, заходила в людской лагерь? – возмущенно выпалила я.

– Куда там! – Марра вытянула длинную гибкую спину. – Иллин обронила лишний кусок, Борлла в него и вцепилась. Теперь делает вид, будто утащить жженое мясо без нее не додумались бы.

– Чего ждете, лентяи? – донесся до нас голос Риссы.

Я поспешила вслед за Маррой – она, подхватив оленье ребро, уже двинулась к остальным.

Рисса, остановившись сразу за переправой, окинула взглядом добычу.

– Можете немного поесть, волки Быстрой Реки, – разрешила она, обнюхав мясо и отложив куски для Рууко и стаи. – Вы заслужили.

Рот у меня наполнился слюной. Я заметила, что все обожженное мясо она оставила нам.

– Рууко все равно его не ест, – пояснила она явно недовольной Веррне. – Говорит, что еда с огня – не еда.

Все рванулись к мясу, меня же грубо оттолкнула Веррна.

– Обойдешься! Тебя и так слишком тянет к людям.

Я возмущенно взвыла и попыталась прорваться к остальным, но Рисса с Иллин оттеснили и меня, и Реела с Аззуеном. Те, поджав хвосты, подчинились, а я лишь больше обозлилась: разве я недоросток, как они? Почему меня не пускают? Я шагнула к мясу и, встретив яростно-неприязненный взгляд Веррны, едва не зарычала на нее – как вдруг вспомнила слова Тлитоо: мне нельзя выделяться!.. Пришлось подавить злость и послушно наблюдать, как остальные пожирают пахнущее огнем мясо. Наконец, когда остался последний кусок, Рисса велела двигаться дальше.

И тут же застыла на месте; шерсть ее вздыбилась, раздался низкий горловой рык. Положив на землю мясо, волчица прочно расставила лапы; Веррна, уже замкнувшая нашу вереницу, вновь метнулась вперед и встала рядом с Риссой.

– Стая Скалистой Вершины! – прорычала она. – По нашу сторону реки!

Два крупных волка, самец и самка, выступили из леса на тропу. Я не могла отвести взгляд от самца: его морда казалась одним сплошным шрамом – куда там шрамам Веррны! Левая сторона пасти наполовину отодрана, над левым глазом болтается лоскут кожи… Пахло от него чем-то прокислым и гнилостным, похожим на болезнь; с таким запахом впору падать от слабости, а он выглядел мощным и властным – явный вожак. Оба волка были крупнее и мускулистее самого Рууко, наших трех волчиц они явно не боялись.

– Торелл, Сеела, – кивнула им Рисса, не двинувшись с места и даже не шевельнув хвостом. Веррна и Иллин – держа хвост чуть ниже, чем у Риссы, но так же неподвижно – встали к ней вплотную. Хотя голос Риссы звучал мягко, едва сдерживаемая ярость сгущалась вокруг нее, как туман. – Вы уже не впервые нарушаете границы Быстрой Реки.

– Рисса, Веррна. – Самец, названный Тореллом, едва кивнул им головой; ни Иллин, ни мы не удостоились и взглядом. – Не спешите с обвинениями. Нынче ночью вы были на нашей территории.

– На общей территории, Торелл. Проход к людскому лагерю открыт для всех; нам нужно было показать щенкам, что такое люди. Волки всех стай считают это законным.

– Только не я. – Голос Торелла звучал так же мягко, как у Риссы. – Решение принимали без моего согласия. На этот раз я смирюсь, хотя вы не только побывали на моей территории, но и взяли с нее добычу.

– Тебе ничего другого не остается, – фыркнула Веррна. – Нас больше.

Торелл и ухом не повел.

– С вами щенки нынешнего года?

– Все из доживших до первой луны, – гордо бросила Рисса.

– А сколько уцелело из твоих? – осведомилась Иллин, поднимая хвост чуть выше. – Я помню, в прошлом году выжили только двое, и оба ушли из Долины.

– Замолчи, – приказала Рисса.

Сеела, изжелта-бурая волчица ростом почти с Торелла, скривилась.

– Может, хоть нынешних щенков выучишь быть повежливее? Впрочем, кому-то из них явно не пережить зиму. – Она смерила взглядом Аззуена и Реела.

– Не твоя забота, – отозвалась Рисса. – Волчата, это Сеела и Торелл, вожаки стаи Скалистой Вершины. Можете их не приветствовать.

– Как будто кто-то собирался, – пробормотал себе под нос Аззуен.

– Ступайте прочь с земель Быстрой Реки. – Рисса чуть посторонилась. – Мы пропустим вас без боя.

– На этот раз мы уйдем, но запомни, Рисса: наша территория под угрозой. Люди забирают добычу. Мы не собираемся гибнуть только потому, что людей угораздило поселиться на нашей стороне. – Сеела обвела нас глазами. – Земли Быстрой Реки самые богатые в Долине. Добычи здесь хватит и для нас.

Рисса вновь зарычала, к ней присоединились Веррна и Иллин – так, что земля задрожала под нашими лапами.

– Ступайте прочь! – рявкнула Веррна.

Торелл глянул в глаза Сееле, едва заметно кивнул и двинулся вперед. Сходить с узкой тропинки им было опасно: если мы нападем, по зарослям они так просто не уйдут, – поэтому Скалистые протискивались вплотную к нам.

Торелл, проходя, оценивающе оглядывал всех щенков. Увидев меня, он остановился.

– Как так? – прошипел он. – Знак проклятия и запах чужака?

– Отойди, – бросила мне Иллин, становясь рядом. Но я будто присохла к земле.

– Сказано тебе – дела Быстрой Реки тебя не касаются, – огрызнулась Рисса.

– Не заставляйте нас повторять, – рявкнула Веррна. – Сами уйдете или проводить?

Торелл сощурил глаза.

– Мы уйдем. – Он задержал на мне взгляд, и лишь когда Веррна с Риссой двинулись вперед, Скалистые волки ступили на ольховое бревно. Легко перебежав на свой берег, они оглянулись

на нас через реку.

– Вперед, щенки, – велела Рисса. – Сегодня они больше к нам не сунутся.

Она подхватила свой кусок жженого мяса, ее вздыбленная шерсть наконец улеглась. Мы двинулись домой, уже более спешным шагом. Я не могла успокоиться: взгляд Торелла и ненависть в его голосе довели меня до озноба. Многовато впечатлений для одной ночи… Однако я больше волновалась, как бы кто-нибудь не доложил Рууко о моей вылазке к людям, поэтому решила пока выбросить из головы и Торелла, и Скалистых волков.

Глава 8

Усталые после ночных приключений, к полю Высокой Травы мы добрались, когда солнце уже встало над восточными горами. Остальные ждали нас на поляне у кромки леса, лениво грызя остатки кобыльей туши. Рисса не замедлила рассказать Рууко о столкновении с волками Скалистой Вершины; внимательно выслушав, вожак лизнул волчицу в морду и что-то тихо проговорил – известие, судя по всему, его не сильно озаботило: такие стычки были обыденны, как дождь, а нынешняя даже не переросла в схватку. Лишнему мясу Рууко обрадовался, и если налет на человеческий лагерь он не одобрил, то по крайней мере не ворчал. И старался не замечать запаха обожженного мяса, исходившего от Иллин и других, кому повезло его попробовать. Последний кусок жареного мяса Рисса отдала Тревеггу – тот пробормотал благодарность и сожрал кус в один присест.

По счастью, Рисса не сказала Рууко о моей попытке двинуться к людям и даже запретила остальным об этом упоминать. Однако каждый раз, когда Борлла или Уннан оказывались рядом с Рууко, у меня подводило брюхо от страха: если вожак считал моего отца чужаком и искал причин от меня избавиться, то моя тяга к людям даст ему нужный повод. Правда, никто пока не обмолвился ни словом.

Рисса рассказала вожаку, что Борлла помогла Реелу перебраться через реку и отличилась при добывании мяса.

– Молодец, волчица, – одобрительно отозвался Рууко. – Ты еще принесешь пользу стае Быстрой Реки!

Впервые он назвал кого-то из нас не щенком или волчонком, зависящим от заботы взрослых, а самостоятельным членом стаи – Борлла чуть из шкуры не выпрыгнула от гордости. Рууко похвалил и Уннана, и даже Марру – за нее-то я была рада, но не могла не позавидовать. Больше всех похвал досталось, конечно,

Борлле – и за то, что стащила мясо, и за помощь на переправе. Иллин, Тревегг и даже хмурая Веррна превознесли ее чуть не до небес.

Борлла, поймав мой взгляд, вдруг подскочила ко мне, дохнула в морду отчетливым, желанным запахом жареного мяса – и тут же отвернулась, победно задрав хвост. Я предпочла отойти в сторону, хотя во мне клокотала ярость.

Внезапно захлопали крылья, послышался раздраженный вопль Борллы. Я обернулась: отчаянно визжа, она изо всех сил пыталась достать летающего над ней Тлитоо, а на ее макушке красовалась огромная клякса белого птичьего помета, стекающего на морду и глаза. Вороненок то и дело пикировал на Борллу и тут же отскакивал с хохочущим карканьем, не даваясь ей в лапы.

Щеночку идет!
С белым мехом красивей!
Ворон старался!

Иллин покатилась со смеху, тут же прыснул Минн, вскоре хохотала вся стая.

– Тебе не хватает проворства, Борлла! – заявила Рисса, пытаясь прочихаться: от смеха она ткнулась носом в пыль. Тревегг хохотал так, что упал на спину и теперь сучил лапами в воздухе; Рууко, не удержавшись, прыгнул на него, оба покатились по поляне.

Иллин опрокинула Борллу на спину, а когда та зарычала, Иллин только пуще расхохоталась.

– Будешь знать, как гордиться, щенок! – фыркнула она, отпуская Борллу, и в тот же миг обе бросились в стороны – свежая струя помета ударила туда, где они только что стояли.

Морду Борллы перекосило от ярости, но нападать на Риссу или других взрослых ей было не по зубам. Тлитоо, явно исчерпав боевые запасы, улетел к ближайшей скале, а Борлла потащилась к деревьям, прижав уши и ссутулившись.

Отсмеявшись, я с легким сердцем ушла помогать другим прятать добычу рядом с кусками кобыльей туши. Зажав в зубах маленький ломтик конины, я подумала, что уж коль мне не досталось жареного мяса, то пусть хоть такой клочок его заменит. Однако шлепок Веррны тут же отбросил меня в сторону.

– Еда не для тебя, щенок, ты ее не заслужила.

Я взвыла, но Рисса в ответ на мой зов только отвернулась. Теперь настал мой черед отползти в сторону, тихонько подвывая про себя.

Рууко уже разрешил стае отдыхать до вечерней прохлады, и

пока взрослые устраивались в тени, Рисса подняла голову.

– Щенки, если не хотите спать – можете побродить по округе, только не отходите далеко.

Я двинулась прочь от остальных, раздумывая о своем ненадежном месте в стае. Мои заслуги никак не беднее, чем у Борллы или Уннана, – ведь я притащила на поляну не меньше конины, чем остальные, и переплыла реку не хуже других. Правда, не сдержала порыва двинуться к людям…

Я не заметила, как дошла до равнины Высокой Травы. За мной трусил Аззуен. У кромки леса появилась Борлла, успевшая счистить с головы почти весь помет, – теперь, опасаясь выходить на равнину, она усиленно обнюхивала воздух и оглядывалась в поисках Тлитоо. Вслед за ней осторожно вылезли Уннан и Реел. Марра уткнулась мордой в колючий ягодный куст и принялась жевать глянцевитые листья; я, учуяв пустую сусличью нору, раскидывала лапой рыхлую землю в надежде откопать что-нибудь интересное. Вдруг донесся голос Борллы, преувеличенно громкий.

– Им не хватит сил охотиться, когда придет срок! – отчеканила она Уннану. Рууко, разбуженный ее криком, поднял голову.

Я разозлилась: она явно пытается настроить Рууко против нас, объявить нас никудышными охотниками!

– Могла бы выставляться не так откровенно, – проворчал Аззуен.

– Реку-то едва переплыли! – продолжала Борлла. – Куда им на охоту!

Ей, между прочим, положено поддерживать слабых, а не унижать их надуманными придирками. Даже Реел при ее словах поморщился.

Рууко окинул долгим взглядом Борллу и нас с Аззуеном – и вновь растянулся на траве, закрыв глаза.

Выступление Борллы, впрочем, натолкнуло меня на мысль. Неподалеку паслись кони – ветер доносил сюда их запах. Я двинулась вперед, определяя направление, и вскоре увидела мощные силуэты лошадей, поедающих сухую траву на равнине.

– Еще посмотрим, кто из нас охотник! – пробормотала я себе под нос.

– Что ты задумала? – встревожился Аззуен.

Сев на землю, я разглядывала коней. Не пройдет и нескольких лун, как нам придется выходить на охоту вместе со стаей. Если я буду первой из щенков, кто нападет на живую дичь, все претензии Борллы обратятся в ничто. И тогда никто не вспомнит про моего отца, будь он даже чужак. А если мне повезет

взять добычу!.. Сердце учащенно забилось, я глянула через плечо на Аззуена и направилась к табуну, то и дело замирая. Аззуен неохотно пошел за мной. Марра поглядела на нас и, оторвавшись от ягодного куста, двинулась следом.

– Нам не разрешают отходить далеко… – неуверенно протянула она, косясь в сторону коней. Не то чтобы ее это сильно заботило – так она давала понять, что считает меня безрассудной.

– Знаю, – бросила я. – Просто хочу посмотреть поближе. А ты разве нет?

– Конечно, хочу, – улыбнулась она. – Только меня тянет к опасностям куда меньше твоего.

Я фыркнула. Уж Марра-то всегда была азартнее… Я сделала еще несколько шагов и перешла на быструю рысь, Аззуен с Маррой не отставали.

На полпути к табуну я услышала сзади шум: Борлла, Уннан и Реел неслись нам вслед. Мы трое, готовые к драке, развернулись, но трое щенков проскочили мимо и устремились вперед – явно собираясь напасть на лошадей раньше нас и приписать себе заслуги. Опять Рууко с Риссой будут нахваливать Борллу, не замечая меня…

Намерившись не дать Борлле и Уннану добежать до коней первыми, я пустилась за ними. Легко обогнав Реела, я догнала Уннана и Борллу, которые остановились в добрых десяти прыжках от табуна. Марра держалась рядом, Аззуен изо всех сил старался не отставать, хоть и задыхался от усилий.

Я склонилась к грязно-белому уху Борллы:

– Не задирай нос, ты ведь боишься подойти. И боишься охотиться. Кони – не оброненное мясо, их с земли не подхватишь!

Борлла, не ответив, смерила меня взглядом, затем посмотрела на табун и повела носом вверх и вбок. Аззуен за моей спиной хихикнул. Борлла шагнула было к лошадям – и тут же остановилась, когда Реел заскулил и прижался к ней плечом, просительно глядя на нее и что-то шепча. Взгляд Борллы смягчился, она легко коснулась его носом. При виде их тесной дружбы меня в который раз кольнула ревность.

– Ясно, – бросила я. Мне бы на этом остановиться, но я хотела доказать Уннану и Борлле – а больше всего вожаку, – что я полноценный член стаи. Холода не за горами, и прежде чем наша шерсть превратится в зимнюю, нам всяко придется выяснить, где чье место в семье. – Пойдем, – кивнула я Аззуену и Марре.

Едва держась на трясущихся лапах, я шагнула к коням. Вблизи они казались огромнее и уж точно намного опаснее, чем дохлая кобыла, убитая медведицей. Они пахли добычей – потом и теплой плотью, от их дыхания исходил запах жеваной травы и

земли. Я обернулась: Аззуен с Маррой беспокойно смотрели мне вслед. Мне было страшно, я взглянула на них просительно – и они пошли за мной, не хуже других понимая, что нынешняя вылазка может надолго, если не навсегда, определить наше положение среди волков.

Борлла и Уннан, как я и ожидала, тоже двинулись к табуну, не теряя надежды первыми захватить добычу. Реел, чуть помедлив, последовал за ними. Мне стало его жаль: сам по себе он вполне достойный волчонок, не то что задиры Уннан и Борлла. Однако раздумывать времени не оставалось: Борлла с Уннаном уже нагоняли меня, и я перешла на бег, чтобы успеть к табуну раньше.

И тут мы оказались в толпе сильных животных, в запахе их тел и отдающего травой помета, посреди их неожиданно теплого дыхания, участившегося с нашим появлением. Где-то вдали глухо рявкнул Рууко, но мне было не до его речей – я носилась между конскими ногами, чувствуя разгорающийся охотничий азарт.

– Они добыча, просто тупая добыча! – упоенная новыми ощущениями, крикнула я Аззуену. – Не пристало волкам их бояться!

Я рассмеялась, сердце застучало сильнее, возбуждение погнало кровь по жилам; ноздри расширились, вбирая каждую частицу запахов, уши ловили малейший звук. Так вот что такое охота! Ни ловля мышей, ни беготня за кроликами не отзывались прежде таким восторгом! Одуревшие кони застыли на месте как каменные – добыча, неуклюжая и тупая добыча, готовая принять смерть от умнейших на свете охотников – волков!

Я вспомнила, что надо выбирать самых слабых и неповоротливых, – но не могла сосредоточиться, все затмевали звук и запах добычи. Голова кружилась, в брюхе что-то подпрыгивало, я едва дышала – что за безумие охватило и меня, и остальных? Мы неистово носились друг за другом под конскими ногами, меня захлестывал азарт – словно я веду охоту и вот-вот вгрызусь зубами в податливое конское брюхо.

Внезапно поведение табуна изменилось. Ближайший к Реелу конь, опустив голову, дохнул на него с громким фырканьем, топнул копытами и взвился на задние ноги. Лошадь рядом с ним гневно заржала и чуть не схватила зубами Марру, которая с испуганным визгом отскочила в сторону. Кони вокруг нас, один за другим, взвивались стоймя и с размаху топали копытами оземь, целясь нам в головы. Оглянувшись вокруг, я попыталась найти проход, но со всех сторон мелькали грозные копыта, мне оставалось лишь в страхе прижаться к земле. Я никогда прежде не видела, чтобы животные носились так быстро.

– Бегите! – крикнул Тревегг. – Бегите, затопчут!

Сквозь плотную толпу лошадей я разглядела волков, несущихся к нам на помощь. Голос Тревегга рассеял мою панику, я сумела встать на едва держащие меня лапы и тут же наклонилась к Аззуену, от страха приникшему к траве.

– Вставай! – крикнула я. – Уходи из-под ног!

От Аззуена пахло страхом и смятением, вокруг нас били по земле копыта и клубилась пыль. Первая волна ужаса схлынула, все мои чувства обострились, я попыталась забыть о страхе.

– Уворачивайтесь от копыт! Взрослые уже здесь! – прокричала я. – Не стойте на месте!

В памяти всплыл давний урок Риссы: «Если добыча больше вас ростом, не пытайтесь ее свалить, только упадете сами. Думайте головой, иначе не быть вам настоящими охотниками. Бегайте вокруг, налетайте и отскакивайте. Берите умом, а не силой».

Застывшая на месте Борлла не сводила глаз с лошади, пытаясь отгородить собой Реела, – порыв отважный, но глупый! Добраться до них я уже не успевала… Марра металась из стороны в сторону, изгибаясь между конями, Аззуен замер рядом со мной, со страхом глядя на табун. Уннан прижался к земле в прыжке от нас. Я отбросила Аззуена в сторону от целящихся в него копыт, он опять застыл, и мне пришлось оттолкнуть его снова. Взрослые уже добежали до табуна, громким рыком пытаясь напугать коней. Веррна кинулась на лошадь, нависшую над Уннаном, и та потеряла равновесие – даже в панике я подивилась волчьей храбрости. Рууко и Рисса уже собирали волков вокруг нас, чтобы отгородить щенков от коней. Задыхающаяся Марра нырнула в круг и, попав в относительную безопасность, теперь со страхом оглядывала коней. В очередной раз увернувшись от копыт, я оказалась рядом с вжавшимся в землю Уннаном и толкнула его к взрослым, где его сгребла Иллин и бросила внутрь круга. Подхватив Аззуена за загривок, я отшвырнула его к волкам, и тут надо мной качнулась конская голова, чуть не отбросив меня на спину. Я увернулась, прыгнула, вновь увернулась. Борлла тоже стояла за пределами волчьего круга, все еще рыча на коней, что толпились над сжавшимся скулящим Реелом.

– Не стой! – снова крикнула я. – Отпрыгивай!

Глянув на меня, она перевела глаза на огромную лошадь. Я пригнулась, оттолкнула Борллу прочь и перекатилась по земле, уходя от огромного копыта, целившегося мне в голову. Сквозь облако пыли донесся волчий вой – дикий вопль ужаса и боли.

И тут конское безумие схлынуло так же быстро, как началось. Пока Иллин с Веррной отгоняли коней на другой конец поля,

Рисса перебегала от щенка к щенку, чтобы убедиться, что мы невредимы. Я вжалась в землю, замерев, когда Рисса склонилась надо мной и лизнула в темя, и тут же с восторгом кинулась к ней, чтобы лизнуть в ответ. Затем Рисса наклонилась к Аззуену, едва стоявшему на дрожащих лапах, к Уннану, у которого был разодран левый глаз, и к Марре, глядевшей на удаляющийся табун. Вдруг Рисса опустила хвост и беспокойно заскулила при виде бледного тела, от которого как-то странно пахло Реелом. Скуление перешло в вой, Рууко с Тревеггом подошли ближе, чтобы потрогать щенка. Тот, не отзываясь, лежал неподвижно, голову его покрывала кровь, тело выглядело странно плоским.

– Реел, вставай же, – нетерпеливо тявкнула Борлла, подталкивая его носом.

Рисса осторожно отодвинула Борллу и, сев на землю, испустила долгий жалобный вой, к которому присоединились Рууко, Тревегг и Минн. Отгонявшие коней Иллин и Веррна замерли на обратном пути – и подхватили печальную песнь. Я не заметила, как из моего горла тоже полился вой.

Не веря глазам, я глядела на маленькое, испачканное землей тельце, лежащее на затоптанной траве. Сердце у меня отяжелело, в груди что-то сдавилось, брюхо свело – я думала, что отрыгну даже тот мелкий клочок кобыльего мяса, что мне удалось проглотить. Только что мы бежали к табуну вместе с Реелом, а теперь он стал лишь кучкой костей и меха… Иллин с Веррной наконец добрались до нас, и вся стая замерла вокруг Реела. От жаркого послеполуденного солнца меня затошнило еще больше.

Я не знаю, сколько мы так стояли в надежде, что Реел вернется к жизни. Тщетно. Я не особенно любила Реела и часто его не замечала, но он был щенком того же помета, членом стаи. И на его месте могла быть я сама – ведь я первая побежала к табуну. Мне вдруг захотелось лечь посреди равнины и зарыться в землю.

Рисса вновь испустила вой, более низкий и долгий, – и стая присоединилась к ней в прощальной песне Реелу. Все, кроме Борллы: она просто стояла и, не веря, смотрела на безжизненное тело.

Бросив последний взгляд на Реела, Рисса повела стаю прочь с равнины Высокой Травы. Борлла не двинулась с места.

– Как вы можете его оставить? Его съедят длиннозубы и гиены!

– Такова наша жизнь, волчонок, – ответил Тревегг, бросив на нее сочувственный взгляд. – Реел вернулся к Равновесию, чтобы стать частью земли, как предстоит всем нам. Им будет питаться трава, которая накормит дичь, а дичь накормит стаю. Таков наш

путь.

– Я не уйду, – упрямо заявила Борлла. Никто из нас прежде не смел противиться взрослым.

– Ступай. Ты волчица Быстрой Реки, ты должна быть со стаей. – Тревегг подтолкнул ее осторожнее, чем обычно, и заставил идти с остальными.

Мы возвращались к кромке леса, Уннан с Борллой то и дело отставали, оглядываясь на тело Реела, и тогда Тревегг или Веррна возвращались, чтобы их поторопить.

В конце концов Веррна схватила Борллу за загривок и потащила волоком. Та сначала сопротивлялась, потом ее пыл иссяк и она бессильно повисла в зубах у Веррны, волочась лапами по земле и тихо поскуливая. Мы успели пройти всего несколько шагов, как вдруг Уннан, подбежав ко мне, сбил меня на землю и встал лапами мне на грудь.

– Ты его убила! – злобно выпалил он. – Та лошадь целилась копытом в тебя! Ты должна лежать там вместо Реела!

У меня не было сил сопротивляться. Уннан сказал только то, что я сама твердила в уме всю дорогу. Я скинула его с себя и, прихрамывая, двинулась дальше – мне не хотелось ввязываться в драку. Он не отступил и, схватив меня зубами за шею, принялся душить, и тогда я его ударила.

Заслышав визг Уннана, Рууко велел всем остановиться, и стая собралась вокруг нас. Веррна опустила Борллу на землю.

– Что за обвинения, Уннан? – требовательно спросил вожак.

– Мы пошли к лошадям из-за нее! – взвизгнул Уннан. – Мы спали, а она нас заставила! Это она виновата, что Реел погиб!

Сердце куда-то ухнуло, дыхание сбилось. Рууко ждал ответа, а я не могла вымолвить ни слова.

– Пойти к табуну придумала Каала, – ответила за меня Марра, – но нас никто не заставлял, мы сами захотели.

Аззуен согласно кивнул:

– Никто тебя, Уннан, не принуждал. Мог бы и остаться, тебя не звали. – Он повернулся к вожакам: – Зато Каала спасла меня и Уннана: мы растерялись, а она нет.

Я взглянула на него с благодарностью.

– Что скажешь, Каала? – спросил Рууко.

Мне стало трудно дышать, будто деревья и кусты окружили меня плотной стеной. Я виновато вжалась брюхом в твердую землю, придумывая отговорки: то ли сказать, что меня подстрекали Уннан с Борллой, то ли свалить все на коней… Но тут я поймала взгляд сначала Аззуена, а потом Марры. Они ведь за меня вступились, и после этого мне струсить?..

– Правда, я сама решила подойти к лошадям. Откуда мне

было знать, что они… что они скачут так быстро… Я не хотела никому зла.

– Хорошо хоть, ты не пытаешься отвертеться. Лжецам не место в моей стае. Почему ты повела щенков к табуну?

Я порадовалась, что не стала сваливать вину на других. Лежа на земле, я еще плотнее прижала уши к темени.

– Хотела посмотреть, какой из меня охотник. – Прозвучало непонятно. – Хотела быть первой, кто сумеет захватить добычу.

– Гордыня – гибель для волка, – изрек Рууко. – По собственной глупости ты сунулась к добыче без должного уважения, не умея толком охотиться.

У меня перехватило горло, от напряжения заболели глаза. Я ждала приговора. С самого моего рождения вожак искал предлога от меня отделаться и теперь наверняка выгонит меня прочь.

Он оглядел стаю. Рисса подошла к нему, за ней остальные взрослые. Волки, окружив вожака кольцом, жались к нему, то и дело переходили с места на место, тихо переговаривались.

– Да, Каала была первой, за кем потянулись остальные, но ведь щенки любопытны, – говорила Рисса, прижимаясь мордой к шее Рууко. – Они всегда лезут охотиться раньше, чем вырастут. Чтобы стать волком, надо узнать вкус добычи. Не вина Каалы, что коней сегодня кто-то взбудоражил. Зато ей хватило ума и смелости помочь другим, когда кони пустились вскачь. Если бы не она, погибли бы трое-четверо.

– Чтобы юный щенок кидался защищать собратьев – я прежде такого не видел, – вторил ей Тревегг, – а ведь я застал восемь пометов волчат.

Иллин, прежде чем заговорить, припала брюхом к земле: однолеткам не часто позволено высказываться.

– В ее возрасте я бы на такое не решилась, а я была крупнее Каалы.

К моему удивлению, Веррна тоже пробормотала что-то одобрительное, хотя никогда прежде не принимала мою сторону.

– Из-за нее погиб щенок! – запротестовал Минн, но тут же, поймав взгляд Риссы, поджал уши.

Рууко по очереди легко взял в пасть морду каждого, дернул ухом и, задумчиво нахмурив брови, отошел в сторону. Я вспомнила, что умею дышать, и шумно втянула в себя воздух. Плотное общение стаи напомнило тот день, когда волки обсуждали, на кого охотиться. Решение принимает вожак, однако если никто его не поддержит, его власть ослабнет. Я почти слышала мысли Рууко, выбирающего между своим желанием и мнением стаи.

К вожаку подошел Тревегг.

– Стая – не один волк, Рууко, – тихо проговорил он. – Все хотят, чтобы Каала осталась, ты это знаешь. Если ты пойдешь против стаи, волки могут выбрать нового вожака. – Старый волк покосился на изрезанную шрамами морду Веррны.

Рууко оттеснил Тревегга в сторону.

– Не считай меня идиотом. Гневить целую стаю из-за одного щенка? Сильная волчица останется сильной волчицей, даже если я не держу ее в любимчиках. – Рууко, повернувшись к стае, встретил прямой и ясный взгляд Риссы. Обращенные к ней слова звучали для всех. – Вы правы. Если бы не Каала, мы недосчитались бы и других щенков. Волки с таким характером ценны для стаи.

Я не верила своим ушам. Встань он на две лапы и возьми наперевес острую палку – и то я удивилась бы меньше.

Вожак вновь оглядел стаю.

– Пусть это станет вам уроком. А к Каале будем присматриваться. – От его взгляда у меня внутри все похолодело. – Если она не научится выдержке, еще раз обсудим, нужна ли она в стае.

Уннана даже затрясло от злобы.

– Но ведь она хотела пойти к лю…

Веррна тяжелой лапой влепила ему затрещину, а обернувшаяся Рисса смерила его яростным взглядом.

– Ни слова, щенок! – прошипела Веррна. – Раз вожак велел – подчиняйся!

Уннан, хоть и не скрывал досады, предпочел смолчать.

Все произошло так быстро, что я не сразу пришла в себя. Опомнившись, я подползла к Рууко поблагодарить. Он, должно быть, почуял мое изумление и усмехнулся, когда я лизнула его в морду.

– Что тебя так удивляет, кроха?

Не отвечать было нельзя, а придумать я ничего не успела. Оставалось сказать правду.

– Мне казалось, ты хочешь меня прогнать! – выпалила я.

– Ты считаешь меня глупцом, который ради самоутверждения пойдет против стаи?

На это мне ответить было нечего, я просто молча смотрела на вожака.

– Я за тобой наблюдаю, ведь я не забыл, что в тебе таится угроза. Постарайся больше не ошибаться, – произнес Рууко так тихо, что услышала одна я, и обернулся к волкам: – У кромки леса нам оставаться незачем. Возвращаемся на прежнее место, к лежачему дереву.

Он сосредоточенно потрусил по тропе впереди всех. Борлла

на этот раз шла самостоятельно, каждые несколько шагов останавливаясь взглянуть на место, где погиб Реел. Я не могла заставить себя оглянуться. Опустив голову и пытаясь не думать о своей вине, о смерти Реела и о непрочности моего положения в стае, я двигалась вслед за семьей к прогалине у лежачего дерева.

Глава 9

Терять детенышей для волков так же естественно, как чуять добычу или охотиться лунными ночами. Даже удивительно, что мы до сих пор обходились без потерь. И все же я чувствовала себя виновной в смерти Реела: если бы не желание самоутвердиться, я не потащила бы остальных к табуну – и Реел остался бы жить, его безжизненное тельце не всплывало бы у меня в памяти с такой отчетливостью. А тут еще Борлла…

Смерть брата она переживала сильнее других, сделалась мрачной и молчаливой, почти ничего не ела уже пол-луны, с самой смерти Реела. Все это время лил дождь, поляна стала противной и скользкой, все ходили раздраженными. Веррна укусила меня пару раз, когда я попалась ей на пути, и даже Иллин рычала на щенков, если мы оказывались слишком близко. Однако Борллу никто не трогал.

Она, судя по всему, не верила, что Реела больше нет, и, когда ей случалось улизнуть от взрослых, уходила на поля Высокой Травы искать брата. Рууко с Риссой, вместо того чтобы гневаться на частые отлучки, каждый раз посылали за ней Тревегга, Веррну или Минна. Порой ее приходилось насильно тащить в зубах – а она, и без того крупная, уже подросла и не была легкой ношей.

– Его больше нет, кроха! – мягко повторял Тревегг после того, как в третий раз вернул Борллу в стаю. Это было правдой. Мы с Аззуеном пошли за ней в первый же день: тела на месте не оказалось, оставшийся на траве запах Реела сливался с запахом гиены. Никаких сомнений – падальщики утащили его к себе, опасаясь, что мы вернемся и заберем то, что они считают своей добычей. У меня в голове не укладывалось, что мы так легко можем стать чьей-то едой, а Борлла и вовсе отказывалась в это верить.

Я боялась, что она меня возненавидит, но в ее взгляде застыли лишь недоумение и скорбь. Уж лучше бы злилась… Я подолгу наблюдала, как она сидит под дождем и терпеливо выжидает случая улизнуть. Ощущение вины давило на меня тяжелее, чем промокшая шкура; оленье мясо, откопанное Веррной в давнем тайнике, не лезло в глотку.

Даже под теплым дождем меня пробрала дрожь, и я положила

голову на сложенные лапы.

– Хватит горевать, кроха, – проронил подошедший Тревегг. – Ничего не поделаешь: сильные выживают, слабые гибнут. Нам всем жаль Реела, однако унынием еды не добудешь. Если б Рисса лежала днями напролет, изнывая от жалости к себе, то стая не выходила бы на охоту, – а волк, который не охотится, перестает быть волком.

– Я знаю, – кивнула я, сморгнув капли дождя, которые почему-то набегали на глаза снизу, как будто просачивались с земли. – Знаю, что Реел и без того мог не выжить. И все равно чувствую себя ужасно.

– Правильно, – отозвался старый волк, отгрызая засохшую грязь с плеча. – Ты настоящая волчица. Тем не менее подумай: если б вы не пошли к табуну – дожил бы Реел до весны? Может, и дожил бы. А вот уцелели бы Уннан с Аззуеном, не сообрази ты вовремя, как их спасти? Вряд ли… Когда щенок гибнет в первый год жизни – это в порядке вещей: волки должны быть сильными. В стае Мышеедов каждый год выживают всего один-два волчонка, потому что из-за слабости они не могут охотиться на крупную дичь. А волки Скалистой Вершины и вовсе не подпускают к еде самых мелких щенков, не давая им шанса уцелеть. Зато у Риссы помет всегда остается в живых почти полностью, об этом знает вся Долина. И если Древние отнимают у нас одного волчонка, мы должны быть благодарны за то, что выживают остальные.

– А где они, остальные? Те, что из прошлогоднего помета или старше? – проговорил подбежавший Аззуен. Он целыми днями не спускал с меня глаз, опасаясь подходить: я как-то нарычала на него, когда он впервые сунулся с утешениями.

– Большинство уходит из Долины: здесь маловато места для стольких стай, да и законы приемлемы не для всех, – объяснил Тревегг, отряхивая с себя дождевые капли. – Так что думай, кроха: остаться с нами или последовать за Реелом. Никто другой за тебя этого не решит.

Старый волк лизнул меня в макушку и пошел поговорить с Борллой; завидев его, она отвернула морду и, тяжело поднявшись на ослабших лапах, потрусила в лес. Разом ссутулившийся Тревегг поглядел ей вслед, затем мотнул головой и побрел к Уннану.

Внезапно позади меня раздался всплеск, кто-то зарычал – оказывается, Иллин спихнула Минна в илистую лужу, и теперь оба покатились в грязь, кусаясь сильнее обычного. Рисса, встряв между ними, раскидала драчунов в стороны, рыча и не сводя яростного взгляда с однолеток.

– Ненавижу летние грозы! Зимой куда лучше: и лапы в снегу

не скользят, и буйные головы холодом остужаются. – Она обернулась к нам: – Щенки! Вы уже взрослые, пора выходить на разведку самостоятельно. Не убегайте далеко – не больше чем на полчаса пути. Вернетесь к лежачему дереву, как только мы позовем.

Я удивилась: после истории с табуном нам не давали и шагу ступить без надзора.

– Не рано ли, Рисса? – Тревегг мягко прижался к ней лбом. – Обычно ты ждешь еще пол-луны, прежде чем отпустить щенков куда глаза глядят!

– Мне надо, чтоб на поляне было спокойно, иначе мы не отдохнем перед охотой. – Рисса прищурила глаза и поглядела в сторону Веррны и Рууко, которые тихо переговаривались. – Ступайте, щенки. Или ложитесь спать, или уходите с поляны.

– Мы ведь не шумели! – Марра звонко шлепнулась в грязь рядом со мной и Аззуеном и, усевшись поудобнее, принялась вылизывать переднюю лапу. – Хотя почему бы не прогуляться, может, добудем какой-нибудь мелкой еды…

Аззуен насторожил уши. Недавняя охота была неудачной, последние дни мы жили впроголодь. Хотя взрослые и приносили нам еду из старых тайников, ее не хватало.

– Тогда пошли! – решил Аззуен.

Я засмеялась и, впервые после смерти Реела почувствовав облегчение, пошла в лес вместе с Аззуеном и Маррой.

Мышей обнаружил Аззуен. В получасе бега от нашей прогалины мы наткнулись на травянистый клочок земли с разбросанными тут и там камнями. Норы затопило дождем, и мыши вылезли на открытое место. Через час мы уже приноровились их ловить, однако мыши смекнули, что оставаться на месте небезопасно, и улизнули в дальнюю нору – нам так и не удалось отыскать их по запаху. Довольные собой, но все же слегка голодные (мышами досыта не наешься), мы улеглись поспать.

Тогда-то и нашла меня давняя волчица из сна.

Я часто о ней вспоминала после той вылазки к людям, когда она пришла со мной поговорить, и все же я не видела способов разузнать о ней больше. Не спрашивать же Тревегга с Риссой: они, чего доброго, подумают, что я спятила – не могут же волки появляться ниоткуда! – и решат выгнать меня из стаи… Временами я искала волчицу в тени или за деревьями, но пришла она во сне.

Аззуен и Марра, усталые после охоты на мышей, крепко спали, а меня томило беспокойство. Едва мне начинало сниться, как я бегу вместе со стаей или охочусь с Маррой и Аззуеном, – тут же передо мной возникала молодая волчица, зовущая за

собой. В сонном оцепенении я лишь скребла лапами по влажной земле, в конце концов она громко тявкнула, чтобы меня разбудить.

Я проснулась. Вскочила так резко, что подняла Аззуена и Марру. В лесу мелькнул хвост, повеяло знакомым едким запахом с привкусом можжевельника. Стряхнув с себя сон вместе с каплями дождя, я устремилась вслед за запахом. Марра, заворчав, вновь уснула, Аззуен двинулся за мной.

– Мы куда? – сонно спросил он.

Я не ответила. Идти или не идти – пусть решает сам.

Мы углублялись в лес, запах становился все отчетливее и вел в самую чащу, куда нам не разрешено ступать без взрослых. Мало того что Рисса велела оставаться в получасе бега от поляны, так нам еще и нельзя подходить к границам, чтобы не попасться на глаза соседней стае! Вскоре мы с Аззуеном учуяли граничный запах, которым Рууко с Риссой специально пометили территорию. Я остановилась было, но порыв ветра обдал меня едко-можжевеловым запахом, больно хлестнул дождем – и тут же стих, стоило мне переступить помеченную вожаками границу. Аззуен тоже на миг запнулся и все-таки пошел следом, с сомнением покачивая головой. Уже через несколько шагов мы наткнулись на человеческую тропу, где запах волчицы смешивался с запахом людей и костра.

Я в нерешительности остановилась и поглядела вокруг. Звук текучей воды, влажные листья, илистый запах говорили о близости реки. Однако мы оказались гораздо ниже по течению – не там, где переплывали на другой берег, и даже не там, где возвращались по Ольховой Переправе, а намного ближе к человеческому жилью. Почему-то я почувствовала себя виноватой. Если пройти по лесу чуть дальше и перепрыгнуть прямо через реку… Аззуен испуганно поскуливал, хотя я и без него знала, что каждый следующий шаг грозит нам нарушением главного закона.

– Пойдем обратно, – решила я.

И тут же от реки донесся крик. Не волчий вой попавшего в беду собрата, а чей-то призыв на подмогу – кричавший не был добычей, это я слышала точно. Меня потянуло дальше, и вместо того чтобы задрать хвост и уйти, я шагнула к реке, хоть и понимала, что Рууко за мной следит пуще прежнего и гибель Реела еще слишком памятна.

Аззуен наверняка думал о том же.

– Каала, нам туда нельзя, – шепнул он настойчиво. – Что бы там ни было, оно нас не касается.

Я знала, что он прав, и уже стала отступать по следу

человечьего запаха, прочь от испуганных криков, как вдруг буйный порыв едко-можжевелового ветра толкнул меня вперед, мимо деревьев, назад к реке. Аззуен, удивленно взвизгнув, двинулся следом.

Лес обрывался резким опасным откосом, сходившим к воде.

– Вот почему мы тут не переправляемся, – пробормотала я себе под нос.

И вдруг я заметила человеческое существо, уцепившееся за скалу посреди бурлящей реки, – детеныш, совсем как виденные нами в лагере. Существо держалось из последних сил в буйном потоке, поднявшемся после долгих дождей, и кричало каждый раз, когда голова, уже уходящая под воду, показывалась на поверхности.

Крик так походил на горестный волчий зов, на предсмертный клич моих сестер и братьев, что я не устояла. После всех неприятностей из-за тяги к людям я поклялась себе забыть об их существовании; каждое воспоминание о них отзывалось болью в груди, где виднелась белая отметина. Я зареклась навлекать на себя гнев Рууко. И все же не могла не откликнуться на беспомощный, полный отчаяния призыв. Взглянув на человеческое дитя, которое едва цеплялось за жизнь, я стала пробираться вниз по крутому склону.

Аззуен, пытаясь меня остановить, вцепился зубами мне в бок, но я, оторвавшись, ринулась вниз по обрыву, на последних шагах оскользнулась, съехала по глине до самого берега и неуклюже свалилась в воду, ушибив бедро. Река здесь оказалась глубокой, пришлось сразу плыть. Человеческое существо, явно ослабшее, уже еле виднелось из-за волн; его черные глаза встретились с моими, и только я подплыла – оно судорожно вцепилось в мой мех и обвило передними лапами шею, так что меня захлестнуло водой. Едва я вынырнула, оно вновь повисло на мне, потянув ко дну. Я уже начала сомневаться, сумею ли дотащить такую тяжесть до берега, но дитя цеплялось за меня отчаянно – не высвободиться. К счастью, оно все же поняло, что делать, и стало бить по воде задними лапами, помогая мне оставаться на плаву. Его длинная черная шерсть свесилась мне на глаза и нос, и я схватила ее пастью, разворачивая детеныша в нужную сторону. Человечья шерсть на вкус оказалась не такой, как теплая волчья: она скорее походила на клочки шерсти, которые волк оставляет на кустах или деревьях. Собрав все силы, я стала грести к дальнему берегу. Доплыв, я вытащила детеныша на узкую полоску песка. Соскользнув на землю и начав дышать, существо вновь закричало, но лишь только я приблизила морду, умолкло.

С той стороны реки послышался всплеск: Аззуен прыгнул в

реку и поплыл ко мне. Я едва успела удивиться, как легко он держится в воде – ведь всего пол-луны назад он едва добрался до берега, – затем вновь повернулась к человеческому существу.

Девочка. Полувзрослая. Из тех, кто возился и играл, как щенки, в человеческом лагере. Она поглядела на меня со страхом: многие звери убивают и едят человечьих детей, откуда ей было знать, что волки не такие. Я слегка прижала уши, чтобы не выглядеть угрожающе, – и страх ушел из ее глаз, она протянула передние лапы.

Руки. Иллин говорила, это называется «руки».

– Каала! – крикнул Аззуен, беспокойно нюхая воздух. – Надо уходить! Она подняла столько шума, сейчас кто-нибудь явится!

Да, подумала я. Медведь или скалистый лев не упустят случая ее забрать. Или кто-нибудь из падальщиков, кому лень охотиться за добычей. Нельзя, чтобы она стала добычей, и нельзя не уходить – меня ведь могут выгнать из стаи. Я снова посмотрела на девочку: большие черные глаза, мягкая смуглая кожа… Тронув носом ее щеку, я повернулась и потрусила к реке. Она попробовала встать, однако упала в грязь и заплакала. Тонкий человечий мех ее не согреет, а вода, несмотря на лето, была холодной; берег здесь такой же крутой, как на нашей стороне, и дождь все не перестает, – а девочка дрожит от озноба. Даже если на нее не нападут, она замерзнет и умрет, и тогда достанется падальщикам. Ее глаза смотрели так доверчиво… Во мне что-то перевернулось, и полумесяц на груди вновь наполнился теплом – на этот раз приятным.

Чтобы не передумать, я поскорее отвернулась от реки и, подойдя к девочке, попробовала взять ее зубами за плечо – осторожно, чтобы не прокусить кожу. От прикосновения зубов она в страхе взвизгнула и начала отбиваться, мне пришлось разжать челюсти. Я задумалась. Как ее тащить, чтобы не напугать и не поранить? Загривка у людей нет, а если за волосы – ей будет больно… Тут я вспомнила, как она прижималась ко мне, пока я плыла, и как человеческие дети цеплялись за шею взрослых, свисая с них на ходу.

Я опустилась на землю и прижалась к девочке. Поколебавшись, она неуверенно обхватила передними лапами мою шею, а задними – спину. Я попыталась встать, но свалилась под ее весом. В воде ее тащить было легче…

Аззуен смотрел на меня озадаченно.

– Во имя луны, что ты делаешь?..

– Помоги ее нести! – Аззуен, когда напуган или растерян, бывает сущим низкохвостом, а мне сейчас некогда препираться.

– Как? – спросил он.

– Не знаю, – в отчаянии бросила я. – Придумай.

Девочка успела с меня соскользнуть, хотя еще обвивала руками шею. Аззуен постоял в раздумье и затем опустился на землю рядом со мной. Теперь она лежала поперек наших спин, а ее лапы касались земли сбоку от Аззуена.

– Получится?

– Ну, если нет другого способа…

Возразить было трудно. Нас с Аззуеном пошатывало – и от страха, и от тяжести человеческого тела. Знай я в тот день, во что я ввязываюсь, я бы не звала Аззуена на подмогу, – но тогда, на скользком берегу, мне слишком нужна была его помощь.

Наверняка еще никто из волков не таскал ношу таким способом. Однако нужда обостряет способность соображать, а перенести девочку надо было скорее и как можно незаметнее. Она вцепилась в меня передними лапами – длинными и изогнутыми, неожиданно сильными, ее теплое дыхание грело мне шею, спиной я чувствовала биение ее сердца. Мы с Аззуеном взобрались на крутой берег и пустились бежать – бок о бок, медленно и неуклюже. Аззуен даже рассмеялся:

– Должно быть, забавно выглядим!

Мы нарушили еще один закон стаи: по чужой территории нельзя идти вместе. За рекой начинались владения волков Скалистой Вершины, и нам полагалось разбежаться по разным тропам, чтобы нас не могли сосчитать. Теперь, конечно, думать об этом было поздно.

Мы хорошо помнили дорогу к человеческой поляне, хоть и шли сейчас с другой стороны. Запах людей усилился – до лагеря оставалось недолго.

Девочку вдруг затрясло. Я остановилась, не обращая внимания на беспокойное повизгивание Аззуена, и опустила ее на землю. Посеревшее лицо, бледные губы… Я лизнула ее кожу – холодная и влажная. Улегшись рядом, я приникла к девочке всем телом. Вдвоем мы согрели бы ее быстрее, но Аззуена звать не хотелось. Это я ее нашла! Она моя! Аззуен бросил бы ее в реке или оставил падальщикам…

Сердце девочки вновь забилось увереннее. Она обхватила меня длинными лапами и прижала к себе, наполняя теплым запахом – запахом обожженного на костре мяса, цветов и пряных листьев. Теперь, вдохнув неповторимый аромат ее тела, я узнала бы девочку так же отчетливо, как любого волка своей стаи.

С неба еще лило, шерсть у меня промокла, попробуй тут кого-то согреть… Я вновь попыталась взвалить детеныша к себе на спину – на этот раз без помощи Аззуена, который потихоньку отступал в сторону дома. Однако моих сил явно не хватало:

задние лапы девочки тяжело тащились позади, я падала через каждые два шага. И тут она стала помогать, как прежде на реке: опершись мне на спину, она встала на лапы, и мы потихоньку заковыляли к человеческому жилью. Аззуен, помедлив, двинулся за нами.

– Можешь идти домой, если надо, – заявила я. Почему-то мне не хотелось, чтобы он оставался.

– Должен же кто-то вытаскивать тебя из передряг! – сказал он почти недрогнувшим голосом.

Над головой раздался шелест, запахло мокрым вороном, я подозрительно взглянула вверх и влево – так и есть: в ветвях дерева прятался Тлитоо.

– Только такой помощи мне и не хватало, – выдохнула я.

Тлитоо оставил попытки затаиться в листве, каркнул и полетел к людскому жилью.

– Передряги! Передряги! – прокричал он через крыло, прежде чем раствориться в тумане.

Мы с Аззуеном подошли к человеческому лагерю, и я огляделась в поисках места, где можно оставить девочку. Вот бы забрать ее с собой! Хотя в стае меня начали понемногу признавать, глядели все же настороженно, а если привести с собой человеческое дитя, не будет одиноко… Но законы Широкой Долины неумолимы. Мне даже не полагалось вытаскивать девочку из реки: если Рууко узнает – он не станет ждать лучшего повода от меня избавиться.

Раздался голос Тлитоо:

– Оставь ее здесь, сначала надо пережить зиму. – Он помолчал, склонив голову к плечу, и вдруг резко каркнул.

Аззуен, тянувшийся позади, подбежал и встал рядом.

– Верховные волки где-то рядом! – воскликнул он.

Заботы о девочке поглотили меня так, что я даже не почувствовала запаха верховных волков. Я узнала его, хотя не встречалась с владыками с того дня, когда они спасли мне жизнь. Сердце забилось сильнее. Что с нами сделают, если застанут рядом с людьми? Я вновь прониклась благодарностью к Аззуену – и за то, что предупредил о верховных волках, и за то, что не сбежал. Я собралась с последними силами и подтащила девочку к самому краю лагеря. Как мне ни хотелось войти и посмотреть на жизнь людей, я понимала: для одного дня нарушенных законов и без того много, незачем нарываться на вражду с верховными волками.

Я усадила девочку на землю и положила лапу ей на грудь. Она, с трудом поднявшись на ноги, погладила меня в ответ. Я тявкнула и легонько подтолкнула ее к лагерю.

– Спасибо, волчица, – произнесла девочка и, едва держась на ногах, заковыляла к теплу костра.

Аззуен взглянул на нее, потом на меня.

– Она заговорила! И я ее понял! Я думал, их язык нам чужой!

Я опустила голову. Бывают существа, чей язык мы не понимаем вовсе. Как хорошо, что люди не такие!..

– Они не так уж от нас отличаются. Они не чужаки.

– Меньше болтайте, пора убегать, – посоветовал Тлитоо, стряхивая дождинки с крыльев.

– На этот раз он прав, – кивнул Аззуен. – Пойдем.

– Опа!.. – Тлитоо покрутил головой. – Поздно!

Послышался треск веток и хлюпанье грязи – появившись из-за кустов крушины, Яндру с Франдрой заступили нам дорогу.

– Что ты делаешь рядом с людьми? – гневно начала Франдра. – Хочешь остаться без стаи? Я сохранила тебе жизнь, а ты разбрасываешься ею как вздумаешь?

Я хотела ответить, но у меня получился лишь испуганный выдох.

– Мы спасли человеческое дитя, – выговорил Аззуен.

Франдра зарычала.

– Что вы сделали – мне известно. Как и все, что происходит в моих землях. – Она обернулась ко мне. – Тебя спасли ради будущего. А ты, – она глянула на Аззуена, – должен удерживать ее от сомнительных выходок, а не потакать им.

Презрительный тон Франдры меня взбесил, страх сменился давно затаенной ненавистью – такой же, какая давным-давно помогла мне одолеть троих щенков в драке. Иллин и Тлитоо советовали никогда не поддаваться злобе, но ненавидеть – это лучше, чем бояться.

– Если ты знаешь все, что происходит в твоих землях, – медленно проговорила я, сдерживаясь изо всех сил, – тогда почему ты позволила Рууко убить моих сестер и брата? Почему молчала, когда они прогнали мою мать?

«Почему ты не сказала мне о людях?» – вертелось у меня на языке.

Аззуен смотрел на меня с ужасом, Тлитоо потянул за хвост так, что я чуть не свалилась. Мне было все равно, пусть верховные волки окажутся хоть потомками Древних. Когда человеческая девочка прижалась ко мне, я впервые после ухода матери почувствовала себя не одинокой, и разлука с людским детенышем теперь отзывалась болью, словно глубоко прокушенная рана. Верховные волки лишили меня всего, при виде их тоска по матери вспыхнула с новой силой. Никому в стае не выпало такой доли! Верховные волки знали, кто я и почему меня так тянет к

людям, и я была намерена добиться ответа.

Франдра оскалилась.

– Не угрожай мне, волчица! – прорычала она, делая шаг вперед.

В воздухе захлопали влажные крылья – и в тот же миг Тлитоо сел ей на темя. Франдра мотнула головой – ворон перепрыгнул ей на хвост, а когда она обернулась схватить его зубами, подлетел дернуть за ухо и тут же отскочил на дерево.

Хоть и большие —
Злюковолки ленивы!
Крупен волк, мал мозг!

Я удивилась: голос Тлитоо слегка дрожал. Франдра, забыв обо мне, шагнула к ворону и зарычала, тот с хриплым карканьем порхнул прочь. Я услышала рядом сдавленный звук – и, обернувшись, увидела смеющегося Яндру.

– Не пытайся воевать с воронами, спутница, их не победить, – проговорил он, шутливо ткнувшись мордой ей в ребра. – А щенок… Что поделать, спутница? Тебе просто досадно, что все идет не так, как ты задумала.

Мне показалось, что Франдра набросится на волка, но она склонила голову и засмеялась, ее гнев тут же испарился. Я же продолжала клокотать от злобы, хотя ярость Франдры меня напугала и я пришла в себя. Угрожать я ей больше не буду. По крайней мере пока не вырасту.

– Может, и так, но от этого не легче. И со стаей этих двоих я ничего не сделаю. – Франдра кивнула на нас с Аззуеном. – Твой путь нелегок, Каала Мелкие Зубки. Не поддавайся желанию быть с людьми. Ты должна войти в стаю и получить от Рууко знак роммы. Без него за тобой не пойдет ни один волк, и никакая другая стая тебя не примет. Ты ведь об этом знаешь?

– Да, – торопливо вставил Аззуен. Наверное, он боялся, что если я раскрою рот, то скажу что-нибудь неподобающее. – Мы уже выдержали первое испытание – дошли от логова до поляны. Дальше будут первая охота и зимний переход вместе со стаей. А потом Рууко удостоит нас знака, и мы войдем в стаю Быстрой Реки. Я не знаю, что нам грозит, если мы не получим ромму. И не знаю, что это за знак.

– Это запаховая метка, которую оставляет вожак стаи, – объяснил Яндру. – Либо ты носишь ромму, либо стая тебя не принимает и ты должен жить в одиночку. Или основать собственную стаю; впрочем, без роммы это вдвойне трудно.

– Ты должна войти в стаю, волчица, – проговорила

Франдра. – Поэтому не встревай ни в какие глупости. И не подходи к людям. Совсем.

Яндру склонил ко мне косматую голову:

– Уследить за всем происходящим не под силу даже нам. Мы делаем что можем, но этого бывает мало. Ты должна заслужить место в стае – держись подальше от людей и не показывай, что отличаешься от собратьев. Если ты все исполнишь и получишь ромму, мы поможем тебе найти мать, когда ты вырастешь. Обещаю.

Я проглотила комок в горле. Неизвестно, стоило ли ему доверять, однако знал он явно больше, чем я.

– Следующие несколько лун мы будем отсутствовать, – бросила Франдра, явно не намеренная дожидаться моего ответа. – Постарайся без нас не наделать глупостей.

С этими словами волчица повернулась и исчезла в лесу вместе с Яндру.

Я посмотрела им вслед. Теперь к моей злости примешивались недоумение и досада: нынешнее появление верховных волков расстроило меня даже больше, чем первое. Я шагнула было за ними – ведь мне надо знать, несу ли я опасность стае и не из тех ли я полукровок, которые, по словам Тревегга, сходят с ума…

– Каала, нам надо домой, – напомнил Аззуен.

– Они все равно не скажут большего, волчица, – добавил Тлитоо и предложил: – Хочешь, я полечу за ними и послушаю – может, они будут говорить про тебя?

Он погладил клювом шерсть на моей лапе.

Я вздохнула. Тлитоо с Аззуеном правы, и все же мне хотелось пойти за верховными волками. Однако я втянула Аззуена в нынешнее приключение и теперь должна вернуть его домой. И верховные волки тоже правы: мне надо пережить зиму…

– Да, – устало проговорила я. – Пора возвращаться.

Как только мы появились на поляне, Веррна подняла морду:

– Запах людей!.. Где вас носило?

Рууко с Риссой, услышав вопрос Веррны, подошли ближе. Я чуть не застонала. Разговор с верховными волками настолько вывел меня из равновесия, что я не сообразила как-то скрыть человеческий запах. А изобретать отговорки сил уже не было.

– Мы поскользнулись в грязи и угодили в реку, – уверенно ответил Аззуен. – А когда выплыли – оказались у людского лагеря. И потом выбирались обратно.

Я пораженно покосилась на Аззуена: как быстро он сообразил! И с какой невинной мордой!

Рууко внимательно поглядел на нас и, кажется, не очень поверил.

– Не уходите так далеко от стаи, – проговорил он наконец. – И не забывайте, что во время дождей река опасна.

Вожак смерил меня подозрительным взглядом: от меня пахло человеком больше, чем от Аззуена. Хорошо, что дождь и грязь хоть немного смягчили отчетливый запах девочки.

– Молодец, здорово придумал! – похвалила я Аззуена, когда мы остались одни.

Он радостно встопорщил уши и улыбнулся всей пастью:

– Нам просто повезло.

– Ты вовремя сообразил. – Я ткнулась носом в его щеку.

Марра влетела на поляну, и Аззуен побежал здороваться. Со своего места я увидела, как Рууко тихо заговорил с Риссой.

Пока Аззуен шептал что-то Марре, я грызла зубами клок девочкиного меха, который умудрилась удержать во рту. От него пахло чем-то родным – наверное, семьей.

Часть II
Люди

Пролог

40000 лет назад

Стая Лидды охотилась вместе с людьми. На сытной еде волки окрепли, добыча их стала обильнее, щенки рождались более упитанными и здоровыми, чем в других семьях. Даже старый Олаан, в очередной раз до отказа набив брюхо, вынужден был признать, что охота с людьми приносит пользу.

А потом волки и люди убили мамонта. И все переменилось.

То была самая успешная охота за все время. Ворча на скудный снег и тающий лед, мамонты переселялись в холодные края. Один в их стаде слегка хромал – это знал любой охотник, способный различать звуки и запахи. Едва учуяв раненое животное, стая Лидды пустилась вслед; говорили, что волчьим стаям уже приходилось убивать мамонтов, хотя Лидда в это не очень верила: мамонт, даже раненый, оставался умным и опасным зверем, которому часто приходит на помощь все стадо.

Нынешний был один. За ним уже шли три длиннозуба и стая красных волков, поодаль выжидала медведица. Красные волки или одинокий длиннозуб – не соперники стае Лиддиных собратьев, но противостоять сразу всем значило бы рисковать слишком многим. Обманутые в своих ожиданиях, волки уже собрались возвращаться ни с чем, как вдруг Лидда услышала знакомый клич и, обернувшись, увидела высокую гибкую фигуру юноши.

Люди, должно быть, пришли целой стаей, в изумлении подумала Лидда. Она никогда не видела такого множества человеческих щенков – пока взрослые люди отгоняли противников острыми палками, детеныши яростно швырялись камнями, летевшими в длиннозубов и красных волков с ужасающей точностью.

Лиддин юноша встретил ее взгляд и приветственно поднял руку. Лидда кивнула и тут же устремилась на мамонта. Охота началась.

Мамонт ослаб от наскоков красных волков и длиннозубов, однако стая Лидды вряд ли одолела бы его без подмоги. Теперь же волки налетели на жертву вместе с людьми, загоняя мамонта в ловушку; как только он пускался бежать, люди и волки – острыми палками или зубами – преграждали ему дорогу. Так

продолжалось долго, в толстой шкуре зияли дыры, задние ноги зверя истекали кровью – и наконец тяжелое тело рухнуло с громовым звуком. Лидда, объятая трепетом, глядела на содеянное, отчетливо понимая, что вместе с людьми волки могут одолеть кого угодно.

Обычно волк вгрызается в тушу, как только зверь свалится, если не раньше, но сейчас Лиддина стая, слившись с толпой людей, праздновала удачу и прыгала от радости – мяса теперь хватит надолго!

Когда самые сильные из людей склонились над тушей, держа наготове заостренные камни, чтобы взрезать мамонта, Олаан возмущенно шагнул вперед. Его удержал Тахиим.

– Позже, – велел вожак.

Ворча себе под нос, Олаан повиновался.

Люди с трудом резали толстую мамонтову шкуру – прошла чуть ли не вечность, пока они выложили на траву куски лучшего мяса и вычленили внутренности.

– Пора! – рявкнул Тахиим, и волки бросились на добычу, захватывая лучшие куски; одну только печень утащили вдвоем или втроем. Взбешенные люди разразились криками, но налетевшие вороны не давали им опомниться – и волки смеялись, унося лучшее мясо. Даже Лидда, растерявшаяся от бесцеремонности волков, не могла сдержать улыбки и взглянула на своего юношу, чтобы вместе порадоваться удачной шутке, – однако тому было не до веселья. Понурившись, он стоял рядом со старшим самцом – вожаком стаи, поняла Лидда, – который орал на него, размахивая руками и указывая на Лидду и ее собратьев. Впервые за много лун Лидда вновь почуяла холод – только не в воздухе, как раньше: на этот раз холод закрался в сердце.

– Нельзя было забирать столько мяса! – встревоженно говорил юноша на следующий день, сидя рядом с Лиддой на скале. – Отец сказал, от волков больше бед, чем пользы.

– Попробовали бы добыть мамонта без нас, – огрызнулась Лидда. – Не окажись там волков, вам пришлось бы самим отбивать зверя у длиннозубов.

Юноша в растерянности сдвинул брови. В первые времена их совместной охоты Лидда говорила с ним так же легко, как с волком своей стаи. Сейчас он ее почти не понимал.

– Ладно, – вздохнул юноша в конце концов. – Я скажу своим, что вы больше так не будете.

Четыре ночи спустя Киннин, волк-однолетка, вернулся из отлучки с раной на голове.

– Арана и я загнали оленя и делили мясо. – Арана было имя человеческой самки, с которой он охотился. – И тут пришел ее

самец и забрал всю тушу. Всю. Когда я попытался отобрать свою долю, он ударил меня палкой. Убивать его я не стал, Арана разозлилась бы. Не знаю, будем ли мы еще охотиться вместе.

– Наверное, пора прекратить знаться с людьми, – встрял старый Олаан.

Киннин согласно мотнул головой:

– Всякий, кто пойдет с ними на охоту, станет предателем.

– С людьми мы добываем мяса больше, чем в прежние времена, – возразил Тахиим. – Так жить легче, просто их надо проучить. На следующей охоте покажем им, что мы не низкохвосты!

– Пусть только попробуют забрать у меня добычу! – пригрозил Олаан. – Тогда увидят, что такое волк!

На следующей охоте удалось добыть тучного оленя. Мяса хватило бы на всех, и волки возмутились, когда люди стали их отгонять.

– Мы дадим вам мяса потом, когда разделаем, – заявил один.

– Это наш олень, – бросил другой. – Возьмете что останется.

– Не суйтесь, – велел третий. – Захотим – накормим и вас.

И они склонились над оленем с заостренными камнями в руках.

Первым напал не Олаан. И даже не Киннин, а Нолла, его сестра. Любой волк знает: если кто-то из стаи отталкивает тебя от добычи – ты должен себя отстоять, иначе впредь тебя не подпустят к еде, пока все не насытятся. И Нолла – юная волчица, которой еще предстояло себя показать, – всего лишь следовала закону волков. Она прыгнула на кого-то из людей, но не укусила и даже не толкнула, а только оттеснила его в сторону и нагнулась оторвать кусок оленьего мяса.

Человек поднял заостренную палку и вонзил в спину Нолле. У волчицы перехватило дыхание, она содрогнулась всем телом. И умерла.

Люди и волки на миг умолкли. Затем люди подняли острые палки – и Киннин, с оскаленной пастью прыгнув на убийцу Ноллы, порвал ему глотку.

Затем волки пустились бежать.

Целую четверть луны ничего не происходило. Затем трех волков из стаи Песчаной Горы нашли мертвыми, с ранами от заостренных палок. На следующую ночь волки загрызли во сне четверых людей – никто не сознался в убийстве, однако Олаан и Киннин вернулись домой с окровавленными мордами и без добычи.

Так началась война.

На всем пространстве равнины человек убивал волка – и волк

убивал человека. Люди, водившие дружбу с волками, научились от них охотиться и теперь истребляли волков сноровистее, чем другие. Война разрасталась как пожар, и вскоре волк стал убивать волка и человек – человека.

– В моем народе все бьются против всех! – крикнул юноша Лидде, ненадолго улизнувшей из стаи ради встречи с ним. – Те, кто хочет истребления волков, пытаются взять власть в племени и убивают всех, кто за вас заступится. И среди них мой отец и брат. Мне страшно, племени грозит раздор.

– Моему тоже, – сказала Лидда, хотя и знала, что юноша давно не понимает ее слов. Этим утром Олаан потребовал, чтобы Тахиим наконец дал ответ – собирается ли стая уничтожить людское племя.

Юноша стоял, постукивая по бедру заостренной палкой, крепко зажатой в руке. На один страшный миг Лидде почудилось, что он может ее ударить, и пришла мысль напасть первой. Она мотнула головой, отгоняя наваждение. Юноша протянул к волчице ладонь.

– Нужно что-то делать, – проговорил он дрогнувшим от слез голосом, и Лидда прижалась к нему теснее. Высоко над головой она услышала хриплый крик ворона.

Через долину, поросшую травой, к ним приближались два небывало крупных волка.

Глава 10

14000 лет назад

Я не могла забыть о человеческой девочке. Мои мысли были заняты ею настолько, что я не сразу заметила, как озабоченный Тревегг вышел на поляну, тревожно щуря глаза. За ним трусил Минн – растерянный и слегка испуганный.

– Ее нигде нет, – сообщил Тревегг Риссе, сонно поднявшей голову от лежачего дерева. Дождь наконец закончился, за три погожих дня земля почти везде высохла, и мы не упускали случая погреться на солнце перед вечерней охотой.

Старый волк помотал головой.

– Я шел по следу до кромки леса и дальше на поле, а потом след исчез. Непонятно.

– Может, легла отдохнуть и еще не проснулась? – предположила Рисса, поднимаясь.

– Борлла пропала, – подскочила ко мне Марра, которая выбегала встретить Тревегга с Минном. Аззуен уже трусил к нам от дозорной скалы, навострив уши.

– Она вечно где-то пропадает, – ответила я чуть виновато.

Захваченная приключением с девочкой, я почти забыла о Борлле.

– На этот раз ее не могут найти. Никак. Тревегг места себе не находит, сама послушай.

– Запаха просто нет, Рисса, – говорил старый волк растерянно и беспомощно. Вот уж не думала, что Тревегг хоть когда-то чувствует себя неуверенным…

Рууко, Веррна и Иллин уже бежали с другого конца поляны.

– Так не бывает, – бросила Веррна чуть ли не со злобой. – Пусть даже ее утащил кто-то из хищников – должен был остаться запах!.. Прости, – она обернулась к Риссе, зарычавшей при упоминании о хищниках. – Борлла обезумела от горя, бродит одна где хочет, об опасностях не думает. Ничего не ест, ослабла… она даже убежать не сумеет, не то что отбиться! Рано или поздно ее все равно кто-нибудь схватит!

– Стань она чьей-то добычей – я бы учуял, не настолько я стар! – огрызнулся Тревегг. – Она просто исчезла.

– Сначала нас вел запах, а потом раз – и его нет! – оторопело подтвердил Минн. – И хищниками не пахнет. След Борллы прерывается – и все.

– Так не бывает, – упрямо повторила Веррна.

Я с удивлением поняла, что Веррна, бесстрашная Веррна, тоже напугана…

Рууко, грозно взглянув на нее, перебил:

– Если Древние на нас разгневаны, надо узнать причину.

– Сначала убедимся, что Борллы нет, – тихо, почти шепотом ответила Рисса. – Тревеггу я доверяю, но ошибаться нам нельзя.

– Будет лучше, если ее поищут и остальные, – признал Тревегг.

Рисса коснулась носом его щеки и молча, без обычных ритуалов, повела стаю в лес.

– А почему все так всполошились? – чуть задыхаясь от быстрого бега, спросил Аззуен у Иллин, когда мы вывернули на оленью тропу. – Борлла уже не первый раз уходит от стаи.

Иллин, слегка задержавшись у зарослей седмичника, посмотрела вслед остальным – не услышат ли.

– Не диво, когда волк умирает – от когтей врагов, от раны на охоте, от старости. Все мы смертны. Но когда волк просто исчезает… Легенды гласят, это знак Древних, если нарушается заповедь. Когда два поколения назад вожак Скалистой Вершины случайно ранил человека, у них пропали трое волков.

Мы с Аззуеном виновато переглянулись. Впрочем, вытащить человека из реки – не то же, что его ранить…

– А еще говорили, – продолжила Иллин, не сводя глаз с метки у меня на груди, – что в стае Древесной Тропы исчез волк, когда

они оставили жить помет полукровок.

Я заморгала, уставившись на нее. Почему мне никто не сказал?

Иллин заговорила быстрее:

– Тебе, Каала, надо знать больше. Тревегг с Риссой, говоря о легендах, кое-что утаили. Полукровки опасны не только тем, что сходят с ума или тянутся к людям. Их появление – дурной знак для всех. – Она понизила голос. – И пока волк с лунной отметиной не вырастет, никогда не знаешь, что он несет стае – добро или зло.

– Не отставать! – прервал ее гневный окрик Рууко. – Ждать не будем!

– О таком не говорят, – прошептала Иллин. – Но ты-то должна знать.

– Мы никому не скажем, – пообещала я.

Она кивнула и устремилась вслед за остальными, мы старались не отставать. Мысли у меня путались.

– А если стая подумает, что я приношу несчастье? Что тогда? – задыхаясь от бега, прошептала я Аззуену; он, едва поспевая за мной, не ответил.

Вначале запах Борллы слышался отчетливо: по тропе, ведущей к конскому полю, она проходила каждый раз, когда отправлялась искать Реела. Самый свежий запах остался сегодня утром, когда еще не высохла роса, – значит, Борлла шла здесь перед самым рассветом. След тянулся через нашу поляну у кромки леса, к деревьям на краю равнины – и еще дальше, прыжков на восемь. И тут, в точности как говорил Тревегг, запах обрывался.

Кони с равнины уже ушли – меня это только порадовало.

– Не топчитесь здесь, щенки, – велела Рисса.

Веррна, лучший следопыт во всей стае, взялась за поиски. Опустив нос к самой земле, она двинулась по ровной окружности, начиная с того места, где исчезал запах Борллы. Обнюхав каждый камень, каждую пылинку, каждый стебель травы, она пошла в противоположную сторону, отмеряя второй круг. Рууко и Рисса следовали за ней по меньшим окружностям, вплотную прилегавшим к ее пути. Иллин с Минном проделывали то же вокруг того места, где когда-то лежало тело Реела.

– Они хотят убедиться, что ничего не проглядели. – Тревегг не упускал случая нас чему-то научить, даже несмотря на беспокойство и усталость. – Веррна очерчивает внешние круги, Рисса идет чуть ближе к центру, а Рууко описывает круг внутри Риссиного. Нам лучше не подходить, чтобы не сбить запах.

На хождения кругами ушло полдня и часть прохладной ночи.

Тревегг с остальными присоединились к поиску, который охватывал уже всю Долину. Нас не подпускали близко, лишь доверили оглядеть отдаленный участок жухлой травы – наверное, чтобы мы не путались под ногами. Мы с Аззуеном и Маррой были рады хоть чем-то заняться и обнюхали все пространство, пытаясь поймать запах. Тщетно. Уннан стоял в стороне, глядя через Долину на Веррну – та ходила вокруг места, где обрывался запах Борллы.

– Пойду поговорю с Уннаном, – сказала я Аззуену и Марре.

– С ума сошла? – возмутился Аззуен. – Ничем, кроме драки, не кончится!

– Он остался один. Может, ему не по себе.

Я осторожно подошла к Уннану; он, наверное, меня услышал, но не обернулся.

– Пойдем искать вместе с нами, – предложила я. – Это лучше, чем просто стоять.

Уннан оскалился:

– Зачем? Чтобы ты убила и меня? У тебя ведь хорошо получается губить щенков, да? Лучше б тебя прикончить при рождении! – Он наклонился ближе. – Если она погибла, тебе тоже не жить, уж я постараюсь. Обещаю!

Все мои благие намерения испарились.

– Будь ты поумнее, твои друзья остались бы живы, – огрызнулась я, хоть и понимала, что лучше молчать. – Может, они гибнут или исчезают потому, что ты для них ничего не делаешь! Когда бесились кони, что-то я не видела, чтоб ты кому-то помог!

Уннан взвыл и кинулся на меня – после смерти Реела он не голодал, как Борлла, и сейчас был сильнее. Но злоба придала мне сил: я легко отбросила Уннана и прижала его к земле.

– Каала! – крикнул Аззуен, заглушая мой рык. Когда Уннан напал, они с Маррой кинулись мне помочь, а теперь, когда я чуть не вцепилась противнику в глотку, летели нас разнимать. Я пришла в себя и отступила от Уннана, мне стало стыдно: хотела утешить, а сделала только хуже… Нельзя было давать волю чувствам!

– Илшикк! – прошипел Уннан, и я сжалась от отвращения. «Илшикк» значило «волкоубийца»: такие волки вечно оставались одиночками, их не принимали в стаю. Не глядя на Уннана, я вернулась к Аззуену и Марре, и мы продолжали поиски, пока, сморенные усталостью, не упали без сил на траву.

Я почти засыпала, когда резкий шепот Аззуена заставил меня вздрогнуть.

– Верховные волки!

Франдра и Яндру показались на краю равнины. Наши к тому

времени перенесли поиски Борллы в дальнюю часть поля, примыкавшую к территории людской стаи, и сгрудились вместе, переговариваясь беспокойным шепотом. Интересно, что они обнаружили…

Рууко и Рисса подошли поприветствовать верховных волков – странно, ведь Франдра и Яндру сказали, что будут отсутствовать… Еще больше я удивилась, сколько гнева таили движения Рууко, когда он подходил к верховным волкам. Из-за дальности я не слышала его слов; Яндру тут же бросился на него и прижал к земле, затем что-то сказал и отпустил. Несколько мгновений они яростно спорили, затем верховные волки ушли с равнины. Я боялась, что они снова выбранят меня за встречу с человеческой девочкой, однако в мою сторону они даже не посмотрели. Зато Рууко бросил на меня свирепый взгляд, так что я отступила подальше, но он лишь издал повелительный клич и увел стаю с равнины.

Приведя нас обратно к лежачему дереву, Рууко запретил обсуждать исчезновение Борллы, Рисса не отвечала ни на какие вопросы. Вожаки не позволили Минну продолжать поиски – и никому из нас не сказали, что же удалось найти на дальнем краю поля.

– Охотимся как обычно, – только и услышали мы. – Остальное не обсуждается.

* * *

Я дождалась, пока стая уснет, и потихоньку направилась к равнине Высокой Травы. Если все верят, что стае послан дурной знак, и считают меня причиной, то нужно выяснить как можно больше. Особенно интересно, почему нас не пустили на край поля, ведь взрослые что-то нашли…

Аззуен увязался за мной, я не возражала.

День выдался трудным, я почти в изнеможении добралась до места, где закончились поиски. После появления верховных волков Рууко увел нас так быстро, что мне не удалось туда подойти.

Я опустила нос к самой земле. Запах стаи, след Франдры и Яндру – и слабый запах Борллы. Над всем вился тончайший, едва уловимый аромат, который я даже не сразу учуяла. Сердце забилось сильнее, я замерла и перепроверила еще раз, чтобы не ошибиться. Да, знакомый едкий запах, смешанный с ароматом мяса, соли и пота: запах человека.

– Верховные волки запрещают нам подходить к людям, –

повернулась я к Аззуену, – а сами ими пахнут. Как так?

– Не знаю, Каала. Лучше не выяснять.

– Ну уж нет, я выясню. Сначала владыки спасают мне жизнь, затем пропадают на четыре месяца – а тут появляются дважды за несколько дней. Рууко снова на меня зол, Иллин рассказывает о дурном знаке и о том, что я могу приносить несчастье, – и все как-то связано с людьми. Надо доискаться до причин. Выяснить, почему я отличаюсь от других.

Аззуен не сводил с меня озабоченного взгляда.

– Тогда найди верховных владык и спроси, только не вздумай вновь идти к людям – я же знаю, тебя только туда и тянет. – Так легко читает мои мысли, даже досадно… Аззуен подступил ближе, я почувствовала его теплое дыхание. – Ты ведь слышала, что сказала Иллин. Тебе нельзя рисковать.

– Знаю, – тихо ответила я и взяла в зубы клок травы, пахнущей стаей, Борллой, верховными волками и людьми – всем сразу. – Я туда не пойду. Обещаю.

Обманывать Аззуена не хотелось, однако я должна была выяснить истину – чем занимаются верховные владыки, как это связано с исчезновением Борллы и с моим положением в стае. И при чем тут люди.

И еще меня тянуло к человеческой девочке.

Для меня она оставалась «девочкой», хотя я уже знала, что люди зовут ее Тали: сидя в засаде и наблюдая за их стаей, я слышала, как взрослые самки окликают ее этим словом. Самки у людей назывались женщинами, самцы – мужчинами. Слово «руки» для передних лап я слышала и раньше, а теперь узнала, что про оконечности задних ног они говорят «стопа», а про шерсть – «волосы». Вся стая называлась «племя». Днем они вели себя активнее, чем ночью, при холодной погоде покрывали себя шкурами хищников и добычи; волчьих шкур я ни разу не видела, и сама мысль о них заставила меня содрогнуться.

Ветер холодил уши и пробирался сквозь густеющую к зиме шерсть; летняя жара сменилась прохладой, вылазки к людскому лагерю стали приятнее. Я разгребла под собой мягкую землю, чтобы устроиться поглубже, и улеглась на верхушке холма. Рядом со мной нетерпеливо встряхнул перьями Тлитоо.

– Целую луну только и делаешь, что приходишь и смотришь. Трусиха.

Я не ответила, лишь насторожила уши и потянула носом воздух, чтобы найти девочку: в мешанине запахов на человечьей поляне ее аромат отыскался не сразу. Сейчас, в середине дня, люди занимались кто чем: одни скребли шкуры заостренными камнями, другие приделывали к коротким толстым палкам что-то

похожее на кость, многие толпились вокруг костров. Сначала я не понимала, зачем им огонь в теплую погоду и при солнечном свете, но до меня долетел запах обожженного мяса – и я догадалась: на кострах жарят добычу. При виде оленьего мяса, которое на длинных палках держали над огнем двое мужчин, у меня потекли слюнки.

Вдруг послышался шум – четверо молодых самцов, размахивая заостренными палками, пронеслись по поляне, словно преследуя добычу на охоте. Мне вдруг нестерпимо захотелось поучаствовать в игре – она угадывалась с первого взгляда…

Тлитоо зарылся клювом в мешанину листвы, прутьев и лисьего помета, якобы в поисках жуков, и, выждав миг, швырнул мне в морду грязным комом.

– Хватит на них глядеть, волчица-глупица, ничего нового не разглядишь, – каркнул он. – Пора за дело: скоро зимний переход, тогда из стаи незаметно не улизнуть.

Грязь попала в нос, я чихнула и заодно помотала головой, стряхивая с уха жухлый лист и сгусток помета. О моих вылазках к человечьей поляне знал один Тлитоо – и то лишь потому, что от него не скроешься. Аззуен и Марра после приключения с табуном не отходили от меня ни на шаг, но от них я умудрялась сбегать, зато избавиться от ворона было не легче, чем отчистить шкуру от скунсовой вони: не стоило и пытаться.

– Уж за тобой-то верховные волки не пожалуют, – буркнула я. – И из стаи тебя не выгонят.

Весь месяц, со времени спасения девочки и исчезновения Борллы, меня так и тянуло войти в людской лагерь. Я сдерживалась изо всех сил: не настолько я спятила, чтобы разгуливать по их поляне средь бела дня, – незачем добиваться, чтобы меня изгнали из стаи прежде, чем я сделаюсь полноправной волчицей Быстрой Реки. Однако совсем не приходить к лагерю я не могла.

– Верховолки от нас что-то скрывают, волчонок, – вдруг серьезно произнес Тлитоо, не спуская с меня тревожных глаз. – Они знают о людях больше, чем говорят.

– Вот когда пройду испытание охотой и меня примут в стаю – тогда и решу, идти мне к людям или нет.

Тлитоо недовольно заворчал. Он считал, что Рууко и не подумает принять меня в стаю даже после первой охоты и зимнего путешествия, но я гнала от себя эту мысль. Если я выдержу оба испытания, Рууко даст мне знак роммы, хочет он того или нет. Таков волчий закон.

В конце концов я различила запах девочки: она сидела с другими самками в тени небольшого навеса, держа перед собой

камень, похожий на половинку пустой тыквы. В нем она что-то растирала другим камнем, потоньше, и при каждом ударе в воздухе разносился запах тысячелистника и какого-то незнакомого растения. Лицо девочки оставалось спокойным и сосредоточенным, она издавала тихий звук, похожий на гудение или жужжание. Мне вдруг нестерпимо захотелось к ней подойти – даже шкура зачесалась и земля под брюхом сделалась колкой.

Повеяло знакомым теплом, и я обернулась, ожидая увидеть волчицу из давнего сна. Рядом никого не было. «Должно быть, и вправду схожу с ума», – успела подумать я, как вдруг в воздухе сгустилось облако едко-можжевелового запаха и, подхваченное порывом ветра, понеслось к людскому лагерю.

Девочка подняла голову. Я лежала слишком далеко, ей меня не разглядеть – и все же она смотрела прямо на меня, как может смотреть дичь, почуявшая приближение хищника. Потянувшись в мою сторону, она вскинула лицо, словно нюхая воздух, и вдруг привстала.

Я поднялась. Отметина на груди потянула меня вперед, и, как я ни сопротивлялась, ноги понесли меня к девочке. Я не чувствовала ароматов растений, не слышала беспокойного трепыхания Тлитоо, даже люди слились для меня в один запах, а их голоса – в один гул… я различала одну лишь Тали.

Вдали раздался вой Рууко: вожак собирал стаю. Я мотнула головой, словно вытряхивая из ушей зов, и присела перед прыжком, готовая нестись по холму вниз, к людскому лагерю.

Тлитоо больно клюнул меня в хвост. Я чуть не взвизгнула и уставилась на него.

– Очнись, волчонок! Сейчас не время! Вожаки зовут на охоту!

Вой Риссы слился с голосом вожака. Я не могла не откликнуться на зов и, выдохнув, отступила назад.

– Волчица-глупица, – любовно проговорил Тлитоо. Хотелось цапнуть его за хвост, но что толку – все равно упорхнет…

Наваждение, тянувшее меня к людям, прошло, я побежала к реке. Переплыв на свой берег, я вывалялась в речном иле, чтобы отбить запах людей, и снова окунулась в реку. Выйдя из воды и отряхнувшись, я повернула было домой, как вдруг рядом зашелестела листва и до меня долетел запах Аззуена. В тот же миг из прибрежных кустов показалась его морда.

– Хорошо, когда у волка чуткий слух, – каркнул над головой Тлитоо, усевшийся на ветку ивы подальше от того места, где я стряхивала с себя воду. Он глянул на меня и рассмеялся своим скрипучим смехом: – Скоро ночь!

Застигли врасплох!

Ворон ей мог бы помочь.
Нет. Ночь, пора спать!

Он помолчал и вновь раскрыл клюв:

Волчице поздно выведывать.
Ей теперь
Слушать ворона.

Прокричав так, Тлитоо улетел и оставил меня объясняться с Аззуеном. Я-то думала, что сумела избавиться от слежки, которую устроили они с Маррой…

– Ты ходишь смотреть на людей, – без предисловий заявил Аззуен в ответ на мой гневный взгляд. – Уже целый месяц.

Я почуяла запах Марры, она явно скрывалась где-то поблизости. Наверное, вон в тех кустах справа…

– Тебе-то что? – бросила я.

– Ты обещала, что будешь держаться от них подальше. Могла бы мне сказать – мы ведь друзья.

Я почувствовала себя виноватой. И заодно удивилась: Аззуен раньше со мной не спорил, только делал что скажут…

– Не хотела тебя беспокоить. Ты стал бы волноваться, – неуверенно проговорила я и повернулась к кустам: – Марра, выходи!

По земле мягко зашлепали лапы – Марра вынеслась из кустов, кинулась ко мне, приветственно лизнула в морду и наклонилась к реке напиться.

Аззуен фыркнул:

– Я-то о себе позабочусь. А вот тебе бродить одной лучше не надо.

– Она хочет приберечь людей только для себя, – ответила ему Марра, продолжая лакать воду, а потом взглянула на меня: – Лучше, если мы будем с тобой. Тогда ты не наделаешь глупостей.

– Как вы узнали, куда я хожу?

– Следили, – признался Аззуен. – Еще ворон, от него столько шуму…

Марра села на землю, не сводя с меня глаз.

– Нам стало интересно, где ты пропадаешь.

– Хватит за мной бегать! – взорвалась я. – Вам что, больше делать нечего?

Аззуен с Маррой слегка поджали хвост и уши, еще больше меня смутив. Они ведь за меня заступились после вылазки к табуну! И в детстве помогли мне отбиться от Борллы с Уннаном.

Я им так многим обязана…

Я вздохнула:

– Когда в следующий раз пойду – скажу.

Хвосты и уши вмиг встали торчком.

– Лучше пошли смотреть, как взрослые охотятся, – сказала я, оборачиваясь на очередной зов Рууко.

– Может, в этот раз нам дадут поучаствовать, – мечтательно протянул Аззуен.

– Может, вороны отрастят шерсть и загрызут туров? – фыркнула Марра.

Я не могла не рассмеяться. Последняя неловкость исчезла, я ткнулась носом в щеку Марре и потом Аззуену – и ответила воем на призыв Рууко.

Глава 11

В ту ночь стая вернулась без добычи.

Спустя четверть луны, во время отдыха, нас разбудил странный вопль – то ли предсмертный стон лошади, то ли волчий вой. Оказалось, так ревет лось.

Рисса подняла голову и понюхала воздух.

– Пора щенкам выходить на охоту, – решила она.

Мои уши поднялись торчком, сердце забилось быстрее. Марра рядом со мной взвизгнула от восторга. Рисса слишком долго не брала нас на охоту – я даже начала подозревать, что мы, пожалуй, станем годовалыми раньше, чем научимся преследовать дичь. Аззуену и остальным исполнилось уже полгода, я приближалась к тому же возрасту, и все же после происшествия с табуном Рисса избегала подпускать нас к крупной добыче.

Первой к Риссе подскочила Марра, мы с Аззуеном прибежали следом и запрыгали от восторга в подобии охотничьего танца, который так часто видели у взрослых. Уннан, подошедший позже, не выказал особой радости.

Рисса обвела нас глазами. Мы уже были почти с нее ростом и становились сильнее день ото дня. Она улыбнулась – кажется, впервые со смерти Реела.

– Пора, – повторила она больше для себя, чем для нас. – Нельзя же вечно держать вас в логове. Идем на Великую Равнину – охотиться на лосей!

Подошедший Рууко коснулся носом ее щеки и кивнул, глядя на нас:

– Да, и вправду пора. Посмотрим, как справятся. – Вожак окинул нас взглядом. – Лоси опасны. Раньше мы охотились на их мелких собратьев, пока люди не вытеснили тех из Долины.

Нынешние лоси сильны и упорны, их нельзя недооценивать.

Рууко убедился, что его все слышат, и, повторив вой, повел нас на первую охоту. Даже грозные взгляды вожака не уняли нашего восторга, и мы, вслед за ним повернув с поляны в чащу, то и дело перескакивали на ходу друг через друга, не в силах уняться.

Лапы упруго касались мягкого покрова из листьев, одевшего землю. Я пыталась вспомнить все, что нам в последние луны рассказывали об охоте, но не могла сосредоточиться. Первой охоты я ждала с детства, сколько себя помню. Охота – главное, что делает нас волками. Давным-давно мир был поделен на охотников и добычу, и волки сделались лучшими охотниками из всех. Легкие дают нам надежное дыхание и способность бежать долго; зубы из осколка волчьей звезды крепки и остры; от чуткого уха не укроются даже мысли зверей, от глаз – самое мимолетное движение, нос ловит тончайшие оттенки запаха, а лапы могут унести нас хоть на край света. Однако главное – отвага и охотничья смекалка, другие способности без них ничто. Показать себя умелым охотником – значит пройти одно из четырех испытаний. После охоты и зимнего путешествия мы станем настоящими волками и Рууко с Риссой совершат над нами обряд, который наделит нас взрослым запахом – запахом стаи. С тех пор, где бы мы ни были, нас будут узнавать как волков Быстрой Реки. Конечно, никто не ждет от нас добычи на первой охоте, но если б мне удалось показать себя смелым охотником!.. Тогда Рууко и Рисса увидят, что я вправе войти в стаю и получить знак роммы. Никто не посмеет сказать, что я недостойна имени настоящей волчицы!

До Великой Равнины, раньше казавшейся недостижимо далекой, мы добрались на удивление быстро. Я не была здесь с тех пор, как мы шли от зимней поляны к новому месту у лежачего дерева. Даже сейчас, осторожно ступив на траву лапой, я почти ожидала, что равнина поглотит меня или навеет прежнюю слабость и безнадежность. Однако ничего особенного не произошло. На равнине веяло запахом от меток Рууко и Риссы: любому волку было ясно, что здесь территория нашей стаи – такая же, как и равнина Высокой Травы, и любая другая часть наших земель.

Сейчас равнину заполняли лоси, чистый лунный свет обрисовывал их высокие горделивые силуэты. Аромат тел заглушал даже запахи жуков и муравьев в траве под ногами, от лосиных шкур исходило тепло. Огромные – намного выше коней, крупные, как два взрослых волка, – лоси поражали мощным мускулистым сложением, их длинные ноги явно были созданы

для долгого бега. Громадные рога у самцов, раскинувшиеся на ширину не меньше лосиного роста, выглядели устрашающе. Интересно, какую шею надо иметь, чтобы таскать на голове такую тяжесть… О том, что будет с волком, поддетым на рога, думать не хотелось.

Слева от нас, у огромного полукруглого валуна, толпилось не меньше сотни самок, окруживших крупного самца; на другом краю равнины еще один самец возглавлял толпу вдвое меньшую. Судя по запаху, лоси на равнине бродили группами, где на одного взрослого лося приходилось несколько лосих, по краям таких групп паслись молодые самцы. Время от времени по равнине разносился резкий пронзительный рев.

Веррна, Иллин и Минн добрались до равнины раньше нас и уже носились между лосями. Рууко поспешил к ним.

– Подходящее время для охоты на лосей, – объяснила Рисса, ведя нас по краю равнины легким размашистым шагом, каким волк, преследующий добычу, способен бежать чуть ли не целую ночь. – На летней траве лоси нагуляли вес и силу, а сейчас они заняты спариванием и мало смотрят по сторонам. Самое время нападать.

Будто подтверждая ее слова, ближайший к нам самец поднял голову и взревел на всю равнину, заявляя остальным свои права на самок. Я чуть не выпрыгнула из шкуры от неожиданности: бежать почти вплотную к таким великанам – совсем не то же, что смотреть на них издалека.

– Они собирают вокруг себя самок, с которыми намерены спариваться. – Хоть Тревегг и не упускал случая посетовать на старость, он дышал на бегу легко и ровно и ни на шаг не отставал от Риссы. – Сильные самцы в это время чутки, их лучше не трогать, могут сами напасть на охотника. Поэтому сейчас мы охотимся на самок. Они толпятся вместе, среди них есть слабые. Можно еще нападать на старых или совсем молодых лосей, неспособных увлечь самку. Они слабее других.

– Уж не знаю, кому они покажутся слабыми, – неуверенно сказала Марра.

Рисса остановилась, мы сгрудились вокруг нее, бурно дыша не столько от усталости, сколько от возбуждения. Аззуен с Маррой прижались ко мне. Рууко, Веррна и однолетки легко сновали между лосями, которые не обращали на них внимания.

– Наверное, лоси как-то чувствуют, что мы еще не охотимся всерьез, – предположил Аззуен.

– Верно, – кивнула Рисса. – Дичь, которая убегает раньше, чем мы начнем охоту, лишь показывает свою слабость. А распознавать, всерьез ли нападает волк, их учат еще в детстве.

– Иначе им пришлось бы только бегать, они просто рухнули бы от усталости, – добавил Тревегг.

Вдруг Иллин свернула и устремилась к ближайшей лосихе – явно без угрозы, просто испытать. Лосиха, увидев ее, вздернула голову и подняла копыто – и Иллин, уклонившись на бегу, пронеслась мимо.

– Лосиха показывает, что вцепиться в горло она не даст, – объяснил Тревегг и фыркнул. – Иллин могла бы и догадаться: самка еще полна сил и погибать не намерена. Выбрать добычу – на охоте главное. Не важно, насколько сильны ноги и остры зубы: если не думать головой – ничего не выйдет. Разум отличает нас от прочих, он-то и делает нас умелыми охотниками.

Я вздохнула: каждый раз взрослые говорят одно и то же.

– Послушайте, щенки! – рявкнула Рисса. Нетерпение владело не мной одной: Марра рычала так, что ее наверняка слышали на равнине, а Уннан беспокойно рыл землю лапами. – Смотреть – не охотиться: на поле вас захватит азарт, и все может кончиться бестолковой гонкой. Учитесь!

Я вспомнила, как пыталась охотиться на лошадей, и решила, что не повторю тех ошибок. Уши встали торчком, я выпрямилась и прислушалась к дыханию молодой самки, пробегающей мимо, – оно казалось ровным и легким. Тогда я попробовала поймать взгляд лосей, пасшихся группой неподалеку, и невольно поползла вперед на брюхе. Передние лапы отзывались болью после моих вылазок на холм у людского лагеря. Какая-то лосиха, увидев меня, взглянула прямо в глаза – и мое сердце подскочило чуть ли не к горлу.

«Кто ты такая, чтоб считать меня добычей? – казалось, говорила она, пригвоздив меня к земле надменным взглядом. – Еще многие годы мне бегать по траве, многие годы приносить телят. Не гневи меня: я затаптывала волков и покрупнее».

Она вдруг напомнила мне лошадей перед внезапно налетевшим на них безумием. Я встряхнулась.

– Та лосиха – не добыча, – засмеялась Рисса. – Обращай внимание вот на что: порой у них бывают паразиты, лоси устают и делаются медлительными. А у стариков из-за болезни костенеют суставы. Такое распознается по запаху и на слух.

– Еще помогает просто наблюдать, – добавил подошедший Рууко. – Когда животному осталось недолго жить, это видно. Замечайте, как оно на вас реагирует: склоняет ли голову, вздрагивает ли. Если боится – значит, тому есть причина. Если не боится – тоже.

– По осанке видно, что она сильна, – тихо сказал Аззуен, кивая в сторону глядевшей на меня лосихи. – И шкура у нее

толстая и блестящая.

– Правильно, волчонок, – удивленно отозвался Рууко. – Так и нужно смотреть.

Рууко опустил морду и одобрительно коснулся щеки Аззуена. Я обрадовалась: наконец-то вожак оценил его сообразительность – чуть ли не впервые! Аззуен, поднявшись, благодарно лизнул морду Рууко и повернулся ко мне; я ткнулась носом в его щеку, и он лизнул меня так же, как вожака. Глядя на Аззуена и Марру, которые держали хвост и уши чуть ниже моих, Уннан тоже приопустил хвост.

Рууко грозно смерил меня взглядом – я даже испугалась, что укусит. Однако он перевел взгляд на равнину, где остальные волки носились среди лосей. Иллин с Минном подбежали к нам.

– Легкой добычи в стаде нет, – доложил Минн, шлепаясь брюхом на землю вместе с запыхавшейся Иллин. Веррна еще сновала между лосями. – Придется их загонять.

Ему самому, похоже, такой исход нравился больше всего.

– Когда не получается определить слабую дичь, мы заставляем лосей от нас убегать, – объяснил Тревегг, цапнув зубами муху, присевшую ему на морду. – Когда стадо большое, лучшего способа нет. Вот чем ценны однолетки вроде Иллин и Минна: охоту они знают хуже, чем взрослые волки, – тут Тревегг строго глянул на однолеток, в ответ забивших по земле хвостами, – зато быстро бегают и могут загнать не одно животное. То же предстоит и вам, щенки, если вы останетесь в стае на будущий год.

Рууко встал и потянулся.

– Иллин с Минном, ступайте загонять лосей. А вы, щенки, присоединитесь, когда они найдут подходящую жертву. Можете охотиться все вместе, а можете поодиночке с кем-то из взрослых. Оба способа полезны, рано или поздно вы должны им научиться.

– Я буду в одиночку, – быстро сказал Уннан. – Я не боюсь.

Я раздумывала. Мне тоже хотелось охотиться одной, но я по-прежнему чувствовала вину за то, что убегала к людям без Аззуена и Марры. Теперь они выжидательно смотрели на меня и молчали.

– Ну что, щенки? – поторопил Рууко. – Чего ждете?

Я надеялась, что они подадут мне хоть какой-то знак, и тут Аззуен дернул ухом, а Марра подняла морду.

– Мы втроем будем охотиться вместе, – сказала я тихо.

Марра припала на передние лапы и завиляла хвостом, Аззуен радостно взвизгнул. Рууко еще раз смерил меня взглядом – то ли недовольным, то ли смущенным – и собрался что-то сказать, но его опередил Тревегг:

– Она доминирующий щенок, Рууко, разве ты не видишь? – Старый волк чуть ли не радовался замешательству вожака. – После вылазки к табуну Аззуен и Марра ходят за ней хвостом.

Рууко издал такой низкий рык, что я скорее почуяла его лапами, а не ушами.

– Ну что ж, – процедил он. – Эти трое идут со мной. Уннан, охотишься с Тревеггом.

Тревегг сощурил глаза, но подчинился, и они с Уннаном направились на равнину.

Рууко вывел нас троих вперед, почти вплотную к животным. Сердце билось сильнее обычного: наконец-то мы охотимся!.. Сквозь густую чащу лосиных тел я видела, как Иллин и Минн испытывают добычу. Минн попытался было угрожать старой иссохшей лосихе, но та не сходила с места, и Минн, обменявшись взглядом с Иллин, устремился в самую гущу стада, а Иллин полетела за ним. Теперь игра шла всерьез, в глазах однолеток зажегся охотничий огонь; стадо, мгновенно почуявшее перемену, забеспокоилось. Не давая добыче опомниться, Иллин с Минном кинулись на скопище лосей, и те пустились прочь, преследуемые волками. Однолетки на бегу разделили стадо надвое и бросились вслед за более медлительными, потом разбили их на две группы и вновь погнались за теми, кто выказал меньше прыти, и снова разделили их надвое и еще раз надвое, пока перед волками не остались лишь самец и самка; самец, за которым гналась Иллин, рванулся вправо, а преследуемая Минном самка – влево. Краем глаза я увидела, как к лосихе с Минном несутся остальные волки – сначала Рисса с Веррной, потом Иллин, уже отогнавшая своего лося подальше. С ликующим визгом Марра кинулась вслед за самкой; лапы ее замелькали так быстро, что слились в одно пятно. В тот же миг к лосихе бросились и Тревегг с Уннаном.

– Давай! – крикнула я Аззуену и рванула было вперед, но вожак заступил мне дорогу.

– Куда, щенок? – прорычал он.

– Охотиться, – ответила я, стараясь сдержать азарт и говорить уважительно.

– Не тебе, – бросил он. – И не сейчас.

– Почему?

– Смеешь перечить вожаку? Я не желаю, чтоб ты сегодня охотилась, и все. Оставайся здесь. Не подчинишься – вон из стаи.

Рууко устремился вперед, к остальным.

К этому времени лосиха оторвалась от преследования – в этом не было ничего удивительного, добыча срывается десять раз из дюжины. И все же я не находила себе места.

Стая пыталась отбить лосей еще трижды, и каждый раз я одна

сидела в стороне. Наконец уставшие волки вернулись к лесу.

– Почему ты не со всеми, Каала? – спросила Рисса. – Пока не выйдешь на охоту, настоящей волчицей тебе не стать.

Я не знала, накажет ли меня Рууко, если я ей все выложу. Однако Рисса не стала ждать ответа, лишь вздохнула и устроилась на отдых.

– Остаемся на Великой Равнине, – проговорила она сонно. – На следующей охоте должно повезти.

С восходом солнца волки один за другим легли отдыхать под деревьями на краю равнины; Аззуен с Маррой пытались устроиться рядом со мной, но я их прогнала. Когда все уснули, я встала и потихоньку направилась к людскому лагерю. Дожидавшийся меня Тлитоо вспорхнул и полетел впереди.

Тяга к людям отличает меня от прочих, из-за людей меня ненавидит Рууко. С людьми связана тайна моего рождения. Кто я на самом деле, вправду ли приношу несчастье, примут ли меня в стаю Быстрой Реки?.. Оставаться в неведении больше не было сил.

Глава 12

Как и в прошлый раз, девочка сидела и тонким длинным камнем измельчала растения, насыпанные во второй, полукруглый камень. На этот раз рядом никого не было. Я не представляла, как к ней подобраться, только знала, что без этого в стаю не вернусь. При воспоминании о стае на меня вновь нахлынул стыд вместе со злостью: о том, что я не охотилась, теперь знали все.

Прошел час; девочка встала и направилась к постройке из камней и глины – ближней ко мне. Постройка занимала меня уже давно: человеческий запах был в ней слабее, чем в других, она пахла растениями и лесом.

Стараясь не шуметь, я выбралась из-под куста и поползла на брюхе к краю лагеря. Рисса и Тревегг предупреждали, что при дневном свете люди видят хорошо, и я двигалась осторожно. В воздухе еще витал запах стаи, оставленный две луны назад, во время вылазки за мясом; я старалась от него не отклоняться.

– Ты куда, волчица? – проскрежетал над ухом Тлитоо.

– К ней. Не шуми.

– Наконец-то! – каркнул он так, что я вздрогнула. – Я тебе помогу, к воронам люди привычны!

– Ну уж нет, – испугалась я. – Лучше подожди здесь!

Поздно. Тлитоо, вылетев на середину людской поляны, уже орал во всю глотку:

Сюда, сюда, эй!
Глядите, ворон в небе!
Волков близко нет!

Я поморщилась. Люди, прежде не поднимавшие головы, отвлеклись от работы и теперь глядели на Тлитоо, заодно озираясь на деревья вокруг поляны. Старый самец запустил в ворона косточкой от какого-то плода, еще кто-то швырнул в него обугленный камень. Тлитоо увернулся, скользнул к ближайшему валуну и стащил с него кусок жареного мяса, выложенный подсушиваться на солнце. К прежним самцам присоединились другие, и вся толпа ринулась за вороном, швыряя в него камнями, палками и чем попало еще. Им вслед смотрели двое мужчин, оставшиеся у костра. Тлитоо радостно вопил:

Камнем не попасть!
Лучше кидайтесь мясом!
Точно долетит!

Я помотала головой. Вот так и мечтай проникнуть в лагерь тихо и незаметно… И все же, пока люди бегали за Тлитоо, я умудрилась проскочить открытое пространство и притаиться за низким навесом поблизости от пахнущего травами логова.

Теперь надо было пересечь еще один участок, где не скроешься под деревьями. Собравшись с духом, я выступила из укрытия; Тлитоо в тот же миг с оглушительным воплем спикировал на второй кусок мяса, люди шумно кинулись вслед.

– Вот же крикун неуемный, – пробормотала я, метнувшись к пахнущему травами логову, и спряталась за задней стеной. На высоту двух волков постройка была сложена из камней, поставленных один сверху другого, выше тянулась стена из глины и речного камыша; большие деревянные стойки поддерживали травяную крышу. По запаху было ясно, что девочка в логове одна. Надеясь, что Тлитоо на этот раз не раскроет клюва, я прижалась к земле и осторожно поползла к отверстию в камне и глине, через которое девочка входила в логово.

Отверстие прикрывали антилопьи шкуры, соединенные непонятным образом; девочка, когда входила, отодвигала их в сторону. Стелясь по земле, я протиснулась внутрь. Постройка оказалась большой и закругленной, на восемь прыжков в ширину и десять в длину, вверху она сходила на нет, как пещера или просторная нора под корнями дерева. Вдоль стен шли деревянные выступы, на которых стояли округлые предметы – жесткие

высушенные тыквы и такой же формы сосуды из камня или затвердевшей кожи, там же лежали сложенные куски мягких оленьих шкур. От каждого сосуда пахло листьями или корнями лесных растений. Многих запахов я не знала и непременно взялась бы нюхать, когда бы запах девочки не затмевал для меня все остальное.

Маленькими умелыми руками девочка перебирала кусочки ивовой коры. Глядя на сосредоточенное лицо, я заметила, что нос у нее мал и рот совсем не выделяется, глаза сравнительно большие, а волосы сплошным покровом падают вдоль спины. Она не слышала, как я вошла; я встала у самого входа – так, чтобы снаружи не заметили и чтобы сразу выскользнуть в случае угрозы. Набравшись храбрости, я тихонько тявкнула.

Девочка обернулась и от неожиданности выронила сложенную оленью кожу, куски ивовой коры полетели на землю. Я заметила, что кора похожа на летнюю, сухую, хотя уже долгое время лили дожди. У девочки перехватило дыхание, она испуганно попятилась к задней стене логова. Хоть я и знала, что медведи и длиннозубы порой убивают людей, мне стало не по себе: ведь если бы не запрет, волки тоже могли бы считать человека добычей. И все же ее страх показался мне чрезмерным.

Захлопали крылья, и Тлитоо протиснулся в щель между антилопьими шкурами. Оглядевшись, он важно встал рядом со мной и тут же с любопытством склонил голову. Через миг он уже склевывал ивовую кору у ног девочки.

– Тьфу! – с отвращением плюнул он. – Невкусно, язык немеет!

Он осуждающе поглядел на девочку.

– Кш-ш! – Она топнула на него ногой, по-прежнему не выпуская меня из виду.

Тлитоо тут же взлетел на полку и принялся рыться клювом в кожаных емкостях.

– Прекрати, – взмолилась я. – Ты только мешаешь.

– Я голоден, – заявил он, не отрываясь от поисков. – Тут все лесные травы, какие хочешь. Попробуй ее отвлечь, я найду съедобные семена.

Девочка подхватила пук пшеницы, прикрепленный к камышовому стеблю, и замахнулась на Тлитоо:

– Пошла вон, птица! – Она снова топнула ногой. – Травы и семена не для тебя!

Поглядывая то на меня, то на девочку, Тлитоо подлетел к выходу из логова и уставился на нас, перекатывая клокочущий звук где-то глубоко в горле. Девочка как-то странно выдохнула, потянулась на верхнюю полку и, достав из каменной тыквы горсть просяных зерен, рассыпала их на земле. Тлитоо с довольным

ворчанием принялся их подбирать.

Девочка вновь посмотрела на меня, уже не так настороженно. Метка у меня на груди приятно потеплела, а Тлитоо оторвался от зерен и провел клювом по белой отметине на левом крыле.

В каменно-глиняной постройке было прохладно, не хуже, чем в волчьем логове. Теперь я понимала, почему люди их строят: когда есть крепкая нора, можно долго оставаться на одном месте. Правда, не всегда такая жизнь удобна, ведь если лошади уйдут с равнины и у лосей закончатся брачные игры, мы пойдем вслед за дичью, а люди?

Я старалась не двигаться. Девочка села на задние лапы, уважительно, как любой волк, и протянула ко мне руку. Мы сидели на расстоянии двух прыжков друг от друга, и когда я почувствовала, что она больше не боится, я чуть подвинулась вперед. Девочка, сидя на задних лапах, тоже подползла немного ближе. Шаг за шагом мы подбирались друг к другу, пока ее мягкая рука не коснулась моего плеча. Я наконец вспомнила, что можно дышать, и ее волосы чуть шевельнулись от моего выдоха. Я ткнулась носом в ее ладонь, а она с улыбкой издала что-то похожее сразу на тявканье и на выдох. Смех, с облегчением поняла я.

Я уже придумала, что ей скажу: позову вместе охотиться и уведу подальше от людей. Но теперь я не находила слов, просто сидела и смотрела на девочку. Ее черные глаза поглощали свет и не походили на волчьи – скорее уж на вороновы, только без второго века. Она несколько раз мигнула, глядя на меня.

Тлитоо каркнул, о чем-то предупреждая.

Послышался звук шагов, запахло человеческим самцом, у входа в логово раздался громкий окрик. Девочка ахнула, вскочила на ноги и, сметя ивовую кору в сложенную оленью шкуру, выскочила из постройки прежде, чем самец успел войти. Стараясь унять бешено колотящееся сердце, я скользнула к задней стене и прижалась к камням постройки. Снаружи, удаляясь, прошелестели легкие шаги и прогрохотал чей-то гневный топот. Текли долгие мгновения – кажется, поблизости никого не было. Хотелось дождаться девочки, но я уже проголодалась, к тому же в логово рано или поздно кто-нибудь войдет, пора было уходить.

Я высунула нос наружу. Тлитоо смело вышагивал взад-вперед прямо напротив логова.

– Никто не увидит. Выходи!

Припав брюхом к земле, я вылезла из логова и бросилась прочь. Раздался изумленный крик – оказывается, двое людей сидели неподалеку. Я промчалась мимо – в следующий раз буду

знать, как доверять воронам…

Несясь по лесу, я чувствовала радость, как перед охотой, меня переполняло тепло. Знаний о Рууко или Борлле у меня не прибавилось, да и положение в стае оставалось по-прежнему ненадежным, и все же будь у меня крылья, я бы летела сейчас над вершинами деревьев, как Тлитоо.

На следующей охоте Рууко еще яснее показал, что подпускать меня к делу не намерен. Лосиху, чьим мясом насытилась в ту ночь вся стая, нашла именно я. И все же вожак не дал мне и близко подойти к охоте.

В этот раз Рисса велела нам четверым залечь в разных местах равнины.

– Присмотрите себе жертву и начинайте преследовать, – велела она. – Только не первую, какая попадется на глаза: найдите самую подходящую. Если выберете правильно, ее погонит вся стая.

Рууко, прыжков за двадцать от меня, что-то говорил Уннану, друг от друга нас отгораживали лоси, и я надеялась, что вожак про меня забудет. Остальные взрослые разбежались по всему стаду – я их даже не видела, лишь чувствовала запах, уверенный и ободряющий. Я знала, что смогу выбрать хорошую добычу.

Я принялась распознавать запахи: все ближайшие лоси пахли здоровьем и силой, поэтому я двинулась в глубь стада, краем глаза заметив, что Аззуен тоже пошел вперед. Я сосредоточилась. От одних лосей веяло запахом слабости, другие казались уставшими. В группе неподалеку явно чувствовалось слабое животное, и я начала пробираться между телами, пытаясь никого не спугнуть.

Внезапно стадо зашевелилось, несколько животных пустились бежать. Оказывается, Уннан выбрал самого крепкого лося и погнался за ним, но лось вместе с самками унесся в поле. Меня взяла злость: зачем было гнать добычу без причины? Только настораживать лишний раз!.. Однако Рууко лизнул Уннана в знак одобрения, и тот гордо поставил торчком уши и хвост.

– Хвостолиз, – проговорил Тлитоо, садясь на землю передо мной. Из клюва у него торчал кусок жареного мяса; ворон, поведя на меня глазами, подбросил его в воздух и тут же проглотил.

– Иди отсюда, – велела я. – Лосей напугаешь.

– Буду ждать у реки, – заявил он и улетел прочь.

Лоси только начали успокаиваться, как Уннан вновь погнался за той же группой. Рисса покосилась на Рууко, и тот что-то тихо сказал Уннану, который сразу прижал уши, снова лег в траву и уже не высовывался.

Надвигалась ночь. Полукруг луны заливал светом Долину, от

лосиных боков шел пар. Я не чувствовала усталости, меня слишком захватила охота: если нужно – я провела бы здесь всю ночь. Через некоторое время послышались шуршание песка и топот: Аззуен распугал лосей и выбрал самку, которая явно хромала на бегу. Рууко, наверное, слишком увлекся добычей, чтобы про меня помнить; вместе с Тревеггом и Маррой он первым подскочил к жертве, остальные кинулись вслед. Добыча казалась подходящей, однако лосиха резко повернулась, лягнула копытом воздух, едва не попав Тревеггу в голову, и отбежала к другим самкам. Мы погнались следом, чтобы отбить ее от остальных.

Тогда-то мы и услыхали оглушительный рев: из толпы лосих вышел огромный самец. Он снова взревел и угрожающе наклонил голову; стоящие ближе всех Рууко, Марра и успевший закрыть Марру Тревегг застыли на месте. Самец шагнул вперед, опустил огромные рога и оглядел нас полуприкрытыми глазами.

– Это Ранор, сильнейший лось в Долине, – шепнула Иллин. Она принеслась с другого края поля, когда стая погнала лосиху Аззуена, и теперь задыхалась от бега. – Они с Рууко давние враги.

– Как так, он ведь добыча! – недоуменно отозвалась я. – Конечно, при нападении лоси защищаются, но угрожать волку первым?..

– Лось в брачную пору не упустит случая показать силу, мощный самец может убить даже волка. Потому мы и выбираем, на кого напасть.

– А почему тогда Рууко не отступит? – Нас учили сторониться лосей, которые могут быть опасны.

– По той же причине, что и Ранор. Напасть на сильного противника – значит показать всем, что ты бесстрашен.

Странно. Нас учили совсем другому. Вот так всегда: стоит только понять, каким должен быть настоящий волк, как тут же выясняется что-нибудь новое.

– О такой охоте рассказывают позже, когда щенки подрастут, – увидев мою задумчивость, пояснила Иллин. – Без этого нельзя. Противники должны доказать, что они сильны. Ранор смертельно ранил уже не одного волка.

Ранор заговорил. Оказывается, речь лосей нам понятна – ведь слова той самки, что пыталась мне угрожать, я тоже слышала.

– Ты отощал, волк, – бросил Ранор вожаку. – Неужели хочешь напасть?

– Трудить лапы для того, чтоб дать тебе покрасоваться перед самками? Мне нет нужды доказывать свою силу. – Рууко говорил снисходительно, но загривок его встопорщился и тело было напряжено.

– Лишняя похвальба волкам ни к чему, – добавила Рисса,

выходя вперед и становясь рядом с Рууко. – Мы отвечаем за жизнь стаи всерьез, не то что вы. Кто-то из твоих самок станет добычей еще до рассвета.

Ранор, не обращая внимания на Риссу, не сводил глаз с вожака. От стада отделился еще один лось, ростом почти с Ранора.

– Йонор, – шепнула Рисса. – Брат Ранора.

– Торелл и волки Скалистой Вершины выйдут с нами биться, – сказал второй лось. – Они смелей тебя, волчишка. Они волки, а не трусливые кролики.

Рууко встопорщил шерсть. Веррна не отводила от него взгляда, Иллин рядом со мной дышала часто и прерывисто. Вожак ступил навстречу Ранору, тот шагнул вперед и остановился, увидев, что Рууко не убегает. Рууко наклонил голову, Ранор тоже. Несколько мгновений они не шевелились.

– Ну, тогда в другой раз, волчишка, – сказал Ранор и, повернувшись, зашагал обратно к самкам. Йонор последовал за ним.

Рууко встряхнулся и оглядел стаю; при виде меня он недовольно прищурился.

– Продолжаем охоту, – бросил он и повел нас прочь от Ранора и его самок к другим лосям.

Вновь мы поодиночке рассеялись между животными; на этот раз Рууко не упускал меня из виду и снова помогал Уннану. Подходящей добычи не попадалось. Наконец, уже почти на рассвете, я учуяла лосиху, явно не похожую на других. Я подобралась ближе, чтобы понять отличие: с виду-то она выглядела вполне здоровой. И тут вспомнились слова Риссы: больные суставы пахнут по-другому! Вот в чем дело! Лосиха движется скованно, а вместе со странным запахом это знак слабости!

Я осторожно подошла; сердце стучало так громко, словно билось прямо в ушах. На миг я прикрыла глаза и представила, как в прыжке вцепляюсь в бок лосихе, вгрызаюсь в шею, валю на землю… Тело напряглось, и я рванула вперед с неожиданной даже для себя стремительностью. Лосиха вздрогнула и пустилась бежать, от нее запахло испугом: она ведь знала, что я волчица и охотник. Я летела вперед стремительно и плавно, как река, и неистово, как гром, и уже почти чувствовала горячую плоть в зубах.

– Добыча! – крикнула я стае. – В погоню!

Я нутром ощутила вой, краем глаза поймала силуэты волков: они признали мой выбор, они гнались за моей добычей – значит, я охотник! Я бежала быстрее лосихи и, уже нагнав ее, улучила

момент и прыгнула…

Тут на меня будто дерево рухнуло – резкий удар бросил меня на землю, надо мной нависла морда Рууко. Мне хватило бы сил подняться, но Рууко вновь налетел и опрокинул меня спиной на траву, острый камень вонзился в бедро.

– Я запретил тебе охотиться!

– А Рисса велела идти всем! Я нашла добычу!..

– Не смей перечить! – Рууко по-прежнему меня не отпускал. – Твое дело ждать и смотреть.

И я ждала. И смотрела, как стая убивает лосиху. Мою первую добычу.

Уннан приписал заслугу себе; Рууко никому не сказал, что лосиху нашла я.

Я даже не пыталась подойти к мясу. Лишь поджала хвост и двинулась прочь от стаи.

Глава 13

Услышав оклик Тревегга, я замедлила шаг. Говорить ни с кем не хотелось, но ослушаться старого волка я не посмела, он ведь всегда меня защищал. Тревегг запыхался, хотя прежде он не знал усталости, еще недавно я не успела бы так его обогнать…

– Вы, молодые, слишком легки на ногу, – проворчал он добродушно, поравнявшись со мной.

Я вдруг заметила, что морда его сильно поседела, а зубы сточились. Меня захлестнула жалость: я не представляла, что буду делать, если стая его лишится.

– Мне туда нельзя. Не могу смотреть, как все пожирают мою лосиху.

– Понимаю, – мягко кивнул он. – Потому-то я здесь. Возможно, Рууко так и не даст тебе охотиться, будь к этому готова.

Злоба вдруг отступила, ей на смену пришла безнадежность.

– Почему? Неужели он думает, что Борлла пропала из-за меня? Что я приношу несчастье? – Хоть я и обещала Иллин молчать, все же я должна была узнать правду.

– Рууко ни в чем не уверен. – Тревегг удивился, но, к моему облегчению, не спросил, откуда я знаю про дурной знак. – Однако он не хочет испытывать судьбу.

– Я не надеялась, что он даст мне жить со стаей и после зимы, но почему он не подпускает меня к охоте? Разве мне нельзя становиться волчицей?

– Если ты покажешь себя умелым охотником и переживешь зиму, у вожака не будет выбора: ему придется принять тебя в

стаю и дать знак роммы. А если потом станет ясно, что ты приносишь несчастье, то вместе с несчастьем ты будешь везде разносить и запах Быстрой Реки, и тогда Рууко и его стае не поздоровится. Поэтому он не хочет давать тебе запаховую метку. – Тревегг вздохнул. – Кроме того, ты выросла сильнее других, Аззуен и Марра тебе подчиняются. Волки могут потребовать от Рууко, чтоб весной он оставил тебя в стае, а он этого не желает. Будь ты слабой, тебе было бы проще.

Он коснулся носом моей щеки.

– Мне пора назад. А ты и вправду лучше пока не подходи. И подумай, как жить, если я окажусь прав.

– Спасибо, – кивнула я. Дождавшись, пока шаги Тревегга затихнут, я направилась к людям.

У реки, рядом со сторожевой скалой, я остановилась. Скала пахла красным волком, побывавшим здесь до меня; я вспрыгнула на вершину и покрыла его запах своим. Усевшись на скале, я задумалась о словах Тревегга. Как стать настоящей волчицей против воли Рууко?.. Я вдохнула полную грудь воздуха, напоенного запахом берез и терновника, и прикрыла глаза, прислушиваясь к шуршанию ящериц между камнями, к воробьиным ссорам за спиной, к шелесту ветра в деревьях… Вдруг до меня донесся знакомый запах, со стороны Великой Равнины затрещали ветки, – и меня снова обуяла злость: за мной шел Аззуен. Я поднялась на скале во весь рост, глядя на кусты, откуда он должен был появиться. Ветки трещали все ближе – Аззуен явно бежал; потом он понял, что я остановилась где-то рядом, и шаги его замедлились. Кусты под скалой раздвинулись, из них показалась морда Аззуена, и тут же он вылез целиком.

– Я с тобой, – заявил он прежде, чем я успела раскрыть рот.

– Я никуда не иду.

– Ты идешь к людям, и я с тобой.

Злость на Рууко, не подпустившего меня к добыче, вновь захлестнула меня, я зарычала. Уж Аззуену-то не надо отстаивать себя перед вожаком: вертится рядом со взрослыми, его и в стаю примут без хлопот, а мне…

– Иди и жуй свою лосиху, – рявкнула я. – Нагуливай вес, пригодится.

Я ожидала, что он огорченно подожмет уши, и сразу стало стыдно: Аззуен мне всегда доверял и не оставлял одну, я зря его обижаю. Но ведь нужно, чтоб он ушел!.. К моему удивлению, он и не подумал смущаться, лишь сел поудобнее, не сводя с меня глаз.

– Люди – мои! – Я чуть не визжала от бессилия. – Не будь меня, ты бы бросил человеческую девочку на гибель! Тебе что, делать нечего, кроме как за мной ходить? Отвяжись!

Аззуен вспрыгнул на скалу – не угрожающе, однако никак не робко, такой спокойной уверенности я в нем еще не видела.

– Я иду с тобой, Каала, или ты остаешься. Стоит мне подать голос – и сюда примчится Рууко. Я видел, на охоте он сподличал. И хочу тебе помочь. Одну я тебя не пущу.

От неожиданности я не нашлась с ответом, меня охватила ярость. Прыгнув на Аззуена, я сбросила его со скалы и попыталась прижать к земле. Но вместо того чтобы перевернуться брюхом кверху и подчиниться, он с рычанием кинулся на меня и опрокинул на спину.

– Только и знаешь, что глупить и упрямиться. – Он удерживал меня лапами и не отводил взгляда. – Я могу тебе помочь.

В бешенстве я извернулась, цапнула Аззуена за морду и сбросила его с себя – ударившись о скалу, он отлетел на землю и тут же вспрыгнул на лапы. Теперь мы стояли в прыжке друг от друга, оскалив зубы и рыча. Я была потрясена, впервые увидев Аззуена другим – не слабым щенком, а крупным волком: за то время, пока я бегала к людскому лагерю, он вырос почти с меня ростом и раздался в груди. От стыда я поджала уши. Он ведь давно уже не убогий волчонок, каким я его считала, а взрослый зверь, сильный и уверенный. А еще он мой друг…

С тех пор как я дралась в детстве с Уннаном и Борллой, мне не приходилось ни с кем мериться силой. Теперь все было иначе. Драки щенков мало значат, и статус, обретенный в них, сохраняется недолго. Когда тебе больше полугода, все становится по-другому, и мне не хотелось, чтоб моя первая битва, определяющая ранг волка в стае, была с Аззуеном. Наверняка он думал так же. Он заговорил, голос его звучал мягко.

– Я не хочу с тобой драться, Каала. И все же не оставлю тебя одну. И вообще, – он улыбнулся, вздыбленная шерсть вновь спокойно улеглась вдоль спины, – с чего ты взяла, что все люди твои?

Я облегченно вздохнула, чувствуя спиной, как приглаживается шерсть. Мне не хотелось терять Аззуена. День, когда нам предстоит драться за статус в семье, настанет скорее, чем я думала, и после него все переменится. Я всегда считала себя сильнее Аззуена, мне даже снилось, будто я, вожак стаи, милостиво возвожу его в ранг своего помощника и защищаю от нападок более сильных волков – как всегда делали вожаки, выбирая себе помощника умного, но не обязательно сильного. Мне не приходило в голову, что Аззуен сможет защитить себя и сам. И теперь, при взгляде на его блестящие глаза, гладкий мех и сильные плечи, я устыдилась того, что так долго считала его вечным щенком и прочила в низкохвосты.

Аззуен глядел на меня выжидательно.

– Если не отстанешь, – бросила я, – то так и быть, пойдем.

Громко тявкнув, Аззуен принял вызов, и мы в полную мощь пустились бежать к реке, там кинулись в воду и поплыли наперегонки; на дальнем берегу я оказалась лишь на нос раньше Аззуена. Мы остановились отряхнуться, и я мягко тронула его плечом, лизнув в щеку, – я видела, так делала Рисса, оставаясь наедине с Рууко. Аззуен застыл от неожиданности. Оставив его в смущении, я побежала дальше, в сторону людского лагеря, через миг он меня догнал. Тлитоо, должно быть, следивший из-за деревьев, взлетел над нашими головами.

– Эй, щенки, до брачной поры еще далеко! – каркнул он.

Я недовольно поморщилась, зато Аззуен улыбнулся во всю пасть. Тлитоо глянул на меня, склонив голову набок:

– Если ты покончила с попытками изменить неизменяемое, то у нас еще есть дела!

Я хотела было огрызнуться, но Аззуен ускорил бег, и я, забыв про усталость и раздражение, пустилась с ним наперегонки к людскому лагерю.

На этот раз девочку я нашла сразу. Во время прошлой вылазки стало ясно, что разные участки поляны предназначались каждый для своей работы: где-то готовили еду, где-то обрабатывали шкуры, где-то изготовляли острые палки. Девочка обычно бывала там, где что-то делали с растениями. На этот раз она сидела одна, держа на коленях охапку речного камыша, стебли которого она проворно сплетала умелыми пальцами. От запахов людской поляны Аззуен задергал носом; уши его вытянулись вперед так, что едва не отрывались от головы; Тлитоо, покосившись, явно нацелился на них клювом, но встретил мой взгляд и невинно заморгал.

Вначале я надеялась, что Аззуену станет скучно и он уйдет, но люди завораживали его так же, как и меня. Внезапно мне стало радостно, что он со мной, что не только нам с Тлитоо интересны люди, – и от избытка чувств я ткнулась носом в щеку Аззуена. Он удивленно обернулся и тут же лизнул меня в морду. На хохотнувшего Тлитоо я предпочла не обращать внимания: при виде девочки сердце слишком переполнялось теплом и счастьем.

– Побудь здесь, – велела я Аззуену и повернулась к Тлитоо, уже поднявшему крылья, чтобы лететь за мной. – И ты тоже!

Тлитоо недовольно заворчал, но все же остался на месте.

Я осторожно пробралась к краю поляны с той стороны, где сидела Тали, и тихонько заскулила, чтобы привлечь ее внимание. Лагерь полнился шумом, да и уши у людей не такие чуткие, как у волков, и все-таки она меня услышала. Оторвавшись от своих

камышинок, девочка отложила работу, вытерла руки о шкуры, закрывавшие середину тела, и пошла в мою сторону. Я едва верила своим глазам. Дойдя до края поляны, она оглянулась через плечо и ступила под деревья.

– Здравствуй, волчица, – тихо проговорила она. – Ты снова пришла?

Я высоко подпрыгнула от радости, как обычно при встрече с собратьями, но девочка в испуге отшатнулась и, помедлив, вновь приблизилась, осторожно и неуверенно, обхватив себя руками; ноздри ее чуть подергивались.

Я взглянула на девочку испытующе. Ее речь я понимала, поймет ли она меня?

– Пойдем со мной на охоту? – сказала я.

Тали сморщила лицо и приложила руку ко лбу, словно он вдруг заболел.

Я попробовала еще раз:

– За рекой есть хорошее мышиное место. Пойдем? – Тут я вспомнила, что она может бояться воды, ведь она чуть не утонула. – Или куда-нибудь еще, если хочешь.

Не отводя от меня глаз, девочка протянула руку и мягко тронула меня за плечо:

– Что тебе нужно, волчица?

Значит, она меня не понимала. Интересно почему – ведь я разбирала ее слова. Многие языки схожи, и если открыть сознание навстречу другому, то можно поговорить с любым существом, особенно если оно из тех, кто тебе чем-то близок. Волки и вороны охотятся вместе, потому и общаются без труда. И с большинством хищников мы находим общий язык, хотя многие так косноязычны, что их почти не понять. А обращаясь к жертве или сопернику, мы говорим по-волчьи, а они по-своему – этого достаточно, чтобы уразуметь необходимое. Почему же девочка меня не понимает? Я даже заскулила от бессилия.

– Ты голодна? – Она полезла в мешочек, прикрепленный к длинной полоске кожи на поясе, достала кусок мяса и протянула мне. Я схватила его зубами и мгновенно проглотила. Мясо оказалось жареное, но не такое, как когда-то утащила Иллин, а сухое и тягучее, я видела такое у Тлитоо: явно старое, но без сладковатой гнили, какая появляется на туше, оставленной на несколько дней. Похожий вкус был однажды у найденной мной дохлой лягушки, пролежавшей неделю на солнце, но мясо, полученное из рук девочки, еще и отдавало запахом костра. Ничего вкуснее я прежде не ела.

Кусты за моей спиной негодующе заскулили; я взглянула на притаившегося там Аззуена, который все-таки не оставил меня и

шел следом, и обернулась к девочке. От запаха мяса рот наполнился слюной, хотелось засунуть нос в ее сумку и сожрать все до крошки, но я вспомнила о приличиях: девочка ведь так и не поняла, что мне от нее нужно, хотя уже, кажется, не боялась.

Я решила рискнуть. Взяв зубами ее запястье, я тихонько потянула девочку вперед, глядя на нее вопросительно. Когда мои зубы коснулись кожи, глаза Тали расширились, но все же она позволила увести себя дальше в лес.

– Подожди, – вдруг сказала девочка. Она метнулась обратно в человеческий лагерь и тут же прибежала обратно с плоским куском сложенной оленьей кожи, повешенным на плечо; в руке, к моему удивлению, она несла заостренную палку, какую я видела у людей. Вблизи я разглядела, что острой была не сама палка, а приделанный к ее концу темный камень. Тали держала палку уверенно, как будто привыкла с ней обращаться.

Я направилась в лес; девочка шла позади, держа руку на моей спине. Когда мы отошли от лагеря, из-за деревьев осторожно показался Аззуен.

Тали вцепилась в мою шерсть, я услышала, как она торопливо сглотнула. Я выскользнула из-под ее руки и подошла поприветствовать Аззуена – показать девочке, что он свой.

– Не забывай, она нас боится, – предупредила я его. – Сразу близко не подходи.

Аззуен наклонил голову, не отводя взгляда от девочки. Тут же у наших ног сел Тлитоо.

– Я тебя помню, ворон, – сказала ему Тали. – Ты друг волчицы.

Тлитоо принял гордую позу, девочка почувствовала себя спокойнее и вновь глянула на Аззуена.

– Можно повести ее на мышиную поляну, – предложил он, и я обрадовалась. Мышей нашел Аззуен, а в охотничьи места не водят кого попало, и я была ему благодарна за приглашение. Правда, придется переплывать реку, но если девочка боится воды – я ей помогу.

Я кивнула и пошла вперед, указывая дорогу. Можно было повести Тали к Ольховой Переправе, однако для девочки путь может оказаться слишком долгим, поэтому я направилась туда, где река текла широко и спокойно.

– Погоди, волчица, – остановила меня Тали, поняв, что мы идем к реке. – Нам сюда.

Девочка крепче ухватила меня за шерсть, и я позволила ей вести нас, куда она решила, хотя я не понимала, зачем идти к нижней части реки, где течение быстрее. Там, где Тали остановилась, берег тянулся полого и широко, без обрывов, в

стремительном потоке тут и там торчали валуны. Девочка ступила на камень и, когда я беспокойно заскулила, обернулась на меня через плечо:

– Я не всегда так неловка, что сваливаюсь в реку!

Удивленная тем, что она правильно истолковала мою тревогу, я виновато приопустила уши. Девочка засмеялась.

– Я всегда тут хожу, – объяснила она, стоя на одной ноге и пытаясь удержать равновесие. – На том берегу живет моя бабушка, я привыкла. Она говорит, мне надо учиться плавать, но я, наверное, не сумею.

Девочка перескочила на другой валун, с него на следующий, затем прыгнула на торчащий из воды ствол дерева. Так, переступая с камня на камень, она добралась до последнего валуна и легко перепрыгнула на глинистый берег. В волнении я не спускала с нее глаз, однако она шла уверенно. Перебравшись вслед за ней, мы с Аззуеном повели ее к мышиной поляне.

Мыши умны. Если их выслеживать и преследовать так же, как крупную дичь, они мгновенно разбегутся и спрячутся. Поэтому надо нападать на них сверху, неожиданно, как птицы. Я не знала, умеет ли девочка охотиться на мышей, поэтому поймала ее взгляд, убеждаясь, что она за мной наблюдает, и выбрала себе добычу – притаившуюся в высокой траве мышь, которая усиленно нюхала воздух. Мышь чувствовала, что охотники где-то рядом, но, как всегда, не могла определить, откуда мы появимся. Я подобралась ближе, подтянула задние лапы к передним и сжалась, напружинив мускулы. Мышь не шелохнулась: она не знает, с какой стороны охотник, и боится бежать, чтобы не попасть ему прямо в лапы. Я привстала на задних ногах, высоко подпрыгнула – и приземлилась уже с мышью в передних лапах. Не дав ей дернуться, я тут же ее проглотила.

От девочки донесся странный звук. Сначала я даже подумала, что она расстроена или, чего доброго, ранена – она задыхалась и издавала что-то похожее на громкое уханье. Я в тревоге подбежала, звуки только усилились. Аззуен, на которого я глянула в замешательстве, был озадачен не меньше моего.

– Она над тобой хохочет, волчица-глупица, – каркнул Тлитоо. – Ей смешно!

А ведь и правда. Только вместо коротких и тихих выдохов, которыми девочка смеялась прежде, смех был долгим и громким, Тали даже присела на землю. Раздосадованная, я пошла дальше ловить мышей. В людях еще оставалось для меня много непонятного.

Охота приносила нам с Аззуеном то успех, то неудачу; временами налетал Тлитоо, норовя выхватить мышь у нас из-под

носа, и вновь с довольным карканьем взмывал вверх, не обращая внимания на наш рык. Я все ждала, что девочка к нам присоединится, но она просто тихо сидела и наблюдала, временами посмеиваясь.

– Охотиться-то она будет? – недоуменно спросил Аззуен.

– Не знаю, – мотнула я головой. – По-моему, не хочет.

– А зачем ей тогда палка?

Раздалось шуршание – из зарослей солнцецвета вылез жирный кролик и застыл в нескольких прыжках от нас. Мы тоже замерли. Краем глаза я заметила, что девочка поднялась и теперь стоит наготове, с палкой в руке, тоже не двигаясь. Кролик – добыча существенная, не чета мышам, но и добыть его труднее: на малых расстояниях они бегают быстрее волков, и ловить их надо с умом, чтоб не спугнуть на первом прыжке. Кролик сидел между мной и Аззуеном; тот сделал мне знак глазами, отдавая право напасть первой. Я уже подобрала задние ноги и приготовилась прыгать, но едва заметно дрогнула – и зверек пустился наутек. Прежде чем я опомнилась, девочка перескочила через поляну и, замахнувшись палкой, вонзила ее острый конец прямо в бежавшего на нее кролика. Тот, замерев на палке, дернулся, и Тали, схватив кролика за голову, свернула ему шею.

Я благоговейно застыла: такой прекрасной охоты я еще не видела, Тали была великолепна.

– Спасибо за помощь, волчица! – улыбнулась она широко, как никогда, обнажив чуть ли не все зубы.

Я раскрыла рот от удивления: ведь она права! Мы поймали кролика вместе! Может, нам под силу поймать кого-нибудь еще? В конце концов, если мне не дают научиться охоте со своей стаей, то, может, я сумею охотиться с девочкой? Я буду преследовать зверя и гнать его на Тали – и вдвоем мы сможем его убить. Тогда-то стая поймет, что я охотник! И вожаку ничего не останется, кроме как признать меня настоящей волчицей! У меня даже голова закружилась от восторга и облегчения: теперь я знаю, что делать! Я ликующе завизжала, вскочила на задние лапы и, положив передние на плечи девочки, принялась лизать ее в лицо.

– Прекрати, волчица! – отбивалась Тали, захлебываясь от смеха. – Кролика уроню!

– Пусть уронит, пусть! – Аззуен, не сводивший глаз с кролика, тоже захохотал. – Я еще не наелся!

Задыхаясь от счастья, я опустилась на все четыре лапы, и мы с Аззуеном выжидательно посмотрели на девочку, надеясь получить свою долю кролика.

Однако девочка полезла в поясной мешочек и достала нам сушеного антилопьего мяса. Уши у меня встали торчком так

быстро, что даже темя заболело.

– Я отнесу кролика бабушке, – робко сказала Тали. – Свежее мясо ей полезно, а охотиться она уже не может.

Она выдала нам по длинной полоске антилопины, и мы с наслаждением запустили зубы в тягучую, ароматную, пахнущую костром мякоть. В конце концов, кролика я добуду и в другой раз, а жареное мясо перепадает не каждый день.

– Лучшая еда на свете! – блаженно протянул Аззуен, норовя дотянуться носом до мешочка Тали.

Я думала, девочка съест хоть кусочек кролика, но она, видимо, намеревалась отдать бабушке всю тушку. Тали положила кролика в сложенную оленью шкуру, которую несла на плече; кролик, к моему удивлению, не выпал, а остался внутри. Я принюхалась к шкуре, пытаясь выяснить, как девочка это устроила. Тали засмеялась:

– Не трогай сумку, волчица, кролик – мой! Вяленого мяса и мышей тебе хватит!

– Я не собираюсь ничего воровать, – обиженно сказала я, забыв, что она меня не понимает.

– А я бы с удовольствием, – встрял Тлитоо, подхватывая мелкую крошку мяса, упущенную Аззуеном; тот зарычал.

Все еще обиженная, я взглянула на девочку – и увидела морщинки в уголках глаз, как при смехе. Она не считает меня воровкой! Это игра! Я радостно тявкнула и потянулась к Тали. Ухватив зубами то, что она назвала сумкой, я потянула его к себе, чуть не опрокинув девочку на спину. Она удивленно ахнула, обернулась и со смехом потащила сумку обратно, потом собралась с силами и дернула, утянув меня вперед; Аззуен удивленно тявкнул, Тлитоо кинулся за моим хвостом. Ни я, ни Тали еще не вошли в полный возраст, но сил у меня было больше. Я потащила сумку сильнее, перетягивая девочку вперед, и внезапно Тали ухнула, как сова, и разжала руки – я упала, чуть не проехавшись мордой по земле. От неожиданности я раскрыла рот, и тут Тали выхватила у меня сумку. Вздернув ее над головой и по-прежнему ухая, она понеслась вперед, к реке.

Я устремилась за ней, Аззуен не отставал. Девочка свернула на широкую открытую тропу – я поколебалась, но побежала следом. У реки Тали вдруг остановилась, я тоже замерла, чтобы в нее не врезаться, Аззуен, оскользнувшись на глине, застыл позади меня. Тлитоо кружил у нас над головой, не отводя от нас любопытного взгляда.

Я вдруг учуяла незнакомого человека и, мгновение помедлив, нырнула в густые можжевеловые кусты, а Аззуен спрятался за березу. Девочка радостно вскрикнула и стремительно кинулась

вперед, к высокому худощавому самцу. Тот обхватил ее руками.

– Я тебя искала! – воскликнула Тали.

– Рад, что нашла! – ответил самец, гладя ее по шерсти на голове.

Хотя незнакомец уже дорос до высоты взрослого, он еще не раздался в ширину и походил скорее на волка-однолетку; мех его был светлее, чем у девочки, но темнее Риссиного. Эти двое обменивались приветствиями совсем как волки одной стаи, встретившиеся после отлучки, и притом обращались друг с другом как спутники, как пара. Я удивилась, во мне шевельнулась ревность: я думала, девочка еще не такая взрослая…

– Очень трудно было улизнуть, – сказала Тали юноше. – Отец за мной следит и никуда не отпускает одну.

Молодой самец уставился на меня и застыл на месте.

– Тали, – прошептал он. – А кто там в кустах?

Девочка обернулась:

– Это волчица… Волчица, выходи!

Я осторожно выбралась из кустов. Глаза юноши расширились, он приподнял зажатую в руке острую палку – явно от страха, а не из кровожадности, поэтому я не зарычала и вообще постаралась его не напугать. Девочка стукнула по палке.

– Брелан, ты что! Она мой друг!

– Нам нельзя с ними знаться! Сама помнишь, Халин говорил.

На севшего поблизости Тлитоо люди не обратили внимания. Вот уж никогда не мечтала быть кем-то, кроме волка, но порой завидовала вороновой незаметности.

Девочка упрямо расправила плечи.

– Халин – идиот, не всякий волк опасен. Уж ты-то знаешь, кто я.

Пока я озадаченно пыталась вникнуть в ее слова, Аззуен решил, что пора вылезать из-за березы. Не бойся я испугать людей еще больше, я бы зарычала. Вечно он появляется некстати…

Юноша замер и несколько раз судорожно сглотнул, но когда Аззуен, раскрыв пасть и вывалив язык, шутливо припал к земле, молодой самец вытаращил глаза и уронил палку. Аззуен, когда захочет, бывает обаятельным, в этом ему не откажешь.

Тали подошла ко мне, молодой самец – Брелан, как назвала его девочка, – протянул ладонь и погладил Аззуена по голове. Тот в ответ лизнул его руку, и юноша открыл рот и растянул губы, то есть улыбнулся человеческой улыбкой.

– И совсем не грозный, – удивленно проговорил Брелан, гладя Аззуена по загривку. Аззуен перевернулся на спину и подставил юноше брюхо, словно более сильному волку.

– Ты что? – зашептала я. – Он ведь не вожак!

– Он должен чувствовать, что он главный, – завороженно пробормотал Аззуен. – Тогда он не будет считать меня врагом.

– Волчонок прав, – встрял Тлитоо. – Если выказать повиновение, человек не будет бояться.

Затаив дыхание, я смотрела, как Аззуен завоевывает доверие юноши: через несколько минут оба уже сидели рядом на задних лапах и обменивались нежностями.

– А теперь выходи, можно, – каркнул Тлитоо.

Из кустов показалась морда Марры. Я помотала головой: надо ж так увлечься людьми, чтобы не почуять волчицу из собственной стаи! Хорошо, что медведей рядом нет – их я, наверное, тоже бы не заметила…

– Они такие же, как волки! – изумилась Марра. – Совсем не чужаки!

– Точно, – согласилась я. – И все же нам запрещено быть вместе. – Мне не очень хотелось рассказывать Аззуену и Марре о том, что я собиралась охотиться с девочкой.

– В том-то и трудность, – кивнула Марра. – А все-таки я не прочь подружиться с человеком. Может, пойти за этими двумя? Вдруг там есть еще другие, кто тоже любит волков?

– По-моему, и двоих пока хватит, – беспокойно отозвалась я. – Лучше в другой раз.

– Ну ладно, – разочарованно вздохнула Марра. – В другой так в другой…

– Нам пора, Тали, – проговорил юноша, с явной неохотой отрываясь от Аззуена. – Если задержимся, нас могут хватиться, а я еще хочу побыть с тобой.

Девочка кивнула.

– Прощай, волчица! – обернулась она ко мне напоследок.

Брелан, длинной рукой обхватив мою девочку, прижал ее к себе, и они пошли вдоль реки. Аззуен не отрывал сияющих глаз от юноши, который напоследок оглянулся на него через плечо, Марра провожала обоих людей мечтательным взглядом. Во мне проснулась ревность; было ясно, что поохотиться вдвоем с девочкой мне не дадут – Аззуена с Маррой влекло к человеку так же, как и меня. И пока мои собратья смотрели вслед удаляющимся людям, я впервые задумалась, во что же я умудрилась впутать нас, всех троих.

Глава 14

Новый способ ловли кроликов мы быстро **освоили и** теперь распространили его на индеек и ежей; он пригодился бы и для бобров, если найти на реке место, где девочка может твердо стоять в воде. Способ надежно срабатывал с мелким зверьем, при случае его можно было опробовать и на крупной добыче. В успехе я не сомневалась. У девочки, правда, могло бы не хватить сил остановить зверя в одиночку, но ведь есть еще Брелан и мы – а сообща мы справимся. По крайней мере должны, потому что Тревегг оказался прав: прошло уже пол-луны, а Рууко по-прежнему не подпускал меня к охоте, и я не сомневалась, что до зимнего путешествия он мне так и не даст себя проявить. Однако с каждым разом меня это заботило все меньше: я училась охотиться самостоятельно.

Я уже не прогоняла Аззуена и Марру, которые увязывались за мной к людям: вместе было легче ускользнуть из стаи, к нашим совместным отлучкам все привыкли. Волкам нашего возраста положено рыскать по территории стаи, и никому не казалось странным, что с каждым днем мы уходим все дальше. Олени и лоси разбрелись по равнине – значит, зимний переход не за горами, и вожакам нужно, чтоб мы привыкали к долгим путешествиям. Уннан пытался за нами следить и с каждым разом становился все злее, но ни перехитрить, ни пересилить нас троих не мог.

Приближалась зима, начались снегопады. Первый снег привел щенков в восторг, взрослым так и не удалось добиться от нас благоразумия. Мы то и дело взвивались в воздух, стараясь поймать летящие хлопья, и норовили поваляться даже в самых мелких кучках снега. Взрослые встретили холод с не меньшим удовольствием; Рууко с Веррной порой не отставали от нас, резвясь под снегопадом. Даже когда снежные бури и метели перестали поражать новизной, мне стоило большого труда думать о чем-то другом при виде падающих снежинок.

Снег шел и в тот день, когда мы застали девочку на нашей стороне реки. По пути к людской поляне мы с Аззуеном и Маррой прыгали под летящим снегом, ловя пастью холодные хлопья и заваливаясь в каждый сугроб. Мы хотели пересечь реку ниже того места, где залегла на отдых стая: Веррна заметила там оленей. Однако на подходе к реке я замешкалась, вдруг почуяв на нашей стороне недавний запах девочки: он явственно слышался в месте переправы и дальше среди деревьев, где мы только что бежали, а потом внезапно исчезал. Аззуен с Маррой, тоже сбитые с толку,

кружили по глинистому берегу, пытаясь отыскать след Тали.

– Она пошла к старой женщине, о которой говорила, – раздался с ближайшей сосны голос Тлитоо. Сосны, в отличие от берез и большинства дубов, не облетели перед зимой, среди густых колючих листьев ворону было где спрятаться.

Тлитоо спорхнул на землю и повел головой из стороны в сторону, явно довольный собой.

– Я летел за ней следом, пока вы стаей заигрывали с лосями. За мной, щеночки! Я укажу путь быстрее, чем его учуют ваши мокрые носы!

Тлитоо с довольным карканьем взмыл и исчез среди верхушек деревьев.

– Нам тебя не видно, как же за тобой идти? – крикнула я в отчаянии, однако ворона и след простыл.

– Я укажу путь, сестра!

Я удивленно обернулась – и встретилась морда к морде с молодой волчицей из сна. Аззуен с Маррой все еще оглядывали верхушки деревьев в поисках Тлитоо: волчицу они явно не видели, не чуяли и не слышали.

– Кто ты? – спросила я, чихнув от сгустившегося едкомоважевелового запаха. Я старалась говорить шепотом, чтобы Аззуен с Маррой не подумали, что я спятила. – Почему ты ко мне приходишь?

– Ступай за мной, сегодня я тебе кое-что покажу. – В глазах волчицы мелькнул озорной огонек. – Я улизнула без спросу, но меня не сразу хватятся. Быть в том мире незначительной – тоже порой удобно.

Бесплотная волчица припустила вперед, я устремилась за ней.

– Вожаки не всегда позволяют мне приходить, сегодня я тайком, – сказала она с вызовом. – Если я решила тебе помочь, меня не остановят.

Волчица двигалась быстро и без усилий, под ее лапами не шевельнулась ни одна снежинка, ни один листик с дерева. Я едва поспевала за ней со всех лап, позади неслись Аззуен с Маррой.

– Ты хоть знаешь, куда бежать? – задыхаясь от усилия, выговорил Аззуен. – Запаха нет!

Дыхания не хватало, я не ответила. Вскоре я почуяла аромат девочки, и как только я пошла по следу, волчица замедлила шаг.

– Оставляю тебя здесь, сестра. Постараюсь появляться чаще. – Она опустила голову. – Моя главная ошибка – я слишком часто делала что скажут. А мнению тех, кто над нами властен, не всегда можно доверять.

Я в удивлении остановилась.

– Как так?

– Вот он, запах! – проговорила Марра над самым ухом, я даже вздрогнула. – Как ты умудрилась не сбиться?

Бесплотная волчица кивнула и скрылась в кустах.

Марра с Аззуеном глядели нетерпеливо, и я повела их дальше. Девочка стояла там, где река встречается с лесом, в получасе бега от равнины Высокой Травы.

– Я ждала, – промолвила Тали вместо приветствия. – Бабушка просила тебя привести…

– Я же говорил, что отыщу! – гордо заявил Тлитоо, приземлившийся у ног девочки. От лап до клюва его покрывал снег, как будто ворон вывалялся в сугробе.

Марра потянулась цапнуть его за хвост, и Тлитоо предпочел упорхнуть. Я не ответила – меня занимала девочка: непривычно взволнованная, она беспокойно вертела в руке убитую индейку. Аззуен с надеждой принюхивался к птице; Марра, глянув на индейку, перевела глаза на девочку.

– Если я отнесу ее к племени, – ответила Тали, неправильно истолковав взгляд Марры, – у меня ее просто отберут. А бабушка и так мало ест, ей нужно мясо.

Я устыдилась: ведь могла же догадаться и принести девочке того мяса, что мы откладываем про запас! В следующий раз так и сделаю…

Тали повела нас вдоль реки, к самой границе нашей территории, и вдруг остановилась у пышного куста, тронув пальцами ароматные листья.

– Здесь поворот: куст растет у тропинки, что ведет к бабушкиному дому.

Тропа, на которую свернула девочка, оказалась широкой и утоптанной, как оленья, хотя оленями тут не пахло – лишь мелкой дичью, редкими лисами и людьми. Среди человечьих запахов выделялся аромат Тали и еще один человечий, очень похожий; густо пахло Бреланом, и поверх всего явственно чувствовался поразительно знакомый запах.

– Верховные волки! – воскликнул Аззуен.

– Ими пахнет повсюду, – беспокойно проговорила Марра. – Тут не только Франдра и Яндру, еще и другие, много… Я не знала, что они заходят на нашу территорию…

– Я тоже, – кивнула я.

– В Долине сейчас верховных волков хоть отбавляй, – доложил Тлитоо. – Я видел. Никогда столько не было.

Неизвестно, чем грозит присутствие множества верховных волков, но я чувствовала, что это явно не к добру. С того дня, как мы впервые выбрались за пределы поляны, на меня не

наваливалось сразу столько запахов. Я и не заметила, как девочка замедлила шаг.

– А вот и бабушкина хижина, – сказала она с едва заметной робостью.

Я даже не сразу поняла, где кончается лес и начинается человечье жилье: хижина стояла не на поляне, как виденные мной людские постройки, а словно вырастала из леса. Подобно постройкам в лагере, хижина была сложена из камней, скрепленных глиной, из отверстия в крыше поднимался дым. Логово выглядело уютным – не таким большим, как на людской поляне, но вполне вместительным для нескольких волков.

Девочка юркнула внутрь. Мы втроем предпочли не высовываться из частого кустарника, чтобы никто из людей нас не увидел, но затем меня словно что-то толкнуло.

– Ждите здесь, – бросила я Аззуену с Маррой и стала выбираться из укрытия.

– Там Брелан! – крикнул мне вслед Аззуен.

И вправду, к аромату девочки и незнакомому человечьему запаху примешивался сильный запах юноши – Брелан явно находился внутри хижины.

– Все равно ждите, – твердо повторила я. – Осторожность не повредит. Я скажу, когда можно входить.

Аззуен с Маррой поворчали, но подчинились, и я шагнула к хижине. Тлитоо походил взад-вперед у моих ног, затем вспорхнул на крышу. Входить в жилище, где ждет незнакомая самка, не хотелось, поэтому я решила дождаться девочки и села, но тут же вскочила при звуке голоса из хижины: низкого, звучного и очень старого.

– Пусть твоя подруга входит, Тали. Пора познакомиться.

Девочка выглянула наружу – голова, отдельно от тела торчащая в отверстии для входа, выглядела забавно, однако при взгляде на серьезное лицо желание веселиться пропало. Девочка сделала знак войти, и меня вновь одолели сомнения, которых не было раньше, когда я приводила Аззуена и Марру поиграть с Тали и Бреланом: хижина старой самки выглядела как часть другого мира, и войти в нее значило бросить вызов всем волчьим законам.

– Моя главная ошибка – я слишком часто делала что скажут.

Я глубоко вдохнула и медленно подошла к девочке. Для начала всунув в хижину лишь кончик носа, я вдохнула запахи: девочка, Брелан, старая самка и сухие растения, как в девочкином логове на поляне. Запах костра и дыма. Медвежьи шкуры. Еда. Просунув в хижину голову, я увидела, что дым от костра уходит наверх сквозь дыру в крыше. Пусть нюх у людей и не тоньше, чем

у деревьев, зато в изобретательности им не откажешь…

– Входи, Лунная Волчица, – прозвучал старый голос. – Будь моей гостьей.

Я осторожно вошла. Старая женщина, ростом еще ниже девочки, сидела в дальнем конце помещения; от нее пахло больными суставами и хрупкими костями. Будь она оленем или лосем, она стала бы добычей, подумала я и устыдилась: негоже так думать о женщине из семьи Тали. От старой самки исходило дружелюбие. Ее укрывали медвежьи шкуры, и нижней частью тела она напоминала скорее медведицу, чем человека. В ее присутствии я почувствовала себя слишком юной, неловкой и глупой.

Я поглядела на Брелана. Подойти к нему раньше, чем к старой женщине, которая по статусу здесь явно главнее всех, было бы невежливо, но мне не хотелось делать вид, будто я его не увидела. Он стоял с острой палкой в руке и почему-то даже не пошевелился, словно мы никогда вместе не охотились.

Девочка легко коснулась плеча старой самки:

– Бабушка, это волчица.

Женщина засмеялась:

– Может, придумаешь имя получше? На ней тот же лунный знак, что и на волчице из моих снов.

– Про себя я называю ее Серебряной Луной, – застенчиво сказала девочка.

– Очень хорошо. Не бойся, Серебряная Луна, – мягко проговорила женщина. – Подойди, мне приятно познакомиться с подругой Тали.

При всей неловкости, какую я ощущала, я не могла отказаться от такого церемонного приглашения. Я подошла ближе, склонилась перед старой женщиной и приветственно лизнула ее в морду, тем самым признавая ее право старшинства. При моем приближении Брелан явно напрягся, и девочка смерила его взглядом.

– Ты что? Ведешь себя так, будто волчицу раньше не видел! – прошипела она ему. – Что с тобой?

– Не терплю, когда хищник приближается к *криане*, если она беззащитна. Я все-таки ее страж.

Слово «криана» я слышала впервые. Брелан произнес его с тем же уважением, с каким мы упоминаем верховных волков, – и я задумалась, кем же приходится человечьему племени эта старая женщина.

Она мягко положила руку мне на голову, я вновь лизнула женщину и, отойдя, повернулась к Брелану. Такая бдительность – это уж чересчур…

За стеной хижины сопел и фыркал Аззуен, жаждущий добраться до Брелана, Марра тоже была где-то поблизости. Еще, чего доброго, влезут без приглашения…

– Быть главной – иногда невыносимо, – пробормотала я, ни к кому не обращаясь.

Я прикинулась маленькой и безобидной и взглянула на Брелана со всей добротой, на какую была способна, однако он будто застыл, а когда я припала на передние лапы, приглашая играть, он поднял заостренную палку.

– Брелан, ты в своем уме? – возмутилась девочка.

– Она наш друг, юноша, я просила ее прийти, – заявила старая женщина. – Когда мне понадобится твоя помощь, я скажу.

Брелан опустил палку, хотя глядел по-прежнему настороженно. В конце концов мне это надоело: шагнув вперед, я поднялась на задние лапы и нацелилась передними ему в живот. Брелан отступил, зацепившись за что-то ногой, и девочка с женщиной засмеялись.

– Будешь знать, юноша, – проговорила женщина.

– Ты должен доверять мне, Брелан, – сказала девочка. – Это часть меня.

Сопение за стеной хижины усилилось. Стоило мне только понадеяться, что его никто не заметит, как сверху раздались другие звуки – Тлитоо, уцепившись когтями за края отверстия, свесился с крыши чуть ли не вниз головой. Я вздохнула. Что за жизнь – вечно находится кто-то, кому надо следить за каждым моим шагом…

– Подойди, волчица-избранница, – позвала старая женщина.

Я осторожно приблизилась к груде шкур и легла на брюхо, чтобы быть вровень с лицом крианы.

– Ты наверняка задумывалась, почему ты отличаешься от других, почему тебя так влечет к людям. Моя внучка тоже к тебе привязана.

Я взглянула на девочку – она, опустив глаза, разглядывала свои безволосые ноги, от холода покрытые шкурами. «Тали, – подумала я, – а не просто девочка. Она дала мне имя – значит, и мне надо чаще вспоминать, как ее зовут».

– Твоему призванию есть причина, – продолжала старая женщина. – Попроси своих друзей войти.

Аззуену с Маррой не понадобилось приглашение: они, должно быть, сидели у самого порога, и стоило криане их позвать, тут же вошли внутрь и почтительно поздоровались с женщиной. Марра легла у огня и положила морду на лапы. Аззуен, поглядев на меня независимо, подошел к Брелану; тот наконец расслабился и даже опустил палку, чтобы погладить

Аззуена по спине. По обыкновению людей обнажив зубы в улыбке, он присел возле волка, словно и не впадал в ярость минуту назад. Аззуен, растянувшись рядом, положил голову ему на ноги.

– Ты, должно быть, друг Брелана, – проговорила старая женщина, посмотрев на Аззуена, и перевела взгляд на Марру. – А ты подруга этих двоих. Добро пожаловать в мой дом.

Аззуен с Маррой в благоговейном восторге посмотрели на женщину; Марра, почтительно подойдя к ней, села у ее ног. Мы с Тали отошли чуть дальше, чтобы дать Марре вдохнуть запах крианы. Тлитоо, отцепившись наконец от крыши, слетел вниз, к груде медвежьих шкур, и женщина насыпала ему горсть семян из кожаной сумки.

Криана надолго задержала на нас взгляд.

– Может быть, вам еще рано об этом знать, но у меня нет выбора. Я не вечна, а времени осталось слишком мало.

Она глубоко вздохнула, голос зазвучал сильно и уверенно.

– Слушайте же, юные волки. С моей внучкой и Бреланом вы встретились не случайно: волки и люди издавна предназначены к тому, чтобы быть вместе.

Я даже поперхнулась от удивления. После строгих запретов, после наставлений о трех непререкаемых законах вдруг услышать, что на деле все наоборот…

– Многие из моего народа уже не верят, что это правда, и я не удивлюсь, если волчье племя тоже считает иначе. Но такова истина, и она важнее, чем вы думаете. Когда люди перестают общаться с волками, стражами природы, они забывают о своей причастности к миру вокруг. Так случалось прежде. Люди начинают убивать и разрушать: ведь мы не понимаем, что навредить миру – значит навредить себе. Остановить человека, который без конца уничтожает других существ и рушит мир вокруг себя, способны только волки: лишь они могут напомнить людям о том, что мы – часть одного целого. Связь между нами существует издревле, с тех самых пор, как волки и люди стали жить в этих землях.

Аззуен заворчал, а Марра приподнялась, словно хотела возразить. У меня от растерянности гудела голова: слова крианы шли вразрез со всеми законами стаи, вразрез с самой целью волчьего существования. «Обещай нам, что вы будете сторониться людей», – некогда сказала праматерь Небо старому Индру, а когда волки нарушили заповедь, Древние нас чуть не уничтожили…

Я считала, что моя тяга к Тали противоестественна и порочна, а теперь мудрая старая женщина говорит, что нам всегда лгали о людях и даже о нашем собственном прошлом. И я должна

ей верить?.. Однако больше всего мне хотелось, чтобы ее слова оказались правдой.

– Все очень непросто… – Криана тяжело вздохнула, словно беседа отнимала у нее много сил. Тали оторвалась от меня и села рядом с бабушкой, та погладила девочку по шерсти на голове. – Когда волки сходятся с людьми, может случиться непоправимое. Мой народ пытался подчинить себе волков, ваши родичи убивали людей, каждый раз сближение заканчивалось враждой. В том и состоит загадка, противоречие: мы созданы друг для друга, но не можем быть вместе. И для волков, и для людей это тяжкий опыт.

Я усиленно помотала головой. Непонятно – должны быть вместе и должны быть врозь… Я даже тихонько заскулила.

– Волки перестают быть волками, – повторил Аззуен давние слова Риссы. – И начинают убивать людей или сами становятся их жертвой.

Он задумчиво глядел на женщину, будто услышал от нее подтверждение прежних мыслей.

– Да, – кивнула криана. Оказывается, она поняла его слова! Мы удивленно переглянулись. – Многим из людей невдомек, что другие существа тоже свободны: человека раздражает чужая независимость, он всех норовит себе подчинить. – Криана потянулась через Тали и положила руку на грудь Марры, вздымающуюся от волнения. – На какое-то время мы нашли способ связать людей с волками так, чтобы общение не закончилось враждой. Среди нас есть те, кого не пугает стихийная сила, присущая волкам: мы не стремимся вас подчинять и потому легче перенимаем ваши знания. К нам, созданным для общения с волками, еще в детстве приходят волки-крианы: я впервые встретила своего, когда была младше Тали. Он-то и научил меня вашей мудрости. Волки-крианы – это те, кто направляет вашу жизнь, вы их знаете.

Я вспомнила про запах верховных волков, окружавший логово старой женщины: должно быть, они и есть волки-крианы.

– Значит, мы не должны сторониться людей, – проговорила Марра почти шепотом.

– Я предупреждал, что злюковолки что-то скрывают! – каркнул Тлитоо.

– Каждый раз во время полной луны мы с волками-крианами сходимся на Большой Разговор, – продолжила женщина. – Они не дают нам забыть, что мы часть этого мира. А мы рассказываем своему племени то, что от них услышали. Знание передается через многие поколения, каждый из людей-криан учит следующего, так и я выучила Тали. – Женщина, прикоснувшись ладонью к щеке девочки, заговорила тише: – Однако Большие

Разговоры утратили силу, волки-крианы многое от нас скрывают. Мы не знаем, почему существует загадка-противоречие: почему волки должны быть с людьми, а люди неспособны ни жить с волками, ни обойтись без них. И неизвестно, почему Большой Разговор больше не приносит пользы. Волки-крианы что-то утаивают – считают, что мы не поймем. Однако я вижу, что все рушится. Уже много лет ни один криан-волк не приходил к людям, и за всю мою жизнь ни один не родился, хотя прежние старятся и мой народ не слушает ни их, ни меня. Я не знаю, что делать.

Старый голос задрожал, Тали взяла женщину за руку. Другую руку криана протянула ко мне.

– Когда ты, Серебряная Луна, пришла к Тали, я приняла это как знак перемен. Возможно, ты и займешь место криан-волков, и вы с Тали будете направлять народ.

Я словно приросла к полу. Я не могла просто взять и отказаться от всего, что говорили мои сородичи: Рисса и Тревегг учили меня быть настоящей волчицей и никогда мне не лгали. А женщина, пусть и родня моей девочке, все же не из моей стаи, а из племени людей. Я даже застонала от бессилия.

Криана вновь протянула ко мне руку, Марра отступила в сторону, и я подошла.

– Я вижу, ты мне не веришь. Да и с чего бы? – Она на мгновение задумалась. – Тебе нужно прийти на Большой Разговор, через две ночи после полной луны. Тали тебя приведет. Только тебя, Серебряная Луна, без друзей: спрятать всех троих не удастся.

Она устало улыбнулась, и я лизнула ей руку в знак согласия.

– Вот и хорошо.

Криана обвела нас взглядом и улыбнулась шире:

– Не верю, что надежда иссякла. Вы вместе – значит, не все потеряно. – Она глубоко вздохнула. – Я устала, юные создания. Поговорим в другой раз.

Старая женщина закрыла глаза и почти слилась с волчьими шкурами, дыхание ее замедлилось. Тали и Брелан, наклонившись, коснулись губами ее щеки и выбрались из хижины. Мы с Аззуеном и Маррой, ткнувшись носами в ладонь женщины, последовали за ними, ступая как можно тише.

Пока мы разговаривали с крианой, снег прекратился, выглянувшее солнце пригрело землю. Тали с Бреланом повели нас на ближнее поле с высокой травой.

– Ты ей веришь? – спросила Марра, идя вместе со мной в нескольких шагах позади людей. – Тревегг с Риссой говорили совсем другое.

– Я не знаю, чему верить. Риссе с Тревеггом обманывать нас вроде незачем. Но и у старой женщины нет причин лгать.

Мне так хотелось, чтобы рассказ крианы оказался правдой – ведь тогда получится, что я могу быть с Тали!..

– Может, она просто ошибается, – осторожно предположила Марра. – Откуда ей знать про обещание Индру, про Древних, про долгую зиму?..

– Ты что, не понимаешь? – взволнованно перебил ее Аззуен, мы даже остановились. – Она наверняка права! Вот почему легенды бессмысленны! Неужто Долину закрыли от мира лишь для того, чтобы мы не подходили к людям? Когда волки стали дружить с людьми – почему праматерь Небо не истребила всех, как угрожала? А ведь Рисса не на шутку рассердилась, когда я об этом спросил. – Аззуена даже трясло от возбуждения. – Вся история мне казалась нелепой, и теперь я знаю почему. Верховные волки наверняка что-то утаивают.

Мы втроем стояли на тропинке, глядя вслед удаляющимся людям; я еще раз подробно вспоминала рассказ старой женщины. А вдруг она права, что тогда?

– В стае говорить об этом нельзя, – предупредила Марра. – Хотя бы до тех пор, пока не узнаем больше.

– Правильно, – согласилась я.

– Мы поможем тебе улизнуть на Большой Разговор, – пообещал Аззуен.

– А ты расскажешь нам, что удастся вызнать, – добавила Марра. – Тогда и решим, как действовать.

– Да, – кивнула я нехотя. Мне не хотелось впутывать Аззуена с Маррой в дела, которые могли привести к неприятностям. – Хорошо.

Тали с Бреланом нашли клочок поля, где с травы стаял снег и земля уже подсохла; мы подошли к ним. Тали села и протянула ко мне руки – когда я, стряхнув с себя тяжкие мысли, улеглась рядом, она положила голову мне на спину. Удивительно, как я соскучилась по своей девочке.

Аззуен с Бреланом растянулись на земле поблизости, Марра уютно свернулась между нами. Тлитоо, задержавшийся в хижине позже всех, перепорхнул через поле и сел у моих ног.

– Я улетаю. Вернусь как смогу. Дождись меня.

– Ты куда? – Его присутствие стало уже привычным.

– Далеко, – отрезал он. – За край Долины. Не наделай без меня глупостей.

Ворон поднял крылья.

– Подожди! – возмутилась я.

– Я не обязан сидеть рядом с тобой только потому, что у тебя

нет крыльев, – раздраженно каркнул Тлитоо. – Не можешь летать – я тут ни при чем. Мне пора.

Тлитоо вспорхнул и полетел к горам. Вскоре он превратился в мелкую точку, а затем и вовсе исчез. Я вздохнула. Угадывать, что за мысли бродят в его вороньем мозгу, было бесполезно.

Тали прижалась ко мне теснее. У меня чесался левый бок, но я не двинулась, чтобы ее не беспокоить: мне нравилось ощущать тепло ее тела, и удары сердца, и дыхание…

– Вот потому я и хожу через реку, волчица. То есть Серебряная Луна, – поправилась она робко. Новое прозвище мне нравилось: оно значило почти то же, что мое имя. – Да, порой мне страшно, однако куда денешься: бабушка уже стара и не может ходить. А ведь она криана, духовный вождь нашего племени; когда вырасту, я займу ее место.

Я сочувственно ткнулась в девочку носом. Многие из волков тоже боятся переплывать реку, но охотник должен преследовать добычу, куда бы она ни бежала. Вот и Тали преодолевает страх, чтобы исполнить долг…

– Будь по-другому, я сейчас жила бы с ней, – доверительно продолжила она. – Халин, наш вождь, этого не хочет. Он говорит, бабушка глупая и не понимает жизни. Крианы всегда селились вместе с племенем, а теперь вожди их не терпят и утверждают, что крианы не дают им вволю охотиться.

Пока девочка говорила, Брелан поднялся и беспокойно ходил по поляне, то и дело гневно вбивая в землю тупой конец палки, на которую опирался как на третью ногу.

– Халин боится, что криана угрожает его власти, – бросил юноша. – Так сказал отец после совета племени.

Брелан жил в другом племени, на западе нашей территории; путь до Тали отнимал у него полдня. Он хотел взять Тали в спутницы, а Тали говорила мне, что вождь прочит ее своему сыну. Может, потому Брелан и вышагивает так беспокойно…

Тали протянула руку и усадила его рядом с нами. Аззуен улегся на скрещенные ноги юноши, тот запустил пальцы в волчью шерсть, и сердце его забилось спокойнее. Теперь настал черед Марры подняться и ревниво мерить шагами поляну.

– Твой вождь не случайно услал криану за реку, – продолжил Брелан. – Он не хочет, чтобы ты перенимала у бабушки знания и встречалась с волками-крианами.

– Все так, – кивнула Тали. – Не знаю, что и делать. Старый Канлин не запрещал ей жить в племени.

– В молодые годы она не обладала таким могуществом, как сейчас. И Канлин был сильнее Халина.

– Халин – вождь моего племени, Серебряная Луна, – пояснила

мне Тали. – Он терпеть не может бабушкиных указаний, особенно когда она велит не убивать дичь – ведь он норовит уничтожить любое зверье. Она говорила, что надо уважать других существ, а он заявил, что она вредит племени, и отправил ее за реку. Коль она так любит волков, то пусть, мол, с ними и живет.

– А если он запретит тебе видеться с крианой? И участвовать в Большом Разговоре? Что тогда? – спросил Брелан.

О Большом Разговоре хотелось узнать подробнее, я даже заскулила от отчаяния: ведь я не умею разговаривать с людьми!..

– Он хочет, чтобы крианом стал его сын, а не я, – тревожно ответила Тали. При упоминании о сыне вождя Брелан застыл на месте. – Я иду на обман. Говорю, что ухожу за травами или шкурками мелких зверей, а сама спешу к бабушке.

Я беспокойно шевельнулась, пытаясь придумать способ задать вопрос.

– Нас учат, Серебряная Луна, что любые существа, кроме человека, либо глупы, либо злобны, – повернулась ко мне Тали. – Медведи, львы и твои собратья считаются плохими, а те, кто пасется на равнине или питается лесными растениями, и вовсе ничего не значат. Нам говорят, что человек должен повелевать всеми, ведь он единственный подчинил себе огонь, сделал орудия и научился строить жилища. Так полагали не всегда. Бабушка еще помнит старые времена, когда крианы следили за тем, чтобы человек не нарушал законов природы и жил в согласии с миром. Однако вожди сейчас делают что захотят – и не любят, когда им противоречат.

– А многие из нашего народа отказываются уходить на зиму, – добавил Брелан, безотчетно зарываясь длинными пальцами в густеющий мех Аззуена. – Мой дядя не понимает, зачем куда-то идти, если так много сил потрачено на постройку жилищ. Он говорит, что, если бы крианы не запрещали охотиться сколько хочешь, не пришлось бы бродить с места на место. Мол, если долго жить одним лагерем и строить больше хижин, то можно стать сильнее других племен и вся добыча на равнине и за ее пределами будет наша.

Мне стало тревожно. Я так и не понимала, почему люди считают себя особенными, не такими, как все. Конечно, и мы не так уж ценим жизнь зверей, которых убиваем, и я соглашусь с дядей Брелана: добыча принадлежит любому, кто может ее поймать, – однако мы знаем, что у зверей есть жизнь. Нам, как и людям, тоже нужны логова, чтобы вырастить щенков, – но кто захочет провести всю жизнь в логове, если есть густая шерсть и силы для перехода?..

– Наверное, такова их расплата за то, что у них мелкие зубы и

нет меха, – прошептала Марра, тоже смутившись. Она наконец прекратила ходить взад-вперед и легла на сухой клочок земли в нескольких шагах от нас.

– Чем больше они берут добычи, тем больше хотят еще, – заметил Аззуен. – И все же непонятно, почему они не слушают криан. Рууко тоже не всегда согласен с верховными волками, но он им подчиняется.

Мне было нечего ответить собратьям и нечем утешить Тали, зарывшуюся лицом в мех у меня на спине. Я знала лишь то, что волк должен бороться за место в стае, почитать Луну и Солнце и ценить жизнь, дарованную Землей, и еще соблюдать законы охоты, заботиться о собратьях и отстаивать территорию. Как помочь Тали и что делать с загадкой-противоречием, о которой говорила криана, я не ведала. Мне оставалось лишь прижаться к ней и дать покой и тепло.

Марра тихо зарычала: ветром донесло незнакомый человеческий запах. Мы втроем, готовые драться, настороженно подняли головы.

– Что случилось, Серебряная Луна? – Почувствовав, как я напряглась, Тали села.

От человека пахло почти как от Брелана – должно быть, родственник. Однако после всего, что юноша рассказывал о своих соплеменниках, это не означало, что пришедший окажется другом. Поднявшись с травы, мы с Аззуеном и Маррой ждали.

Из леса, направляясь в нашу сторону, вышел молодой самец. Брелан встал, с готовностью сжимая в ладони острую палку, но сразу успокоился, издалека узнав пришельца, и поднял руку в обычном людском приветствии.

– Долго ты нас искал!

– Еще бы! Прячетесь в траве, как кролики, попробуй найди! – откликнулся подошедший самец и вдруг резко замер, увидев нас с Маррой и Аззуеном. Правда, палку он поднимать не стал. – Те самые волки, да?

Видимо, Брелан о нас рассказывал. Юноша подошел ближе.

– Я не совсем верил, брат, а теперь вижу, что все правда. – В его взгляде было больше удивления, чем страха. – Они с вами дружат.

– Или мы с ними, – улыбнулась Тали.

– Вы вместе охотитесь?

– Пока только на мелкое зверье, – кивнул Брелан. – Но теперь нас трое, можно попробовать и крупную дичь!

Я удивилась: он словно читал мои мысли! Я тоже мечтала охотиться на крупную добычу! Я оглядела нового юношу: не такой уж крупный, чтоб от него было много толку…

Тали заметила мой оценивающий взгляд.

– Миклан – младший брат Брелана, – объяснила она мне и повернулась к новому самцу: – Подойди познакомься, это Серебряная Луна.

Однако Миклан не отрывал глаз от Марры, которая подбиралась к нему тихо и осторожно, словно на запах добычи. Она уже видела, как мы с Аззуеном приветствовали своих людей, и сейчас припала брюхом к земле, признавая человека сильнейшим. Она едва дышала от желания понравиться юноше. Тот был младше, чем Брелан и даже Тали, еще совсем детеныш, и не так недоверчив, как старший брат. Его лицо тут же расплылось в улыбке, он положил руку на голову Марре. Я беспокойно заскулила: такой жест считается у нас властным и подчиняющим – однако Марра явно не возражала. Через минуту оба уже шутливо боролись, катаясь по траве: Марра игриво рычала, мальчик задыхался от хохота. Вскоре, наигравшись, они улеглись рядом; Марра, положив голову на вытянутые ноги Миклана и не уставая стучать хвостом по земле, взглянула на меня с гордостью. Аззуен устроился рядом с Бреланом, девочка запустила пальцы в мою шерсть. Наступали сумерки, навалилось утомление – от пережитого за день, от встречи со старой женщиной, от ее нелегкого рассказа, – но нам шестерым было уютно вместе.

И все же меня не оставляла тревога. Одновременно чувствовать, что я нашла свой дом – и что привычный мир на глазах рушится; впервые в жизни ощущать себя цельной – и разрываться на части… И пытаться разрешить загадку-противоречие, живя со стаей и тайком бегая к людям… Голова кружилась от мыслей… Я попыталась ни о чем не думать и просто впитывать в себя тепло и спокойствие, исходящие от девочки.

Глава 15

Пригревало послеполуденное солнце, стая спала. Возле Риссы с Тревеггом, сон которых всегда был особенно чуток, улеглись Аззуен и Марра, готовые предупредить меня, если те проснутся. Солнце уже перевалило за середину неба, близилась ночь Большого Разговора. Я пообещала Тали и криане, что приду: нужно было наконец выяснить, кто такие верховные волки и зачем они общаются с людьми. Сегодня улизнуть будет труднее обычного: поблизости шло стадо антилоп, и Рисса хотела научить нас их выслеживать, – поэтому нам велели не разбегаться с поляны, чтобы в нужное время выйти вместе.

Бродя взад-вперед, будто в поисках удобного места для сна, я

подобралась к двум дубам на самом краю прогалины, на всякий случай оглянулась и наконец шагнула за пределы поляны.

– Куда это ты собралась?

Уннан заступил мне путь. Оказывается, он только притворялся спящим, а на деле умудрился выбраться в лес и теперь меня поджидал.

– Уйди с дороги, – прорычала я. На вежливость времени не было.

Уннан окинул меня хитрым злобным взглядом.

– Ты же знаешь, я сильнее, – пригрозила я на всякий случай: в последней драке я легко его победила, одолею и на этот раз.

– А драться ты не станешь, – ухмыльнулся Уннан. – Побоишься шума. Так что твоя людская штрекка обойдется без тебя.

Штрекками звали самую недостойную дичь, убить которую ничего не стоит… Я потрясенно уставилась на Уннана. Отговариваться было незачем: я не знала, сколько ему известно.

– И Аззуен с Маррой тоже не попадут к своим штреккам. Думаете, вы такие умные? Шляетесь к людям – только дай волю. А потом врете вожакам – мол, охотились. Охотитесь, а добыча где?

– Если ты такой умный, чего ж не доложил Рууко и Риссе? – спросила я как можно беззаботнее, хотя брюхо у меня свело от страха.

– Может, доложу, а может, и нет, – заявил Уннан. – Но сегодня ты никуда не пойдешь.

Я не успела и рта раскрыть, как Уннан громко тявкнул, волки как один подняли головы.

– Щенки! – окрикнула нас Рисса. – Вам не велено отлучаться, а вы?..

Уннан заискивающе улыбнулся:

– Каала собралась убегать – я и остановил. Нам ведь сказали не уходить…

– Прекрасно. – Кажется, Риссу больше разозлил угодливый тон Уннана, чем мое непослушание. – Каала, сейчас не время. Ложись рядом с Тревеггом и Аззуеном и жди часа охоты.

– Хорошо, – подчинилась я.

Рассеянно поприветствовав Тревегга, я задумалась, как улизнуть с поляны, и не заметила его пристального взгляда. Старый волк хотел было что-то сказать, но за нами наблюдала Рисса, и он вновь улегся.

– Спи, волчица, – шепнул Тревегг. – После поговорим.

Я положила голову на лапы, уверенная, что от волнения не смогу уснуть. Однако усталость взяла свое: лишь стоило мне

закрыть глаза, как навалился сон.

Меня разбудило прикосновение руки. Распахнув глаза, я глянула в лицо Тали и растерянно моргнула. И тут же замерла от страха: остальные волки спят здесь же, а час охоты совсем близок, стая скоро проснется…

Как я не подумала, что Тали осмелится прийти на поляну! А если ее увидят?.. Даже прогнать ее невозможно: малейшее поскуливание поднимет всех на ноги.

Она собралась было заговорить; я тут же прижалась носом к ее щеке и встала. Тревегг во сне дернул ухом, на другом конце поляны Минн заворчал и перевернулся на другой бок. Я ткнулась лбом в руку Тали, девочка ухватила меня за загривок и повела. Каждый миг я ожидала тревоги – человеческий запах силен, странно, что его до сих пор не услышали.

Вдруг до меня дошло, что я сама не чувствую запаха Тали, хотя она шла со мной бок о бок. Я принюхалась – от нее пахло лесом, и сладким кленовым соком, и растениями, которые я помнила по ее логову на человечьей поляне. Я хотела спросить, как ей удалось скрыть запах, но прогалина с лежачим деревом была совсем рядом – и девочка потянула меня дальше, в глубь леса. Отойдя на безопасное расстояние, я остановилась, в ожидании объяснений вновь и вновь обнюхивая ее кожу.

– Это уийин, Серебряная Луна, – прошептала она. – Бабушка делает его из сока ветвистого дерева, ягод черной рябины и дюжины трав. Я пока не умею его составлять, надо долго учиться. Бабушка сказала, что если намазаться уийином, то волки меня не учуют. – Тали потерла руки и наморщила нос. – Он клейкий.

Я лизнула ее руку – хотелось больше узнать про уийин: если он скрывает запах девочки даже от меня, почему бы его не использовать на охоте, чтобы добыча учуяла нас не раньше, чем мы нападем. Однако в смеси было слишком много растений и даже толченых насекомых – вряд ли я смогу их сама собрать, чтобы вываляться. А пока я не могла оторваться от ладони девочки.

– Хватит, волчица, – сказала она, отталкивая мою морду. – Мне же надо, чтоб не пахло! Сегодня ночь Большого Разговора, бабушка велела тебя привести. Сказала, это очень важно.

Вылизав девочкины пальцы чуть ли не дочиста, я виновато ткнулась носом в ее ладонь: у Тали мужества вдвое больше моего, ведь я даже не решилась сбежать, когда меня остановили, а она сумела найти нашу поляну и не побоялась приблизиться ко мне в самой гуще стаи.

– Я мало что знаю о Большом Разговоре, – продолжала она говорить на ходу. – Мне туда рано, потому что я еще не женщина,

но бабушка велела нам с тобой прийти. Я обрадовалась, когда она тебя позвала.

Судя по голосу, ей было одиноко. Я мягко ткнулась носом в ее ладонь.

За две луны, прошедшие с тех пор, как я вытащила Тали из реки, ее ноги выросли, теперь она шла легким свободным шагом. Конечно, с волком ей не сравняться, но все же через лес мы двигались на удивление быстро. Когда небо начало темнеть, Тали замедлила шаг. Стая, должно быть, уже просыпается, меня наверняка хватились… Ничего не поделаешь: девочка пришла ко мне за помощью, и она ее получит.

– Стой!.. Чуть не забыла.

Тали достала из сумки тыкву и сняла верхушку, в воздухе разнесся запах уийина. Она зачерпнула рукой клейкую массу и втерла ее в мою шерсть, почему-то не тронув подушечки лап, – наверное, не знала, что на лапах у нас самые сильные запаховые железы. Я потерла передними лапами морду, где Тали оставила целую кляксу уийина, задними потопталась по каплям, упавшим на траву, чихнула и посмотрела на Тали. Она смешливо выдохнула и, закрыв тыкву, спрятала ее в сумку. Мы снова пошли вперед.

Час спустя Тали остановилась у неприметной с виду травянистой прогалины с рассыпанными по ней валунами – удобного места вроде тех, где можно собираться стаей. Сквозь просвет в деревьях виднелись горы, мерцающие в лунном свете. Тали, явно чего-то ожидая, присела на землю, я устроилась рядом с ней.

И тут я их учуяла – и, несмотря на рассказы старой женщины, едва поверила собственному носу: к нам толпой двигались верховные волки. Я узнала Франдру и Яндру, остальные были незнакомы. Кто бы подумал, что в Долине столько верховных волков… Я поскулила, давая знак Тали, и двинулась прочь с поляны. Девочка за мной не пошла; тогда я взяла ее зубами за руку и мягко потянула.

– Они идут, Серебряная Луна? – поняла она. – Нужно спрятаться, пока нас не увидели.

Оглянувшись, она выбрала высокий валун и хотела было за ним укрыться, но я видела, что ветер дует от него в сторону верховных волков: хоть уийин и должен был сделать нас незаметными, рисковать не хотелось. Я потянула Тали на другую сторону прогалины и нашла два высоких валуна, стоящих бок о бок; у одного откололся край, открыв небольшой уступ, а между валунами виднелась трещина, способная вместить нас обеих. Я вспрыгнула на уступ, Тали взобралась следом, подтянувшись на

сильных руках, и мы юркнули в трещину. Девочка плотно жалась ко мне, ощущать себя втиснутой меж двух камней было неуютно, но я не шевелилась, стараясь дышать медленнее.

Верховные волки, не скрываясь, вышли на поляну. Шесть пар – среди них Франдра и Яндру – и одинокий древний самец, собравшись на залитой лунным светом траве, обменялись тихими, неслышными мне словами и подошли каждый к своему валуну. При виде Яндру и Франдры Тали вцепилась в мою шерсть.

– За мной часто следят, – прошептала она. – Вон те двое. Которые приходят к моей бабушке.

Я даже не успела толком удивиться – послышался запах людей, и вскоре они вышли на прогалину, в одиночку или по двое. Хоть я и помнила слова крианы, все же я чуть не задохнулась от возмущения: верховные волки встречаются с людьми? Те самые верховные волки, что призваны блюсти закон и не приближаться к человеку? Когда я спасла Тали, Франдра и Яндру пытались мне угрожать – а теперь они здесь? Если б я не увидела этого своими глазами, ни за что бы не поверила!

Люди приветствовали верховных волков так же, как друг друга приветствуют волки одной стаи. Люди, среди которых бабушка Тали была старшей по возрасту, держались с одинаковым достоинством, от них пахло силой и мудростью. Рядом с ними беззвучно шла волчица из моего сна.

Вскоре люди разошлись каждый к своей паре верховных волков, бабушка Тали встала рядом с Франдрой и Яндру. Я вдруг заметила, что валуны не разбросаны по земле в беспорядке, как мне казалось раньше, а образуют большой круг, и теперь верховные волки и люди стояли кольцом вокруг поляны, устремив взгляды в центр.

Молодая волчица из сна ткнулась носом в ладонь старой женщины и пробежала через круг, направляясь к нашей скале. Вспрыгнув на уступ, она торопливо лизнула меня в макушку и уселась выше нас, сверху валуна. Я не смела сказать ни слова – ведь меня могли услышать, – лишь взглянула на нее, вывернув голову назад. Бесплотная волчица мне улыбнулась.

«Гляди и молчи, Каала Мелкие Зубки».

Я так и не осмелилась заговорить и повернулась обратно к окруженной камнями прогалине.

Все глаза, волчьи и человечьи, были устремлены на старую криану.

С ее плеч ниспадала шкура неведомого мне существа, плотная и с густым мехом. Из складок шкуры женщина извлекла лезвие – не каменное, как наконечник на острой палке у Тали, а

более легкое и скругленное. Клык длиннозуба! Я содрогнулась: к длиннозубу, особенно за клыком, я и приблизиться бы не посмела… Высоко воздев клык, насаженный на ольховую рукоять, криана прошла в центр каменного круга и повернулась к востоку. Лунный свет одевал ее сиянием, клык длиннозуба казался лучом, простертым в небо.

Голосом чистым и ясным, каким зрелая волчица звала бы стаю на охоту, женщина стала произносить слова в плавном ритме, которого я никогда не слышала в людской речи, и ее голос то взлетал, то понижался, подобно волчьему вою перед охотой. Такие звуки порой издавала Тали во время наших прогулок, но голос женщины лился более уверенно и властно:

Взываю к Солнцу:
Да будет с нами животворное тепло,
Дух пламени,
Огонь и сила,
Свет и жар,
Что заставляет травы и зверей
Тянуться
К Небу.

Я даже не сразу поняла слова – женщина говорила на древнем наречии, самом старом из земных языков, от которого происходят все языки мира. Рууко с Риссой велели нам его выучить, чтобы понимать других существ. Я, правда, не думала, что люди его тоже знают. Интересно, можно ли на нем говорить с Тали…

Медленно, словно каждое движение причиняло боль, в середину круга выступил древний самец из верховных волков. Повернувшись к западу, он заговорил голосом, похожим на шелест высохших прутьев под ногами:

Взываю к Луне,
Подруге ночи,
Спутнице звезд,

Чья сила таится под мягкостью,
Чья мощь обретается в покорстве,
Чей прохладный свет
Указывает дорогу
К Небу.

– Вот для чего ведется Большой Разговор, – прошептала Тали, устраиваясь поудобнее. – Я понимаю не так уж много, но я учусь.

Старая женщина заговорила снова – взывая к Земле, дарительнице крова и жизни. Я начала догадываться. Большой Разговор – ритуал, подобный нашему обряду принятия детенышей или охотничьим танцам, и люди воспринимают его так же всерьез, как мы свои церемонии. Когда женщина простерла нож к северу, Тали прижалась ко мне теснее.

Затем вновь настал черед старого волка:

Небо, жилище ветров,
Начало всего живого,
Первый Отец, первая Мать,
В твоей власти дарить
Свет и тьму,
Жизнь и смерть
Солнцу, Луне и Земле.

Женщина опустила нож и склонилась к старому волку, опершись на его широкую спину. Тот прижался к ней, и на мгновение они словно слились в единое существо.

– Волки-хранители! – воззвала женщина. – Мы возрождаем обещание, данное вам предками наших предков: обещание ограждать людей от гордыни, мир – от разрушения, зверей – от ненужной гибели по вине человека. Нынче ночью мы принимаем вашу мудрость, чтобы нести ее своему народу.

Старый волк склонил голову и заговорил:

– Примите ответную клятву, в память древней клятвы нашего первоотца Индру. Обещаем не наносить урона вашему племени, обещаем учить вас мудрости и помогать блюсти Равновесие. Именем Индру – обещаем.

После этого люди, каждый со своей парой верховных волков, легли на землю. Луна сияла ярче обычного, тонкий свет, исходящий от женщины и старого волка, струился на остальных, воздух едва не вибрировал от напряжения.

– Отойдем. Мне пора.

Положив лапу на грудь Тали, я прижала девочку к земле – дать понять, что ей нужно остаться. Сама же, выбравшись из трещины, на всякий случай оглянулась на верховных волков – не заметит ли кто – и сползла на землю по задней поверхности валуна. Спуск оказался крутым, я сорвалась и съехала вниз, больно ударившись задом.

Пытаясь все же выглядеть достойно, я обнюхалась с бесплотной волчицей.

– Мне пора, – повторила она, – иначе на мое отсутствие обратят внимание. События развиваются стремительно; я надеялась, что все грянет не раньше, чем ты проживешь под новой шкурой хотя бы год и станешь способна себя защитить.

– А что должно произойти?

– Тихо, – велела волчица. – Меня не услышат, а вот тебя могут заметить. Теперь ты знаешь: волки должны быть с людьми, потому что иначе люди все разрушат.

– Так говорила нам старая женщина, – прошептала я. – Она сказала, мы созданы друг для друга, но не можем быть вместе: любое сближение заканчивается враждой. Но в наших легендах все по-другому!

– Волчьи легенды лгут, – взглянула на меня бесплотная волчица. – Женщина-криана говорит правду.

Воздух застрял у меня в горле. Из-за желания быть с Тали я мечтала, чтобы все так и оказалось, – и все же не могла поверить. Все, чему нас учили, – ложь? Рууко, Рисса и мудрый Тревегг ошибались?.. Однако даже сейчас, стоя нос к носу с волчицей, я слышала разговор людей и верховных волков – и была вынуждена верить собственным ушам.

– Я не знала об этом, когда моя стая охотилась с людьми. Я, как и ты, встретила человека и стала ходить с ним на охоту. На мясе, что мы добывали вместе с людьми, стая окрепла, однако между людьми и волками зародилась вражда. Волки-хранители во всем обвинили меня: мол, я пошла общаться с людьми, не зная, чем это грозит, и теперь Древние нас накажут за раздор. Хранители объявили, что знают способ поладить с человечьим родом и что только мой уход спасет стаю. Так меня изгнали. – В тоне волчицы послышалась горечь. – С тех пор много лет все шло без помех, и я начала верить, что хранители правы, что разлад возник из-за меня, что я в ответе за вражду между волком и человеком. А теперь все рушится, и я подозреваю, что напрасно верила хранителям. Вот почему я к тебе прихожу.

Я взглянула на нее. Интересно, чего она от меня ждет?

– Волкам и людям грозит новая битва, и на этот раз запасных путей не будет.

– Зачем волкам драться? – прошептала я. – Ведь тогда мы нарушим закон!

– Любые законы могут нарушиться, а легенды – забыться. Спокойствие в Долине всегда было хрупким. Волки-хранители слишком многое от нас таили, их скрытность и стала причиной бед.

Внезапно разозлившись, я вздернула подбородок. Уж ей ли говорить о скрытности? Сколько я мучилась оттого, что считала

влечение к Тали дурным и опасным! А волчица все это время знала правду!

– Почему ты раньше не говорила? – требовательно спросила я. – Просто появлялась и исчезала, а ведь могла же сказать!

Волчица с рыком оскалила зубы.

– Где тебе судить, чего стоит «просто появляться»! Мне запрещено приносить сюда знание из другого мира. Я могу лишь указывать путь, чтобы помочь тебе разобраться самой! Ты знаешь больше, чем знала я, – мне не было известно ровно ничего! – Бесплотная волчица оглянулась. – Я задержалась слишком надолго и наговорила слишком много. Тебе нужно услышать речи верховных волков. Узнай, насколько волки и люди близки к войне, и отыщи способ их остановить.

– Каким образом?

– Вам с девочкой придется поразмыслить. Найти не найденное мной решение – найти прежде, чем волки и люди сойдутся в битве. Если разразится бой, все будет кончено.

Мне не верилось: она и впрямь ждет, что у меня отыщется способ все уладить?

– Как мне искать пути, что делать? – воскликнула я.

– Мне пора. Ты знаешь больше, чем знала я. Умей этим распорядиться.

Прежде чем я раскрыла рот, волчица бесшумно скользнула между деревьями и исчезла. Меня охватило нестерпимое желание свернуться в комок и залечь здесь же, у камня, чтобы уснуть и забыть все виденное и слышанное. Однако меня ждала Тали, и к тому же, если бесплотная волчица права и в Долине зреет раздор, нужно послушать разговоры верховных волков.

Я влезла обратно в расщелину и с дрожью прильнула к Тали. Если бы я умела с ней разговаривать! Как мне хотелось рассказать ей все, что я узнала от волчицы!.. Я легла еще ближе, она прижала меня к груди.

Люди и волки тем временем поднялись, два или три человека помогли старой женщине взобраться на высокий валун. Прямая и сильная, хоть и старая, она повернулась к верховным волкам и, воздев руки, замерла в молчании, ожидая, пока к ней обратятся взоры всех волков и людей.

– Для многих из вас не тайна, что Большого Разговора уже недостаточно. В Долине царит несогласие. Что вам об этом известно?

Старый волк выступил вперед, и к нему обратились все взгляды, хоть он и не стал взбираться на валун.

– Мы тоже такое слыхали, – ответил он шелестящим голосом. – С каждым Большим Разговором становится только

хуже. Есть волки, что не верят в легенды. Есть люди, что мыслят истребить всех волков. Мы видим, Ниали, – обернулся он к старой женщине, – что ваш народ перестает чтить криан, вам не под силу влиять на людское мнение.

– Это правда, Зориндру. – Голос Ниали зазвучал резче. – Мы уже не так властны над племенем. Но и ваше могущество меркнет, волки все меньше вам повинуются.

Вперед вышла женщина – гораздо моложе Ниали, однако старше моей девочки. Будь она волчицей, ей впору было бы возглавить стаю: хватило бы и юных сил, и зрелой уверенности. Я не удивилась бы, увидев на ней встопорщенный мех, – настолько она была разозлена.

– Ниали права. Мне рассказывали, что волки убили двоих людей – юношу из племени Лин и ребенка из семьи Альн. Племя Альн теперь требует, чтобы я как криана предъявила им тело мертвого волка: они жаждут мести и готовы убить всех волков до одного. Пока что мне удавалось их сдерживать, но, если вы не остановите волков, я за свое племя не отвечаю.

– Согласен, – кивнул Зориндру. – Если людей и вправду убил волк, а не какой-нибудь медведь или длиннозуб, и если волка не дразнили и не вынудили напасть, мы найдем его и уничтожим вместе со стаей.

Сердце забилось где-то в горле: неужели взаправду бывают волки-человекоубийцы? И какое страшное наказание… Тали еще крепче вцепилась в мою шерсть. Интересно, насколько хорошо она понимает древнее наречие.

– Это не все, – раздался молодой голос: юноша чуть старше Тали говорил робко, словно древнее наречие было ему в новинку. – ХаВен, новый вождь племени Вен, поклялся очистить Долину от волков. Его женщина лишилась ребенка, что рос у нее во чреве, и ХаВен говорит, будто причиной тому волк, которого она увидела, собирая семена.

Бабушка Тали кивнула:

– Джилин тоже винит волков: считает, что его меньший сын сломал ногу из-за того, что ступил на волчью тропу. И еще он говорит, что людям незачем заботиться о делах Земли и Неба: мол, вся пища в Долине и на всей Земле принадлежит людям, и если другие существа на нее посягнут – их надо убивать. Кто-нибудь еще слышал подобные речи?

– Да, – тут же вставил юноша, затем потупился под взглядом более старших криан и судорожно сглотнул. – ХаВен сказал, что жизнь племени наладится тогда, когда мы убьем всех волков и ножезубых львов.

– У нас в племени считают так же, – положив руку на плечо

юноше, произнесла еще одна женщина негромким чистым голосом. – Я пыталась отговорить – все тщетно.

– Мы только и делаем, что уговариваем людей не верить в такую чушь, – сказала бабушка Тали, – но если толки о нападениях волков не прекратятся, люди рано или поздно начнут убивать, и остановить их нам не удастся.

На мгновение воцарилась тишина. Сердце Тали ускорило бег, мое тоже забилось быстрее. Бесплотная волчица оказалась права: назревает раздор, и что мне делать – неизвестно.

– Мы слышим и понимаем тебя, – произнес Зориндру. – Мы истребим семьи всех волков, кто нападал на людей без повода. А тем, кто верен нашим законам, мы напомним об ответственности. Ступайте с миром, – кивнул он людям.

Старая женщина хотела что-то добавить – она явно ждала от верховного волка большего, и по осанке было видно, что она разгневана, – однако промолчала и лишь протянула руки тем, кто помогал ей сойти с валуна.

– Ступайте с миром, волки-хранители.

Старая криана вышла из каменного круга, за ней последовали остальные люди.

– Мне нужно проводить бабушку, – прошептала Тали.

Прежде чем я успела ее остановить, она спустилась с валуна и скрылась в лесу. Я было двинулась вслед, но увидела, как Франдра с Яндру смотрят в мою сторону. Еще не хватало, чтоб меня здесь застали… Я сползла по задней стороне валуна и направилась к дому, усиленно раздумывая над услышанным. Что же, во имя луны, мне делать…

На поляне у лежачего дерева меня ждал Тревегг.

– Ты пропустила охоту на антилоп, Рууко злится.

– Я охотилась на мелкую дичь, – ответила я, стараясь не встречаться с ним глазами. – Вы что-нибудь поймали?

Подошедший Аззуен встал рядом со мной.

– Нет. – Тревегг надолго замолчал, не отводя от меня взгляда, и наконец тихо вымолвил: – Я никому не сказал о ваших отлучках к людям.

Я даже подпрыгнула от неожиданности, Аззуен удивленно взвизгнул.

– Наверное, мне стоило все прекратить сразу, как только я заметил, что вы с друзьями к ним зачастили. Но мир меняется, верховные волки не все нам говорят. Я надеялся, что хоть ты сможешь что-то выяснить. Ты отличаешься от всех – я это понял в тот день, когда ты, не прожив еще полной луны, воспротивилась Рууко.

– Я не отличаюсь, – проговорила я. – Я не хочу никаких

перемен. Я просто хочу быть ближе к людям.

– Это и есть желание перемен, – мягко произнес Тревегг. – Ты слышала легенды… Знаешь ли ты, что брат Рууко был изгнан за то, что общался с людьми?

– Да, – кивнула я.

– Вот и хорошо. Тогда вожаком стаи был мой брат, Хиилн должен был ему наследовать. Они с Риссой выбрали друг друга в спутники – лучшей пары для продолжения рода нельзя было и представить. – В голосе Тревегга послышалась печаль. – Но когда Хиилн заявил, что не отречется от людей, я вынужден был следовать закону Долины: по моему совету брат изгнал Хиилна, хотя его сердце этого не вынесло. Сейчас я не уверен, что поступил правильно. Потому-то предпочел не вмешиваться, когда ты стала уходить к людям.

Тревегг помолчал.

– Есть легенда, которую рассказывают только вожакам, – медленно произнес он. – Я о ней узнал, когда собирался возглавить стаю. Из нее ясно, Каала, почему вожак тебя ненавидит, и мне стоило рассказать о ней раньше, как только Рууко не пустил тебя на первую охоту. Издревле говорилось, что из-за волчонка с полумесяцем на груди пошатнется заповедь, придет конец прежнему роду волков и возникнет раздор, который либо спасет, либо уничтожит стаю. Твоя мать скрыла от всех, кто твой отец. Если он был из тех, кого тянуло к людям, то пророчество могло относиться к тебе.

– Я не легенда, – еле выговорила я.

Тревегг посмотрел на меня долгим взглядом.

– Может, и так, – сказал он ласково. – У других волков тоже бывает знак полумесяца. Однако сейчас Рууко насторожен, а в Долине неспокойно. Будь осмотрительна, Каала.

Я тихонько заскулила. Столько всего надо обдумать…

– Время покажет, – вдруг добавил Тревегг. – Может, это тебя не касается и ты всего лишь непослушный щенок. – Он лизнул меня в макушку. – Ступай объяснись с вожаком. И больше не пропускай охоту.

Я благодарно лизнула Тревегга в морду и пошла извиняться перед Рууко.

Глава 16

Мы с Аззуеном и Маррой тащили по куску оленьего мяса на вершину холма, называемого Волкоубийца. Наш первый олень был старым и искалеченным, это правда, но мясо у него было таким же вкусным, как любое другое. Насчет Миклана я

ошиблась: для своего роста он был силен, и именно его удар оказался первым. У людей есть специальные вторые палки для бросания острых палок, и Миклан владел ими мастерски. Вшестером нам легко удалось взять оленя, и я порадовалась, что мы успели вовремя: лосей на Великой Равнине почти не осталось, и Рууко сказал, что если в ближайшие ночи ничего не добудем, то надо готовиться к зимнему переходу. А зимой и видеться с девочкой, и тем более охотиться вместе с людьми сложнее. К тому же совместная охота отвлекала от мыслей о Большом Разговоре: вызнать там удалось многое, но даже Аззуен не мог понять, что теперь делать. Я лишь надеялась, что неприятности грянут не раньше, чем мы что-нибудь придумаем.

Мы с Аззуеном и Маррой обсудили, куда деть нашу долю оленины. Часть мы спрятали, однако объяснений со стаей все равно не избежать.

– Волки заметят по дыханию, – сказала Марра. – Одно дело, когда от тебя пахнет кроликами или даже дикобразом: их мы можем поймать и сами. Но не оленя же! Если узнают про оленя, нас изведут расспросами.

Марра лучше всех нас чувствовала отношения в стае, к ней стоило прислушаться.

– Скажем, что мы нашли его уже мертвого, – предложила я.

– Олень слишком свежий, а от нас пахнет охотой, – заметил Аззуен. – Они поймут, что мы обманываем.

И вправду: запах людей остается только на поверхности тела, его легко смыть или перебить другим – не то что запах охоты на крупную дичь, который идет изнутри.

– Что же говорить стае? Неужели отказаться от мяса? – бессильно спросила я.

– Не поможет, – медленно проговорила Марра. – Они все равно поймут, что мы охотились на крупную дичь, и спросят, почему ничего не принесли остальным.

– Надо что-то придумать. – Аззуен не сомневался, что выход существует. Он дернул ухом и полуприкрыл глаза; было почти слышно, как работает мозг, я даже позавидовала. Долго ждать нам с Маррой не пришлось: глаза Аззуена тут же осветились догадкой.

Час спустя мы осторожно взбирались на холм Волкоубийцу – относительно невысокий, но крутой, странно торчащий посреди леса в получасе бега от нашего лежачего дерева. Кто-то говорил, будто раньше Волкоубийца был крупным вулканом, от которого теперь остался лишь мелкий неровный бугор. Другие считали, что в давние времена его сделали люди или верховные волки. Волкоубийцей холм зовут оттого, что если неосторожно по нему

взбежать, то рухнешь с крутых уступов и разобьешься об острые камни. Мысль Аззуена была проста: мы скажем, что загнали оленя на холм и оттеснили к обрыву, а потом ободрали мясо с разбившейся туши. Для исполнения задуманного оставалось лишь поваляться под старыми тисами, которые растут только на Волкоубийце: запах ядовитых деревьев знаком любому волку и стая не будет нас расспрашивать. Мы надеялись.

– Может, не стоило тащить мясо наверх? – пробормотала я на полпути к вершине: подниматься по крутому склону, не выпуская мясо из зубов, было нелегко.

– Оно должно пахнуть так, словно побывало на вершине, – тяжело дыша, отозвался Аззуен. – Уже недалеко.

– Бегайте побольше, – ухмыльнулась Марра. – А то ослабли совсем.

Я остановилась перевести дух и подыскать подходящий ответ – и вдруг услышала запах волков Скалистой Вершины. Вместе с Аззуеном и Маррой, почуявшими запах в тот же миг, мы прислушались к едва различимому гулу – волки явно разговаривали, хотя слов было не разобрать.

– Что им делать на нашей территории? – недоуменно спросил Аззуен, кладя мясо на землю.

– А самое главное – где они? – Марра оглянулась.

– Наверное, на другой стороне, – предположил Аззуен.

– Не меньше четырех. – Марра вскинула нос к ветру, затем опустила обратно к земле. – По-моему, там Торелл. Остальных, кажется, не знаю.

Различив узнаваемый, болезненный запах Торелла, я не столько возмутилась, сколько испугалась: его волки, судя по всему, находились на наших землях уже дня два. Ветер с их запахом упирался в холм и не долетал до стаи.

– Надо сообщить Рууко и Риссе, – с сомнением произнес Аззуен.

– Нельзя, – заметила Марра. – Стая придет сюда их искать, обнаружит наш след и проследит его до людского лагеря. Уничтожить след мы не успеем.

Марра была права. Но долг перед стаей требовал рассказать вожакам о волках Скалистой Вершины.

– Давайте вызнаем, что замышляют Скалистые, – предложила я. – Если они уходят с наших земель и угрозы стае нет – то, может, и не надо ничего говорить. А если думают остаться – то будет что рассказать вожакам, и заодно успеем замаскировать след.

– Тогда выйдет, что мы добыли ценные сведения для стаи, – задумчиво промолвила Марра.

– И скажем, что услышали Скалистых на обратном пути от холма, – добавил Аззуен. – На каком-нибудь месте, где стая не почует, что наш след тянется к людям.

Аззуен с Маррой смотрели на меня так, будто ждали решения, а мне страшно не хватало Тлитоо; того не было уже целых пол-луны – исчез с того дня, как мы навещали хижину крианы. Не то чтобы я соскучилась по ехидным шуточкам, но он хотя бы не считал меня существом, знающим, что делать.

– Рууко с Риссой не должны догадаться, что мы лжем, – решительно сказала я. Раз уж я втянула Аззуена с Маррой в историю, надо позаботиться, чтобы из-за меня их не выгнали из стаи. – Выясним, что замышляют Скалистые.

Марра и Аззуен согласно кивнули, и мы принялись закапывать мясо – неглубоко, чтобы легко было отыскать на обратном пути.

– Марра, веди нас на запах, а ты, Аззуен, прислушивайся, нет ли опасности, – велела я. Мы должны быть осторожны, а чуткий нюх Марры и тонкий слух Аззуена – как раз то, что надо.

Волков Скалистой Вершины мы обнаружили по другую сторону холма. Нависающий выступ, под которым они прятались, давал хорошую защиту от непогоды и помогал скрыть запах. Не переменись ветер, когда мы взбирались на холм, – нам бы их не учуять. Марра повела нас с подветренной стороны, чтобы волки не заметили, и велела залечь наверху, чуть правее их убежища – на остром выступе, усыпанном обломками камней. Я вновь припомнила рассказы о волках, сорвавшихся с Волкоубийцы, и покрепче уперлась лапами в холм. Сердце билось так сильно, что Скалистые должны были услышать. Я вытянула шею и заглянула в их убежище.

Кроме Торелла – злобного самца в ужасных шрамах, угрожавшего нам у Ольховой Переправы, – там лежали еще трое: два незнакомых волка и Сеела, волчица Торелла.

– Теперь или никогда, – говорил худощавый и сильный молодой волк. – От наших земель нет толку: охотиться не на кого, спрятаться негде. Если их не убить, мы вымрем.

– Тут надо осторожно и по-умному, – мрачно отозвался Торелл. – Это тебе не у Мышеедов земли отбирать. Нас меньше, и мы слабее.

– Он про нашу стаю? – прошептал Аззуен. Я гневно на него глянула и оскалилась, приказывая молчать; Аззуен виновато прижал уши.

– Они слабаки, я их не боюсь, – заявила волчица.

– Не глупи, Сеела, – бросил Торелл. – Без осторожности пропадем. А если не по-умному, нас убьют верховные. Они между

собой в сваре, да полагаться на это нельзя. Если стая Древесной Тропы и стая Озера Ветров нас не поддержат, не стоит и пробовать.

Услышать мы услышали, да только понимания не добавилось. Что за раздоры верховных волков? И для чего нужна помощь сразу двух стай? Скалистые давно уже покушались на нашу территорию – должно быть, и напасть теперь хотят тоже на нас. Чтобы лучше слышать, я склонилась вперед, не заметив под ногами мелких камешков; несколько штук сорвалось вниз, и Скалистые подняли головы.

Внезапно переменившийся ветер донес им наш запах; Торелл, вздернувший нос к ветру, с неожиданной быстротой рванулся к нашему месту – и Марра, не успевшая поднять морду от следов, которые она изучала, вмиг оказалась прижатой к земле. Она пыталась отбиться, но Торелл придавил ее всем телом, и она затихла.

– В таких местах – и без взрослых? – оскалился Торелл. – Волкам Быстрой Реки плевать на своих щенков?

Мы с Аззуеном бросились было с холма, но остальные Скалистые уже неслись на помощь вожаку. Я кинулась обратно на холм, Аззуен не отставал. Прыгнув на Торелла, мы сбили его с Марры ровно в тот миг, когда волки уже подбирались к вершине, – и пустились бежать.

Мы неслись с холма, стараясь не полететь кувырком. Мелькнула мысль об оленьем мясе, но я прогнала ее обратно. Благополучно спустившись, мы бросились к полю, где некогда паслись лошади: там, у кромки леса, наша стая готовилась к последней предзимней охоте. Бежать по ровной земле было легче, и я надеялась, что Скалистые прекратят погоню – в конце концов, они ведь на нашей территории! Однако они не отступались.

– Зачем нас преследовать? – задыхаясь, спросила я.

– Чтоб мы не рассказали Рууко, что слышали, – мрачно бросила Марра.

У меня внутри похолодело. Если Марра права, Скалистые нас убьют, как только догонят. Мы неслись изо всех сил – даже оленя загоняли не так быстро. Марра летела впереди, в нескольких прыжках передо мной. Скалистые мощны и сильны, тяжелый костяк позволяет нападать на крупных зверей, но волкам Быстрой Реки они уступают в скорости, и даже полувзрослые щенки вроде нас могут их обогнать на небольших расстояниях. К тому же мы мчались по своей земле, где нам знаком каждый кустик. И все же один из Скалистых, тот самый худощавый самец, от нас не отставал; судя по запаху, он был молод – наверное, двухлетка. Я держалась позади Аззуена: сейчас его лапы окрепли и бегает он

быстро, однако уступает нам с Маррой, и мне не хотелось оставлять его последним. Лес сделался гуще; олений запах, по которому мы шли, исчез, стало труднее находить дорогу. Теперь нас с Маррой и Аззуеном разделяли деревья, кусты и камни. Молодой самец уже настигал меня, легко перескакивая через валуны.

А потом прыгнул, схватил за задние лапы и повалил на землю. Он был раза в полтора тяжелее, но я не раздумывая вцепилась ему зубами в переднюю лапу – в ранимое место, не защищенное мускулами, где лапа переходит в грудь. Самец взвыл от боли и неожиданности. Вокруг слышался топот ног – то ли приближались Скалистые, то ли бежали Аззуен с Маррой.

– Это наша территория! – прорычала я. – Вам тут делать нечего!

Молодой волк удивленно взглянул и рассмеялся:

– Переходи к нам в стаю! Что тебе Быстрая Река? Рууко тебя все равно не ценит, твой друг-ворон рассказал. А мне нужна сильная спутница. Меня зовут Пелл. Запомнишь?

Я замерла, глядя на него в замешательстве, хотя топот слышался где-то рядом. Внезапно из-за деревьев выскочил Аззуен и рыча бросился на Пелла. Он вернулся за мной! Пелл явно не ожидал нападения, и Аззуену удалось сбить его с ног.

– Беги, Каала! – крикнул Аззуен, вновь обернулся к Пеллу и зарычал. Таким свирепым я его еще не видела.

Запах Сеелы слышался уже близко, и я бросилась бежать. Мы устремились вслед за Маррой, упорно несущейся впереди Торелла и его волков, срезали путь между деревьями, поравнялись с Маррой и дальше помчались втроем на равнину Высокой Травы, чтобы встретить свою стаю.

Волки Скалистой Вершины, хоть и не такие быстроногие, все же были выносливее, и я успела порадоваться, что бежать оставалось недалеко. Я учуяла стаю, рассыпанную вдоль кромки леса, и на краю равнины чуть не врезалась в Уннана, который явно нас поджидал. Он раскрыл было пасть, но при виде Скалистых, несшихся за нами по пятам, просто молча удрал. От усталости я не могла вымолвить ни слова, и даже Марра задыхалась, но все же она собралась с силами и предостерегающе тявкнула.

Иллин с Минном добежали до нас первыми: они кружили вокруг лосей, забредших сюда с Великой Равнины. Тореллу и прочим Скалистым, видимо, не пришло в голову вынюхивать нашу стаю – а может, их это не заботило, – но при виде пары не вполне взрослых волков они засмеялись, и Торелл, презрительно ухмыльнувшись, вместе с Пеллом наскочил на Иллин и Минна.

Однолетки оказались в меньшинстве, мы кинулись им на помощь. Двумя вздохами позже к нам подоспели Рууко, Рисса, Веррна и Тревегг, в тот же миг на равнину выскочили Сеела и четвертый волк из Скалистых. Столкнувшись, обе стаи замерли друг против друга. Четверо Скалистых держались уверенно, хотя перед лицом шести взрослых волков готовы были и отступить.

На нас с Аззуеном и Маррой налипла грязь с травинками и листьями, после приключения со Скалистыми шерсть запылилась – в пылу погони мы этого даже не заметили. Рууко обвел нас взглядом и, оскалившись, рыкнул, в солнечном свете его шкура казалась дымящейся. Гневная Рисса яростно зарычала, встопорщив белый мех на спине.

– Вы зашли на территорию Быстрой Реки и осмелились угрожать нашим щенкам! – обвинительно произнесла она.

– Если они так ценны, что ж вы за ними не приглядываете? – прорычала в ответ Сеела.

Рууко с Риссой, ожидая ответа Торелла, на нее даже не глянули. Пока трое вожаков не сводили друг с друга глаз, Сеела с Пеллом и четвертым Скалистым встали позади Торелла, готовые драться. Наконец Торелл позволил шерсти на спине немного улечься.

– Мы не собирались их трогать, – процедил он. – У нас с вами есть дела поважнее. Мы шли кое-что обсудить, а щенки принялись нас выслеживать.

– Он лжет, – прошептал Аззуен так, что услышала только я. Марра тоже взглянула на меня, и я, как ни опасалась Скалистых волков, все же не могла промолчать.

– Он лжет, – громко заявила я. Все разом обернулись ко мне, и я чуть прижала уши. – Они собирались на нас напасть. И сидели на нашей территории. Они хотят объединиться со стаями Древесной Тропы и Озера Ветров, чтобы затеять против нас битву. Мы сами слышали.

Я неловко переступила с ноги на ногу под пристальными взглядами волков.

– Это правда, – спокойно подтвердил стоящий рядом Аззуен. – Мы втроем слышали их разговоры.

Марра подтверждающе зарычала, и Рууко холодно посмотрел на Торелла. Пелл пытался поймать мой взгляд.

– Достаточная причина, Торелл, чтобы убить вас на месте, – произнес Рууко. – Отпустить – значит ждать, что вы нападете на нас спящих.

– Только попробуй приблизиться, недомерок, – рявкнул четвертый из Скалистых. Он явно не отличался умом – потому, видимо, при своих размерах и не выбился в вожаки.

– Заткнись, Аррун, – бросил Торелл. – Твои щенки, Рууко, ничего не поняли. Мы собираемся нападать, только не на вас. – Он помедлил. – На людей.

Стая замерла в молчании – даже стало слышно, как лоси жуют траву в двадцати прыжках от нас. Слова Торелла отдавали безумием, словно он заявил, что сорвет с неба волчью звезду и убьет ее как кролика. Невероятно, какой тупицей я оказалась: даже после всего, что я услышала на Большом Разговоре от верховных волков и от бесплотной волчицы, я не верила, будто волки всерьез задумают напасть на людей. Проще было представить, что добыча отрастит клыки и отправится на охоту.

Рисса обрела голос первой.

– Ты обезумел, Торелл? – проговорила она тихо. – Убийство человека сурово карается. Верховные волки уничтожат Скалистую стаю и всех, в ком течет твоя кровь.

– Верховные слабеют, решимость у них не та, – заявил Торелл. – Даже если они и знают, что творится в Долине, – им плевать. Вам-то, поди, и невдомек, что люди объявили войну волчьему роду. А, Рууко? – Тот обменялся взглядом с Риссой и промолчал. – Я так и думал. Ты понятия не имеешь, что творится в твоих землях. На том берегу люди убивают всех волков, какие попадутся на глаза, и каждого длиннозуба и медведя, и каждую лисицу – всех, кого считают соперниками по охоте. Если людей не убить, они убьют нас самих.

– Я о таком слышала, – впервые за все время заговорила Веррна. – Только мне не верилось, что это правда. Поручишься ли, Торелл, что твои разведчики не присочиняют?

– Это правда, я сам видел, – кивнул он Веррне в знак приветствия. – Люди нас ненавидят. Все.

Аззуен пытался поймать мой взгляд, явно желая, чтобы я рассказала стае о наших людях: уж они-то не хотели нашей гибели! Однако рассказать – значит признать, что мы нарушили закон стаи. Я не могла на такое пойти.

– К нам присоединятся стаи Древесной Тропы и Озера Ветров, – продолжал тем временем Торелл. – Мышееды – вряд ли, впрочем, они все равно слабые. Ты, Рууко, нужен нам как союзник. Ты должен быть с нами.

– Не в моих правилах нарушать закон. Ты безумец. – Рууко беспокойно прошелся. – И все же, если такова правда, надо что-то предпринять. Я поговорю с вожаками Древесной Тропы и Озера Ветров. И с волками своей стаи. И дам тебе знать.

– От тебя, Рууко, уже ничего не зависит, – вставила Сеела. – Стоит другим волкам проведать, что творится в Долине, как они сразу к нам примкнут. Так что либо ты с нами, либо ты нам враг.

Другого не дано.

– Не тебе решать за всю Долину, – поставила ее на место Рисса. – И не тебе соваться с угрозами. Торелл прав: мы сильные союзники. Врагами нас числить невыгодно.

Рууко глубоко вздохнул.

– Я не нарушу закон, пока не буду уверен, что другого пути нет. На этот раз, Торелл, я тебя отпущу. Но не вздумай еще раз трогать мою стаю.

Торелл, державший хвост торчком, явно силился подавить рык.

– У тебя всего ночь на размышление, Рууко, – мрачно проговорил он. – Завтрашней ночью луна пойдет на убыль, и люди двух племен соберутся на равнине Высокой Травы для охотничьей церемонии: юнцы станут доказывать свою взрослость, пытаясь добыть лося. Они будут слишком захвачены ритуалом – и потому уязвимы. Тогда-то мы и нападем. Если ты не с нами, придется считать, что ты на их стороне.

С этими словами Торелл кивнул своим, и трое взрослых волков направились к лесу. Пелл чуть помедлил, пытаясь привлечь мое внимание, – я не поднимала глаз, чтобы не встретиться с ним взглядом. Аззуен издал низкий рык, Пелл в ответ озабоченно зарычал и потрусил за остальными.

Глава 17

– Я не собираюсь терпеть убийство волков! Закон, не закон, какая разница! – взорвалась Веррна, как только Скалистые ушли.

– Тихо, – приказал Рууко. И тут же вздохнул: – Не хотел объявлять решение на глазах у Торелла. Но не дело, когда люди убивают волков, и я не позволю Скалистым сражаться вместо нас.

Я заскулила. Мне не верилось, что стая решится на войну с людьми: Рууко даже брезговал их едой!

Тревегг выступил вперед:

– Биться с людьми будет ошибкой, Рууко, и ты это знаешь.

Рууко почему-то не рассердился.

– Правильно, – кивнул он. – Что мы ни сделаем – все будет ошибкой. И если битва нам выгоднее других ошибок, надо на нее идти. Нельзя сидеть и ждать, пока на нас нападут.

– Торелл любит поговорить и слушает лишь себя, – фыркнула Рисса. – Я не собираюсь за ним бежать только потому, что он так захотел. Надо поговорить с вожаками Древесной Тропы и Озера Ветров – и вызнать, что им известно. И лишь потом решать.

– Если есть другой путь, мы его не упустим, – ответил Рууко. – В законе не говорится, что мы должны в бездействии

ждать, пока нас перебьют. Мне не сильно верится, что верховным волкам так уж близки наши заботы. Я даже не верю, что они по-прежнему за нами следят и убьют нас за попытку отстоять свою жизнь. Если надо сражаться – будем сражаться. – Рууко взглянул на Тревегга и Риссу: – Я хочу, чтобы стая меня поддержала.

Рисса с Тревеггом нехотя кивнули.

– Если есть другой выход, мы должны его испробовать, – добавил Тревегг. – Если ты согласен, то я на твоей стороне.

– Пока возможно, надо избегать битвы, – поддержала его Рисса. – Но если придется драться – будем драться.

– Нельзя! – выпалила я неожиданно для себя. – Драться нельзя!

Все головы повернулись ко мне, и под взглядами стаи я на мгновение растерялась. Аззуен прижался ко мне, чтобы поддержать.

– А почему, интересно, нельзя? – осведомился Рууко.

Голос разума приказывал мне молчать и убеждал поискать способы повлиять на стаю так, чтобы не навлечь на себя беду. Однако охотничий ритуал совершится уже следующей ночью, и Торелл твердо намерен напасть. Я обязана предотвратить битву. Под удар попадет племя Тали, а девочка слишком молода: хоть она и умеет обращаться с острой палкой, с волком ей не совладать, она погибнет. И погибнет моя стая – так сказали верховные волки.

– Я слышала речи верховных волков. Они встречались с людьми далеко отсюда, в каменном круге. Верховные волки знают, что назревает сражение, и намерены истребить любую стаю, которая нападет на людей.

– Когда ты об этом слышала? – спросила Рисса.

– В полнолуние.

– В ночь антилопьей охоты, – произнес Рууко пугающе спокойным голосом. – А как ты подслушала верховных волков? Прежде всего – как ты там оказалась?

Я попробовала измыслить подходящую ложь и бессильно обернулась к Аззуену – он всегда умудрялся придумать удачный предлог. Но не успел он заговорить, как вмешался Уннан:

– А она бегает к людям! С того самого дня, как убила Реела. Когда взбунтовался табун. Она то и дело к ним шляется и даже охотится с человечьей девчонкой! А еще таскает с собой Аззуена и Марру.

У Рууко отвисла челюсть, он сощурил глаза. Рисса беспокойно заскулила.

– Уннан, ты ведь знаешь, что мне лучше не врать! – пригрозил Рууко.

– Я и не вру! – не отступал Уннан. – Я все время за ней слежу. А тебе не говорил только потому, что боялся Каалы – она бы меня загрызла. – Он опустил уши и поджал хвост, чтобы казаться слабым и беспомощным. Вот же низкохвост несчастный…

– Она чуть не ушла к людям еще в тот раз, когда мы водили щенков посмотреть на человека, – сказала Веррна. – Рисса тогда запретила об этом говорить.

Рисса, смерив взглядом Веррну, объяснила:

– Ты был настроен против Каалы, и я решила оставить тебя в неведении. Но теперь, – она повернулась ко мне, – говори правду, Каала. Ты ходила к людям?

Я лихорадочно соображала. Скажу «да» – и меня изгонят из стаи. Скажу «нет» – стая никогда не поверит, что я вправду слышала верховных волков. И тогда Торелл устроит битву против людей и Тали погибнет. А если в битву ввяжется Рууко, то погибнет и моя стая. Я глянула на Аззуена с Маррой, на Тревегга с Иллин… Я не хочу, чтоб они умирали. Не хочу, чтоб Тали, Брелан или его брат погибли в драке. К тому же бесплотная волчица сказала, что нам нельзя вступать в бой.

Аззуен беспокойно поскуливал рядом, Марра не отводила глаз. Взгляды всей стаи устремились на меня, каждый нос был готов различить малейшую ложь в моих словах. Меня переполнил ужас. Предотвратить битву могла только правда.

Я глубоко вздохнула и проглотила комок в горле.

– Да. Я спасла человеческую девочку, когда она тонула в реке, и потом часто к ней ходила. – Я умолчала об Аззуене и Марре. – Потому-то я знаю, что не все люди нас ненавидят. Им не все равно, какие мы. С ними можно охотиться! – Мне показалось, что если упомянуть про пользу от людей, то стая отнесется к ним лучше. – Люди очень похожи на волков.

Настала долгая тишина. Наконец Рууко заговорил, тщательно сдерживая гнев:

– Мне случалось видеть на нашей территории человеческую девочку. В последнее время все чаще.

– Она собирает растения, – тихо добавила Рисса. – И добывает мелкую дичь.

– Ты водила с собой других щенков? – требовательно спросил Рууко.

Я промолчала. Нечего тянуть Аззуена с Маррой в те же беды.

– Мы тоже ходили к людям, – принял вызов Аззуен. – И вместе охотились. Потому и добывали так много кроликов и барсуков. Мы даже поймали оленя, – он гордо вскинул голову, – и спрятали мясо на Волкоубийце. Там-то мы и подслушали Скалистых волков.

Марра тихо заскулила, толкнув его бедром. Аззуен посмотрел на нее удивленно.

– Стало быть, ты не только нарушаешь закон Долины, но и подстрекаешь других к неповиновению. Я даже слышу от тебя человечий запах. – Рууко встряхнулся. – Я знал, что надо убить тебя в детстве, нечего мне было слушать верховных волков. Именно так гласят легенды: в тебе течет кровь человеколюбцев, а я оставил тебя жить. И нынешние беды, и грозящая нам битва – только последствия.

– Мы всего лишь охотились вместе.

– «Всего лишь»?! Ты преступила закон Долины и нарушила Равновесие! Если б не ты, люди не осмелели бы так сильно, нам не грозило бы сражение!

Я повернулась к Риссе, надеясь на помощь.

– Мы просто охотились, – повторила я. – И только с молодыми. Они не опасны, мы не хотели неприятностей!

Рисса покачала головой:

– Мне жаль, Каала, но закон Долины ясен. – Она глянула на Рууко: – Избавиться от всех троих? Пример подавала Каала, остальные только за ней тянулись.

Аззуен раскрыл было пасть, чтобы возразить, и я свирепо на него глянула.

– Возможно, – ответил Рууко, медленно поворачиваясь ко мне. В глазах его горел не только гнев, но и что-то похожее на торжество. – Ты больше не принадлежишь стае. Прочь из Долины, тебе закрыт путь в наши земли! Твоя приязнь к людям довела нас до беды: ты сблизила людей с волками, из-за этого нам предстоит сражение.

– Нет! – к своему удивлению, воскликнула я. – Я не допущу битвы! Я скажу верховным волкам, что вы убиваете людей, и они вас уймут!

Рууко, зарычав, ударил меня всем телом, вжал в землю – и отпустил только тогда, когда я заскулила.

– Вожак стаи – я! Верховные волки понятия не имеют, что тут творится, и время их, судя по всему, прошло! – Заслышав такое кощунство, Рисса с Тревеггом беспокойно глянули на Рууко. – Если узнаю, что ты к ним сунулась, – выслежу твою девчонку и убью! Найду, где она спит, и перегрызу горло!

Тело откликнулось раньше, чем мозг успел сообразить, – я прыгнула на вожака, вслед неслись удивленные взвизгивания Аззуена с Маррой и беспокойное рычание Риссы. В здравом уме я бы ни за что не кинулась на Рууко – сильного и опытного, к тому же разъяренного. Однако я умудрилась застать его врасплох и успела повалить на спину.

Рыча и кусаясь, мы перекатывались один через другого – злобно, безумно, бешено: никакие прежние схватки с Борллой и Уннаном не походили на нынешний бой. Вмешиваться никто не собирался: я бросила вызов полноправному вожаку стаи, и битва должна идти один на один. Я еще толком не выросла и поэтому дралась отчаянно, кусаясь и отталкивая Рууко лапами, собирая по крохам все силы, лишь бы не дать ему меня одолеть. Но вожак, уклоняясь от каждого укуса, тут же ударял меня головой, и любая попытка прижать его к земле заканчивалась тем, что меня распластывали брюхом вверх. Лапы двигались медленнее, чем я бы хотела, мышцы не успевали выполнять то, что командовал мозг. Я считала себя взрослой и сильной, но куда мне было до Рууко! И все же стоило мне подумать о том, чтобы сдаться, я вспоминала его угрозу Тали и продолжала бой.

Все кончилось очень скоро. Мои силы иссякли намного раньше, чем Рууко почувствовал усталость. Он вгрызся острыми зубами мне в плечо, я взвизгнула и отползла было прочь, однако он не дал мне уйти и снова прижал к земле, сомкнув челюсти на моем горле.

– Убей я тебя сейчас – мне никто не поставит этого в вину, – прорычал он тихо.

Я дрожала, пытаясь совладать с голосом, но сил не было: я глядела снизу вверх на Рууко и не могла отделаться от воспоминаний о том дне, когда он так же готов был меня загрызть.

– Уходи, – сказал он, убирая с меня лапы. – Вернешься на земли Быстрой Реки – убью. Ты больше не принадлежишь стае.

Я вдруг отчетливо осознала, что наделала, меня начало трясти. Опустив уши и поджав хвост, я поползла назад к Рууко – тот зарычал, оскалив острые зубы, и я вновь попятилась. Сжавшись, чтобы сделаться совсем уж маленькой, я шагнула было к нему – ведь я еще совсем щенок, меня можно оставить! – но он снова меня прогнал.

– Ты не принадлежишь стае!

Я посмотрела на Риссу – та отвернула голову. Я обвела взглядом злобно рычащую Веррну, мерзко ухмыляющегося Уннана, оглянулась на беспокойно скулящих Аззуена и Марру, на понурого мрачного Тревегга – одни не хотят, другие не могут помочь… Иллин дернулась было вмешаться, но Рууко остановил ее яростным взглядом, и она отступила.

Я опустила голову.

– Прочь! – прорычал Рууко, отгоняя меня дальше по тропе. На этот раз я не посмела шагнуть обратно к стае. Оставалось лишь уйти в лес.

Глава 18

Аззуен с Маррой двинулись было за мной вслед, однако Веррна и Минн подмяли их под себя, распластав по земле. Тревегг спорил с Рууко, Иллин что-то шептала Риссе. Я ничего не видела и не слышала. Голову словно забило песком и сухими листьями, в ушах зудели тысячи мошек, язык не помещался в пасти. Было трудно дышать, я не чувствовала ни травы под лапами, ни кустов, за которые цеплялась боками, пока продиралась сквозь лес. Я знала, что надо придумывать способы обезопасить Тали и Аззуена с Маррой на тот случай, если Рууко все-таки решит сражаться, – но сил хватало только на то, чтобы идти. Схватка с Рууко настолько меня вымотала, что я с трудом добралась до реки и там рухнула в грязь.

Не знаю, сколько я пролежала, слушая плеск воды и чувствуя кожей зябкий влажный воздух, который забирался под шерсть. Если Рууко застанет меня на территории стаи, мне не избежать смерти. И пусть. Я готова была лежать вечно, пока Равновесие не примет меня к себе, в мягкую плоть земли.

Заслышав тяжелую поступь верховных волков, я подняла голову.

– Раз так – пойдем, – сказал Яндру.

Подняться я не могла и лишь глядела на них снизу, изредка мигая.

– Что-то легко ты сдаешься, – презрительно бросила Франдра. А я так рассчитывала на сочувствие… – Всего один бой – и валяешься тут, как дохлая мышь.

Ответить было нечего, и я промолчала, положив голову на лапы.

– А чего ты ждала, когда кинулась драться с вожаком? – спросил Яндру голосом не добрее, чем у Франдры.

– Он угрожал Тали. – Мой голос прозвучал словно издалека. – Сказал, что ее убьет. Надо было что-то делать.

– Ну сделала, и что? – Яндру расправил гигантские плечи. – Из стаи Быстрой Реки тебя выгнали, кто ты теперь? Зачем было, спрашивается, отвоевывать в детстве право на жизнь? И бежать сейчас от верной смерти?

– Если я не волчица Быстрой Реки, то не знаю, кто я. – Во мне начал закипать гнев.

Франдра усмехнулась.

– А лучший способ узнать – валяться тут и себя жалеть. Когда надоест – скажешь.

Уязвленная, я поднялась, чтобы встретиться с ней морда к

морде, однако Франдра с Яндру тем временем повернули к лесу. Мои лапы стали двигаться сами собой, и я поковыляла вслед за верховными волками.

– Вы куда?

Мне никто не ответил. Ноги у меня были куда короче, поспеть за волками я могла только бегом. Ночь выдалась слишком трудной, все тело болело, голова шла кругом – мысли будто вязли в глине. Франдра с Яндру, не замечая моих мучений, вскоре замедлили шаг и наконец остановились рядом с заброшенной лисьей норой у больших камней. Я поняла, что мы недалеко от той окруженной камнями поляны, где волки встречались с людьми для Большого Разговора.

– Останемся здесь до вечера. – Яндру окинул меня взглядом.

– Мне надо к Тали, – еле слышно проговорила я. – Надо вернуться.

Меня трясло от усталости, каждое слово давалось с трудом.

– Мы должны уйти из Долины, – бросил Яндру. – Чем скорее, тем лучше.

Да, это было бы правильно. Ведь Рууко грозился меня убить.

В голове все путалось. Мне нужно к Тали. А верховные волки куда-то меня ведут. Куда?

Отчаяние и усталость, навалившиеся после бегства от Скалистых и драки с вожаком, закончившейся изгнанием из стаи, пересилили волю, и я провалилась в сон раньше, чем успела рухнуть на траву.

Открыв глаза, я наткнулась на беспокойный взгляд верховных волков.

– Вот и хорошо, – коротко кивнула Франдра. – Поднимайся и пойдем. Пора.

– И не шуми, – добавил Яндру. – Здесь поблизости еще верховные волки. Нас не должны заметить, иначе придется туго.

Я заставила себя проснуться окончательно. Сумерки уже переходили в ночь; я даже не заметила, что проспала целый день.

Я встала. Плечи и задние лапы онемели и отказывались расправляться, болели даже складки между подушечками лап. Однако долгий сон и прохладный вечерний воздух вернули мне силу, а мысль о том, что мои друзья в опасности, заставила встряхнуться. Я вновь ощутила себя собой – словно вчерашняя волчица была лишь медленной и растерянной моей тенью. Теперь я злилась из-за того, что дала верховным волкам меня увести: прошел целый день, а я не добралась до Тали и не смогла выяснить, решит ли Рууко биться с людьми. Так растеряться, что чуть ли не предать всех, кто мне дорог! Только потому, что была истерзана и напугана!

Франдра и Яндру, уже ставшие на тропу, оглянулись.

– Не отставай! – приказал Яндру.

– Я не пойду, мне надо забрать Тали.

Верховные волки поглядели недоуменно: им и в голову не пришло, что я могу не подчиниться.

– Глупости, – заявила Франдра, направляясь дальше.

Я осталась на месте. Яндру зарычал и подтолкнул меня мордой. Я уперлась лапами в землю. «Если ему надо, пусть тащит в зубах, – подумала я мрачно, – а по доброй воле я с места не двинусь».

Вдруг я заметила, что волки стараются не шуметь: Яндру ведь говорил, что рядом верховные волки, которые могут услышать. И я не отступала.

– Без своей девочки никуда не пойду. И без Аззуена с Маррой.

Если Рууко ввяжется в бой, моим друзьям тоже придется уходить из Долины.

Яндру раздраженно фыркнул.

– Некогда тут спорить! – бросил он. – Поздно, они все равно что погибли.

У меня словно высосали воздух из легких.

– Как так? – воскликнула я, забыв, что надо говорить тихо. Волки зарычали, и я виновато прижала уши, но не опустила глаз, продолжая требовательно смотреть на Яндру. – Что значит «все равно что погибли»?

– Некогда обсуждать! – рыкнула Франдра. – Надо убраться из Долины! Если другие верховные нас застанут, мы не сможем тебе помочь.

– Почему?

Яндру нетерпеливо зарычал и шагнул ко мне, оскалив зубы: он явно намерился утащить меня силой. Я отступила.

– Щеночек!!!

Мы все чуть не подпрыгнули. С той стороны, где осталась прогалина с лежачим деревом, летел Тлитоо, едва заметный среди деревьев. Он резко спикировал и, затормозив в последний миг, приземлился у моих ног, с размаху стукнувшись оземь.

– Зачем ты сбежала, еле тебя нашел! – Грудь его вздымалась от усилий.

– Где ты был?

– Далеко, – задыхаясь, ответил он. – Искал ответы.

От радости, что ворон прилетел, я чуть не завыла. Понятно, что от верховных волков он меня не защитит, и все равно – он меня нашел, не оставил одну!

Я вновь обернулась к Франдре и Яндру:

– Так почему они все равно что погибли?

Однако ответил мне Тлитоо:

– Если будет хоть мелкая стычка, погибнут все волки и люди в Долине! – Ворон устремил блестящие глаза на верховных волков и обвиняюще замахал крыльями. Быстрый полет его, видимо, не столько утомил, сколько разгорячил. – Вы скрывали правду! Вы не все говорили малым волкам и человечьим крианам! Вам плевать на здешних волков, даже если они перемрут! – Тлитоо повернулся ко мне. – Есть и другие места, волчица!

– То есть как? – не поняла я. – Конечно, есть другие места…

– Другие места вроде нашей Долины! – нетерпеливо каркнул он. – С другими волками, которых пасут другие верховолки. Я летал за Широкую Долину и за те луга, что позади нее. Так мне велела человечья криана. Верховолкам плевать, выживешь ты или нет, волчица. Ты только подумай: в других долинах живут другие волки! Твою стаю, всех волков, всех людей могут перебить как бесполезную дичь и просто заменить другими! Это правда! Я сам видел! И еще мне рассказывали тамошние братья-вороны!

Я все пыталась понять, при чем тут другие долины, и чуть не вздрогнула от голоса Яндру.

– Это правда, – подтвердил он, холодно глядя на Тлитоо. – В Широкой Долине просто поставили опыт – решили посмотреть, как уживутся волки с людьми. Такое делается не только здесь. Людей и волков связывает загадка-противоречие, и если вы не знаете о загадке, вы не поймете смысл опыта.

– Загадка в том, что волки и люди созданы друг для друга, но не могут быть вместе, – перебила я, раздраженная его высокомерием. С чего он взял, что я тупица и ничего не пойму? – Волки призваны напоминать людям о законах природы, чтобы человек их не нарушал. Однако люди боятся подпускать нас слишком близко, и мы начинаем враждовать. В том-то и противоречие. Потому вы и встречаетесь с человеческими крианами каждое полнолуние – чтобы сблизиться с людьми и при этом не вызвать раздора. Так нам сказала женщина-криана. И я вас видела.

Я не стала упоминать бесплотную волчицу. Если верховные волки не раскрывают свои тайны, я тоже не обязана все рассказывать.

Франдра сощурила глаза.

– Тебе нельзя было слушать Большой Разговор! Легенды мы держим в тайне – и тому есть причины! – На один страшный миг мне показалось, что она меня растерзает. Помолчав, волчица вздохнула. – Ты понимаешь не так много, как тебе кажется. И криана тоже. Противоречие состоит в том, что если мы не с

людьми – Древние нас убьют. А если мы будем с людьми и начнется раздор – Древние все равно нас убьют. Мы, верховные волки, имеем дело с Большим Разговором, с людьми и с противоречием намного дольше, чем твой мелкий щенячий мозг в состоянии представить.

Тлитоо поднял на волчицу крылья.

– А теперь Большой Разговор уже не действует! – прокаркал он. – Верховолки вымирают!

– Может, мы вымираем, а может, и нет, – рыкнул Яндру. – Нам нужны волки, которых мы оставим после себя, если сгинем. Вот почему, Каала, ты должна уйти из Долины. С самого твоего рождения мы считали тебя той волчицей, от которой пойдет нужный род. Совет верховных волков против, но стань ты полноправным членом стаи, как тебе было велено, Совет мог бы согласиться. А теперь они выберут другого.

Я вспомнила слова старой женщины, сказанные в день нашей первой встречи.

– Вы хотите, чтобы я общалась с людьми, как вы, – почти прошептала я. – И чтобы Тали была моей крианой.

Я оглянулась в безумной надежде, что они спрятали девочку где-то поблизости.

Франдра и Яндру обменялись неловкими взглядами. Тлитоо, подойдя к ним, издал странное шипение, какого я никогда не слышала от воронов.

– Нет, – ответил Яндру. – Теперь уже поздно. Кровь Тали осквернена жестокостью ее племени, девочку мы спасти не успеем. Нам не пристало спасать даже тебя. Совет верховных волков решил, что люди и волки Широкой Долины не оправдали надежд. Если они сойдутся в бою – а всем ясно, что боя не избежать, – то Совет истребит всех живущих в Долине. Иначе война разольется дальше, и наступит конец волчьему роду. Ты, Каала, слишком близка к людям, чтобы стать хранителем, однако дети твоих детей могли бы нам наследовать, случись такая необходимость. Поэтому либо ты пойдешь с нами, либо погибнешь сразу же, как только волк нападет на человека.

– А как же моя стая? – спросила я. – И Тали, и ее племя?

– Что тебе до них? – беззаботно отозвалась Франдра. – Будущее волчьего рода намного важнее, чем любой волк, стая или племя. Начнем заново где-нибудь в другом месте.

Бездушие верховных волков меня поразило.

– Я предупреждал, щеночек, – каркнул Тлитоо.

– Я с вами не пойду, – заявила я.

– Тогда мы потащим тебя за хвост, – огрызнулся Яндру, двинувшись ко мне. Я знала, что в беге мне с ним не сравняться,

но на всякий случай отступила. Тлитоо взъерошил крылья, готовый то ли улететь, то ли напасть – кто его знает.

– Так нечестно! – крикнула я, уже не заботясь о тишине. – Вы мне лгали! Вы лгали всем в Долине! Вы велели волкам не подходить к людям – и не сказали почему! Скрыли, что на самом деле волки и люди должны быть вместе! – Верховные волки явно закипали яростью, но я не обращала внимания. – Легенды умалчивают о противоречии, а оно-то важнее всего! Теперь вы готовы истребить всех людей вместе с волками только за то, что мы следовали легендам? Только за то, что легенды врут?

– Она права, – раздался вдруг старческий голос, похожий на шелест сухих ветвей и шорох песка.

Франдра и Яндру обернулись. У большого валуна сидел Зориндру – верховный волк, возглавлявший Большой Разговор. Рядом, положив руку ему на спину, стояла бабушка Тали. Интересно, давно ли они здесь…

– Неужто вы вправду уверены, что кроха вам подчинится? – обратился старый волк к Франдре и Яндру. – Неужто думаете, будто мне непонятны ваши замыслы?

Он говорил очень спокойно, почти не поднимая шерсть на загривке, но Франдре и Яндру этого хватило – они опустили уши и стали похожи на нашкодивших щенков, получивших взбучку. Я едва удержалась от смеха.

Мне захотелось подбежать к женщине, но я слишком благоговела перед старым волком и потому не двинулась с места. Тлитоо не страдал такой застенчивостью и тут же порхнул на плечо женщине, а оттуда перепрыгнул на спину Зориндру и снова яростно зашипел, глядя на Франдру и Яндру.

– Мы с Ниали посоветовались… – Старый волк кивнул в сторону женщины. – Думаю, пора поведать малым волкам – и людям – часть причин, руководящих нашими поступками.

Он распахнул в улыбке могучие челюсти и стряхнул Тлитоо со своей шкуры. Ворон вспорхнул на ближайший камень, по-прежнему не спуская блестящих глаз с Франдры и Яндру.

– Но ведь это тайны верховных волков! – запротестовала Франдра.

– И давно пора ими поделиться! – бросила старая женщина без всякого страха перед верховными волками. Я вспомнила, что она понимает наш обычный язык так же, как древнее наречие. – Вы слишком долго секретничали. Зориндру сказал, вы намерены всех перебить, и я желаю знать причины.

– Людям и малым волкам такого не уразуметь, – презрительно заявила Франдра. – Мы приняли на себя бремя заповеди только потому, что вы для него слишком слабы. Мы

ничего не обязаны вам рассказывать.

– Не согласен, – спокойно сказал Зориндру.

Франдра раскрыла было пасть, чтобы возразить, но Зориндру не успел даже рыкнуть, лишь чуть подал голос, – и волчица осеклась.

– Я пока еще возглавляю Совет верховных волков, – промолвил Зориндру. – Если Каала вынуждена уйти из Долины, она вправе знать истину. Всего я тебе не открою, детка: многие тайны верховных волков должны остаться тайной. Однако что могу – скажу.

Я опустила уши и поджала хвост перед старым волком. Женщина протянула мне руку, я подошла. Опершись на меня, она села на плоский камень, а я опустилась на землю рядом. Старый Зориндру устроился поблизости и заговорил своим шелестящим голосом:

– Ваши легенды порой правдивы, порой нет. Индру со стаей в самом деле сумел повлиять на людей, а когда Древние были готовы уничтожить человечий и волчий род – он дал обещание. Однако не о том, чтобы сторониться человека: Индру обещал, что он сам и его потомки навсегда станут хранителями людей.

Я молча посмотрела на старого волка. Мне хотелось ему верить. И слова древнего Индру о том, что волкам пристало охранять людей, были мне понятны. Если Зориндру говорит правду, то, выходит, Яндру и Франдра тоже не лгали…

– Но из этого ничего не вышло, да? – спросила я наконец.

– Да. Разразилась вражда, и волки забыли обещание. – Глаза Зориндру сделались печальными. Он встряхнулся и продолжил: – Когда волки нарушили клятву, Древние наслали на них трехлетнюю зиму, чтобы погубить волчий и человечий род. И тогда молодая волчица по имени Лидда вновь соединила волков и людей, и долгая зима кончилась.

Я уже знала, что Лидда – та самая волчица, что приходила ко мне: бесплотная волчица из моего сна.

– А наши легенды говорят, будто зима началась из-за того, что Лидда подружилась с людьми, – сказала я старому волку.

– Нет, наоборот. Когда Лидда свела вместе волков и людей, Древние поверили, что мы можем жить без вражды, и дали нам еще один шанс – последний.

– И все же случилась война, – проговорила я, вспомнив рассказ волчицы.

– Случилась бы. Нам удалось ее не допустить. Мы знали, что если разгорится вражда, то Древние вновь нашлют на нас долгую зиму, – значит, волки должны хранить людей, не сходясь с ними близко. Тогда-то и возник Совет верховных волков и появился

Большой Разговор, чтобы волки могли исполнить обещание Индру без риска вызвать вражду.

– А что случилось с Лиддой? – спросила я. У меня даже брюхо свело от волнения: не солжет ли Зориндру?

– Нам пришлось выслать ее из Долины, – ответил старый волк, подтверждая рассказ бесплотной волчицы. – Иначе стало бы только хуже: ей не хватило бы сил исполнить требуемое.

Тлитоо издевательски каркнул. Зориндру, должно быть, заметил мое недовольство и склонился ко мне.

– Лидда думала лишь о своем человеке и его благе, – тихо произнес он. – Мудрым не оставалось выбора, кроме как отослать ее прочь. Так было лучше для всего волчьего рода.

– А теперь верховолки вымирают! – не отступался Тлитоо.

Зориндру склонил голову:

– Поколение за поколением мы пытались найти волков, способных занять наше место. Одним позволяли иметь щенков, другим нет. Долины, острова, горные вершины – где только мы не пробовали добиться толку, и раз за разом все кончалось неудачей. Здесь, в Широкой Долине, мы как никогда приблизились к успеху. Ты нас удивила, Каала. Обычно тех, кто рожден без дозволения, убивают – как убили твоего брата и сестер. Однако, узнав от Франдры и Яндру о твоем рождении и полумесяце у тебя на груди, многие из нас решили, что ты и есть та волчица, от которой пойдет род волков, способных хранить людей. Вот почему тебя решили увести за пределы Долины.

– Ты знаешь, кто мой отец. – Я в этом нисколько не сомневалась. Скорее уж поверю, что луна ночью не всходит на небо.

– Этого я тебе не скажу, – твердо заявил старый волк. – Скажу лишь, что в тебе мы нашли давно ожидаемое – то, что чаяли еще со времен Лидды. Однако Совет верховных волков против: они считают, что ты любишь людей слишком сильно и передашь эту тягу своим детям.

Тлитоо заговорил так тихо и мягко, как никогда прежде:

Ложь. Не все сказал.
У Совета тайн не счесть.
Что будет дальше?

Яндру с Франдрой явно взъярились. Я думала, Зориндру тоже разозлится, однако старый волк поглядел на ворона задумчиво и печально:

– Тайны останутся тайнами, ворон. Если ты их узнаешь, ни в каких лесах мира ни одно дерево не укроет тебя от опасности.

– Каала, – начала Франдра самым примирительным тоном, – поверь, тебе лучше уйти из Долины. Положись на нас, мы ведь спасли тебе жизнь, когда ты была совсем щенком. Мы печемся о твоем же благе.

Я старалась не встречаться с ней глазами.

Лидда ушла из Долины. Сделала, что ей велено…

Я взглянула на старого волка и тихо проговорила:

– Я никуда не пойду. Если меня заставят, я перестану есть и умру от голода. – Я собралась с силами. – Может, мне удастся остановить битву.

Кажется, в глазах старого волка мелькнула улыбка – слишком мимолетная, чтобы разглядеть.

– Тогда я буду говорить на Совете, – промолвил он.

Я удивленно заморгала, Яндру от изумления не сдержал рыка.

– Ты попросишь Совет остановить битву? – в надежде спросила я.

– Такое не в моих силах, – покачал головой старый волк. – Как только зубы вонзятся в плоть, выбора не останется. Однако если битвы не будет, Совет может сохранить жизнь волкам и людям Широкой Долины.

– Слишком поздно! – бросила Франдра. – Они должна уйти с нами немедленно! Мы что, зря столько старались?

– У Каалы есть право выбора, – резко возразила бабушка Тали.

Яндру с Франдрой зарычали и шагнули к ней, но женщина не двинулась с места.

– Верно. – Зориндру смерил взглядом обоих волков, и те, прижав уши, отступили на место.

Старый волк тихо склонил ко мне морду:

– Послушай, кроха. Я не смогу ни за что поручиться. Я глава Совета, однако не в моих силах заставить других принять мое мнение. Совет волен истребить волков Широкой Долины, даже если битвы не будет. Я могу увести тебя из Долины вместе с друзьями, Аззуеном и Маррой, чтобы тебе не было одиноко. Я отведу тебя к матери, – добавил он, не сводя с меня глаз. – Мне под силу ее отыскать.

Я удивленно вскинула глаза, сердце забилось сильнее. Мать! Не было дня, чтоб я не думала о ней, не мечтала о встрече! Я обещала ее найти! Если Зориндру отведет меня к матери – что мне Рууко и Скалистые, что мне знак роммы и битва! Я встречусь с матерью – а может, даже с отцом, – и больше никогда не буду одна!

А моя стая погибнет. Даже если не грянет битва. И умрет

Тали. И Брелан с Микланом…

– Нет, – сказала я. – Я не дам убивать мою стаю и людей. Я заставлю Рууко отменить бой.

– Хорошо. Я собираю Совет. – Старый волк направился к поляне среди камней. – Ступайте за мной! – велел он Яндру и Франдре. Те приняли приказание возмущенно, Франдра даже пробормотала что-то под нос, однако оба волка, прижав уши, двинулись вслед за Зориндру, негодующе оглядываясь на меня через плечо.

Их хвосты еще не исчезли за деревьями, а Тлитоо уже пронзительно закаркал:

– Чего ждешь, волчица? Ты толстая, в клюве тебя не донести!

Я мгновение помедлила – неужели оставить старую женщину одну среди леса?..

– Ступай, детка, – кивнула Ниали. – Мне эти леса знакомы с тех времен, когда не родилась еще и прабабка твоей прабабки. Я доберусь туда, где ты будешь.

Опершись рукой о мою спину, она встала с камня, и я устремилась назад, к территории стаи.

Не успела я пробежать и минуты, как звук шагов по сухой листве заставил меня насторожиться. На тропу впереди выступили Аззуен с Маррой.

– Неужели ты всерьез поверила, что мы тебя бросим? – заявил Аззуен.

Сначала я пыталась уговорить их уйти, спастись из Долины – и ждать, когда я приведу наших людей.

Бесполезно.

– От битвы зависит и наша жизнь, – настаивала Марра. – Мы останемся и попробуем не допустить схватки.

– И не бросим Брелана и Миклана на верную смерть, – добавил Аззуен.

– Мы так решили, не теряй времени, – заключила Марра.

Я уже набрала воздуху для следующей порции доводов, как вдруг обнаружила, что не хочу больше спорить. Я положила голову на спину Аззуену, коснулась лапой плеча Марры – и последние сомнения растаяли.

– Нам сюда, – скомандовал Аззуен.

Глава 19

Прошло полночи, когда мы наконец добрались до равнины Высокой Травы и притаились за деревьями на том же склоне, откуда следили за нападением стаи на медведицу так много лун назад. Трава, давшая название равнине, уже начала подсыхать,

хотя после осенних ливней оставалась по-прежнему высокой. Густой лес скрывал нас от непрошеных взглядов, зато мы видели всех: слева затаилась стая во главе с настороженным Рууко, который пристально следил за происходящим; справа, на участке голой земли, самки и дети человечьего племени – и среди них Тали – что-то произносили нараспев под сложный, завораживающий ритм, который выстукивали палками на выдолбленных кусках бревен. Прямо перед нами, в центре равнины, два десятка самцов окружили двойным кольцом группу лосей: в малом кругу, удаленном от лосей не больше чем на полдюжины прыжков, стояли шестеро юношей, второй круг образовывали взрослые, среди них Брелан и сын вождя, возглавляющего племя Тали, – тот самый, за которого прочили мою девочку.

– Мы опоздали, – прошептала Марра.

Позади людей в высокой траве пряталась стая Скалистых и какие-то незнакомые волки: судя по стойкому сосновому запаху – стая Древесной Тропы. Они наблюдали за людьми, словно те были добычей.

Человечье племя – занятое ритуалом, как и сказал Торелл, – явно не подозревало о волках. Десяток мужчин держали в руках пустые тыквы, покачивая ими взад-вперед; в тыквах что-то с грохотом пересыпалось, треск сливался с ритмом палочек, которыми женщины били в полые бревна, – и лоси, завороженные звуком, не сходили с места. Даже я на время замерла, захваченная ритмом, пока не встряхнулась, сбрасывая наваждение.

– Испытание на взрослость, – объяснил Аззуен. – Нам Тревегг сказал еще до ухода.

– Вы спрашивали Тревегга? – Я встревожилась, не выдали ли они себя, и тут же вздохнула: беспокоиться уже поздно. – А лоси при чем?

Я вдруг разглядела, что внутри круга стоят только самки. Интересно, где самцы?..

– Юноши должны показать силу, – ответил Аззуен. – Это как наша первая охота: молодой самец считается взрослым, когда самостоятельно одолеет лося. Пока сегодня все не убьют по лосю, никто с равнины не уйдет. Все будут сосредоточены на добыче. Вот почему Торелл выбрал этот день.

– Как они умудряются не заметить Скалистых? И нашу стаю? – удивилась Марра.

Действительно. Спрятаться в высокой траве нетрудно, но стоило людям оглядеться – они бы заметили колыхание травы там, где волки уже начали красться в стороны, образовывая

полукруг позади человечьих самцов. Однако никто не обращал внимания.

Грохот тыкв и стук палочек усилился.

– Людей, наверное, отвлекает ритм, как и лосей, – сказала я. Может, мы еще успеем добраться до Рууко, чтобы тот остановил Торелла?.. Я глянула на Тали. – А почему самки в стороне?

Марра фыркнула.

– Тревегг рассказывал, что люди больше не позволяют самкам охотиться. Не понимаю, ведь тогда охотников в племени вдвое меньше. Но Тревегг говорит, у людей так принято. Вон он идет, – кивнула Марра в сторону нашей стаи. – По-моему, он знал, что мы собираемся сбежать.

Я оторвала взгляд от лосей и человеческих самцов. Тень Тревегга едва виднелась в траве, он осторожно пробирался в нашу сторону. Интересно, сказал ли он вожаку, что мы здесь… Действовать придется быстро…

– В первую очередь уведем наших людей, – решила я. – А потом надо сделать так, чтобы Рууко не дал Скалистым напасть.

– Брелана и Миклана не увести, они стоят прямо под носом у Скалистых, – напряженно проговорила Марра и покосилась на меня: – Лучше забирай девочку, она ближе всех. И уходи.

– Нет. Надо спасти всех.

С нашего места равнина открывалась почти полностью, однако сколько волков подбирается к людям, было не видно.

– Пойду вон к тому камню, – кивнула я в сторону валуна, торчавшего на возвышении среди деревьев.

– Только осторожно, – предупредил Аззуен. – Смотри, чтоб Скалистые не заметили. И быстрее, у нас мало времени.

– Ладно. – Я закатила глаза. Вечно Аззуен всего опасается.

Камень стоял недалеко, но пробираться к нему пришлось на брюхе, стелясь под низкими кустами. Я собиралась влезть на плоскую верхушку, с которой наверняка хороший обзор. А чтобы никто не заметил, надо просто не вставать в полный рост.

Я уже почти добралась до вершины, когда небо надо мной затмилось и кто-то схватил меня за загривок, поднял над землей и кинул в груду древесной коры и песка. Я даже не успела взвизгнуть.

Огромная лапа закрыла мне морду.

– Ни звука, – прошипела Франдра. – Вставай и идем.

Я не двинулась с места. Волчица вновь схватила меня за загривок и потащила по песку, листьям и мелким камешкам. Я упиралась лапами, пытаясь вырваться, но свалилась на бок: от верховной волчицы так просто не отобьешься. В нескольких прыжках от валуна, где поджидал Яндру, волчица меня

выпустила. Рот был забит песком и листьями, пришлось отплевываться. Встав на ноги, я взглянула на верховных волков и почувствовала, как невольно прижимаются уши и опускается хвост. Уж сейчас-то вежливость явно была не к месту…

– Что за идиотский щенок! – грозно прошептал Яндру. – Мы же тебе велели идти с нами, ты чуть все не испортила. Хватит глупить. Ступай вперед, и чтоб ни звука!

– Я сказала, что с вами не пойду! – прошептала я в ответ, стряхивая мусор с шеи. – Зориндру обещал поговорить с Советом.

– Он и сейчас с ними говорит, только послушает ли его Совет, Зориндру и сам не знает, – огрызнулся Яндру. – Никто не поручится, что волков Долины оставят в живых, даже если ты не допустишь битвы. А битва уже начинается. Так что разницы никакой.

– Весь Совет здесь, – прорычала Франдра. – Даже те верховные волки, что живут не в нашей Долине. Их полсотни, равнина окружена, и как только начнется битва, всех людей и волков убьют. Каждого. Так что незачем терять время.

– Битва еще не началась, – упрямо сказала я. – И неизвестно, начнется ли.

– Ясно, что начнется! – Яндру даже заговорил в полный голос. – Идешь ты своими лапами или мы тебя тащим в зубах – мне плевать, но ты уходишь с нами.

Я оскалилась, вздыбила шерсть на спине – и зарычала.

Верховные волки на миг оцепенели от удивления. Потом Яндру захохотал.

– Я прослежу, чтоб по пути никто не встретился, – бросил он Франдре. – А ты тащи эту ненормальную. Хочет она того или нет.

Он вздернул перед нами хвост и исчез в кустах. Я гневно поглядела на Франдру и вновь зарычала.

– Давай иди, – отмахнулась она устало. – Еще таскать тебя.

И тут ей на голову обрушились черные крылья и острые когти, Тлитоо вцепился в мягкую шкуру между ушами. Франдра, взвыв от боли, замотала головой, и тут же серый комок вылетел из кустов и Аззуен вцепился Франдре в левый бок. Я кинулась вперед, и вместе мы умудрились повалить волчицу на землю. Почти так же, как крупную дичь.

– Говорил ведь – осторожно, – ухмыльнулся запыхавшийся Аззуен. Я даже не поняла, что делать: то ли рычать, то ли благодарить.

– Не стойте на месте, вперед! – прокаркал Тлитоо. – Я займусь злюковолчицей!

И в тот же миг мы услышали голос Марры.

– Каала! – завопила она. – Скалистые начинают битву!

Мы с Аззуеном нырнули в густой подлесок, чтобы Франдре было труднее нас догнать. Сзади неслось бессильное рычание и торжествующее карканье. Тяжело дыша, мы припали к земле рядом с Маррой. Тревегг как раз добрался до вершины холма.

– Скалистые с Древесными собираются нападать, – протараторила Марра. – Надо уводить наших людей.

– Нет, – вставил Тревегг, ложась рядом. – Слишком опасно. Не суйтесь в драку, Рууко еще не решил, будет ли биться. Твои слова, Каала, заставили его призадуматься – даже если он этого не признал, когда ты посягнула на его главенство. Я говорил с ним после твоего ухода. Рисса не хочет битвы, а Рууко против нее не пойдет. Я пришел сказать, что в сегодняшнем сражении мы не участвуем. Рууко даже позволит тебе вернуться в стаю.

– Не важно, – бросил Аззуен.

– Почему? – удивился Тревегг.

– Скажи ему, щеночек! – каркнул Тлитоо, приземляясь рядом. Из его клюва и когтей торчали пучки волчьей шерсти.

– Сказать мне что?

– Не важно, бьетесь вы или нет, – встрял Тлитоо раньше меня. – Если бьется хоть один волк – гибнут все. И волки, и люди.

– Ворон, ты несешь чепуху! – вспылил старый волк. – А нам и без того некогда.

– Это не чепуха, – вступилась я, пока ворон не успел обидеться и раскаркаться. – Это правда.

– У тебя, дряхловолк, не мозги, а мерзлая глина! – бросил Тлитоо и улетел.

– Слова ворона – правда? – спросил старый волк.

– Да, – кивнула я. И рассказала Тревеггу о мнении Совета верховных волков и о том, что за нами сейчас наблюдают, и даже показала верховных волков, окруживших равнину: они прятались за деревьями и выжидали настороженно, как на охоте. Я говорила быстро, то и дело взглядывая вниз, где Торелл со стаей мало-помалу подбирались к своей добыче. Тревегг, слушая, все больше мрачнел, особенно когда увидел верховных волков, готовых нас растерзать.

– Всех волков и людей в Долине, – задумчиво повторил он, щурясь, чтобы сосчитать верховных. – Даже тех, кто не станет биться?

Я кивнула.

– Пойду скажу Рууко, – озабоченно пробормотал он. – Надо остановить Торелла.

И, прежде чем я успела ответить, Тревегг начал спускаться с холма, стараясь держаться скрытно.

– Что теперь? – спросила Марра. – Миклана я заберу в любом

случае. Правда, незамеченной к ним не подойдешь, спрятаться негде.

– Не знаю, – рассеянно ответила я, наблюдая, как Тревегг подползает к Рууко.

Скалистые осторожно подбирались к цели, стараясь никого не спугнуть, чтобы не нарушить задуманной внезапности. Я же опасалась, что Яндру с Франдрой вновь неслышно появятся сзади и утащат меня силой. Времени оставалось считаные мгновения.

– Может, твоя девочка все расскажет другим? – предположила Марра. – Если ты поговоришь с ней на древнем наречии – может, она поймет и уведет Брелана и Миклана с поля?

Вряд ли это подействует, подумала я. Даже если людей предупредить, они все равно будут драться.

– Вот, привел! – каркнул Тлитоо. Я и не заметила, куда он делся после разговора с Тревеггом. Оказывается, слетал к человечьим самкам, и теперь передо мной стояла запыхавшаяся и растерянная Тали.

– Волчица! – воскликнула она, сжимая меня в объятиях так, что чуть кости не захрустели. – Ворон не отставал до тех пор, пока я за ним не пошла, вернее не побежала!

Волосы Тали, обычно гладкие, были встрепаны, будто их долго дергали в разные стороны. Представляю себе, каким способом Тлитоо убеждал ее прийти…

– Смотри, человечица! – Тлитоо кивнул в сторону поля. Тали его не поняла и присела на землю рядом со мной.

– Что случилось, Серебряная Луна?

Тлитоо нетерпеливо каркнул и дернул Тали за волосы, заставляя повернуться к полю.

– Прекрати! – рыкнула я. – Не трогай девочку!

– Ей не больно! Ну, не очень. Пусть увидит, что там творится. Может, скажет своим людям.

Тали ахнула – значит, заметила волков, следящих за людскими самцами. Луна светила ярко, и с холма девочка наверняка разглядела темные тени Скалистых волков.

– Надо предупредить Халина! – воскликнула она.

– Нельзя, – сказала я на древнем наречии в надежде, что Тали поймет. – Слишком опасно.

– Приведи Брелана и Миклана! – встрял Аззуен без всякого древнего наречия. Все равно безуспешно: Тали уже поднималась на ноги.

– Ей нельзя идти! – забеспокоилась Марра. – Если она насторожит людей, волки только скорее кинутся! Не надо было ее приводить! – обвинительно взглянула она на Тлитоо, забывая о том, что сама же это и предложила.

Волки Скалистой Вершины и Древесной Тропы уже окружили людей. Лоси, заметив их, начали беспокоиться. Во мне росла тревога: до нападения оставалось всего ничего. Я опрокинула Тали на землю и села сверху, чтобы не пустить ее к племени.

– Нужно идти к Рууко, – сказал Аззуен. – Мы должны помочь Тревеггу остановить битву.

– Надо забрать наших людей, – резко тявкнула Марра. – Подбежать к ним, отделить от других, будто они добыча, и увести от сражения. Уж такое-то нам под силу. Как только волки бросятся в драку, надо бежать к людям. Твоя девочка, Каала, подождет здесь, а ты поможешь нам привести Миклана и Брелана.

Недальновидность Марры меня порой бесила. Аззуен кинулся ей возражать:

– А если они не придут? А если вдруг лоси взбунтуются? – Он содрогнулся при воспоминании о взбесившихся конях, чуть было нас не затоптавших. – Тогда точно забот не оберешься. Надо звать на помощь стаю.

– Я иду туда, где Миклан, – заявила Марра, глаза ее лихорадочно горели. – Заставлю его уйти из Долины вместе со мной. А вы двое делайте что хотите!

– Подожди! – остановила я ее. Аззуен подал мне идею. – Я не брошу Миклана и Брелана: мы вместе охотились и теперь почти что одна стая. Но я не брошу и волков Быстрой Реки: они нас выкормили и научили быть волками. Не годится спасать себя и своих людей за счет стаи и человечьего племени. – Я глубоко вздохнула. – Лоси уже встревожены. Что, если они и вправду обезумеют? Тогда Скалистые не смогут напасть на людей, не начнется битва и у верховных волков не будет причины всех истреблять.

– Лосиное безумие… – произнес Аззуен чуть ли не благоговейно.

Марра просияла.

– Мы выиграем время!

– Скорее решайтесь! – каркнул Тлитоо.

В этот самый миг Торелл велел нападать.

Тали оттолкнула меня в сторону, вскочила и побежала вниз, предупредить свое племя.

Тянуть было незачем. Я завыла, ко мне присоединились Аззуен и Марра. Торелл повернул к нам оскаленную морду, и даже отсюда я поняла, что он зарычал. Человеческие самцы начали озираться, кто-то крикнул и указал на волков. Мужчины, стоявшие во внешнем круге, обернулись, нацелив на ближайших волков острые палки. Я надеялась, что такого предостережения хватит и волки отступят, но не тут-то было. Люди их только

разозлили, и волки двинулись нападать.

– Вперед! – крикнула я, и мы с Аззуеном и Маррой помчались с холма прямо к лосям.

– Ты сумасшедшая, сама знаешь, – выдохнул Аззуен.

Я улыбнулась на бегу. Хорошо, что мы наконец-то занимаемся делом, даже если оно приведет нас к гибели…

Вблизи лоси казались огромными, и во мне зашевелился страх, но я прогнала его прочь. Захоти я сейчас повернуть назад – все равно уже поздно. Марра, легконогая и бесстрашная, летела к центру круга, мы с Аззуеном мчались за ней. Проскочив мимо пары однолеток Древесной Тропы и скользнув под ногами у старого человечьего самца, мы врезались в лосиное стадо.

Лоси бросились врассыпную, тут же заметались люди и волки. На миг я застыла в ужасе, вспомнив конские копыта и смерть Реела, однако сразу встряхнулась: с тех пор я много раз охотилась с людьми и даже добыла оленя, а еще загоняла лося на давней охоте стаи, так что все удастся.

– Получается! – радостно прокричала Марра, проносясь мимо. Она, кажется, и вовсе не чувствовала страха. – Сюда!

Аззуен с Маррой углядели проход между мечущимися лосями и бросились в него; я отпрыгнула от тяжелого копыта и кинулась следом за ними. С разбегу мы выскочили на пустое место позади круга и, задыхаясь, остановились посмотреть, что же мы наделали. Напуганные лоси беспорядочно носились по полю; волки с людьми, озабоченные только тем, чтобы не попасть им под копыта, и не думали друг на друга нападать. Я едва верила собственным глазам. У нас все получилось!

– Пойдем за Бреланом и Микланом! – забеспокоилась Марра. – Если Скалистые все-таки затеют битву, надо будет уходить из Долины, тогда встретимся у Ольховой Переправы.

Не дожидаясь моего ответа, Марра помчалась к тому месту, где до этого видела Миклана, Аззуен понесся следом. Я видела, как Тали спускается по холму, и побежала было туда, на всякий случай поглядывая в сторону лосей. Их поведение настораживало: за ними ведь гоняются люди с оружием и рычащие волки – лосям давно пора убежать с глаз долой. А они все толпятся посреди равнины.

И тут с другого конца поля донесся треск ломающихся веток: кто-то выходил из леса прямо туда, где собралась стая Быстрой Реки. Я ожидала увидеть верховных волков, идущих всех убивать, – однако то были не волки.

Невозможно, подумала я. Такого не бывает. Лоси-самцы не ходят толпой. Лоси не охотятся!..

И все же то были лоси, явно настроенные на драку. Семеро

самцов под предводительством Ранора и его брата Йонора, угрожающе склонив головы, с грозным ревом вылетели из леса – злобные, яростные, готовые растерзать тех, кто посягал на их самок. Я в ужасе оглянулась на спугнутое нами стадо: мы-то думали, что безумие схлынет так же легко, как у коней, однако лосихи все продолжали метаться, а теперь, при виде несущихся к ним самцов, кинулись на тех, кто им угрожал.

– С конями было по-другому! – крикнула я. – Почему?

– Лоси – не просто дичь, – каркнул над головой Тлитоо. Он порхнул вниз, уселся под ногами и повертел головой. – Похоже, они научились охотиться!

Рисса предупреждающе тявкнула, волки Быстрой Реки рассыпались в стороны перед разъяренными лосями. Рууко, рыча, вместе с Иллин и Минном кинулся на Ранора и тех четверых, что неслись к взбесившимся самкам. Рисса с Веррной дожидались Тревегга – старик, спускаясь от нас, оказался на пути еще двух лосей. Предупрежденный Риссой, он ускорил бег, но поскользнулся в грязи и повредил лапу, а когда, прихрамывая, двинулся дальше, двое лосей свернули, явно намерившись его затоптать.

На одного бросилась Веррна. Молодой самец, меньше всех ростом, под натиском крупной волчицы смешался и повернул прочь. Вторым был Йонор, и отступать он не собирался. Наклонив голову, он несся на Тревегга – тому явно не хватало времени уйти с дороги, и я побежала к нему.

Рисса, зарычав, прыгнула на Йонора. Обычно волки не целят в голову лосям, опасаясь рогов, но Риссе, чтобы отвлечь Йонора от старого волка, ничего другого не оставалось. Лось резко двинул головой, с торжествующим ревом поддел Риссу чудовищными рогами и кинул на землю так, что волчица взвыла от боли.

Летя к Риссе со всех ног, я услышала позади неистовый вой Рууко, к нам уже мчалась Веррна, и я знала, что стая вот-вот будет здесь, – но времени не оставалось, я была ближе всех к Йонору. Лось, глянув на меня, пренебрежительно фыркнул, считая меня слишком мелкой помехой; он чуть ли не ухмылялся, уже поднимаясь на задние ноги, чтобы передними растоптать Риссу. При мысли о грозных рогах у меня перехватило горло, однако я отогнала страх и попыталась сосредоточиться, вспоминая охоту с Тали: направление прыжка, угол атаки… С огромным лосем одной силой не справиться, тут надо умом и хитростью; нападением сзади его не осадишь – значит, остается одно. Я перевела дух, сжалась перед прыжком – и стремительно рванулась вперед, целя зубами в нос Йонору. Вцепившись ему в

морду, я повисла на нем всей тяжестью, пока он вскидывался и бил копытами воздух, пытаясь сбросить меня на землю. Я моталась взад-вперед, не разжимая зубов, а он размахивал мной, как сухим осенним листом, – я вот-вот ждала, что разорвется шея или отвалятся лапы. Никогда в жизни мне не было так больно.

– Серебряная Луна! – разлетелся над полем голос Тали. Я чуть не забыла о ней, кинувшись на помощь Риссе с Тревеггом. Даже болтаясь из стороны в сторону, я различила ее шаги и порадовалась, что она бежит мне на помощь, но ей все равно не успеть – слишком далеко… Краем глаза я заметила, как Веррна вцепляется в круп Йонору, как легконогая Иллин несется к нам со всех ног, лишь чуть опережая Рууко. Силы иссякали, хватка уже ослабла, долго я так не провишу… Захлопали черные крылья – Тлитоо бил в голову Йонору, пытаясь его отвлечь, но меня это не спасало, висеть становилось все тяжелее.

Внезапно Йонор всхрапнул и споткнулся – и Веррна, Рууко и Иллин, не теряя ни мгновения, налетели и свалили его на землю. Я откатилась, чтобы меня не раздавило тяжестью, и стая тут же загрызла лося насмерть.

Я отползла в сторону. Запыхавшаяся Тали стояла в добрых десяти прыжках от нас, ее острая палка торчала из шеи Йонора. Одним ударом, даже таким мощным, лося не убить, но палка Тали остановила Йонора, остальное довершила стая. Девочка крепко сжимала в руке вторую палку, которой метают острые палки, и глядела на лося горящим взглядом охотника.

Тревегг был уже на ногах, Рисса не поднималась. Рууко, подойдя к ней, принялся вылизывать ее мех, волчица подняла к нему морду. Она задыхалась, словно ей не хватало воздуха; из раны, оставленной рогами Йонора, лилась кровь. Тали, мгновение поколебавшись, осторожно подошла и опустилась на колени рядом с Риссой. Рууко тут же встопорщил загривок.

– Я хочу ей помочь, волк, – тихо сказала девочка дрогнувшим голосом. – Если она не сможет дышать, то умрет. Так хрипел мой двоюродный брат, когда сломал ребро, и я убрала помеху для дыхания. А потом пришла бабушка и вправила ему кости.

– Разреши ей, Рууко, – посоветовал Тревегг.

Рууко помедлил. Рисса тяжело хрипела, силясь вдохнуть, и в конце концов вожак, склонив голову, отступил.

Из сумки, висевшей на спине, и из мешочка на шее Тали достала нужные травы и смешала их в ладони, потом из водяной сумки, которую носила на плече, плеснула на них водой и протянула смесь Риссе.

– Съешь, волчица, – проговорила Тали. – Травы помогут тебе дышать.

– Ей можно довериться, – кивнула я волчице, подталкивая к ней руку девочки. – Она из нашей стаи.

Тали осторожно положила смесь в пасть Риссе, чуть вздрогнув, когда пальцы коснулись острых волчьих зубов. Я теснее прижалась к девочке. Остатки трав Рисса слизнула с ладони, через минуту хрип исчез, она задышала свободнее.

– Ребра то ли ушиблены, то ли сломаны, – сказала Тали, не сводя глаз с волчицы. – Дома я сумею помочь больше, но пока пусть она будет осторожнее.

Подняв голову, девочка встретилась взглядом с Рууко. Тот зарычал было, оскалившись, затем опустил морду и подошел к Риссе, чтобы помочь ей встать.

– Скажи ей спасибо, – бросил вожак.

– Каала, а с чего ты решила взбудоражить лосей? – спросила Рисса, слегка пошатываясь на ногах. – Я видела тебя посреди стада.

– Надо было предотвратить битву, – ответила я и наскоро объяснила про решение верховных волков. Глаза Рууко полыхнули гневом.

– Верховные волки нас, выходит, обманывали? И собирались убить?

– Надо остановить Торелла, чтоб не затеял бой, а то лоси уже успокоились. – Тревегг, зализывая больную лапу, посмотрел на меня и усмехнулся. – Взбудоражить лосей – я бы на такое не пошел. Зато время мы все-таки выиграли.

– Что толку? Торелл не остановится, – слабо проговорила Рисса. Взглянув на поле, она вдруг ахнула. – И Ранор тоже…

Я подняла голову. Хотя лоси-самцы начинали нападать все вместе, порядка среди них было меньше, чем в волчьей стае. Страсть соперничества оказалась сильнее ненависти к людям и волкам, и теперь лоси явно забыли, зачем пришли на поле. Они метались по сторонам, споря из-за самок, иные начали драться между собой, кто-то уже уводил отвоеванных самок прочь с равнины. Волки и люди, каждый в своей стае, оглядывали раненых собратьев и уже не собирались воевать. Нам, кажется, все-таки удалось остановить битву, хотя бы временно.

Однако, проследив взгляд Риссы, я поняла, что ошибаюсь.

Ранор, стоя над поверженным братом, смотрел на острую палку Тали, торчавшую из шеи Йонора. От палки его взгляд скользнул к девочке, которая ощупывала ребра Риссы и накладывала травяную смесь на кровоточащую рану. Огромный зверь склонил голову, увенчанную грозными рогами, и из его глотки вырвался низкий рокочущий рев, словно он вызывал на бой самца-соперника.

– Ко мне! – приказал он лосям.

Головы подняли только двое самцов – оба молодые и неопытные.

– Человечье отродье погубило моего брата! – взывал Ранор. – У людей даже детеныши умеют убивать! Истребим сосунков, не дадим им вырасти и уничтожить наш род!

Он зашипел сквозь зубы и устремился к группе человеческих детей, которые, отделившись от взрослых, прятались в высокой траве. К Ранору, то и дело грозно склоняя голову, с ревом помчались молодые самцы.

Увидев, куда они бегут, Тали ахнула и шагнула в сторону людей, но тут же оглянулась на Риссу – волчица, тяжело дыша, еле стояла на ногах.

– Я не могу ее бросить, – прошептала девочка.

Я тронула носом ее руку и побежала к людским детенышам. Вернее, попыталась: шея и спина разламывались от боли, бежать я могла лишь вполсилы. Лоси точно успеют раньше меня… Я оглянулась за помощью – и увидела Аззуена с Маррой, которые вместе с Бреланом и Микланом стояли неподалеку от детенышей спиной к лосям, наблюдая за Тореллом и его волками, которые кружили на одном месте и, по-видимому, ссорились.

– Спасайте детенышей! – прокричала я. Дыхания не хватало, голос сорвался. Битва с Йонором ослабила меня больше, чем я думала. Из-за лосиного рева и людского гомона стая меня не услышала, и рядом даже не было Тлитоо, чтобы поднять переполох.

– Щенки в опасности! – разнесся рокочущий голос Веррны.

От неожиданности я даже споткнулась. Веррна бежала к детенышам; Аззуен, обернувшись на ее клич, ткнулся головой Брелану в бедро – тот, увидев, куда направляется Ранор с двумя самцами, что-то прокричал людям, и несколько мужчин понеслись через поле к малышам, хотя опередить лосей они явно не успевали.

– Убьем людей! – крикнул Ранор. – Сколько можно бояться охотников! Равнины наши, пора их вернуть!

Молодые лоси помчались еще быстрее. Позади меня раздался мягкий топот, со мной поравнялась Иллин.

– Скажи мне, что делать! Скажи, как охотятся с людьми!

– Откройся им, – задыхаясь, проговорила я на бегу. – Найди того, кого сумеешь понять, и попробуй охотиться с ним как с волком своей стаи. Они такие же, как мы.

Иллин кивнула и побежала дальше, меня нагнала Веррна.

– Пока есть ум и зубы, я буду драться как привыкла, – фыркнула она. – А вот убивать щенков я не позволю. Даже

человечьих.

Она рванула дальше, не отставая от Иллин.

Бежать я больше не могла: силы иссякли, болью свело все тело, я едва ковыляла вперед. Оставалось только смотреть и надеяться.

Марра с Аззуеном и Брелан с Микланом мчались наперерез двум молодым лосям, спешившим на помощь Ранору. Я не смогла ничего прокричать, но люди с волками и без меня знали, что делать. Все четверо летели вперед так, будто годами бегали в одной стае, – слитно, единым движением, как вода по речным валунам. Аззуен с Маррой зашли с боков, гоня молодых лосей на Брелана и Миклана, которые с криком потрясали острыми палками. Лоси со злобным фырканьем свернули в сторону и попытались наскочить еще раз – волки с людьми вновь отогнали их прочь. Лоси, потеряв терпение, устремились в другой конец равнины; Аззуен с Маррой гнали их до тех пор, пока не стало ясно, что лоси больше не вернутся.

Оставался Ранор. Огромный лось яростно взревел и ускорил бег, но в двух прыжках от малышей на него налетели Иллин и Веррна. Веррна ликующе взвыла, и в тот же миг человечий самец – бежавший, должно быть, с той же скоростью, что и волки, иначе ему не успеть, – метнул в лося острую палку. Наконечник скользнул по лосиному бедру, и Ранор, остановленный двойным нападением, удивленно отшатнулся, однако тут же грозно наклонил голову и попытался напасть снова.

Иллин с Веррной и молодой самец оказались вместе, морда к морде. Веррна, мгновение помедлив, встряхнулась и отошла; Иллин вытянула шею и, раскрыв рот, вдохнула человеческий запах – и тут же лизнула мужчине руку. Все произошло так быстро, что я чуть было не решила, будто мне показалось. И в тот же миг Иллин с человечьим самцом побежали навстречу Ранору.

Я почти доковыляла до места, когда лось резко свернул, уклоняясь от Иллин с Веррной, и обернулся через плечо.

– Ко мне! – вновь воззвал он к двум молодым лосям. – Неужто струсили? Тем, кто всего боится, никогда не добыть лосих. Вперед, на бой, и я отдам вам своих самок!

Самцы, фыркнув, вновь повернули к Ранору, и втроем они начали продвигаться в сторону человечьих детей; на пути у них стояли лишь Иллин и молодой мужчина, однако туда уже подбегала Веррна, и через миг к ним присоединились Аззуен с Маррой и Брелан с Микланом. Люди потрясали острыми палками и тяжелыми камнями, волки скалились и рычали, над ними носился Тлитоо с тремя воронами.

Молодые лоси дрогнули и пустились бежать.

Ранор было помедлил, но, заметив толпу людей, бегущую по равнине на выручку к детям, понуро мотнул головой.

– Вам, волкам, я сегодняшний день еще припомню, – прошипел он сквозь зубы. – Такое не забывается.

Еще раз мотнув головой, он пустился вслед за остальными лосями, прочь с равнины.

Глава 20

Волки Быстрой Реки не собирались ждать, когда люди подбегут ближе: возбужденная толпа непредсказуема. Веррна с Иллин резво потрусили прочь; Аззуен прижался к бедру Брелана, Марра ткнулась носом в ладонь Миклану – и оба волка помчались вслед за взрослыми. Я подумала было, что люди за ними погонятся, несмотря на то что волки спасли их детей, однако люди просто опасливо смотрели вслед.

Битва, впрочем, была еще не кончена.

Со мной поравнялись Рууко и Минн, остальные собрались вокруг нас. Я увидела, как к нам медленно приближается Рисса вместе с Тали, за ними Тревегг и Уннан. Иллин не отводила взгляда от мужчины, вместе с которым прогоняла Ранора. Веррна безмятежно потянулась и зевнула, явно довольная собой.

– Жаль, что нельзя догнать Ранора и показать ему, что бывает с наглецами, нападающими на волков Быстрой Реки, – протянула она, глядя вслед удаляющемуся лосю. Тлитоо порхал над Ранором, то и дело дергая его за хвост. – Зато, кажется, Торелл не прочь с нами пообщаться.

Это было мягко сказано. Торелл и шестеро Скалистых со всех лап мчались к нам, чуть не дымясь от ярости, за ними едва поспевали волки Древесной Тропы. Я не спускала глаз с людей – вдруг они решат, что такое скопление волков грозит опасностью.

Торелл и Сеела подлетели к нам первыми, стая остановилась рядом. Пелла среди них не было, я почему-то огорчилась.

– Еще не конец, – прорычал Торелл. – Ваши щенки загубили нам охоту, но мы свое наверстаем. И вы нас не остановите, иначе, клянусь, Рууко, я убью всех волков твоей стаи.

– Уймись, – ответил Рууко. – Все кончилось, потому что не должно было начинаться. Уходи с равнины и оставь в покое людей. Иначе будешь иметь дело с волками Быстрой Реки.

Торелл удивился: он явно не думал, что Рууко примет вызов.

– Из-за вас ранен мой лучший охотник! – прорычал Торелл. – Неизвестно, встанет ли он на ноги!

Я поглядела ему за спину – и сердце на миг замерло. На земле лежал Пелл, живой, но неспособный подняться.

– Всему виной лишь твои гордость и глупость, – ответил Рууко. – Ты потерял охотника, а я чуть не потерял спутницу. Я больше не позволю угрожать моей стае. Уходи с равнины, пока я разрешил: моего терпения хватит ненадолго.

Со всех сторон раздалось рычание: волки Быстрой Реки подтверждали слова вожака.

– Не уйдешь – напросишься на драку, – пригрозила Веррна.

– И заодно на драку с Древесной Тропой, – выступил вперед Соннен, вожак Древесных волков. – Зря мы тебя слушали, Торелл: ты втянул нас в беду и заставил мою стаю рисковать. Если нападешь на волков Быстрой Реки, будешь драться и с нами. Без Скалистых волков в Долине уж точно будет лучше.

Торелл бессильно зарычал. Сеела шагнула было вперед, однако Веррна заступила ей дорогу, и мы стали плотной стеной, оттесняя Скалистых назад, где выстроились волки Древесной Тропы. На мгновение мне почудилось, что обезумевшие Торелл с Сеелой полезут в драку даже при таком немыслимом перевесе, но им хватило ума остановиться. Вырвавшись из круга, Скалистые волки помчались прочь, и не подумав о раненом Пелле – что никак не заставило меня уважать их больше. Соннен склонил голову перед Рууко и вместе со стаей полетел вслед за Тореллом, чтобы тот не вздумал вернуться.

Сразу после ухода Скалистых бабушка Тали, наконец добравшаяся до равнины Высокой Травы, уверенно подошла к Пеллу и махнула рукой девочке. Тали подбежала, и обе самки, достав свои травы, склонились над раненым.

Я взглянула вокруг. Верховные волки, прятавшиеся по краям равнины, один за другим поднимались с мест, откуда следили за происходящим, и молча отступали в заросли.

Шея и спина болели так, что я чуть не падала. Я даже застонала.

Рууко мягко положил голову мне на плечо. Он не поблагодарил, не сказал, что был не прав, – просто на миг коснулся меня мордой. От растерянности я опустила голову, потом благодарно лизнула его в щеку и проводила взглядом, когда он отошел к Риссе. Затем, пытаясь не замечать боль во всем теле, я направилась к границе равнины – туда, где поле переходило в лес.

Оставалось исполнить еще кое-что.

Когда мы прогоняли Скалистых прочь с равнины, я видела, как на нас смотрел Зориндру. Теперь он вышел из леса еще до того, как я успела подойти, с ним были Франдра и Яндру. Мы встретились на небольшой поляне сразу за деревьями, и верховные волки молча смотрели на меня, ожидая моих слов.

Битва не состоялась, Скалистых выгнали с равнины – и все же я знала, что верховные волки могут нас уничтожить. Тлитоо, приземлившийся прямо передо мной, на миг прижал голову к моей груди. Я глубоко вздохнула, чувствуя, как застонало от боли каждое ребро, и уважительно склонила голову.

– Битвы не было, – сказала я Зориндру.

– И что? – неопределенным тоном спросил старый волк.

– Битвы не было, – повторила я. – Ты сказал, что если начнется сражение, то вы нас убьете. Всех. А сражения не было. Значит, волков и людей убивать незачем.

– Битва не случилась лишь потому, что ты взбудоражила лосей, – фыркнула Франдра. – Откуда нам знать – может, при первом же случае снова завяжется бой.

Тлитоо выдернул из травы паука и кинул в волчицу.

Я оглянулась на людей и волков, рассыпанных по равнине. Старая криана оставила раненого Пелла и теперь шла к нам. Тали, склонившись над волком, что-то делала с его лапой, ей помогал маленький мальчик, присевший рядом. Волчица Древесной Тропы лизнула мальчика в макушку, тот рассмеялся. Соннен не сводил почтительного взгляда с моей Тали. По всему полю волки, собираясь группами, проверяли, не ранен ли кто из стаи, а люди оглядывали своих стариков и детей с заботой и любовью не меньшими, чем у любого волка.

– Вы никогда не пытались дать нам волю и посмотреть, что будет, – сказала я. – Верховные волки изгнали Лидду, не позволив ей остановить вражду. Может, ей удалось бы – вам-то откуда знать? – Я вздернула подбородок и приподняла хвост. – По крайней мере дайте нам попробовать.

Трое верховных волков не сводили с меня глаз. Старая криана подошла и положила руку мне на спину.

– Что скажешь, Зориндру? – проговорила она.

– Решение принимаю не я один, Ниали, – вздохнул старый волк. – Совет считает, что битва рано или поздно произойдет. Однако мне дали отсрочку. Каала, у тебя есть возможность показать, что мир в Долине может длиться хотя бы год. – Он надолго задержал на мне взгляд, мне даже стало неловко. – Мое предложение остается в силе, кроха. Я отведу тебя к матери. Можешь взять собратьев и троих ваших людей. Мне надо, чтобы ты осталась в живых.

– Вражда неизбежна, Каала, – тихо проговорил Яндру. – Что ты ни делай, сколько усилий ни трать – как только волк сближается с человеком, возникает раздор. Пойдем с нами. Твои дети станут хранителями и спасут волчий род.

– Нет! – вдруг воскликнула старая женщина. – Ты не прав!

– Что ты сказала? – рыкнула Франдра.

– Она сказала, что вы не правы, – услужливо подхватил ворон, явно ища подходящий предмет, чтобы запустить им в волчицу.

– Взгляните туда. – Старая женщина повела рукой в сторону поля. – Вы только и знаете, что держаться подальше от людей и следить за нами так же, как следят за добычей. Как вы можете нас охранять, если вы прячетесь? – Она склонилась и настойчиво зашептала мне в ухо: – Послушай, Серебряная Луна! Ты чувствуешь то, чего никогда не поймут волки-крианы: хранить людей издалека, сходясь лишь раз в месяц на Большой Разговор, нельзя! Как ты сблизилась с Тали, так две стаи должны слиться в одну!

– Тогда уж точно подерутся! – взорвалась Франдра. – Люди снова научатся лишнему! И начнут убивать еще лучше! И захотят подчинить себе всех – как во времена Индру и Лидды!

– Значит, общение с людьми должно сделать волков лучше, – медленно проговорил Зориндру, задумчиво глядя на старую женщину. – Стоит попробовать. Но помни, Каала: если решишь остаться с людьми, обратного хода не будет. Люди переймут от волков столько, что, если вы расстанетесь, люди разрушат весь мир. Раз начав, нельзя отступать, чего бы это ни стоило тебе и твоим собратьям. А волков тебе еще придется убеждать – ведь судьба твоей стаи навечно свяжется с судьбами людей.

Меня даже затрясло. Требовать от меня такой ответственности, когда мне не исполнилось и года… Решать за всех волков? Отказаться от матери – может, даже навсегда?..

– Что же, кроха? – склонился ко мне Зориндру. – Как ты решишь?

Я оглянулась на поле. Тали залечивала раны Пелла, Брелан с Аззуеном стояли неподалеку. Миклан лежал рядом с Маррой, гладя ее по спине и временами оглядывая – не ранена ли. Иллин подошла к молодому самцу, с которым она отгоняла Ранора, и ткнулась мордой ему в живот. Тревегг осторожно подполз к старой человечьей самке, та полезла в мешочек на поясе и дала волку жареного мяса. Двое людских малышей кинулись бороться с однолетком из стаи Древесной Тропы, и Соннен, смеясь, не отводил от них взгляда. Стая, подумала я. Стая, отдыхающая после битвы или охоты.

А стая должна быть нераздельной, даже в трудные времена.

Тали помогла Пеллу встать на ноги и обернулась к нам. Старая криана вновь положила руку мне на спину.

– Я остаюсь, – проговорила я. – Мы остаемся с людьми.

– Хорошо, – кивнул Зориндру. – Дадим этот шанс волкам

Широкой Долины.

Я благодарно лизнула его в морду и склонилась перед верховными волками и старой женщиной. Затем, встряхнувшись, побежала на равнину, где меня ждали волки и люди моей стаи.

Эпилог

Лидда стояла у кромки деревьев, на границе между мирами – живым и бесплотным, – и смотрела, как волчица-подросток с белым полумесяцем на груди приближается к группе людей и волков. Дел предстоит еще много, подумала Лидда, бросая взгляд за плечо, в сторону бесплотного мира. Ее скоро хватятся – а может, и накажут. И все же она не отрывала взгляда от равнины. Когда над Широкой Долиной поднялось солнце, освещая волков и людей, вновь сошедшихся вместе, с души Лидды будто свалилась давняя тяжесть. И волчица тихонько, совсем незаметно, завиляла хвостом.

Выражение признательности

Три женщины, без которых эта книга никогда не была бы создана, – Памела Беркман, Харриет Ромер и моя мама Джин Херст. Благодаря им я стала писать, и они поддерживали меня во всех испытаниях, связанных с работой над первой книгой. Мой отец, Джо Херст, еще в юности научил меня тому, что главное в жизни – найти любимое дело, и подкрепил это своим примером, будучи врачом, фотографом и человеком обширных знаний. Моим родителям я обязана также бесконечной поддержкой и жизненным примером честности и мужества.

Мой брат Эд и сестра Марти служили мне образцом для подражания в детстве, вдохновляли и поддерживали меня в зрелом возрасте и никогда не сомневались, что я напишу удачную книгу. Моим дедушкам и бабушкам не суждено было дожить до встречи с «Волками…», но их любовь помогла мне стать человеком, которому по плечу писательство.

Сама не понимаю, как мне удалось найти Молли Глик. Ее увлеченность волками, вдумчивые советы, необычайная сообразительность и ум стали истинной находкой и принесли мне немало восторга. Мне вторично повезло, когда «Волки…» попали в издательство «Саймон энд Шустер», к изумительной Керри Колен, чьи глубокие замечания и мудрые советы подняли книгу уровнем выше. Спасибо Виктории Мейер, Ребекке Дэвис и Ли Василевски, сотрудникам издательства и прекрасным специалистам по рекламе и маркетингу; Марселле Бергер и всему отделу издательства, занимающемуся зарубежными правами; Стивену Ллано и Тому Питониаку, внимательным редакторам; а также Джессике Регел из агентства «Джин Наггар», занимавшейся правами на аудиопродукцию.

Мне очень повезло поработать с группой людей, изменивших мою жизнь и заставивших осознать тот факт, что мы пришли на Землю для того, чтобы чего-то достичь. Огромное спасибо моим милым друзьям – Полу Фостеру, Дэвиду Греко, Ксении Лисаневич и Джоанне Вонделинг. Дженнифер Бендери, Колин Бронду, Элисон Бруннер, Пол Коэн, Джессика Эгберт, Линн Хонрадо, Оушен Хауэлл, Эрин Джоу, Тамара Келлер, Брюс Лундквист, Дебра Наситка, Дженнифер Н., Марианна Райков, Карен Уорнер, Дженнифер Уитни, Джесс Уайли, Акеми Ямагучи, Мэри Зук заслуживают глубокой благодарности за участие в этом удивительном путешествии. Всем и каждому в волшебном мире «Джосси басе» – спасибо за создание места для грез о будущем.

Спасибо Бонни Акимото, Элисон Бруннер и Черил Гринуэй за

дружбу и поддержку. Я бесконечно благодарна вам, друзья, кто вдохновлял меня – и периодически вытаскивал из квартиры на улицу: Брюс Беллингем, Диана Бодифорд, Лора Коэн, Эмили Фелт, Диана Гордон, Рик Гуттиэрес, Нина Крейден, Лесли Иура, Джейн Левиков, Кейти Левин, Донна Райан, Меран Саки, Карл Шапиро, Лиан Шейер, Старла Сирено, Кейт Суини, Тигрис, Эрик Трэшер, Бернадетт Уолтер, Джефф Уайнекен. Особая благодарность и признательность за поддержку в трудный момент – Элисон, Бонни, Черил, Джоанне, Пэм и моей семье.

Спасибо мастеру Норману Лину, учившему меня уверенности, мужеству и стойкости, а также моим друзьям по клубу тхеквондо в Сан-Франциско: без всего, чему вы меня научили, мне не удалось бы преодолеть трудности, связанные с написанием первого романа.

Спасибо Сьюзен Холт за удивительные разговоры о волках и коэволюции, за путешествие по Франции ради встречи с древним пещерным искусством, а также за хаски. И огромное спасибо Джоан Ирвин, спасшей меня от хаски.

Мне повезло с замечательными учителями, которые давали много ценных советов во время написания и публикации моей первой книги. Спасибо вам, Алан Шрейдер, Кэрол Браун, Дебра Хантер, Фрэнсис Хессельбейн, Линн Лукоу, Мюррей Дропкин, Дебби Ноткин, Шерил Фуллертон и Хизер Флоренс.

Мне посчастливилось работать с прекрасными исследователями и авторами в общественной и государственной сфере, и я благодарна им за опыт сотрудничества. Каждая книга, над которой я работала вместе с вами, становилась для меня примером самого лучшего, что есть в мире.

Меня неизменно удивляло и повергало в робость великодушие исследователей, занимающихся волками и собаками, и специалистов по эволюции, которые щедро дарили мне свое время и знания. Норм Бишоп, Луиджи Боитани и Эми Кей Кербер, специалисты по волкам, любезно прочли ранний вариант рукописи и поделились ценными соображениями. Реймонд Коппингер, Темпл Грандин, Пол Такой и Элизабет Маршалл Томас консультировали меня там, где дело касалось эволюции волков, собак и людей.

Рик Макинтайр, Дуглас Смит, Боб Ландис и Джесс Эдберг поделились рассказами о волках и советами. Мнение Конни Миллар и большая беседа о палеоэкологии и климате оказались поистине неоценимыми. При работе над «Законом волков» я прочла не меньше миллиона книг, нашедших отражение в романе. Особенно полезны оказались работы таких авторов, как Луиджи Боитани, Стивен Будьянски, Реймонд и Лорна Коппингер,

Джаред Даймонд, Темпл Грандин, Бернд Хайнрих, Барри Лопес, Дэвид Меч, Майкл Поллан, Дуглас Смит и Элизабет Маршалл Томас, а также исследования Роберта Уэйна и Д.К. Беляева. Благодарю Международный центр по исследованию волков, Защитников живой природы, Йеллоустонскую ассоциацию, организации «Волчий рай» и «Волчий парк», а также Центр по спасению и исследованию диких животных за информацию и исследования о волках. Спасибо Жин Клотт и чудесным людям в Комбареле, Фон-де-Гом, и музею в Лез-Эзи. Спасибо Джеймсу Хопкину и Бернадетт Уолтер за помощь с географией Широкой Долины.

Отдельной благодарности достойны Сэм Блейк и Даниель Йохансен из волчьего приюта «Помощь волкам», а также Данте, Команч, Леди Шайенн и Мотзи за согласие со мной позировать и, кроме того, Лори Чун за волшебные фото с волками и Джерри Бауэр за великолепную фотоохоту и потрясающие снимки.

Мне всегда с трудом верится, что можно взаправду прийти в библиотеку и прочитать любую книгу, какую захочешь. Библиотекам – моя отдельная благодарность.

Значительная часть этой книги была написана в разных кафе Сан-Франциско и Беркли. Спасибо вам, Майкл и все в «Итс э гринд» на Полк-стрит, Алика и Голанц в «Ройал граунд», Филип и компания в «Крип хаус». И огромная благодарность всем владельцам кафе, позволяющим писателям часами сидеть и стучать по клавиатуре лэптопа. Для тех, кто тоже пишет в кафе: не забывайте заказывать еду, делить стол с другими посетителями и давать щедрые чаевые.

Над первыми главами книги я работала в сотрудничестве с писательским сообществом «Сквой вэлли», и опыт работы с писателями существенно повлиял на мое мировоззрение. Отдельной благодарности заслуживают Сандс Холл, Джеймс Хьюстон и Дженет Фитч, не поскупившиеся на ценные советы. Я благодарна также Донне Левин и соученикам по «Калифорния райтин проджект».

И наконец огромное спасибо всем более или менее прирученным волкам, помогавшим мне в собирании материала, – вам, Эмми, Джуд, Найк, Талисман и Айс, Кума, Хоши, Скуби, Руфус, Сента и Тесс, Флэш, Фи и Мингус, Шекспир, Нони, Джинджер и Карамель. Особая благодарность котятам Доминик и Блоссом, которые ясно показали мне, кто кого приручил.

Всякое сходство между волками в книге и знакомыми мне людьми является случайным. Как будто.

Тайны волков

Посвящается Джин Херст, с любовью и благодарностью. Спасибо тебе.

Пролог

Я была не первым волком, который пообещал хранить человека. Такой обет прозвучал много лет назад, во время великого голода, когда волк по имени Индру повстречал племя умирающих от истощения людей. Это случилось давным-давно, когда волки только что стали волками, а люди еще не вполне сделались людьми. Они ходили на двух ногах, как и теперь, но их по-прежнему покрывала шерсть, и они не умели владеть огнем, строить прочные логова и бросать палки, с помощью которых можно убивать животных во много раз крупнее себя. Они далеко не так успешно переживали тяжелые времена, как Индру и его стая.

Люди, которых Индру встретил на краю великой пустоши, были так худы и голодны, что, казалось, им неизбежно грозила смерть. Они могли бы стать хорошей добычей для стаи, но в душе Индру не зазвучал зов охоты. Его влекло к людям, как к собственным сородичам. Он пожалел их и взялся защищать – а потому не позволил умереть, помог племени выжить. Индру и его стая научили людей волчьим секретам – охотиться, вместо того чтобы подбирать остатки чужой добычи, выслеживать лучшую дичь, действовать сообща, чтобы стать сильнее, чем поодиночке. И люди выжили.

Волки Индру и набравшиеся сил люди охотились вместе и спали бок о бок. Узы между ними крепли, пока не вошли в сердца волка и человека. Они могли бы стать одной стаей, одной семьей, но люди, обретя могущество и знание, возгордились. Усвоив приемы, которые показали волки, они не перестали учиться, а узнавали все больше и больше, пока не сделались сильнее многих других животных. Тогда они сочли себя лучше прочих и потребовали, чтобы волки им служили. Когда те отказались, люди так разозлились, что с помощью обретенных знаний уничтожили все вокруг. Они перебили тех, кто не сумел спастись, а потом, постигнув тайну огня, сожгли собственные земли.

Легенда гласит, что Древние – Солнце, Луна, Земля и праматерь Небо, – увидев опустошение, которое произвели люди, хотели уничтожить и людей, и волков. Так уже бывало. Некоторые животные становились чересчур сильными, и тогда Древние убивали их. Говорят, однажды они сбросили с неба огромный камень, и воцарилась ночь без конца, и погибло много живых существ.

Индру взошел на вершину высокой горы и обратился к Древним с мольбой. Он был так красноречив в своих просьбах,

что убедил пощадить волков и людей. Взамен Древние потребовали от Индру дать обещание. Они сказали, что если предоставить людей с их новыми знаниями самим себе, то они и впредь будут думать, что отличаются от остальных животных, что они лучше всех, и тогда захотят истребить остальных. Индру поклялся, что волки станут хранителями человека. Они научат людей Равновесию, объяснят, что все живые существа – часть природы и никто не должен уничтожать то, что дает ему жизнь. Отныне они будут следить за людьми, чтобы те больше никогда не становились слишком гордыми и опасными.

Индру и его стая научили людей жить в мире с природой. Они сказали, что нельзя принимать Землю, Солнце, Луну, Небо и даруемое ими изобилие как нечто само собой разумеющееся. Они объяснили, что такое семья и как надлежит заботиться о сородичах. Научили быть частью всего, что вокруг них. Волки показали людям, как поддерживать Равновесие. Поколение за поколением они старались поддерживать связь между человеком и окружающим миром. Но люди, которые плодятся быстрее волков, возжелали большего. Они снова возгордились и попытались поработить волчий род. Волки, которые бывают горды ничуть не меньше людей, вновь отказались. И тогда началась великая битва, в которой прежние союзники убивали друг друга. Волки, обиженные и обозленные, позабыли свое обещание. Легенда гласит, что Древние послали зиму длиной в три года, чтобы положить конец и волкам, и людям. Видимо, их не заботило, что погибнут и другие животные. Повсюду волки и люди голодали. И умирали.

Они опять стали охотиться вместе. Молодая волчица по имени Лидда, жившая в Широкой Долине задолго до моего рождения, нашла голодного человеческого подростка, который плакал, прижавшись к камню. Она почувствовала жалость, точь-в-точь как когда-то Индру, и легла с ним рядом. Потом Лидда с юношей пошли на охоту и убили ослабевшего лося. Его мясо спасло и стаю Лидды, и племя юноши. Волки и люди Широкой Долины начали охотиться как одна стая, и два рода вновь сблизились. Древние, обрадовавшись, что волки вспомнили свое обещание, положили конец долгой зиме. Но вскоре волки и люди снова принялись ссориться.

И тогда в Широкую Долину пришли верховные волки – и, придя, они солгали.

Они спустились с Восточных Гор и увидели Лидду и ее юношу, всеми покинутых, которые смотрели, как их родичи сражаются друг с другом. Никто раньше никогда не видел таких огромных волков. Когда они сказали Лидде, что посланы с неба

Древними, она поверила. Они вынудили ее покинуть Долину, внушив, что она несет опасность всему волчьему племени.

Потом они выдумали другую легенду – якобы, когда Индру говорил с Древними, он обещал не заботиться о людях, а во все времена держаться от них подальше, чтобы люди больше не учились у волков. Верховные волки сказали, что их послали Древние, чтобы издалека учить людей закону Равновесия, и что однажды, когда волков Широкой Долины перестанет по врожденной слабости тянуть к людям, верховные волки вновь поручат им эту обязанность. Лидда поверила, взяла юношу и покинула Широкую Долину. Лишь после смерти она узнала правду.

Лидда нашла способ вернуться в мир живых. И пришла ко мне.

Когда мы встретились, я была изгоем в своей стае. Моя мать спарилась с волком не из нашей Долины. Верховные тщательно следили за размножением малых волков, и лишь они могли позволить вожакам оставить щенка-полукровку в стае. Волки, в которых текла кровь чужаков, считались дурным предзнаменованием, и в раннем детстве меня из-за этого чуть не убили. Когда я, подрастая, начала интересоваться людьми, стало еще хуже. Мне сказали, что знаться с ними нельзя и что волк, неспособный держаться от них подальше, несет угрозу стае и всему волчьему роду, а значит, я опасна. Когда я спасла жизнь человеческому детенышу, то никому не проговорилась, решив, что я и впрямь преступница.

Лидда нашла меня и открыла правду: волки и люди должны держаться вместе – от этого зависит наше выживание. Благодаря ей я распознала ложь верховных и предотвратила битву между волками и людьми, которая могла привести к войне. Она придала мне уверенности, и я смогла убедить стаю, что наш долг – стать хранителями человека. Набравшись смелости, я дала обещание от лица волчьего рода. А потом Лидда оставила меня.

Она пришла в последний раз четверть луны спустя после того дня, когда я остановила битву. Я сидела, прижавшись к старому дубу, чтобы укрыться от внезапной бури. Лидда говорила поспешно, как будто боялась, что на нее вот-вот набросится какой-нибудь крупный зверь.

– Ты отлично справилась, Каала, – сказала она, касаясь своим носом моего. – Но я больше не могу здесь оставаться.

– Почему?

Я нуждалась в ней. Я пообещала взять на себя ответственность за людей отчасти и потому, что так сказала Лидда. Послушавшись ее, я поклялась, что выполню дело, которое

не удалось завершить ей. И теперь она хотела оставить меня наедине с последствиями?

– Вожаки волков в царстве духов запретили мне приходить, и теперь они знают, что я ослушалась, – сказала Лидда, оглядываясь через плечо. – Они будут зорко наблюдать за мной. И не только это… Призрачные волки не должны возвращаться в мир живых. Мы не можем оставаться здесь надолго. Если я буду приходить к тебе и дальше, то не смогу жить ни здесь, ни там.

И тогда я заметила, какая она худая и слабая. Прошло меньше одной луны с нашей последней встречи, но тогда Лидда была здоровой и гладкой.

– Ты нужна здесь, – сказала я. – Я должна подружить волков и людей. Я не справлюсь одна.

– Я понимаю, Каала. Но ты уже сделала больше, чем я надеялась, и я тебя не оставлю. Говорят, есть такое место, где мир живых и мир мертвых соприкасаются. Найди его.

С тем же успехом она могла бы приказать мне в одиночку броситься на стадо лосей.

– Но как? – спросила я.

– Не знаю, Каала. Вожаки волков в царстве духов ничего не рассказывают, но я слышала, как они говорят об этом месте и о некоем существе, способном путешествовать между мирами. Может быть, ты сумеешь его разыскать.

Я услышала сердитый вой, эхом раскатившийся по Долине. Лидда вздрогнула.

– Мне пора. Пообещай, что постараешься найти это место.

– Обещаю, – сказала я, моргая на ветру.

– Хорошо. Значит, мы скоро увидимся вновь.

Она заговорила быстро, рассказав все, что было можно, прежде чем уйти, а потом лизнула меня в темя и исчезла в густом подлеске.

Я была не первым волком, который охотился с людьми, но вполне могла оказаться последним. Именно так сказала Лидда на прощание, возвращаясь в царство духов. На сей раз второго шанса не будет.

Глава 1

Я уловила слабый запах далекой добычи и остановилась, прочно упершись лапами в землю. Подняв морду по ветру, я вдохнула, позволяя отчетливому запаху льда и копыт проникнуть в глотку. Стадо северных оленей на нашей территории. Кровь внезапно прилила к чувствительному местечку за ушами, пасть увлажнилась, каждый мускул страстно желал погони. Аззуен стоял рядом со мной также неподвижно, только уши подергивались и начала покачиваться темно-серая голова. Он разрывался между зовом добычи и долгом.

– Мы не можем за ними гнаться, – сказала я. – Нужно добраться до Высокой Травы.

– Знаю, – ответил он, пыхтя. Мы пробежали почти всю нашу территорию полным ходом. – Уже иду.

Но мы оба не двигались. Я с трудом удержалась, чтобы не броситься на запах дичи, но и была не в силах от него оторваться. Аззуен тоже. Небольшая сосновая рощица, в которой мы стояли, заслоняла утреннее солнце, и шерсть Аззуена покрылась каплями влаги. Напрягшись всем телом, он смотрел в сторону добычи. Когда на нас очередной волной нахлынул олений запах, я закрыла глаза.

Кто-то больно дернул меня за шерсть на груди, так что я взвизгнула. Я опустила морду, увидела черную блестящую голову, два темных глаза и острый клюв, нацеленный мне в лапу, и отступила на шаг. Тлитоо расправил крылья, как будто собираясь взлететь, подошел и встал прямо перед носом, достаточно близко, чтобы дотянуться клювом. В зимнем оперении он казался крупнее, чем бывают годовалые вороны, хвост и спина у него были осыпаны снегом, в котором он катался. Тлитоо с вызовом устремил блестящие глазки на меня, потом на Аззуена, который отскочил в сторону, чтобы избежать щипка, и сунул нос в снег, отгоняя олений запах.

Тлитоо убедился, что привлек наше внимание, и негромко каркнул.

– Злюковолки в четырнадцати минутах ходу за вашей спиной, волчатки, и ноги у них намного длиннее. Они вас догонят.

У меня перехватило горло. Верховные волки правили Широкой Долиной с незапамятных времен, и остальные должны были им повиноваться.

Услышав злобный вой, мы, все трое, съежились. В голосе верховной волчицы Франдры явственно звучал приказ: «Остановитесь и ждите! Стойте в сосновой роще, мы к вам

придем».

– Откуда они знают, где мы? – спросила я. – У них не настолько хороший нюх.

Говорят, верховные способны читать мысли. Но Аззуен утверждал, что они сами это придумали.

– Они чуют нас и сосны, – твердо сказал он. – Нетрудно догадаться.

– Какая разница, волки? – хрипло крикнул Тлитоо. – Чем дольше вы болтаете, тем ближе они подходят!

Я глубоко вздохнула, чтобы успокоиться. Верховные волки рано или поздно нас догонят – и тогда будут очень злы. Но я намеревалась добраться до равнины Высокой Травы раньше, чем мы столкнемся, и не важно, какой ценой. Утренний ветер принес еще один запах, гораздо сильнее, чем аромат северного оленя. Запах пота и плоти, дыма и сосен, мяса, обожженного на огне… запах людей, которые охотились вместе с нами. Земля под нашими лапами оттаивала, а ветер, ероша шерсть, пел, что зима отступает. Ледяная Луна сузилась до крошечного серпика и скрылась в темноте на три ночи. С приходом весны волки и люди Широкой Долины снова могли подружиться.

Прошли три луны с тех пор, как мы в последний раз видели людей, – холодным осенним утром, когда волки и люди Широкой Долины собирались начать битву. Если бы это произошло, верховные волки истребили бы их. Я остановила войну с помощью сородичей и упросила вожака верховных пощадить нас. В обмен я пообещала, что в течение года волки и люди Широкой Долины не станут ссориться. Если у меня получится – они будут жить. Если нет – верховные убьют всех.

Следующей ночью в Широкой Долине завыла метель, предупреждая, что близятся голодные зимние дни. Волкам и людям, как и другим обитателям Широкой Долины, предстояло бороться за выживание суровой зимой. Поэтому верховные волки дали нам три луны, чтобы приготовиться, прежде чем приступить к выполнению обещания – хранить мир между волком и человеком, при условии, что в течение этих трех лун мы не будем ходить к людям. Сегодня настал день, когда мы должны были приступить. Но две ночи назад верховные волки приказали нам прийти, как только Ледяная Луна пойдет на убыль. Вместо этого, послушавшись предупреждения Тлитоо, мы бежали.

Я встретила взгляд Аззуена и вдохнула холодный утренний воздух. Верховные волки слишком часто лгали. Бросив последний взгляд в сторону северных оленей, я перепрыгнула через влажную спину Тлитоо и понеслась к равнине Высокой Травы, прижав уши, чтобы не слышать яростного воя верховных.

Достигнув сборной поляны на краю леса, в нескольких шагах от того места, где заканчивались заросли и начиналась равнина Высокой Травы, мы увидели Марру, беспокойно ходившую туда-сюда. Ее светло-серая шерсть была покрыта грязью, на которую налипли сухие листья. Она бросилась сначала ко мне, потом к Аззуену, чтобы ткнуться носом. Морда у нее дрожала от нетерпения.

– Рууко и Рисса идут сюда с Тревеггом, – быстро сказала Марра. – Остальные гонят оленей.

Я послала Марру вперед, чтобы предупредить вожаков, что за нами гонятся верховные волки. Мы не хотели рисковать, передавая сигнал воем. Тлитоо мог долететь до них быстрее, чем быстроногая Марра – добежать, но он отказался. Он был взволнован с тех пор, как разбудил нас на рассвете. Даже теперь он расхаживал туда-сюда между мной и Аззуеном, нетерпеливо щелкая клювом.

Марра, должно быть, бежала быстрее зайца, чтобы поскорее вернуться на равнину. Она даже не отдышалась. Едва успев перевести дух, она снова заговорила:

– Миклан и Брелан там. – Так звали двух человеческих самцов, с которыми она охотилась. – И твоя девочка тоже, Каала.

Она могла бы этого и не говорить. Людьми пахло просто ошеломляюще, но один запах выделялся особо. Я ощутила глубоко в груди знакомую тоску. Мы с Тали вместе охотились и спали бок о бок. Для меня она была таким же членом стаи, как и любой волк, и ее запах стал частью моего существа, наподобие собственной кожи.

– Рууко и Рисса хотели, чтобы мы их подождали? – спросил Аззуен, двинувшись в сторону равнины и оглянувшись на нас. Он слегка завилял хвостом. Рууко и Рисса возглавляли стаю Быстрой Реки. Воле вожаков должны повиноваться все волки, особенно такие, как Аззуен, Марра и я. Нам было девять с половиной лун от роду, и мы еще не считались вполне взрослыми.

– Нет, – ответила Марра, отводя взгляд. – У Риссы разболелись ребра, поэтому стая движется медленно.

Три луны назад Рисса пострадала в стычке с разъяренным лосем – всего в нескольких шагах от того места, где мы теперь стояли. Раны до сих пор беспокоили ее, когда погода менялась.

– Рууко сказал, нужно поговорить с людьми, прежде чем здесь появятся верховные волки. – Марра лизнула лапу, по-прежнему избегая моего взгляда. – Ты, Каала, могла бы и не просить меня предупреждать стаю, ведь от верховных столько шума…

Я прищурилась, не вполне уверенная, что Марра говорит правду. Время от времени она была не прочь приврать, и я

сомневалась, что Рууко и Рисса хотели, чтобы молодняк бросил вызов верховным без поддержки старших. Я всю зиму старалась завоевать доверие вожаков стаи и не хотела вновь его утратить.

– Мы можем подождать, – сказала я. – Стая скоро будет здесь.

– И верхозлюки тоже! – возразил Тлитоо, хлопая крыльями. – Вы бежали что есть духу не затем, чтобы стоять и ждать. Какой смысл злить верховных без всякой причины?

Он подхватил клювом сосновую шишку и швырнул в меня. Она отскочила от моего плеча.

– Слизняк! – пронзительно прокричал Тлитоо.

– Именно мы знаем людей лучше всех, Каала, – напомнил Аззуен, ощутив мои сомнения.

В этот момент яростный и пугающе близкий вой верховных волков сотряс воздух. Ноги приняли решение сами собой. Я бросилась бежать, прежде чем осознала это, и понеслась прочь от безопасной опушки, а Аззуен и Марра поспевали следом. Мы миновали купу елок и оказались на равнине Высокой Травы, где наконец снова увидели наших людей.

Шестеро стояли вокруг кучки из грязи и снега, тыча в нее тупыми концами длинных и смертоносных острых палок, с которыми они охотились. Мы двинулись неспешным шагом, не желая их пугать. На огромной равнине Высокой Травы мы часто охотились на лошадей и других травоядных. Люди находились примерно посредине и были так увлечены своей кучкой грязи, что сначала не заметили нас. Запах Тали разносился по равнине сильнее, чем прежде, но я не могла различить девочку среди других. У всех трех самок росла на голове прямая темная шерсть, как у Тали, все они от холода закутались в медвежьи и росомашьи шкуры. Впрочем, по росту ни одна из них не могла быть Тали. Может быть, я ошиблась запахом? Я замедлила шаг. Тлитоо потерял последнее терпение, когда Аззуен и Марра тоже остановились.

– Улитки вы, а не волки! – закричал он, пронесся над моей головой, царапнув уши острыми когтями, и полетел к людям, что есть сил хлопая крыльями. Тлитоо скользнул низко над ними. Некоторые в испуге отскочили и подняли головы. И тогда я увидела Тали.

Она стала выше, хотя прошли всего три луны. Руки и ноги у нее сделались длинными и очень тонкими, как будто кто-то их нарочно вытянул, и она двигалась неуклюже, как будто балансировала на скользком камне посреди реки. Аззуен выглядел примерно так же в начале зимы, когда вдруг обогнал остальных щенков и еще не успел привыкнуть к своему росту. Я издала негромкий удивленный возглас, поняв, что Тали недолго

будет оставаться ребенком. Когда я вытащила ее из реки шесть лун назад, она была гораздо меньше и казалась намного крепче.

Брелан – юноша, который охотился с Аззуеном, – заметил нас и радостно вскрикнул. Больше ничего не требовалось, чтобы Аззуен и Марра полным ходом бросились к людям. Я внезапно заколебалась и помедлила. Многие люди ненавидели и боялись волков. Тревегг, старший в стае Быстрой Реки, предупреждал: даже если наши друзья сейчас хорошо к нам относятся, они могут передумать, как только повзрослеют. Я невольно задумалась: может быть, Тали, теперь уже почти взрослая, больше не захочет со мной охотиться? Я крадучись двинулась вперед, наблюдая за ней и ища признаки страха или неприятия. Тали подняла руку, чтобы заслонить глаза от утреннего солнца, широко улыбнулась, обнажив зубы, отложила острую палку и побежала ко мне.

– Серебряная Луна! – завопила она, как завязший в болоте лось. Так она меня называла – из-за белого полумесяца на моей груди.

Я тоже бросилась бегом и оказалась рядом, прежде чем она успела хотя бы десять раз переступить своими нелепыми ногами. Я осторожно поставила лапы ей на плечи, стараясь не поранить и не испугать. Тали обняла меня и навалилась всей тяжестью. Я позволила девочке одержать верх, и мы упали вместе. Рыча от радости, я перекатила ее на спину, и мы возились на земле, пока я не встала, тяжело дыша и поставив лапы на грудь Тали. Знакомый запах переполнял меня, воскрешая в памяти тот день, когда мы познакомились. Тогда она боролась за жизнь в жестоких водах Быстрой Реки, а я ее спасла. Древние законы Широкой Долины запрещали волкам общаться с людьми, и мне следовало оставить девочку на берегу. Но я не смогла. Взглянув в темные глаза Тали, я поняла, что бросить бедняжку на смерть было бы все равно что оставить в речной грязи часть самой себя. Мы с Аззуеном проводили Тали до дому, и в Долине поговаривали, что именно этот наш поступок привел к осенней битве.

Я прижалась носом к мягкой коже Тали, изо всех сил втягивая ее запах.

– Серебряная Луна, ты воняешь, – сказала девочка, отталкивая меня и садясь.

Я не вполне поняла, что она имела в виду. Накануне мы с Аззуеном и Маррой выкопали из укромного местечка остатки конины и поели, поэтому я не сомневалась, что пахну приятно. Но с людьми никогда не угадаешь. Я склонила голову набок, задумавшись над словами Тали.

– От тебя пахнет, как будто ты вывалялась в падали, – упрекнула та.

Я счастливо запыхтела. Я действительно вывалялась в падали. В старой конине из захоронки. Мы это сделали, чтобы сородичи поняли, что мы поели и кое-что оставили для них. Конина – отличная еда. Я снова прижалась к Тали, чтобы поделиться с ней запахом.

На лице девочки мелькнуло выражение ужаса.

– Серебряная Луна, от тебя воняет! Отойди! – Она снова с силой оттолкнула меня. Ее тощие ручки были сильнее, чем казались.

– Она хочет сказать, что ты плохо пахнешь, – объяснил Тлитоо, усаживаясь рядом и проводя клювом по перьям. Он выдернул одно перышко, рассмотрел его и отбросил в сторону. Теперь, когда мы встретились с людьми, он успокоился, а я пришла в ярость. С утра, когда Тлитоо разбудил нас, он был вне себя. Он твердил, что мы должны убедить людей скрыться, пока он не выяснит, чем заняты верховные волки. Он не объяснил причин – только сказал, что и мы, и люди будем в опасности, если не послушаемся.

– Я знаю, что она хочет сказать! – огрызнулась я, хотя и сомневалась. Некогда люди и волки разговаривали так же запросто, как нынешние волки говорят друг с другом, но те времена минули. Большинство животных способны понимать друг друга хотя бы немного. Мы разговариваем с воронами как с сородичами, и со степными собаками, и с горными медведями, и даже с некоторыми травоядными. Но почти все люди утратили способность слышать других животных. Кое-кто умеет общаться на древнем наречии – языке, на котором некогда говорили все живые существа, – но мало кто понимает нас, когда мы разговариваем как всегда. Бабушка Тали знала и древнее наречие, и наш обычный язык, но она всю жизнь училась у волков. Мы с Тали учили древнее наречие, но получалось плохо. Я почти всегда понимала Тали, а она меня – почти никогда. А нужно было сделать так, чтобы она поняла. Потому-то мы и рискнули прогневать верховных волков. Я обошла Тали кругом, ища способ донести до нее свои слова.

– Слишком поздно, волчишка! – каркнул Тлитоо и круто повернул голову, чтобы посмотреть назад.

Я проследила его взгляд. На краю леса, на расстоянии примерно двухсот волков от нас задрожали кусты. В следующее мгновение на равнину Высокой Травы ступили два огромных косматых волка. Даже издалека я увидела, как они высокомерно скользнули взглядом по нам и по шестерым людям. Яндру и Франдра были верховными волками, которым подчинялась стая Быстрой Реки. Это они выли утром. Я знала их с тех пор, как они

спасли мою жизнь в раннем детстве. Я понятия не имела, хотят ли они помочь мне или припугнуть, но не сомневалась, что они наверняка в ярости, поскольку я не подчинилась приказу. И я не хотела, чтобы они подходили близко к нашим людям.

Я встала. Аззуен и Марра подбежали ко мне. Мы стояли между людьми и разгневанными верховными.

– Что теперь? – спросила Марра.

– Не знаю, – ответила я.

– Рууко и Рисса у кромки леса, – сказал Аззуен, высоко подняв морду, чтобы уловить запах. – Надо отвести верховных подальше от людей, к стае. Рууко и Рисса найдут, что им сказать.

Я-то не была так уверена, но сочла это неплохой идеей. Верховные волки могли долго бежать, не уставая, зато молодняк перегнал бы их на коротком расстоянии. Я хотела отвести Франдру и Яндру как можно дальше от людей. Добравшись до опушки, мы бы уж как-нибудь сумели оправдаться. Я зарысила к Франдре и Яндру, Аззуен и Марра последовали за мной. Мы покрыли расстояние не больше чем в сорок волков, когда услышали крик Тлитоо. Брелан, Миклан и еще кое-кто пытались следовать за нами. Тали приказывала им остаться: она прекрасно понимала, что не следует приближаться к разъяренным верховным. Все знали, что по Долине бродят гигантские волки, но лишь немногим была известна подлинная роль верховных в жизни людей. И верховные хотели, чтобы так оставалось и дальше.

Остальные не слушали Тали, а ей не хватало сил, чтобы удержать сородичей. Тлитоо бил людей крыльями по головам, отгоняя назад, и я им не завидовала. У воронов сильные крылья, и в размахе они достигают размеров волка. Мне достаточно часто доставалось от Тлитоо, чтобы понять, как это больно. Ворону удалось стронуть людей с места, но они шли слишком медленно. Верховные волки приближались.

– Помогите ему, – сказала я Аззуену и Марре.

Мы остановились, чтобы проследить за людьми.

Марра кивнула и побежала к ним, но Аззуен помедлил, явно не желая оставлять меня наедине с верховными.

– Все в порядке, – нетерпеливо сказала я. В последнее время Аззуен с его опекой стал несносен. – Иди же!

Я больше не могла ждать – верховные волки подошли слишком близко. Аззуен сделал еще несколько шагов вслед за мной.

– Живее! – рыкнула я. Он помедлил и обернулся. Его приятель Брелан пытался идти за нами, как Тлитоо его ни бил.

– Будь осторожна, – велел Аззуен, ткнув меня головой в

плечо. Он оглянулся на ходу и крикнул: – Я приду, если будет нужно!

Я фыркнула, услышав тревогу в его голосе, развернулась и быстро побежала. Когда Франдра и Яндру увидели, что я направляюсь к ним, они остановились и выжидающе сели. Я опустила уши и хвост, как будто прося прощения за неповиновение, и заметила, что выражение их морд слегка смягчилось. Но примерно на полпути между ними и людьми я круто повернула и бросилась к опушке леса. Не нужно было оборачиваться, чтобы убедиться, что верховные волки бегут следом. Я поняла это, как только услышала сердитый рык Франдры. Пригнув голову, я выбрасывала ноги как можно дальше, так что из-под задних лап разлеталась грязь.

Теперь, когда я осталась одна, во мне зашевелился страх. Я сосредоточилась на беге, сознавая, что моя задача – сделать так, чтобы верховные не погнались за людьми. К своему облегчению, я почуяла, что наша стая действительно на опушке леса. Когда я уловила ободряющий запах вожаков, в моей груди словно распустился узел – а я до тех пор и не ощущала его.

Я не замедлила бега, достигнув опушки, а нырнула в узкий проход, как раз размером с волка, в низких зарослях можжевельника, выскочила на сборную поляну в урагане веточек и пыли и рухнула у ног вожаков. Задыхаясь, я поднялась на ноги, прижала уши, опустила хвост и быстро поприветствовала Рууко и Риссу, вожаков стаи Быстрой Реки, и Тревегга, старшего волка. Они приняли мое приветствие. Рууко холодно осмотрел меня, так что я ощутила каждую веточку, каждую соринку в своей шерсти.

– Что ты учинила на сей раз, Каала, чтобы рассердить верховных волков? – негромко поинтересовался он. – Мы слышали их вой всю дорогу от Ольховой Переправы. Чтобы прийти сюда, мы пропустили хорошую охоту.

Рууко был огромным широкогрудым волком, покрытым светло-серой шерстью. Хотя он говорил невозмутимо, губы у него напряглись от беспокойства, и от вожака пахло тревогой. Рууко стоял, напружинив мускулистые плечи, словно готовился к бою.

Я взглянула в его темные, обведенные кругами глаза. Даже если бы я сравнялась возрастом с древним тисом на холме Волкоубийце, то и тогда не забыла бы, как Рууко пытался прикончить меня вскоре после рождения. Он убил моих братьев и сестер и изгнал мать, предоставив мне в одиночку бороться за место в стае. Если бы не вмешательство верховных волков, я не прожила бы и одной луны. Никогда не забуду, как он вынудил меня покинуть стаю, когда узнал, что я провожу время с людьми. Изгнание почти наверняка равносильно смертному приговору для

волка, не достигшего еще семи лун. Не проходило и дня, чтобы я не думала о матери и о том, как обернулась бы моя жизнь, останься она со мной. Поскольку три луны назад я спасла жизнь Риссы, Рууко разрешил мне вернуться в стаю и даже был благодарен. Но я все равно никогда не забуду. Я вынужденно слушалась его и поддерживала как вожака, но никогда не любила.

– Тлитоо прилетел к нам на рассвете, – сказала я, стараясь договорить прежде, чем появятся Яндру и Франдра. – Он сказал, что верховные волки передумали. Я хотела предупредить людей…

«На тот случай, если верховные снова решили их убить». Я увидела, что старый Тревегг смотрит на меня, и выпрямилась. Он всегда твердил, что я должна верить в собственные силы.

– Что значит «передумали»? – уточнила Рисса, подходя ближе и становясь рядом со своим спутником. Она была лишь немногим меньше Рууко, с ярко-белой шерстью, столь необычной для волка Широкой Долины. Хотя в пору моего детства Рууко меня избегал, Рисса обращалась со мной как с собственным щенком. Я часто забывала, что мы с Аззуеном и Маррой не из одного помета. Когда три луны назад Риссу чуть не растоптал лось, я, повинуясь инстинкту, прыгнула на него, схватила за нос зубами и отвлекла, чтобы Тали и моя стая смогли его убить. С тех пор Рисса обращалась со мной почти как с равной. Как с сестрой, а не как с подчиненной. Однажды она даже назвала меня именем матери – Нееса. Она была сестрой Риссы, и они всю жизнь провели вместе, пока Неесу не изгнали.

– Не знаю, – признала я. – Тлитоо сказал, что случилась неприятность, что верховные волки идут сюда и что нужно поскорее добраться до людей и предупредить их.

– И ты поверила ворону, не спрашивая? – удивилась Рисса. – Ты достаточно взрослая, чтобы не делать таких глупостей. И мы ведь велели Марре передать, что ты должна нас дождаться.

– В любом случае как ты собиралась предупредить людей? – ехидно поинтересовался кто-то, стоявший справа. – Ты ведь не умеешь с ними разговаривать.

Краем глаза я взглянула на Уннана, от всей души жалея, что Рууко и Рисса не послали его на охоту. Я даже не удосужилась поздороваться с ним. Он был братом Аззуена и Марры – и моим главным врагом в стае. Маленькие, как у хорька, глазки оглядели меня. Не удостоив Уннана ответом, я сказала Риссе:

– Это же Тлитоо. Я ему верю. Вороны обычно не врут про верховных.

Но Рисса уже смотрела не на меня, а в сторону деревьев на восточном краю опушки – оттуда должны были показаться верховные волки. Нос у нее подергивался, уши поднялись

торчком. Рууко зарычал, Тревегг, напрягшись, встал позади вожаков. У всех троих взъерошилась шерсть на загривке. Я услышала, как Уннан хватанул пастью воздух.

Я подняла уши, чтобы понять, что их так напугало, и почувствовала, как напрягся мой собственный хвост. Верховные волки приближались – мы знали, что так оно и будет. Но их было слишком много. От равнины за мной гнались только Яндру и Франдра. А теперь более двух дюжин мощных лап ступали по сухим листьям и веткам. Запах семи верховных волков заполнил поляну, неся с собой ярость и угрозу. В пору моего детства в Долине жили всего трое-четверо верховных, почти сплошь старики. После осенней битвы пришли и другие.

С бешено колотящимся сердцем, на подгибающихся ногах я повернулась в сторону приближающихся волков. Земля задрожала от рыка сородичей, и горло у меня перехватило от страха, так что я не смогла бы заскулить, даже если бы хотела. На мгновение я подумала о бегстве… но осталась стоять рядом со своими, сознавая, что, возможно, это в последний раз. Верховные волки приходили стаей лишь с одной целью – убить тех, кто их прогневал.

Глава 2

Стараясь не обращать внимания на дрожь в лапах, я шагнула вперед. Я не хотела, чтобы мои сородичи погибли из-за моего неповиновения верховным волкам. Рууко, Рисса и Тревегг враз оттолкнули меня, становясь между мной, Уннаном и надвигающейся опасностью. Я запротестовала.

– Ты еще щенок, – ворчливо ответил Рууко, пресекая все возражения. – Быстрая Река защищает своих волчат.

Я неохотно осталась на месте. Раз уж Рууко на что-то решился, переубедить его было невозможно. Я лишь надеялась, что ему не придется умирать за свои убеждения. Если верховные действительно пришли убивать, мы не выстоим против них, даже если впятером примем участие в схватке. Я радовалась, что Иллин, Минн и Веррна остались на охоте. Они – и, возможно, Аззуен и Марра – выживут, если покинут Долину раньше, чем верховные их найдут.

Тревегг что-то шепнул Рууко, когда шум и треск приблизились, и оба взглянули в мою сторону. Старшие волки застыли неподвижно, когда Яндру и Франдра выскочили на прогалину с такой яростью в глазах, что у меня ноги подкосились. В следующее мгновение на опушку выбежали еще пять верховных волков, топча густой можжевельник, надежно скрывающий наше сборное место. Эти пятеро были мне не знакомы. Они тяжело дышали, как будто быстро и долго бежали. Размером они немногим уступали горному медведю. Верховные волки обычно лишь вполовину больше обычных, но пришельцы казались намного крупнее. И у всех у них шерсть на спине и на загривке стояла дыбом.

– Они и без того жуткие. – Аззуен, тяжело дыша, бочком подошел ко мне. Я ему чуть уши не отгрызла. Аззуену следовало быть далеко отсюда, в безопасном месте, а не здесь, где его могли убить. Я заново осознала, что́ наделала – своим опрометчивым поступком поставила под угрозу тех, кого любила больше всего.

Я мрачно уставилась на него, пытаясь взглядом отогнать подальше от опасности.

– Люди в порядке. Твоя девочка и ворон заставили их уйти, – продолжал он, делая вид, что не понимает моего выражения. – А Марра присматривает, чтобы они не вернулись.

– Убирайся! – зашипела я. Но было уже слишком поздно. Верховные волки с рычанием приближались. Трое оттянули губы, обнажив длинные острые клыки. Один засмеялся.

Рууко глухо заворчал и зашагал вперед, отвечая на угрозу.

Тревегг и Рисса неотступно следовали за ним. Аззуен, Уннан и я остались сзади. Я почувствовала, как поднялась шерсть у меня на спине, а из горла вырвался рык. Рууко и Тревегг сделали еще два шага, а Рисса, меньше способная драться из-за больных ребер, чуть отстала. Все трое опустили головы и приподняли зады. Лучшая стратегия для волка, столкнувшегося с более крупным противником, – кусать снизу. Раньше малый волк даже не подумал бы напасть на верховного, но это было до того, как они нам солгали. До того как пришли на нашу землю, готовые убивать.

Долго и напряженно стояли мы, глядя на верховных. Потом Рисса протолкнулась мимо Рууко и Тревегга, скрывая напряженной походкой боль в ребрах.

– Чего вы хотите от нас, верховные волки? – официально спросила она. Я видела, как дрожат под белой шерстью ее бока, как напряжен хвост, опущенный в знак уважения. Рисса явно боролась с желанием поджать его между ног – как, несомненно, поступила я.

Яндру и Франдра двинулись вперед и остановились почти вплотную к Риссе, Рууко и Тревеггу.

– Дура! – прорычал Яндру, глядя мимо взрослых волков на меня.

– Зря мы не позволили им спустить с тебя шкуру! – прошипела Франдра.

У меня пересохло в горле. Я попыталась вздохнуть и поняла, что не могу. Оставалось лишь стоять на месте и ждать, когда Франдра и Яндру возглавят нападение. Но вместо этого, напоследок бросив в мою сторону презрительный взгляд, они обернулись к другим верховным, продолжая стоять напротив нас.

Рисса удивленно фыркнула, а Тревегг и Рууко на мгновение перестали рычать.

Яндру заговорил с волчицей, стоявшей впереди остальных.

– Чего ты хочешь от волка, который находится под нашим покровительством, Милсиндра? – спросил он. – Ты знаешь, что стая Быстрой Реки принадлежит нам.

Волчица по имени Милсиндра была рослой, поджарой, со светло-коричневой шерстью и темными точками в бледно-желтых глазах.

– Если они принадлежат вам, – сказала она, – следите за ними получше. Но вы на это не способны, и всем волкам Долины грозит опасность.

Ее взгляд перебежал с нас на Франдру и Яндру, потом обратно. Она явно оценивала наши силы. Милсиндра кивнула самцу, стоявшему рядом, и они вместе с тремя другими

верховными двинулись вперед, оттянув губы и обнажив клыки. Я почувствовала, как волки вокруг меня напряглись, готовясь к нападению.

Вдруг Милсиндра замерла. Уши волчицы подергивались, нос подрагивал. Она посмотрела на восточную оконечность опушки. Верховные волки чуют лучше, чем мы. Я проследила ее взгляд.

К опушке направлялся еще один огромный волк. Он шел медленнее прочих, тяжелыми неторопливыми шагами. Все на поляне, верховные и малые, замолчали, наблюдая за старым худым верховным волком, который появился из зарослей можжевельника справа от Милсиндры и ее соратников. Зориндру, древний старик, возглавлявший верховных волков Широкой Долины, спокойно вышел на опушку, как будто забрел на сборное место просто так, погулять. Он с любопытством посмотрел на мокрую мягкую землю, на гладкие камни, на густой можжевельник и высокие сосны, а потом, наконец, на пятерых верховных, которые собирались на нас напасть, и склонил голову набок, словно от удивления.

– Милсиндра, – сказал древний волк голосом, который звучал как треск сухих веток под лапой, – разве я не просил подождать меня?

Милсиндра быстро отступила на два шага. Не знаю, как Зориндру удавалось внушать трепет. Он был старше Тревегга, прожившего девять зим. Зориндру уже был стар, когда отец Тревегга водил стаю Быстрой Реки. Милсиндра и ее соратники достигли самого расцвета сил. Но Зориндру лишь приподнял седую губу, и верховные волки съежились, как виноватые щенята. Я почувствовала, как расслабились мои сородичи – у Риссы опустились лопатки, Рууко перевел дух. Аззуен рядом со мной шумно выдохнул, взъерошив шерсть у меня на морде. Спазм прошел, и я набрала полные легкие воздуха.

Милсиндра встряхнулась и, словно в отместку за то, что ей пришлось отступить, зарычала на Зориндру.

– Мы имеем право быть здесь, – сказала она. – Нам обещали, что мы сами сможем посмотреть.

– На что посмотреть? – прокричал сверху хриплый голос.

Тлитоо взглянул на нас с низкой сосновой ветки, прямо над головой Милсиндры. В одной лапе он держал довольно крупный камень, а на развилке меж двух ветвей сложил еще несколько.

– Ты раньше не видела волков? Да их полно в Долине.

– Я хотела увидеть этого щенка! – огрызнулась Милсиндра, подозрительно посматривая на Тлитоо. – Заносчивого волчонка, который нарушает правила и получает за это похвалы!

– Ну так посмотри, – сказал Зориндру и нашел взглядом

меня, притаившуюся позади Тревегга. – Выйди вперед, волчица.

Хотя я и тряслась от страха, было приятно, что меня назвали волчицей, а не щенком. Аззуен прижался ко мне и быстро коснулся носом. Рууко кивнул и слегка отодвинулся в сторону, позволяя пройти.

– Это она? – спросила Милсиндра с откровенным сомнением, наклонив желто-коричневую голову к Зориндру. – Ты намерен доверить наше будущее какому-то волчьему объедку?

– Этот волчий объедок остановил битву, которой, по твоим словам, невозможно было помешать, – произнес Зориндру. – И Совет решил дать ей год на то, чтобы волки и люди Долины научились жить мирно вместе. Ты знаешь, Милсиндра.

– Я всегда была против. Я бы никогда не позволила полукровке выполнять миссию, которая принадлежит верховным волкам. Она загубит все, что мы сделали! – Волчица опустила голову и обнажила зубы. Трое из четверых волков, стоявших рядом с ней, зарычали. Я почувствовала, как Рууко, Рисса и Тревегг напряглись за моей спиной.

– Хватит! – велел Зориндру. – Ты входишь в Совет, Милсиндра, а значит, связана его правилами. Или ты хочешь сразиться со мной? Здесь и сейчас?

Милсиндра переступила с ноги на ногу. На мгновение казалось, что она и впрямь нападет. Один из верховных – тот, что не рычал вместе с остальными, – подтолкнул Милсиндру бедром и взглянул на нее краем глаза. Он был не ниже ростом, но сложен крепче и с почти такой же светлой шкурой, как у Риссы.

– Мы хотим того, что будет лучше для волчьего рода, – сказал он примирительно, низко опустив хвост. – Слишком рискованно доверять людей малым волкам. Особенно недоростку… – Он помедлил. – А тем более – волку, который приносит несчастье. Этот щенок опасен.

Сверху упал камень, стукнув верховного по голове. Волк подскочил и посмотрел на Тлитоо, который держал наготове второй камень. Ворон раскинул крылья, так что я успела заметить белый полумесяц на нижней стороне левого крыла, и каркнул:

Каждый ворон знает:
Верховные говорят больше, чем думают.
Крепки их лбы!

Кто-то за моей спиной засмеялся. Я быстро взглянула на Зориндру. Он пристально смотрел на говорившего.

– Спасибо, Кивдру, – наконец произнес он. – Я рад, что ты сознаешь риск своих действий.

Кивдру опустил глаза.

Верховный волк Яндру, который молчал с тех пор, как Зориндру вышел на опушку, шагнул вперед. Я затаила дыхание. Они с Франдрой, хранители стаи Быстрой Реки, должны были отвечать за наши поступки. Они стояли рядом с нами, против остальных верховных. Но это не значило, что они не пойдут против нас, как случилось в конце осени.

– Сам знаешь, нужно что-то делать, Кивдру, – сказал Яндру. – Я не больше, чем ты, хочу прибегать к помощи этой юной волчицы. Она опрометчива и непочтительна. Но люди перестали слушать наших посланцев, мы обязаны найти другой способ и напомнить им, что они – часть природы, как и прочие животные.

– Мы всю зиму об этом говорили! – рыкнул Зориндру. – Есть лишь один способ сохранить Равновесие! Если Каала справится, мы добьемся некоторого успеха с людьми. Если нет – будет не хуже, чем раньше. Мы ничего не потеряем, если попробуем.

– Мы потеряем все! – огрызнулась Милсиндра. Я обрадовалась, что между мной и ее зубами стоит Зориндру. – Ты знаешь, что именно верховные волки должны присматривать за людьми. Ты это знаешь, Зориндру!

Она с вызовом взглянула на старого волка, как будто подзадоривая сказать или сделать что-нибудь. И на сей раз Зориндру неловко переступил с ноги на ногу. Он ничего не ответил, и Милсиндра удовлетворенно усмехнулась. Что-то происходило между ними, но я не знала, что именно. Аззуен нетерпеливо фыркнул, как всегда, когда хотел и не мог спросить.

– Именно мы поставлены хранить людей, – продолжала Милсиндра. – Недопустимо поручать это слабовольным малым волкам. А что касается вашего щенка, то все мы знаем, что она пришла погубить нас. Мы гневим Древних, позволяя ей жить, не говоря уже о том, чтобы наделять властью!

Я поежилась. С самого моего рождения многие волки верили, что я – легендарное существо, рожденное, чтобы спасти или погубить волчий род. И всё потому, что у меня смешанная кровь. Поколение за поколением верховные запрещали волкам Широкой Долины спариваться с чужими. Они хотели, чтобы наша кровь оставалась чистой, потому что пытались вывести волков, которых не влекло бы к человеку. Каждые несколько лет они позволяли какому-нибудь волку из Широкой Долины спариться с чужаком, чтобы мы оставались сильными и у нас не рождались щенки-уроды, но никто не имел права делать это без разрешения. Мой отец был чужаком, и моей матери никто не давал позволения завести от него щенков. Вот почему Рууко убил моих братьев и сестер и изгнал мать. Легенда гласит, что однажды на свет

появится полукровка, который либо спасет, либо уничтожит волчий род, и на нем будет знак полумесяца. У меня именно такой знак – спинкой книзу, рожками кверху. Это необычная метка для волка, и за всеми волками, у кого она есть, внимательно следят. Из-за нее и из-за моей смешанной крови Франдра и Яндру сохранили мне жизнь – и именно из-за этого некоторые верховные до сих пор желали моей смерти.

Милсиндра яростно взглянула на старого волка и копнула лапой грязь.

– Глупо, Зориндру! И слишком рискованно!

Я удивленно посмотрела на нее, не в силах поверить, что она назвала поступок вожака глупым.

– Я слышал твои возражения, Милсиндра. И твои, Кивдру, – сказал Зориндру. – Вот почему Совет согласился на ваши условия. Но решение остается в силе. Вы видели эту молодую волчицу. Я выполнил ваше желание. Теперь возвращайтесь на свою территорию – или бросайте мне вызов и принимайте последствия.

Милсиндра отвела взгляд и злобно уставилась на меня.

– Ты несешь беду, волчица, – сказала она. – Лично я думаю, что надо убить тебя сейчас же, чтобы не пришлось возиться потом и вдобавок подчищать за тобой. – Она вздернула подбородок. – Впредь пускай соблюдает условия, Зориндру, иначе кто-нибудь ответит на твой вызов. – В глазах верховной волчицы мелькнуло лукавство. – Посмотрим, как пойдут дела, когда ты начнешь жить с людьми.

Милсиндра покачала головой, развернулась и зашагала прочь вместе с четырьмя верховными, поддержавшими ее против Зориндру. Я наблюдала за старым волком, когда вдруг услышала сердитый взвизг и увидела, как от ляжки Милсиндры отскочил камень. Она зарычала и посмотрела вверх, на дерево, где сидел Тлитоо и чистил перья клювом. Он наклонил голову набок и взглянул на нее. Милсиндра заворчала, но когда ворон взял новый камень, скрылась в зарослях.

Даже деревья как будто облегченно вздохнули, когда разгневанные верховные волки покинули опушку. Мои ноги решили, что с них хватит, и я плюхнулась наземь.

– Что это было? – спросила Рисса, глядя вслед верховным. – Даже Милсиндра обычно не такая злая.

Франдра потянулась и вскочила на сосновый пень, с которого мы обычно обозревали окрестности.

– Все из-за вашей молодой волчицы, которая отказывается выполнять приказы, – сказала она. – Я думала, ты хорошо воспитываешь своих щенков, Рисса.

Зориндру заговорил, прежде чем та успела ответить на

оскорбление.

– Рано или поздно Милсиндра и Кивдру что-нибудь устроили бы. И все-таки ты должна была нас подождать, Каала. Не окажись я поблизости, Милсиндра могла бы всерьез повредить стае. Убить твоих сородичей.

– Говорят, вы передумали, – сказала я.

Зориндру неожиданно улыбнулся во всю пасть.

– Да, – ответил он. – Вижу, во́роны обо всем разболтали. Казалось бы, я должен уже научиться смотреть на деревья, прежде чем говорить о чем-нибудь, что я хотел бы сохранить в секрете.

Тлитоо покинул свой насест, опустился наземь передо мной и постоял, глядя на Зориндру. Голова ворона доходила мне до подбородка. Он всегда занимал эту позицию, когда думал, что я нуждаюсь в защите.

– Ты сам сказал, – каркнул он.

– Да, – ответил Зориндру. – Впрочем, если бы ты подождал, то услышал бы все. Но ты слишком поспешно улетел.

Тлитоо возмущенно каркнул. Зориндру устремил на него усмиряющий взгляд, который так устрашил Милсиндру. Тлитоо, нимало не впечатленный, моргнул в ответ. Старый волк рассмеялся.

– Очень хорошо, – сказал он. – Я расскажу, что бы вы услышали, если бы Каала пришла к нам сегодня утром, как и следовало.

Зориндру потянулся, и я услышала, как хрустнули старые суставы. Рууко и Рисса быстро вышли вперед, чтобы проводить его на лучшее место для отдыха на полянке – мягкую кучку земли рядом с сосновым пнем, на который вскочила Франдра. Та быстро спрыгнула, чтобы не стоять выше вожака, и села рядом с Зориндру. Яндру устроился с другой стороны, как будто защищая старого волка. Тлитоо занял место Франдры на пне. Когда остальные неловко расселись вокруг, Зориндру долго смотрел на меня, а потом заговорил:

– В конце осени, Каала, я не знал, какое влияние твои поступки окажут на Совет верховных волков. Когда ты прекратила битву на равнине Высокой Травы и когда я убедил Совет на год сделать тебя блюстителем мира в Долине, на сторону Милсиндры перешло еще больше волков.

Он помедлил, и тогда заговорил Яндру. Я уловила возмущение в его голосе.

– Бо́льшая часть Совета считает, что малые волки не способны нести ответственность за людей. Они думают, у тебя ничего не получится, и то, что ты делаешь, принесет волкам много бед…

– Ты же обещал! – крикнул Тлитоо, перебивая верховного. – Ты обещал дать малым волкам год. А теперь отказываешься, теперь вы передумали. Это нечестно!

Верхозлюки говорят одно,
А делают другое.
Они всегда лгут!

Яндру и Франдра зарычали на ворона. Он подхватил клювом веточку и бросил в них.

– Совет верховных – это двадцать волков и я, ворон, – устало сказал Зориндру. – Моя власть над ними не безгранична. Милсиндра и Кивдру хотят занять место вожака с тех пор, как восемь зим назад умерла моя спутница.

Грусть, мелькнувшая на морде старого волка, заставила меня потупиться. Когда я подняла голову, Зориндру уже обрел прежнее бесстрастие. Яндру и Франдра с презрением посмотрели на Тлитоо.

– Милсиндра всю зиму укрепляла страх Совета, – спокойно продолжал Зориндру, и я подумала, что, должно быть, его тревога мне почудилась. – Она убедила многих, что мой ум слабеет и что я больше не в силах нести ответственность за волков Широкой Долины и за их участие в судьбе всего волчьего рода.

– Лично я не думаю, что твой ум ослаб, – заметил Тлитоо. Он спрыгнул с пня, встал рядом с верховными волками, поколебался мгновение, а потом потянулся и провел клювом по груди Зориндру. Я никогда не видела, чтобы ворон просил прощения, но, видимо, Тлитоо сделал именно это.

– Спасибо, друг мой, – серьезно произнес Зориндру. Рисса усмехнулась. Тлитоо взмахнул крыльями и вернулся на свой наблюдательный пост. Стоя на пне, он зашипел на Франдру и Яндру и сердито оглядел сборную поляну.

Зориндру продолжал:

– Приверженцы Милсиндры недостаточно сильны и уверены в себе, чтобы бросить мне вызов прямо сейчас. И они не заставят меня отказаться от обещания, которое дал Совет.

– Но?.. – спросил старый Тревегг, внимательно наблюдая за верховным.

– Но они противятся моей власти, и этого достаточно, чтобы Милсиндра могла торговаться об условиях и требовать испытания. – Серьезность покинула морду Зориндру, и он усмехнулся. – Или скорее я сам его предложил, но внушил Милсиндре, что это ее идея.

– Какое испытание? – спросила я, чувствуя, как что-то

сжимается в животе. Разве недостаточно было того, что я, неполных десяти лун от роду, остановила битву между волками и людьми? Даже с обещанной помощью стаи задача оказалась не из простых.

– Совет говорит, что недостаточно просто хранить мир в течение года. Волки и люди могут воздерживаться от ссор условленный срок, просто держась друг от друга подальше, а потом снова начнут сражаться.

– Я не согласна! – Я встала, слишком взволнованная, чтобы сидеть. – Я хочу быть рядом с людьми.

Укоризненный взгляд Зориндру заставил меня замолчать. Он несколько секунд не отводил его, прежде чем продолжить:

– Совет постановил, что в течение года волки должны жить с людьми как члены одной семьи, одной стаи.

Мы все в изумлении уставились на него.

– Две стаи станут одной! – прокричал Тлитоо со своего пня.

– Так говорила и Ниали, – произнесла я, вспомнив слова бабушки Тали. – После битвы Высокой Травы она сказала, что две стаи должны стать одной – это единственный способ сохранить мир между волками и людьми.

– Но потом ты сказал нам, что Совет никогда не согласится, – напомнил Тревегг. – Что верховные никогда не позволят волкам жить с людьми и нужно найти другой способ. Что же изменилось?

Я почти не слышала старика, охваченная внезапным приступом ярости. Это были мои люди. Именно я примирила волков и людей. Я рисковала всем, чтобы быть с ними, а меня изгнали из стаи и прозвали «дрельшик» – проклятый волк. Я рисковала жизнью. А теперь верховные волки сами приказывают нам жить вместе с людьми – то есть сделать именно то, чего я и добивалась с самого начала.

Потом я почувствовала облегчение. И все? Это и есть испытание? Жить с людьми? Разумеется, к ним пойду я. Конечно, я, а кто же еще? Я знаю людей лучше всех.

– Перестань чваниться! – рыкнул Рууко. Я поняла, что стою, подняв уши, а мой хвост виляет словно сам собой. Я быстро поджала его между ног, но он снова задрался. Хвост Аззуена застучал по снегу. Уннан тихонько зарычал.

– Щенки, – проворчал Рууко. – Мы должны доверить это дело щенкам?

Ярость в голосе Рууко удивила меня. Он всегда тщательно следовал правилам этикета, когда разговаривал с верховными, даже если был не согласен. Я и не думала, что однажды услышу, как он возражает главному верховному волку Широкой Долины.

– И что же нам делать? – поинтересовался он. – Скорее мы

отрастим крылья и научимся летать, как вороны, нежели люди впустят нас в свои жилища.

– Я еще не придумал, – признался Зориндру, – но я бы не согласился на испытание, если бы не считал, что у вас нет шансов на успех. Если ты хочешь сохранить стаю, Рууко, найди какой-нибудь способ. – Он пристально взглянул на вожака. – Нельзя жить так, как будто ничего не изменилось.

– Мы и не собираемся, верховный волк, – сказала Рисса. – Но Рууко прав. Люди никогда не будут доверять нам настолько, чтобы впустить в свое стойбище.

Тлитоо каркнул в наступившей тишине:

– Я слышал больше. Верховолки сказали еще кое-что…

Зориндру вздохнул:

– Ну что ты слышал?

– Они сказали, что малые волки слабы. Что они станут рабами людей. Что таков парадокс природы. Малые волки потерпят неудачу, и лучше перебить их всех, чем подвергнуть риску подлинную волчью суть. Я слышал. Верховные говорили громко.

Парадокс природы. Вот почему волки и люди никогда не могли поладить. Чтобы люди не уничтожили все вокруг, наши предки пообещали жить бок о бок с ними. Но каждый раз, когда волки и люди оказывались рядом, они начинали ссориться.

– Верхозлюки сказали, что волки перестанут быть волками, – добавил Тлитоо. – Я не понял. А чем же тогда станут волки?

– Если позволить волкам чересчур раболепствовать перед людьми – а именно этого и требуют люди, – объяснил Яндру, – то мы потеряем нечто очень важное, частичку души, которая присуща каждому волку и является частью Равновесия. Мы больше не будем волками. Вот почему есть два рода волков – верховные, которые присматривают за людьми, и вы, малые волки. Одни хранят человека, другие берегут волчье наследие для будущих поколений. Так решил сам Индру.

Индру был вожаком стаи, от которой произошли все волки Широкой Долины. Волк, заключивший договор с Древними ради спасения волчьего рода.

– Вот почему, – продолжал Яндру, – большая часть Совета не хочет, чтобы малые волки связывались с людьми. Не им назначено быть хранителями.

Он слегка повернул голову, чтобы краем глаза взглянуть на Зориндру.

Тот, казалось, хотел что-то сказать, но остановился, щелкнув зубами.

– Значит, волки должны прожить год с людьми? – заключила

Рисса, не дождавшись ответа Зориндру.

– Да, – произнес старый волк. – У вас есть три луны, чтобы войти в их жилища, после чего вам надлежит провести с ними год.

– Ты нам поможешь? – спросила я.

– Не могу. Иначе Совет скажет, что это я, а не вы присматривали за людьми. Вы не увидите меня, пока не справитесь со своей задачей – или не потерпите поражение.

Радость при мысли о том, что мне разрешили жить с людьми, улетучилась.

– А что, если я не смогу? – прошептала я. – Если не справлюсь?

И тогда ответила Франдра:

– Совет поступит так, как решил в конце осени. Верховные признают эксперимент в Широкой Долине неудачным и перебьют всех здешних волков и людей. Мы попробуем еще раз где-нибудь в другом месте. С малыми волками, которые будут делать то, что им велят.

– И которые в состоянии управлять своими щенками, – добавил Яндру.

– Это правда? – спросила я у Зориндру.

– Да, – ответил он. – Если ты не справишься, я потеряю главенство в Совете, и Милсиндра поступит так, как захочет. Если ты потерпишь неудачу здесь, в Широкой Долине, мы убедимся, что малые волки не могут быть хранителями человека и что волкам и людям не суждено жить вместе. Пойми, – сказал старый верховный волк, – те члены Совета, которые слушают Милсиндру, согласились на испытание, поскольку они уверены, что ты не справишься. Они думают, что если волки сходятся с людьми, то непременно ссорятся с ними или становятся их рабами. Ты должна доказать, что Милсиндра ошибается.

Аззуен переступил с лапы на лапу и перевел взгляд с Рууко и Риссы на Зориндру.

– Я знаю, – сказал он. – Знаю, что делать.

Мы дружно взглянули на него. Я думала, кто-нибудь из старших выбранит Аззуена за то, что он первым заговорил с вожаком верховных, но они молчали. Аззуен уже приобрел славу самого смышленого волка Быстрой Реки. Даже в других стаях знали, какой он умный.

– Я вспомнил, что Зориндру сказал про Милсиндру, – продолжал Аззуен, бессовестно льстя старому волку. – Мы не будем проситься к людям. Мы сделаем так, чтобы они сами пригласили нас. Пусть думают, что это их идея.

Рууко посмотрел на Аззуена так, как будто тот облысел.

Франдра, Яндру и Уннан расхохотались. Но Зориндру склонил голову набок.

– Объясни, – потребовал он и снова сел, когда Аззуен заговорил.

Глава 3

Замысел Аззуена был прост. Волк, который ищет себе новую стаю в Широкой Долине, приносит вожакам в подарок мясо. Таким образом он не только выражает уважение, но и доказывает, что умеет охотиться и станет ценным пополнением в стае. Аззуен предложил принести дары людям. Трое верховных волков молча выслушали его и разрешили нам попробовать, наказав мне прийти к Франдре и Яндру спустя четверть луны и рассказать, сработал ли наш план. Они, в свою очередь, пообещали поговорить с Ниали, которая, как я надеялась, все объяснит Тали.

Я и не думала, что остальные так легко одобрят замысел Аззуена.

Но гораздо сложнее было сговориться, каким образом его воплотить.

Мы с Маррой и Аззуеном хотели взять Миклана, Брелана и Тали на охоту и принести добычу целиком в человеческое стойбище. Мы намеревались втроем остаться жить с людьми. Но Рууко и Рисса отвергли оба плана. Они молча посмотрели вслед Зориндру, Яндру и Франдре, покидавшим сборную поляну, после чего сошлись с Тревеггом и принялись шептаться. Я пыталась подслушать, о чем они говорят, но ветер дул в другую сторону. Наконец они перестали шушукаться и подозвали нас.

– Охотиться с человеческим молодняком – ненадежный способ, – сказала Рисса, обнюхивая можжевельник, примятый верховными. – У нас всего три луны, чтобы завоевать доверие людей. У вас ушло едва ли не столько же времени, чтобы завалить с ними одного-единственного оленя. Кто поручится, что теперь вам повезет больше?

– И как вы объясните людям, что намерены помогать им на охоте? – добавил Рууко, присоединяясь к Риссе на краю поляны. – Ваша девочка не имеет голоса в своей стае и никого не убедит. Вдобавок вы говорите, что они больше не слушают стариков.

Все это было правдой, и я приуныла. Уннан ухмыльнулся. Тлитоо постучал клювом по камню, чтобы привлечь наше внимание.

– Волки, – пробулькал он.

– И потом, вы, щенки, не можете одни идти к людям, – сказал Рууко, не обращая внимания на ворона. – Вы слишком мало знаете и наделаете ошибок. Пойдет Каала, и с ней мы пошлем кого-нибудь постарше.

Я вспыхнула. Если бы мы предоставили дело старшим, осенью верховные перебили бы всех. Я нуждалась в помощи

вожаков, но как же меня злило то, что они, по их мнению, управлялись с людьми лучше нас.

– До сих пор мы и сами отлично справлялись! – Я что есть сил пыталась говорить спокойно. – Мы с Аззуеном и Маррой вполне способны руководить людьми.

– Вы справляетесь только с самыми младшими, – произнесла Рисса, потягиваясь на солнышке, которое начало припекать поляну. – Любой молодняк охотно пробует новое. Но со стариками – с теми, у кого власть, – будет потруднее.

Она сказала это так снисходительно, что у меня зачесались зубы.

– Волки! – каркнул Тлитоо, на сей раз громче.

– И нужно заручиться поддержкой других стай, – добавил Тревегг. Он занял лежку Зориндру возле пня. – Даже если их выживание зависит от нашего успеха, им не понравится, что дело поручено трем щенкам.

– Мы пошлем с Каалой Тревегга, – сказал Рууко, кладя конец спорам. – Но в любом случае мы еще не решили, каким образом отнести людям мясо. Если просто войти в стойбище, даже с мясом, они испугаются.

Аззуен сидел молча, разобиженный тем, что ему не позволили пойти к людям.

– Есть способ, – сказал он с ноткой нетерпения, как будто досадуя, что никто больше до этого не додумался. Я впервые услышала в его голосе непочтительность к старшим.

– Какой? – предостерегающе спросил Рууко.

Вместо Аззуена ответил Тлитоо, встав между Рууко и Риссой.

– Не нужно никуда идти, ворчун. Мы приведем людей к вам.

– С какой стати им за вами следовать? – спросил Рууко.

Тлитоо вынул из шерсти Риссы жучка и проглотил его.

– Мы много раз приводили людей к добыче, – сказал он. – Как и вас.

Вороны часто приводят волков к добыче, живой или мертвой. Они способны найти ее гораздо быстрее, чем мы, но не могут убить лошадь или оленя. Хотя у них сильные клювы, воронам трудно пробить толстую шкуру, чтобы добраться до мяса. Когда они показывают нам добычу, мы убиваем ее или раздираем падаль, а потом делимся с воронами. Я всегда думала, что с ними дружим только мы. Рууко, видимо, тоже так считал.

– Вы приводите людей к добыче? – переспросил он. – Когда волкам самим порой не хватает еды?

– Мы помогаем людям, когда нам от этого есть прок, – ответил Тлитоо. – Они оставляют больше мяса, чем вы, и недостаточно проворны, чтобы поймать ворона. Вы думаете, мы

станем голодать всякий раз, когда вы плохо гоняете дичь?

– Ты об этом знал? – спросил Рууко у Аззуена.

– Я один раз следил за ними, когда ходил к племени Брелана, – признал тот, назвав человеческую стаю на их манер. Человек Аззуена, Брелан, и его брат Миклан принадлежали к племени, жившему в половине дня пути от стойбища Тали.

– Я видел, как вороны привели людей к антилопе, которая свалилась с обрыва и умирала, – продолжал Аззуен, задрав нос и рискуя нарваться на неприятности за грубость. – Потом я расспросил Тлитоо.

– Вам нужна помощь или нет? – уточнил ворон, расправляя крылья. – Если нет, я найду тех, кому нужна. Например, стаю Скалистой Вершины или Древесной Тропы.

– Да, – перебил Тревегг, прежде чем Рууко успел ответить. – Мы охотно примем помощь воронов. Это честь для нас.

Тлитоо ненадолго задумался.

– Так я и скажу своим друзьям. Мы приведем людей. Да, волк, ваших людей, – добавил он, когда я открыла рот. – Я знаю, где они. Они почти такие же глупыши, как и волки. – Ворон снова обернулся к Рууко. – Когда добудете что-нибудь покрупнее земляной белки, я к вам прилечу.

Он улетел, а мы принялись строить планы.

Через два дня я положила кусок оленьей брюшины на груду мяса, которое мы откладывали для людей. Иллин и Минн отгоняли воришек от остатков туши северного оленя. Гиен, разумеется. Они всегда появлялись первыми, когда кому-то удавалось что-нибудь добыть. Минн и Иллин были молодыми волками – всего на год старше нас, щенков. Иллин помогала мне в детстве и убеждала не сдаваться, в то время как другие члены стаи думали, что я умру маленькой. Многие считали, что эта сильная волчица однажды станет вожаком. Минн любил задираться, и я держалась от него подальше. Они бегали быстрее старших и были крупнее нас, поэтому в их обязанности входило отпугивать падальщиков. Именно они пригнали оленей от Ольховой Рощи на Великую Равнину – огромную, плоскую, поросшую травой, пыльную, полную высоких скал в форме полумесяца. Один олень отстал от стада и совершенно выбился из сил, добравшись до Великой Равнины. Мы без труда его убили и съели лишь кое-какие лучшие части – вкусные внутренности и жирное брюхо. И немного отложили на потом. Остальное должно было пойти людям.

Пока Иллин и Минн отгоняли гиен, я побежала к Тревеггу, стоявшему над тушей. Веррна – помощница Рууко и Риссы – была рядом и жаловалась, что приходится тратить такое хорошее мясо

на людей.

– Они этого не оценят, – проворчала она, наблюдая, как Рууко отложил в сторону огромный жирный кусок. Глаза на покрытой шрамами морде Веррны беспокойно метались. Она родилась не в стае Быстрой Реки, а присоединилась к ней уже трехлеткой. Взрослую самку редко принимают в новую стаю – она представляет чересчур большую угрозу для спутницы вожака. Веррна была необыкновенно сильной и стойкой – превосходная ищейка, которая никогда не уклонялась от драки или вызова. Она стала ценным пополнением в стае. Видимо, Рисса ничуть не сомневалась в собственной силе, раз уж позволила Веррне остаться. Никто не рассказывал нам, щенкам, откуда у Веррны эти шрамы, и никому недоставало смелости спросить. Веррна легко выходила из себя.

Тревегг рассмеялся.

– Не жадничай, ты не щенок. Я видел, как ты съела два больших куска печенки. И потом, осталось еще много грезлина.

Грезлином мы называем лучшую часть добычи – внутренности и брюшной жир, которого так хотелось Веррне.

– И все равно… тратить мясо на тупоголовых людей… – проворчала Веррна.

– Мы ничего не добьемся, если принесем им одни хрящи и кости, – сказал Тревегг. В его глазах зажегся лукавый огонек. – Но я готов побиться с тобой об заклад.

– О чем, старик? – спросила она, неохотно растягивая пасть в улыбке. Я лишь недавно узнала, что взрослые волки в нашей стае любили держать пари.

– Ставлю свою часть грезлина из следующей добычи, что, когда мы шесть раз принесем людям хорошее мясо, они пригласят нас в свои жилища.

Веррна фыркнула.

– Не хочу лишать старого волка пищи, – сказала она. – Понадобится самое малое двадцать раз, прежде чем мы подойдем к человеческим кострам хотя бы на расстояние чиха.

– Спорим! – потребовал Тревегг, виляя хвостом. – О-о, я вкусно поем!

Я изумленно смотрела на них. Как можно спорить на нечто столь важное?

С усмешкой, при виде которой мне стало очень приятно, что я не добыча, Веррна схватила огромный кусок брюшины и потащила в заросли. Тревегг наблюдал за ней, и на мгновение смех на его морде сменился тревогой. Поймав мой взгляд, он ткнул меня носом в ребра, бросился к туше и принялся помогать Рууко и Риссе тащить оленя в чащу. Я двинулась следом, но не

успела сделать и шага, как крики воронов предупредили о приближении людей.

Рууко резко тявкнул. Тревегг выпустил тушу, и мы вместе кинулись к груде мяса, предназначенной для людей. Мы сложили мясо на ярко освещенной прогалине, чтобы люди непременно на него наткнулись. Туша лежала на самом краю равнины, слева, на расстоянии тридцати волков. Мы хотели, чтобы люди увидели убитого оленя и поняли, что мы загнали дичь, которую и предлагаем им. А еще мы намеревались забрать с собой то, что осталось от туши. Рисса сказала: нет нужды проявлять чрезмерную щедрость.

Веррна и Уннан выскочили из леса и вместе с Риссой стали на страже над тушей. Рууко оставил их там и вместе с остальными спрятался в тени огромного валуна справа, на расстоянии двадцати волков от кучи мяса. Рисса сказала, что если люди увидят нас скопом, то слишком испугаются, чтобы принять подарок. Крутой склон и высокая трава вокруг позволяли стае наблюдать за людьми, оставаясь незамеченной, могли послужить защитой, если бы люди вздумали атаковать, и скрывали от слабых человеческих глаз. Иллин и Минн стерегли Аззуена и Марру, которые недвусмысленно выражали обиду, оттого что им не позволили пойти к людям. Рууко пристроился на самом краю скалы, готовый прийти на помощь, если понадобится. Стая ждала.

По равнине пронесся порыв ветра, и я почувствовала сильный запах можжевельника, волка и дыма. Я столько раз надеялась его учуять, что поначалу решила: мне мерещится. Я потрясла головой, чтобы отогнать запах, но он стал лишь крепче. Ошибиться было невозможно. Запах исходил откуда-то сзади. Не отрывая ног от земли, я обернулась как можно дальше.

– Каала, – зашипел Тревегг, – внимательнее. Ты не волчонок, чтобы отвлекаться на ветерок. Неужели мне придется сказать Рууко, что ты не готова пойти вместе со мной к людям?

Я с трудом удержала разочарованный рык. Я должна была следовать за этим запахом, но мы ведь условились отдать людям мясо. Ветер утих, и запах пропал. Я опустила уши, подчиняясь Тревеггу, и сказала:

– Прости.

Он уже собирался добавить еще что-то, когда звук человеческих шагов подсказал нам, что люди уже близко. Тревегг сердито взглянул на меня, и я поняла, что потом-то он отведет душу.

Люди, выйдя из зарослей, оказались на расстоянии каких-нибудь сорока волков от того места, где мы ждали, – почти прямо передо мной и Тревеггом. Тлитоо, верный слову, привел Брелана,

Тали и еще нескольких. Он летел над головами и кричал, а потом приземлился прямо под ноги одному из них, рослому, крепкому молодому самцу. Тот споткнулся и рухнул на четвереньки, выронив две острые палки, которые нес. У остальных было по одной. Самец встал, яростно глядя на ворона. Рядом с Тлитоо опустился сородич и немедленно начал прихорашиваться.

На охоту вышли как молодые, так и взрослые – довольно опасные на вид. Я знала: если мы хотели исполнить свою задумку, нужно было постараться, чтобы нас приняли старшие, но я впервые испугалась людей – испугалась того, что мы собирались сделать. Я встретилась глазами с Тали и слегка расслабилась под ее теплым взглядом. Тем не менее я радовалась, что рядом со мной Тревегг.

Один за другим люди замечали нас. Негромкий разговор прервался. Кое-кто попятился, многие вскинули острые палки. Я увидела, как маленький мальчик, дрожа, поднял с земли камень. Брелан что-то шепнул ему. Мальчик опустил руку, бросил камень и улыбнулся. Мы с Тревеггом взяли по большому куску мяса, осторожно сделали несколько шагов навстречу людям и остановились.

Поджарый сильный самец шагнул к нам. Я впервые увидела его, когда мы несколько лун назад ходили к людям воровать еду. Вожака племени Тали звали Халин. Он не был самым крупным или сильным, но держался гордо. Судя по тому, как остальные на него смотрели, они уважали Халина. От вожака слегка пахло страхом и гневом, но в основном – решимостью. Я узнала этот запах. Он значил готовность защищать сородичей любой ценой. Так пахло от Рууко и Риссы, когда стае что-то угрожало или когда мы собирались охотиться на опасную дичь. Некоторые волки говорят, что люди понятия не имеют о семье, что они себялюбивы и не заботятся друг о друге. Когда я увидела, как человечий вожак шагнул вперед, несмотря на страх, я поняла, что они не правы.

Запах страха усилился, когда Халин двинулся к нам, но я заметила его быстрый внимательный взгляд на мясо, которое мы несли. Зима еще не закончилась, и от голода люди похудели. Шкуры животных, которыми они прикрывались от холода, свободно висели на телах, а некоторые и вовсе походили на волков из стаи Мышеедов, которые едва пережили зиму. Казалось, Халин пытался решить, бежать ли им, драться или посмотреть, что будет дальше. Всем волчьим вожакам приходится бороться со страхом, если они намерены накормить свою стаю, поэтому волки должны находить середину между боязнью опасности и необходимостью поесть. Я как зачарованная

наблюдала за человеческим вожаком, который сомневался, подпускать ли нас к своим сородичам, и в то же время хотел взять мясо, которое мы несли. Люди так походили на волков, что у меня шерсть на морде встала дыбом.

Тревегг тихонько фыркнул и легкой рысью направился к людям. Я – за ним. Мы держали мясо повыше, чтобы оно не волочилось по земле, но при этом не поднимали уши, чтобы не походило на угрозу. Коренастый самец, которого свалил Тлитоо, заговорил с Халином – гораздо громче, чем было нужно.

– Я их остановлю, если скажешь, Халин, – произнес он, крепко сжимая в обеих руках по острой палке. Судя по тому, как он стоял, широко расставив ноги и расправив плечи, он хотел впечатлить Халина. Я услышала страх в его голосе и быстрое биение сердца и вспомнила, как быстро испуг перерастает в злобу. Я помедлила, и Тревегг остановился рядом, опустив кость, которую нес. Я выпустила из зубов кусок ляжки. Сердце молодого самца забилось тише. Мы с Тревеггом опустили уши и хвосты и попытались придать мордам радушное и дружелюбное выражение. Тревегг сказал, что именно так взрослые волки приветствуют перепуганных щенков. Я не помнила такого в собственном детстве. Я была слишком занята тем, что старалась выжить.

Люди не спешили хвататься за острые палки. Тогда мы снова подобрали мясо и двинулись дальше. На сей раз мы волочили его по земле, чтобы не задирать головы. Сократив расстояние до четырех волков, мы остановились и положили добычу наземь. Я снова почуяла запах дыма и можжевельника, потрясла головой и чихнула.

Маленький мальчик, который держал камень, бросился вперед и оказался нос к носу с Тревеггом. Халин схватил его, пытаясь оттянуть назад. В глазах Тревегга загорелся лукавый огонек. Прежде чем Халин успел оттащить мальчика, старый волк высунул язык и лизнул ребенка в лицо – от лба до подбородка, а потом от уха к уху. Мальчик взвизгнул и засмеялся, а Тревегг перекатился на спину, заболтал лапами в воздухе и запыхтел, как дикая свинья.

– Смешной старик, – с отвращением пробормотал Тлитоо, когда Тревегг встряхнулся и встал. – Ни один ворон не станет так себя вести.

Тревегг даже не удостоил его ответом. Он встряхнулся еще раз, осыпав смеющегося мальчика сухими листьями и пылью. Халин медленно расслабил напряженные плечи.

Тали шагнула вперед и положила ладонь мне на спину. Рядом с ней тут же оказался Брелан.

– Не бойтесь, – сказала Тали своим сородичам. – Они друзья.

Я ощутила прилив благодарности. Мы никак не могли объяснить людям наш замысел в подробностях, но Тали быстро соображала, и я надеялась, что она поймет, чего мы хотим. Девочка, конечно, немного смутилась, но все-таки была достаточно умна, чтобы верно истолковать наши намеки.

– Друзья? – недоверчиво переспросил коренастый самец. – Волки нам не друзья, Тали. Они опасны.

– Они не опасны. Они наши друзья, Давриан, – повторила Тали, и от досады ее голос зазвучал резко. Я едва удержалась, чтобы не зарычать. Я еще никогда не слышала, чтобы она говорила таким тоном.

– Тали! – сердито сказал Халин, так что девочка подскочила. – Ты грубишь гостю!

Тали опустила глаза и шепотом извинилась. Халин кивнул и продолжал:

– Что ты такое говоришь? Что значит «друзья»?

Сначала я подумала, что Тали не сможет ответить – так она дрожала. Я знала, каково ей. Лично мне было очень боязно разговаривать с Рууко и Риссой, если они сердились. Тали зарылась пальцами в мою шерсть.

– Мы охотились с этими волками, – сказала она, слегка запинаясь. – Брелан, Миклан и я…

Брелан положил руку ей на плечо. Я заметила, что коренастый самец, Давриан, напрягся, когда Брелан коснулся Тали. Девочка заговорила спокойнее.

– Мы принесли больной Шанли оленину, которую добыли вместе с волками, и она поправилась, – продолжала Тали. – Еще мы ловили кроликов, когда похолодало… А теперь они сами отдают нам мясо.

Вожак посмотрел на нее так, будто у Тали вдруг выросли рога.

– Чушь, – негромко произнес он.

– Нет, – уважительно возразил Брелан. – Я там был. Мы охотились с волками, а теперь они принесли нам дары.

Брелан временами держался чересчур заносчиво, но сейчас мне хотелось вылизать его с головы до ног. У наших людей были свои способы разговаривать, неизвестные нам. Я заметила, что Брелан окидывает взглядом равнину за нашей спиной, несомненно ища Аззуена. Я подобрала с земли кусок ляжки, пытаясь предложить юноше мясо. Тревегг поднял оленье ребро и протянул вожаку.

– Так не бывает, – сказал Халин. – Волки крадут у нас, они соперничают с нами за добычу. Они не станут приносить еду.

– Тогда что же у них в зубах, Халин? Мох? – поинтересовался сердитый голос. Вперед вышла старая женщина, опираясь на дубовую палку. Я едва удержалась, чтобы не помчаться приветствовать ее. Должно быть, она брела позади прочих, не поспевая за ними на слабых ногах. Ниали была бабушкой Тали – и крианой, то есть духовным вожаком племени Лин. Ниали с детства учили разговаривать с волками и понимать их.

Именно благодаря крианам волки помогали людям не терять связи с миром природы. Каждую луну крианы встречались с верховными волками на церемонии под названием Большой Разговор. Они передавали то, чему научились от верховных, своим племенам. С помощью Ниали я убедила верховных, чтобы они позволили нам пожить в мире с людьми. Тали сказала, что Ниали некогда пользовалась огромным уважением среди людей, но потеряла почти всю власть, когда несколько лет назад племя возглавил Халин. Не найдя ее с самого начала, я испугалась, что Ниали умерла зимой, как это бывает со стариками, ну или что Халин выгнал криану из племени.

Лицо Халина потемнело. Нетрудно было догадаться, насколько он не любит Ниали. Старуха протянула руку ко мне.

– Можно взять, Серебряная Луна? – спросила она. Так звала меня Тали.

Я медленно подошла, поглядывая на острые палки вокруг, и бросила мясо к ногам Ниали.

– Мы хотим, чтобы люди пошли охотиться с нами, – сказала я. Оставалось лишь надеяться, что Франдра и Яндру рассказали ей о нашей новой миссии.

Старуха слегка кивнула, и я отступила на несколько шагов. Мои уши двигались, стараясь предугадать возможное нападение. Я хотела задать Ниали столько вопросов, но вынуждена была ждать.

Я услышала неторопливые мягкие шаги и краем глаза заметила, как Тревегг медленно приблизился к человеческому вожаку. Он положил мясо и прижал уши. Но что-то в его поведении встревожило Халина, и тот напрягся, поднимая острую палку.

– Отходим, – шепнул Тревегг. – Сейчас же.

Я неохотно повиновалась. Если уйти теперь, когда Халин встревожен, у нас, возможно, не будет иного шанса завоевать расположение людей. Но если не послушаться Тревегга, стая больше мне не доверится.

Я медленно начала пятиться, но не успела сделать и трех шагов, когда услышала звук короткой возни, взвизг и топот. В испуге я обернулась и увидела Аззуена, который мчался по

равнине, а вслед ему смотрел разъяренный Минн. Он погнался было за Аззуеном, но Рууко что-то негромко сказал ему, и однолеток успокоился. Я знала, о чем думал Рууко: плохо уже то, что по равнине бежит один волк. Два волка, несущиеся во весь опор, непременно испугали бы людей. Я поискала взглядом Марру и увидела, что Иллин лежит, подмяв ее под себя, а она обиженно смотрит вслед брату.

Аззуена ждали большие неприятности, но я его не винила. Я поступила бы точно так же, если бы меня заставили ждать. Было просто нестерпимо находиться так близко от людей и не выйти к ним. Тем не менее Аззуен старательнее всех щенков следовал правилам. До сих пор.

Почти не сбавив ходу у груды мяса, он схватил огромный кусок оленьей брюшины и галопом помчался дальше. У него хватило ума перейти на рысь, а потом на шаг, когда он приблизился. Люди наблюдали за волком с интересом и страхом. Поравнявшись с нами, Аззуен лег на брюхо и пополз, переставляя одну лапу за другой, к Халину. Оленину он по-прежнему держал в зубах.

Добравшись до человеческого вожака, он немедленно перекатился на спину и замер, открыв живот и шею, как делает подчиненный волк в присутствии вожака. Все мышцы в моем теле напряглись. Он с ума сошел – подставлять уязвимые места непредсказуемому человеку? Мы подставляли животы и шеи, лишь когда знали, что на волка, которому мы выказывали уважение, можно положиться. Иными словами, что он не нападет. Просто не верилось, что Аззуен решился на такой риск. Я услышала, как Ниали резко втянула воздух. По крайней мере она поняла, какой опасный шаг совершает Аззуен. Но Халин ничего не понял. Он не сознавал, что предлагает ему молодой волк, но все-таки опустил острую палку и слегка улыбнулся, не сводя глаз с зубов Аззуена. Тот начал испускать успокаивающий запах, как делают взрослые волки, чтобы успокоить щенков, и выпустил мясо из пасти. Халин медленно потянулся к нему, как будто ожидая укуса, и сдвинул мясо ногой назад. Брелан отошел от Тали, присел и погладил грудь Аззуена, а тот лизнул руку юноши.

По знаку Тревегга Аззуен встал, и мы попятились. Я хотела остаться подольше, пойти следом за людьми к их жилищам, но Рууко и Рисса потребовали, чтобы мы позволили людям принять подарок и немедленно ушли. Остальное мясо мы оставили в общей куче.

Отойдя задом на достаточное расстояние, мы развернулись и побежали. Краем глаза я заметила, что Рууко и остальные волки,

которые прятались за скалой, помчались к туше.

Тревегг сердито зашипел на Аззуена.

– Ты что творишь? – спросил он. Старый волк не мог заворчать или зарычать, опасаясь встревожить людей, а потому лишь укоризненно прищурился.

– Ты же знаешь, мое место здесь, – ответил Аззуен. – Ты знаешь, что мы с Каалой и Маррой ближе всех к людям. Ты сам понимаешь, что Рууко был не прав, велев нам остаться.

– Да, понимаю, волчонок, – сказал Тревегг, и Аззуен удивленно взглянул на старика. – Ты не единственный в стае, кто умеет думать. Но все нужно делать как положено. На кону не только судьба одной человеческой стаи. Если ты недостаточно умен, чтобы это понять, я уж позабочусь, чтобы впредь тебя не подпускали к людям.

Аззуен начал было возражать.

– Не сейчас! – рыкнул Тревегг.

Мы побежали дальше, миновав груду мяса. Наши сородичи тащили остатки туши в лес. Мы не остановились, чтобы помочь им, а пробежали мимо, как велел Рууко, и скрылись в соснах. В зарослях я остановилась и обернулась, чтобы посмотреть на людей. Я увидела, как они шагают по равнине, останавливаясь через каждые десять шагов, чтобы убедиться, что им ничего не грозит. Они подошли к груде отличного вкусного мяса. Халин перевел взгляд на заросли, где мы прятались, и улыбнулся, как улыбаются люди, во всю ширь, радуясь изобилию, которое оставили ему волки из стаи Быстрой Реки.

Глава 4

Как только мы укрылись в лесу, Рууко схватил Аззуена за загривок и швырнул наземь. Воздух со свистом вырвался из легких молодого волка, и я даже вздрогнула.

– Во имя луны, о чем ты думал? – Рууко обнажил клыки прямо над горлом Аззуена, нажимая ему передними лапами на грудь. – Как ты посмел ослушаться? Как посмел рисковать безопасностью стаи? Это не игра. Речь сейчас не о том, позволят тебе или не позволят побегать с твоими людьми!

Аззуен, лежа на спине, поджал лапы и хвост и лизнул морду Рууко, прося прощения.

– У них не получилось бы, – выдохнул он, собравшись с духом. – Тревегг и Каала пытались подойти, но люди боялись. Молодой самец хотел драться, а вожак вот-вот отказался бы от мяса… – Аззуен глотнул еще воздуха и снова лизнул Рууко в морду. – Я понял, что нужно сделать так, чтобы люди успокоились. Я-то знаю, как это важно. Вот почему я не стал спрашивать у тебя. Было некогда.

– Аззуен мог все испортить, – вмешался Уннан. – Он прекрасно знал, что делает.

Я затаила дыхание. Уннан был прав. Аззуен не спросил разрешения, потому что Рууко сказал бы «нет». И Рууко это хорошо понимал. Аззуен нуждался в защите. Я обернулась к Марре за помощью, но она сердито хмурилась.

Я взглянула на Тревегга, но он все еще злился и сурово смотрел на Аззуена. Обведя глазами стаю, я перехватила взгляд Иллин. Она кивнула и шагнула вперед, чтобы заговорить с Рууко. Она была почти одного роста с вожаком, хотя и у́же в плечах. Ее гибкие мускулы проступали даже сквозь густую зимнюю шерсть. Иллин источала уверенность, и я расслабилась. Если она заступится за Аззуена, Рууко, возможно, и послушает.

– Он действовал необдуманно, вожак, – сказала Иллин, почтительно прижимая уши, – но человек принял подарок, и, кажется, Аззуен ему понравился. Трудно предвидеть, какой именно волк понравится человеку. Аззуен достаточно умен, чтобы помочь нам добиться власти над людьми.

Она опустила голову и еще сильнее прижала уши, чтобы Рууко не подумал, будто она бросает ему вызов.

– Я думаю, нужно позволить Аззуену ходить к людям.

Рисса удивленно взглянула на Иллин. Она, как и все, прекрасно знала, что Иллин не отличается излишним смирением. Рисса легонько ткнула Рууко носом.

– Не стоит отказываться от помощи, спутник, – сказала она. – Всего один шаг может отделять нас от успеха или провала. Времени слишком мало, чтобы пренебрегать любыми шансами на преимущество.

– Понимаю! – огрызнулся Рууко. – Я не дурак!

Он прикусил загривок Аззуена – недостаточно сильно, чтобы пустить кровь, но достаточно, чтобы тот заскулил.

– Тебе повезло, щенок, – сказал вожак, яростно глядя на Аззуена, – что все закончилось хорошо. У меня нет иного выбора, кроме как отпустить тебя вместе с Каалой и Тревеггом к людям. Но ты не подчинился и поставил под угрозу безопасность стаи. Если рискнешь еще разок – достанешься Милсиндре и ее друзьям. Ты утратил мое расположение.

Аззуен прижал уши и тихонько заскулил. Расположение вожака – это самое главное. Оно определяет, подпускают ли волка к убитой дичи или нет, принимает его стая или отвергает, и особенно оно важно для молодых. Аззуену предстояло некоторое время питаться впроголодь и, возможно, спать отдельно от остальных. Но я не сомневалась, что Рууко накажет его гораздо строже и запретит иметь дело с людьми. Я поверить не могла, что выходка Аззуена сработала. Судя по выражению морды, ему тоже не верилось.

Рыкнув напоследок, Рууко отпустил Аззуена и зашагал в лес, Рисса и Веррна – за вожаком. Уннан задержался на мгновение, как будто хотел остаться с нами, но потом поморщился и поспешил за остальными. Тревегг двинулся следом, но остановился и взглянул через плечо.

– Встретимся на закате у упавшего дерева, чтобы приготовить следующий подарок. На вашем месте, молодые волки, я бы до тех пор побыл где-нибудь еще.

Он покачал головой, так что уши затряслись, и зарысил в лес.

Минн последовал за ним, но Иллин осталась.

Ошарашенный Аззуен полежал на земле и вскочил с взволнованным привизгом, чуть не врезавшись в Марру, которая смотрела на него еще яростнее, чем Рууко.

Он с тревогой взглянул на сестру и повернулся к Иллин.

– Спасибо.

– Не стоит благодарности, – ответила та. – Приятно видеть, как ты борешься за то, во что веришь. Но научись перечить вожакам менее явно. Особенно теперь, когда верховные волки внимательно за нами наблюдают. Просто не верится, что Милсиндра позволяет хоть кому-нибудь из нас жить с людьми.

– Она же думает, что мы не справимся, – сказала я.

– Да. Значит, ты тем больше впечатлишь верховных, когда

докажешь, что они не правы! – Иллин коснулась носом моей морды и побежала за остальными.

Мы с Аззуеном уже двинулись за ней, когда Марра вдруг зарычала.

– Значит, вы двое пойдете к людям? – спросила она.

Аззуен подозрительно взглянул на нее.

– Я добьюсь разрешения и для тебя, – сказал он. – Обещаю.

Она развернулась и зашагала прочь.

– Пойду поищу Миклана. Вы со мной? – спросила Марра, глядя на нас через плечо. Миклан был братом Брелана, и оба жили в другом племени. У человека путь занимал полдня, но Марра с легкостью сбегала бы туда и обратно до темноты.

Мы с Аззуеном молчали, не желая сердить Марру.

– Мы не хотим пугать людей, – наконец сказал он. – Может быть, подождешь денек-другой?

Марра резко обернулась.

– То есть пока Рууко и Рисса не закончат обсуждать, как вы двое устроитесь с людьми, а я буду дожидаться тут с Уннаном? Пока стая не решит, что с племенем должны остаться два-три волка, а остальным надо держаться подальше? Ну и ладно. Идите к упавшему дереву. А я сбегаю к племени Лан.

Она повернулась хвостом и зашагала прочь.

Аззуен перехватил мой взгляд. Я вздохнула и зарысила вслед за Маррой. Аззуен не отставал. Мы догнали ее у реки. Мы запыхались. Марра нет.

– Эй, подожди, – попросила я. – Не у всех в роду антилопы.

Мы знали, что Марра с легкостью сбежала бы от нас, если бы захотела. Видимо, она ожидала, что мы ее остановим. Я коснулась носом щеки Марры.

– Ты же знаешь, мы пойдем с тобой.

Она слегка расслабилась, распустив крепко сжатые губы.

– Я схожу к племени Миклана, а ты к Тали, – предложила она. – Рууко и Рисса ничего не узнают.

Конечно, они бы узнали, потому что почуяли бы запах человека. Но я не хотела спорить. Мы рысью двинулись к реке.

– Как ты думаешь, почему Рууко решил отпустить Аззуена к людям? – спросила я. – Если вожак меняет мнение, значит, он слабеет.

– Потому что ему страшно, – сказала Марра, останавливаясь в тени елки. – Он чувствует, что теряет власть.

Мы с Аззуеном тоже остановились. До сих пор Аззуен был самым смышленым, зато Марра лучше всех ощущала происходящее в стае. Она, казалось, всегда знала мотивы, которые двигали словами и поступками каждого волка, и умела

обращать их в свою пользу.

– По-моему, Рууко растерян и не знает, как быть с людьми, – продолжала Марра, неспешно направляясь к реке. – Он согласился помочь тебе, потому что у него не осталось выхода. Но вряд ли он знает, что делать. Рууко никогда этого не признает – но он охотно использует Аззуена, если сочтет, что с его помощью сможет выполнить задуманное и оправдаться перед верховными волками.

– Он действительно боится людей, – сказал Аззуен. – Я это чуял, даже когда он на меня злился.

Я фыркнула. Они оба были правы. Рууко даже говорил о людях с большой неохотой и уж точно никогда не хотел иметь с ними дела. Если он не поможет мне выполнить задание, данное верховными, стая Быстрой Реки погибнет вместе с остальными волками Долины. Но союз с человеком противоречил всему, во что верил Рууко. Впервые мне стало немного жаль вожака.

Вдалеке мы слышали шум реки, вздувшейся от талых вод. Люди жили на другой стороне. Быстрее всего добраться до удобной переправы можно было, спустившись по ровной открытой тропе, по которой ходили на водопой и олени, и люди. Взрослые члены стаи не любили ею пользоваться, потому что на ней негде было укрыться. Мы успели сделать лишь несколько шагов, когда Марра, шедшая впереди, остановилась и склонила голову набок. В следующее мгновение я услышала шелест, и с сосны метнулась тень, сбив Марру с ног. Прежде чем мы успели опомниться, мальчик отпустил волчицу и ухмыльнулся:

– А я-то думал, где вы?..

Он так и засиял, когда Марра лизнула его в лицо. Миклан был младше Тали и просто лучился весельем. Он остался низкорослым и коренастым, руки и ноги у него почти не вытянулись, в отличие от Тали, лицо по-прежнему круглилось, хотя тело и похудело за зиму. Он походил на Аззуена в детстве.

– Привет, волки! – радостно сказал он.

У Марры тут же улучшилось настроение. Она прыгнула к Миклану и слизнула с его лица древесный сок. Я слегка заревновала. Мне приходилось держаться с Тали очень официально, когда она была среди своих.

Мальчик, смеясь, оттолкнул Марру.

– У меня есть еда, – заявил он, и мы навострили уши.

Он вытащил из кожаного мешочка на поясе три полоски вяленой оленины, обожженной на огне. У меня потекли слюнки. Люди не любили есть старое мясо и нашли способ высушивать его, чтобы оно долго хранилось. Так они переживали зиму. Раньше я думала, что люди впадают в спячку, как некоторые

медведи, но Тревегг меня разубедил. Они пережидали самые сильные холода в жилищах и запасали еду, в том числе жженное на огне мясо, чтобы прокормиться. Мясо было таким ароматным, на вкус совсем как грезлин, и одна-единственная порция придавала не меньше сил, чем несколько кусков свежатины.

Миклан дал каждому по большому куску. Я постаралась не ревновать, когда самую большую долю получила Марра. Пока мы жевали оленину, стараясь не спешить и наслаждаться лакомством, мальчик болтал.

– Тали и Брелан хотели пойти со мной, но не смогли, – сказал Миклан, обращаясь ко мне и Аззуену. – Халин хочет, чтобы Тали стала женой Давриана, того дурня с двумя копьями, которого вы видели на равнине.

Копьями люди называли свои острые палки.

– Он из племени Риан, они хотят заключить с нами союз. Его отец, Палриан, – вождь племени. Поэтому Тали пришлось остаться и любезничать с Даврианом. Ну и Брелан остался, чтобы она не слишком-то засматривалась на Давриана. Брелан попросит Халина, чтоб тот позволил ему пожить у них целый год, тогда он сможет поухаживать за Тали. Давриан тоже хочет остаться. Халин еще не решил, с кем заключить союз – с Лан или Риан, так что, наверное, он оставит обоих…

Мальчик перевел дух. В отличие от других, он болтал с нами запросто, как будто мы были людьми или он – волком. Миклану, кажется, не мешало, что он не понимал нас. Мы вели почти настоящий разговор, хотя и односторонний.

Миклан зарылся лицом в шерсть Марры.

– Я пойду, пока меня не хватились.

Он крепко обхватил ее поперек тела, и Марра заворчала, когда Миклан сдавил ей ребра. Он выпустил волчицу, снова потыкался лицом в макушку и побежал в лес, неуклюжий, как медвежонок.

Марра смотрела ему вслед с явным удовлетворением на морде.

– Вернемся? – спросила я.

Марра продолжала смотреть на то место, где скрылся мальчик. Я испугалась, что она последует за ним.

– Да, – наконец сказала она. – Возвращаемся.

Радость в ее глазах сменилась вызовом.

– Но я не брошу его, пока вы двое будете жить с племенем Тали. Я так не могу.

– Нельзя, если Рууко запретит, – возразил Аззуен. – Сама знаешь. Если он решит, что мы безответственные, то никто из щенков больше не подойдет к людям.

Марра вздернула верхнюю губу. Я решила, что с меня хватит.

– Послушайте, – сказала я, – мы все будем видеться с нашими людьми. Возможно, понадобится некоторое время, но я сумею убедить Рууко, что ты тоже должна ходить к людям. Поверь.

К моему удивлению, шерсть на загривке Марры улеглась. А ведь она и не думала успокаиваться, когда то же самое пообещал Аззуен.

– Ну ладно, – ответила она. – Я подожду. Но недолго.

Она облизнулась.

– Я проголодалась. Мне досталось мало оленины.

– Потому Иллин сидела у тебя на голове, чтобы ты не побежала за людьми, – с усмешкой напомнил Аззуен. – На лугу белки сейчас выкапывают свои припасы. Пошли туда. Сомневаюсь, что в ближайшее время Рууко позволит мне наедаться.

Они зашагали на луг, но остановились, увидев, что я не последовала за ними.

– Ты разве не пойдешь? – спросила Марра.

– Нет. Я хочу поспать.

– А когда же охотиться? – Марра недоверчиво моргнула и усмехнулась. – Значит, белки мои!

Она побежала дальше.

Аззуен посмотрел ей вслед, потом на меня. Он бросил в мою сторону извиняющийся взгляд и поспешил за Маррой. Я подождала, пока не убедилась, что они ушли, а сама отправилась в противоположную сторону. Я не забыла едкий хвойный запах, который тянулся с Великой Равнины. Лишь от одного волка так пахло, и я очень хотела с ним поговорить.

Я вернулась на равнину и принюхалась, но воздух был неподвижен, и запах пропал. Я покрутила носом, стоя на том месте, где учуяла его впервые, но тщетно. У меня было еще несколько часов, прежде чем пришлось бы вернуться к стае, и я не собиралась сдаваться. Я покинула Великую Равнину и побежала на запад.

Если бы я искала обычного волка, то взяла бы след на его территории или обратилась к его стае, но Лидда была не обычным волком. Эта молодая волчица жила давным-давно. Как и я, она охотилась с людьми. Впервые она пришла ко мне, когда я была еще маленькой, и защитила перед верховными волками. Она помогла нам и еще раз, после битвы на равнине Высокой Травы, три луны назад, и с тех пор не показывалась. Визиты в мир живых ослабили ее. Я искала Лидду всюду, ранним утром и в тенях сумерек. Я пыталась найти место, о котором она говорила, – где мир живых соприкасается с миром мертвых, – но тщетно. Теперь

запах призрачной волчицы снова тянулся по Долине. Если когда-либо я и нуждалась в советах Лидды, так именно сейчас.

Я остановилась, добравшись до огромных валунов, лежавших кругом в траве. Здесь верховные волки и человеческие крианы собирались на Большой Разговор – и здесь Лидда впервые рассказала мне, как проводила время с людьми. Отличное место, чтобы поискать ее.

Я подождала, надеясь, что она появится сама. Никого не было. Потом я заметила справа какое-то движение и развернулась, отчасти ожидая увидеть призрачную волчицу, но вместо Лидды обнаружила огромного растрепанного ворона, который сидел на высоком камне. Он каркнул и замолчал.

Это был старый ворон с мутными глазами и тонкими ногами. Я удивилась, как они вообще его держат. Сквозь взлохмаченные перья просвечивала кожа, а одно крыло торчало вбок, как будто когда-то было сломано.

– Ты на что смотришь, пискун? – хрипло поинтересовался старый ворон.

– Ни на что, – ответила я, не собираясь объяснять какой-то птице, что я ищу призрачную волчицу. Я подняла морду, пытаясь вновь уловить запах Лидды.

– Ты тратишь время зря, – сказал он, сорвался с камня и пролетел прямо над моей головой. Я пригнулась. Ворон клюнул меня в правую переднюю лапу, каркнул в ухо и улетел. Я вскочила на небольшой камень и покрутила головой по сторонам, на тот случай если ворон собирался напасть еще раз. Услышав удаляющийся шум тяжелых крыльев, я расслабилась и спрыгнула с камня.

Я уселась в центре круга, закрыла глаза и подождала. Ничего. Ни запаха, ни призрачной волчицы, как бывало раньше. Я сама не знала, чего ждала. Может быть, позвать ее? Слегка смутившись, я открыла глаза и сказала вслух:

– Лидда, мне нужна твоя помощь.

И опять ничего. В подлеске послышались шаги, но человеческие, а не волчьи. На поляну медленно вышла Ниали, бабушка Тали. Устыдившись, что меня застали за разговором с пустотой, я прижала уши.

– Ты ищешь молодую волчицу, которая приходит из страны духов? – спросила старая женщина. – Я тоже почувствовала, что она где-то рядом, и подумала, что она может прийти сюда. Хотя еще несколько лун назад она сказала, что больше не вернется в наш мир.

Я удивленно взглянула на нее и вспомнила, что ночью, когда мы с Тали подслушивали Большой Разговор, Лидда шла рядом с

Ниали. А еще – что на равнине я не поприветствовала Ниали как положено. Я сделала это теперь – лизнула ей руки, радуясь тому, что она пережила зиму.

– Мне она тоже так сказала. Но сейчас я не могу без Лидды…

– Ты не смогла ее найти? – Женщина погладила меня между ушей.

– Нет, – сказала я.

Ниали, казалось, была разочарована.

– Крианы говорят, есть какое-то существо, способное путешествовать между миром живых и миром мертвых. Когда я увидела тебя с призрачной волчицей во время Разговора, то подумала, что ты и есть это существо. Может быть, ты просто пока не нашла способ, потому что еще не выросла.

В голосе крианы прозвучало сомнение.

– Почему именно я? – спросила я. Лидда тоже говорила о существе, способном путешествовать между мирами, но мне и в голову не приходило, что это могла быть я.

– Потому что она явилась тебе. Ни один дух на моей памяти не возвращался в мир живых. Ищи ее, Каала.

Хотя в присутствии Тали криана звала меня Серебряной Луной, она знала мое настоящее имя и говорила «Каала», когда мы были одни.

– Мудрость криан гласит, что путешествующий между мирами откроет тайны, которые помогут нам жить единым целым с природой.

Вой раскатился среди валунов на поляне. Рууко звал нас обратно.

– Мне пора, – сказала я.

– Не прекращай поисков, Каала, – настойчиво попросила Ниали, ласково касаясь моей морды. – Если ты и есть этот путешественник, мы должны знать.

Она выпустила меня, отвернулась и зашагала обратно в заросли. Я удивленно смотрела вслед женщине.

Через два дня мы перешли Быструю Реку, чтобы отнести еду прямо в становище людей. Рууко хотел подождать подольше, чтобы люди перестали пугаться нашего присутствия, но Рисса настаивала.

– Чем раньше люди привыкнут видеть нас у себя в стойбище, тем скорее позволят остаться, – сказала она. Рууко, видимо, был не прочь поспорить, но увидел решимость в глазах Риссы и кивнул в знак согласия. Он, впрочем, настоял, что они с Риссой пойдут вместе со мной, Тревеггом и Аззуеном.

Люди жили на территории стаи Скалистой Вершины.

В Широкой Долине обитали пять волчьих стай, и Скалистая

Вершина была нашей соперницей, сколько мы себя помнили. Как и люди племени Тали, они жили по ту сторону реки. Волки не ходят на чужие земли, если только не ищут ссоры. Верховные дали всем волкам право свободного прохода на человеческие стойбища, чтобы мы могли наблюдать за людьми при необходимости, но волки Скалистой Вершины отнюдь не славились соблюдением правил. Двое полувзрослых щенков и старый волк ничего не сумели бы поделать, если бы Скалистые решили драться. Разумеется, как только мы перед рассветом зашли в реку, каждый с куском оленины в зубах, то увидели на другом берегу трех поджидающих нас Скалистых.

В этой стае крупные волки, самый мелкий из них – больше Рууко. Хорошо известно, что Скалистые выкармливают только сильных щенков, оставляя маленьких и слабых умирать от голода. Лишь одни они из всех волков Долины охотились на огромных и злобных туров, которые паслись на западной оконечности равнины. Тур, как никакая иная дичь, способен с легкостью убить волка, и Скалистые особенно гордились тем, что охотились на них.

Торелл и Сеела, вожаки стаи Скалистой Вершины, ждали на плоском глинистом берегу, сердито глядя на Рууко и Риссу, пока мы переправлялись через реку. Третий Скалистый, молодой волк, сидел, приподняв левую заднюю лапу, как будто она у него болела, и наблюдал за мной. Когда мы виделись в последний раз, он лежал на равнине Высокой Травы, раненый и брошенный сородичами после боя. Стае Скалистой Вершины не нужны слабые. Я, как ни странно, обрадовалась, что он не умер от ран.

Его звали Пелл. Это был рослый волк с блестящей шкурой цвета сухой летней травы, от которой пахло шалфеем и ивой. Под шерстью заиграли мускулы, когда он поставил лапу наземь и потянулся, не сводя с меня глаз. Мне не хватало роста, чтобы перебраться через реку, не плывя, и я смутилась от того, что он увидел, как я бултыхаюсь в воде с мясом в зубах.

Рууко и Рисса первыми ступили на берег. Выйдя из воды, они встряхнулись и положили мясо наземь. Мы не отставали – тоже опустили мясо и выпрямились, готовые к стычке со Скалистыми.

Четверо вожаков сердито смотрели друг на друга, а Пелл упорно ловил мой взгляд. Я не обращала на него внимания. Наши стаи враждовали, и ему не следовало выражать дружеские чувства.

– Привет, Каала, – негромко сказал он, когда я отвела глаза. Я почувствовала тепло вдоль позвоночника и невольно попыталась встретить его взгляд. Впрочем, я тут же сдержалась. Аззуен, стоявший рядом со мной, зарычал.

Когда волки заходят на чужую территорию, приветствовать хозяев – дело вожаков. Рууко и Рисса слегка склонили головы.

– Приветствую, Торелл и Сеела, – сказала Рисса. – У нас есть право свободного прохода к человеческому стойбищу.

Торелл даже не ответил на приветствие, как полагалось бы всякому воспитанному волку. Он презрительно уставился на нас, как на гиен. Его морда, как и у Веррны, была исполосована давними боевыми шрамами. Но если шрамы Веррны покрывали только одну сторону, у Торелла вся морда представляла собой сплошной шрам. Из-за них он казался еще грознее, чем из-за огромного роста.

– Это правда? – спросил он. – То, что я слышу, – правда?

– Не знаю, Торелл, – ответила Рисса, стряхивая воду. Я поняла, что слишком переволновалась и забыла отряхнуться, выйдя из воды. Внезапно мокрая шерсть показалась мне нестерпимым бременем, и я с силой встряхнулась. Брызги полетели на Сеелу, и она с яростью взглянула на меня.

Рисса подавила смешок. Пелл тоже.

– Может быть, скажешь нам, что именно ты слышал? – предложила Рисса.

– Что вы носите мясо людям, – огрызнулся Торелл. – Вы носите им еду, как членам своей стаи.

Его взгляд остановился на берцовой кости, которую Рууко положил наземь, на кусках брюшины, которые тащили мы. Покрытая шрамами морда передернулась от отвращения.

– Я не поверил, когда услышал. Я был о вас лучшего мнения. Говорят, вы собираетесь с ними жить, – произнес он, как будто речь шла о каком-то извращении. – Скажи, что это не так, Рууко.

– Я говорил тебе уже столько раз, Торелл, что сбился со счета, – не твоя забота, чем занята стая Быстрой Реки. Отойди и дай нам пройти. Нам некогда тебя отгонять.

Торелл фыркнул. Он был крупным даже для Скалистого и славился храбростью в бою. Только очень сильный волк мог выжить, не говоря уже о том, чтобы стать вожаком после тех ран, которые оставили на нем такие страшные рубцы.

– Значит, вы не отрицаете? – недоверчиво уточнила Сеела. – Вы признаете, что носите еду нашим врагам. Зима только-только закончилась, дичь еще тощая, а вы таскаете хорошее мясо людям? Они убьют вас, не задумавшись, как вы убиваете мышей. Да что с вами такое?

– Верховные волки об этом знают? – хитро спросил Торелл, вздернув губу. – Вы всегда были такими послушными, вы делали все, что говорили верховные. Интересно, что они с вами сделают, если рассказать им, чем вы заняты?

Торелл просто запугивал нас. Он ненавидел верховных еще больше, чем людей. Рисса с нескрываемым удовольствием ответила:

– Верховные сами нас попросили.

«Попросили – не то слово», – подумала я.

– Через пол-луны мы созовем все стаи Долины на Совет, – продолжала Рисса. – Присылай своих представителей, если захочешь. Мы соберемся на границе территории Озера Ветров.

– Не удивлюсь, если ты не захочешь прийти сам, Торелл, – с зевком добавил Тревегг. – Многие волки до сих пор винят тебя за битву на равнине Высокой Травы.

Все трое Скалистых злобно оскалились. Именно стая Скалистой Вершины попыталась напасть на людей три луны назад, и волки Долины это хорошо помнили. Торелл и его стая где-то прятались целую зиму. Они появились лишь пол-луны назад, и никто не знал, каков их нынешний статус в Долине.

Морда Торелла обрела лукавое выражение.

– Еще больше волков винят вашего щенка за то, что он помешал нам свести счеты с людьми, – сказал он. – Может быть, мы и об этом поговорим на Совете. Она дрельшик.

Я почувствовала, как что-то стянулось в животе. Дрельшик – про́клятый, отвергнутый Древними волк, который приносит беду всюду, куда приходит. Не впервые мне бросали это оскорбление. Я захотела уползти обратно в реку.

– Возможно, – согласился Тревегг, явно радуясь тому, что разозлил Торелла. – Мы ценим вашу заботу и, несомненно, уделим вопросу должное внимание.

Торелл, прищурившись, взглянул на старого волка, но Тревегг говорил так спокойно, что невозможно было счесть его слова оскорблением.

– Мы дозволяем вам пройти по нашей территории, – наконец сказал Торелл, поворачиваясь к старому волку, вместо того чтобы говорить с Рууко. – Вы, конечно, не будете возражать, если мы вас проводим? Просто чтобы убедиться, что вы не заблудитесь.

Рууко взглянул на него, и я решила, что сейчас вожак возмутится. Но он кивнул, поднял кость, которую положил наземь, когда заспорил с Тореллом, и пустился вперед. Рисса бежала рядом, Торелл, Сеела и Тревегг – следом. Испуганная внезапным поворотом событий, я схватила мясо и помчалась за ними вместе с Аззуеном и Пеллом. Я старалась думать только о том, что делаю, но Пелл почти сразу заговорил.

– Привет, Каала, – повторил он. Я по-прежнему не смотрела на Скалистого, но было бы грубостью во второй раз проигнорировать приветствие. Я взглянула ему в глаза и тут же

отвернулась, когда заметила в них радушие.

– Здравствуй, Пелл, – ответила я, не разжимая зубов. Я не разговаривала с Пеллом со дня нашей первой встречи – когда мы с Аззуеном и Маррой подслушали разговор Скалистых, замышлявших перебить людей. Я говорила с ним только один раз, но Пелл дал понять, что я ему нравлюсь, и я нервничала. Он слишком плохо меня знал, чтобы высказывать свое мнение.

– Вижу, ты хорошо перезимовала, – продолжал он. – Ты здоровая и крепкая.

Многие щенки умирали во время зимнего голода. Уцелеть – значит доказать силу и способность к выживанию. В голосе Пелла прозвучало несомненное восхищение.

– Мы все хорошо перезимовали, – резко отозвался Аззуен, догоняя нас. Я с ужасом увидела, что он оставил свой кусок мяса на берегу реки. – Мы четверо пережили зиму. А сколько щенков у Скалистых?

Я сердито уставилась на него. Невежливо спрашивать у другой стаи, сколько щенков пережило зиму. И я поверить не могла, что он бросил мясо. Оно было нужно нам, чтобы завоевать доверие людей.

Пелл взглянул на Аззуена.

– В этом году у Скалистой Вершины нет щенков.

Я задумалась. Никто не родился – или никому не позволили жить? Почти трехлетний Пелл был самым младшим в стае. Если в ближайшее время у них не начнут появляться щенки, Скалистая Вершина скоро перестанет существовать.

– Как прошла зима? – спросила я и тут же почувствовала себя полной дурой. Это был глупый вопрос. Пелла тяжело ранили в битве на равнине Высокой Травы. Ему так сильно повредили заднюю ногу, что он с трудом ходил. Я удивилась, что его оставили в стае.

Пелл не ответил, и тогда заговорил Аззуен:

– Как твоя нога?

Я чуть не подавилась мясом, которое несла. Указать другому волку на его слабость – страшное оскорбление. Я поняла, отчего Аззуен бросил мясо, – чтобы язвить Пелла. Всякий Скалистый с полным правом мог бы бросить Аззуену вызов за грубость. Но Пелл только поморщился:

– Я еще не могу охотиться.

Ему, наверное, было нелегко это сказать. Волк, неспособный охотиться, не считается настоящим волком. Я подумала: как смело с его стороны признаться.

Не замедляя бега, он наклонил голову, чтобы негромко поговорить со мной. В сыром предрассветном воздухе от Пелла

еще сильнее пахло шалфеем. Этот запах забивался в нос, отвлекал меня.

– Я бесполезен, – сказал он с неподдельной болью в голосе. – Если я не смогу в ближайшее время выйти на охоту, то уйду из Долины.

Я в испуге остановилась и положила мясо.

– Но Торелл не стал бы держать тебя в стае, если бы думал, что от тебя нет проку! – возразила я. – Ты пробовал охотиться?

Мне вдруг захотелось, чтобы он остался.

– Торелл смотрел на меня как на преемника с того дня, когда я вылез из материнского логова, – сказал Пелл, – но я не хочу быть обузой для стаи. Я пытался охотиться, но получалось плохо. Я больше и пробовать не хочу.

– Пойдем на охоту со мной! – горячо предложила я. – Я тебе помогу! Никто из твоей стаи не увидит, что тебе тяжело. Ты вернешься к ним, когда окрепнешь.

Я понятия не имела, отчего предложила помощь. Пелл бегал во враждебной стае, которая ненавидела Быструю Реку. Аззуен негодующе фыркнул. Смутившись, я взяла мясо и понеслась дальше.

Несколько минут мы бежали молча, не желая слишком отрываться от старших. Пелл, даже хромой, с легкостью держался наравне со мной и Аззуеном. Когда мы достигли тропы, ведущей в человеческое стойбище, то увидели и других волков, которые поджидали нас. Не говоря ни слова, Сеела и Торелл вернулись на территорию Скалистой Вершины, но Пелл снова склонился ко мне.

– Я подумаю над твоим предложением, – сказал он и улыбнулся, а потом заметил, что Рууко и Рисса смотрят на него. – Удачи вам с людьми.

Он согнул передние лапы в глубоком поклоне и вместе с сородичами скрылся в зарослях. Рууко и Рисса удивленно взглянули вслед. Аззуен заворчал.

– Где твое мясо? – спросила Рисса, когда увидела, что у него в пасти пусто.

– Уронил в реку, – соврал тот. – Испугался, когда увидел Скалистых. Больше этого не повторится.

Он уважительно говорил с вожаками и в то же время смотрел в сторону зарослей, где скрылся Пелл. Когда Аззуен вновь взглянул на меня, его глаза были полны возмущения и обиды.

Глава 5

Огонь и мясо. Обожженные камни и сухая глина. Пот, плоть, старые шкуры, покоробившиеся от солнца и дыма. Эти запахи встретили нас, когда мы приблизились к человеческому стойбищу. Едва солнце встало, мы услышали стук камня по камню: люди изготавливали свои замысловатые орудия, которыми они так отличались от других животных. Из становища доносились громкие гордые голоса, эхом разносившиеся по зарослям, словно людей не заботило, что их слышат все хищники в пределах слышимости волчьего воя. Вороны тоже так себя вели, но они-то по крайней мере могли улететь от опасности.

– Люди не пытаются прятаться, – сказал Тревегг, когда я его спросила. И он был прав. Люди Широкой Долины во многом жили, как волки, но в отличие от волков, большую часть времени проводили на одном месте. Они порой покидали стойбище на несколько дней, когда отправлялись на охоту или еще куда-нибудь, а когда начинались холода, то искали укрытие потеплее, но затем неизменно возвращались на прежнюю стоянку. Все равно что постоянно жить в логове. Их стаи были крупнее наших, и с каждым годом становища разрастались. Свои сборные места люди называли деревнями – так сказала Тали. Не ранее чем на памяти ее бабушки они начали жить таким странным образом.

Рууко и Рисса спрятались в колючем кустарнике на пригорке над стойбищем, а мы с Тревеггом и Аззуеном тихонько прокрались к самому краю деревни и встали там молча. Мы не хотели пугать людей, поэтому решили, что, принеся им угощение в первый раз, мы просто отдадим подарок и немедленно уйдем. Если они примут мясо, мы принесем еще.

Мы втроем ждали, пока в утреннем свете люди не заметили наше присутствие – совсем близко от костров. Как только нас увидели взрослые, мы положили мясо наземь и ускользнули, чтобы присоединиться к сородичам на холме. Несколько минут мы прятались и наблюдали, как люди, взяв мясо, понесли его к огню. Потом мы тихо ушли и вернулись к стае.

Мы выжидали два дня, держась подальше от человеческих троп, на тот случай, если они рассердились, увидев волков в своем стойбище. Но никто не гонялся за нами с острыми палками, и мы снова пришли с мясом, на сей раз занеся его подальше. И снова люди наблюдали издалека и забрали мясо лишь после того, как мы ушли.

Когда мы в третий раз принесли мясо, все было по-другому. Люди ждали нас. Мы опять появились на рассвете, потому что в

это время люди обычно принимались за свои дела и собирались большими группами. А еще, сказала Рисса, утром они меньше испугаются. Люди плохо видят в темноте, поэтому ночью им страшнее.

Когда мы прокрались в стойбище и увидели людей, стоявших полукругом, как иногда делают лоси, бросая вызов перед охотой, мы чуть не убежали. Тревегг и Аззуен попятились, но я увидела улыбающуюся Тали, которая стояла рядом с Халином.

– Подождите, – шепнула я, опуская наземь тяжелую тушку птицы, которую несла. Что-то изменилось…

– Каала, – предупредил Тревегг, – нам нельзя ссориться с людьми. Придем в другой раз.

– Поверь, – сказала я. – Они не боятся. Они хотят, чтобы мы остались.

Он поднял нос. В человеческом становище витало множество запахов – волнение, предвкушение, любопытство, немного страха, – и я поняла, что старый волк не в силах, руководствуясь одним лишь обонянием, разгадать чувства людей.

– Откуда тебе знать? – поинтересовался он. Рууко и Рисса повели стаю на охоту, поэтому мы пришли одни. Тревегг отвечал за младших. – Откуда тебе знать, что они не испугаются и не нападут?

Дело было не в запахах, не в звуках, даже не в том, как стояли люди, крепко сжимая острые палки и не отпуская от себя детей. Перемена ощущалась в самом воздухе. Когда я впервые увидела людей почти шесть лун назад, то ощутила нечто странное. Тепло в груди, желание, которое можно было удовлетворить, только подойдя ближе. Ощущение, что нечто давно утраченное вдруг оказалось рядом. Я знала: если воспротивиться зову, тепло превратится в нестерпимое жжение в том самом месте, где на моей груди был полумесяц, а если я уступлю и положу голову на грудь Тали, тоска сменится покоем и уверенностью. Если люди боялись, зов стихал. Но теперь, когда они хотели нас видеть, он зазвучал вновь.

– Поверь мне, – повторила я, поднимая голову, чтобы взглянуть в глаза Тревегга. Я бы все объяснила, будь у меня время, но если мы намеревались поддерживать мир с людьми и если был хотя бы шанс выполнить приказ верховных, старшим волкам предстояло положиться на мое мнение. – Просто поверь.

– Будь осторожна, – наконец произнес Тревегг. – При первом же знаке опасности уходи немедленно. Поняла?

Я согласно кивнула, но зов уже тянул вперед, и я повиновалась. Негромкое поскуливание Аззуена говорило, что он борется с соблазном побежать к людям. Взяв тушку птицы в зубы,

я осторожно пошла вперед. Не к Тали. К Халину. Приблизившись к рослому человеку, я забеспокоилась и чуть не бросила птицу в нескольких шагах, но что-то в поведении человеческого вожака заставило меня двигаться дальше, пока я не оказалась прямо перед ним, так близко, что от моего дыхания дрожали волоски на оленьей шкуре, которую он носил. Я ждала, глядя на Халина и держа птицу в зубах.

Он взял добычу. Как будто не заметив ничего странного. Я стояла неподвижно, прикованная к месту его любопытным взглядом. Услышав тихое фырканье за спиной, я очнулась и чуть-чуть отступила, всего на несколько шажков. Следующим подошел Аззуен с куском оленьей лопатки. И наконец, Тревегг принес кролика. Когда вожак взял подарок, старый волк прижался головой к руке человека, и Халин быстро коснулся его темени, прежде чем отойти. Халин протянул людям кролика, а Аззуен – лопатку и с явным удовлетворением взглянул на птицу, прежде чем взять ее в зубы.

Из-за этой птицы мы повздорили с Веррной. Именно она ее поймала и не захотела отдавать, хотя Рисса и Рууко приказали стае откладывать еду для людей. Мы наткнулись на Веррну возле реки. Бескрылые птицы всюду ходят парами, и одна, как правило, не убегает, если вторая убита. Морда Веррны была покрыта кровью и перьями – она уже съела одну птицу, а вторая, еще теплая, лежала в тающем снегу. Веррна копала яму, чтобы спрятать добычу, когда появились мы. Она с вызовом взглянула на нас.

– Я поделюсь со стаей, – сказала она, – со стариками и со щенками. Я знаю свои обязанности. Но больше я не стану отдавать мясо людям.

Рууко и Рисса гневно взглянули на нее, и на мгновение показалось, что сейчас Веррна бросится в бой. Эта сильная и ловкая волчица могла стать опасным противником. Но она отступила и злобно покосилась на меня.

– Для людей мы найдем что-нибудь еще, – пробормотала я.

– Нет! Не найдем! – отрезала Рисса.

Я собиралась возразить. Меньше всего я хотела, чтобы другие члены стаи думали, будто я лишаю их мяса. И так уже многим не нравилось, что я взвалила на нас ответственность за людей. Но выражения на морде Риссы было достаточно, чтобы я передумала. Примирительно взглянув на Верну, я забрала мягкую теплую тушку.

Теперь, видя восхищение в глазах Халина, я радовалась, что Рисса настояла на своем. Бескрылые птицы жирны и вкусны почти так же, как грезлин. Халин передал птицу стоявшей рядом с ним

человеческой самке, а потом очень медленно и осторожно потянулся ко мне. Я подошла на два шага и села у ног вожака.

– Тали, – негромко сказал он, как будто боялся спугнуть нас громким звуком, – ты говоришь, что охотилась с ними?

Судя по одобрению в его голосе, статус Тали в племени повысился.

– Да, – тихо отозвалась та. – Мы вместе ловили маленьких зверьков. И даже оленей.

Тали слегка приврала: мы поймали всего одного оленя. Но Халин явно впечатлился.

– Думаешь, они захотят охотиться с нами?

– Да, – с радостным волнением ответила Тали. – Я уверена.

– Тогда приводи их. Приводи в следующий раз, когда мы пойдем на охоту. Тогда посмотрим.

На мгновение оценивающий взгляд Халина заставил меня помедлить. Точно с таким же видом Аззуен обычно обдумывал какой-нибудь ход, чтобы нарушить приказ вожаков и не нарваться на неприятности. Как будто Халин только что придумал новый способ получить то, что хочется. По моей шее пробежал предостерегающий холодок. «Дура, – сказала я себе. – Халин пригласил нас на охоту, а я испугалась какого-то мимолетного выражения лица? Когда мы докажем людям, что можем быть полезны, когда отправимся с ними на охоту, они впустят волков в свои жилища. Мы докажем верховным, что справимся со своей задачей».

Тревегг осторожно ущипнул меня за бок, прервав ход моих мыслей. Мы втроем покинули человеческое стойбище.

Даже Тревегг запрыгал, как щенок, когда мы отошли от деревни. Никто поверить не мог, как легко все удалось.

– Он просто взял мясо! – воскликнула я. Голова кружилась от радостного волнения. – Как член стаи! Как щенок!

– Не спеши радоваться, – предупредил Тревегг. – Он не щенок. Нужно соблюдать осторожность.

Но уши и хвост у старого волка стояли торчком.

– Ты выиграешь спор с Веррной, – сказал Аззуен улыбаясь. – Если охота пройдет удачно, нас скоро пригласят в стойбище.

– Я думаю только о благополучии стаи, – ответил Тревегг, вскидывая морду и еще сильнее виляя хвостом. Он подхватил зубами упавшую сосновую шишку, швырнул в воздух и попытался поймать на лету. Когда шишка упала, Тревегг прижал ее лапами, как мышь.

Внезапно он замер и с силой топнул передними лапами – это был сигнал Быстрой Стаи, призывающий стоять и слушать. Мы с Аззуеном застыли и услышали шорох в кустах, как будто кто-то

быстро убегал прочь. Видимо, мы спугнули довольно крупное животное – гиену, которая надеялась, что мы приведем ее к добыче, любопытного медвежонка или даже пещерного льва. Тревегг прищурился и понюхал землю. Несколько мгновений он шел по запаху, потом негромко фыркнул. Мы с Аззуеном побежали посмотреть, что он там нашел, и увидели в грязи и талом снегу огромный отпечаток лапы. След гигантского волка.

– Верховный волк, – сказал Аззуен.

– Да, – подтвердил Тревегг. – Никто из вас не чует, кто это был?

– Я вообще не чую верховных, – с досадой ответил Аззуен, тряся головой.

– А я чую, – сказал Тревегг. – Но еле-еле.

Он ткнулся носом в отпечаток и раздраженно заворчал.

– Иногда они скрывают свой запах. Мы так и не поняли как… – Он вздохнул. – Разумеется, за нами наблюдают.

Тревегг взглянул на нас, а мы тревожно смотрели на него.

– Не важно. Мы выполним приказ или потерпим неудачу, вне зависимости от слежки верховных. Каала, твой ворон поможет нам привести людей на охоту? Это упростило бы дело.

– Да, – ответила я. Я слышала, как Тлитоо говорил другому ворону, самке, что встретится с ней у ручья неподалеку от опушки. У воронов там было любимое место для купания.

– Я поговорю с Рууко и Риссой, – сказал Тревегг. – Другие стаи должны позволить нам охотиться на своей территории, чтобы мы могли добыть достаточно еды для людей.

– Думаешь, они согласятся? – спросил Аззуен.

– Их выживание зависит от нашего успеха, – заметил старый волк. – И Франдра и Яндру нас поддержат. Аззуен, ступай с Каалой. Не хочу, чтобы кто-нибудь из вас сейчас болтался в одиночку.

Аззуен кивнул в знак согласия, и мы снова пустились в путь. Перейдя реку, мы вернулись на нашу территорию. Тревегг отправился на сборное место у упавшего дерева, куда должны были прийти после охоты Рууко и Рисса, чтобы узнать о наших приключениях в человеческом стойбище. Мы с Аззуеном ткнулись носом в морду старого волка и побежали вдоль берега, пока не достигли зарослей бузины. Здесь от реки отделялся маленький ручей и скрывался в лесу.

Воронья купальня находилась всего в нескольких минутах ходьбы от этого места, и там мы увидели Тлитоо, самку, которую видели с ним на равнине, и еще одну ворониху, которую я не знала. Рядом на холодном глинистом берегу сидел волк Скалистой Вершины – Пелл.

Он встал, когда мы выбежали из зарослей на берег, и слегка присел, чтобы не казаться выше нас. Я заметила, что он старался не опираться на больную ногу.

– Я подумал над твоим предложением, Каала, – сказал он, когда мы с Аззуеном остановились, слегка испуганные. – Если оно еще в силе, я поохочусь с тобой.

Я не знала, что сказать. Я действительно позвала Пелла, но теперь мне предстояло охотиться с людьми.

Аззуен меня опередил.

– Мы заняты. Нам некогда развлекаться.

– Конечно, заняты, – подхватил Пелл. – И я не навязываюсь. Но если вдруг ты захочешь со мной поохотиться, пошли весточку со своим приятелем-вороном.

Тлитоо прихорашивался, не глядя на меня. Я заметила, что он выдернул из крыла несколько перьев и бросил их наземь.

Я взглянула в теплые глаза Пелла и открыла рот, но не смогла произнести ни слова.

Он подождал, потом потянулся, выпрямился во весь рост и сказал:

– Я буду ждать.

Казалось, он сдерживает смех.

Пелл затрусил в лес, слегка прихрамывая.

– С каких это пор ты носишь весточки волкам Скалистой Вершины? – поинтересовался Аззуен, сердито глядя на Тлитоо.

Тот швырнул в него пером.
Грязный плаксивый щенок!
Вороны не служат волкам.
Я улетаю.

– Не надо, – попросила я, толкнув Аззуена бедром. – Нам нужна твоя помощь.

– Зачем? – Тлитоо выдернул еще одно перо. Я заметила, что его оперение как будто поредело, на груди, на спине, на крыльях появились проплешины.

– Зачем ты выдергиваешь перья?

– Потому что становится слишком жарко. – Он вдруг метнулся вперед и дернул Аззуена за подшерсток на груди. – Зима кончается, волчишка. Все меняется. – Ворон бросил вырванный клочок шерсти в ручей. – Ничем не могу вам помочь.

– Почему? – спросила я, с раздражением услышав в собственном голосе жалобные нотки. Я так рассчитывала на помощь воронов. А как еще заставить людей следовать за нами?

Одна из вороних приблизилась ко мне. Я слышала, что

Тлитоо называл ее Хлела.

– У него другие дела, – сказала она.

– Ты летишь, Нейя? – чересчур дерзко даже для ворона спросила вторая.

– Не зови меня так, Нлитса! – приказал Тлитоо. – Меня зовут Тлитоо, в честь Тлитоокилакина! – Он повысил голос. – Я – сын Гладкого Крыла и Песни Дождя, рожденный в Малой Ивовой Роще, в Широкой Долине!

Хлела расправила крылья.

– Зови себя как угодно, но нам пора. Если только ты не собираешься брать у волчишек уроки скулежа.

Она отошла прочь, взглянула на Тлитоо и полетела в лес. Тлитоо посмотрел ей вслед.

– Мне пора, – сказал он. – Полечу к нашим.

В его голосе звучала такая тревога, что у меня не хватило духа спорить. Стае предстояло найти другой способ поохотиться с людьми.

– Когда ты вернешься? – спросила я.

Тлитоо поднял глаза, и впервые я увидела в них страх.

– Не знаю, волчишка. Я найду тебя, когда смогу. Я помогу, если сумею. Но не знаю…

Прежде чем я успела еще о чем-нибудь спросить и предложить помощь, он последовал за воронихами.

– Что-то с ним неладно, – сказал Аззуен.

В лесу, по ту сторону ручья, послышалось карканье. Старый ворон, которого я видела в Каменном Круге, пролетел над ручьем – так низко, что мы с Аззуеном пригнулись, чтобы избежать удара.

Я почуяла дым и можжевельник – запах Лидды, призрачной волчицы, казалось, исходивший из ручья. Я подбежала к воде – он поднялся в воздух и полетел над ручьем. В зарослях на той стороне мелькнул и исчез чей-то хвост. Запах пропал.

– Каала, – позвал Аззуен, – нам надо идти.

– Знаю, – ответила я.

Мне хотелось последовать за запахом, но Рууко и Рисса ждали нас. Я медленно направилась вдоль ручья к реке и упавшему дереву.

Глава 6

Все дремали на утреннем солнце, когда мы пришли, поэтому я устроилась на пахнущей стаей земле и заснула. Мне снилась призрачная волчица. Снилось, что она пришла в мир живых насовсем и помогла нам с людьми. Во сне я так радовалась тому, что кто-то другой, постарше и поумнее, взялся за это дело. Потом Лидда превратилась в мою мать – она смотрела и улыбалась. Когда Аззуен разбудил меня, резко толкнув носом, я страшно разозлилась, что он помешал досмотреть сон о матери.

– Кто-то идет, Каала, – сказал он, когда я с рычанием проснулась. – Чужой волк.

Я проснулась окончательно и увидела, что прочие волки стаи стоят и смотрят в просвет между двумя огромными дубами по бокам упавшего дерева. Веррна тявкнула, отчасти в знак приветствия, отчасти – предупреждения. Никто не был особенно встревожен и не рычал. Все с интересом смотрели, как незнакомый волк подошел к поляне, остановился и подождал. От него пахло Быстрой Рекой, и он смотрел на нас дружелюбно и просительно. Рисса завиляла хвостом.

Незнакомец вошел на поляну. Это был темно-серый волк, примерно возраста Иллин и Минна, сильно пахнущий Быстрой Рекой. Иллин тихонько взвизгнула, но осталась стоять на месте, ожидая, пока пришелец поприветствует Рууко и Риссу. Волк, несомненно, принадлежал к стае Быстрой Реки, но я не знала, ушел ли он по своей воле или нет. То есть пользовался ли он расположением вожаков или жил изгоем. Он остановился на расстоянии четырех волков от Рууко и Риссы и лег на брюхо. Он был гладкий и сильный, от него пахло незнакомыми растениями и животными.

Рууко слегка наклонил голову, и молодой волк тут же вскочил. Рууко завилял хвостом, Рисса припала к земле, высоко подняв зад. Молодой волк бросился к ним, а Рууко и Рисса кинулись навстречу. Все трое запрыгали и заплясали. Тревегг тоже подбежал, опрокинул новоприбывшего на спину, уперся лапами ему в живот и лизнул в морду.

– Добро пожаловать домой, Деммен, – сказал он. Молодой волк засмеялся, лизнул Тревегга в ответ и встал.

– Мы из одного помета, – шепотом объяснила Иллин. – Он ушел еще до вашего рождения. Хотел посмотреть, что там, за краем Долины. Я думала, мы больше не увидимся.

Я тоже хотела поприветствовать молодого волка и спросить, как живется за пределами Долины. Я прокралась вперед, Аззуен и

Марра за мной. Тут же Иллин и Минн пронеслись мимо, чуть не сбив нас с ног, и прыгнули на Деммена. Они несколько секунд боролись на земле, потом встали и принялись отряхивать грязь. Иллин поднялась на задние лапы и поставила передние на спину Деммену. Она была главной и хотела это доказать. Деммен добродушно фыркнул, выскользнул из-под нее и толкнул в грудь. Они несколько раз перекатились и наконец встали, запыхавшись и так и не поняв, кто же победил.

– Я думала, ты разжиреешь, как болотная свинья летом, Деммен, раз уж теперь весь грезлин достается тебе.

– По ту сторону гор дичь бегает быстрее, – ответил тот.

Иллин неуверенно кивнула, как будто сомневаясь, не смеется ли Деммен. Впервые за время нашего знакомства она казалась слегка смущенной, как будто волк, повидавший мир за пределами Широкой Долины, внушал ей благоговейный трепет.

Мы, щенки, скромно подошли ближе. Получив разрешение Рууко и Риссы, Иллин представила нас.

– Это Деммен, – сказала она, – главный пожиратель дичи в Долине. Не подпускайте его к своему грезлину. Деммен, это щенки Быстрой Реки. Каала, Аззуен, Марра и Уннан.

Я удивилась тому, что она поставила Аззуена вторым. Волков представляют в порядке главенства, а Аззуен совсем недавно был самым слабым в стае.

Мы засыпали Деммена вопросами. Что там за краем Долины? Где он побывал? Почему верховные позволили ему вернуться? Теперь он останется? Деммен терпеливо отвечал на одни вопросы, а других как будто не слышал.

– Четыре сильных щенка, переживших зиму, – наконец сказал он, когда мы замолчали, чтобы перевести дух. – Поздравляю, Рисса. Я не знаю другой стаи, у которой в этом году больше трех, – официально произнес он, и Рисса ухмыльнулась:

– Нам повезло.

– Сколько было щенков в помете? Когда я уходил, ты еще не ощенилась. А где Нееса и ее молодняк?

Я вдруг похолодела. Мне захотелось с силой встряхнуться, как я делала всегда, когда намокала. Все вокруг замолчали. Нееса была моей матерью. Почему Деммен этого не почуял?

– Прошу прощения, – сказал Деммен, опустив уши. – Я спросил что-то не то?

– Ты просто не мог знать, – произнесла Рисса. – Марра, Аззуен и Уннан – трое из шестерых щенков, которых я родила. Каала – дочь Неесы, она единственная выжившая в помете… – Она помолчала. – Нееса ушла из стаи.

Она не сказала, что Рууко выгнал мою мать и убил трех

сестер и брата. Я не поднимала глаза. Порой я неделями не думала о матери и погибших щенках. Я была так занята людьми, что уже почти месяц не чувствовала отчаяния. Я изо всех сил старалась отгонять мысли о родных, потому что всякий раз меня охватывали боль и грусть, и все вокруг становилось темным и мрачным. Это могло случиться в тот момент, когда я охотилась на небольшую дичь или обходила нашу территорию вместе с Аззуеном и Маррой. Запах сырой земли и сосновых корней напоминал о материнском логове, выражение морды Аззуена – о погибшем брате, Триелле, и вдруг становилось трудно двигаться, словно печаль пригибала меня к земле. Иногда я ощущала не тяжесть, а пустоту в груди, или же глаза застилала тьма. Я всегда справлялась с собой. Мне становилось так плохо от воспоминаний о матери, что я старалась не думать о ней. Когда Деммен упомянул ее имя, показалось, что грусть, которую я до сих пор удерживала в отдалении, нахлынула волной. На мгновение я закрыла глаза, борясь с собственными чувствами, и заставила себя вновь обратить внимание на происходящее в стае.

Что-то в поведении молодого волка навело на мысль, что он не удивлен словами Риссы. От него неправильно пахло. Напряжение в стае всегда неприятно, и запах Деммена должен был бы отражать сожаление или тревогу оттого, что его слова причинили беспокойство. Но ничего подобного, Деммен смотрел спокойно и как будто оценивал ситуацию. На мгновение взгляд молодого волка задержался на мне. В знак сочувствия он лизнул Риссу в нос и произнес:

– Я скорблю о вашей потере.

Он заметил напряженную позу Рууко, грусть Риссы и волнение прочих членов стаи, встряхнулся и приоткрыл пасть в улыбке.

– Я чую, что северные олени еще не ушли из Долины. Вы сегодня охотитесь?

– Да, – ответил Рууко. – Ты пойдешь с нами.

Это было утверждение, а не вопрос.

– Почту за честь, – сказал Деммен. – А пока, может быть, щенки покажут мне земли Быстрой Реки? Говорят, после моего ухода вы отняли у Скалистой Вершины Грозовой Холм?

Рууко кивнул в знак позволения, и Деммен пустился прочь с поляны, поглядывая на нас через плечо.

Аззуен, Марра и Уннан бросились следом. А я нет. Я не хотела иметь никаких дел с волком, который с такой легкостью напомнил мне об утраченной матери, сестрах и брате. Я уже кралась в сторонку, чтобы побыть наедине со своими мыслями, когда передо мной с шумом приземлился Тлитоо. От него пахло

теплыми камнями и другими воронами. Он потерял еще больше перьев, а оставшиеся торчали вкривь и вкось на крыльях и на спине.

– У тебя нет других дел? – прорычала я. – Я думала, тебе некогда возиться с нами.

– Ступай с ними, волчишка, – сказал Тлитоо. – За людьми наблюдает ворон. Старый ворон, который ничего не упустит. Я все уладил. А ты ступай с пришлым, это важно.

Он метнулся вперед, словно намереваясь вырвать клок шерсти, но тут же остановился.

– Или ты предпочтешь сидеть здесь и скулить?

Я огляделась. Рууко, Рисса и Тревегг смотрели на меня с жалостью. Иллин и Минн боролись. Они радовались приходу Деммена и не обращали никакого внимания на мои чувства. Веррна холодно наблюдала за мной, возможно, все еще вспоминая про свою злополучную добычу. Я уж точно не хотела оставаться с ними.

Я могла бы уйти куда-нибудь одна, но знала, что Тлитоо не отвяжется, если я попытаюсь. Он расхаживал туда-сюда и клевал землю, хотя там не было никаких жучков и червей.

Отогнав грусть, которая все еще пыталась овладеть мной, я нашла след Деммена и компании и побежала вдогонку. Тлитоо каркнул, как будто от облегчения, и полетел следом – низко, чтобы не врезаться в еловую ветку.

Я нашла их в березовой роще, где они наблюдали за разбегающимися ящерицами. Марра уже проглотила одну, которая не успела скрыться. Уннан стоял перед Демменом и вилял хвостом.

– Здесь я две луны назад поймал зайца, – сообщил Уннан. – Рууко сказал, что я самый проворный щенок в стае.

Деммен, наклонив голову, слушал, и от него исходил запах одобрения. Уннан просто раздувался от гордости. Марра и Аззуен смотрели на брата с отвращением. Деммен поднял взгляд, когда я вошла в рощу.

– Я помню, ты Каала, – сказал он. – Не из помета Риссы.

– Она одна из нас, – огрызнулся Аззуен, когда Уннан ухмыльнулся.

– Ей едва позволили остаться в стае. – Уннан говорил так самодовольно, что мне захотелось его укусить, но я сомневалась, что Деммен позволит. Ему явно нравился Уннан. Я пожалела, что пришла. – В Долине многие думают, что ее зря оставили в живых. Говорят, она приносит несчастье.

Деммен взглянул на меня, и я оскалилась. Тлитоо предостерегающе каркнул. Я ожидала, что он бросится на Уннана,

но ворон наблюдал за мной.

– Понятно, – сказал Деммен, ощутив неприязнь между Уннаном и остальными. – Ну-ка, скажите, где в этом году у Быстрой Реки лучшие охотничьи места?

– Я покажу, – ответил Уннан. – Эти трое проводят слишком много времени, подлизываясь к людям. Они уже не помнят, что такое быть настоящим волком, не говоря уже об охотничьих угодьях на собственной территории.

Уннан рысью пустился вперед, Деммен – рядом с ним.

Я осталась стоять. Аззуен и Марра тоже.

– Вы не пойдете? – спросила я. – Вам вовсе не обязательно оставаться только потому, что осталась я.

Марра потянулась всем своим длинным поджарым телом.

– Не нравится мне его новый приятель. Давайте лучше посмотрим, нет ли мышей на Сухом Пригорке.

Мы на мгновение встревожились, услышав шуршание листвы. Деммен вернулся. Без Уннана.

– Он так похож на Минна в детстве, – сказал он, отряхиваясь. – Мы с Иллин топили братца в реке, когда он так себя вел. Я оставил Уннана выслеживать бескрылых птиц, это займет его надолго.

Я изумленно взглянула на Деммена. Слишком официальное, снисходительное обращение, которое так раздражало меня, сменилось вниманием и прямотой. Я еще не видела волка, который бы менялся так быстро. Оставалось лишь гадать, которая личина – настоящая.

Он окинул нас взглядом и с задумчивым выражением морды склонил голову набок.

– Теперь можешь сказать то, что хочешь, – каркнул Тлитоо.

– Моя весть для двух ушей, ворон, а не для шести, – досадливо ответил Деммен. Тлитоо умел внушать раздражение. Деммен сердито глянул на него, но Тлитоо просто устроился поудобнее и принялся чистить крыло.

– Он все равно услышит сверху, – сказала Марра, когда Тлитоо дал понять, что никуда не денется.

– И то, что ты скажешь одному из нас, будет известно остальным двум, – добавил Аззуен.

Деммен вздохнул.

– Ну ладно, – сказал он далеко не любезно. Он сел, и мы тоже. Деммен долго молчал, а потом обратился прямо ко мне: – Каала…

Я удивленно встала. Деммен даже не смотрел в мою сторону, с тех пор как Уннан сказал, что я приношу несчастье.

– Я принес новости от твоей матери.

Я чуть не задохнулась.

– От моей матери… – повторила я чужим голосом.

Аззуен прижался ко мне. Деммен, до сих пор притворно равнодушный, смотрел так ласково и сочувственно, что я просто не могла не сказать первое, что пришло в голову:

– Ее выгнали. Она не сама ушла. Неесу изгнали из стаи и убили других щенков.

Несправедливость поступка Рууко, на которую приходилось закрывать глаза, если я хотела быть членом стаи, переполнила меня.

– Я знаю, волчица, – сказал Деммен.

– Откуда? – спросила я и тут же поняла.

Ну конечно.

– Ты ее видел. Ты видел мою мать.

– Три луны назад. Она с ума сходила от тревоги и хотела знать, жива ты или умерла. Она слышала от воронов, что ты жива, но кто знает, можно ли им верить.

Тлитоо щелкнул клювом и что-то невнятно пробормотал.

– Где она?

– Не знаю, – негромко ответил Деммен. – Она пряталась. Ради собственной безопасности – и моей – она ничего не сказала.

Меня охватила паника. Мама в опасности!

– Что она сказала? От чего она прячется? Мой отец с ней? Франдра и Яндру сказали, что они знали, где она была в конце осени!

– Сядь, волчица, и не привлекай лишнего внимания. Хотя я и сказал Рууко, что поохочусь сегодня вместе с вами, я не хочу, чтобы о моем присутствии знала вся Долина. Верховные волки не обрадуются, если увидят меня здесь. Запомни: твоя мать в безопасности, хотя верховные выгнали ее из Долины. Они полны решимости не дать вам встретиться. Когда я видел Неесу, она была одна. И она не там, где ее в последний раз видели верховные. Она просила тебя прийти. Она сказала, это важно не только для нее, но и для блага волчьего рода. Ты выйдешь из Долины через Восточные Горы. Когда перейдешь их, увидишь к югу от себя широкую равнину. Вдалеке будет камень – большой, как холм, – а рядом березовая рощица. Туда придет посланец.

В моей голове как будто закружились палые листья, дыхание перехватило. Наконец-то мать позвала меня. А я не могла пойти к ней. Не могла оставить людей.

– Как же мы ее найдем, не зная почти ничего? – поинтересовался Аззуен.

Об этом я как раз и не подумала, но Аззуен всегда отличался практичностью.

– А я и не знал, что тебя пригласили. – Деммен посмотрел на него сверху вниз. Аззуен не представлял особенно внушительного зрелища. Высокий и худой, но не тяжелый. Он не походил на будущего вожака или хотя бы на второго в стае. Деммен был гладкий и, судя по мышцам, сильный. В стае Аззуен подчинялся бы ему. Деммен, казалось, удивился, что Аззуен не опустил хвост и не прижал уши.

Марра встала рядом с братом. Я слегка расслабилась.

– Мы одна стая, – сказала я. – Мы бегаем вместе.

– Тебе виднее, – наконец ответил Деммен. – Там будут посланцы, которые проводят тебя, как только ты выйдешь из Долины. Они ищут волка с полумесяцем на груди. Я дам им знать, что с тобой, может быть, пойдут другие волки.

Тлитоо каркнул. Деммен вздохнул:

– И ворон. Ты должна добраться до каменного холма, когда Рождающая Луна дойдет до половины.

Исключено. Рождающая Луна убудет наполовину через две луны. Скорее всего мы тогда не сможем покинуть Широкую Долину.

– Не получится, – сказала я. – Мы должны хранить мир в Долине между волками и людьми.

– Откуда нам знать, что ты говоришь правду? – вмешался Аззуен. – Каала, я ему не верю.

Я ужаснулась, что он сказал это прямо в присутствии Деммена, но хорошо понимала отчего. Что-то наводило на мысль, что Деммену не стоит полностью доверять.

– Почему? – спросила я, чувствуя на себе взгляд молодого волка.

– Отчего он пришел именно теперь? Почему явился с новостями, как только верховные позволили тебе жить с людьми? – Аззуен, прищурившись, посмотрел на Деммена. Тот гневно уставился на Аззуена.

– А при чем тут люди? – спросил он, отворачиваясь.

Я рассказала.

– Я слышал, что тут было в конце осени, но, оказывается, не всё. Может быть, это меняет дело, – сказал Деммен, – а может быть, и нет. А насчет того, говорю я правду или вру… я передам то, что слышал от твоей матери, Каала. Твоих сестер звали Онна, Таннла и Сууна, в честь цветов и трав, которые росли возле вашего логова, а твоего брата – Триелл. Ты очень любила его и бросилась на Рууко, когда Триелл погиб. Когда твоя мать уходила из Долины, она велела тебе добиться признания вожаков, прежде чем вы встретитесь. Теперь она зовет тебя, вне зависимости от того, каково твое место в стае.

Все это было правдой. По крайней мере он действительно разговаривал с моей матерью. Но что-то не давало мне покоя, и я доверяла инстинктам Аззуена, не в силах просто принять то, что сказал Деммен, – но я не могла и не поверить ему. Если мать позвала меня – значит, нужно идти. Но как? Бросить Тали и нарушить обещание? Я должна была остаться в Широкой Долине.

– Мы не можем пойти, – повторила я.

– Неужели обещание, которое ты дала матери, не перевесит слово, данное верховным? Нееса говорит – от этого, возможно, зависит судьба всего волчьего рода.

Его прервал повелительный вой: Рууко звал нас на охоту. Приближающиеся шаги и знакомый запах подсказали, что к нам идет Иллин.

– Будет лучше, – намекнул Деммен, – если ты не станешь передавать другим то, что я тебе сказал.

Иллин влетела в рощу и вместе с нами прислушалась к вою Рууко.

– Люди идут на охоту, – сказала она. – Каала, вы с Аззуеном должны встретиться с Тревеггом на равнине у Старого Леса. Старый ворон сказал, там люди собираются охотиться на лошадей. Марра, ты тоже. Рууко говорит, твоя помощь будет нужна. Но тебе запрещено подходить к людям после охоты.

Марра возбужденно взвизгнула.

– Пусть никто не начинает, пока не придет Тревегг. Остальные идут вместе с Рууко охотиться на оленя. Где Уннан? – Иллин перевела дух и поняла, что тут что-то не так. – В чем дело?

– Ни в чем, – ответил Деммен. – Молодые волки рассказали про ваш интересный договор с верховными, а я – о том, как живется за пределами Долины.

Иллин вдруг насторожилась.

– Что ты тут наплел, Деммен?

– Это только для их ушей, Иллин.

– Для ушей щенков, но не для всей стаи? Ну же, Деммен, признавайся! Раньше ты не говорил загадками.

– Есть вещи, о которых ты понятия не имеешь, живя в безопасности, – сказал Деммен со злобой, но, увидев обиженную морду сестры и наши испуганные взгляды, смягчился. – Пойдем охотиться на оленя, Иллин. Я расскажу тебе то же, что и им. Про жизнь за краем Долины.

Я снова поразилась, как быстро он изменился. Только что Деммен был зол и раздражителен, а теперь сделался добр и ласков. Мне стало неуютно.

Иллин, прищурившись, взглянула на него. Деммен отвел глаза, и она слегка улыбнулась. Он уступил, признав главенство

сестры. Деммен держал рот на замке, не собираясь пересказывать Иллин то, что услышали мы. Но я-то не собиралась хранить от нее секрет и рассказала все, что узнала от Деммена про свою мать. Он сердито взглянул на меня, но я не дрогнула. Иллин была членом моей стаи.

Она внимательно выслушала, широко раскрыв глаза.

– Деммен прав, – сказала она. – Рууко и Риссе необязательно об этом знать. Я помогу тебе, если сумею, Каала, только не наделай глупостей. Мы что-нибудь придумаем…

Рууко снова завыл.

– Ты идешь на охоту или нет? – раздраженно спросил Деммен.

– Да, – ответила Иллин и стремительно метнулась прочь. Деммен, застигнутый врасплох, бросился за ее исчезающим хвостом. Уннан ввалился на прогалину, весь в ежевике, как раз вовремя, чтобы зло уставиться на нас и побежать вместе со старшими на охоту.

Аззуен и Марра проводили их взглядом и зарысили к равнине Старых Деревьев. Они остановились, увидев, что я сижу на месте.

– Не знаю, что делать, – призналась я.

Тлитоо сделал два прыжка и остановился рядом.

– Волчишка?.. – каркнул он.

Я обернулась к нему.

– Ты бы мог все узнать, если бы захотел! Мог бы полететь за край Долины и выяснить, правду ли говорит Деммен о моей матери! – Я нависла над Тлитоо, словно загоняя его в ловушку. – Ты должен туда слетать.

– Не могу, – сказал он, нырнув у меня под подбородком и отступив.

– Почему? Что тебе сто́ит вылететь из Долины?

– Стоит больше, чем ты думаешь, дуреха! – зашипел он. – Ты ничего не знаешь! – Тлитоо открыл клюв, словно желая продолжить, и тут же со стуком закрыл его. – Мне нужно встретиться с другими воронами. На нашем месте, а не на вашем.

Он отошел в сторону, взмахнул крыльями и улетел. Я ошеломленно наблюдала за ним, потом шагнула было следом, но тут же остановилась, не зная, что делать.

– Пора идти к людям, Каала, – позвал Аззуен. – Может, другого шанса не будет.

Я продолжала стоять.

– Каала, – нетерпеливо сказала Марра. – Мы даже не знаем, правду ли говорит Деммен. Если сейчас мы упустим шанс сойтись с людьми, уже ничего не будет важно…

Я знала, что ей хотелось к людям как можно скорее, чтобы

разыскать Миклана. Марра и Аззуен смотрели на меня, явно раздосадованные тем, что я медлю.

Вдруг я так разозлилась, что перед мной все поплыло, а уши прижались к голове с такой силой, что заболели глаза. Я сморщила нос и приподняла губы, обнажая клыки.

– У вас есть мать! – зарычала я. – Вы не знаете, что это такое, когда ее нет!

– Прошло восемь лун, как Нееса ушла, Каала, – озадаченно напомнила Марра. – Я думала, ты уже успокоилась.

– Да что ты вообще понимаешь?

Меня охватило отчаяние, в груди стало так пусто, как будто она собиралась обрушиться, словно пещера. Мне слишком долго приходилось бороться с печалью, чтобы выжить, и теперь скорбь брала верх. Я этого не хотела.

Я зарычала на Аззуена и Марру, и оба попятились.

– Ты никогда нам не говорила, – сказал Аззуен.

– Да, не говорила. А что я могла сказать? Что я так несчастна без матери, что иногда, когда мы переходим реку, хочу утонуть? Что порой мне все равно, не станет ли эта охота последней? Что иногда я боюсь засыпать, потому что вижу во сне, что моя мать умерла?

Я замолчала, с трудом переводя дух и пытаясь отдышаться.

Аззуен и Марра переглянулись. Они ничем не могли помочь. Я никогда в жизни не чувствовала себя такой одинокой. Я хотела просто уйти, оставив позади их неведение и слепоту, и отправиться на поиски матери. Рууко снова завыл. Я сглотнула и несколько раз глубоко вдохнула, чтобы успокоиться. Так или иначе, я не имела права бросить Тали. Нужно было идти на охоту.

– Каала… – начал Аззуен.

– Забудь! – огрызнулась я, вышла из рощи и двинулась к Старому Лесу – сначала шагом, потом бегом, прочь от скорби, которая грозила поглотить меня.

Глава 7

Солнце только-только начало заходить, когда мы добрались до Старого Леса, но было тепло, и снег почти полностью сошел с плотно утоптанной земли. Ни Тревегга, ни людей на месте не оказалось. Зато лошади лениво щипали траву и как будто приглашали поохотиться.

Равнина Старого Леса некогда представляла собой сплошную чащу. Когда Тревегг был молод, по округе пронесся пожар, не оставив ничего, кроме обгорелых пней и голой земли. Потом деревья начали расти, но редко и не выше кустов. До сих пор в воздухе слабо пахло горелой древесиной. Однажды здесь предстояло снова вырасти лесу, и тогда равнина перестала бы привлекать травоядных, но уже не первый год она оставалась одним из лучших охотничьих угодий Быстрой Реки.

Лошади подняли головы, когда мы вышли на луг, и вновь принялись за еду, не обращая на нас никакого внимания. Мы предпочитали охотиться в более прохладное время дня либо ночью, и дичь по большей части это знала. Животное, которое пускается бежать всякий раз, когда видит хищника, быстро устанет, и его будет проще поймать. Поэтому травоядные с ранних пор учатся различать, когда мы охотимся, а когда просто смотрим. Лошади – сильные и надменные животные. Они знают, что умеют бегать немного быстрее волков, и пускают в ход копыта, чтобы отбиваться. Когда мы были еще щенками, табун затоптал Реела, брата Аззуена и Марры. Поскольку это я подбила щенков поохотиться на лошадей, многие в стае винили меня в гибели Реела.

Одна кобыла окинула нас взглядом, высокомерно и шумно фыркнула и вновь принялась пастись.

Гнев, который я отчасти подавила по пути на равнину, вновь вскипел. Я решила, что лошади Широкой Долины у меня в долгу.

– Начинайте их гонять, – велела я Аззуену и Марре. – Посмотрим, которые тут – добыча.

Аззуен и Марра, которые во время недолгой пробежки до Старого Леса держались позади, на расстоянии трех волков, остановились и переглянулись. Я посмотрела на них, подзадоривая бросить мне вызов, – так Рууко смотрел на стаю, когда требовал повиновения, так главный волк смотрит на подчиненных. Марра фыркнула, развернулась и отошла на несколько шагов. Аззуен уселся и принялся лизать переднюю лапу.

– Надо подождать людей, – сказал он.

– Нельзя беспокоить табун, – добавила Марра, стоя спиной.

Я с досадой зарычала.

– Мы их просто проверим.

Один из способов понять, насколько добыча слаба и готова стать едой, – погонять ее некоторое время.

– Мы узнаем, на кого надо охотиться.

Ни Марра, ни Аззуен не ответили.

– Я начну, – сказала я. – Присоединяйтесь, если хотите.

Не хватало еще перед ними извиняться.

Я отвернулась и направилась к лошадям. Позади послышались вздох и ворчание, а потом неохотные шаги.

Почти все лошади отощали от скудной зимней еды, но, с другой стороны, в табуне остались только те, кто был достаточно силен и умен, чтобы выжить. Мы медленно прошли между лошадьми, не желая пугать их, пока мы не приготовились к погоне. Через несколько минут я обнаружила кобылу, которая пахла не так, как другие. Она была довольно упитанной, и я чуть не пропустила ее, но, судя по запаху, у нее болели легкие, а когда я прошла мимо, она нервно дернула левым бедром. Идеальная добыча. Упитанность означала, что кобыла всю зиму была здорова и лишь недавно ослабела от болезни. Редко удается найти добычу, которая одновременно жирна и уязвима. Я фыркнула Аззуену и Марре и уставилась на намеченную жертву. Аззуен кивнул, а Марра негромко тявкнула. Больная лошадь пыталась спрятаться среди здоровых, так что предстояло ее отделить.

Я втянула воздух, густо напоенный запахом конского пота, и побежала, прежде чем лошади успели сообразить, что я делаю. Они сорвались с места. Сначала бросилась прочь молодая быстрая лошадка – ее ноги так и замелькали в воздухе. За ней последовали двое постарше и помедлительнее. Я подумала, не погнаться ли за ними, но все-таки решила заняться той кобылой, которую наметила с самого начала. Меня охватил охотничий трепет, и я поняла, что мы втроем можем завалить добычу прямо сейчас. Гнев и боль переплавились в желание впиться зубами в живую плоть. Я хотела добыть эту лошадь. Я повелительно фыркнула Марре, и она пробежала прямо через центр табуна. Рискованный поступок, потому что лошадь с легкостью могла ее убить, но Марра была проворна и быстра – она с легкостью лавировала среди копыт. Она в одиночку сумела отбить от табуна небольшой косяк, в котором была и больная кобыла, и развернуть его к нам с Аззуеном. Здоровые лошади бросили свою слабую товарку, предоставив ее волкам. Я перехватила взгляд Аззуена, когда он бросился в обход справа, и уже приготовилась свалить

добычу. И тут нас остановил гневный вой. Я споткнулась, Аззуен отскочил на несколько шагов. Воспользовавшись общим замешательством, больная лошадь удрала. По лугу спешил Тревегг.

Он даже не обратил внимания на наши приветствия.

– Кто вам разрешил охотиться? – спросил он. – Почему вы не подождали?

Аззуен и Марра молчали.

– Мы испытывали добычу, – сказала я.

– Не похоже, что вы ее испытывали! Похоже, вы охотились. Вы встревожили лошадей и дали им понять, зачем мы пришли. Если не будете вести себя как положено, я отправлю вас обратно.

– Ты не можешь меня отослать! – огрызнулась я. – Я нужна тебе здесь! Эта жирная кобыла со струпьями на левой ноге – готовая добыча.

Я отошла и улеглась на солнце, опустив морду на лапы.

Тревегг зашагал следом, дрожа от ярости, но мне было все равно. Надоело выслушивать приказы. Но через несколько секунд в груди у меня потеплело, и я услышала громкий топот. Приближались люди. Я поднялась. Тревегг, не дойдя нескольких шагов, остановился и посмотрел на людей, которые показались на вершине пологого спуска, ведущего на равнину.

Как только они нас увидели, Тали сорвалась с места, присела и обняла меня сильной худенькой рукой. Я ощутила ее тепло, почувствовала запах огня и трав. Рядом с Тали я всегда чувствовала себя в безопасности, общение с девочкой умеряло боль, которая накатывала, когда я вспоминала об изгнании матери. Я знала, что никогда не смогу отправиться на поиски Неесы, если придется бросить Тали.

– Халин делает вид, что ведет охоту, но на самом деле это Кили, – шепнула она. Я увидела, как у Тревегга дернулись уши.

Я лизнула руку Тали в знак того, что поняла. У нас тоже так бывает. Порой, когда одному из подчиненных волков хорошо что-нибудь удается, например идти по следу или загонять дичь, он не возражает, если вожак приписывает это умение себе, чтобы не опасаться за свое место в стае. В конце осени Марра сказала, что люди больше не позволяют самкам охотиться. Суровая зима, видимо, заставила их передумать.

– Он посмотрит, какую лошадь выберет Кили, а потом скажет остальным. Как только мы начнем охоту, помогайте. – Тали встала, погладила меня по голове и бегом вернулась к своим.

Люди рассыпались по равнине. Аззуен, Марра, Тревегг и я проскользнули в табун, который продолжал жевать траву, хотя старый волк и боялся, что лошади убегут. Мы припали к низкой

кустистой траве, чтобы добыче труднее было заметить, что мы делаем. Я видела, что у одних людей в руках прочные копья, которыми они поражали добычу на близком расстоянии, а у других – более легкие острые палки, которые они бросали с помощью других палок, кладя их на плечо. На сей раз я подавила желание полностью отдаться охотничьей страсти и не побежала через табун. Мы, волки, решили, что охоту возглавят люди, поэтому я осталась на месте, полагаясь на зрение и чутье. Вскоре я заметила упитанную больную кобылу, на расстоянии всего десяти-двенадцати волков от того места, где я лежала. Я подползла к ней на брюхе, встала и попыталась привлечь внимание какого-нибудь человека и подать ему знак, что я нашла легкую добычу, – так я сделала бы, охотясь в собственной стае. Но никто не обращал на меня внимания. Люди негромко переговаривались, указывая на лошадей. Вздохнув, я села и стала наблюдать. Аззуен присоединился ко мне.

Казалось, люди охотились почти так же, как мы. Более молодые и легконогие гонялись за лошадьми, чтобы найти слабых. Мне стало немного жаль людей. Они не чуяли больных суставов и не слышали хрупких костей – им приходилось полагаться только на поведение лошадей, а значит, умная добыча могла обмануть их, притворившись сильной, хотя на самом деле была слабой.

Наконец женщина – видимо, Кили – указала на одну из лошадей, и Халин отдал приказ начать погоню. Лошадь была худая, оголодавшая после зимы. Вполне пристойная добыча, хотя и не самая лучшая. Как только люди побежали, гоня кобылу туда, где ждали мы с Аззуеном, я вскочила на ноги. Мы помчались к лошади, преграждая путь, чтобы добыча не сумела удрать.

Лошадь, хотя и тощая, двигалась проворно. Она отскочила, как только люди замахнулись острыми палками, но вылетела прямо на нас. Увидев двух волков, бегущих к ней, лошадь перепугалась и встала на дыбы. Она не привыкла к тому, чтобы люди и волки действовали сообща. Я побежала быстрее и приготовилась к прыжку, сознавая, что она наша, и не сомневаясь, что охота увенчается успехом.

И услышала крик Тали.

Я подняла голову и увидела человеческое лицо, искаженное яростью. Это был Давриан. Он держал острую палку – копье – и готовился ее метнуть, но не в лошадь, а в меня. Он решил, что я краду его добычу. Как только он собрался бросить копье, Тали ударила Давриана по руке снизу. Я пригнулась, нырнув под брюхо лошади, уклонилась от копыт и перекатилась в грязи. Когда я встала, пошатываясь и кашляя от пыли и от страха,

Аззуен уже оказался рядом. Я лихорадочно взглянула на Тревегга и Марру. Они стояли на верхушке плоского камня, подальше от перепуганных лошадей и непредсказуемых людей. Тревегг увидел, что я на него смотрю, и, когда табун успокоился, спрыгнул с камня и подошел ко мне.

– Достаточно, – сказал он. – Поищем другой способ завоевать их доверие.

Если люди не начнут вести себя как разумные существа, никакого другого способа не будет. Я оглянулась. Тали схватила копье Давриана, швырнула его наземь и принялась топтать. Давриан молниеносным движением вскинул руку и ударил девочку – так сильно, что она пошатнулась.

Я даже не задумалась. Прежде чем Давриан опустил руку, ноги понесли меня вперед. Тали еще не успела выпрямиться, а я уже стояла, заслонив ее, и рычала. Перед глазами все плыло, в ушах свистел ветер. Я чувствовала, как губы поднимаются, обнажая клыки. Ярость и разочарование, ощущение утраты и беспомощность объединились в сильнейшем желании сбить Давриана с ног и погрузить зубы в человеческую плоть. Едва слыша собственное угрожающее рычание, клокотавшее в глотке, я не замечала лошадей, своих сородичей, людей. Я видела только удивленное лицо Давриана и его тонкую безволосую шею. И почти не обращала внимания на острую палку, которую он занес над головой.

– Каала! Остановись! Сейчас же!

Сначала я не узнала голос. Я никогда, никогда не слышала, чтобы Тревегг на кого-то кричал. Но в голосе старого волка звучал приказ – приказ вожака, – и я немедленно перестала рычать и поняла, что шерсть у меня на хребте стоит дыбом, а хвост так напряжен, что спине больно. Понадобились все силы, чтобы успокоиться и сесть. Я замолчала и спрятала зубы, но продолжала яростно смотреть на Давриана, чтобы он понял, что не имеет права бить Тали. Халин встал рядом с Даврианом, лицо у него было одновременно сердитое и озадаченное.

– Я говорил тебе, что они опасны! – прошипел Давриан.

И тут я поняла, что наделала. Мы приносили людям мясо, чтобы завоевать их доверие, и присоединились к ним на охоте, чтобы доказать, что мы – ценные помощники. Я только что лишила нас лучшей возможности. Я не могла смотреть на Тревегга, Аззуена и Марру. Не могла вернуться к своим. Тали ухватила меня за загривок, но я отстранилась. Не обращая внимания на приказ Тревегга вернуться и на попытки Тали, я сорвалась с места, намереваясь убраться подальше от тех, кого подвела.

Я отбежала не больше чем на пятьсот волков, когда с размаху врезалась в нечто вроде огромного бугра из шерсти и мускулов, отлетела и упала на бок. Я полежала, оглушенная, потом села и потрясла головой. Проморгавшись от пыли, я попыталась понять, обо что так ударилась. Я была в ельнике, среди густых зарослей можжевельника, и поначалу увидела только деревья, кусты, грязь и камни. Потом небо надо мной потемнело, и я, подняв глаза, увидела гигантскую голову, которая склонялась ко мне. Я подавила испуганный писк, оказавшись нос к носу с верховной волчицей Милсиндрой.

Я попыталась встать, но ноги не слушались. Когда я в последний раз видела Милсиндру, она не скрывала своего желания расправиться со мной. Теперь она смотрела на меня, как на кролика, запутавшегося в густом кустарнике, или на оленя со сломанной ногой – как на дичь, которую ничего не стоит поймать, нечто настолько беззащитное, что можно всласть потянуть время, не опасаясь, что добыча ускользнет. Я видела удовлетворение на морде Милсиндры, как будто она знала, что я не убегу. И она была права. Меня ошеломили неудача с людьми и известие о том, что моя мать ждет встречи где-то за краем Долины. А главное – отчаяние, от которого я пыталась избавиться на охоте, вернулось, и на сей раз ничего не удавалось с ним поделать. Раньше такого никогда не случалось. Я умела не обращать на него внимания, делать вид, что все в порядке. На сей раз оно никуда не делось, и убежать от Милсиндры я могла с таким же успехом, как и взлететь на верхушку ближайшей сосны. Я сидела и ждала, что будет дальше.

– Каала из стаи Быстрой Реки, – пророкотала Милсиндра, – я рада, что нашла тебя.

Когда я услышала ее учтивый тон, мои чувства обострились и в голове прояснилось. Она пыталась говорить дружелюбно, но в голосе волчицы звучали злоба и презрение, так что у меня шерсть встала дыбом.

В Широкой Долине есть маленькая птичка, которую мы называем червекоп – она ищет вкусные белые личинки, которые живут в коре лишь нескольких деревьев. Вороны обожают эти личинки и готовы пойти на все, чтобы их раздобыть. Они нередко подольщаются к червекопам, чтобы те показали, где прячется вкусная еда. Червекопы глуповаты и легко огорчаются, от одного резкого слова они способны улететь, надолго спрятаться в каком-нибудь глубоком дупле и даже умереть там от голода. Поэтому вороны разговаривают с глупыми птицами ласково, хотя и с некоторым презрением, потому что не уважают тупоголовых. Я слышала, как Тлитоо однажды беседовал с червекопом, и страшно

удивилась, что птичка не сочла снисходительный тон ворона оскорблением. Но дурак червекоп принял наигранное добродушие за правду и показал Тлитоо, где прячутся личинки. Милсиндра говорила со мной точь-в-точь как ворон с червекопом.

Я с трудом подтянула лапы и встала, пытаясь держать спину прямо. Я знала, что должна поприветствовать Милсиндру, сказать что-нибудь, но от гнева на саму себя и от страха перед верховной волчицей у меня перехватило горло. Когда я попыталась заговорить, вырвался только вздох.

Милсиндра тонко улыбнулась, обнажив кончики острых зубов.

– Я шла по следу куропатки и почуяла твой запах, – сказала она. – Как дела с людьми? Говорят, ты отдала птицу человеческому вожаку и он был рад.

Когда Милсиндра упомянула запах, я осознала, что от нее пахнет не волком, а хвоей, землей и лесом. Я вспомнила слова Тревегга, что верховные умеют скрывать свой запах. Поговаривали, что такова воля Древних. Я никогда в это не верила. Но, так или иначе, от Милсиндры совершенно не пахло волком.

Она смотрела на меня, ожидая ответа.

Я хотела солгать, сказать, что все хорошо, но Милсиндра почти наверняка учуяла бы мою тревогу. Я вспомнила отпечаток лапы, который мы видели возле человеческого стойбища, и шелест кустов. Она следила за нами? У нее шпионы в Долине? Много ли она видела и слышала, пока бродила вокруг, скрыв свой запах, и что бы сделала со мной, если бы узнала, что я вру? Мысли метались в голове, как мыши, бегающие в поисках укрытия, и я не могла переловить их всех.

Милсиндра наблюдала за мной, ожидая, что я солгу. Сквозь обманный запах леса я уловила еще кое-что. Готовность. Запах волка перед охотой. Я отступила на шаг.

– Когда мы виделись в последний раз, ты не молчала, – заметила Милсиндра, облизывая лапу. – Разве тебя недостаточно хорошо воспитали, что ты не отвечаешь криане, когда она к тебе обращается?

Я удивленно фыркнула. Раньше я никогда не слышала, чтобы верховные волки называли себя крианами. Этим словом пользовались люди, оно означало их духовных вожаков и тех волков, которые с ними встречались.

– Я поговорю с Риссой о том, как она воспитывает своих щенят, – продолжала Милсиндра.

Я наконец собралась с силами.

– Прошла всего четверть луны, с тех пор как мы начали

носить мясо людям, – сказала я, радуясь тому, что говорю спокойно и уважительно. – У нас осталось больше двух лун, чтобы выполнить обещание.

«И всего две луны, чтобы выбраться из Долины, если я собираюсь разыскать мать».

При мысли о матери, которая ждала меня, в то время как я застряла в Долине, я лишилась дара речи и глупо захлопала глазами, глядя на Милсиндру. Она ждала. Ждала, что я солгу, что признаю свое поражение. Я не знала, что сказать. А потом вспомнила Марру, которая умела отвечать на вопрос, по сути не отвечая. Она говорила ровно столько, сколько было нужно, чтобы не показаться невежливой, и в то же время не выдавала никаких сведений.

– Это нелегко, – сказала я, отводя взгляд. – Есть некоторые трудности, но мы успеем разобраться…

– Трудности? – фыркнула Милсиндра, и вежливость враз с нее слетела. – Ты едва удержалась, чтобы не убить одного из них. Всего одна охота… одна охота – и ты чуть не укусила человека, а он чуть не нанизал тебя на палку, как кусок мяса. – Она засмеялась, а потом как будто вспомнила, что пытается быть любезной. – Ты не виновата, Каала. Ты ничего не можешь с собой поделать.

Милсиндра опустила голову, чтобы заглянуть мне в глаза.

– Знаешь, почему я разрешила этому старому хиляку убедить Совет, чтоб тебе дали возможность пожить с людьми?

– Потому что у тебя не было выбора! – выпалила я. – Не было достаточной поддержки в Совете, чтобы нам помешать. Зориндру тебя заставил.

Милсиндра рассмеялась.

– Зориндру никогда не заставит меня сделать то, чего я не хочу. Это я, лично я позволила тебе попытаться, потому что знала: ты – настоящий волк и не позволишь людям задирать нос или обращаться с тобой как с хвостолизом. В отличие от твоей матери и братца Рууко.

Мои уши встали торчком при упоминании о матери, но высокомерный взгляд Милсиндры не позволил мне перебить.

– Хиилн и Нееса – человеческие штрекки.

Я вздрогнула от оскорбления. Штрекк – это самая мелкая добыча.

– Они ложились на спину и подставляли людям живот. Они утратили волчью суть. Из-за них мы все рисковали сделаться человеческими хвостолизами. Но я знала, что ты-то не такая. – Милсиндра довольно выпрямила уши. – Я всегда права.

– При чем тут моя мать? – наконец выговорила я.

Я знала, что Хиилна, брата Рууко, изгнали из Долины за дружбу с людьми задолго до моего рождения, но никто не говорил, что Нееса тоже была в этом повинна. Сердце у меня заколотилось. Милсиндра наверняка знала, где моя мать и что ей от меня нужно.

– Какие дела были у нее с людьми?

Милсиндра ответила:

– Я позволила назначить тебе испытание, потому что знала: ты не справишься. Чем скорее ты это признаешь, тем скорее я докажу, что я права, что ты – оскорбление для Древних и что Франдре и Яндру не следовало спасать твою жизнь. Чем скорее ты и твои люди умрете, тем лучше для всех нас.

В ее глазах зажегся фанатичный огонек, и я отступила. Милсиндра двинулась следом. Я понимала, что бежать – плохая идея. Как и всякий волк, она погналась бы за удирающей добычей. Я вцепилась в землю лапами, заставляя себя стоять на месте. Милсиндра смерила меня взглядом.

– Ты не трусишь, волчица. У тебя есть сила духа. Ты – волк, способный вести за собой других. Но ты – не спаситель волчьего рода. Им может быть только верховный волк. Всякий, кто следует заветам Древних, знает, что Индру назначил верховных волков вожаками волчьего рода, потому что мы стоим ближе всего к Древним. Таков закон Равновесия. Именно нас избрали, чтобы присматривать за людьми. Только у верховных хватит сил, чтобы сделать то, что до́лжно.

Звучавшая в ее голосе страсть испугала меня. Я поняла, что тяжело дышу, не в силах набрать достаточно воздуха в легкие. Я думала, Милсиндра просто хочет власти, но дело оказалось сложнее. Рууко и Рисса следовали обычаю Древних, как и все мы, но я никогда не слышала, чтобы какой-нибудь волк говорил так, как Милсиндра. Словно она напрямую подчинялась Древним, и те сказали ей, что делать, как один волк сказал бы другому. Я задумалась, правда ли это. Неужели сами Древние считают меня предвестницей беды? Милсиндра явно не сомневалась.

Я услышала приближающийся вой Аззуена и слегка успокоилась.

– Зориндру не думает, что Древние желают моего провала. – Я говорила негромко, но Милсиндра услышала.

– Вот почему я должна лишить старика места в Совете. – Удовлетворение покинуло ее морду. – Древние поручили нам управлять людьми. Когда Зориндру позволил тебе вступить с ними в союз, он поставил под угрозу весь волчий род. Те члены Совета, которые его поддерживают, опасны так же, как и он, и Древние их накажут. А кто сомневается, за кем последовать, –

слабы. Я их быстро уломаю, когда ты потерпишь неудачу.

– А вдруг у меня получится? – спросила я, по-прежнему избегая взгляда Милсиндры.

– Не получится, – ответила та, беззаботно вылизывая плечо. – Если ты не сдашься сама, я уж найду какой-нибудь способ превратить твой успех в проигрыш. Даже если ты сумеешь втереться к людям… – она рассмеялась. – …Но ты не сумеешь, особенно после того, как на них зарычала. В любом случае я сделаю так, чтобы Совет усомнился. Поверь, это нетрудно. Достаточно сказать моим сторонникам, что тебе просто повезло и что мы нуждаемся в доказательствах. Что мы хотим видеть людей, которые живут с волками. Или что твоя стая должна охотиться лучше, оттого что ты живешь с людьми. Или что мы хотим видеть волка во главе человеческой стаи. Не важно, что именно. Страх – большая сила. Нужно лишь сделать так, чтобы бóльшая часть Совета и другие стаи в Долине испугались тебя и твоих идей. И тогда победа будет за мной.

Я ничего не сказала. Самой себе я казалась медлительной и глупой и не могла придумать ни одного довода против Милсиндры.

Она подошла на два шага. Отступать было некуда.

– Где твой дружок-ворон? – спросила Милсиндра с показным равнодушием, опустив голову и почти упершись в меня носом. Я снова ощутила острый запах волка, готового напасть.

– Не знаю, – ответила я. – Я его не видела.

– Не ври, – потребовала Милсиндра с явной угрозой в голосе. Она зажала мою морду зубами и отпустила. – Я чую ложь ничуть не хуже, чем страх. Что он сказал, когда вы виделись у реки? Чего он хотел сегодня? Предложил попутешествовать с ним?

Я наблюдала за ней, пытаясь понять, что она знает и почему интересуется Тлитоо.

– Он просто сказал, что занят, – солгала я. – Только и всего.

– Ты знаешь, Каала, – произнесла Милсиндра почти ласково, – что я убила бы тебя на месте, если бы могла. Но у Зориндру еще слишком много власти. Сегодня на Совете я расскажу, что случилось на охоте. Возможно, этого будет достаточно. А если нет – когда ты провалишься, а ты провалишься, у меня будут все необходимые доказательства того, что я права, а Зориндру, Яндру и Франдра ошибаются. Я не позволю тебе уничтожить волчий род и помогу волкам-крианам обрести новые силы. Как только мы очистим Долину от людей и вас, штрекков, дела пойдут на лад. Мы исполним клятву Индру.

«Клятву, о которой ты солгала, – подумала я. – Клятву, из-за которой ты нас чуть не погубила».

Я вдруг ощутила ярость. С тех пор как Зориндру принес весть об испытании, которое придумали верховные, мне то и дело говорили, что я должна и чего не должна. На меня возложили всю ответственность за то, чтобы волки и люди не ссорились, но я не обладала никакой властью, а Милсиндра вдобавок твердила, что будет мешать даже в том случае, если я преуспею.

Я едва удержалась, чтобы не зарычать на верховного волка. Нельзя было бросать ей вызов – но остановить ее я тоже не могла. Я уставилась под ноги, не глядя на Милсиндру и пытаясь скрыть свои чувства.

Она негромко усмехнулась, отошла на несколько шагов, склонила голову набок и заметила:

– Ты не единственный волк в стае Быстрой Реки, склонный причинять беспокойство.

В следующее мгновение я почуяла запах Иллин и услышала ее твердые шаги. Она спокойно вошла в рощицу, поприветствовала Милсиндру и встала рядом со мной.

– Владычица! – сказала она, опустив глаза и хвост, – просто образец послушания. – Если Каала тебе больше не нужна, наша стая хочет, чтобы она присоединилась к охоте на оленя.

Иллин не дрожала. Хотя уши и хвост у нее были опущены, а ноги слегка согнуты в знак уважения, она держалась очень твердо. Она недвусмысленно давала понять, что хотя и признает главенство верховного волка, но и сама достаточно сильна. Я наблюдала за Иллин с восхищением и завистью, понимая, что никогда не стану такой уверенной.

Милсиндра оглядела ее с головы до ног и задумалась. Она, несомненно, могла убить нас обеих, но победа далась бы ей нелегко. И тут меж деревьев послышался лай Аззуена.

Милсиндра уперлась огромными лапами в землю и потянулась. Тугие мускулы заиграли под мехом.

– Конечно, если она необходима на охоте, пускай идет.

Она задержала взгляд на Иллин, снова улыбнулась, повернулась и выбежала из рощицы, беззаботно, как щенок.

Аззуен влетел в заросли можжевельника в то самое мгновение, когда я излила гнев и досаду в низком яростном вое. Он испуганно остановился. Аззуен поздоровался с Иллин и ткнулся носом в мою морду. Я слегка остыла.

– Рууко собрался поохотиться на северного оленя? – спросила я.

– Нет, – ухмыльнулась Иллин. – Но когда ты пошла к Старому Лесу, я решила, что тебе может понадобиться помощь, поэтому и побежала следом. Люди такие обидчивые, да? – Она толкнула меня головой в плечо, опрокинув на бок.

Я рассмеялась, невзирая на тревогу, и почувствовала прилив тепла и благодарности. Ничто не смущало Иллин. Она всегда отыскивала способ отвлечься от неприятностей.

– Как тебе удалось успокоить Милсиндру?

– Было видно, что она не собиралась причинять вред никому из нас, – ответила Иллин. – Даже верховный волк уважает того, кто держится уверенно. Это инстинкт. – Она ненадолго задумалась. – Есть разные способы вести себя с верховными, не бросая явного вызова. Подчиняйся правилам – тогда не попадешь в беду и получишь то, что хочешь. Главное – придумай новый способ.

– Я никогда не буду такой сильной, как ты, – посетовала я.

– Почему? Потому что не бросила вызов верховному волку, будучи неполного года от роду? Все наладится, Каала. Ты сильная и умная, и у тебя есть друзья, которые помогут, если что. Не надо постоянно думать о своих слабостях… – Иллин лизнула меня в морду. – Однако я должна вернуться на охоту. Я сказала Рууко, что пойду по следу лесного оленя.

Она ткнула Аззуена в ребра, схватила в зубы сосновую шишку и выбежала из рощи.

Я вздохнула, пытаясь совладать с гневом и разочарованием, которые еще кипели во мне. Я постаралась сделать так, чтобы они питали меня, а не захлестывали, и держаться спокойно и уверенно, как Иллин.

– Тебя послал за мной Тревегг? – спросила я у Аззуена.

– Да, – ответил он, пристально глядя в глаза. – Он сказал, мы еще можем добиться доверия. Халин посмеялся над Даврианом, когда ты ушла. Но нужно вернуться к Старому Лесу, пока люди не ушли.

– Мы вернемся, – сказала я, – но не прямо сейчас.

У меня возникла идея, как положить конец попыткам Милсиндры помешать нам. Идею подали ее собственные слова, а ободрение Иллин вселило веру в то, что это возможно. Если Иллин способна бесстрашно стоять нос к носу с верховным волком, я попробую по-другому. Для начала, впрочем, я намеревалась узнать, вправду ли меня звала мать. И я знала, кто мне поможет.

Я подняла нос по ветру, пытаясь уловить запах ворона. Тлитоо сказал, что должен встретиться с сородичами. Скорее всего они собирались на Каменном Гребне – крутом, обрывистом холме неподалеку от упавшего дерева. Это было любимое сборное место воронов, потому что они без труда усаживались на острых камнях и отвесных утесах, подальше от чужих глаз. Разумеется, я почуяла ворона к югу от нас. Именно там и находился Каменный

Гребень. Держа нос по ветру, я пошла на запах.

– Куда ты? – спросил Аззуен, поспешно следуя за мной.

– Искать Тлитоо. Я заставлю его слетать за пределы Долины и узнать, правду ли сказал Деммен.

– Заставишь?!

Не обращая внимания на сомнение в голосе Аззуена, я направилась к Каменному Гребню. Аззуен, фыркая в знак протеста, не отставал. На бегу я пересказала ему слова Милсиндры. О Совете, обо мне, о Тлитоо. Аззуен слушал, подергивая ушами. Он задал несколько вопросов, которые показались бессмысленными. Наконец я, разозлившись, уже готова была заткнуть его, когда ощутила сильный запах воронов. Приблизившись к Каменному Гребню, мы услышали воинственное карканье. Враз смутившись, я остановилась. Это не походило на обычный скрипучий вороний разговор. Птицы были злы – похоже, они на кого-то нападали.

Мы с Аззуеном осторожно поднялись по холму и заглянули в круглое каменистое углубление, где собирались вороны. Они действительно кого-то окружали и били острыми клювами. Я видела только вихрь черных перьев и яростно щелкающие клювы. Однажды я наблюдала, как вороны точно так же атаковали хорька. Вороны ненавидят хорьков, которые крадут и поедают яйца. Они убивают их повсюду и набрасываются на любого, кто становится на пути.

Я попятилась.

А потом услышала знакомое карканье, исполненное страха и боли. Я взглянула в широко раскрытые глаза Аззуена, и мы оба пустились бегом вниз по склону. До нас дошло одновременно: вороны нападали не на хорька, а на Тлитоо.

Глава 8

Мы сбежали что есть духу по скалистому склону и ворвались прямо в середину разгневанной вороньей стаи. Чей-то клюв ударил меня по плечу, крылья хлопнули по голове, один острый коготь зацепил кожу под глазом, другой – мягкие складки кожи на шее. Мех, еще густой после зимы, защитил шею, но от царапины под глазом я взвизгнула и затрясла головой из стороны в сторону, отгоняя воронов. Я увидела, как Аззуен лапами отбивался от нескольких птиц. Я не хотела их кусать. Я узнала Гладкое Крыло и Песнь Дождя, родителей Тлитоо. Чаще всего именно они приводили стаю Быстрой Реки к добыче. Должно быть, они и так сердились на нас за вмешательство, и я не хотела делать вороньих вожаков – да и никого из воронов – нашими постоянными врагами. Тлитоо бросился ко мне, и я опустила голову и закрыла глаза, готовясь ощутить на себе вороньи клювы и когти. Но вороны вдруг прекратили нападать. Вокруг послышались негромкие разговоры и щелканье клювов.

Я открыла глаза. Аззуен пригнулся, закрыв нос лапами. Когда он понял, что его больше не колотят крыльями, то приподнял голову и выпрямился.

Я взглянула в бисерные глазки, рассматривавшие нас, и насчитала девять воронов. Все они гневно смотрели, приподняв крылья. Я ждала, что они что-нибудь скажут, но первым заговорил Тлитоо. Его голос звучал измученно.

– Что вы здесь делаете, волчишки? Это воронье место, – прохрипел он.

Я сунула голову между ног, чтобы посмотреть на него. Шея и грудь у Тлитоо были в крови, кожа на ноге порвана в клочья, и он потерял гораздо больше перьев, чем бывает во время линьки. Голову Тлитоо прятал под крылом.

– Тебя били, – сказала я, а потом подняла глаза и взглядом нашла среди воронов Гладкое Крыло. – За что вы его били?

– Потому что он улетает от своих обязанностей, точно так же как ты, волк, удираешь от своих, – прошипел тот. – Волки, я вижу, прощают трусость. Вороны – нет.

Волки удирают и прячутся,
Когда им приходится туго.
Но вороны никогда не жалуются.

Я раздраженно фыркнула. Меня чуть не убил Давриан, мне

угрожал верховный волк, и я загубила наши шансы на успех с людьми. В довершение всего где-то за краем Долины ждала моя мать, а я не могла к ней пойти. Я не собиралась выслушивать замечания от Гладкого Крыла, какого-то глупого ворона, который не имел никакого отношения к трудностям, с которыми я столкнулась.

– Тебе какое дело? – огрызнулась я, сердито глядя на Гладкое Крыло, как это делала Рисса. «Иногда надо напоминать воронам, что ты – хищник покрупнее, чтобы они не заносились», – однажды сказала она. – Ты в любом случае получишь еду – от нас, от людей или от Скалистых. Какая вам разница, чем я занята?

– Тише, волчишка! – каркнул Тлитоо за спиной.

Гладкое Крыло бросился вперед так стремительно, что я увидела только темное пятно. Ворон сильно клюнул меня в голову, и я взвизгнула. Гладкое Крыло ударил еще дважды, и я отступила к скале, чуть не споткнувшись о Тлитоо, который откатился с дороги, но тут же вернулся обратно и съежился между мной и камнем, к которому я прижалась. Аззуен стоял рядом и тихонько рычал. Гладкое Крыло вернулся на место и зло уставился на нас. Его спутница, Песнь Дождя, встала рядом.

– Глупые, жалкие, заносчивые волчишки! – презрительно выговорила она, и перья у нее на шее взъерошились так, что почти заслонили глаза. – Вы и правда думаете, что задание верховолков касается только вас, сопляки? Думаете, мы с вами возимся, потому что сами не в состоянии найти еду? Мы связали свою судьбу с волчьим родом и поэтому вынуждены мириться с вашей глупостью. Но мы не собираемся терпеть вашу наглость, тупицы. У Нейи есть обязанности, и впредь он не станет от них улетать.

– Я не Нейя! – напомнил Тлитоо, выглядывая из-за моей ляжки. – Меня зовут Тлитоо, в честь Тлитоокилакина, царя воронов.

Он снова спрятал голову под крыло, словно ожидая нового нападения.

– Я Тлитоо, – прошептал он.

Голова у меня, от зубов до ушей, болела от ударов крыльев. Когда ворон вновь подался вперед, я вздрогнула, но не тронулась с места.

– Два щенка и едва оперившийся ворон, – с презрением произнес Гладкое Крыло. – И мозгов у всех троих меньше, чем у полусъеденного червя. – Потом слегка смягчился и обратился к Тлитоо: – Это одно и то же, Нейякилакин. Твое дело – говорить от имени вороньего рода, как говорил Тлитоокилакин.

– Он ведь был царем воронов? – спросил Аззуен. – Рууко и

Рисса рассказывали о нем, когда мы были маленькими. Во времена Индру он спорил с Древними.

Именно Тлитоокилакин убедил Древних, чтобы те позволили волкам присматривать за людьми.

Тлитоо мне об этом рассказал, а я позабыла. Волки и вороны действовали заодно с тех самых пор, вот почему Тлитоо подружился со мной.

– Вы – часть задания, которое дали нам верховные волки, разве нет? – спросил Аззуен с горящими глазами. Он говорил сбивчиво, стремясь поспеть за потоком собственных мыслей. – Вы – часть нашего обещания! Вот почему вам небезразличны люди.

Вороны, сидевшие вокруг, издали низкий гул. Некоторые защелкали клювами.

Аззуен, испугавшись, отступил.

– Не шуми, волчишка-болтунишка, – проговорил из-за моей спины Тлитоо.

Четыре ворона двинулись вперед, продолжая гудеть. Я приготовилась к нападению, но Гладкое Крыло что-то крикнул наступавшим. Я не поняла, что он сказал, но вороны остановились и обернулись к вожаку, а потом развернулись и, как будто им вдруг все стало безразлично, отлетели и уселись на ближайших камнях.

– Ха! – каркнул Гладкое Крыло. – У тебя мозги не поросли мхом, как у других волков.

Он подошел и встал прямо перед Аззуеном. Гладкое Крыло был крупным вороном, его клюв приходился почти вровень с носом Аззуена. Я видела, как тот напрягся, стараясь не ежиться. Гладкое Крыло наклонил голову набок, посмотрел на волка, расправил крылья, шлепнув его по морде, и сел на камень в нескольких шагах от нас. Песнь Дождя последовала за ним.

– Не только злюковолки говорят о спасителях и губителях, – сказал Гладкое Крыло, глядя на меня. – И будущее не одних только волков зависит от того, что сделают и чего не сделают люди. Моему сыну пора выполнить свое предназначение в судьбе вороньего рода. Мы не позволим Нейе и дальше уклоняться.

– А ты, волчица, – добавила Песнь Дождя, – теперь должна помочь ему, как он помог тебе в детстве.

Я удивилась, услышав в ее голосе доброту и сочувствие. Вороны обычно не отличаются ни тем, ни другим.

Песнь Дождя несколько раз моргнула.

– Не бойся взять то, что принадлежит тебе, волчица. Действуй, повинуясь не тому, чего ты боишься, а тому, что, по-твоему, правильно.

Время сделать выбор
И больше не следовать за теми,
Кого ты должна вести.

Гладкое Крыло каркнул:

– Если ты уже достаточно посюсюкала с волчишкой, нам пора.

Он гневно взглянул на Тлитоо.

– Помни свой долг, Нейя. В следующий раз тебе напомнят о нем не столь мягко.

Ворон снова устремил на меня блестящий взгляд.

– А что касается тебя – спроси у Нейякилакина, о чем он умолчал, когда разбудил вас утром на исходе Ледяной Луны.

Он вскочил на камень повыше, потом на другой и взлетел, каркнув что-то другим воронам. Те как один последовали за вожаком, оставив нас с Тлитоо на каменистом склоне.

Молодой ворон, прихрамывая, вышел из укрытия и с трудом запрыгнул на камень, на котором раньше сидели Гладкое Крыло и Песнь Дождя. Он начал осторожно приводить себя в порядок, выдергивая и приглаживая перья.

– Спасибо, волки, – сказал он.

Мне так хотелось его утешить. Будь он волком, я лизнула бы Тлитоо в морду или толкнула бедром. Я подошла, но Тлитоо отскочил. Ему явно было так неуютно, что я решила остаться на месте.

– Что случилось? – спросила я, посмотрев на солнце, проделавшее уже больше чем полпути по небу. Нужно было вернуться к Старому Лесу, пока люди не закончили охоту, но мне хотелось знать, что имели в виду Гладкое Крыло и Песнь Дождя.

– Пока не могу сказать, – ответил Тлитоо. – Но скоро скажу.

Аззуен открыл пасть, чтобы возразить, но тут же испуганно взглянул вверх. Я проследила его взгляд и увидела двух воронов, летящих к нам.

Я приготовилась к очередной атаке, но Тлитоо приветственно закричал, когда вороны принялись снижаться. Я узнала Хлелу и Нлитсу, двух самок, которых видела вместе с Тлитоо у реки. Они сели рядом на камень и немедленно начали приглаживать ему перья и ворковать.

– Прости, – сказала Хлела. – Мы были слишком далеко и не успели добраться.

Она гневно уставилась на меня.

– Почему ты это допустила?

– Я ничего такого не допускала! – запротестовала я.

– Ты не выполнила свое задание, и наши вожаки спохватились, что Нейя еще не выполнил свое. Нам нужно больше времени. Не будь ты такой дурой, оно бы у нас было.

– Да о чем вы говорите? – спросила я, издав легкий рык. Вороны всегда бывают уклончивы и любят говорить обиняками, но я хотела знать, что происходит.

Хлела не ответила. Они с Нлитсой повертели головами, как будто что-то на склоне холма привлекло их внимание. Тлитоо заговорил, но Хлела метнула на него быстрый взгляд, и он захлопнул клюв.

Аззуен нетерпеливо фыркнул:

– Это же очевидно, Каала. Воронам очень важно, чтобы ты справилась с заданием. И задание Тлитоо, несомненно, связано с твоим. Иначе Гладкому Крылу и Песни Дождя не было бы дела до того, чем ты занималась сегодня, и Милсиндра не спросила бы про Тлитоо. Но я пока не понял, – продолжал он, обращаясь к молодому ворону, – что именно ты должен сделать. Если мы ничего не будем знать, то не сможем помочь.

– Волкозлюка говорила обо мне? – спросил Тлитоо.

– Да. Она спрашивала, где ты и путешествовали ли мы вместе, что бы это ни значило.

– И что ты ответила? – быстро спросила Хлела.

– Ничего. С какой стати?

Хлела каркнула, обращаясь к Тлитоо:

– Рассказать им, Нейя?

– Нет. – Тлитоо сверкнул глазами. – Я сам. В другой раз. Не сейчас.

Он втянул голову в плечи, как тогда, когда его атаковали вороны.

Хлела провела клювом по спине Тлитоо, несколько мгновений смотрела на меня, а потом кивнула совсем по-волчьи.

– Нлитса слетает за край Долины, – сказала она, – и узнает, правду ли этот новый волк сказал о твоей матери и действительно ли она ждет тебя. Когда ты в таком случае будешь готова приступить к своим обязанностям?

– Откуда вы знаете?.. – спросила я, чувствуя себя разоблаченной.

Воронихи обменялись взглядами, и их громкий хриплый смех эхом отдался от камней.

– У вас, волков, вроде бы такие хорошие носы и уши, – заметила Хлела, – но вы не догадываетесь посмотреть вокруг… – она снова рассмеялась, – или вверх.

– Отчего ты помогаешь Каале? – спросил Аззуен. Вороньи мотивы внушали ему сомнение.

– Мы хотим, чтобы она занялась тем, чем должна заняться, – ответила Хлела, ковыряя клювом землю.

– Хорошо, – сказала я, прежде чем Аззуен успел вмешаться. – Спасибо.

– Договорились. – Хлела решительно щелкнула клювом. Она снова подскочила к Тлитоо, что-то прошептала, дважды провела клювом по его голове и, не сказав больше ни слова, сорвалась с места. Нлитса последовала за ней.

– Хлела и Нлитса летают одни, с тех пор как едва оперились, – объяснил Тлитоо, провожая вороних взглядом. – Их отца, мать, братьев и сестер убил длиннозуб, пока Нлитса и Хлела искали ягоды. Они знают, что такое лишиться родителей. Вот почему они хотят тебе помочь.

– Передай им мою благодарность, – попросила я. – Но почему ты не можешь сказать, что случилось?

– Потерпи еще немного, волчишка. Ты мне веришь?

– Да, – сказала я.

Тлитоо перевел взгляд на Аззуена.

– Обещаю, что все скажу, как только смогу.

Он казался таким одиноким и покинутым, что я решила ободрить молодого ворона. Ни о чем не думая, я быстро подошла к камню и лизнула спину Тлитоо. Перья у него были не такие, как у бескрылых птиц, – с привкусом дыма, древесной коры и мяса. Бескрылые птицы ели только растения и ягоды, их оперение имело более легкий вкус. Удивившись, я лизнула Тлитоо еще раз.

Вдруг скалистый склон, все запахи и дневная прохлада исчезли, сменившись порывом ледяного воздуха и темнотой, без звуков, без запахов. Я ничего не видела и не чуяла. Темнота поплыла, передо мной возникли перья, клювы, головы воронов – ничуть не меньше моей собственной, – которые приближались и угрожали мне. Крылья били меня, когти впивались в тело, сердце колотилось от боли и страха. Две огромные, поросшие шерстью тени отогнали птиц. Я взвизгнула, и видение исчезло – так же быстро, как и возникло. Я отскочила, вновь оказавшись на Каменном Гребне. Тлитоо стоял в нескольких шагах, раскинув крылья.

– Что случилось? – выдохнула я.

– Больше так не делай, волчишка! – В глазах Тлитоо был ужас. – Не прикасайся. И не спрашивай почему. Ни о чем не спрашивай. Я прилечу, когда смогу.

Неловко подпрыгнув, он поднялся в воздух и полетел на юг, к реке.

Мы молча наблюдали за ним. Я понятия не имела, что произошло, когда я прикоснулась к Тлитоо, но мне стало

страшно. Я смотрела вслед ворону и не знала, что делать дальше. Аззуен нарушил молчание:

– Нужно вернуться к людям. Сейчас же, Каала. Ты знаешь, они не любят охотиться в темноте.

– Знаю, – ответила я, продолжая смотреть вслед Тлитоо. Слабые человеческие глаза и впрямь не годились для ночной охоты. Я стряхнула странное ощущение, охватившее меня, когда я коснулась Тлитоо. – Но рано или поздно я пойду к матери.

– Пойдешь, – подтвердил он. – И я пойду с тобой. Когда ты ушла, мы поговорили с Тревеггом. Я придумал, что тут можно сделать… – Аззуен говорил быстро, как будто боялся, что я его перебью. – Верховные сказали, что волкам придется жить с людьми, но не уточнили, каким именно волкам. Мы сделаем так, чтобы люди приняли волков как сородичей, и тогда Тревегг займется остальным. В Долине есть и другие волки, которые любят людей и лишь ищут повода, чтобы сойтись с ними. Например, Иллин и некоторые молодые волки из Мышеедов и стаи Древесной Тропы. Как только мы убедимся, что у Тревегга получается, то заберем наших людей и уйдем из Долины. Мы создадим свою стаю. Нужно лишь, чтобы люди подружились с нами за две луны, а не за три, тогда мы успеем покинуть Долину и поискать Неесу.

Он выжидающе взглянул на меня.

– Ты рассказал Тревеггу про Деммена и мою мать? – уточнила я, чувствуя головокружение.

– Да, – ответил Аззуен, отчасти извиняясь, отчасти с вызовом. – Он должен был знать.

Я думала изо всех сил, чтобы не отставать от Аззуена и связать то, что он сказал, с тем, что я уже решила. Я завиляла хвостом раньше, чем успела понять, что Аззуен подсказал выход, который я искала.

Разговаривая с Милсиндрой, я поняла, что недостаточно убедить людей принять нас в стаю. Я знала, что должна действовать быстро, чтобы найти мать. Еще я сообразила, что Милсиндра выказала слабость. Если некоторые члены Совета, как она сказала, действительно считали меня угрозой и не сомневались в моем провале, были и те, кто видел во мне спасителя и сочли бы успех верным доказательством. Чем крупнее успех, тем вероятнее, что Зориндру и его приверженцы возьмут верх над Милсиндрой. Она сказала, что усложнит нам жизнь, поставит еще больше препятствий, если я справлюсь. Значит, нужно преодолеть преграды, прежде чем они возникнут. До сих пор я не могла понять лишь одного: каким образом удерживать волков и людей вместе в течение года и в то же время

отправиться за край Долины на поиски матери? Я должна была ее найти, если смела хотя бы надеяться, что Деммен сказал правду. А теперь благодаря умнице Аззуену я увидела отличную возможность.

– Это же все меняет, – сказала я в основном самой себе.

– Да, – согласился Аззуен, – но вещи вообще склонны меняться, и бояться тут нечего.

Я и не боялась. Впервые с тех пор, как Деммен сообщил новости, я почувствовала прилив сил. Перемены – вот чего я хотела. Я лизнула Аззуена в морду, и у него округлились глаза.

– Да, – подтвердила я, лизнув его в щеку. – Отличная идея.

– Но?.. – подозрительно уточнил он.

Я улыбнулась – так же тонко и зубасто, как Милсиндра.

– Нам не придется возиться с людьми два месяца. Мы сделаем так, что они примут нас сегодня. Сейчас же. И мы не просто станем частью стаи. Надо показать Совету, что мы справляемся даже лучше, чем они думали. Что волки и люди предназначены стать единым целым…

С каждым словом я чувствовала, что становлюсь сильнее. Я превращалась в волка, который сам за себя отвечает и принимает решение по собственной воле, вместо того чтобы подчиняться чужим прихотям.

– И тогда ты – спаситель, а не проклятие, – закончил Аззуен.

– Да, если им так хочется.

Мне было все равно, даже если бы верховные сочли меня дочерью Неба. Лишь бы я сохранила жизнь людям и собственной стае и успела найти мать. Я зарысила по направлению к Старому Лесу. Аззуен побежал следом.

– Каала, – подозрительно произнес он, – но как же ты сделаешь, чтобы люди не просто приняли нас в стаю?

– Я кое-что прикинула, – сказала я, с силой толкая его плечом, – а придумать остальное поможешь ты.

Я бросилась к Старому Лесу бегом. Аззуен не отставал.

Добравшись до Старого Леса, мы увидели людей, которые стояли кучкой и смотрели на лошадей. Те были все живы и целы. Судя по виду, люди выбились из сил. Они горбились, одни опирались на острые палки, другие сидели, прислонившись спиной к деревьям и камням. Я чувствовала запах пота и усталости. Тали сказала, что им нелегко охотиться на лошадей, потому что те не только быстро бегают, но еще и научились увертываться от острых палок.

– Они еще никого не поймали, – облегченно шепнул Аззуен.

Я кивнула. Тем проще. Я миновала Тревегга и Марру, которые сидели и наблюдали за людьми и за табуном, на ходу

ткнулась носом в щеку Тревегга в знак приветствия и извинения, но не остановилась, когда он меня окликнул, а побежала к людям. Аззуен поспешно заговорил с Тревеггом и Маррой, объясняя наш замысел.

Халин заметил мое приближение, и я перешла на шаг, опустив уши и хвост. Убедившись, что он не поднял острую палку, я двинулась дальше. Тали, Брелан и Давриан заспешили к Халину. Давриан зашептал – так громко, что расслышал бы даже тугоухий волк.

– Прекрати, – прошипел он. – Они угрожают нам всем.

Я остановилась, ожидая ответа Халина.

– Не всем, – со смешком ответил человечий вожак. – Только тебе. И не без причины. Если бы волк не наказал тебя за то, что ты ударил Тали, я бы сделал это сам.

Он взглянул на меня и велел:

– Поди сюда, волк.

Я думала, что Халин далеко не сразу согласится вновь подпустить волка к своей стае, но он протянул руку жестом человека, который привык к повиновению окружающих. Я почувствовала, как шерсть на загривке приподнимается в знак протеста против его тона, – никто, кроме вожака, не имел права так со мной говорить, – но заставила себя успокоиться. Я медленно подошла и лизнула протянутую руку.

Он наклонился и коснулся полумесяца на моей груди. А потом, глубоко погрузив пальцы в шерсть, ухватил за кожу и крутанул. Я взвизгнула. Тали затаила дыхание.

– Значит, волк, ты готов защищать тех, кому покровительствуешь? Я понимаю. Но не смей никогда рычать на меня. Ясно?

Мне так хотелось укусить руку Халина, показать ему, что я не из трусливых. Но приходилось думать о более важных вещах. Я опустила шерсть на загривке, расслабила губы. На это ушли все силы, но я старалась казаться спокойной и безобидной, подавляя соблазн зарычать на Халина и вцепиться в руку, которая держала меня. Я поджала хвост между ног и лизнула запястье вожака.

Он улыбнулся и кивнул, как будто получив подтверждение чему-то, и разжал пальцы. Я заскулила от боли в груди, но все-таки еще раз лизнула руку Халина. Его улыбка стала шире.

– Видишь, Давриан, просто нужно знать, как с ними говорить. Так. У нас еще есть время, пока светло. Сейчас посмотрим, права ли Тали и будет ли от волков прок.

Халин вскинул руку, и несколько человек, включая его самого, Тали и Брелана, вошли в табун. Я встряхнулась, поймала взгляд Аззуена и двинулась следом. Когда Халин остановился,

разглядывая лошадей, я слегка толкнула человеческого вожака бедром. Он посмотрел на меня, и я зашагала к упитанной больной кобыле, которую приметила днем. Она заржала и отпрянула. На сей раз Халин понял и дал знак своим.

Аззуен и Марра сорвались с места и присоединились ко мне. Втроем мы принялись гонять кобылу. Она бросилась бежать вместе с двумя другими лошадьми. Все они двигались достаточно проворно, и поймать их было нелегко.

– Отрезай им путь! – крикнула я Халину. Конечно, он не понимал моих слов, но я надеялась, что человек уловит суть. И он уловил. Взглянув на бегущих лошадей, он что-то крикнул соплеменникам. Те кинулись в разные стороны и встали полукругом, чтобы лошади, удирая от волков, не имели иного выбора, как только повстречаться с людьми. Сердце у меня заколотилось, когда я почуяла страх и замешательство добычи. Озаренная незабываемым вдохновением, я погнала больную кобылу прямо на Халина, и он, как настоящий член стаи, направил ее обратно ко мне. Она поднялась на дыбы, и крепкие ляжки оказались совсем рядом с моими зубами. Я вцепилась в толстую шкуру, пытаясь повалить лошадь. Аззуен предупреждающе тявкнул, и я едва успела увернуться от копыта. Но в этот момент Брелан ударил кобылу острой палкой. Она упала на бок, с трудом встала и принялась лягаться. Ее ранили еще дважды. Одна палка отскочила, другая глубоко засела в теле. Оставалось надеяться, что люди достаточно метко целятся, чтобы не ранить своих сородичей и нас. Аззуен схватил кобылу за брюхо, раздирая плоть. Лошадь зашаталась, и я позабыла обо всем, кроме охоты. Четыре человека во главе с Халином бросились к добыче и принялись пырять ее острыми палками. Больше ничего не понадобилось. Кобыла завизжала и упала. Я услышала, как поодаль люди торжествующе закричали, и увидела, как Тревегг, Марра и три человека завалили другую лошадь. Людей не пришлось учить дважды.

Прежде чем солнце зашло за деревья, мы всласть поохотились на лошадей, утративших прежнюю безмятежность. Мы убили четырех. Четырех. Я о таком никогда не слышала. Когда небо потемнело, а остатки табуна сбежали, волки и люди в равной мере стали радоваться успешной охоте. Аззуен и Марра носились друг за другом вокруг лошадиных туш, рыча на лис, которые осмелились подойти близко, а несколько юношей принялись бороться на колючей траве. Незнакомый мускулистый самец подкрался ко мне сзади, повалил наземь и так сильно ткнул в ребра, что я закашлялась. Но он смеялся, поэтому я приняла это как знак дружбы.

Когда я встала и перевела дух, то увидела, что Тревегг, Аззуен и Марра уже принялись рвать одну тушу. У меня заныли зубы, когда я увидела пар, поднимающийся от мяса, и учуяла сытный запах. Я отпрыгнула от человека и понеслась через равнину так быстро, что перекувырнулась через тушу, когда добежала до нее. Я врезалась в Марру, и она зарычала.

Тревегг раздирал брюхо лошади, сунув голову внутрь целиком. Аззуен и Марра не отставали, стремясь съесть побольше и как можно быстрее. Я пристроилась рядом с Аззуеном и ухватила зубами огромный кусок сочной конины, но едва успела проглотить, когда Тревегг повелительно залаял. Я быстро сжевала еще два кусочка, прежде чем отвернуться от добычи.

К нам спешили три человека во главе с Халином. Тревегг улегся на траву в нескольких шагах от добычи. Я, Аззуен и Марра пристроились рядом. Моя пасть увлажнилась, нос призывал вернуться к мясу, и я чувствовала, как рядом со мной дрожит от страсти Марра, но все мы остались на месте. Иного выбора не было, если мы хотели, чтобы следующая часть нашего замысла сработала.

В любой стае именно вожаки решают, в каком порядке и сколько едят прочие. Таким образом, лучшее мясо получают волки, которые в чести у вожаков, а те укрепляют свое положение. Каждый волк с детства приучается отдавать добычу главным, даже если не хочется. Когда я задумалась, как бы сделать так, чтобы люди приняли нас побыстрее, Аззуен предложил проверить, не почувствует ли Халин себя нашим вожаком, если предложить ему свежеубитую добычу.

Было почти невозможно лежать на месте, когда люди подошли к еще дымящейся туше, но мы все-таки устояли. Мы выжидали, и оно того стоило. Когда Халин увидел, что мы отдали добычу, он расплылся в широчайшей улыбке, какой я еще никогда не видела. Он выпятил грудь, и я почуяла, что наша уступка внушает ему гордость.

Он вытянул руку, остановив своих спутников.

– Волки помогли нам охотиться, – объявил он. – Они получат долю мяса.

– «Помогли»? – пробормотала Марра. – Да они бы сегодня лопали грязь, если бы не мы.

– Тише, – велела я, следя за каждым движением людей.

Халин сел на корточки, и люди приблизились к добыче. Мы отползли с дороги. У них ушла целая вечность, чтобы отделить мясо от шкуры. Некоторые пользовались острыми камнями, которые я уже много раз видела и раньше, а у одного в руках была, судя по запаху, лосиная кость, тоже заостренная и

привязанная концом к толстой палке. Краем глаза я заметила, как Аззуен потянулся понюхать человеческие орудия, но Тревегг предостерегающе положил лапу ему на спину, и тот со вздохом вернулся на прежнее место. Мы бы гораздо быстрее освежевали добычу сами, тем более что люди плохо видели в сумерках, но они все-таки справились, хотя и не скоро. Они забрали себе грезлин, но все-таки выделили нам вполне приличное мясо – почти всю ляжку и часть лопатки. Мы съели треть, прежде чем Тревегг заставил нас остановиться и оттащить остальное в заросли, для стаи. Мы нашли ручей и вымыли морды (я помнила, что окровавленная пасть пугает Тали). Когда мы вернулись на равнину, девочка стояла рядом с Халином. Я сделала глубокий вдох и подошла. Когда я приблизилась, Халин положил огромную ладонь мне на спину и присел, чтобы наши глаза были вровень.

– Мы хорошо поохотились, потому что волки помогали нам, Халин, – произнесла Тали, присаживаясь рядом. Она говорила застенчиво и робко.

– Это была отличная охота, – признал Халин, свободной рукой гладя ее по голове. Он напоминал Рууко, ободряющего щенков после успешной охоты. – Хорошо, что ты их привела.

Он помедлил, задержав руку в воздухе, а потом осторожно погладил меня. Затем Халин легонько оттолкнул нас, встал, подошел к остальным и стал помогать им разделывать туши. Тали обвила рукой мою шею и прижалась лицом, прежде чем последовать за Халином.

Люди не вернулись на ночевку в стойбище, а развели костры в Старом Лесу, выставив дозорных возле туш, чтобы отгонять падальщиков. Двое молодых, самец и самка, взяли толстые палки длиной с собственную руку и воткнули концами в костер, чтобы пламя перекинулось на них. Они бегом отправились в деревню, высоко подняв горящие палки и освещая путь. Тревегг послал недовольную Марру к стае, рассказать об успешной охоте.

Там и сям люди жарили мясо. Когда молодые посланцы вернулись, приведя прочих членов племени, работа пошла быстрее. Люди собрали часть конины в связки, которые могли нести на спине, а остальное свалили на два маленьких деревца, соединенных между собой прутьями и шкурами. Тали называла эту штуку «сани». Она сказала, что люди возят на них тяжелые грузы. Аззуен принюхивался не переставая.

– Они не видят ночью, и у них нет шерсти, – дивился он, – поэтому люди делают ночь светлее и теплее с помощью огня и горящих палок. Они не могут унести много мяса в животе, поэтому придумывают разные штуки, чтобы забрать добычу домой.

Аззуен продолжал обнюхивать сани и лизать палки, которыми люди освещали себе дорогу. Я оставила его и принялась наблюдать за Халином, размышляя, достаточно ли мы сделали и получим ли приглашение в стойбище через столь короткое время. Люди как будто совершенно позабыли про нас, пока собирали мясо и радовались. Я слышала, как двое хвастались охотой, как будто все сделали сами. Впрочем, время от времени я ловила взгляд Халина, который наблюдал за нами.

За час до рассвета появились гиены. Четыре твари прокрались на равнину, пытаясь стянуть мясо прямо из той кучи, которую люди собирались класть на огонь. Я увидела гиен первая и предупреждающе тявкнула. Несколько человек с острыми палками вскочили на ноги, но, прежде чем они успели подойти к гиенам, мы с Аззуеном и Тревеггом бросились вдогонку за падальщицами. Гиены, должно быть, сначала увидели и учуяли только людей – когда они заметили троих волков, то сбежали без боя. Две из них даже уронили мясо, которое стащили. Третья удрала, а четвертая – видимо, вожак – остановилась, обернулась и зарычала. Я бросилась вперед и цапнула ее за ляжку, вырвав клок шерсти. Гиена щелкнула пастью, прежде чем припустить вслед за сородичами, но не задела меня.

Весьма довольная собой, я зарысила обратно к Старому Лесу с гиеньей шерстью в зубах. Халин ждал. Он взял шерсть и ткнул меня в ребра – видимо, у человеческих самцов это считалось проявлением дружеских чувств.

– Хорошо, волк, – сказал он. Я подавила удовлетворенный рык. На людей повлиять было нетрудно, совсем как на щенков.

Уже перевалило за полдень, когда люди медленно двинулись в обратный путь, к стойбищу, сгибаясь под тяжелым грузом. Мы следовали за ними, держась на виду, пока они шагали через лес и переходили реку. Еще дважды падальщики пытались напасть, и всякий раз Халин кричал, чтобы мы помогли их отогнать. Когда люди наконец добрались до деревни, мы остановились и подождали, готовясь убежать, если они не пожелали бы нас пригласить. Но Халин заметил меня и протянул руку. В груди потеплело, и я улыбнулась. Мы с Аззуеном и Тревеггом подошли к Халину. Мы-то думали, что будет гораздо труднее, что придется убеждать людей пустить чужаков в свое жилище. Но Халин сел у костра, притянув к себе с одной стороны меня, а с другой Аззуена. Тревегг устроился впереди. Я слышала, как некоторые люди заворчали и отодвинулись, но Халин был вожаком, и они подчинились. Халин дал каждому из нас по куску обожженного мяса и позволил сидеть, греясь теплом человеческого огня.

Глава 9

Я проснулась ночью от приглушенных голосов. Сначала я решила, что Рууко и Рисса собираются на охоту, потому что уже стемнело – настало любимое охотничье время Риссы. Потом я почувствовала аромат мяса и смешанный человеческий запах дыма и плоти и вспомнила, где нахожусь. С заколотившимся сердцем я подняла голову, не в силах поверить, что заснула так крепко, окруженная непредсказуемыми существами – людьми.

Халин ушел, его запах вел к постройке из камней и глины. Аззуен похрапывал у огня, а Тревегг лежал без сна, положив голову на лапы. Ушами и глазами он следил за притихшим становищем. Одни люди разошлись по своим самодельным логовам, другие спали или тихонько работали, сидя у огня, а третьи охраняли стойбище. Мне стало стыдно, что я заснула, предоставив Тревеггу сторожить нас. Когда он увидел, что я проснулась, то заворчал, вздохнул и устроился поудобнее.

Я встала и потянулась, прогоняя сон. Снова послышался негромкий разговор, и я поняла, что́ меня разбудило. Один из голосов принадлежал Тали.

Они с Бреланом сидели у маленького костра, и юноша протягивал ей небольшой сверток, от которого пахло оленем. Поначалу я подумала, что он принес девочке в подарок мясо, и неудивительно, раз он хотел сделать Тали своей спутницей. Но мы ведь охотились на лошадей, а не на оленей, и вдобавок от свертка пахло не свежеубитой добычей, а шкурами, которыми люди прикрывались от холода, хотя подарка Брелана не хватило бы, чтобы прикрыть даже Тали. Озадаченная, я подошла поближе. Тали положила руку мне на шею, а я принялась нюхать шкуру, сложенную в несколько раз, так что она была не длиннее чем в полруки девочки. Брелан поднял сверток над головой.

– Нет, волк. Это не для тебя.

Он думает, я не понимаю?.. Я уставилась на Брелана. Он моргнул, почесал шерсть на голове и снова протянул сверток Тали. Она улыбнулась и разрешила понюхать шкуру. Я по-прежнему не могла догадаться, что это такое. Лишь когда Тали сняла рваные шкуры, которые носила на ногах, и развернула странный подарок, я поняла, что Брелан принес ей новые завертки для ног. Те, что носила Тали, были подшиты медвежьим мехом для защиты от холода, но уже порвались в нескольких местах и болтались во время ходьбы. Подарок Брелана отлично годился для того, чтобы защитить ее ноги в теплые предвесенние дни. Брелан стал бы для Тали хорошим спутником. Простив ему

недавнюю грубость, я в благодарность лизнула лицо юноши. Он испуганно взглянул на меня, поморщился и вытер губы ладонью.

Я услышала шаги, обернулась и увидела подходившую к нам женщину, невысокую, но коренастую, с властной повадкой. Она была старше Тали, но младше Ниали, и от нее так похоже пахло, что, наверное, она приходилась им близкой родней.

– Что это тут? – спросила она. – Что у тебя такое, Тали?

Женщина протянула руку.

Брелан поднялся. Я уже заметила, что люди вставали в присутствии уважаемых членов стаи. Я этого решительно не понимала, потому что волки, напротив, стараются казаться как можно меньше, когда поблизости есть кто-то более влиятельный. Меня озадачивала привычка людей вставать. Тали тоже поднялась и неохотно отдала женщине подарок.

– Брелан принес мне башмаки, тетушка, – сказала она. Башмаками люди называли завертки для ног.

Женщина поморщилась. Она вернула шкурки Тали и взглянула на Брелана, упершись руками в бедра.

– Ты за ней ухаживаешь? – поинтересовалась она. – А со мной ты не поговорил.

На мгновение Брелан как будто утратил дар речи. Потом он выпрямился и ответил:

– Да, Ринали, ухаживаю. Завтра я попрошу разрешения Халина.

Тали улыбнулась.

Ринали прищурилась.

– Ты знаешь, что Тали станет целительницей племени Лин? Мы должны убедиться, что ты сможешь о ней позаботиться.

Хотя я и провела с людьми совсем немного времени, но поняла, что Ринали требует подарков. Брелан, впрочем, слегка расслабился, поскольку это значило, что ему, возможно, позволят ухаживать за Тали.

Но та затрепетала от ярости.

– Я же говорила, тетя, что не хочу быть целительницей. Я стану крианой и займу место бабушки, когда она состарится. Канлин согласился три года назад.

Ринали схватила Тали за руку и зашипела. Я шагнула вперед. Женщина оттолкнула меня бедром, но смирить гнев мне помогла рука Брелана, которая предостерегающе легла мне на загривок.

– Нет, – сказала Ринали. – Канлин давно умер, теперь вождь племени – Халин, и ты сделаешь то, что велено. И чтобы я больше не слышала разговоров про криан, иначе я позабочусь, чтобы тебе запретили видеться со старухой… – Она перевела дух. Будь она волком, у нее на спине улеглась бы шерсть. – И при чужаках мы

об этом говорить не будем.

Она снова взглянула на Брелана, который пытался поймать взгляд Тали.

– Спасибо, Брелан из племени Лан, – официально произнесла Ринали. – Мы принимаем твой подарок.

Можешь поговорить с Халином завтра и спросить разрешения погостить у нас.

В ее голосе прозвучало явное неодобрение. Брелан кивнул и обнял Тали.

– Мы будем вместе, обещаю, – сказал он тихо, чтобы Ринали не услышала. – Не лезь в неприятности. Пусть думают, что ты подчинилась.

Брелан взглянул на меня.

– И пусть Серебряная Луна тоже не лезет в неприятности.

Я опустила уши, показывая, что поняла. Брелан легонько оттолкнул Тали. Лишь когда она кивнула, он отошел и улыбнулся Ринали:

– Спасибо. Я вернусь завтра, чтобы поговорить с Халином.

Он погладил шерсть на голове Тали и зашагал в заросли. Ринали предостерегающе взглянула на девочку и пошла через стойбище к себе. Тали несколько мгновений неподвижно стояла, тяжело дыша, потом села у огня и прильнула ко мне.

– Побудь со мной, Серебряная Луна, – попросила она.

Девочка прижала подаренные шкурки к груди и свернулась у огня. Сначала она лежала, дрожа, но наконец задышала ровно. Я поняла, что она заснула. Тогда я высвободилась из рук Тали, подошла к костру Халина и потрогала Аззуена лапой, чтобы разбудить.

Когда он открыл глаза, я быстро пересказала, что случилось между Тали и Бреланом, и добавила, что юноша покинул племя Лин на ночь.

– Брелан сказал, что Давриан тоже хочет стать спутником Тали и что Халину он нравится больше. – Аззуен взглянул в сторону зарослей. – Утром я сбегаю за Бреланом, если он не вернется.

Его спокойный взгляд словно подбивал возразить.

– Ладно. Но пока что карауль. Я побуду с Тали.

Я вернулась обратно и легла рядом с девочкой. Я решила бодрствовать на тот случай, если понадоблюсь, но усталость оказалась сильнее, чем я думала. Теплое и мягкое тело Тали и ее дыхание убаюкали меня, прежде чем я это поняла.

Я проснулась от криков и удара камня о дерево. Я вскочила и огляделась. Тали стояла в дальнем конце стойбища, прижавшись спиной к стене пахнущего травами логовища, где мы впервые

встретились. Перед ней стояли Халин, Давриан и Ринали – та женщина, которую Тали называла «тетя».

Залитая утренним светом, Тали стояла, скрестив руки на груди и плотно сжав губы. Запах гнева и тревоги исходил от нее, точь-в-точь как поднимается пар от пруда в холодный день. Давриан, неловко переступая с ноги на ногу, держал огромный кусок лосиной шкуры, вытянув руки лишь наполовину, как будто боялся, что Тали его укусит. Лица Халина и Ринали потемнели от ярости. Ринали стояла между мужчинами, положив руки им на плечи.

Аззуен сидел на расстоянии нескольких волков от них и наблюдал за происходящим. Он не двигался, не считая подергивающегося кончика хвоста. Тревегг спал у огня. Как можно быстрее, но не привлекая внимания, я скользнула через поляну и легла рядом с Аззуеном.

– Они злятся, потому что Тали не хочет брать плащ, который принес Давриан, – сказал Аззуен, смакуя человеческое слово. Я не знала, что это такое. Плащ походил на одну из шкур, которыми люди прикрывались во сне. Лосиная шкура особенно ценилась из-за своей величины. Из нее можно было сшить несколько одежек и заверток для ног, но для того, чтобы укрыться, требовалась шкура целиком.

– Ринали потребовала, чтобы Тали взяла подарок, а та швырнула камнем в дерево. Так сильно, что могла бы убить добычу, – с восхищением произнес Аззуен.

– Почему она не хочет плащ? – спросила я. Шкура была теплая, а Тали – такая худая, что наверняка нуждалась в тепле.

Аззуен не ответил и пополз ближе к людям. Я последовала за ним.

– Спасибо, Давриан, – сказала Тали бесстрастным от сдерживаемых чувств голосом. Судя по тому, как дрожали у нее ноги, девочке с трудом удавалось говорить спокойно и вежливо. – Я благодарна тебе, но не могу принять подарок.

– Почему? – спросил Давриан, точь-в-точь как щенок, у которого отобрали кусок мяса.

Тали не ответила. Давриан опустил глаза. Когда он увидел завертки для ног – башмаки, – подаренные Бреланом, обида превратилась в гнев.

– Ты приняла подарок от племени Лан, а от меня не примешь?

– Да! – огрызнулась Тали, поддаваясь ярости. – Я приняла подарок от Брелана. Я выбрала его по праву крианы, а он меня. – Она шагнула вперед и задрала подбородок. – Уходи, я тебя не хочу!

Голос Тали звучал громко. Краем глаза я заметила, как два человека отвели взгляд от огня, на котором готовили еду. Из логовищ выглянули еще несколько.

Давриан отступил, прижимая плащ к груди. Мне показалось, что Халин вот-вот ударит Тали. Я медленно двинулась вперед. Я не стала бы кусать человеческого вожака, но могла по крайней мере встать между ним и Тали.

Ринали опомнилась первая. Она обеими руками коснулась груди Халина и обратилась к Давриану.

– Тали еще молода и в полной мере не понимает своего долга, – произнесла она, успокаивая юношу. – Мы принимаем твой подарок. Ты можешь погостить у нас.

– Чтобы ухаживать за Тали заодно с Бреланом, – негромко прорычал Аззуен.

– Ничего удивительного, – сказал Тревегг, подходя. – Выбирая спутников, люди часто заключают союзы с другими племенами. Твоя девочка должна вести себя тихо, если хочет добиться своего.

Тали открыла рот, чтобы возразить Ринали, но женщина взглянула на нее с таким бешенством, что она тут же опустила глаза. Но вместо слез или страха я увидела в них бушующий гнев. Я коснулась лапой бедра Тали и прижалась носом к башмакам, пытаясь напомнить слова Брелана. Тали должна была внушить вожакам, что готова подчиниться.

Давриан перевел взгляд с Тали на Ринали и Халина, по-прежнему прижимая плащ к груди, а потом сунул девочке, так что она чуть не стукнулась спиной о стену.

– Спасибо, Ринали, – произнес он. – Я знаю, что она еще молода. Я принимаю ваше предложение.

Женщина улыбнулась, забрала у Тали плащ и накинула его на плечи девочки. Он спускался почти до колен, а верхний край был подбит кроличьим мехом. Ринали набросила его на голову Тали, и он полностью скрыл ее лицо.

– Очень красиво, – сказала Ринали, поглаживая мех. – Спасибо.

Давриан улыбнулся:

– Я скажу отцу, что побуду здесь.

Он развернулся, собираясь уйти, потом остановился, потер руки о бедра и снова повернулся к вожаку племени Лин.

– Ты знаешь, Халин, – сказал он негромко и с уважением, – что племя Риан больше не живет по-старому. Мы не слушаем старых криан.

– Я об этом слышал, – ответил Халин. – Мне рассказал мой сын, Тонлин, прежде чем покинуть нас. Поэтому я и предназначил тебя для Тали.

В голосе вожака вновь зазвучал гнев, и он сердито взглянул на Тали, когда упомянул Тонлина.

– Мы дружили с Тонлином, – сказал Давриан. – В память о нем я открою тебе то, что не говорил никому, кроме отца. – Он опустил глаза, как будто смутившись, но, посмотрев снизу, я увидела на лице Давриана улыбку. – Древние говорили со мной – точно так же, как, по словам Тонлина, говорили с ним. Как и ему, они сказали мне, что предназначение человеческого рода – повелевать всем миром. Крианы неправильно поняли завет Древних. Племя Риан больше не повинуется причудам стариков, которые ходят в лес говорить с деревьями. Мы берем то, что принадлежит нам по праву. Равновесие – это сказка, которую придумали крианы, чтобы удержать власть. Пытаясь его поддерживать, мы слабеем и становимся не лучше волков…

Он указал на нас. Его рука была соблазнительно близко от моих зубов.

– Ты дурак, – возразила Тали, отбросив шкуру с лица. Взлохмаченные темные волосы падали ей на глаза. – Если не поддерживать Равновесие, людям нечем будет «повелевать». Ты сам не знаешь, что говоришь.

Давриан покраснел, но не ответил. Он поднял голову и взглянул на Халина.

– Разве другие живые существа делают копья и ножи? Разве они строят укрытия, шьют одежду и владеют огнем? Жить по-старому больше нельзя, Халин! – Он повысил голос, и сразу несколько человек направились к нам. Я узнала Кили – женщину, которая помогала Халину охотиться в Старом Лесу.

Я видела, что вожаку понравились слова юноши.

– Прошу прощения, если говорил слишком горячо, – продолжал Давриан. – Но знай – если ты отдашь мне Тали, она станет крианой, как моя жена, и ничего не потеряет.

Тали глубоко вздохнула, явно собираясь вновь выругать Давриана, но Халин с силой сжал руку девочки. Я видела, что его пальцы оставили алые отпечатки, и с трудом удержалась, чтобы не прыгнуть на человеческого вожака. Тревегг и Аззуен прижались ко мне.

– Спасибо, Давриан, – сказал Халин. – Я обдумаю твои слова.

Давриан кивнул и попытался заглянуть в глаза Тали. Она опустила голову, а ее лицо было скрыто волосами. Давриан потянулся к ней, как будто желая дотронуться, поморщился, развернулся и скрылся в лесу.

Тали вырвала руку из хватки Халина. Тот выпустил девочку.

– Он врет! – воскликнула Тали, глядя на вожака. – Он ходит в лес и курит там сонную траву. Не удивлюсь, если он и впрямь

думает, что слышит голоса Древних. Но настоящие крианы постигают Равновесие по-другому.

– Как? – поинтересовался Халин. – Ни ты, ни старуха об этом не говорите.

Тали отбросила волосы с лица и уставилась под ноги. Она не могла рассказать Халину, что крианы общаются с верховными волками.

– Ты ведь знаешь, что надо поддерживать Равновесие, – наконец произнесла она.

– Тали права, Халин, – сказала Кили. До сих пор она держалась поодаль, наблюдая за Халином и Даврианом, а теперь выступила вперед. Рядом стоял высокий сильный самец, судя по всему, очень близкий ей. За их спинами полукругом выстроились еще четверо, своего рода молчаливая поддержка.

– Нельзя просто взять и отказаться от прежних обычаев. И ты нас не заставишь. Твой сын уже попытался.

– И ты со своими друзьями так унижала его, что он ушел, – сквозь зубы проговорил Халин.

– Мы все хотим, чтобы племени Лин жилось хорошо, – негромко ответила Кили. – Но не надо спешить. Мы уважаем тебя как вождя, но не позволим отбросить то, что знали до сих пор. Мы не возражаем, если ты выберешь для Тали мужа по собственному усмотрению – таково твое право, – но племя должно сообща решать, как будет лучше для него. И ты это знаешь.

Она коснулась плеча Халина и отошла вместе со своим спутником. Остальные последовали за ней.

Однажды, когда я была еще щенком, Рууко разозлился на меня и хотел прогнать. Но слишком многие в стае считали, что я способна принести пользу, поэтому ему пришлось смириться с их желанием. Вожак командует лишь в том случае, если остальные согласны подчиняться. У людей, видимо, то же самое.

Халин посмотрел вслед сородичам, потом повернулся к Тали.

– Ты не прогонишь Давриана так, как прогнала моего сына! – прорычал он. – Если я выберу его, ты пойдешь с ним. И я заставлю племя отказаться от выдумок, которыми нас пичкала старуха!

Он зашагал к одному из жилищ, отбросил шкуру, загораживавшую вход, и скрылся внутри. Как только Халин ушел, Тали резко скинула плащ с плеч, и тот упал наземь.

– Ты спятила? – зашипела Ринали. – Это же самый дорогой подарок, какой только приносили женщине племени Лин! А если Давриан станет крианом своего племени, ты получишь все, что хочешь! Хотя будет чудо, если он не откажется от тебя после

твоей сегодняшней выходки!

Лицо Тали побледнело, затем потемнело, она открыла рот, чтобы возразить, несколько раз глубоко вздохнула и сомкнула губы. Она ухватила меня за загривок, и я прижалась к девочке. Ринали посмотрела на нас, кивнула, подобрала плащ и погладила густой мягкий мех.

– Давриан подходит тебе больше, чем Брелан, но раз уж они оба остались тут, Давриан будет больше тебя ценить. – В голосе женщины звучало удовлетворение. – Пусть поживут до Весеннего Совета, а потом он станет твоим мужем.

Тали стояла, крепко сжав губы и не говоря ни слова. Ее пальцы сжимались до боли, но я не двигалась. Ринали снова покачала головой и отошла, забрав с собой плащ.

Тали разжала руку, подняла с земли камень и запустила им в ближайшее дерево, так что кора полетела во все стороны. Я вспомнила звук, который меня разбудил, и увидела под деревом несколько камней. Тали, дрожа, постояла рядом со мной. Наконец она потерла ногой о ногу и сказала:

– Пошли, Серебряная Луна. Я не собираюсь замуж за болотную змею. Я должна стать крианой.

Она выпрямилась в полный рост и зашагала в заросли, к жилищу Ниали. Я не пыталась остановить девочку. Мне тоже хотелось поговорить со старой крианой. Я надеялась еще несколько раз поохотиться с людьми, чтобы окончательно завоевать их доверие, прежде чем перейти к следующей части нашего замысла. Но если Халин собирался отослать Тали, нужно было действовать быстрее.

Аззуен согласился остаться в человеческом становище, а мы с Тревеггом пошли вслед за Тали к ее бабушке. Ниали жила на другом берегу реки, на землях нашей стаи. Раньше она жила вместе с остальными соплеменниками, но Халину надоело выслушивать, на кого он может и на кого не может охотиться. Не в его власти было сделать так, чтобы она перестала быть крианой, но по крайней мере он поселил ее на отшибе.

Мы с Тревеггом запросто переплыли реку и подождали, пока Тали переберется посуху, очень неловко ступая с камня на камень. Я взволнованно наблюдала за ней, готовая прыгнуть в воду, если девочка упадет. Впервые я увидела Тали, когда она свалилась в реку, пытаясь точно так же перейти на другой берег.

– Научи ее плавать, – сказал мне Тревегг, наблюдая за неуклюжими движениями Тали. – Она обязательно упадет снова.

Тали прыжком перемахнула на берег, приземлившись на корточки. Она увидела, что мы смотрим на нее, и поморщилась.

– Я знаю, что делаю, – сказала она.

Тревегг фыркнул и побежал в лес. Я пошла с Тали. Для человека она двигалась довольно быстро, и я думала, что мы скоро доберемся до дома Ниали. Но, дойдя до оленьей тропы, которая вела к криане, Тали свернула и двинулась в заросли в совершенно другом направлении.

– Сюда, Серебряная Луна, – позвала она.

Я заскулила и прошла несколько шагов в ту сторону, куда нам было надо. Но Тали не последовала за мной, поэтому я вернулась к ней, коснулась лапой бедра и снова заскулила, взглядом указывая на тропу.

– Она там больше не живет, Серебряная Луна, – сказала Тали. – С тех пор как Тонлин ушел из племени.

Она присела, чтобы мы оказались вровень. Заметив грязь на ухе Тали, я слизнула ее. Тревегг, заметив, что мы остановились, подошел и сел рядом.

– После сильной метели Халин попытался сделать своего сына крианом, ни с кем не посоветовавшись. Но те в племени, кто верит в Равновесие, ему не разрешили. Когда я сказала Тонлину, что не стану его женой, он ушел, и Халин во всем обвинил мою бабушку. И многие другие тоже, кому не по нраву старые законы. Они угрожали ей и хотели сжечь дом. Бабушке пришлось найти другое место… тайное. Мы с Бреланом и Микланом выстроили для нее новый дом. Нам сюда.

Она быстро зашагала через заросли, избегая троп, по которым обычно ходили люди. Достигнув узкой каменистой тропинки, Тали пустилась бегом. Мы с Тревеггом легко следовали за девочкой.

Мы бежали несколько минут, когда вдруг почуяли верховного волка. Мы сбавили ход и остановились. Франдра и Яндру, верховные волки и хранители стаи Быстрой Реки, вышли и встали перед нами.

Облегчение при мысли о том, что это они, а не Милсиндра, и удивление оттого, что они не скрыли свой запах, быстро сменились страхом, едва я вспомнила, что обещала встретиться с ними через четверть луны и рассказать о своих успехах. Четверть луны минула, а я была так занята, что совершенно забыла навестить верховных.

Я опустила хвост и уши и скользнула вперед, чтобы поприветствовать Франдру и Яндру. Мысли бешено неслись, пока я пыталась придумать какое-нибудь оправдание. Аззуен и Марра умели это гораздо лучше.

Едва я открыла рот, надеясь, что в голову придет нечто разумное, Тревегг предостерегающе фыркнул. Яндру метнулся так быстро, что я увидела только мелькнувшую голову и блеск

зубов. Верховный волк вцепился мне в загривок, опрокинул на спину и поволок в лес. Я была уже почти взрослая, но он тащил меня легко, как новорожденного щенка. Я со страхом вспомнила, как однажды сама волокла по зарослям зайца, прежде чем сломать ему шею и съесть.

Я извернулась и попыталась встать на ноги, но лишь засыпала себе морду грязью и палой листвой. Я уперлась лапой в грудь Яндру, но он с силой тряхнул меня и повалил на бок. Франдра, бежавшая рядом, дала мне крепкого тычка в ребра, и я решила, что лучше не сопротивляться. Я висела, глядя на мокрую от грязи грудь Яндру, пока волочилась за ним по земле.

Они с Франдрой двигались быстро, и я слышала торопливые шаги Тревегга, который пытался нас догнать, и топот Тали. Люди умеют бегать, когда хотят, да и Тревегг для своих лет был проворен, но верховные мчались быстрее и запросто оставили старого волка и девочку позади. Они даже не искали свободный проход в зарослях, а просто ломились сквозь кусты, которые попадались на пути. Через несколько минут Яндру пробрался через густой колючий кустарник и плюхнул меня в грязную лужу подтаявшего снега.

Несколько мгновений я сидела, совсем сбитая с толку. Я чуяла шерсть, мяту, хвою, ягоды и дым. Самым сильным, впрочем, был человеческий запах. Где-то рядом шкура хлопала по камню. Вконец озадаченная, я потрясла головой. Когда головокружение прошло, а в глазах прояснело, я, к своему великому удивлению, поняла, что сижу перед человеческим логовом. Здесь пахло травами и кем-то знакомым. Должно быть, это и было новое жилище крианы.

В отличие от любого другого человеческого жилища оно, как и старое убежище Ниали, не отделялось от окружающего леса, но словно росло из земли, как дерево. Конечно, оно стояло на прочном основании из камней и глины, но Ниали расчистила вокруг лишь маленькую полянку, так что я почувствовала себя не менее уютно, чем на любом нашем сборном месте. По крайней мере почувствовала бы, если бы не двое сердитых верховных волков, которые маячили надо мной.

Я встала и отряхнулась. Яндру вновь ухватил меня зубами и потащил к жилищу Ниали, миновав антилопьи шкуры, которые висели в узком проходе. Я упала на плотно утоптанную землю, усыпанную сухой травой.

– Думаю, она могла бы прийти и собственными лапами, Яндру, – успокаивающе зазвучал старый голос, в котором слышалось удивление.

– Пусть не забывает, кто в Долине главный! – прорычала

Франдра, входя в дом. – Ты должна была явиться еще пять ночей назад!

Я с трудом поднялась на ноги, поприветствовала Ниали и повернулась к верховным.

– Я собиралась, – ответила я. – Но сначала хотела, чтобы люди пустили нас в свое стойбище. Тогда бы мы смогли сказать Совету, что отлично справляемся.

Франдра яростно уставилась на меня.

– Ты думаешь, мы дураки? Думаешь, я не знаю, что тебе важнее люди и твои приятели, чем Совет верховных волков? Ты делаешь что вздумается, а потом придумываешь оправдания. Не задирай нос – тебе известно далеко не все, что происходит в Долине. Ты не смеешь принимать решение, не посоветовавшись с нами. Запомни это, щенок.

Она глубоко вдохнула, чтобы успокоиться. Я изумленно наблюдала за ней. Не так-то часто случается видеть, как верховного волка одолевают чувства. Франдра заговорила вновь – очень сдержанно:

– С тех пор как Ледяная Луна пошла на убыль, многое изменилось. – Она потрясла косматой головой, словно желая отогнать неприятные мысли. – Совет недоволен нашим договором.

– Знаю, – сказала я, прежде чем успела остановиться, и тут же пожалела. Я не собиралась рассказывать верховным о стычке с Милсиндрой.

– Откуда? – тут же спросила Франдра.

И тут в жилище крианы протиснулся Тревегг. Сначала он поздоровался с Ниали и получил кусочек обожженного на огня мяса, а потом обернулся к верховным. Они не ответили на его приветствие.

– Если бы мы хотели тебя видеть, старик, то пригласили бы! – прорычала Франдра. – Уходи!

Тревегг сел у огня, обернув хвост вокруг ног. Яндру ощетинился и оскалил зубы, я попятилась к стене, но Тревегг бесстрашно взглянул на верховного.

– Перестань метить территорию, Яндру! – огрызнулся он, раздраженно поднимая шерсть на загривке. – Я прожил девять зим и набил столько дичи, что хватило бы на всю Долину. Думаешь, ты чем-то можешь меня напугать? – Он гневно посмотрел на верховных волков. – Что тут творится?

Яндру убрал клыки, Франдра негромко зарычала. Я наблюдала за верховными, изо всех сил стараясь не глазеть на них чересчур открыто, чтобы не проявлять неуважения.

Новое жилище Ниали было слишком маленьким, да и огонь в

центре занимал место. Четыре волка и один человек вынужденно сидели бок о бок. Я прижалась к каменной стене, когда верховные зарычали.

– Ну хватит, друзья мои, – вмешалась Ниали. – Франдра, Яндру, вы собрали нас не для того, чтобы секретничать.

Верховные взглянули на женщину, и Яндру опустил уши. Я не удивилась бы сильнее, если бы он склонил голову перед оленем. Я даже не думала, что верховные волки способны обращаться с человеком как с равным.

– Мы звали не всех, – намекнула Франдра, глядя на Тревегга.

– Спроси у юной Каалы, – проворчал Яндру. – Кажется, она столько знает, что даже не советуется с нами, как положено.

Четыре пары глаз посмотрели на меня. Я задумалась, рассказать или нет верховным о том, что узнала. Яндру и Франдра были нашими союзниками среди верховных волков, но я не доверяла им так, как Зориндру. При случае они обрекли бы мою стаю и людей на смерть и пользовались мной, как люди – своими орудиями. Я опустила глаза.

– Поди сюда, Каала, – велела Ниали. Она сидела у огня на груде меха, завернувшись в шкуры.

Я подошла, села у ее ног и осторожно прижалась. От крианы пахло шкурами и высушенными на солнце травами.

– Ты мне расскажешь? – спросила она. – Я хочу знать.

Для Ниали я бы сделала что угодно. Но все-таки колебалась, разрываясь между желанием обрести союзников в Совете верховных и боязнью предательства. Я взглянула в сморщенное лицо старой крианы. Она похудела, как и многие люди после зимнего голода, но дело было не только в этом. От нее пахло слабостью, угасанием жизни и в то же время – стойкостью и уверенностью в том, как поступать правильно. Я вздохнула. Ниали знала Франдру и Яндру дольше, чем я могла вообразить. Я не доверяла им, но доверяла ей. И Тревеггу. Я поймала взгляд старого волка и заметила, что шерсть у него на загривке опустилась.

– Я думаю, можно, Каала, – произнес он.

И я рассказала, как Милсиндра угрожала мне после неудачной охоты в Старом Лесу, хотя и умолчала о своей матери и о том, что собиралась перехитрить Милсиндру и выбраться из Долины. Я сказала, что, по мнению Милсиндры, Древние хотели моего провала, что она фанатично в это верила и обещала сделать все возможное, чтобы я потерпела неудачу, даже если люди все-таки примут нас.

– И ты даже не подумала рассказать нам? – поинтересовалась Франдра. – Никакого фанатизма я тут не вижу, и Милсиндра – не

единственная, кто так считает. Она сказала Совету, что ты охотилась с людьми и что для волка это ненормально. Она заверяла, что никакой настоящий волк не станет охотиться с людьми, не поставив в известность верховных. В итоге она убедила половину Совета, что ты – неправильный волк, который несет опасность всему волчьему роду.

Когда она вдруг замолчала, я подняла глаза и с удивлением увидела, что Франдра дрожит, не в силах продолжать. Ниали притянула огромную волчицу к себе.

– Почему Совет поверил? – спросила я. – Разве верховные глупы? Непонятно…

Тревегг предостерегающе толкнул меня бедром.

– Разве? – прошипел Яндру, и его глаза сверкнули при свете огня. – Ну так послушай. Милсиндра сказала Совету, что, охотясь с людьми, ты прогневала Древних и что скоро мы ощутим их гнев. Если мы не перестанем вести себя неподобающим для волков образом, они пошлют нам беду. Одно предупреждение мы уже получили…

– Какое, Яндру? – негромко перебила Ниали. – Ни о каких предупреждениях я не слышала. Или ты о чем-то забыл мне рассказать?

Она гладила Франдру по груди, успокаивая дрожащую волчицу.

Яростный взгляд Яндру, упав на Ниали, смягчился. Он обратился к ней с уважением, как к равному волку:

– Если Древние разгневаются на какого-нибудь волка или на целую стаю, Ниа, они пошлют три предупреждения – и если не обратить на них внимания, Древние нас погубят. Эти предупреждения – зима, которая длится слишком долго, болезнь, которая убивает целые стаи, или уход дичи, что грозит голодом и войной. Или… – он помолчал и пристально посмотрел в мою сторону, – или волки начинают исчезать бесследно, без всяких объяснений.

Тревегг громко заворчал, а я похолодела. Один волк действительно исчез. Из-за меня. Когда я давным-давно подбила волчат Быстрой Реки поохотиться на лошадей и Реел погиб под копытами, я, по мнению стаи, оказалась виновата не только в его смерти. Борлла, один из щенков Риссы, была моим главным врагом в стае. Они с Реелом и Уннаном не давали мне, самой маленькой и слабой, покоя. После смерти Реела Борлла перестала есть, а потом исчезла. Без следа. Без объяснений.

– Борлла, – сказала я. – Потому что пропала Борлла.

– Мы так и не нашли ее, Яндру, – вмешался Тревегг, – но она могла уйти и сама по себе. Она горевала о брате. Это еще ничего

не значит.

Наверху я заметила какое-то движение и подняла голову. Мне на нос упало перышко. Я чихнула и покрутила мордой, оглядывая жилище. Вниз головой в дыре, через которую выходил дым, маячил силуэт черной птицы. Тлитоо заметил, что я за ним наблюдаю, каркнул и скрылся.

Яндру по-прежнему не сводил с меня взгляда.

– Две ночи назад, – сказал он, – исчез волк из стаи Озера Ветров. Молодой волк, которому еще не исполнилось года. Его не нашли. Никаких следов. Волки всюду искали, на тот случай, если он отправился на дальнюю разведку, и звали, но он не отвечал и не оставил запаха. На моей памяти волки из Долины еще не исчезали. А теперь пропали двое меньше чем за полгода – после того как Каала вытащила человеческого детеныша из реки!

– Разве я виновата в том, что исчез волк из стаи Озера Ветров? – возразила я, взбешенная тем, что верховные сами меняют правила, а потом винят меня в том, что я их нарушаю. – Я сделала то, что вы сказали. Люди вот-вот примут нас – причем раньше, чем вы думали! Не позволяй Совету менять условия!

Я снова получила тычок от Тревегга – такой сильный, что покачнулась.

Ниали огорченно взглянула на меня, но обратилась к Яндру:

– Ты же знаешь, что я думаю о подобных историях. Я не верю, что Солнце, Луна, Земля и Небо могут вести себя таким образом.

Яндру опустил глаза. Ниали протянула руку, и он подошел и прижался к криане. Она сидела, почти скрытая двумя огромными волками.

– Я знаю, ты не согласишься со мной, – продолжала женщина, гладя гигантскую морду. – Не важно. Главное – то, что мы делаем сейчас. – Ниали снова погладила Франдру и нахмурилась, посмотрев в мою сторону. – Они не сказали тебе, Серебряная Луна, на какой огромный риск пошли. Они восстали против Совета, когда спасли тебя в детстве, и еще раз, когда вам подарили жизнь, после того как вы остановили битву на равнине Высокой Травы. Если ты потерпишь неудачу, они лишатся не только своего положения в стае верховных волков. Их убьют, причем жестоко.

Я впервые посмотрела на Франдру и Яндру не как на всесильных созданий, а как на живых существ, которым можно причинить боль, точь-в-точь как мне. Я слишком долго их боялась и злилась, что они солгали, и даже не думала, что они чего-то боятся. Теперь, когда я повидала других верховных, стало ясно, что они еще молоды. Если присмотреться, было видно, что им страшно.

Я заговорила, прежде чем успела спохватиться:

– У нас есть план. Я знаю, как убедить Совет, что мы правы.

Я не сомневалась, что верховные рассмеются, как уже бывало не раз, но Яндру серьезно взглянул на меня, а Франдра – так, будто, по ее мнению, я и впрямь знала ответ на вопрос. Я сглотнула.

– Какой план? – спросил Тревегг.

Мы с Аззуеном кое-что придумали, после того как поговорили с Тлитоо на Каменном Гребне, но еще не успели рассказать старому волку.

Еще два перышка упали мне на голову – Тлитоо спрыгнул в дымоход. Он скорее свалился, чем слетел в жилище, с шумом приземлившись передо мной.

– Волки не просто будут жить с людьми, но и люди с волками, – заявил ворон. – Целые племена и стаи будут охотиться вместе. Это хорошая мысль. – Он оглянулся на меня и шепнул: – Может сработать, волчишка.

Его глаза ярко горели, и впервые с тех пор, как он разбудил нас на ущербе Ледяной Луны, в них поубавилось тревоги. Хотела бы я знать, что случилось с Тлитоо после нападения воронов, но сейчас было некогда.

– Это правда? – спросил Яндру.

– Да, – ответила я. – Милсиндра сказала, что сумеет сделать так, чтобы Совет не признал нашего успеха, даже если люди пригласят нас жить к себе. Значит, мы должны добиться таких результатов, чтобы их нельзя было поставить под сомнение.

С каждым словом я как будто становилась все увереннее.

– Люди поселятся с волками точно так же, как волки – в человеческих стойбищах. Мы покажем, что нам необязательно раболепствовать перед людьми, что они тоже могут жить по-нашему. Мы будем хорошо охотиться вместе, и ни один волк в Долине, даже Совет верховных, не усомнится, что объединение с людьми очень полезно. Мы придумали и еще кое-что…

Точнее, придумаем, как только придет Аззуен.

– Ты докажешь, что волки и люди вместе сильнее, чем порознь, – договорила Ниали, и по ее лицу медленно расплылась улыбка.

– Да, – ответила я и посмотрела на покрытую перьями спину Тлитоо, готовясь услышать презрительный смешок и язвительные слова верховных волков. Не дождавшись, я подняла голову и увидела блеск в глазах Франдры.

– Ворон прав, – сказала она. – Неплохо придумано.

Она встала, описала круг, села, снова поднялась.

– Кто знает, достаточно этого или нет? Многие в Совете,

Каала, хотели бы верить, что ты – волк, призванный спасти волчий род. Их нетрудно убедить.

Я заволновалась, услышав страстную веру в ее голосе. Я не считала себя спасительницей волчьего рода. Ниали, должно быть, ощутила мое беспокойство. Я частенько думала, что это она, а вовсе не верховные, умеет читать мысли.

– Не важно, что о тебе думают, Каала, – сказала Ниали. – Задумка хорошая, даже если ты всего-навсего молодая волчица, которая старается что есть сил.

– Если бы мы думали, что она – «всего-навсего», – проворчал Яндру, – то сбросили бы ее с утеса еще несколько месяцев назад.

Ниали улыбнулась:

– В любом случае стоит рискнуть. Для начала попробуем мы вдвоем. Что скажешь, Каала? Чтобы твои сородичи не испугались. Я приведу к вам Тали.

Как будто по зову Ниали девочка ворвалась в жилище, отдуваясь и пыхтя. Ее ноги, грудь и лицо были покрыты грязью, колени и пальцы исцарапаны, как будто она не раз падала от спешки, пытаясь догнать нас. В левой руке она держала камень. Я хотела слизнуть с нее грязь и кровь, но не знала, что Тали намерена делать с камнем. Если она собиралась запустить им в верховных, чтобы защитить меня, следовало ее остановить. Девочка обвела взглядом переполненное жилище и раздула ноздри, как будто слабый человеческий нос мог ощутить напряжение в воздухе. Она занесла камень.

– Смотри, кому грозишь, человечий щенок! – рыкнул Яндру. Но я видела, что он пытается не рассмеяться при виде того, какой маленькой и слабой казалась Тали с камнем в руке. Впрочем, если бы он видел, как она швыряется, то не стал бы веселиться.

– Все хорошо, девочка, – произнесла Ниали и потянулась к ней. Тали осталась на месте, но руку опустила.

– В стойбище неспокойно, – сказал Тревегг. Тали, конечно, его не поняла, зато Ниали внимательно взглянула на девочку. Я уже почти забыла, о чем мы хотели поговорить с крианой.

– Что случилось в деревне, Тали? – спросила Ниали.

Девочка вся дрожала, когда рассказывала Ниали, что Халин вот-вот запретит ей быть крианой и что он отдает предпочтение Давриану. Я подошла и прижалась к Тали. Она выронила камень и уцепилась за меня.

– Она должна уйти к волкам, Ниа, – сказал Яндру. – Иначе у Совета будет еще один повод не доверять людям. Тогда Милсиндра скажет, что Каала потерпела неудачу.

– Она придет, – ответила женщина. – С тех самых пор как я была ребенком, всегда находились те, кто не обращал внимания

на поучения криан. Племя Лин раскололось уже давно.

– Теперь стало хуже, – заметил Яндру. – Сама знаешь.

– Да, – сказала Ниали. – Знаю. Значит, мы найдем новый путь. Если племя Лин увидит, что волки выполняют просьбы Тали и помогают людям в охоте, будет хорошо. Мы сумеем исполнить обещание.

Она говорила уверенно и в то же время устало. Тлитоо отлетел от меня, встал перед женщиной и провел клювом по шкурам, на которых она сидела. Франдра ткнулась носом в щеку Ниали. Я удивленно фыркнула. Я никогда не думала, что верховный волк способен выказать привязанность к человеку. Франдра поймала мой взгляд.

– Сделай так, чтобы твоя стая приняла людей сегодня же, – велела она.

– Сегодня? – Я чуть не задохнулась. То есть оставалось всего несколько часов, чтобы убедить стаю пустить людей на наше сборное место.

– Да, сегодня, – подтвердила Ниали. – Если Халин слишком зол, он запретит Тали ходить одной, и тогда она не сможет ко мне прийти.

– Значит, сегодня, – произнес Тревегг с завидной уверенностью. – Мы подготовим стаю к твоему приходу, Ниали.

Старый волк как будто смутился, назвав криану по имени.

– Наверняка понадобится некоторое время. Где ты будешь ждать?

– В тополиной роще, где Тали оставляет еду, – сказала женщина. – Серебряная Луна знает, где это.

– Прекрасно. – Франдра энергично кивнула. – Мы будем ждать вестей в Каменном Круге, а потом решим, что делать дальше. Не забудь прийти и посоветоваться, прежде чем принять решение, Каала. Если нам снова придется за тобой бегать, я сама помогу Яндру сбросить тебя со скалы.

Тлитоо зашипел, но Франдра не обратила на него внимания. Она вновь ласково прикоснулась носом к Ниали, и оба верховных вышли.

Тревегг осторожно прижался ко мне, и я поняла, что вся дрожу.

– Не бойся Франдры, – сказал он. – Она ничего тебе не сделает, если думает, что ты ей полезна.

Но ноги у меня подгибались не от резких слов верховной волчицы. Ее гнев принес своего рода облегчение. Когда я рассказала верховным волкам о своем замысле, они начали обращаться со мной как с волком, достойным уважения, как будто мои идеи действительно чего-то стоили. Я хотела, чтобы

верховные приняли меня всерьез и оказали поддержку. Их уверенность должна была придать мне сил. Но почему-то казалось, что я спрыгнула со скалы и никакой опоры не осталось.

Глава 10

Я вышла вместе с Тревеггом из жилища Ниали и шагала следом, пока он не остановился попить из ручья неподалеку. Мне было слишком тошно, чтобы пить, поэтому я наблюдала, как старый волк лакал воду. Тлитоо приземлился рядом и принялся купаться. Напившись, Тревегг сел и взглянул на меня.

– Наверное, пора позвать стаю? – предположила я.

– Да, – сказал он.

Я ожидала, что Тревегг завоет, но он продолжал сидеть и смотреть.

– Это ты собираешь стаю, Каала, – наконец произнес он. – Ты и вой.

От радостного волнения у меня шерсть на спине встала дыбом. Я еще никогда не выла, чтобы созвать стаю. Щенкам не позволяется это делать, если только им не нужна помощь или стае не грозит опасность. Выть, собирая стаю, – привилегия взрослых и тех однолеток, которые в чести у вожаков. Горло пересохло, как будто я пробежала несколько миль под жарким летним солнцем. Я глотнула воды из реки, набрав не только глоткой, но и носом, так что несколько раз чихнула, прежде чем отдышалась. Потом я села на влажную землю, закрыла глаза, сделала глубокий вдох и выдохнула. Открыла глаза. Тревегг и Тлитоо смотрели на меня.

– Вой наконец, – буркнул Тлитоо. – Когда не надо, ты не прочь пошуметь.

Я опять вдохнула и подумала о том, чем хотела поделиться со стаей. Нужно было намекнуть, что сбор неотложен, выказать уважение к вожакам и в то же время сделать так, чтобы другие стаи Долины или Совет верховных не узнали, что мы делаем.

Я подумала про Тали, Ниали и свою стаю. Подумала о волках и людях, живущих вместе, о мире в Широкой Долине, об угрозах Милсиндры. Я закрыла глаза, вызвала в памяти запахи сородичей и моих людей и снова набрала воздуху. Откинув голову назад, я открыла пасть и завыла.

Я сама удивилась силе собственного голоса. Когда я выла вместе со стаей, он сливался с голосами других волков Быстрой Реки, и я даже не сознавала, как громко он способен звучать. Спустя несколько мгновений Тревегг присоединился к вою, посылая волкам призыв собраться вместе. Рууко отозвался почти немедленно – он сообщил, что стая у упавшего дерева и будет ждать там. Иллин велела поторопиться, потому что она что-то хотела сказать, и Аззуен ответил, что уже бежит. Вот так я

впервые объявила сбор стаи.

Когда я открыла глаза и встала, то поняла, что перестала дрожать и что в животе уже не бурчит от волнения. Я встретила взгляд Тревегга.

– Неплохо, – сказал старый волк и направился в сторону упавшего дерева.

– Наконец-то! – каркнул Тлитоо и клюнул землю рядом с моей лапой. – Мне пора.

– Подожди, – попросила я, желая знать, что случилось после нашей последней встречи. Почему он перестал бояться?

– Нет, – ответил ворон и взлетел, а я последовала за Тревеггом к упавшему дереву.

Иллин ждала нас в ельнике неподалеку от сборного места и поприветствовала обоих.

– Я рада, что вы здесь, – сказала она. Уши у нее стояли торчком, хвост высоко реял. От Иллин пахло радостным волнением и приятными предчувствиями.

– Ты уходишь? – спросил Тревегг.

– Да, – ответила она, едва подавляя радость. – Деммен сегодня уходит из Долины. Он сказал, что возьмет меня с собой.

– Что? Куда ты идешь? – спросила я. Мне нужна была Иллин – даже больше, чем Тревегг. Я надеялась, что она поможет нам с людьми и с верховными волками. Она всегда говорила, что надеется однажды стать вожаком стаи Быстрой Реки. Просто не верилось, что Иллин собралась уходить.

– Подходит Яркая Луна, глупышка, – добродушно сказала она, как будто это все объясняло. Увидев мое озадаченное выражение, Иллин рассмеялась. – Весна наступает, детка. Рууко и Рисса скоро будут спариваться.

– И что? – спросила я.

Я прекрасно знала, что через несколько лун в стае Быстрой Реки появятся новые щенки, и не сомневалась, что сильный молодой волк вроде Иллин будет необходим стае, когда родятся волчата.

– Иллин слишком взрослая, чтобы оставаться здесь, когда Рууко и Рисса спарятся, – объяснил Тревегг. – Она сильная и самостоятельная. Рисса не захочет, чтобы она и дальше бегала в стае.

– Пусть даже Иллин – ее дочь? – спросила я.

– Да. Пора. И молодые самцы тоже уходят. Я не удивлюсь, если скоро уйдет Минн.

Я не стала бы возражать. Минн всегда меня травил.

– А Веррна? Она ведь осталась.

Слишком много перемен за короткий срок. Я не хотела, чтобы

Иллин уходила.

– Веррна предпочла не иметь щенков и поклялась никогда не оспаривать главенства Риссы, – ответил Тревегг. – Но Иллин не даст такого обещания. Она слишком властная. Если она останется, то попытается основать свою стаю где-нибудь поблизости, и тогда начнутся неприятности. Очень мудро с твоей стороны – уйти, не вынуждая Риссу тебя отсылать, – обратился он к Иллин. – Ей было бы неприятно.

– Я и впрямь хочу собственную стаю, – признала Иллин. – И верховные волки сказали, что я могу поискать себе подходящего спутника за пределами Долины. Они хотят, чтобы у меня были щенки, и не станут возражать, если я спарюсь с чужаком.

В ее голосе звучала гордость. Волкам Широкой Долины обычно не позволялось спариваться за ее пределами, потому что верховные старательно блюли чистоту крови. Но если бы мы не смешивали свою кровь с чужаками, то ослабели бы и стали приносить больных щенков. Лишь немногим верховные волки разрешали сходиться с чужими. Неудивительно, что они выбрали Иллин. Из этой сильной волчицы получился бы хороший вожак.

– Ты вернешься? – спросила я.

Она слегка понурилась.

– Как решат верховные. Если они одобрят моего спутника, то, возможно, позволят мне вернуться. А до тех пор я ничего не буду знать… – Иллин встряхнулась. – Но я не собираюсь до конца дней торчать здесь и ничего не делать. В Долине нет волка, с которым я бы хотела бегать всю жизнь. Единственный интересный волк занят тобой, Каала.

– Правда? – Тревегг с интересом поднял уши.

– Пелл из стаи Скалистой Вершины, – ответила Иллин. – Я не хочу, чтобы в моих щенках текла кровь Торелла, так что не беспокойся, Каала, мы не соперницы.

– Сдался он мне, – смущенно отозвалась я. Я сама не знала, каковы мои чувства к Пеллу, но уж точно не собиралась обсуждать их в присутствии Тревегга.

Иллин скептически взглянула на меня.

– Ну и ладно, – сказала она. – Деммен покажет дорогу и поможет на первых порах, когда мы уйдем из Долины. Он говорит, там много равнин и достаточно дичи, чтобы прокормить новую стаю.

Она с нескрываемой радостью смотрела в сторону гор, а потом снова перевела взгляд на нас.

– Я немножко поговорю с Каалой, старший волк, если ты не возражаешь.

– Не возражаю, – ответил Тревегг и коснулся Иллин седой

мордой.

– Вернешься ты в Долину или нет, но мы больше не увидимся.

Иллин моргнула и попыталась возразить.

– Это правда, волчица, – негромко произнес Тревегг. – Таков порядок вещей.

Иллин прижалась к земле и легла у ног старого волка, глядя на него снизу вверх.

– Ты – волчица из стаи Быстрой Реки, – продолжал Тревегг, – и всегда ею будешь. Не забывай же о заветах Быстрой Реки.

– Не забуду, – ответила она чуть слышным шепотом. Тревегг лизнул молодую волчицу и на мгновение забрал ее морду в пасть, а потом зарысил к упавшему дереву. Иллин посмотрела ему вслед, встала, встряхнулась и заговорила:

– Я попытаюсь разузнать про твою мать, Каала. Если верховные позволят, я приду к тебе. Если нет – встретимся за краем Долины.

– Я буду у каменного холма, о котором говорил Деммен, – сказала я. – Спроси у него – он поймет, что это значит. Я пойду туда, когда Рождающая Луна достигнет половины.

Я поделилась с Иллин своим замыслом – как преуспеть вопреки Милсиндре, которая не сомневалась, что у нас ничего не получится.

– Я знала, что ты что-нибудь придумаешь, – произнесла Иллин с улыбкой, но ее взгляд вновь вернулся к далеким горам. – Так или иначе, Каала, я постараюсь тебя найти. Надеюсь, наши пути однажды пересекутся вновь.

– Спасибо, – сказала я, чувствуя, что этого недостаточно. Иллин придавала мне уверенности и сил, когда я была маленькой и слабой. Она не раз заступалась за меня. С моих губ рвались слова: «Мне не прожить бы и трех лун, если бы не ты». Но я в отличие от Марры и Аззуена, плохо умела говорить.

– Я всегда хотела быть такой, как ты, – наконец промямлила я.

Иллин склонила голову.

– Ищи свой путь, – сказала она. – Ты его найдешь – ты это уже доказала. Инстинкты у тебя правильные, и волки за тобой пойдут. Марра и Аззуен – хорошие друзья, поэтому не пытайся все делать в одиночку. – Иллин помедлила. – И не доверяй верховным, Каала, даже Яндру и Франдре, даже Зориндру… – Она оглянулась через плечо, нагнулась и шепнула: – Даже Рууко и Риссе. Они делают то, что считают нужным для стаи, но тебе и твоим людям это может вовсе не годиться. Они вожаки, и ты, конечно, захочешь им поверить. Но будь осторожна. Даже если в результате ты не

получишь ромму, даже если станешь изгоем, поступай так, как будет лучше для тебя и тех, кто идет за тобой.

Я в ужасе уставилась на нее. Волки бывают двух родов – с роммой и без. Ромма – запаховая метка, которую вожаки дают щенку или молодому волку, подтверждая, что тот принят стаей и обрел полноценный статус взрослого волка. Обладатель роммы, даже если он хвостолиз, получит по крайней мере еду и защиту. Более того, он чувствует, что принадлежит стае, является членом семьи. Даже если волк бегает один, лучше, если у него есть ромма. Это знак, что родная стая признала его достойным, что он – настоящий волк. Волк без роммы – изгой, обреченный на вечное одиночество. Однажды я чуть не лишилась шанса получить ромму и не хотела рисковать вторично.

Иллин заметила мое колебание.

– Рисса и Рууко – лучшие вожаки в Широкой Долине, – сказала она, – но они повинуются верховным, как и остальные. Вот почему я скорее всего никогда не стану вожаком в Широкой Долине: я, как и ты, задаю слишком много вопросов. Рууко и Рисса сделают то, что велят верховные, даже если это будет неправильно. Если верховные скажут, что Древние считают тебя предвестницей бед, они поверят. Поэтому будь, пожалуйста, осторожнее.

– Хорошо, – ответила я сдавленно. А потом, не удержавшись, выпалила: – Но и ты не доверяй Деммену, Иллин! В нем что-то… не то.

– Спасибо, Каала, – сказала она. – Пока мы с Демменом будем вместе, я сумею о себе позаботиться. Он меня нипочем не догонит, если я не захочу. И я-то знаю, когда он хитрит.

Холодный ветерок взъерошил шерсть Иллин. Она подняла нос, принюхиваясь к запахам в Долине.

– Скажи Аззуену – мне жаль, что я с ним не попрощалась.

Она забрала мою морду в пасть и положила лапы на спину. Потом встряхнулась и убежала в заросли.

Я остановилась на краю поляны с упавшим деревом – нашего главного сборного места. Сюда мы пришли щенками, когда впервые покинули логова и стали жить, как положено членам стаи. Эту широкую поляну, скрытую в тени елок и сосен, делила пополам огромная ель, рухнувшая во время грозы, когда Рууко еще не исполнилось года. Земля здесь была достаточно мягкой, чтобы удобно сидеть, и в то же время достаточно плотной, чтобы ее не размывало дождями. Ароматы можжевельника, хвои и дуба смешивались с запахом стаи, напоминая о том времени, когда я чувствовала себя в безопасности и под защитой. Я постояла меж двух дубов у входа на поляну, впитывая родные звуки и запахи.

Я ожидала, что Тревегг расскажет Риссе и Рууко о нашем замысле, но он стоял в сторонке и с удивлением наблюдал, как вожаки гонялись друг за другом вокруг пригорка, который мы использовали в качестве наблюдательного пункта. Рууко и Рисса волновались и не теряли бдительности, с тех пор как верховные волки дали нам задание. Но теперь они вели себя, словно щенята на первом снегу. Рисса подскочила ко мне и коснулась носом щеки. Вожаки обычно ждут, когда волки рангом пониже подойдут первыми. Я ответила на приветствие, ласково лизнув белую морду волчицы.

– Ты виделась с Иллин? – спросила она.

– Да.

– Жаль, что она уходит, – с грустью произнесла Рисса, – но пришло время. Скоро и вы начнете уходить.

Я испугалась, не известно ли ей о наших планах, а потом вспомнила, что многие молодые волки покидали родные стаи, как только рождались новые щенки. Иллин и Минн были лишь двумя из пяти волчат, рожденных Риссой за год до моего появления на свет. Деммен ушел из стаи Быстрой Реки, едва ему стукнуло одиннадцать лун. Я с облегчением лизнула морду Риссы и зарысила через поляну, чтобы поздороваться с остальными.

С Рууко, который смотрел почти так же дружелюбно, как и Рисса, с Веррной, которая, к моему облегчению, не утратила привычной раздражительности, с Минном, который о чем-то глубоко задумался – наверное, об уходе Иллин, – и с Маррой, которая больно дернула меня за ухо.

– Что случилось, когда ты ушла из Старого Леса? – спросила она. – Рууко поговорил с остальными стаями. Они разрешат нам охотиться на их землях. Как дела в стойбище Лин? – Она горячо и нетерпеливо дышала мне в морду. – Почему ты вернулась? Давай рассказывай!

– Сейчас, – ответила я, лизнув ее в нос.

Последним я поприветствовала Уннана, легонько коснувшись носом. Я вынуждена была признать его как члена моей стаи, раз уж созвала сородичей на сборное место, но могла не притворяться, будто он мне по душе. Обычно Уннан просто не замечал меня, но на сей раз он подошел поближе и шепнул:

– Я кое-что про тебя знаю. То, что ты бы предпочла сохранить в тайне.

Уннан вечно подслушивал за деревьями и кустами и выжидал возможности навредить посильнее. Я раздраженно прижала его передними лапами к земле и сказала:

– Я не боюсь! Ты хвостолиз и всегда им будешь! Кому интересно, что ты знаешь?

Он извернулся, пытаясь вырваться, но не смог меня оттолкнуть и остался лежать, с ненавистью глядя снизу вверх.

– Волчица! – крикнул Рууко, вновь становясь похожим на себя. – Поди сюда.

Я покрепче наступила Уннану на грудь, чтобы показать, что он проиграл стычку, потом выпустила его и зашагала к Рууко. Он уже собрал всю стаю вокруг дозорного пригорка.

– О чем ты хочешь рассказать? – спросил он.

– Люди дали тебе еще еды? – У Риссы сверкнули глаза. – Я бы не отказалась. Я слишком стара, чтобы гоняться за всем подряд.

Она посмотрела на Рууко и потянулась длинной поджарой спиной, так что сильные мускулы заиграли под снежно-белой шерстью. Риссу уж точно никто бы не назвал старой. И больные ребра сегодня ее явно не беспокоили. Рууко оценивающе взглянул на свою спутницу, встряхнулся, избегая лукавых глаз Риссы, и слегка растянул пасть в улыбке.

– Да уж, – сказал вожак, – нам, старикам, не годится тратить силы, бегая за дичью.

Мы с Маррой обменялись озадаченными взглядами.

– По-моему, сейчас у них на уме другое, – прошептала Марра.

Рисса снова искоса посмотрела на Рууко. Я наблюдала за вожаками, слишком смущенная, чтобы вмешиваться. Рууко поймал мой взгляд.

– Так зачем ты нас позвала?

Стая ждала.

Аззуен влетел на поляну, еще мокрый после перехода реки. Он обвел поляну взглядом, поприветствовал стаю и плюхнулся наземь, с любопытством подергивая ушами.

Я задумалась, что сказать. Если мы хотели, чтобы наш замысел сработал, нужно было заручиться поддержкой Рууко, Риссы и всей стаи Быстрой Реки. Для начала сделать так, чтобы они пустили людей на сборное место. В дальнейшем стае пришлось бы охотиться с людьми и делиться с ними едой гораздо щедрее, чем до сих пор. А еще предстояло уговорить другие стаи последовать нашему примеру и доверять людям, как волкам. Я сделала глубокий вдох.

– Она хочет привести сюда людей! – выпалил Уннан. – Показать им, где мы отдыхаем, чтобы они могли перебить нас во сне. В следующий раз она отведет их к нашим логовищам.

– Это правда? – добродушно спросил Рууко. – Ты собралась привести сюда людей?

– Только двоих. Тали и ее бабушку, Ниали.

Я быстро рассказала про Милсиндру и про Совет и объяснила, почему, на мой взгляд, недостаточно просто жить с

людьми. Минн и Уннан расхохотались именно так, как я ожидала от верховных, но Рууко и Рисса – нет.

– Ты думаешь, это хорошая идея, старший? – спросил Рууко у Тревегга.

– По-моему, других вариантов нет, – ответил тот. – Верховные искренне верят, что Каала, возможно, – волк из легенды. Так оно или нет – не важно. Мы должны убедить Совет, что ее поступки несут благо волчьему роду.

У меня встала дыбом шерсть на спине. Одно дело – говорить о спасителях и губителях с Ниали или верховными волками. Но в собственной стае… как это глупо. Я съежилась, чтобы стать меньше ростом.

– Веррна? – спросил Рууко у второй волчицы. Прежде чем присоединиться к стае Быстрой Реки, та немало повоевала, и вожаки полагались на нее, когда требовалось продумать план битвы или оценить новое начинание. Она была осторожна и неохотно принимала все незнакомое. Я не сомневалась, что Веррна скажет «нет».

Она перенесла вес с ноги на ногу, и покрытая шрамами морда исказилась гримасой.

– Это рискованно. Если мы пустим сюда людей, они могут убить нас спящими. Или явиться скопом, с острыми палками и другими орудиями, чтобы захватить поляну. – Веррна выговаривала человеческие слова так, как будто они имели отвратительный вкус. – Но я готова пойти на риск. Бездействие не менее опасно.

– Согласен, – сказал Рууко. – Мы позволим людям прийти один раз, а потом решим, насколько безопасно приглашать их вторично.

Я удивленно хлопнула глазами. Просто не верилось, как быстро Рууко согласился на наш план. Мою уверенность начало подтачивать сомнение. Что, если я ошибалась и вела стаю навстречу беде? Я поймала взгляд Аззуена. Он был самым умным волком из всех, кого я знала. Если уж он решил, что идея хорошая, она не могла оказаться плохой.

Со стороны упавшей ели послышалось недоверчивое рычание.

Уннан смотрел на вожаков, с отвращением скривившись.

– Нет! – выпалил он. – Это неправильно! Почему бы тогда не открыть людям, где наши логова, чтобы они пришли и убили щенков? Ну или показать им наши тайники, чтобы мы умерли от голода. Люди и раньше так делали. Убивали целые стаи. Мне рассказала Пирра из стаи Озера Ветров.

Не я одна в ужасе уставилась на Уннана. Он был последним волком в стае и не имел никакого права говорить с Рууко и

Риссой таким тоном.

– Довольно, волк! – сердито оборвала Рисса. – Придется пойти на некоторый риск.

– Значит, мы станем человеческими штрекками? – уточнил Уннан. – Вот гадость!

– Хватит, Уннан! – Голос Рууко перешел в рык. – Ты – волк Быстрой Реки и выполнишь волю стаи. А если не хочешь – можешь уйти сейчас.

Уннан, казалось, хотел еще что-то сказать, но не решился.

– Каала, – произнесла Рисса, – когда ты приведешь людей?

Я с трудом отвела взгляд от Уннана.

– Они ждут неподалеку. Я приведу их, когда мы приготовимся.

Глаза Риссы удивленно расширились.

– Уже ждут? А ты не теряешь время даром, молодая волчица.

Она задумчиво склонила голову набок.

– Мы встретимся с твоими людьми.

Стая молчала, когда я привела Тали и Ниали к упавшему дереву. Когда мы медленно прошли между двумя дубами, криана встала слева от меня, а девочка – справа. Люди остановились и вежливо подождали, пока вожаки не пригласили их на сборное место.

Рууко и Рисса поднялись, но остальные остались лежать или сидеть, чтобы не напугать гостей. Я запоздало вспомнила, что не научила людей приветствовать волков. Впрочем, я напрасно беспокоилась. В вежливости Ниали не уступала любому волку. Одной рукой цепляясь за палку, которая помогала ей при ходьбе, а другой за мою шерсть, женщина присела. Тали, следуя примеру бабушки, плюхнулась наземь с другой стороны, подняв облако пыли.

Рууко и Рисса двинулись вперед и остановились, глядя на меня. Я посмотрела на вожаков, не понимая, чего они ждут. На морде Рууко мелькнуло раздражение, а Рисса рассмеялась.

– Отойди в сторонку, Каала, – сказала она. – Мы не причиним им вреда.

Я поняла, что стою прямо перед людьми, словно вознамерившись их охранять. Смутившись, я отступила. Хорошо, что Рисса не рассердилась. Стая могла бы счесть предательством то, что я приняла сторону людей против сородичей. Я, извиняясь, лизнула Риссу в морду и, не обращая внимания на гневный рык Уннана, отошла к плоскому, нагретому солнцем камню. Там ждали Марра и Аззуен. Мы договорились, что позволим стае познакомиться с людьми.

Рисса первой приветствовала пришедших. Она спокойно

подошла к тому месту, где сидела Ниали, и остановилась в нескольких шагах.

– Добро пожаловать в стаю Быстрой Реки, – официально произнесла она. – Здесь тебя рады видеть, и ты будешь в безопасности.

Она приблизилась и обнюхала Ниали.

– Спасибо, – столь же официально ответила женщина. – Я благодарна за радушный прием и не причиню вреда вашему жилищу.

У Риссы от удивления уши стали торчком. Я предупреждала, что Ниали понимает волчий язык и говорит на нем, но, должно быть, Рисса просто не поверила тому, что услышала.

Рууко тоже подошел и обнюхал сначала Ниали, потом Тали.

Тали улыбнулась:

– Здравствуй, волк.

Природное дружелюбие взяло верх над страхом, и девочка вытянула руку. Испугавшись, Рууко отступил, вытянул шею и, к моему удивлению, лизнул Тали руку, затем лицо. Девочка рассмеялась. У меня отвисла челюсть: Рууко ненавидел людей.

Рисса тихонько фыркнула и отошла, позволяя прочим членам стаи поздороваться с людьми. Марра и Аззуен бросились вперед, как кролики на лужайке. Веррна и Минн двинулись с места медленнее, но потом зарысили к людям с поразительным нетерпением. Оба так часто отзывались о людях с презрением, но теперь в их движениях сквозил несомненный интерес. Вскоре гости уже сидели в окружении волков. Только Уннан держался позади, с отвращением наблюдая за происходящим из ямы под упавшей елкой. Мои сородичи вели себя осторожно с Ниали, понимая, что она старая и хрупкая. Они бережно касались ее волос и шкур, которые женщина носила для тепла. Но с Тали они были не так осторожны. Марра и Аззуен рядом с ней всегда сходили с ума от радости, а Минн и Веррна пришли в настоящий восторг. Веррна все время обнюхивала девочку и тыкалась носом в лицо, а Минн трогал лапой длинные худые ноги Тали. Та изо всех сил старалась сидеть прямо, но, когда Минн положил лапы ей на плечи, а Веррна ткнулась мордой, Тали повалилась на спину.

– Хватит! – рассмеялась Рисса. – Перестаньте вести себя, как бешеные вороны. Представьте, что она щенок.

Минн поставил лапу на грудь Тали, а Веррна еще разок лизнула девочку, словно пробуя на вкус, и оба отступили.

– Большой щенок, – сказала Веррна.

Когда волки отошли, Ниали кивнула девочке. Та поднялась, побежала в заросли, принесла мешок, сделанный из огромной

шкуры, и подала его Ниали. Женщина сунула руку внутрь, вытащила несколько больших кусков обожженного на огне мяса и положила перед собой, а затем, опираясь на палку и на плечо Тали, поднялась.

– Спасибо, что пригласили в гости. Надеюсь, вы позволите нам прийти еще раз.

Ниали обвела глазами поляну и улыбнулась. Потом она взяла Тали за руку, и обе скрылись в лесу.

Мясо исчезло, прежде чем стихли человеческие шаги. Рууко, Рисса, Веррна и Тревегг проглотили его, не успели остальные подойти поближе.

– А они гораздо вежливее, чем я думал, – сказал Рууко, облизываясь.

Я позабыла про мясо. Судя по всему, люди сородичам понравились. Рууко перехватил мой взгляд.

– Еще слишком рано говорить, можно ли им доверять, – сказал он, – но… посмотрим. Пускай придут еще разок.

– Никогда не думала, что услышу такое от Рууко, – шепнула Марра.

Я завиляла хвостом. Люди пришли к моей стае и понравились ей. Даже Рууко и Веррне. Две луны назад я сказала бы, что это невозможно. Теперь я, как в земле под ногами, была уверена в том, что получится объединить волков и людей.

Мы с Тревеггом и Аззуеном пошли по человеческому следу, ведущему от сборной поляны, и нашли людей в тополиной роще. Ниали сидела на земле, а Тали, стоя на одной ноге, балансировала на стволе упавшего дерева. Брелан сидел рядом и смотрел на девочку. Аззуен бросился к своему человеку и встал на задние лапы, облизывая лицо юноши. Тали завопила, прыгнула ко мне, обхватила руками и повалила наземь.

– Мы это сделали, Серебряная Луна! – закричала она.

Я откатилась, толкнула ее головой, прыгнула, и мы принялись возиться в пыли. Тревегг бегал кругами, взволнованно лая. Я позволила Тали прижать себя к земле, чтобы она не обижалась, потом повалила девочку и сама оказалась сверху. Когда Тали начала подниматься, я бросилась ей под ноги, и она полетела кувырком. Ниали и Брелан смеялись, а Тали отряхивала с одежды пыль и листья. Брелан оттолкнул Аззуена, встал, подошел к Тали и помог подняться. Мы с Аззуеном переглянулись, снова кинулись им под ноги и опрокинули обоих.

– Хватит, хватит! – воскликнула Ниали, продолжая смеяться. – Мы еще не закончили. Тали, поди сюда.

Девочка встала и подошла к ней. Я шла рядом, прижимаясь к ноге Тали.

– Ты не станешь настоящей крианой, пока не закончишь учиться и не пройдешь посвящение. Тебя должны принять, самое малое, пятеро старейшин, – сказала Ниали. – Но ты прошла первый шаг – нашла волка-спутника, – она улыбнулась, глядя на меня, – и начала действовать с ним заодно, храня Равновесие. Пора тебе приступить к обязанностям крианы. Ты готова?

Брелан встал с другой стороны от Тали, не касаясь ее. Аззуен подбежал к нему, явно не желая, чтобы человек отходил слишком далеко. Тали моргнула, глядя на старую женщину, и несколько раз сглотнула слюну.

– Да, – наконец ответила она. – Я готова.

– Было бы лучше подождать следующего Разговора, – пробормотала Ниали, – но кто знает, состоится ли он? Медлить нельзя.

Из-под многочисленных шкур, которые она носила для тепла, Ниали извлекла длинный острый клык длиннозубого льва, вправленный в кусочек ольхи. Он висел у женщины на шее на шнурке, сплетенном из камыша. Я вспомнила, что с его помощью она созывала верховных волков и людей на Разговор много лун назад. Это был знак крианы. Ниали сняла клык с шеи и надела на Тали. Он повис гораздо ниже груди. Тревегг подошел, чтобы понюхать, и сел рядом с Ниали.

– Тали из племени Лин, – произнесла женщина. – Я передаю тебе права и обязанности крианы Лин. Твой долг – делать так, чтобы те, кому ты служишь, чтили Равновесие, не убивали слишком много дичи, не губили леса и равнины. Твой долг – делать так, чтобы те, кто находится под твоей защитой, не забывали, что они – создания природы, и чтобы они помнили об этом в своей гордыне. Твой долг – до конца дней исполнять данное крианами обещание хранить и защищать мир, который дает нам пропитание, укрытие и саму жизнь. Если ты согласишься, то не сможешь передумать. Обязанности крианы важнее, чем жизнь. Важнее любого мужчины, за которого ты выйдешь, и детей, которых ты родишь. Ты будешь защищать Равновесие до самой смерти. Если племя Лин перестанет существовать, ты не перестанешь быть крианой. Куда бы ты ни пошла, это – твой священный долг. Ты согласна?

Тали выпрямилась. Все ее мышцы напряглись от решимости.

– Я согласна.

Ниали улыбнулась.

– Хорошо, – сказала она, коснулась ладонями лица Тали, прижалась губами к ее лбу и долго смотрела в глаза девочки. – Когда все уляжется, мы пойдем к другим старшим крианам, которые живут за краем Долины, и ты пройдешь посвящение.

Я чуть не взвизгнула вслух. Как только Ниали сказала, что Тали станет крианой, я забеспокоилась. Если она будет крианой племени Лин, ей придется остаться в Долине, а я-то собиралась взять девочку с собой на поиски матери. Не знаю, какое выражение было у меня на морде, но Ниали с тревогой взглянула в мою сторону.

– Я заберу ее у тебя ненадолго, Серебряная Луна. Меньше чем на одну луну. Ну или пойдем с нами, если волчьи крианы разрешат.

– Я хочу пойти! – выпалила я и рассказала Ниали то, о чем должна была молчать в присутствии верховных, – о своей матери и о том, что собиралась ее найти.

– Я не знала Неесу, – сказала Ниали, – но охотно познакомлюсь с ней.

Как будто огромная тяжесть свалилась с моей души. Я задумалась, как бы вывести Тали из Долины. Брелан и Миклан, несомненно, пошли бы тоже. Я посмотрела на Тали и Брелана и поймала взгляд Аззуена. Он ухмыльнулся.

Но Ниали еще не закончила.

– Крианы за пределами Долины должны знать, чем мы тут заняты, но ни у меня, ни у Тали не получится к ним сходить. Брелан, ты расскажешь им о том, что изменилось в Долине, и приготовишь к нашему приходу. Если все получится, мы отправимся в путь, как только появится Теплая Луна.

Теплой Луной люди называли Рождающую Луну.

Тали напряглась.

– Не могу, – сказал Брелан. – Только не теперь, когда я нужен Тали. Халин и Ринали хотят, чтобы она перешла в племя Риан. Тали говорит, они уже пригласили Давриана пожить у них. Меня они не пригласили… – В голосе юноши звучало несомненное беспокойство. – Я служу тебе, Ниали, – с уважением произнес он, – но Тали – моя, и я должен ее защищать.

– Ты служишь крианам, Брелан, а не мне одной, – заметила женщина. – Я только что рассказала Тали о ее обязанностях. Ты позабыл о своих?

Брелан опустил глаза.

– Ничего страшного, Брелан, – сказала Тали. – Это ненадолго, и с Халином я как-нибудь справлюсь.

– Вот потому-то я и волнуюсь, – ответил тот с улыбкой. – Обещай, что будешь осторожна, Тали. Не зли Халина. Подожди, пока я вернусь, и не спорь с ним.

– Хорошо, – произнесла она.

Брелан присел и заглянул мне в глаза.

– А ты позаботься о ней, пока меня не будет, Серебряная

Луна. Обязательно.

– Обещаю, – ответила я, коснувшись носом его ладони. Он не понял слов, но знал о нас достаточно, чтобы догадаться.

Юноша встал и притянул к себе Тали, зарывшись лицом в шерсть у нее на голове.

– Дослушай, Тали, – сказала Ниали. – Потом я уйду, и вы попрощаетесь.

Девочка, в объятиях Брелана, повернулась к бабушке.

– Тебе придется доказать свою силу, – продолжала криана. – Мы обошлись без свидетелей, и лживые крианы постараются помешать тебе. Но ты все равно криана… – Ниали посмотрела на нас троих. – Вы должны помогать Тали, друзья мои. Если она убедит племя, что вы охотитесь по ее указке, то обретет некоторую власть.

– Мы так и сделаем, – ответила я.

– Знаю, – сказала Ниали, а затем встала и, опираясь на палку, медленно зашагала к краю рощи. Она посмотрела на молодых людей, на нас и направилась через заросли к своему жилищу. Мы с Аззуеном и Тревеггом, поняв намек, тоже ушли.

Мы собирались вернуться в человеческое стойбище, но едва успели выйти из тополиной рощицы, как я услышала поспешные шаги и почуяла Уннана. Я сомневалась, что он настолько глуп, чтобы напасть на меня в присутствии Аззуена и Тревегга, а потому не слишком встревожилась. Подбежав к нам, он остановился.

– Я ухожу, – заявил Уннан. – Не хочу бегать в стае, которая любит людей. Меня пригласили в стаю Озера Ветров, и Рууко с Риссой сказали, что я могу пойти.

– Это решение будет непросто отменить, молодой волк, – заметил Тревегг.

Уннан слегка опустил хвост.

– Но, возможно, всё к лучшему, – продолжал старый волк, глядя на нас с Аззуеном. – Я знаю, здесь ты не всегда чувствовал себя желанным. Каждый молодой волк должен идти своим путем. Если твой путь расходится с Быстрой Рекой – значит, так надо.

Я промолчала, не желая делать вид, что мне жаль расставаться.

Тревегг коснулся носом морды Уннана.

– Ступай, будь здоров и чти стаю Быстрой Реки.

Уннан слегка дотронулся до Тревегга, повернулся хвостом к нам с Аззуеном и ушел.

– Теперь на сборных местах будет лучше пахнуть, – помолчав, произнес Аззуен.

– И дичь не услышит наше приближение за сорок волков, –

рассмеялась я.

– Довольно! – прервал Тревегг. – Если ты надеешься однажды стать вожаком, Каала, научись ладить даже с теми волками, которые тебе не нравятся. Уннан – хороший охотник, он помог бы нам выкормить новых щенков. Никогда не знаешь, кто и чем окажется полезен. Мне хорошо известно, что Веррна тебя не любит, однако она поддержит твой замысел, если поверит в него.

Я опустила хвост в знак уважения, но все-таки не смогла скрыть радость от ухода Уннана. Я устала от его соглядатайства и злобы.

Понаблюдав за мной, Тревегг тихо зарычал.

– Франдра и Яндру захотят узнать, что происходит, – сказал он. – Встретимся у человеческого становища. Подумай над моими словами, Каала.

Как только старый волк оказался за пределами слышимости, Аззуен подтолкнул меня.

– Стае будет лучше без Уннана, Каала, – подтвердил он. – Теперь не нужно все время о нем беспокоиться.

Я уже собиралась ответить, когда Аззуен ткнулся мне в плечо.

– Смотри.

Я проследила его взгляд. Там, на мягкой земле, был огромный отпечаток лапы, точь-в-точь какой мы нашли после того, как отдали людям добычу. Рядом виднелись еще два. От них пахло Милсиндрой и Кивдру. На сей раз верховные даже не стали скрывать свой запах.

– Они следят за нами, – сказал Аззуен.

– И ладно, – ответила я. – Значит, они видят, как хорошо мы справляемся. На следующую охоту мы приведем всю стаю, и пусть верховные смотрят сколько вздумается.

Я зашагала прочь, но тут же остановилась, вернулась к отпечаткам, присела над одним из них и оставила кучку помета. У Аззуена глаза на лоб полезли.

– Вот так, – сказала я и направилась к человеческому стойбищу.

Мы с Тревеггом и Аззуеном почти четверть луны провели у людей, вместе охотились и спали у их костров. Мы еще дважды успешно сходили на охоту, хотя и получилось не так впечатляюще, как в первый раз, в Старом Лесу. Тали и Ниали опять побывали на сборной поляне и привели с собой Миклана. Заразительное добродушие мальчика рассмешило даже Веррну. Давриан почти каждый день приходил к племени Лин, но на ночь возвращался к себе, и Тали как будто беспокоилась все меньше и меньше. Люди постепенно привыкли видеть волков в своем стойбище и делились с нами мясом – совсем как с сородичами.

А потом, через пять дней после первого визита Тали и Ниали к упавшему дереву, я проснулась, почуяв в воздухе неладное, – страх ворвался в мои сны и заставил меня заскулить. Было около полудня – лучшее время для сна, – и я понятия не имела, отчего проснулась и что вызвало в душе такую панику, но почувствовала: стряслась беда.

Мой скулеж разбудил Аззуена и Тревегга.

– Что-то случилось, – шепнула я, когда старый волк приоткрыл один глаз.

Морда у него совсем поседела, и Тревегг выглядел на все свои девять зим. Мне было неловко его будить. Он сонно моргнул и зевнул, но тут же широко раскрыл глаза и принюхался. Крутя носом, Тревегг встал и трижды обошел вокруг, ловя сложные переплетения запахов. Он заскулил. Я еще никогда не слышала, чтобы Тревегг скулил. Даже не задерживаясь, чтобы потянуться, размять суставы и сбросить сонную одурь, он пробежал с одного конца стойбища на другой, то высоко задирая нос, то обнюхивая землю, а затем метнулся в заросли.

– Что он делает? – сонно поинтересовался Аззуен.

Тревегг примчался обратно, двигаясь проворно, как никогда.

– Идем, – сказал он. – Нужно предупредить стаю. И найти Франдру и Яндру.

Тревегг был самым спокойным волком из всех, кого я знала, но теперь в его голосе звучала тревога. Он покружился на месте, подняв нос.

– Зачем? – спросила я. – Мы не можем просто взять и уйти. Люди только-только начали нам доверять. Мы должны остаться здесь, если хотим сохранить мир.

– Мира не будет. Если случилось именно то, что я думаю, война с людьми – лишь вопрос времени.

– Почему? Что случилось? Тревегг, объясни же!

Тревегг перестал беспокойно кружить.

– Дичь, Каала. Дичь уходит из Долины.

Глава 11

Есть запахи, которые не замечаешь, пока они не пропадут. Запах свежего лошадиного навоза, несомый ветром, запах древесной коры, смешанный с потом старого лося, порыв ветерка, который говорит, что в трех милях отсюда бегут олени… Только когда эти запахи исчезают, ты понимаешь, что они составляли значительную часть твоей жизни.

Меня разбудило отсутствие запахов. Стоило Тревеггу догадаться, как все стало очевидно. Часть дичи уже однажды убежала из Долины – когда люди охотились не в меру. Но тогда было по-другому. На сей раз уходили слишком многие животные, и Долине грозили смерть, голод и война. Я подумала: теперь охотники Долины – люди, волки, пещерные львы, длиннозубы – любой ценой постараются прокормить себя и молодняк. Они будут драться насмерть из-за оставшейся дичи.

Мир между людьми и волками оказался под угрозой.

В кои-то веки я не опасалась встревожить людей. Я запрокинула голову и завыла, призывая Тлитоо. Он мог бы разведать, куда уходит дичь, и я собиралась тем или иным способом добиться от него помощи. Вороны обычно не понимают всех тонкостей волчьего воя, поэтому я просто выла как можно громче, чтобы Тлитоо прилетел. Тревегг и Аззуен стояли рядом. Один из людей, рассерженный шумом, бросил в меня камень. Я увернулась и побежала в лес.

Мы остановились в нескольких шагах от границы человеческого стойбища, и я собралась снова завыть, но не успела набрать побольше воздуху, как с дерева сорвался Тлитоо. Он приземлился, потеряв на лету три пера со спины.

– Не нужно так вопить, волчишка! – каркнул он. – Я ждал, пока ты продерешь глаза и придешь. Я уже знаю про дичь.

Тлитоо держался спокойно – даже спокойнее, чем в жилище Ниали.

– Почему ты нас не разбудил? – спросила я с гневом. Отчего именно сейчас Тлитоо так спокоен?

– А толку? Вы спросили бы, куда делась дичь. Я не знаю. Я искал. Ничего не нашел. Но Хлела не волнуется. Остались туры. И большие лоси. Ну и еще кое-что. Мыши. Кролики. Самая мелкая добыча. И самая крупная.

– Почему ты прервал поиски? Ты ведь не мог осмотреть всю Долину, даже с помощью Хлелы.

– Потому что я кое-что должен сказать, волк. И сейчас самое время.

– Сейчас? – переспросил Аззуен. – Почему именно сейчас? Ты прятался от нас почти целую луну.

Я подумала, что Тлитоо сейчас клюнет Аззуена или хотя бы выругает, но ворон лишь слегка приподнял крылья и снова их сложил.

– Тогда было неподходящее время, – ответил он. – А теперь пора.

– Что бы ты ни хотел сказать, ворон, придется подождать, – перебил Тревегг, царапнув лапой землю. – Вы, двое, найдите Франдру и Яндру, – велел он, кивнув нам. – Немедленно. Они знают больше, чем мы. Им известно, что думают в Совете верховных про уход дичи. А я поговорю со стаей. Ступайте.

Он снова описал круг и бегом скрылся в лесу.

– Волки… – начал Тлитоо.

– Потом, – прервала я. Я знала, что у него своих забот хватает, но не собиралась повиноваться капризам какого-то ворона.

Тлитоо склонил голову набок и дважды щелкнул клювом.

– Я знаю, где искать верховолков, волчишка, – сказал он. – Когда ты с ними поговоришь, то пойдешь посмотреть, что я нашел?

– Да, – ответила я. – Где они?

– В Каменном Круге. Говорят о тебе. Они велели передать, чтобы ты пришла на закате. Они выслушают тебя. Не опаздывай.

Я не могла ждать до заката. Мы с Аззуеном пустились бегом. Тлитоо громко каркнул, но не полетел с нами. Мне до боли хотелось знать, что такое он нашел, но любопытство пришлось отложить. Бежать было приятно. Когда мы путешествовали с людьми, то вынужденно приноравливались к их шагу. А теперь я выбрасывала ноги как можно дальше, и запахи леса текли мимо моего носа и смешивались, как бывает только на бегу.

Самый короткий путь к Каменному Кругу пролегал через середину земель стаи Скалистой Вершины. Обычно мы переходили реку на Плоском Берегу – в том месте, которое верховные выговорили для нас в качестве безопасного прохода к людям и обратно. Но если мы хотели добраться до Круга побыстрее, нужно было перейти выше по течению. Не задумываясь, мы с Аззуеном помчались туда, где поперек реки лежала огромная ольха. Перейдя по ней, мы оказались бы неподалеку от Каменного Круга.

Достигнув утоптанной тропы, которая вела к переправе, мы услышали треск в кустах за спиной и почуяли несомненный ивовый запах волков Скалистой Вершины. От реки нас отделяли три минуты ходу. Я подумала: еще успеем добраться до

собственной территории, прежде чем столкнемся со Скалистыми.

– Не добежим, – сказал Аззуен. – Впереди тропа расширяется. Там они нас перехватят.

– Мы обойдем это место. В лес! – пропыхтела я, перепрыгивая через ветку. Скалистые были крупнее и тяжелее, а значит, в густом подлеске мы еще могли потягаться. На открытом месте длинные ноги давали Скалистым преимущество.

– Они зайдут с другой стороны и поймают нас, – ответил Аззуен. – Придется драться. Это только Торелл и Сеела. Мы собьем их с толку и удерем.

Все лучше, чем ждать. Минуло несколько поколений с тех пор, как стычка между Скалистой Вершиной и Быстрой Рекой закончилась гибелью волка, но в последние годы вражда между двумя стаями заметно усилилась. Каждый год мы дрались за спорные территории на севере, и Тореллу не давала покоя мысль, что наша стая достаточно сильна для этого. Более того, он ненавидел людей. Он считал их хуже гиен и говорил, что именно из-за человеческих племен волкам не хватает места в Долине и стаи соперничают за землю. Когда в конце осени Торелл повел свою стаю вместе с волками Древесной Тропы на равнину Высокой Травы, чтобы перебить людей, это было самое откровенное выражение долгой неприязни. Он знал, что мы с Аззуеном помогли остановить его в тот день и свели вместе людей и волков. Я сомневалась, что Торелл убьет нас, если поймает. Он не стал бы рисковать, зная, что Рууко и Рисса отомстят. Но мы могли пострадать – и уж точно задержались бы. Если бегство не удастся, предстояло драться.

Я пропустила Аззуена вперед. Он лучше умел искать удобные укрытия.

– Сюда, – сказал он. Мы достигли того места, где тропа расширялась.

На повороте тропинки стоял ивовый пень. Я вспрыгнула на него, а Аззуен спрятался в кустах по ту сторону тропки. Я успела два раза быстро вдохнуть, прежде чем на тропе показались бегущие Торелл и Сеела, вожаки стаи Скалистой Вершины.

Как только Аззуен выскочил из укрытия, я прыгнула. Торелл удивленно фыркнул, когда я оказалась сверху, но почти не пошатнулся. Я и не ожидала, что сумею сбить вожака Скалистых с ног, но по крайней мере надеялась, что он споткнется. Торелл лишь слегка согнул ноги, встряхнулся, и я соскользнула с его спины, ударившись боком. Я перекатилась и увидела Аззуена, который облапил ноги Сеелы. Он действовал умнее. Во всяком случае, у него был шанс повалить противника. Сеела прыгнула, выпуталась из хватки Аззуена и приземлилась рядом. Я не успела

увидеть, что было дальше, потому что снова бросилась на Торелла, на сей раз целясь в мягкое брюхо. Я попыталась вцепиться зубами, но он слегка отстранился, и мои зубы лязгнули в воздухе, а носом я больно ткнулась Скалистому в ребра. Торелл качнул бедром и ударил меня по морде, опрокинув наземь. Я вскочила, стараясь думать быстрее. Я побеждала во всех схватках с Уннаном и почти во всех – с Аззуеном и Маррой, но мои приемы как будто не действовали на Торелла. Я атаковала, стараясь укусить за бок, но он отскочил. Наконец, в отчаянии, я пригнулась и ухватила Торелла за заднюю ногу.

Он зарычал:

– Ох, во имя Индру! – извернулся, схватил меня зубами за загривок и сжал челюсти, так что я взвизгнула и выпустила его ногу. Он встал надо мной, и краем глаза я увидела, что Сеела повалила Аззуена на бок и поставила лапы ему на грудь.

Я взглянула на покрытую шрамами морду Торелла и почувствовала на носу теплое дыхание.

– Не хочу тебя калечить, щенок. – Он яростно взглянул на меня, приподнял ногу, которую я укусила, потряс ею и снова опустил. – Хочешь узнать, что такое с дичью, или нет?

Стараясь не выказывать замешательства и уперевшись лапами в грудь Торелла, я попыталась освободиться. Он зарычал и снова прикусил меня за шею.

– Отпусти ее, Торелл. – Пелл говорил негромко, но в его голосе звучал вызов. Я и не слышала, как молодой волк подошел.

– Охотно отпущу, Пелл, – ответил Торелл, – если она пообещает не щипать меня за ноги.

Он опустил голову, так что мы оказались нос к носу.

– Надеюсь, вы закончили показывать, как плохо Рууко и Рисса обучили вас драться?

Я хотела придумать что-нибудь умное в ответ, показать Тореллу, что меня не напугать. Он ждал.

– Да, – наконец ответила я. Он отошел и кивнул Сееле. Та зарычала на Аззуена напоследок и убрала лапы.

Аззуен кашлянул, встал и отряхнулся. Пелл встал между мной и Тореллом, сердито глядя на вожака. Он лизнул меня в шею – там, где укусил Торелл, и понюхал бок, которым я ударилась о плотно слежавшуюся землю. Потом Пелл повернулся к Тореллу, по-прежнему стоя между нами и вожаком стаи Скалистой Вершины. Волки разговаривают не только словами, но и телом. Пелл недвусмысленно заявлял, что я под его защитой.

Смутившись, я отошла. Я не возражала ни против его прикосновений, ни против защиты, но не собиралась внушать Пеллу, что мне страшно стоять нос к носу с Тореллом. И все же

поведение Пелла обеспокоило меня, так что я с трудом собралась с мыслями.

У Аззуена таких трудностей не было.

– Откуда ты знаешь, где дичь? – поинтересовался он. – Может, это ловушка, чтобы заманить нас дальше на свои земли, а потом заявить, что мы нарушили границы?

Хороший вопрос. Если бы мы забрались в глубь земель Скалистой Вершины, вместо того чтобы идти вдоль границы, они были бы вправе убить нарушителей.

– Потому что мы уже прикончили бы вас, если бы хотели, – проворчала Сеела.

Пелл рыкнул на нее, но Торелл вздернул губу, и волчица опустила глаза.

– Не хотите – не верьте, – сказал он. – Но я вам кое-что покажу. Мы пойдем через густые заросли, так что сможете убежать, если захотите.

– Что ты имеешь в виду? – спросила я, совладав наконец с собственным голосом.

– Вы не поверите словам. – Торелл многозначительно посмотрел на Аззуена. – Поэтому посмотрите сами. Даю слово, что никакой опасности не будет.

– Я не позволю, чтобы с вами что-нибудь случилось, – добавил Пелл.

Я задумалась. Если Скалистые хотели навредить нам, они вполне могли это сделать. Для этого не нужно было идти в другое место. И потом, я не отказалась бы узнать, что такое нашел Торелл, и предпочла бы, чтобы Скалистые не тащились за нами, когда мы отправимся искать Яндру и Франдру. Я посмотрела на Аззуена. Он слегка кивнул.

– Ладно, – сказала я. – Мы пойдем с вами.

Я взглянула на Торелла и подняла уши, чтобы показать, что он отнюдь не вправе командовать, хотя мы и согласились пойти с ним.

На покрытой рубцами морде показалась чуть заметная улыбка. Торелл развернулся и побежал по тропе туда, откуда пришел, прочь от реки, в глубь территории Скалистой Вершины. Хотя я и беспокоилась насчет дичи, которая уходила из Долины, и насчет того, что рядом Скалистые, но впитывала все звуки и запахи. Нашу территорию покрывали в основном сосны, ели и дубы, ну и немного тополей и ольховника. На земле Скалистых росли ягодные кусты, шалфей и ели, а еще – густой ивняк, березы и тополя. Листья с деревьев облетели, и голый лес, залитый солнечными лучами, казался светлее. Мы миновали участок, сплошь поросший шалфеем. Этот запах у меня всегда был связан

с Пеллом.

Торелл бежал быстро и размашисто, так что приходилось стараться что есть сил, чтобы не отставать. Мы двигались не цепочкой, как часто делают волки, когда хотят скрыть свое число. Я догадалась, что Торелл опять бахвалится и намекает, что ему плевать, если кто-то знает его местонахождение. Они с Сеелой бежали впереди, а Пелл, Аззуен и я – сзади. По мере того как мы удалялись от знакомых безопасных мест, мне становилось все более неловко. Пелл это заметил.

– Торелл ничего тебе не сделает, Каала, – сказал он. – Ты ему нравишься. Поэтому он и пришел за тобой. От большинства других волков в Долине Тореллу нет никакого прока.

Аззуен скептически фыркнул, а я не знала, что сказать, поэтому задала Пеллу вопрос, над которым ломала голову уже давно.

– Почему у вас только четыре волка? – спросила я. – Как ваша стая вообще выживает?

Мы достигли подножия крутого холма. Торелл и Сеела, несмотря на внушительные размеры, легко взбежали наверх и пустились по узкой тропке, тянувшейся вдоль края обрыва. Пелл последовал за вожаками столь же проворно, но подождал на вершине, пока вскарабкаемся мы с Аззуеном. Я заметила, что Аззуен разглядывает больную ногу Пелла, и сердито уставилась на него. Не обращая внимания на мой взгляд, он побежал за Пеллом, который мчался по тропке. Теперь нам и впрямь пришлось бежать вереницей по узкому карнизу. Мимо мелькали то опасные крутые обрывы, то пологие склоны. Торелл и Сеела неслись впереди, но Пелл приотстал, чтобы ответить.

– Нас больше, – сказал он, глядя через плечо и как будто не замечая отвесного обрыва справа. – Помнишь, на битву Высокой Травы мы привели еще четверых.

Я не помнила. На равнине было столько волков, что я не могла уследить.

– Но это секрет, – сказал Пелл. – Никто за пределами нашей стаи не должен знать.

– И где они?

– В укромном месте. На тот случай, если с нами что-нибудь случится.

Я решила, что Скалистые проявляют чрезмерную осторожность. Странная стая.

– Почему ты мне рассказал? – спросила я.

– Не хочу больше иметь от тебя секретов. – Он остановился и коснулся меня холодным мокрым носом.

Мое дыхание, которое и так сбилось от бега, замерло в груди.

Аззуен остановился и зарычал. Пелл взглянул на него, слегка приподнял губы и зарысил дальше.

– Мы просто разговаривали, – сказала я.

– Да, я слышал, – огрызнулся Аззуен, глядя так, как будто я только что отдала враждебной стае хорошую добычу. – Ты так и будешь тут стоять?

Пелл убежал вперед и почти поравнялся с Тореллом и Сеелой. Я не ответила Аззуену и припустила вслед за Скалистыми. Но не успела я сделать и двадцати шагов, как поняла, что Аззуен не бежит за мной. Я повернулась и увидела, что он смотрит вниз.

– Каала, погляди, – позвал он.

Я, разозлившись, подошла к нему. Скалистые убежали далеко вперед, а он глазел на что-то, скорее всего совершенно не важное.

– В чем дело? – спросила я. Аззуен стоял, рискованно перегнувшись через край. Я встала рядом и тоже посмотрела вниз, но увидела только пологий склон, покрытый сухими кустами, камнями и низкорослыми деревцами. – Ну?! Я ничего не вижу.

И тут я услышала шуршание лап по сухой земле. Аззуен сильно толкнул меня сзади. Я катилась с холма, с треском ломая кусты. Склон был пологий, и я приземлилась, целая и невредимая, в сухом ягоднике.

Аззуен тявкнул, призывая на помощь, хотя прекрасно видел, что я в порядке.

– Каала? – Пелл, бежавший впереди со своими вожаками, расслышал призыв Аззуена. Я отчетливо уловила панику в голосе Скалистого. Барахтаясь в колючем кусте, я увидела, как Пелл выбегает из-за поворота. Он перескочил через огромный валун и стремительно, почти как Марра, понесся вниз по холму. Когда он достиг дна оврага, я уже выбралась из зарослей. – Ты цела? – спросил он.

– Да.

«Не считая того, что Аззуен спихнул меня с холма».

Мы с Пеллом вернулись обратно на тропу.

Аззуен ждал нас, и морда у него была очень довольная.

– Нога, кажется, тебя не слишком беспокоит, – заметил он. – По-моему, ты в состоянии охотиться и сам.

Пелл прищурился.

– Да, – ответил он. – Думаю, что да.

Он, казалось, собирался сказать еще что-то, но лишь раздраженно фыркнул и побежал дальше вслед за вожаками. Я ошалело уставилась на Аззуена. Он столкнул меня вниз только для того, чтобы доказать, что Пелл здоровее, чем представлялся.

– Ты идешь? – спросил Аззуен и перебрался через небольшой камень, следуя за Скалистыми.

Мне не оставалось ничего другого, как бежать, раздумывая о том, что Пелл под предлогом раны попытался завоевать наше сочувствие. Мое сочувствие.

Мы забежали далеко на восток, к высоким горам, заслонявшим Долину. Я еще никогда не бывала так близко к ним. Когда мы поднялись на вершину небольшого холма, я остановилась, чтобы посмотреть на горы. Иллин и Деммен наверняка уже вышли за край Долины. А еще где-то там ждала моя мать. «Я могла просто уйти. Бежать, пока не достигну гор и не покину Широкую Долину».

– Мы почти пришли, – сказал Торелл. – Лучше не останавливаться.

Я стряхнула непрошеные мысли и поняла, что стою неподвижно уже несколько мгновений. Торелл наблюдал за мной, и на мордах вожаков явственно читалось нетерпение. Аззуен смотрел на меня с тревогой. Разгадать выражение на морде Пелла не удавалось.

– Простите, – сказала я.

– Побежали! – с досадой приказала Сеела и первой помчалась вниз по склону.

Мы бежали еще пять минут, пока не достигли границ территории Скалистых, где начиналась земля Древесной Тропы. Мы поднялись на поросший кипарисами холм и спрятались в зарослях. Этот холм возвышался над другими, и нам была видна Долина до самых гор.

– Вон оно, – сказал Торелл, указывая мордой.

Вдалеке волки гнали табун лошадей. Что-то тут было не так, и я сообразила, что лошади намного меньше, чем обычно. Потом я поняла, что это не лошади маленькие, а волки очень большие. В Долине охотились верховные. Я затаила дыхание, ожидая, что они заметят незваных гостей, но нас разделяло расстояние в несколько сотен волков. Я заметила, что никто из Скалистых не боится, и заставила себя расслабиться.

Я подползла к самой кромке зарослей. Раньше я никогда не видела, как охотятся верховные волки, потому что они всегда делали это втайне. Говорили, что они сидят в траве и ждут, пока добыча не пройдет мимо, а потом валят ее одним прыжком, но оказалось, что они охотятся, как обычные волки. Они уже убили пять лошадей, и один из верховных охранял туши. По одной лошади на каждого, с изумлением подумала я. Верховные не прекращали охоты, чтобы поесть, а продолжали бегать за дичью. Четверо волков преследовали огромный табун почти в сто голов.

Я думала, что они сейчас отделят небольшой косяк, как делали мы, но верховные гоняли табун целиком.

– Они не могут перебить всех, – шепнул Аззуен. – Что они делают?

Я не сводила глаз с Долины, но знала, что уши у Аззуена подергиваются от любопытства. Верховные по-прежнему преследовали табун. Когда лошади отбивались в сторону, охотники не старались отделить самую слабую и повалить, как сделал бы всякий разумный волк, а гнали отбившихся к остальным. Когда табун попытался пуститься вниз по склону, ведущему в болото, верховные волки ему не позволили, хотя лошадь, оказавшаяся в топи, становится легкой добычей. Всякий раз, когда лошади отклонялись от намеченного пути, волки направляли их обратно, к проходу меж низких холмов, ведущему к горам.

– Они выгоняют дичь, – сказала я, повернувшись к Тореллу. – Они выгоняют ее из Долины!

Торелл оскалил зубы – то ли в рыке, то ли в мрачной усмешке. Шрамы так исковеркали его морду, что углы губ постоянно были оттянуты назад и Торелл как будто всегда усмехался.

– Лошади, горные и лесные олени, болотные свиньи… – перечислил он. – Вся дичь, которая не слишком крупная. В Долине остаются только туры и великаны-лоси. Как ты думаешь, что у них общего?

– Они очень большие, – ответила я. – И что?

– На них охотятся верховные, – добавил Аззуен, глядя на Торелла.

– Да, – произнес вожак Скалистых. – Это любимая добыча верховных, но туры и лоси слишком опасны для обычных волков, длиннозубов, пещерных львов и даже для людей.

– Они нарочно выгоняют нашу дичь? – спросила я, пораженная намеками Торелла.

– Чтобы мы потерпели неудачу, – уверенно закончил Аззуен. – Чтобы люди и волки начали драться.

– Я знаю о задании, которое дали тебе верховные волки, – сказал Торелл. – Судя по всему, они не хотят, чтобы ты справилась.

Не говоря больше ни слова, они с Сеелой развернулись и зарысили вниз по холму, на свою территорию. Мы с Пеллом и Аззуеном постояли на холме.

– Милсиндра и Кивдру, – проговорила я. – Конечно, это они.

– Мы видели тут до десятка волков, которые прогоняли дичь, – сказал Пелл.

Я моргнула. Половина Совета.

– Торелл покажет еще кое-что, если пойдешь с нами, – продолжал Пелл.

До меня дошло, что теперь, когда Торелл и Сеела ушли, можно сбежать. Я должна была поговорить с Франдрой и Яндру, рассказать, что случилось. Хотя Торелл открыл нам очень важную вещь, это не значило, что он достоин доверия. Вражда между Быстрой Рекой и Скалистой Вершиной длилась слишком долго, чтобы вот так запросто положить ей конец.

– Не сомневайся в слове Торелла, Каала, – сказал Пелл, разгадав мои мысли. – Он честен. Он не причинит тебе вреда, если пообещал этого не делать. Нарушить обещание для него хуже, чем убить сородича.

Пелл заметил, что Аззуен пытается привлечь мое внимание.

– Поговорите, – предложил он. – За ольховой рощей слева от вас – наше небольшое сборное место. Мы подождем там десять минут.

Он наклонил голову, слегка коснулся моей щеки носом и захромал по склону вслед за сородичами. На полпути к ольховой роще он, видимо, вспомнил, что раненая нога ему не мешает, и пустился к зарослям во весь дух.

– Чем больше мы узнаем, тем лучше, – сказала я Аззуену.

– Согласен, – ответил тот. – Но не спеши доверять Пеллу. Он притворился хромым и несчастным, чтобы ты его пожалела. Потому что он к тебе неравнодушен.

У меня не нашлось ответа. И я действительно поймала себя на том, что готова выказать симпатию к молодому Скалистому. Но Аззуену необязательно было это знать.

– Нам нужна Марра, – произнесла я. – Она бы разгадала, что задумал Торелл.

– Мы не можем ее позвать, – сказал Аззуен. – Тогда все волки в Долине поймут, где мы.

Я подняла голову, надеясь увидеть Тлитоо. Разумеется, когда мы в нем нуждались, он не появлялся.

– Давай посмотрим, что еще хочет сказать Торелл.

– Ладно, – согласился Аззуен – гораздо быстрее, чем я думала. Впрочем, неудивительно. Как только появлялось что-нибудь новенькое или очередная тайна, Аззуен был тут как тут. С таким ощущением, как будто прыгнула в слишком широкую реку, я пустилась вниз по склону, по следам, которые оставила неровная побежка Пелла.

Если бы какой-нибудь волк сказал мне, что я добровольно пойду на сборное место Скалистых, я бы решила, что он слишком долго просидел у горящего куста полыни. Не знаю, чего я

ожидала – что сборное место будут охранять двадцать волков или что оно окажется совсем пустым, а значит, больше подходящим для драки. Но это была самая обычная, довольно маленькая поляна, где пахло ольхой, шалфеем и мятой. Скалистые Волки провели там лишь несколько минут, но уже расслабились и лежали на влажной земле, как будто собирались вздремнуть после еды. Мы с Аззуеном остановились на краю, ожидая, что Торелл и Сеела пригласят нас. Торелл и Пелл встали (Сеела осталась лежать), и вожак кивнул, давая позволение войти.

– Добро пожаловать, – официально произнес Торелл, а Сеела чуть заметно склонила голову. – Я рад, что вы решили присоединиться.

– И я тоже, – добавил Пелл.

Мы с Аззуеном быстро приветствовали всех троих и вновь отступили на край. Прежде чем Торелл или Пелл успели заговорить, я спросила:

– Почему вы нам помогаете? Вы ненавидите людей. Я думала, вы хотите, чтобы мы потерпели поражение.

Торелл окинул меня взглядом.

– При обычном положении дел, волчица, я бы этого хотел и сделал бы все возможное, чтобы ты действительно проиграла, даже если бы мне самому пришлось окончить жизнь в зубах верховных. Я не люблю людей – и тех волков, которые заключают с ними союзы. Я не считаю тебя дрельшиком, это глупо, хотя все-таки думаю, что обращаться с людьми, как с сородичами по стае, просто отвратительно. Но я не настолько упрям и не пожалею сил, чтобы защитить свою стаю. Я бы не отказался от твоей помощи! – Он рассмеялся, заметив испуганное выражение моей морды, потом снова посерьезнел. – Я, как и все волки Долины, наблюдал за тобой, с тех пор как ты была совсем маленькой.

Я неловко переступила с ноги на ногу. Похоже, каждый волк в Широкой Долине знал обо мне слишком много.

Торелл не обратил внимания на мою тревогу.

– Рууко не позволяет тебе ощутить власть, которой ты обладаешь, Каала. Ты и твои друзья.

Я невольно фыркнула.

Торелл дернул ухом.

– Почему, как ты думаешь, верховные волки спорят? – поинтересовался он.

– Из-за моей смешанной крови и метки на груди, – ответила я. – Верховные думают, что я – волк из легенды, который либо спасет волчий род, либо прогневит Древних так сильно, что они всех уничтожат.

– Древние… – Сеела презрительно усмехнулась. – Древние –

это просто сказка. Ее сочинили, чтобы дурачить легковерных волков, которые не умеют думать своей головой. С тем же успехом можно сказать, что ольха разозлится на тебя и сбросит в ручей.

Я в ужасе уставилась на Сеелу, гадая, не шутит ли она.

– Не обращай внимания, – сказал Торелл. – Не важно, что ты или я думаем о Древних. Важно то, что верховные волки что-то скрывают, и нам нужна твоя помощь, чтобы разобраться. Они внимательно следят за мной, но тебе-то верховные доверяют, разговаривают с тобой. Возможно, однажды ты подберешься достаточно близко, чтобы найти их тайник и узнать, что там спрятано.

Я все еще была слишком ошеломлена, чтобы ответить.

– А с какой стати нам соглашаться? – спросил Аззуен в наступившей тишине. – Мы бы и сами в конце концов узнали от воронов про дичь и верховных. Какой будет прок Быстрой Реке от того, что мы тебе поможем?

Сеела коротко рассмеялась, но даже не подняла голову с лап.

– Например, мы поучим вас драться. Не знаю, о чем думали Рууко и Рисса, позволив своим щенкам бегать в одиночку, но при этом не научив защищаться.

Я гневно взглянула на волчицу и повернулась, чтобы уйти. Я не собиралась выслушивать оскорбления и не нуждалась в сведениях, которыми соблаговолили поделиться с нами Скалистые. Аззуен держался рядом.

Пелл метнулся следом.

– Подожди, Каала, – сказал он, сердито глядя на Сеелу. – Что бы ни скрывали верховные, от этого зависишь ты и успех твоей миссии. Мы поможем тебе узнать, что нужно сделать, чтобы выполнить ее. Даже если дичь уйдет из Долины.

Он положил голову мне на шею и постоял так – чуть дольше, чем требовалось в качестве извинения за грубость Сеелы.

– Мы придумаем, как поохотиться с людьми.

– Спасибо, – ответил Аззуен, – но мы и сами выясним то, что надо знать. Нам не нужна ваша помощь.

Я колебалась, чувствуя взгляд Торелла. Почти против воли я встретилась с ним глазами.

– Что ты будешь делать, если у тебя получится, Каала? – спросил он. – Если люди действительно пустят вас к себе на год?

Я собиралась уйти из Долины на поиски матери, но Тореллу незачем было об этом знать. Я не ответила, и он попытался еще раз:

– Правду говорят, что добиться расположения людей вам удается, только унижаясь и прислуживаясь?

– И что? У нас же получилось.

– Ты знаешь, зачем волки и люди должны быть вместе?

– Конечно. Волки присматривают за людьми, чтобы те не теряли связь с природой.

– Если люди забудут, что они – часть природы, они ее просто уничтожат, – подхватил Аззуен. – Такую клятву дали волки Широкой Долины.

– Как вы растолкуете это людям, если пресмыкаетесь перед ними? – поинтересовался Торелл. – Вы станете частью человеческого мира. Они не станут частью нашего.

Я промолчала. Торелл коснулся главного противоречия. Нам нужно было сойтись с людьми, но всякий раз, когда люди и волки оказывались вместе, первые пытались поработить вторых, а те в ответ защищались. Вот почему Милсиндра не сомневалась, что мы потерпим поражение. До сих пор я не позволяла себе об этом задумываться. Я собиралась сначала завоевать доверие людей, а потом уже беспокоиться.

Торелл ждал ответа. Не дождавшись, он заговорил опять:

– Объясни, почему ты повинуешься воле верховных?

Я рассмеялась.

– Потому что иначе они нас убьют.

– Я тоже могу тебя убить, но меня ты не слушаешься, – заметил Торелл. – В Долине двадцать один верховный волк. Если мы все восстанем, их власти придет конец.

Аззуен шумно выдохнул. Трое Скалистых наблюдали за нами.

– Ты принимаешь условия верховных, – продолжал Торелл, – потому что боишься, потому что они больше и сильнее, потому что они всегда правили Долиной… – Он удерживал мой взгляд. – Ты веришь, что верховные волки – посланцы Древних. А я не верю. Я думаю, что солнце и луна – просто большие огни в небе, а небо – просто воздух, которым дышат волки и остальные животные. Я уверен: если волки Широкой Долины соберутся вместе, то смогут победить верховных и сами будут распоряжаться Долиной и своими жизнями. И чтобы сделать это, нужно узнать, что скрывают верховные. Видимо, Рууко и Рисса предпочли промолчать, хотя я с ними говорил. Некогда они были готовы восстать вместе со мной против верховных, но так и не осмелились. Им важно только сохранить свою стаю еще на год, еще на одно поколение. А по-моему, спасать жизнь ценой свободы – выбор глупцов.

Я затаила дыхание. Мне еще не доводилось слышать, чтобы какой-нибудь волк так рассуждал. Я всегда думала, что Торелл дерется ради драки и ищет неприятностей, потому что любит причинять боль другим. Рууко твердил, что Торелл жаждет

внимания и власти, и я не сомневалась, что это правда. А теперь не знала, что и думать. Я повернулась к Аззуену, ожидая увидеть на его морде привычное выражение скепсиса, но он слушал Торелла так внимательно, что я не выдержала и отвернулась.

Пелл с горящими глазами наблюдал за мной.

– Есть места, Каала, где жизнь волка принадлежит лишь ему самому, где волки не подчиняются капризам кучки безумцев. Места, где можно заводить щенков, когда вздумается, и свободно странствовать…

Когда он упомянул щенков, то от его взгляда у меня встала дыбом шерсть за ушами.

– Ничего не выйдет, если мы начнем голодать, – рассудительно сказал Аззуен. – Если дичь уйдет, волки будут слишком заняты борьбой за выживание, чтобы бороться с верховными. А нам придется удерживать людей от постоянных ссор с волками, вместо того чтобы заниматься чем-нибудь еще.

– Перестань рассуждать как хвостолиз! – нетерпеливо велел Пелл. – Если ты узнаешь, что скрывают верховные, то обнаружишь их слабость. Если мы откроем тайну верховных, у нас появится шанс победить, в союзе с другими стаями или без них!

Он перешел все границы. Скалистые были сильны, но верховные – намного сильнее.

– И с какой стати вам голодать, – продолжал Торелл, – если в Долине полно туров и больших лосей?

Большие лоси – родичи обычных, но они великаны, почти втрое больше волка. Они необыкновенно сильны, и у них огромные рога. Они способны убить любого хищника, который бросает им вызов. После той стычки на равнине Высокой Травы лоси возненавидели волков Быстрой Реки.

– Большие лоси – опасная добыча, – сказала я. – А на туров мы не охотимся.

– А мы охотимся, – заметила Сеела. – И всегда охотились.

Я зевнула. Все в Долине говорили, что Скалистые – безумцы, раз охотятся на туров. Туру ничего не стоит убить волка, и завалить его гораздо труднее, чем лося.

– Я вас научу, – сказал Торелл. – Научу охотиться на туров и добывать больших лосей. Мы покажем, как охотиться на них вместе с людьми.

– Дичь уходит, но это не самое страшное, Каала, – заметил Пелл. – Ваши люди все равно будут сыты. Благодаря вам.

Вот в чем я нуждалась больше всего – чтобы люди начали нас ценить. Тогда я бы оставила вместо себя других волков и покинула Долину вместе с Тали. Но голова у меня просто гудела.

Я не могла отмахнуться от слов Торелла и Пелла – почему-то мне особенно хотелось доверять Пеллу, – но нельзя было враз позабыть обо всем, что я знала о стае Скалистой Вершины.

– Чего ты хочешь? – спросила я. – Как обнаружить тайник?

Торелл, кажется, оценил мой практицизм. Я старалась не обращать внимания на Аззуена, который трясся от любопытства.

– Мы много лет наблюдали за верховными, – ответил Торелл. – Кажется, мы знаем их тайники, но не можем пойти туда сами. Верховные волки знают, что мы не принимаем их законы, и внимательно следят за нами. Вот почему нам нужна ты. Верховные верят, что ты сделаешь так, как они скажут, и не удивятся, если ты зайдешь на чужую территорию, потому что тебе надо выполнить задание. Ты, возможно, сумеешь найти то, что они прячут.

– Ну так скажи, где это, – потребовал Аззуен, все еще исполненный подозрения, хотя и увлеченный словами Торелла.

Вожак Скалистых поморщился.

– Я доверяю вам не больше, чем вы мне. Если вы передадите своим друзьям из числа верховных то, что я рассказал сегодня, через четверть луны я и моя стая будем мертвы. Знаю, вы можете выдать все, что я сказал, но верю, что вы этого не сделаете. Прежде чем открыть что-нибудь еще, я должен убедиться, что вы не какие-нибудь хвостолизы, которые сдадутся, как только их прижмут. Мне нужно знать, что вы способны постоять за себя.

Похоже, все вознамерились нас испытывать. Но, вместо того чтобы рассердиться, я обрадовалась. Больше чем когда-либо мне хотелось противостоять Милсиндре. Если я буду охотиться на туров и больших лосей вместе с людьми, то сумею доказать, что волки и люди ладят, как настоящие сородичи. Я поучу и других волков ловить крупную дичь. Мы докажем, что способны добиться успеха с людьми, даже если большая часть дичи уйдет из Долины. И если Совет узнает, что мы справились, несмотря на то что Милсиндра выгнала дичь, она потерпит поражение, а Зориндру одержит верх. Ради этого стоило рискнуть.

Я вздохнула.

– Нам нужно найти Франдру и Яндру до заката, или они сами пойдут нас искать.

– Вы вполне успеете доказать мне свою смелость и вернуться к назначенному времени, – заметил Торелл. – Расскажите верховным, что дичь уходит из Долины. Ты права, вы бы и сами это обнаружили.

Торелл был на удивление сговорчив. Но стая Скалистой Вершины слишком долго с нами враждовала, чтобы я могла ему доверять. Я задумалась, как поступила бы Марра – как бы она

узнала, стоит ли он доверия.

– Если мы сейчас пройдем испытание, то обязательно будем должны присоединиться? – спросил Аззуен, прежде чем я успела что-нибудь сказать. – Если мы решим, что не хотим искать тайник верховных, вы отпустите нас целыми и невредимыми?

Торелл и Пелл моргнули, а Сеела рассмеялась.

– Умный волчонок, – сказала она. – Да. Пока вы не приняли нашу помощь на охоте, вы ничем нам не обязаны, кроме обещания держать язык за зубами.

– А что до того, чтобы присоединиться, – подхватил Торелл, – если захотите, Скалистые волки охотно примут и вас, и вашу быстроногую сестру, и старого волка, который дает дельные советы.

Я удивленно фыркнула. Торелл, несомненно, внимательно наблюдал за нами, если знал, что мы бы непременно захотели взять с собой Марру и Тревегга.

– Можешь выйти, – добавил Торелл, обращаясь к одному из кустов, окружавших поляну.

Из куста вылезла Марра. Я почуяла ее запах несколько минут назад, как только она появилась, но надеялась, что Скалистые ничего не заметили. Она поприветствовала хозяев и спокойно села, поставив передние лапы вместе и обернув хвостом ляжку. Я была рада, что Марра здесь.

Почему-то я не боялась. Не боялась опоздать к Яндру и Франдре, не боялась того, что, возможно, придется заключить союз со стаей Скалистой Вершины. Я радовалась. Милсиндра думала, что я испугаюсь, спрячусь и буду выжидать, как она поступит. Но Торелл предложил иной путь. Краем глаза я посмотрела на Аззуена. Тот кивнул. Я поймала взгляд Марры и убедилась, что глаза у нее горят от радостного волнения.

– Ну хорошо, – сказала я. – Что вы от нас хотите?

Торелл улыбнулся:

– Пошли.

Глава 12

Я лежала на земле, разглядывая мощную грудь Торелла.

– Зачем ты бросаешься на меня, как барсук, наевшийся пьяных ягод? – поинтересовался он. Торелл стоял надо мной, поставив лапы мне на ребра. Я прыгнула на него, пытаясь опрокинуть, как сделала на тропинке, но это было все равно что валить дуб собственным весом.

Торелл решил испытать нас в тренировочном бою. Мы отошли подальше в лес на маленькую прогалину, скрытую густыми соснами и зарослями можжевельника, чтобы не заметил никакой проходящий мимо верховный волк.

Как только мы добрались до места, Торелл, Сеела и Пелл сгрудились и зашептались. Во мне сразу зашевелилось нетерпение. Уже перевалило за полдень, и мы должны были скоро уйти, чтобы не опоздать к верховным, но до сих пор не узнали ничего ценного. Когда Пелл подошел к нам и сказал, что Торелл хочет проверить, получатся ли из нас хорошие бойцы, я разочарованно заворчала. Я решила, что глупо со стороны вожака бросать вызов полувзрослым волкам. Похоже, Рууко и Рисса не ошибались, говоря, что Торелл вечно хочет доказать свою силу. Я так и сказала Пеллу.

– Мало ли что тебе кажется, Каала, – ответил он. – Торелл хочет удостовериться, что вы достаточно опытны, чтобы охотиться на туров, не калеча себя и товарищей по охоте. И дело не только в этом. Большинство волков растут, учась повиноваться. Если вы намерены бросить вызов верховным, Тореллу надо убедиться, что вы готовы рискнуть и не пойдете на попятный, когда придется туго.

– Я уже немало рисковала, – заметила я, вспоминая, как вытащила Тали из реки и как отказалась уйти вместе с Яндру и Франдрой из Долины. – По-моему, это просто глупо. Почему бы нам просто не пойти охотиться на туров вместе с вашей стаей?

Пелл помолчал.

– Знаешь, откуда у Торелла такие шрамы на морде?

– Он подрался?

– Или отхватил чужую территорию? – подсказал Аззуен.

– Нет, – сказал Пелл, глядя на него сверху вниз. – Такие шрамы не оставил бы ни один обычный волк.

Я чуть не рассмеялась над таким бахвальством, но пристальный взгляд Пелла остановил меня.

– Он их получил три года назад. Он недостаточно быстро опустил уши перед верховными, и те оскорбились. На следующий

день трое верховных пришли, чтобы убить щенков Торелла – его первый помет. Торелл отбился. Ваша вторая волчица, Веррна, тогда бегала в стае Скалистой Вершины. Она дралась рядом с Тореллом. Ее спутник, Ланн, погиб в этом бою, и она поклялась не заводить нового. Они втроем сражались против верховных, пока не пришел Зориндру и не прекратил драку. Торелл поклялся, что однажды освободится от власти верховных волков. Вот почему он так осторожен. Эта клятва значит для него все. Она важнее жизни, важнее собственной стаи. И он доверился тебе…

И теперь, прижатая Тореллом к земле, я рассматривала его изуродованную морду и пыталась представить этот бой. Я оказалась беспомощна перед Милсиндрой – а она была одна. Каково драться сразу с тремя верховными? Я думала, шрамы Торелла свидетельствуют лишь о том, что он слишком злобен и безрассуден, а потому доверять ему нельзя. Но оказалось, что он герой.

Он нахмурился и отошел, позволив мне встать.

– Я вешу гораздо больше, – сказал он. – Ты меня не опрокинешь. Ты недостаточно сильна.

– Я еще стану сильнее, – заверила я, отдуваясь, и поднялась на ноги. Моя гордость была уязвлена. Слабый волк – бесполезный волк.

Тлитоо каркнул. Он сидел на ближайшем камне и наблюдал. Ворон прилетел вскоре после того, как мы удалились на прогалину, но отказался помогать против Скалистых. «Я уже научился драться, волчишка», – сказал он.

– Ты никогда не станешь сильнее тура, – заметил Торелл. Я начала спорить, но он толкнул меня головой. – Обрати это в свою пользу. Что делает горный танцор, когда дерется?

Горный танцор – маленький легкий олень, который спускается с гор в разгар зимы. Его почти невозможно поймать. Костный мозг у него особенно лакомый, вкусом он похож на сладкие горные цветы, которыми питаются олени, но нам очень редко удавалось завалить горного танцора. Они не только быстры, но умны, хитры и непредсказуемы.

– Он разворачивается и бьет копытами, прежде чем ты успеешь отойти, – ответил Аззуен, подозрительно глядя на Пелла. Скалистый, казалось, с особым удовольствием снова и снова швырял Аззуена в груду сухих веток.

– А что делает ласка, когда дерется с волком? – продолжал Торелл, не сводя глаз с молодого волка.

– Ныряет снизу и кусает, – ответила Марра, прижатая к земле лапами Сеелы.

– Тебе досталось, да? – спросил Пелл с явным сочувствием в

голосе. Я подавила невольный рык. Какая мне разница, даже если Пелл любезен с Маррой?

– Да, – ответила она. – Две луны назад. Ласка поймала кролика, а я решила его отнять. Я попыталась прижать ласку к земле и отобрать добычу, а она извернулась и цапнула меня за ногу.

– Вот именно, – сказал Торелл. – Они не пытаются пересилить противника, который намного больше и тяжелее, а используют свои преимущества, чтобы выиграть схватку. Поступайте с дичью, способной вас убить, точно так же. Думайте, как добыча, и действуйте, как охотники.

Я посмотрела на широкую грудь и сильные лапы Торелла и попыталась представить себя горным танцором, но тщетно. Я – не дичь. Я посмотрела на Аззуена и Марру, чтобы поделиться недовольством, но Аззуен сосредоточенно прищурился, а Марра поднималась на ноги, внимательно глядя на Сеелу.

– Ты быстро двигаешься, – сказала ей Сеела. – Быстрее всех волков, кого я знаю. И уж точно быстрее любого тура. Пользуйся этим.

Сеела взяла из кучи веток палочку, зажала передними лапами, оттопырила зад и опустила голову к земле.

– Забери, – предложила она.

Прежде чем волчица успела договорить, Марра бросилась вперед. Она дважды обежала вокруг Сеелы, поднырнула под грудь и схватила палку. Сеела прыгнула, но успела лишь мазнуть Марре лапой по лбу.

– Вот так? – Марра с палкой в зубах ухмылялась и смаргивала кровь, которая текла из угла глаза.

Аззуен подошел к ней, как будто за тем, чтобы обнюхать палку, но вдруг круто повернулся влево и тяпнул Пелла зубами за хвост. Пелл развернулся, но Аззуен вскочил на груду веток. Торелл выжидающе смотрел на меня. Палку он положил сзади. Я задумалась. Можно было нырнуть ему под ноги и пробиться за спину. Или перепрыгнуть сверху, хотя скорее всего Торелл предвидел такой ход. И тогда я побежала прямо на него, а в последний момент вильнула вправо, пытаясь проскочить мимо. Торелл с легкостью отбросил меня, опрокинул на спину и несильно прикусил за шею.

– Не атакуй, пока не подойдешь вплотную, – сказал он, отступив. – Ты с самого начала решила уходить вправо, поэтому, когда я двинулся, у тебя не осталось другого выбора. Меняй направление, отступай, кусай за ноги. Не прекращай думать на бегу. Не загоняй себя в тупик. Попробуй еще раз.

Через час мы с Маррой и Аззуеном стояли перед Скалистыми,

запыхавшиеся, но довольные. Все мы по разу успешно проскочили мимо каждого из Скалистых. Тлитоо, которому надоело наблюдать за схватками, искал жучков в куче веток.

– Хорошо, – сказал Торелл. – Думаю, мы сумеем помочь друг другу.

Я слишком тяжело дышала, чтобы ответить, – и, возможно, к лучшему. Я думала: как глупо, что Торелл считает волка достойным доверия, если тот умеет драться. Пирра, вожак стаи Озера Ветров, считалась одним из лучших бойцов Широкой Долины, но при этом доверять ей можно было не больше, чем гиене.

– Мы думаем, что тайник верховных находится где-то за Западными Равнинами, неподалеку от того места, куда мы пойдем охотиться на туров, если вы захотите, – сказал Пелл. – На самом краю равнины стоит цепь низких холмов. За ними начинается равнина, так что видно далеко. Мы видели, как верховные вместе ходили за холмы. Там и надо поискать.

– Это территория, которую верховные считают своей. – Сеела ухмыльнулась. – Вот еще почему охотиться на туров опасно.

– Наверное, вам нужно время, чтобы подумать над нашим предложением, – произнес Торелл. – Но не затягивайте. Верховные подозревают нас сильнее, чем раньше. Идите к Яндру и Франдре, чтобы они ничего не заподозрили.

– Верховные начнут подозревать Каалу, как раз если она сделает то, что ей велели, – каркнул Тлитоо, сидя на куче веток.

У Пелла вырвалось нечто вроде смешка. Когда я посмотрела на молодого волка, он стоял с полузакрытыми глазами, как будто задумавшись, и изо всех сил сжимал губы, чтобы не улыбнуться. Аззуен и Марра рассмеялись вслух. Я гневно уставилась на них.

– Ступай к верховным и к своей стае, – сказал Торелл с легкой улыбкой. – Встретимся на нашем сборном месте, там, где мы видели дичь, через две ночи, если вы решите поохотиться на туров и помочь нам найти то, что прячут верховные.

Я кивнула. Почему-то мне хотелось вести себя, как в присутствии собственного вожака.

– Спасибо, – сказала я и осторожно потянулась к нему мордой. Торелл бережно взял ее в пасть, потом простился таким же образом с Аззуеном и Маррой. Я расслабилась, убедившись, что он добр с нами. Марра лизнула меня и Аззуена в щеку и побежала в сторону становища племени Лан. Напоследок оглянувшись вокруг, я попятилась с прогалины, но вдруг остановилась. Что-то в словах Торелла по-прежнему не давало мне покоя.

– Рууко и Рисса не нарушат обещания. Они не пожертвуют

честью ради собственной безопасности. Они сказали Зориндру, что помогут, и не возьмут свое слово обратно.

Торелл хотел что-то сказать, но передумал.

– Надеюсь, ты права, волчица. В любом случае, если хочешь помочь нам, а заодно своей стае и людям, приходи через два восхода луны.

Я снова двинулась задом с поляны и испуганно остановилась, когда из кустов рядом со мной выскочил волк. Это был Аррун, второй в стае Скалистой Вершины – крепкий, с темной шерстью. Я уже с ним встречалась и считала туповатым и упрямым.

Торелл прищурился.

– Ты разве не должен быть сейчас в Укромной Роще? – поинтересовался он.

– Я хочу тебе кое-что показать, Торелл, – сказал Аррун. – И молодым из стаи Быстрой Реки тоже.

– Что случилось? – спросила Сеела.

Аррун встретился с волчицей взглядом. Я понятия не имела, что он ей сказал глазами, но она вдруг быстро опустила голову. Когда Аррун покинул поляну, Сеела и Торелл побежали следом.

– Ты пойдешь? – спросил Пелл.

У Аззуена нетерпеливо дернулся хвост. До заката еще оставалось время. Мы вполне могли успеть назад вовремя, чтобы встретиться с верховными.

– Или нет?..

– Да, – ответила я и пропустила Пелла вперед.

Аррун повел нас на север, вдоль границы между территориями Скалистых и Озера Ветров. Земля здесь была каменистая и пыльная, малопривлекательная для дичи. Я вспомнила, как Торелл однажды сказал Рууко, что волкам Быстрой Реки достались лучшие охотничьи угодья в Долине. Тогда я решила, что это просто уловка, чтобы захватить побольше земли, но теперь задумалась, не говорил ли он правду.

Аррун бежал неторопливо. Хотя я устала после долгого пути и возни с Тореллом, мышцы в ногах подергивались от желания бежать быстрее. Мне еще нужно было найти Франдру и Яндру и рассказать им про дичь. Я начала сомневаться, что стоило оставаться со Скалистыми так долго. Аррун на бегу поглядывал на нас с Аззуеном через плечо, как будто хотел что-то сказать. У меня об Арруне сохранились лишь неприятные воспоминания, а потому я старательно избегала его взгляда.

Он остановился у неглубокого пруда, чтобы попить. С чувством благодарности я принялась лакать неподвижную стоялую воду. Я предпочитала текучую воду реки, но измучилась от жажды, а потому согласилась бы пить что угодно. Когда мы

напились, Аррун двинулся шагом, и его медленные, почти неуверенные движения вызвали у меня желание завыть от нетерпения. Но одного взгляда на Торелла и Сеелу хватило, чтобы удержаться.

– Куда ты нас ведешь, Аррун? – спросил Пелл, заметив мое раздражение. Я с благодарностью взглянула на него.

– В Осиновый Дол, – ответил тот и замолчал.

Через несколько минут Аррун остановился там, где начинались деревья. Он наклонил голову и отошел, чтобы Торелл и Сеела могли войти в Дол первыми. Надо мной мелькнуло что-то черное, и, подняв голову, я увидела, что с осины на нас смотрит Тлитоо. Вожаки протиснулись мимо и зашагали через плоскую травянистую равнину. Аррун и Пелл следовали за ними, а мы с Аззуеном замыкали. Я услышала, как Сеела резко втянула воздух. Пелл быстро и встревоженно глянул в мою сторону, но ни то ни другое не подготовили меня к тому, что я там увидела.

Поначалу, войдя в Осиновый Дол вслед за Скалистыми, я не поняла, чем тут пахнет. Я почуяла волка из стаи Быстрой Реки, но ни один мой сородич не забежал бы так далеко на чужую территорию. Я сделала несколько шагов и озадаченно остановилась. Аззуен неловко переступил с лапы на лапу. И тут я радостно взвизгнула, когда наконец узнала этот запах, смешивавшийся с запахом травы, осин и Скалистых. Я чуяла Иллин – значит, она еще не покинула Долину!

Не в силах сдержаться, я пронеслась мимо Скалистых и бросилась вперед.

Я не сразу сообразила, что это за серый комок в траве. Я ничего не понимала, пока не оказалась прямо над безжизненной грудой меха и плоти.

Иллин умерла недавно. Она уже остыла, но не окоченела, кровь у нее на животе и на груди была еще липкой и свежей. Я уставилась на нее. Я не впервые видела мертвого волка. Брат Аззуена, Реел, выглядел и пах примерно так же, когда его насмерть затоптали лошади, но все-таки меня смутил странный запах – запах Иллин и не вполне Иллин. Волка и не волка.

Аззуен тихонько заскулил. Я и не слышала, как он подошел.

Я придвинулась и увидела, что у Иллин распорот живот. Огромная зияющая рана, которую могли нанести только гигантские зубы. Например, клыки пещерного льва или медведя. Но со страхом и кровью Иллин мешался запах верховной волчицы Милсиндры.

Мое тело, кажется, первым поняло то, чего не понял мозг. В груди собралась тяжесть, ноги ослабели. Понадобились все силы, чтобы обернуться к Скалистым. Они уважительно отступили,

оставив нас наедине с телом Иллин.

– Ее убили верховные волки, – сказала я. Хриплый голос, вырвавшийся из моей глотки, звучал неузнаваемо. Я вспомнила, как Иллин выступила против Милсиндры в ельнике. Но разумеется, этого было недостаточно, чтобы верховная волчица ее убила.

– Я бежал в Укромную Рощу, на наше сборное место, – произнес Аррун. Его обычно угрюмая морда смягчилась. – Она еще была жива, когда я ее нашел. Она сказала, что вместе с другим волком уходила из Долины пять ночей назад, когда их перехватили верховные. Они заявили, что покидать Долину запрещено, что ни один волк не смеет уходить ни по какой причине. Потом верховные напали. Иллин и ее друг бежали. Они разделились, и до сегодняшнего дня она пряталась в пещере, но вышла, потому что очень хотела пить и больше не могла терпеть. Она пробиралась обратно на земли Быстрой Реки, и на нее напала Милсиндра. Я оставался с Иллин до самого конца, – мрачно закончил Аррун, – чтобы она не умирала в одиночестве.

Деревья позади зашуршали. От пронзительного крика Тлитоо зазвенело в ушах. Он облетел тело Иллин, снова каркнул и с шипением вернулся на осину.

– Верховные разрешили ей уйти, – сказала я тем же странным голосом, потому что другого не получалось. – Они позволили Иллин найти себе спутника за пределами Долины!

– Значит, они передумали, – отозвался Торелл, скривив изуродованную морду.

– Она же возвращалась к стае! – воскликнул Аззуен. – Зачем было ее убивать, если она подчинилась и пошла домой?

На последнем слове его голос оборвался.

– Чтобы она послужила примером, – ответила Сеела. – Чтобы другие волки Широкой Долины видели, что будет, если они попытаются уйти.

Я встряхнулась, пытаясь прочистить голову. Иллин бегала быстрее Марры и могла перескочить через ручей, который прочим приходилось преодолевать вброд. Ей еще не исполнилось и двух. Однажды она возглавила бы собственную стаю…

Я открыла пасть, чтобы завыть.

– Каала, подожди, – настойчиво вмешался Пелл. – Верховные услышат.

– И что? – спросила я. Мне было наплевать.

– Подумай, Каала! – Резкий голос Скалистого пробился сквозь туман в моих мыслях. – Что делают волки, когда дичь уходит?

– Следуют за дичью, – немедленно ответила я. – Если уходит дичь, уходит и стая.

Это знает каждый щенок.

И тут до меня дошло. Верховные запретили волкам покидать Долину, после чего выгнали дичь.

– Мы в ловушке…

Голос Аззуена тоже показался мне чужим. Я никогда не слышала в нем такого гнева и горечи.

– Они выгнали дичь и запретили волкам уходить. Значит, нам придется драться друг с другом и с людьми за еду.

Скалистые молчали.

Если завыть по Иллин, верховные поймут, что мы нашли ее, и получат некоторое преимущество.

– Я расскажу другим, волк, – пообещал Тлитоо. Он еще раз облетел вокруг Иллин и направился в сторону наших земель.

– Петь по ней – дело стаи, Каала, – напомнил Аззуен.

Я сидела, глядя на тело Иллин. Аззуен пристроился рядом, не прикасаясь, а я тщетно думала, что делать дальше. Я взглянула на Аззуена, но он смотрел на Иллин, как будто она могла встать и заговорить с нами.

– Проводи их на земли Быстрой Реки, – наконец велел Торелл Пеллу. – Смотри, чтобы с ними ничего не случилось, пока они не пройдут наши земли.

– Да, вожак, – ответил тот.

– Разыщите верховных и свою стаю, молодые волки, – напутствовал Торелл. – Мы будем ждать вашего решения.

Мы с Аззуеном напоследок коснулись холодного тела Иллин и вдохнули ее запах, чтобы он навсегда стал частью нас, а она навсегда осталась частью стаи Быстрой Реки. Потом мы оставили Иллин земле и молча последовали за Пеллом через территорию Скалистых. Я была благодарна ему за то, что он не пытался заговорить со мной или добиться каких-нибудь слов от меня. Как только послышался шум реки, разделявшей наши земли, Пелл коснулся носом моей морды, кивнул Аззуену и ушел.

Глава 13

Нам не пришлось искать Франдру и Яндру. Они ждали на берегу. Я остановилась в нескольких шагах, не зная, с чего начать и что сказать, но Яндру заговорил первым, как только мы показались из зарослей.

– Мы знаем про дичь, волчица, – произнес он. – И ворон рассказал нам про вашу подругу.

Тлитоо балансировал на маленьком камушке посредине реки, внимательно глядя на воду. На большом камне рядом с ним сидел старый ворон. Я была рада, что мне не пришлось вслух говорить о смерти Иллин: я все еще в нее не верила.

– Что вы скажете Совету? – спросила я.

Помимо горя я чувствовала и крошечное облегчение. Теперь Совету придется что-то сделать с Милсиндрой. Она поставила под угрозу само Равновесие.

Франдра стряхнула воду с косматой шкуры. Они, должно быть, переплыли с берега, принадлежащего Скалистым, незадолго до нашего прихода.

– Совет не станет наказывать Милсиндру за то, что она убила волка, который пытался покинуть Долину, нарушив тем самым запрет, – сказала она. – А что касается дичи, то сейчас Совет предпочитает ничего не делать. Когда настанет время, мы попробуем заставить их передумать… – Она слегка склонила голову. – Мне жаль, что вы потеряли сородича.

Жалости в ее голосе я не слышала. Судя по всему, для Франдры гибель Иллин была лишь частью борьбы верховных за власть.

– Почему Совет бездействует?

– Не твоя забота! – рыкнула Франдра. – Возвращайся к людям, а уж мы разберемся с Советом.

Не отдавая себе отчета в том, что делаю, я бросилась на верховную волчицу, врезавшись в твердую мускулистую грудь, упала наземь и прыгнула снова, позабыв все, чему научилась у Торелла. Франдра щелкнула зубами, схватила меня за загривок, тряхнула и бросила наземь. Когда я с трудом поднялась на ноги, Аззуен уже стоял между мной и верховными, а в воздухе реял Тлитоо. Он не тронул верховных, но завис над ними на мгновение, выставив когти. Старый ворон закричал, и Тлитоо уселся рядом с Аззуеном и начал искать несуществующих жучков в прибрежной глине.

– Я прощаю тебя, волчица, – сказала Франдра бесстрастным от гнева голосом. – Понимаю, что ты скорбишь. Но не испытывай

мое терпение.

Я дрожала. От страха. От ярости и скорби. Я злилась на собственную неспособность отомстить верховным за смерть Иллин или хотя бы заставить их признать свою ошибку. Я была невероятно благодарна Аззуену, когда он заговорил.

– Почему вы не заставите Совет сделать что-нибудь? – спросил он спокойно и сдержанно. – Если дичь уйдет, волки в Долине будут страдать от голода. Совет должен о нас заботиться.

Если бы я не наблюдала за верховной волчицей так близко, то даже не заметила бы, как дрогнули плечи Франдры. Но она немедленно выпрямилась.

– У Милсиндры все больше сторонников. Мы попытаемся убедить Совет, но не исключено, что они не послушают…

– Пелл сказал, что дичь гнали десять волков, – произнес Аззуен через плечо. – Помнишь, Каала? Половина Совета.

– Ровно половина, – подтвердил Яндру, подходя и становясь рядом со своей спутницей. Он не спросил, откуда мы знаем, видимо, решил, что вороны рассказали. – Каждый волк, не лишенный разума, понимает, что Милсиндра не права, выгоняя дичь. Но когда волки хотят во что-то поверить, никакая правда им не помешает. Сторонники Милсиндры считают, что Древние назначили их управлять волчьим родом и присматривать за людьми. Она твердит, что если они желают благосклонности Древних, то должны доказать, что ты и твои люди – угроза для волчьего рода.

Аззуен заговорил в наступившей тишине, и в его голосе явственно звучало негодование:

– Сначала Совет сказал, что, если мы проживем год с людьми без ссор, это будет значить, что Древние одобряют союз людей и волков. А теперь верховные говорят, что Милсиндра имеет полное право нам мешать, потому что такова воля Древних?

Яндру несколько раз моргнул, осмысливая слова Аззуена. Я догадывалась, каково ему.

– Да, – медленно произнес он. – Я не подумал. Но похоже, так и есть.

– Значит, вы просто сдаетесь? – спросила я, наконец собравшись с силами. Я не понимала, отчего Яндру и Франдра так слабы. В моей голове звучали слова Торелла. Он говорил о борьбе, о риске. А Франдра и Яндру сидели на берегу, как будто бой уже закончился. Я невольно взглянула на них с презрением.

– Вы сдаетесь…

– Почему вы не боретесь? – спросил Аззуен. – Мы можем позвать на помощь другие стаи.

Он умолчал про Торелла.

– Мы не сдаемся! – От рыка Яндру земля затряслась под ногами. – Мы боролись дольше, чем вы, ходячие неприятности, живете на свете. И другие стаи ничем вам не помогут.

– Откуда ты знаешь? – спросила я.

Яндру энергично потряс головой.

– Дура! Почему, как ты думаешь, убили вашу волчицу?

– Чтобы загнать нас в ловушку.

– Они выгнали дичь и запретили волкам следовать за ней, – добавил Аззуен. Тлитоо негромко каркнул, все еще притворяясь, будто занят поисками пищи. Старый ворон присоединился к нему.

– Не только поэтому, – сказал Яндру. – Ты, говорят, умный! – рыкнул он, обращаясь к Аззуену. – Вот и подумай! Что еще это значит?

Я не знала. Что верховные обладают властью над прочими волками? Что они могут убивать нас, когда захотят? Но мы это и так знали. Аззуен молчал.

– Приняв нашу сторону, Рууко и Рисса стали врагами Милсиндры и ее последователей, – объяснила Франдра. – Милсиндра хочет показать другим стаям Долины, что будет, если они объединятся против нее. Так поступили Рууко и Рисса – и Милсиндра убила одного из самых многообещающих молодых волков Быстрой Реки.

Меня чуть не вырвало стоялой водой, которой я налакалась. Франдра могла и не договаривать. Рууко и Рисса помогли мне – и Иллин погибла.

– Каала не виновата, – вмешался Аззуен. В кои-то веки я пожалела, что он с такой легкостью угадывает мои мысли. Тлитоо оторвался от раскопок на берегу и резко щелкнул клювом.

– Это предложил Зориндру, – продолжал Аззуен. – У нас не было выбора.

– Конечно, не виновата, – удивленно ответила Франдра. – Мы ее и не обвиняем. Но вот почему вы должны предоставить дела Совета нам. Зориндру, древний вожак верховных, сказал, что ничего не в силах сделать. Но, несомненно, если бы он узнал, что натворила Милсиндра, то вышел бы из укрытия.

– Надо рассказать Зориндру, чем заняты некоторые верховные, – заявила я, заставляя себя поднять глаза.

– Он не станет вмешиваться, – ответил Яндру.

– Станет, когда узнает, что творит Милсиндра, – упрямо повторила я. – Надо его найти.

Яндру и Франдра улыбнулись.

– Ты не найдешь старого волка, если он того не хочет, – сказала Франдра. – Ты не заметишь Зориндру, даже если он будет

стоять в нескольких шагах от тебя. Если он захочет, то придет, но я не стала бы ждать.

Она стряхнула остатки влаги и повернулась к реке, но вдруг зарычала. На другом берегу, на земле стаи Быстрой Реки, стояли трое волков и наблюдали за нами. Увидев, что мы их заметили, они опустили уши, вошли в воду и поплыли, растянув пасти в улыбке – в знак покорности. Я только дивилась, каким чудом они не наглотались воды. Волки сделали все возможное, чтобы показать, что они не представляют угрозы и испытывают должное уважение. Насколько это было возможно в присутствии двоих верховных.

Сначала я подумала, что река здесь необычайно глубока, поскольку волкам пришлось плыть почти до самого берега, но когда они вышли, поджав хвосты между ног и прижав уши, я поняла, что они очень малы, – примерно такие же, какими были мы с Аззуеном в возрасте пяти лун. Я не узнавала их, и запах казался незнакомым. К моему удивлению, когда они поприветствовали Франдру и Яндру и волчица, слегка склонив голову, дала им позволение остаться, чужаки поздоровались со мной с тем же почтением, какое выказали верховным.

– Что привело сюда щенков из стаи Мышеедов? – поинтересовалась Франдра.

Вот почему они были такие мелкие. Мышееды отличались маленьким ростом. Если Франдра назвала пришельцев щенками, значит, они родились в то же время, что и мы с Аззуеном. Один из Мышеедов наклонил голову в знак уважения к Франдре, но ответил, обращаясь ко мне и не поднимая глаз:

– Ты Каала, если я не ошибаюсь? Я Праннан из стаи Мышеедов, а это Амма и Бриалл. – Он кивком указал на своих товарищей. – Мы хотим тебе помочь.

– Помочь в чем? – спросила я, растерявшись.

– Выполнить обещание, – удивленно ответил Праннан. – Помочь с людьми. Мы будем присматривать за ними, когда ты пойдешь искать свою мать.

– Что? При чем тут Нееса? – спросил Яндру.

Я вздрогнула. Франдра и Яндру ничего не знали о моих планах покинуть Долину и отправиться на поиски матери.

– Нам сказал ворон, – виновато ответила Амма.

Я собиралась солгать верховным, но у меня уже не было сил хранить секреты. Я рассказала, что намерена уйти из Долины, найти мать и вернуться. Яндру так энергично затряс головой, что вода у него из ушей полетела мне в морду.

– Когда ты научишься ничего от нас не скрывать? – поинтересовался он. – Мы не можем действовать сообща, пока ты

таишься.

– Я вам не доверяю, – напрямик ответила я, слишком усталая, чтобы думать о том, разозлится он или нет. – Вы-то ведь секретничаете. Я знаю, вы кое о чем умалчиваете, так почему же мы должны рассказывать все?

Я ожидала, что верховные придут в ярость, но Яндру лишь негромко и устало зарычал.

– Это важно, Каала, – заговорила Франдра. – Твоя мать – это очень важно. Я хочу, чтобы ты ее нашла. А что касается наших секретов, нам нельзя делиться ими с тобой, и мы тут ни при чем. Мы принесли священную клятву не раскрывать тайн верховных.

Она прижалась головой к Яндру и что-то зашептала. Я тщетно напрягала уши, чтобы расслышать. Трое молодых Мышеедов даже не обращали внимания на верховных. Они смотрели на меня с благоговением. От смущения мне стало жарко, и я снова перевела взгляд на верховных волков.

– Мы согласны, – сказала Франдра и обратилась к Праннану: – Взрослые волки готовы вам помочь?

– Нас поддержат вожаки, – ответил тот.

– И Тревегг, – подхватил Аззуен. – По крайней мере он собирался.

– Хорошо, – сказала Франдра. – Если мы победим Милсиндру, то позволим другим волкам временно занять твое место, пока ты будешь искать свою мать.

Я была поражена – даже не думала, что верховные помогут мне в поисках. Впервые после того, как мы нашли тело Иллин, я ощутила проблеск надежды.

– А если вы не победите? – спросил Аззуен.

Франдра коротко рассмеялась.

– Значит, вы останетесь одни, потому что нас убьют. Впрочем, не беспокойся – вас тоже.

Она опустила голову и коснулась носом щеки Праннана.

– Возвращайтесь к стае. Мы пошлем за вами, если будет нужно.

Мышееды припали на передние лапы, кланяясь верховным и – к моему великому смущению – мне.

– Мы сдержим обещание, – сказал Праннан. Он кивнул друзьям, и они втроем вошли в реку и поплыли на тот берег. Старый ворон сорвался с места и полетел вслед за Мышеедами. Когда они скрылись в густом лесу, Франдра повернулась к нам.

– Я не приказываю тебе рассказать все, что ты знаешь, Каала… – Она усмехнулась. – Толку не будет. Я знаю, ты поступишь так, как будет лучше для тебя и твоих друзей. Но если мы намерены и дальше рисковать жизнью, ответь: стая Быстрой

Реки готова и впредь поддерживать нас? У Рууко и Риссы хватит смелости? Если нет, еще есть время заключить мир с Милсиндрой. Это наш последний шанс остановить страшную войну между верховными волками.

– Они сдержат слово, – заявила я. Торелл ошибался. – Не сомневаюсь, что сдержат.

– Тогда мы сделаем что сможем. А ты до тех пор не ищи неприятностей. Вы двое возвращайтесь к своим людям. Не ссорьтесь с Милсиндрой и Кивдру. Не привлекайте к себе еще больше внимания.

Молодые Мышееды заставили меня позабыть о скорби и гневе. Теперь то и другое вернулось, причем сильнее, чем раньше. Я возмущенно заворчала.

Франдра резко вскинула голову.

– Не делай ничего, что заставило бы других верховных искать тебя. Я знаю, ты зла и хочешь мести. Но ты кое-чем обязана волкам Быстрой Реки, которые ради тебя рискнули многим. И ты кое-чем обязана нам. Предупреди нас, когда люди поймут, что дичь ушла, но не предпринимай никаких шагов, которые повлекут дальнейший разрыв.

Я открыла рот, чтобы возразить.

– Ступай! – приказал Яндру, явно лишившись терпения. Я удивилась, что он вообще выслушал меня до конца.

Верховный волк поставил обе покрытые грязью лапы мне на спину и прижал к земле.

– Оставайся с людьми и не позволяй им лезть в неприятности, пока не получишь приказ.

Он отошел. Оба верховных зашагали вниз по берегу и ступили в воду. Они легко переплыли реку и скрылись в лесу.

Я встала, чувствуя слабость в ногах. Я была измучена, опустошена горем и гневом. Верховных волков не волновало, что Иллин умерла. Они не почесались бы, даже если бы погибла вся моя стая. Я поймала взгляд Аззуена. Он уныло посмотрел на меня.

Тлитоо пробрался по грязи и встал рядом.

– Ну, теперь вы посмотрите, что я хочу вам показать, волчишки? – спросил он. – Это очень важно.

Что он такое нашел? Я устало взглянула на ворона, мечтая лишь о том, чтобы переплыть реку и поспать бок о бок с сородичами.

– Я рассказал твоей стае про смерть молодой волчицы, – сказал Тлитоо. – Они споют по ней смертную песнь, когда смогут. А еще пошлют к тебе быстроногую, когда придет пора собраться вместе. То, что я хотел вам показать, находится возле

человеческого стойбища, так что не придется отклоняться с пути. Идешь?

Мы с Аззуеном молча сидели, глядя на него. Тлитоо повернулся, зашагал к реке и принялся плескать воду себе на крылья и на спину. Он наконец перестал лысеть, оброс легким летним оперением и казался гладким и сильным. Ноги у Тлитоо были покрыты ссадинами после стычки с сородичами, но это ему как будто не мешало. Он оторвался от своего занятия – вроде бы равнодушный, но зоркий.

– Кажется, я нашел то, что будет полезно волкам. Может быть, вы отыщете то, что прячут верховные. И поймете, что нужно делать.

– Ну так просто скажи, – попросила я.

– Нет, ты должна сама посмотреть, – ответил Тлитоо, отлетел от воды и приземлился передо мной. Он подался вперед, словно желая коснуться клювом моей груди, но замер и посмотрел на меня, склонив голову набок. – Я не могу тебя заставить. Решай сама.

Он наблюдал за нами, но в то же время как будто разговаривал сам с собой. В глазах ворона зажегся хитрый огонек.

– Если ты предпочитаешь торчать здесь и хандрить, вместо того чтобы действовать и наводить порядок, я полечу один.

Он сорвался с места, пролетел несколько шагов, сел на ветку на самой кромке леса и отвернулся, чтобы сковырнуть струп на ноге.

– Он действует не слишком-то хитро, – насмешливо заметил Аззуен.

– О да.

Иногда Тлитоо вел себя с нами как с маленькими волчатами. Я наблюдала за вороном, который старательно смотрел в сторону. Но, как он ни разыгрывал равнодушие, Тлитоо явно хотелось, чтобы мы пошли с ним. Я не знала, что делать. Мне нужно было собраться с духом, прежде чем вернуться к людям, и уразуметь, кому можно доверять – или по крайней мере где тут меньшее зло. Последовать за Тлитоо казалось идеей ничуть не хуже любой другой.

Перехватив взгляд Аззуена, я медленно зашагала к ворону. Тлитоо торжествующе каркнул и повел нас в лес.

Я едва чувствовала землю под подушечками лап, когда мы бежали. Все тело онемело, мысли еле ползли, пока мы с Аззуеном пытались не отставать от Тлитоо. Из головы не выходили зрелище тела Иллин и запах ее крови. Мне не удавалось до конца поверить в то, что она действительно умерла. Я видела труп всего несколько мгновений, но Иллин, энергичная и живая, была

частью моей жизни с раннего детства. Мир без Иллин казался нелепостью. Подумав об этом, я сразу почувствовала себя такой усталой, что едва могла угнаться за Тлитоо. Ровный бег Аззуена у меня за спиной заставлял двигаться дальше. Я уже собиралась сказать Тлитоо, что хочу отдохнуть, когда он вдруг круто свернул влево.

– Сюда!

Ветер сменился, и я почуяла Тали. Я побежала за вороном и увидела, что девочка спит, свернувшись вместе с Бреланом на мягкой земле между корнями огромного старого дуба. По слабому запаху дыма я поняла, что мы недалеко от человеческого стойбища. Это было последнее, о чем я подумала, прежде чем, шатаясь, подошла к Тали и рухнула наземь рядом с ней. Аззуен полез через нас, скребя по мне когтями, чтобы положить голову на Брелана. Тали забормотала во сне и обвила меня худенькой рукой. «Вот за что я боролась», – подумала я. Хотя бы ненадолго я могла позабыть о верховных, об их борьбе за власть и о том, кто главный в Долине.

Я прижалась к теплому телу Тали и вдохнула смешанный запах трав и дыма, позволяя себе расслабиться. Было так приятно сознавать, что со мной рядом – другое живое существо, что по крайней мере сейчас я не одна. Я лежала, постепенно вспоминая, кто я такая и что ценю превыше всего. А потом, благодарная Тлитоо за то, что он привел нас сюда, втянула ноздрями запах Тали и стала подниматься на ноги, чувствуя в душе готовность иметь дело с другими людьми и с собственной стаей.

– Нет, волчишка, подожди, – сказал Тлитоо, сидя на корне старого дуба. – Скоро мы пойдем к людям. Это важнее.

Он вспрыгнул мне на спину, прошелся по Тали и Брелану и клюнул Аззуена в плечо. Тот взвизгнул.

– Оставайся на месте. Не прикасайся ни ко мне, ни к Лунной Волчице.

Я удивленно подняла голову. Тлитоо никогда так меня не называл. Так говорила только Ниали, и то когда мы с ней впервые встретились. Но Тлитоо не заметил моего изумления. Он по-прежнему смотрел на Аззуена.

– Обещаешь, волк?

– Да, – сонно ответил тот. – А почему?

Тлитоо промолчал. Он снова зашагал через спящих людей, соскочил наземь и встал передо мной, глядя в глаза, а потом подошел ближе и склонил голову. В последний раз я притрагивалась к нему на Каменном Гребне, и ощущение было жуткое. Я отстранилась.

– Не бойся, волчишка, – сказал Тлитоо. – Поверь мне. Вот кто

я такой, вот что я могу.

Он сделал еще два шажка. Я заставила себя лежать спокойно, когда ворон коснулся головой моей груди. И тут оно случилось. Темнота, отсутствие запахов, холод, падение. Я услышала звук тысяч хлопающих крыльев. Запахи вновь вернулись, легкие наполнил воздух. Впрочем, по-прежнему царил мрак. Я поняла, что лежу с закрытыми глазами.

Я открыла их, и у меня тут же закружилась голова. Все казалось иным – размытым и неопределенным. Но цвета вокруг были ярче, чем когда-либо раньше, и насыщеннее, чем, я думала, бывает в жизни. Основание человеческого жилища, сделанное из камней и глины, переливалось сочными, незнакомыми красками. Головокружение усилилось, от дурноты я ослабела. Тогда я быстро отстранилась и снова оказалась на поляне, откатившись от Тали. Я чуть не навалилась на Тлитоо, который поспешно убрался с дороги. Аззуен, Брелан и Тали продолжали спать.

– Что ты такое сделал? – выдохнула я, когда Тлитоо принялся приглаживать взъерошенные перья. Он вытянул шею, так что мы оказались нос к клюву. Я зажмурилась, предвкушая щипок, но Тлитоо просто уставился мне в глаза.

– Все в порядке, волчишка, – каркнул он. – Вот что я могу, вот что мы можем. Лунная Волчица и Нейя вместе. Ты видишь то, что видит она, знаешь то, что знает она. Все в порядке. Раньше я боялся, а теперь нет.

Я пыталась осмыслить слова ворона.

– Я вижу то, что видит Тали?

Просто не верилось.

– Не совсем, – ответил Тлитоо. – То, что она помнит, о чем думает, что ей сейчас снится. Я не уверен. Мне это еще внове. – Он предостерегающе вскинул крылья. – Вот что я должен делать. И я не боюсь.

Я молча смотрела на него, потому что в жизни о таком не слышала. Меня испугали дурнота и головокружение.

– Я вижу то, о чем вспоминает Тали? – повторила я.

Я и понятия не имела, что Тлитоо способен такое устроить. Даже не знала, что это возможно.

– Волчишка, может, ты попробуешь?

Во мне боролись страх и любопытство. Любопытство победило: я всегда хотела знать, что происходит в голове у Тали. Я легла рядом с девочкой, привалившись к ней, а Тлитоо прижался спиной к моей груди. На сей раз я успела приготовиться к отсутствию запахов, к холоду, к ощущению падения. Когда, открыв глаза, я оказалась в ярком расплывчатом мире, то поняла, что вижу окружающее так же, как люди. Я не

привыкла смотреть человеческими глазами, поэтому пришлось приспособиться. Я осторожно отстранилась от Тали, потом еще чуть-чуть и поняла, что могу при желании выйти из ее мыслей и вновь вернуться на поляну. Когда я в этом убедилась, страх пропал. Едва ощутив, что теряю связь с Тали, я опять придвинулась ближе, пока не почувствовала, что наблюдаю за воспоминаниями девочки точно так же, как наблюдала бы издалека за охотой сородичей. Я поняла, что вижу ее сон. Ей снились те времена, когда мы еще не познакомились. Я не отказалась бы посмотреть на Тали, когда она была маленьким щенком.

* * *

Тали было пять, когда она сказала двоюродной сестре, что умеет разговаривать с животными. Сестра рассмеялась и назвала ее дурочкой. Тогда Тали рассказала своей тетке, Ринали, которая заботилась о ней с тех пор, как девочка осталась без матери. Ринали не засмеялась. Она схватила Тали за руку с такой силой, что та заплакала, притянула ее к себе и сердито зашептала: «Ты не умеешь говорить с животными. Чтобы я больше этого не слышала! Никогда!» Она еще разок дернула Тали, оттолкнула и с опаской огляделась. Девочка, всхлипывая, побежала на край стойбища, спряталась за хижину, где сушились травы, и бросилась на теплую землю.

«Я понимаю животных, – твердила Тали. – Честное слово. Я разговаривала с вороном, и он сказал, что от меня плохо пахнет. А дикая собака сказала, что я очень умная. Правда, с кроликами не получилось, – задумчиво произнесла она. – Они не хотели говорить».

Бабушка нашла ее там и спросила, почему она плачет. Тали призналась и проглотила слезы, опасаясь, что острая на язык Ниали, как и тетя, начнет браниться. Но старая женщина присела рядом с Тали.

«Конечно, с кроликами не поговоришь, – сказала она. – Им просто нечего сказать. И не верь всему, что болтают вороны. Они страшные лжецы».

Тали изумленно посмотрела на бабушку. Когда та встала и протянула руку, Тали сглотнула напоследок и поднялась. Женщина медленно зашагала прочь, уводя запинающуюся девочку со стойбища в лес. Когда они достигли тихой рощицы у ручья, Ниали села, и Тали пристроилась рядом.

«Твоя мать понимала животных, – произнесла женщина. – У

нее был дар. Когда она умерла, ее старшая сестра, твоя тетка Ринали, решила, что это из-за того, что она разговаривала с животными. Какая глупость. Но людей так просто не разубедишь, а моя старшая дочь пуглива. Вот почему она велит тебе молчать».

Старуха разговаривала с Тали как со взрослым человеком, а не как с глупым ребенком, и девочка просто сияла от гордости.

«Ты еще слишком мала, чтобы многое уметь, и я не знаю, не разучишься ли ты понимать животных, когда вырастешь, – продолжала бабушка, как будто рассуждала не с Тали, а сама с собой, – но если вороны тебя разыскали, лучше не медлить».

Она встала и стряхнула сухую зимнюю пыль с одежды из оленьей шкуры.

«Я приду за тобой сегодня ночью. Спи в сторонке от сестры и тетки. Пора тебе познакомиться с моими друзьями».

Тали снились кролики, когда кто-то потряс ее и разбудил. Она чуть не вскрикнула, но крючковатая рука закрыла девочке рот. В свете огня она разглядела бабушкино лицо.

– Идем, – сказала женщина. – Не шуми.

Тали, хотя и напуганная, повиновалась. Ей бы и в голову не пришло перечить старухе, которая была крианой племени.

Тали молча следовала за крианой, пока они не дошли до реки. Тогда Тали испуганно ойкнула. До сих пор она переходила реку только раз, когда все племя отправилось на охоту, да и то Тали висела на спине у тетки, закоченев от ужаса. Стоило слегка ослабить хватку, и течение потянуло девочку прочь, словно голодный зверь, который хотел проглотить добычу. Тетя схватила ее за руку, так что на запястье остались синяки, и вытащила из воды. Тогда Тали была еще меньше, а Ринали сильнее бабушки. Девочка и представить не могла, что можно перейти такую быструю реку в одиночку.

– Тише, – велела бабушка.

Достав мягкую и прочную полосу антилопьей шкуры, одним концом она связала себя с внучкой, а другой прикрепила к длинной кожаной бечевке, которая тянулась через реку. Тали разглядела в лунном свете, что на том берегу бечевка была привязана к толстому стволу ивы.

Женщина начала переходить реку, ловко ступая по полузатопленным камням и удерживая равновесие при помощи палки и антилопьей шкуры. Тали, связанная с бабушкой, вынужденно следовала за ней. Ноги у девочки не доставали до камней, поэтому она с отчаянной решимостью цеплялась за бечевку. Сначала, пока было мелко, она держалась прямо, хотя и увязала в тине. Но когда вода стала глубже, Тали оставалось лишь барахтаться и ползти от камня к камню.

На полпути через реку она увидела мальчика, несколькими годами старше, который стоял рядом с ивой и крепко держал бечевку. Каждый раз, когда Тали падала, он тянул, чтобы ни она, ни бабушка не свалились в воду. После перехода, длившегося как будто целую ночь, Тали преодолела последние несколько шагов.

– Научись плавать, – произнесла старая криана. – Но смелости тебе хватает. По крайней мере начало положено.

Тали отогнала страх. Если бабушка считала ее смелой, она не собиралась трусить. Не говоря больше ни слова, старуха зашагала в заросли. С любопытством взглянув на мальчика, Тали пошла следом.

Через десять минут она уже сидела в жилище крианы, все еще дрожа, хотя старуха и дала ей огромную, теплую медвежью шкуру. Девочка проглотила травяное питье из выдолбленной тыквы и немедленно ожила. Интересно, что бабушка туда положила?

– Хорошо, – сказала женщина, когда Тали допила. – Теперь пойдем.

Они шли почти час, пока не оказались на плоской прогалине, окруженной камнями. Здесь были люди, которых Тали не знала. Они поприветствовали бабушку.

– Это и есть та девочка, Ниа? – нахмурившись, спросила незнакомая женщина. – Она слишком мала.

– Она вырастет, – возразила бабушка.

– К тому времени она разучится разговаривать с животными. Так было со всеми детьми, которых мы находили с тех пор, как умерла Карали.

Тали выпрямилась. Карали звали ее мать.

– Может быть, – невозмутимо ответила бабушка. – Мы не узнаем, пока она не вырастет.

– Она понимает волков-хранителей?

– Именно за этим мы сюда и пришли.

Другая женщина открыла рот и склонила голову набок, совсем как ворон, который посмеялся над Тали. Девочка захихикала.

– Они идут, – сказала женщина, похожая на хмурого ворона, и Тали удивилась, услышав в ее голосе смесь радостного волнения и страха. – Слишком поздно уводить девочку. Надейся, что они не голодны.

Женщина усмехнулась, глядя на Тали.

– Ты вкусная, малютка?

Ниали положила руку на макушку внучки.

– Все будет хорошо, – произнесла она. – Неужели ты думаешь, что я не способна отличить человека, у которого дар? Я ведь

нашла тебя, Инала, хотя твои способности были надежно скрыты гордостью и глупостью.

Женщина собиралась возразить, но тут на прогалину вышли восемь огромных волков. Тали подавила вскрик и покрепче прижалась к бабушке.

Гигантские волки – почти вдвое больше обычных – уставились на Тали. Двое шагнули вперед, принюхиваясь к девочке. Тали подавила желание завизжать, убежать, оттолкнуть волка. Она стояла спокойно и позволила животным обнюхать себя.

Один из них издал какой-то звук – Тали могла поклясться, что это смех. Ниали внимательно слушала, потом обратилась к Тали.

– Яндру говорит, что ты ему нравишься, – объяснила она. – Он считает тебя достойной.

Люди и волки разговаривали несколько часов, ну или так решила Тали, потому что, на ее взгляд, волки просто фыркали и двигали мордами. Когда усталость взяла верх над страхом и любопытством, девочка заснула.

Она проснулась, окруженная мягкой волчьей шерстью. От волка пахло лесом и живой плотью, и Тали чувствовала себя в полной безопасности. Поначалу она ничего не видела, кроме шерсти и просветов розовой кожи. Повернувшись, Тали заметила бабушку, которая стояла с довольной улыбкой на лице.

– Что скажешь, Яндру? – спросила криана, обращаясь к горе шерсти, окружавшей Тали. Рокот в недрах волчьей груди походил на смех. Тали окончательно перестала бояться, когда Ниали извлекла внучку из волчьих объятий. Девочка так устала, что чуть не упала, но все-таки совладала с собой и, спотыкаясь, полная вопросов, зашагала вслед за бабушкой в пахнувшую волками ночь.

Я почувствовала толчок и услышала хлопанье крыльев. Я лежала рядом с Тали, слыша биение ее сердца и вдыхая знакомый запах. Тлитоо стоял в нескольких шагах и наблюдал за мной.

– Ты видела, волчица? Видела?

Мои мысли бешено неслись. Когда, будучи четырех лун от роду, я впервые увидела призрачную волчицу Лидду, то решила, что, наверное, сошла с ума. А теперь мне открылись мысли другого живого существа. Но я была не одна. Тлитоо тоже их видел.

– Как ты это делаешь? – спросила я. – У тебя получается только с людьми?

– Нет, – ответил он. – Не только.

Он перепрыгнул туда, где спал Аззуен, и с вызовом взглянул

на меня.

– Я Нейякилакин, – каркнул он, – крылатый странник, первый на памяти всех живущих ныне воронов. Я соединяю миры. Вот для чего я появился на свет.

– Крылатый странник? – переспросила я.

И Лидда, и Ниали велели искать ответов у некоего странника. Когда я была щенком, а Тлитоо птенцом, он сказал, что послан мне.

Тлитоо посмотрел на меня и снова закаркал.

Крылатый странник летает
Между мирами и между мыслями.
Иначе Равновесие падет.

Я уставилась на него. Я знала Тлитоо почти всю жизнь, и он ничем не отличался от других воронов.

– Хочешь посмотреть, волчица, как бывает с другими, а не только с твоей девочкой? – спросил он привычным тоном. – Я могу!

Наблюдая за воспоминаниями Тали, я так устала, как будто охотилась три раза кряду. Веки опускались сами собой. И потом казалось нечестным влезать в мысли Аззуена без позволения. Я бы рассердилась, если бы кто-нибудь так поступил со мной. Но конечно, мне хотелось посмотреть.

Тлитоо сказал, что его дар важен для нашего общего дела. А Аззуен был моим лучшим другом. Наверное, он не стал бы возражать. Я встала и тихонько пошла туда, где спали бок о бок Брелан и Аззуен. Он слегка откатился от мальчика. Я осторожно легла рядом и прижалась к сородичу. Тлитоо немедленно вспрыгнул мне на спину. Запахи пропали, хлопающие крылья сначала подняли меня, потом бросили. На сей раз я приготовилась к падению, а поскольку видела все привычными глазами волка, то не ощутила ни тошноты, ни головокружения. Я почувствовала, что Аззуен задышал вровень со мной, его сердце билось спокойно. Когда я придвинулась ближе, он поерзал во сне и еще глубже погрузился в мир грез.

Аззуен помнил тот день, когда впервые открыл глаза. До тех пор в мире существовали только сладкая вкусная жидкость на языке, мягкое теплое тело рядом, тяжелый ровный стук и запах влажной земли. Были и еще какие-то извивающиеся тельца, которые порой отпихивали его от источника тепла и еды. Когда он открыл глаза, то увидел теплый мех и изгиб материнского живота. Впоследствии другие щенки говорили, что не помнили, как впервые открыли глаза. Они даже забыли, когда впервые

услышали звук. Как будто у них отшибло память. Марра утверждала, что едва помнила тот день, когда впервые вылезла из логова, хотя для Аззуена он был наполнен множеством ощущений, которые проносились мимо носа, и множеством мыслей, которые роились в голове.

Аззуен помнил, как Рууко и Рисса говорили о нем, когда он выбрался из логова. Одно из соседних телец перестало шевелиться, и Рисса оттолкнула его в сторону. Каким-то образом, хотя он и не знал, как именно, Аззуен догадался, что щенок умер. Это была сестра, которая говорила, что каждый раз, проснувшись, хочет выть от радости. Она любила молоко, которое давала Рисса, но пила с трудом. Аззуен понял, что она умерла, потому что пила неправильно, но было уже слишком поздно, чтобы ее спасти.

Он знал, что умен. Знал, что понимает вещи, которых не понимают другие щенки, хотя едва ли предвидел, какой будет прок от его ума.

– Этот тоже долго не протянет, – сказал Рууко Риссе. – Лучше прибереги молоко для остальных.

– Он еще сосет, – ответила Рисса. – Он хочет жить. Если он намерен бороться за жизнь, я не стану мешать.

– Я и раньше видел слабых, – возразил Рууко. – Слабые – обуза для стаи. Я знаю, что он не выживет. И ты, Рисса, знаешь. Просто жестоко позволять ему мучиться.

– Я знаю, что он скорее всего умрет, – произнесла волчица. – Но пусть у него будет шанс.

Аззуен думал, что справится. Он знал, откуда берется молоко, знал, как согреться даже за пределами логовища. Чего он не учел – так это других щенков, которые хотели, чтобы он умер. Они отгоняли Аззуена от молока, от теплого логова, не позволяли влиться в стаю. Сначала он злился, потом отчаялся. Однажды, пока другие щенки кормились, он решил больше не бороться. Проще было умереть.

Но она не позволила. Щенок, еще меньше, чем он, со светлой отметиной в виде луны на груди. Не из помета Риссы. Ей тоже грозила смерть, потому что ее мать нарушила закон стаи и завела щенков без позволения вожака. Но она не сдавалась. Когда Рууко убил всех других щенков из незаконного помета и добрался до нее, она начала отбиваться. Даже в раннем детстве она пахла силой. Она заставила Аззуена жить, не только в тот день, но и потом, когда они шли через огромную равнину на сборное место. Она пахла домом, в ее голосе звучало будущее. Он дышал и жил, потому что думал о щенках, которые у них родятся, и о том, как они будут бегать вместе. Вот ради чего билось его сердце.

На сей раз я отстранилась первая, виновато вырвавшись из

мыслей Аззуена с таким ощущением, что увидела нечто запретное. Я молча и пристыженно попросила у него прощения. Меня охватило изнеможение. Казалось, я никогда не чувствовала себя такой усталой. Я думала лишь о том, чтобы лечь и заснуть. Не успев опомниться, я вновь оказалась в темном месте без запахов и захотела вернуться на согретую солнцем прогалину.

– Подожди, Лунная Волчица. – Голос Тлитоо донесся слабо, но отчетливо. Он звучал гораздо ниже, чем раньше.

В темноте что-то мелькнуло и поплыло, точь-в-точь как в ту минуту, когда я проникла в мысли Тали.

– Смотри, – сказал Тлитоо.

Я медленно открыла глаза, надеясь вновь оказаться на теплой поляне, с Тали, Бреланом и Аззуеном. Но вместо этого оказалась вместе с Тлитоо в центре Каменного Круга, где раз в луну встречались волчьи и человеческие крианы.

– Как мы сюда попали? – спросила я. Каменный Круг находился по ту сторону реки, в пятнадцати минутах бега от поляны, где спали люди.

– Сам не знаю, волчица, – ответил Тлитоо. – Не знаю, что это за место. В любом случае не то, что мы думаем.

Мы оба одновременно заметили легкое движение, обернулись и увидели силуэт волка, отделившийся от зарослей. Я не чувствовала запаха можжевельника и дыма – здесь запахов не было вообще, – но все равно узнала ее. Словно не видя в происходящем ничего странного, к нам шла призрачная волчица Лидда.

Глава 14

Когда я в последний раз видела призрачную волчицу, она была слаба и худа, потому что, по словам Лидды, слишком часто приходила в мир живых. А теперь она выглядела так, как будто отъелась после долгого голода. Ее шерсть оставалась редкой и тусклой, но она набрала вес, и глаза были ясные. Я вдохнула неподвижный воздух, надеясь уловить смешанный запах дыма и можжевельника даже здесь, где не существовало запахов.

И тут я поняла, что с моим носом что-то не так. Он замерз до боли. В отличие от многих других живых существ, волки почти не страдают от холода. Зимой у нас отрастает густая шерсть, даже между пальцами лап, так что мы способны охотиться в самые холодные ночи. Только носы, которые не порастают шерстью, чтобы свободно чуять запахи, рискуют замерзнуть. Когда мы спим на холоде, то непременно прикрываем их хвостом. Моему носу еще никогда не было так холодно, как теперь, когда я наблюдала за идущей к нам Лиддой. Он просто отваливался.

Лидда подошла, внимательно осмотрела меня и приоткрыла пасть в улыбке.

– Я так и думала, что ты найдешь дорогу сюда, – сказала она, касаясь моего закоченевшего носа. Казалось, я почувствовала тепло ее дыхания, но оно не грело. Я по мере сил ответила на приветствие.

– Где мы? – спросила я, обводя взглядом как будто знакомые камни и землю Круга. – Это мир духов?

Сердце радостно забилось, когда я подумала, что увижу Иллин и смогу попрощаться с ней, поблагодарить за то, что она столько раз заступалась за меня и убеждала, что я сильная. А потом, охваченная ужасом, я решила, что, должно быть, умерла, пытаясь вернуться из мыслей Аззуена.

– Нет, – заверила Лидда. – Это место между миром живых и миром мертвых. Я нашла его, когда приходить в мир живых стало слишком рискованно.

Она говорила очень ласково и так напоминала Иллин, что мне захотелось завыть. Но я бы не сумела, даже если бы не сдержалась: пасть замерзла не меньше, чем нос.

– Ответь! – Тлитоо подскочил к Лидде. – Что значит «место между мирами»? Зачем я тут нужен? Я не знаю. И никто не может объяснить.

Он подался вперед и зашептал:

– Никто уже много лет не носил имя Нейякилакин, и вороны почти всё забыли.

Казалось, ему не мешал холод, хотя у меня морда ныла от носа до ушей.

– Я немногое могу сказать. – Лидда коснулась носом груди Тлитоо. – У одного волка, который хорошо ко мне относится, я спросила, что это за место и как сюда попадают живые существа. Он сказал, что оно называется «Инехалин» – не жизнь и не смерть. Он объяснил, что Нейякилакин – странник – способен перемещаться между жизнью и смертью и видеть чужие воспоминания. Он рождается, когда приходит время, и, чтобы полностью использовать свой дар, должен найти спутника.

– Нейякилакин и Лунная Волчица, – подтвердил Тлитоо.

Я заподозрила, что они понимают что-то, непонятное мне, попыталась открыть пасть, чтобы спросить, но морда совсем обледенела.

– Я могу приходить сюда и один, – продолжал Тлитоо, – но без Лунной Волчицы не видны воспоминания и сны.

– Да, – ответила Лидда. – Я мало что знаю об Инехалине. Иногда получается его найти, иногда нет. Но нам с Каалой нельзя здесь долго оставаться. Мой друг не сказал больше ничего.

Наконец я разомкнула челюсти.

– Почему нужно найти странника?

Лидда внимательно посмотрела на меня и заметила, что я дрожу и с трудом выговариваю слова.

– Ты замерзла, – сказала она. – Пора уходить, Каала. Барьер между миром живых и миром мертвых истончился, когда родился Нейякилакин. Вот почему раньше я приходила, хотя это было небезопасно. А тебе небезопасно находиться здесь. Ни одно живое существо, кроме Нейякилакина, не может оставаться в Инехалине, не утратив связи с миром живых. Нужно говорить быстро.

Она оглянулась через плечо, как будто опасалась слежки, и понизила голос до шепота:

– Я кое-что знаю о вашем мире, но не все. Я знаю, Зориндру дал вам задание и ты неплохо справлялась, но потом что-то изменилось. Во сне я чувствовала твою тревогу. Скажи, сестра, в чем дело?

Добрый голос Лидды на мгновение согрел меня, и напряжение в груди ослабло. Я рассказала про гибель Иллин. Про то, как Милсиндра пообещала не жалеть сил, чтобы помешать мне, как она выгоняла дичь из Долины, чтобы разрушить наши планы, как она пригрозила смертью за непокорность. Я боялась, что верховные волки добьются моего провала, как бы я ни старалась.

Лидда внимательно выслушала, потом легла, аккуратно подогнув лапы под грудь, на которой тоже был светлый

полумесяц. Безмятежная поза Лидды успокоила меня. Она долго лежала и думала, а я постепенно промерзала до костей.

– Я не удивляюсь поступкам Милсиндры, – наконец произнесла она. – Твой успех – угроза для нее, точно так же как мой успех грозил верховным много лет назад. Но, в отличие от меня, у тебя есть преимущество. Ты знаешь, что нельзя доверять тем, кто называет себя верховными волками. А я делала что велели, поскольку думала, что это мой долг. Я упустила шанс на победу.

Услышав в голосе призрачной волчицы сожаление, я чуть не завыла, но помешала замороженная глотка. Мысль о том, что я могу подвести Тали, причиняла такую боль, что я заскулила. Лидда пристально посмотрела на меня.

– У тебя есть возможность сделать все правильно, Каала. Есть то, чего недоставало мне, – дар, которым обладает твой друг ворон. Возможность видеть чужие воспоминания. Вот почему было так важно найти странника. Он поможет узнать, что скрывают верховные волки. Ни один волк этого не добился, с тех пор как я ходила по земле.

– Торелл сказал, верховные действительно что-то скрывают! – от испуга выпалила я. – Какую-то очень важную вещь!

Я решила, что приказ Торелла молчать вряд ли включает волков-призраков.

– Это не «вещь», Каала, – мягко поправила Лидда. – Они скрывают правду. Они охраняли ее задолго до того, как я родилась. Вот что ты должна найти.

– Но как? – спросила я. Отчаяние усиливалось, по мере того как замерзало брюхо. Я даже дрожать перестала. – Мы можем лишь видеть чужие воспоминания и сны.

– Не только, – ответила Лидда. – Наверняка вы умеете что-то еще. Жаль, я этого не знаю. Но не сомневаюсь, что у Нейякилакина есть силы найти то, что спрятано.

– Я сам не знаю, что именно умею, волчица, – заметил Тлитоо. – Я пока не освоился. Мы, конечно, попробуем…

Ему явно недоставало уверенности.

– Вы должны попытаться. – Лидда поднялась, и ласка в голосе призрачной гостьи сменилась отчаянной настойчивостью. – Тайна верховных волков содержит ответ на вопрос. И если ты ее не раскроешь, то не поможешь ни своей стае, ни людям из племени Тали. Ты потерпишь неудачу, как и я.

Мне было приятно, что Лидда запомнила имя Тали. Но конечно, она бы его не забыла. Ведь когда-то она сама любила человека.

Лидда с тревогой взглянула на меня.

– Тебе пора, Каала. Я слышала, секрет верховных волков спрятан под огромным тисом, но кто знает, правда ли это. Найди, что прячут волки-крианы. Найди и правильно распорядись тем, что найдешь.

– Когда мы увидимся? – спросила я.

Я о многом хотела спросить Лидду. Я нуждалась в ее помощи. В одиночку я не могла бросить вызов верховным.

– Не знаю, встретимся ли мы еще. Когда я побывала тут в последний раз, то проспала несколько дней, чтобы восстановить силы. Меня охватила усталость, близкая к смерти. Здесь все ненастоящее, и ни живым, ни мертвым нельзя находиться в инехалине подолгу. И я не всегда нахожу дорогу. Но я попытаюсь.

Холод пополз по позвоночнику к хвосту.

– Иди, или окажешься в опасности. Обещаю, что найду способ для нас обеих, чтобы вернуться сюда.

Я задрожала.

– Забери ее! Немедленно! – резко приказала Лидда. Тлитоо каркнул и потянулся ко мне. Замерзшими ушами я едва расслышала хлопанье крыльев. Падать было даже приятно. Открыв глаза, я увидела, что лежу рядом с Аззуеном, прижавшись к его теплому живому телу.

Усталость, близкая к смерти, сказала Лидда. Так оно и произошло. Я не успела даже поговорить с Тлитоо или разбудить Аззуена. Я едва осознала, что страшно хочу есть и пить, прежде чем уронить голову на лапы и погрузиться в глубокий сон. Я заподозрила, что Тлитоо недостаточно быстро меня увел, но даже не встревожилась. Если это была смерть, а не сон, я бы все равно ничего не поделала.

Я опустила голову на лапы и отдалась во власть усталости.

Когда я проснулась, было темно, Тлитоо и люди ушли, а я чувствовала себя так, как будто попала под копыта конского табуна. Глаза слипались, кончики ушей болели, как обожженные. Я подняла тяжелую голову и увидела, что Аззуен и Марра наблюдают за мной. Аззуен бросился ко мне и принялся лизать, потом ткнулся носом в челюсть. Удивившись, я забрала его морду в пасть, подержала и выпустила. От Аззуена пахло тревогой.

– Где Тлитоо? – спросила я, едва ворочая языком. После встречи с Лиддой вопросов возникло больше, чем раньше. Живот болел от голода, как будто я не ела три недели, зато телу было на удивление тепло.

– Ты проспала два дня, – сказала Марра, одновременно с тревогой и восхищением. – Мы не сумели тебя добудиться. Тревегг приходил, и Рисса тоже. Ворон сказал, что все будет в порядке, а Ниали – что ты должна выспаться, а когда проснешься

– поесть и попить.

Нос еще не работал как полагается, и я не заметила, что криана здесь. Повернув голову, я увидела, что она сидит на древесном корне, опираясь на толстую дубовую палку, которая помогала женщине при ходьбе. Она протянула тыкву-горлянку – высушенную, разрезанную и наполненную свежей водой. Я с трудом поднялась на ноги, заковыляла к Ниали, лизнула ее руку в знак приветствия и принялась жадно лакать.

– Твои друзья сказали, что дичь ушла, а Тали предупредила племя, – произнесла женщина, кладя руку мне на спину, и усмехнулась, так что глаза скрылись среди морщин. – Они не поверили, но за два дня племя не нашло ничего крупнее суслика, и тогда Халин послал гонцов по Долине. Когда они вернутся, он убедится, что Тали права. Она сказала, что видела вещий сон, как и положено криане.

– Остались туры и большие лоси, – заметил Аззуен.

– Да, – согласилась Ниали. – Но для всех еды в Долине не хватит. И потом нужно несколько дней, чтобы добыть тура. Они пасутся далеко от деревни Лин.

– Тогда они примут Тали как криану, да? Когда поймут, что она права насчет дичи? – спросила Марра.

Ниали посерьезнела.

– Может, да, а может, и нет. Я хочу, чтобы ты присмотрела за Тали, когда они узнают, что дичь ушла, Каала. Она ступила на опасную почву, приняв обязанности крианы, и я беспокоюсь.

Женщина неловко поерзала.

– Мне запрещено приходить в деревню.

– Почему? – спросила я, слизывая последние капли воды.

Ниали пожала плечами:

– Я сказала, что Халин глупец, если вынуждает Тали вступить в брак против воли и не обращает никакого внимания на ее способности. Я предупредила, что он пожалеет. Он ответил, что крианы больше не нужны племени. Тогда я сказала, что у него каменные мозги и сердце хорька. Наверное, зря. Но Тали скоро станет крианой. Она объяснит людям, что они должны охотиться меньше, и я хочу, чтобы ты защитила девочку, когда настанет время.

– Обещаю, – ответила я.

Марра принесла кусок старой конины. От еды пахло Риссой, которая, должно быть, вытащила мясо из какого-нибудь тайника. Я проглотила конину, наслаждаясь вкусом Быстрой Реки. Когда немного полегчало, я попыталась собраться с мыслями.

– Я проспала два дня? – повторила я и вновь ощутила сильнейшую скорбь, когда вспомнила о случившемся. – Иллин

мертва…

– Сегодня стая поет по ней, – сказала Марра.

Я присмотрелась повнимательнее. Она сидела, опустив плечи, шерсть у нее местами была всклокоченной и влажной. Марра всегда жевала собственную шкуру, когда расстраивалась.

– Стая знает? – спросила я. Хотя Марра и сказала, что Быстрая Река собирается оплакивать смерть Иллин, соображала я по-прежнему медленно.

– Им известно, что Милсиндра убила Иллин за то, что та попыталась уйти из Долины, – ответил Аззуен, – и что верховные волки выгоняют дичь. Остальное они не знают.

Остальное – то есть наш разговор с Тореллом и планы восстания. Я задумалась, рассказал ли Тлитоо Аззуену и Марре про наше странное совместное путешествие, и понадеялась, что нет. Я не взялась бы объяснять случившееся даже самой себе, не говоря уже о других. Я пристально посмотрела на Аззуена и Марру. Если бы Тлитоо проболтался, они бы стали расспрашивать.

– Соннен и Пирра созывают сбор стай, – сказала Марра. – Через час, на границе Озера Ветров.

Соннен был вожаком стаи Древесной Тропы, а Пирра возглавляла Озеро Ветров. Граница считалась нейтральной территорией между владениями. Любой волк мог туда забежать, не опасаясь нападения, поэтому там всегда проходили сборы. Мы собирались сойтись на Совет, чтобы обсудить задание верховных, но Рууко решил поговорить с другими волками менее официально. И вот теперь сбор созвал кто-то другой и будет устанавливать свои правила.

– Особенно они просили прийти нас троих, – продолжала Мирра. – Если бы ты не проснулась, пришлось бы идти без тебя.

Я слизнула остатки конины. Стаи созывались на сбор, если что-то, касающееся всех волков Долины, требовало совместных действий или решения. Правом созвать сбор обладал каждый вожак, но если другие стаи считали, что серьезного повода не было, то могли и наказать зачинщика, поэтому сборы происходили редко. На моей памяти общего сбора не случалось ни разу, и я никогда не слышала, чтобы там присутствовали молодые волки вроде нас. Обычно – только вожаки.

– Это из-за дичи? – спросила я.

– И из-за Иллин, – ответила Марра. – Что-то происходит, Каала. Не знаю что, но волк Древесной Тропы, который пришел рассказать про сбор, что-то скрывал. И зачем нам туда идти?

Я не знала. Я не отказалась бы проспать еще два дня, но сбор давал возможность проверить, не знают ли другие стаи о планах

верховных больше нашего. Я повертела головой, пытаясь избавиться от боли в шее. Раз сбор назначили через час на границе Озера Ветров, скоро нужно было отправляться в путь. Я поставила лапы на дубовый корень и потянулась, выгоняя усталость из тела, потом положила морду на спину Аззуена, чтобы набраться от него сил, зарылась носом в мех Марры и напомнила себе, что, несмотря на смерть Иллин, мы – одна стая. Я понюхала шерсть Марры… еще раз понюхала…

– Ты пахнешь Микланом, – с укором заметила я. – Сделай что-нибудь, иначе все волки на сборе поймут, что ты общалась с человеком.

– Ну и плевать! – с вызовом произнесла она, но все-таки покаталась на лисьем помете. Он не то чтобы отбил запах человека, но Рууко и Рисса, во всяком случае, при желании сделали бы вид, что ничего не заметили. Другие волки не настолько хорошо знали запахи Марры и Миклана, чтобы с уверенностью их различить. Они бы просто решили, что она ходила с нами к людям.

Еда и вода оживили меня. Я вряд ли сумела бы сейчас гоняться за дичью, но вполне могла добраться до территории Озера Ветров. Я подошла к Ниали.

– Думаю, мы поможем племени охотиться, даже если большая часть дичи уйдет. – Я еще не знала, принимать ли предложение Торелла, поэтому не хотела ничего обещать, но все-таки рассказала женщине про наши замыслы. – Если мы научимся охотиться на туров, то придем к вам, и ты скажешь Тали. А я о ней позабочусь. Обещаю.

Я положила лапу на колено Ниали.

– Знаю, что позаботишься, – ответила та, накрывая мою лапу сморщенной рукой. – Потому-то и не боюсь, что мне приходит время умереть.

Я не хотела думать о том, что Ниали умрет. Я знала, что она стара – старше по человеческому счету, чем Тревегг по-волчьему, – но была не готова еще к одной смерти. Я коснулась носом мягкой руки крианы и пошла вместе с Маррой и Аззуеном на сбор стай.

Я узнала Соннена, вожака стаи Древесной Тропы, и его спутницу Кринну. Соннен мне нравился, хотя чуть не поддержал Скалистых, когда те собирались напасть на людей на равнине Высокой Травы. Он был прямолинеен и настолько уверен в собственной силе, что никогда не тиранил даже самых слабых членов своей стаи. Мускулистого бурого волка, легко узнаваемого по оторванному левому уху, который стоял рядом с вожаком, звали Фраллин. Эту метку он получил два лета назад, когда

защищал щенков от горного медведя. Высокие поджарые волки, от которых пахло березой и водорослями, видимо, были Пирра и Веллн, вожаки стаи Озера Ветров. Я никогда с ними не встречалась, но у Риссы напряглась морда, когда она упомянула Пирру. Третьего волка Озера Ветров я знала слишком хорошо, пусть он и стоял спиной.

– Вот идет спаситель или губитель всего волчьего рода, – заметил Уннан, поглядывая на меня через плечо. Я и так смущалась, оказавшись среди вожаков, – не хватало еще, чтобы Уннан привлекал ко мне внимание. Я понятия не имела, зачем Пирра и Веллн его пригласили. Каждой стае позволялось приводить на границу земель троих волков. Все остальные, включая Аззуена и Марру, были вынуждены ждать в прилегающих зарослях. Я получила разрешение войти на место сбора четвертой от стаи Быстрой Реки, потому что именно обо мне шла речь, но волки Озера могли привести кого угодно. Почему они взяли молодого волка, который пробыл в стае меньше половины луны?

Рууко, Рисса и Тревегг вошли на прогалину, а остальные остановились на кромке леса. Я видела, что и прочие стаи привели с собой подкрепление. Ночной воздух был насыщен запахами Древесной Тропы и Озера Ветров. Я видела темные силуэты на границе каждой территории – самое малое двенадцать волков, не считая тех, кто участвовал в сборе. Насколько я знала, на сборе никогда еще не бывало драк, но никто не желал полагаться на удачу. Сознавая, что все носы повернуты ко мне, я вслед за сородичами вышла на сборное место.

– Это она? – спросила Пирра, оглядывая меня с головы до ног. Не дожидаясь ответа, волчица проскользнула мимо Рууко и Риссы и поднялась на небольшой пригорок. Кто-то неодобрительно зарычал. Мы встречались на границе земель именно потому, что здесь была нейтральная территория и ни один волк, ни одна стая не имели преимущества перед другими. Поведение Пирры смахивало на угрозу. Но Рисса мягко ответила:

– Да, это наша молодая волчица Каала. Маккон и Милла придут?

– Мышееды отклонили приглашение, – сказал Соннен. – Они заняты добыванием еды. Сейчас мы все вынуждены охотиться на мелкую дичь.

Мышееды кормились преимущественно мелкой добычей, и им предстояла нелегкая борьба, если за кроликов и белок собирались соперничать несколько стай. В голодные времена частенько происходили набеги на чужие территории, а Мышееды не отличались силой.

– Если возражений нет, – продолжал Соннен, – мы начнем.

Он испуганно поднял морду, услышав торопливые шаги.

– Маккон все-таки идет? – спросила его спутница Кринна, почуяв запах волка. Территория Мышеедов прилегала к нашей, и им пришлось бы пройти по землям Быстрой Реки, чтобы добраться до сборного места. Все волки могут без опаски пересекать чужие земли, когда созывают сбор. Но к нам шел не Мышеед. Я узнала приближающегося волка по походке и по запаху. Пирра тоже.

– Это не Маккон, – негромко зарычав, произнесла она.

Легкий ветерок донес до нас запах Скалистого. Несколько волков заворчали. Когда Пелл показался на сборном месте, рычание усилилось. Многие волки Долины по-прежнему винили Скалистых в том, что они начали битву на равнине Высокой Травы.

– Скалистых не приглашали, Пелл, – заметила Пирра.

– И мы прощаем вам это упущение. Мы понимаем, что сбор созывали в спешке, и знаем, что вы не стали бы нарушать правила, не допуская нас сюда, – официально ответил Пелл тоном вожака. Пирра, должно быть, тоже так подумала.

– Почему не пришел Торелл? – поинтересовалась она. – Он слишком мало уважает сбор, если присылает сюда своего хромого помощника?

Пелл пропустил оскорбление мимо ушей. То, что он пришел один, в результате оказавшись среди двадцати волков из чужих стай, говорило о его смелости.

– Торелл занят. А я не просто его помощник. Я буду водить стаю, когда Торелл больше не сможет. И Скалистым есть что сказать на сборе, как и остальным. На нашей территории нашли мертвого волка, и от недостатка дичи мы пострадаем не меньше, чем вы.

Я подумала: «Неправда, ведь они собираются охотиться на туров и лосей».

– Все стаи – желанные гости на сборе, Пирра, и ты это знаешь, – заметил Тревегг. Он был старейшим волком на сборе и по праву ожидал уважения.

Пирра что-то негромко проворчала. Остальные наблюдали. Спутник Пирры и другой член стаи поддержали бы ее, вздумай она сразиться с Пеллом. Я не знала, как поступили бы прочие. На сборах всегда витало напряжение – слишком много властных волков, слишком близко к чужим владениям, – и вдобавок стаи волновались из-за того, что из Долины уходила дичь. Драка была бы ужасной. Пирра оглядела Пелла с головы до ног, соизмеряя его силу и решимость, подбивая бросить вызов. Я хотела заговорить, сказать ему, что, завязав схватку, он впредь лишит

Скалистых возможности участвовать в сборах…

Но Пелл не нуждался в помощи. Он согнул передние ноги, оттопырив зад, и ухмыльнулся, глядя на вожака Озерных.

– Перестань, Пирра, – произнес он. – Вместе мы сильнее. Уж кому, как не тебе, знать, что такое сила.

Это была несомненная лесть. Пирра неустанно твердила, что победила троих волков крупнее ее, чтобы добиться места вожака. Но похвала подействовала. Пирра улыбнулась.

– Ладно, – сказала она, – посмотрим, умеют ли Скалистые себя вести.

Волки заметно расслабились. Я заметила удовлетворенную улыбку на морде Пелла. Он увидел, что я смотрю на него, и принял бесстрастное выражение.

Соннен выступил вперед и заговорил:

– Не буду даром тратить время. Мы получили послание от верховных волков… – Он дернул ухом. – От Милсиндры и Кивдру.

Я опустила голову и принялась пожевывать шерсть на груди, стараясь казаться спокойной, хотя сердце у меня заколотилось. Любая сделка с Милсиндрой и Кивдру не сулила добра.

Соннен продолжал:

– Вы знаете, что дичь уходит, а мы не можем за ней последовать. Я спросил у Милсиндры, почему нам не разрешают выходить из Долины вслед за дичью. Она сказала, что это нарушит Равновесие, поэтому мы должны остаться в Широкой Долине. Но есть способ прокормиться, пока дичь не вернется.

– Какой способ, Соннен? – Рисса заговорила так резко, что я укусила себя за плечо сильнее, чем рассчитывала, и почувствовала вкус крови.

– Вы знаете, что в Совете верховных идет борьба за власть, – сказал Соннен, глядя на Риссу, – между Зориндру и Милсиндрой, которая хочет занять его место. Если мы поддержим Милсиндру и ее сторонников, они позаботятся, чтобы у нас было достаточно еды, пока дичь не вернется. Мы сумеем выкормить щенков.

– Но именно Милсиндра выгнала дичь из Долины! – крикнула я.

Я была одной из самых младших и наименее влиятельных на сборе, но не смогла промолчать.

– Это всего лишь слова, – ответила Пирра. – Но откуда нам знать, что ты говоришь правду? Я слышала, так бывает не всегда…

Я моргнула. Я привыкла к обвинениям в глупости и безрассудстве, в гордости и излишней спешке, но еще никто не называл меня лгуньей. Уннан стоял рядом с Пиррой, и на его куньей морде читалось удовлетворение. Он прижался к своему

новому вожаку и взглянул в мою сторону с такой ненавистью, что я лишь уставилась на Уннана в ответ. Наверное, до тех пор я не понимала, как сильна его злоба.

– Я тоже видел, что верховные выгоняют дичь из Долины, – вмешался Пелл. – Все Скалистые это видели. И вороны.

Пирра рассмеялась.

– Я доверяю Скалистым не больше, чем воронам. Те и другие не думают об интересах волков.

– Ты же знаешь, Соннен, – заговорил Рууко, – что именно верховные велели нам оставаться с людьми. И волки Широкой Долины умрут, если мы не справимся.

Соннен спокойно посмотрел на Рууко и Риссу. Его спутница подошла и встала рядом. Голос Кринны зазвучал удивительно мягко для вожака.

– Условия изменились, – сообщила волчица. – Милсиндра и Кивдру сказали, что, если мы поможем им в борьбе за власть, они вернут прежние порядки, когда волкам не позволялось ни подходить к людям, ни убивать их. Верховные снова будут хранить людей, а мы – жить в мире. Все пойдет, как раньше.

– Предложение относится и к вашей стае, Рууко, – добавил Соннен. – Я об этом позаботился.

– И ты поверил верховным? – спросил Тревегг. – После того как четыре луны назад они солгали нам и попытались убить?

Он стоял рядом с Рууко и Риссой, которые враз замолчали. Я не знала, о чем они думали. Милсиндра сказала, что не остановится ни перед чем, чтобы победить, но мне и в голову не приходило, что она обратится за помощью к малым волкам. Тревегг посмотрел на Рууко и Риссу, ожидая поддержки. Не дождавшись, старик шагнул вперед и оказался нос к носу с Древесным.

– Дело не ограничивается борьбой верховных за власть, Соннен, – произнес он, как сказал бы вожак подчиненному. – Думай не только о том, чтобы наесться в грядущем году.

– Я понимаю, старый волк, – ответил Соннен. – Ты такого плохого мнения о стае Древесной Тропы, что считаешь, будто мы способны пожертвовать своей честью и жизнью всего волчьего рода, лишь бы набить брюхо?

Он опустил голову и отступил.

«Да, – подумала я, ощутив ужас, – ты бы пожертвовал».

– Слова Милсиндры и Кивдру лишь подтверждают то, что давно нас беспокоит, – сказала Кринна. – Что единственный способ жить с людьми, как пытается сделать ваша молодая волчица, – это отказаться от волчьей сути. Так случалось каждый раз, когда волки и люди сходились вместе.

Вот оно, противоречие. Но ведь Древесные о нем знали, когда соглашались помочь. Все волки знали.

– Верховные говорят, если ваш щенок и дальше будет продолжать в том же духе, – подхватил Соннен, – то мы ослабнем и люди вновь захотят поработить волчий род. Но это немыслимо. Слишком большой риск для безопасности стай. Ты ведь выражала людям покорность? – спросил он у меня.

– Да, немного… – ответила я, испугавшись прямого вопроса. – Чтобы они не боялись.

– Немного? – перебил Уннан. – Да я же сам видел. Человечий вожак схватил ее и потряс, как добычу, а она ничего ему не сделала. Она лизнула ему руку.

Я нигде не видела и не чуяла Уннана в тот день. Значит, он прятался и шнырял вокруг, как всегда. Я начала догадываться, зачем он здесь.

Рууко заворчал. Я обернулась и увидела, что они с Риссой смотрят на меня. Мы утаили от вожаков некоторые события в Старом Лесу.

– Она дрельшик, – сказала Пирра, позабыв про вежливость.

– Так говорит Милсиндра? – уточнил Тревегг, и от гнева в голосе старика зазвучал низкий рык. Рууко и Рисса молчали. – Эта волчица скажет что угодно, чтобы получить желаемое. Быстрая Река меньше трех дней назад потеряла одного из своих лучших молодых волков. И вы твердите нам про риск?

– Вы не единственные, кто теряет волков! – Пирра метнулась вперед, и на мгновение показалось, что сейчас она нарушит нейтралитет и набросится на Тревегга. Спутник ударил Пирру плечом в бедро, и она остановилась прямо перед Тревеггом, который не двинулся ни на волосок. – Девять ночей назад исчез Ивван, самый сильный щенок из моего последнего помета. Сразу после того как ваша волчица поохотилась с людьми. Он исчез. С волками так не бывает. Точно так же пять лун назад пропал ваш щенок. – Она кивнула в сторону Рууко и Риссы. – Отчего вы, потеряв щенка, позволили дрельшику-полукровке оставаться в стае? Теперь добыча уходит, и пропал Ивван!

Она двинулась к Рууко и Риссе. Вожак Быстрой Реки заступил ей дорогу.

– Мы никогда не считали Каалу опасной, Пирра, – заметил он. – Ты заходишь слишком далеко.

Холодная ярость в его голосе заставила Пирру остановиться и ощетиниться.

– Но Каала все-таки виновата в том, что исчез твой щенок, Рууко? – спросил Соннен.

Вожак промолчал.

– Да, виновата, – сказал Уннан. – Она не любила нас троих и подстроила, чтобы лошади насмерть затоптали Реела. Потом пропала Борлла. Вот почему я ушел из стаи Быстрой Реки. Она бы сделала что-нибудь и со мной. Она дрельшик.

– Она приносит несчастье, Рууко, и это правда, – почти добродушно произнес Соннен. – Никто тебя не винит, что ты ее оставил. Ни один вожак не захочет выгонять волка из стаи, особенно щенка. Но мы должны поступить так, как будет лучше для наших стай и для Широкой Долины. Приближается Рождающая Луна, и нужно готовиться к появлению щенков. Мы поддержим Милсиндру. Мышееды и стая Озера тоже. Присоединяйтесь и вы.

– А что значит «поддержать», Соннен? – спросил Тревегг. – Если вы причините вред Каале или помешаете ей ходить к людям, вам придется иметь дело с Франдрой и Яндру. И клянусь, они не станут нежничать.

– Мы не тронем молодую волчицу, – сказал Соннен. – Мы пообещали Милсиндре и Кивдру, что примем их сторону, если случится стычка. А насчет того, чтобы помешать Каале ходить к людям… это не наша забота.

– То есть? – поинтересовался Рууко.

Ему ответила Пирра:

– Дичь ушла, и мы голодаем. Ты не сумеешь защитить свою территорию, потому что будешь слишком занят, пресмыкаясь вместе с юной Каалой перед людьми. И начиная с сегодняшнего дня, мы больше не разрешаем тебе охотиться на наших землях, чтобы кормить людей.

– Они хотят, чтобы твой щенок потерпел неудачу, Рууко, – добавил Соннен, опуская глаза. – Если ты потеряешь бóльшую часть земель, то не прокормишь стаю и не поможешь молодой волчице выполнить задание верховных. Прими предложение Милсиндры. Ваша стая и щенки останутся жить, и все пойдет, как раньше.

Я пришла в ярость. Стаи сплошь старались лишь для себя, но твердили, что это на благо волчьего рода. Вот идиоты. Верховные провалили свою задачу – присматривать за людьми – еще задолго до того, как я вытащила Тали из реки, задолго до битвы на равнине Высокой Травы. Милсиндра уже раз солгала – и солжет еще. Но другие волки ничего не хотели слышать. Тревегг продолжал спорить, уверяя, что на Милсиндру и Кивдру нельзя положиться, но Пирра просто ухмылялась, а Соннен и Кринна избегали взгляда старого волка. Рууко и Рисса смотрели друг на друга и молчали, явно искушенные предложением Соннена.

Молодым волкам не дозволяется перебивать вожаков, но я

уже не боялась.

– Я могу доказать, что Милсиндра не права, – сказала я.

Пирра, которая объясняла Тревеггу, что отметина на моей груди – еще один признак дрельшика, замолчала и яростно уставилась на меня.

– Уже слишком поздно! – рыкнула она.

Прежде чем я успела продолжить, вмешался Пелл:

– Учтите, стая Скалистой Вершины не примет предложение Милсиндры. И мы поддержим волков Быстрой Реки, если они предпочтут сражаться. Мы поможем им защищать свои земли. А у волчицы Каалы будет еда – для людей и для стаи.

Он поклонился Рууко и Риссе, быстро взглянул в мою сторону, развернулся хвостом к другим волкам и зарысил прочь.

Волки Озера и Древесной Тропы смущенно замялись, и я ощутила запах неуверенности. Стаи Скалистой Вершины и Быстрой Реки так давно соперничали, что, наверное, никому и в голову не пришло, что мы способны драться вместе. С ними не так-то легко было бы отнять наши земли или нашу дичь.

Соннен первым нарушил молчание:

– Я уважаю тебя, Рууко, и всегда уважал. Ты говоришь то, что думаешь, и делаешь то, что считаешь правильным. Я потяну время еще четверть луны, скажу Милсиндре, что сначала нужно найти логово для щенков. Я подожду с решением – в память о том, что случилось на равнине Высокой Травы. Тем временем советую вам подумать над предложением Милсиндры. Я очень не хочу с тобой враждовать.

Он кивнул спутнице и другому волку и увел их с прогалины. Пирра и Веллн, ни на кого не глядя, вернулись к сородичам и зашагали прочь.

Мы молчали, пока не зашли в глубь своих земель. Рууко и Рисса поднялись на вершину обдуваемого ветром холма. Нас, стоявших в лунном свете, было хорошо видно, но, с другой стороны, мы бы и сами заметили готовящееся нападение. Вожаки, видимо, не на шутку беспокоились, если настолько боялись атаки. Я вспомнила, что Рууко и Рисса в основном молчали на сборе стай.

И Тревегг тоже вспомнил.

– Не соглашайтесь, – обратился он к вожакам, как только они остановились. – Не важно, что пообещали Милсиндра и Кивдру. Им нельзя доверять.

Рууко окинул взглядом равнину, а Рисса – земли, принадлежавшие стае Быстрой Реки. Тревегг перевел взгляд с одного вожака на другого.

– Неужели вы еще раздумываете?

– Мы вынуждены раздумывать! – ответил Рууко. – Если оставить дела как есть, мы вряд ли выживем. Если другие стаи бросят нам вызов, придется тратить все силы на защиту границ. Мы не сумеем прокормиться.

– И уж тем более прокормить людей, – добавила Веррна. Я вспомнила, как неохотно она отдала людям добычу. – Советую принять предложение Милсиндры. Мы будем сыты, и больше не придется знаться с людьми.

«Как будто раньше мы не знали бед», – подумала я.

– Я могу добыть достаточно еды, – сказала я. – С помощью людей.

Я рассказала сородичам о предложении Торелла, о том, что, по убеждению Скалистого, Милсиндра и ее сторонники что-то прятали, и если мы найдем тайник, она утратит власть. Я ни словом не обмолвилась, что Торелл собирался восстать против верховных, потому что пообещала молчать. Рууко задумался.

– Мы не знаем, дрельшик ты или нет, Каала, – напомнил он. – Я всегда сомневался, что Франдра и Яндру были правы, сохранив тебе жизнь. Если я защищал дрельшика, мне придется за это ответить. Если из-за того, что тебя оставили в живых, пропали Борлла и тот щенок из стаи Озера Ветров, я должен буду ответить. Если Яндру и Франдра ошибаются, погибнет не только Быстрая Река.

– Борлла ушла сама, – сказала я, раздосадованная тем, что Рууко вспомнил о ней. Она исчезла уже давно.

– Не отказывайся так легко от ответственности, – упрекнула Рисса. – Если однажды ты надеешься стать вожаком, то учти: твой долг – заботиться о тех, кого ты ведешь. И я против союза со Скалистыми.

Казалось, она была не прочь обдумать предложение Милсиндры. Не понимая, отчего поведение Борллы лежит на моей совести, я открыла рот, чтобы возразить, но Тревегг толкнул меня бедром.

– А если Соннен и Пирра ошиблись и Милсиндра не сумеет победить Зориндру? – спросил он.

– Да, риск есть, – согласилась Рисса. – Но Зориндру не убьет нас, если одержит верх. В отличие от Милсиндры.

– Значит, Милсиндра побеждает потому, что безжалостна? – недоверчиво переспросила Марра. – Вы поддерживаете ее, потому что она, в отличие от Зориндру, не держит данное слово?

– Тише, волчица, – рыкнул Рууко. – Ты не понимаешь, насколько сложно то, с чем мы столкнулись…

– А вот и понимаю, – возразила Марра. – Я понимаю, что вы готовы следовать за тем волком, который вас запугивает, а не за

тем, кто прав.

Мы дружно уставились на нее. У Марры всегда имелись свои убеждения, но она была достаточно умна и знала, когда нужно промолчать. Судя по тому, как дрожали ее бока, Марра пришла в ярость.

– Уходи, – велел Рууко. – Вернешься, когда научишься подчиняться законам стаи.

Марра перевела взгляд с Рууко и Риссу, потом внимательно посмотрела на меня и зашагала вниз с холма.

Мне очень хотелось последовать за ней. Взять Аззуена, Марру, наших людей и попробовать выбраться из Долины. Но стая попала в беду из-за моих поступков, и я пообещала Зориндру, Яндру и Франдре, что останусь. Я вспомнила троих молодых волков, с которыми встретилась у реки. Соннен знал о Мышеедах гораздо меньше, чем думал.

И Рисса не ошибалась. Дело было не только в том, чего хотела я. Но и не в том, чего хотела стая.

– Я добуду еду, – повторила я. – И докажу, что Зориндру прав, а Милсиндра нет.

– Я еще раз поговорю с Сонненом, – решил Рууко, – и с Мышеедами. Я хочу выслушать Франдру и Яндру. Мы с пользой употребим четверть луны, которую дал нам Соннен. Если ты добудешь хорошей еды, Каала, мы примем решение в твою пользу.

Не говоря больше ни слова, он сошел с холма. Рисса и Веррна последовали за ним. Тревегг остался.

– Я поговорю с ним, – сказал старый волк мне и Аззуену, – но приготовьтесь к худшему.

Я отогнала тревоги. Рууко и Рисса всего лишь хотели убедиться, что стая будет сыта и в безопасности. Я решилась убедить вожаков, что мы справимся. Они несли ответственность за стаю – значит, я докажу, что в интересах стаи держать слово.

– Повидайся с Тореллом, – продолжал Тревегг. – Поохоться с людьми. Встретимся у Ниали. Там я скажу, удалось ли чего-нибудь добиться с Рууко.

– Почему у Ниали? – спросил Аззуен.

– Я за нее беспокоюсь. Пока ты спала, Каала, она поделилась своими опасениями. Я боюсь за Ниали. Видимо, мне она рассказала больше, чем тебе. Кажется, ее жизни грозит опасность. Ниали не страшно умирать, но она не хочет покидать мир живых, пока Тали не приняли как криану. Пошли с весточкой ворона, если я буду нужен.

Он по очереди подержал наши морды в пасти и потрусил по склону вслед за стаей.

Мы с Аззуеном спустились с холма, идя по запаху Марры. Когда мы приблизились, она встала.

– Долгонько вы там.

– Надо найти Торелла, – сказала я.

Глава 15

– Главное, когда охотишься на туров, – сказал Торелл, – разозлить их так, чтобы они лишились здравого смысла. Если охотиться на тура, как на лося или на другую дичь, вам, возможно, повезет, но скорее всего кто-нибудь погибнет.

Я верила Скалистому. Раньше я никогда не видела туров так близко. Они были высотой почти с лося, но гораздо шире, с огромными плечами, сплошь в густой косматой шерсти, которая согревала их даже в самые холодные зимние дни. Из-под темного меха выпирали стальные мышцы, глаза беспокойно двигались. Торелл отнюдь не преувеличил длину и остроту турьих рогов, которые поднимались высоко над головой и блестели на солнце. Туры внушали страх, даже когда паслись. Я охотилась на больших лосей, оленей и лошадей, но задрожала при виде рогов, способных меня выпотрошить. Торелл настоял, чтобы я поспала несколько часов, прежде чем пуститься в дальний путь на пастбище туров, пусть даже в итоге нам и предстояло охотиться при дневном свете. По крайней мере я отдохнула, но все-таки сомневалась в своей способности завалить такое огромное животное.

– И как же разозлить его, чтобы не попасться самому? – спросил Аззуен. Он пытался говорить беспечно, но ребра у него тяжело вздымались, и он часто дышал.

– Сейчас узнаете, – ответил Торелл. – Думаете, вы будете учиться, сидя в сторонке?

Я вскинула голову и уставилась на вожака Скалистых. Рууко и Рисса всегда заставляли нас наблюдать, как они охотятся на новую дичь, прежде чем разрешали принять участие в охоте. Торелл как будто не заметил мое удивление.

– Ты самая быстрая, – сказал он Марре. – Пойдешь с Пеллом. Будете злить туров.

Марра несколько раз хлопнула глазами, потом кивнула.

– Вы двое со мной, – приказал Торелл мне и Аззуену. – Сеела и Аррун останутся ждать и придут на помощь, если потребуется.

Он направился на равнину так спокойно, как будто охотился на кроликов или мышей. Аззуен, Марра и Пелл последовали за ним. Я посмотрела на Тлитоо, который деловито обдирал кору с веточки.

– Ты идешь? – спросила я.

– Я не дурак, волчишка, – ответил тот, хлопнул крыльями и взлетел на низкую ветку сосны. Я увидела, что там сидит Хлела. Она провела клювом по спине Тлитоо, и оба ворона перебрались

на ветку повыше. Я всматривалась, пытаясь разглядеть их, но напрасно. Тогда я пошла за Тореллом и остальными на равнину. Они ждали, стоя кучкой и наблюдая за турами.

– При охоте на тура, – сказал Торелл, когда я приблизилась, – необязательно искать самое слабое животное, как вы это делаете с другой добычей. Ищите тех, кто явственно откликается на ваше присутствие.

Они все, казалось, откликались на наше присутствие. Глаза туров подозрительно следили за нами, пока мы обходили стадо. Тур, стоявший неподалеку, резко тряхнул головой. Я подскочила и поспешно отбежала подальше. Остальные четверо волков смотрели на меня.

– Он просто отгоняет мух, – добродушно объяснил Пелл. Я почувствовала себя полной дурой.

– Что мы будем делать, когда найдем подходящего тура? – спросила я у Торелла, надеясь искупить свою трусость.

Он промолчал. Опустив голову, приоткрыв пасть и обнажив острые зубы, Торелл пристально смотрел на тура. Тот встретил взгляд волка и поскреб копытом землю. Раньше я не замечала, что у туров даже копыта острые и опасные. Я ожидала, что он, возможно, заговорит, как лоси, но тур просто с шумом выдохнул.

– Этот, – сказал Торелл шепотом и быстро перевел взгляд на Пелла, который толкнул Марру в плечо и зашел с другой стороны. – Когда тур злится, он забывает смотреть по сторонам, – шепнул мне Торелл. – Учти.

Его оскаленная пасть растянулась в широкой усмешке, и я почувствовала запах радостного волнения. Торелл наслаждался.

– Давай! – гаркнул он.

Пелл и Марра бросились на тура, остановившись прямо перед ним и щелкнув зубами. Они увернулись и кинулись обратно, на сей раз сомкнув клыки еще ближе и заставив его замотать головой. Тур повернулся, чтобы взглянуть на Торелла, Аззуена и меня, и я заметила: чтобы посмотреть назад, тур разворачивается всем телом. Как только он оказался к ним спиной, Пелл и Марра снова наскочили и ухватили тура за бок.

Мой страх не умерился, но я ощутила радостный трепет охоты. Запах добычи наполнил ноздри, и вдруг тур перестал быть туром – он стал дичью. Мгновение назад он казался неуязвимым. А теперь, когда он мотал головой и поворачивался то к нам, то к Марре и Пеллу, я поняла, что он наш.

Когда они вновь бросились на тура, Марра схватила его за ухо, а Пелл за щеку. Пелл уж точно не нуждался ни в чьей помощи. Шаг у Скалистого был слегка неровный, когда он прыгал туда-сюда, увертываясь от рогов, но двигался он так же быстро и

ловко, как Марра. Тур стряхнул их и замер неподвижно, глядя на волков, тяжело дыша и мотая головой туда-сюда. Пелл негромко тявкнул, и оба опять прыгнули одновременно, целясь в голову, потом отпрыгнули и побежали. Тур разъяренно взревел и погнался за ними, целясь смертоносными рогами в мягкое тело.

Как только он сорвался с места, мы трое уже были на нем. Страх исчез, как только тур стал грозить моим сородичам. На охоте Пелл для меня ничем не отличался от Марры и Аззуена. Даже не пришлось ждать сигнала Торелла. Мы с ним и с Аззуеном почти одновременно прыгнули на круп животного, и я что есть сил вцепилась зубами в толстую шкуру. Вкус плоти наполнил мою пасть, я зарычала от голода и алчности.

Тур в ярости развернулся, взбрыкнул задними ногами и сбросил всех. Мы кинулись прочь в разные стороны. Тур, растерявшись, стоял и рыл копытом землю. Пелл зарычал, и он обернулся к нему. Я метнулась вперед, нырнув под брюхо, точь-в-точь как тогда, когда Торелл учил нас драться. Вожак Скалистых одобрительно фыркнул, а тур как можно быстрее развернулся, чтобы достать меня. Аззуен тут же последовал моему примеру. Пелл и Марра прыгнули туру на круп и вцепились в него зубами.

Я еще никогда не видела ни одно животное в такой ярости. Тур лягался, бил задом, мычал, пытался нападать, но ума ему явно не хватало. Он так разозлился, что просто мотал головой и взвивался в воздух, пытаясь поддеть на рога ближайшего волка.

– Все вместе! – крикнул Торелл. Это значило, что нужно сообща броситься на тура. Шея добычи была совсем близко, и я приподнялась на задние лапы, чтобы прыгнуть и погрузить зубы в мягкое горло, но чересчур уверилась в себе. Пелл предостерегающе рыкнул, и тут тур махнул головой. Он двинулся как будто едва заметно, но я получила удар боковой стороной рога и отлетела в сторону. Оглушенная и задыхающаяся, я лежала на земле и видела голову тура и острый рог, нацеленный на меня. Бежать было некуда. В ту секунду, когда разъяренный тур нагнул голову, чтобы нанести смертельный удар, двое волков схватили его за морду: Аззуен и Пелл прыгнули одновременно, столкнувшись друг с другом. Я услышала предсмертный вопль и в ужасе вскочила, гадая, кто из наших попал на рога. Но это визжал тур, которого ухватили за брюхо Торелл и Марра. Аррун и Сеела, не в силах усидеть на месте, бросились через поле, вскочили туру на круп и запустили зубы в живое тело. Я укусила его за ногу, которая продолжала лягаться, угрожая кого-нибудь убить. Во мне пробудился охотничий азарт. Кровь, теплая плоть, сопротивляющаяся добыча, из которой постепенно уходила жизнь… Мы рвали тура, пока он не перестал брыкаться и не

испустил низкий стон. Пелл торжествующе взвыл и повалил меня наземь от радости, перекатил в пыли, лизнул в макушку и отпустил. Хватая воздух пастью, с бешено колотящимся сердцем, я поднялась и посмотрела на тура, уже мертвого. Страшные рога больше не угрожали нам, из опасного животного он мгновенно превратился во вкусную еду. Мы справились. Мы убили тура.

Аззуен придумал, как устроить охоту на тура вместе с людьми.

– У них есть два рода острых палок, – объяснял он, пока мы шли к жилищу Ниали.

Теперь, когда мы приняли предложение Торелла и научились охотиться на туров, нужно было рассказать об этом криане, чтобы та передала Тали, а девочка убедила людей отправиться на пастбище туров.

– Люди бьют толстыми палками, копьями, когда подходят близко к добыче. Палки потоньше они швыряют издалека. И острия тоже бывают разные.

Остриями служили заостренные камни, куски рогов и костей, которые люди привязывали к палкам, чтобы сделать их острыми и смертоносными.

– Люди неодинаково умеют с ними управляться, – добавила Марра. – Миклан сказал, он еще недостаточно сильный, чтобы охотиться с копьем, зато умеет бросать острую палку. Племя Лан не разрешает молодым выходить с копьями против крупной дичи, пока они не вырастут.

Марра, видимо, проводила с людьми гораздо больше времени, чем казалось. Я тоже заметила разницу между двумя типами острых палок, но не придала большого значения. Теперь, когда об этом заговорили Аззуен и Марра, я вспомнила, что Тали бросила острую палку в лося, которого мы завалили на равнине Высокой Травы. А еще она копьем убила кролика.

– Значит, пускай одни люди бросают острые палки в тура издалека, а другие вместе с нами подберутся ближе, – заключил Аззуен. – Просто нужно понять, кто с чем хорошо управляется, и гнать добычу к ним.

Я радовалась, что Аззуен все придумал. Теперь оставалось сделать так, чтобы люди пошли с нами на пастбище туров. Мы достигли жилища Ниали, и Тревегг вышел поприветствовать нас.

– Она ждет, – сказал он, и мы зашли внутрь.

– Я же говорила, что дичь ушла! – сказала Тали, скрестив руки на груди. Прошел почти день с тех пор, как я проснулась после путешествия в инехалин, и целых три дня с тех пор, как мы видели верховных, выгоняющих дичь из Долины. Половина разведчиков Халина уже вернулась и рассказала об исчезновении

лошадей, лосей и оленей.

– Лучше не говори с Халином таким тоном, – предупредила Ринали. Они с Тали стояли у навеса для трав и сердито смотрели друг на друга. Мы с Аззуеном сидели рядом с Тали, а Марра пряталась в кустах за деревней. Ринали яростно уставилась на девочку, уперев руки в бока.

– Я не дура, – сказала Тали. – Но чем раньше он назначит меня крианой, тем меньше времени мы потратим зря.

– Даже не думай говорить ему! – прикрикнула Ринали и тут же замолчала, потому что к ним подошли Халин, еще двое самцов и Кили.

– Откуда ты знаешь про дичь, Тали? – спросил Халин.

– Знать – моя обязанность, – ответила Тали с уважением. Я поразилась, как быстро она менялась. Только что девочка держалась сердито и напористо – и вдруг заговорила почтительно. Из нее получился бы хороший волк. – Долг крианы – прислушиваться к тому, что говорит мир вокруг.

Халин грубо фыркнул.

– Мы нашли больших лосей к востоку от Сухих Холмов, – сказал он. – На них охотится племя Алн. Может, придется подраться. Туры кормятся на Западной Равнине, но мы вряд ли сумеем завалить хотя бы одного. У них брачное время, и они злы.

Именно этого момента и ждала Тали.

– Мы пойдем охотиться на туров с волками. – Она положила руку мне на голову, и я встала.

– Вы уже так делали? – тревожно спросила Кили. Я подошла и лизнула ее руку. Кили была другом Тали, и я хотела показать, что она и мой друг. Сначала она испугалась, потом робко погладила мою шею. Я лизнула руку женщины еще раз и вернулась к Тали.

– Я знаю, мы сможем на них поохотиться, – повторила Тали, не отвечая на вопрос Кили. Мы еще никогда не гоняли туров вместе, и я даже Аззуену не призналась бы, как сильно волнуюсь. – Я покажу тех туров, которых вы запросто убьете копьями.

Люди замолчали, задумавшись над словами девочки.

– Она была права, когда сказала, что дичь ушла, Халин, – заметила Кили.

– До Западных Равнин почти полдня пути, и скоро стемнеет, – пожаловался один из мужчин. – Лоси ближе. И они не такие опасные.

– Но на них охотятся люди племени Алн! – напомнила Кили. – Возможно, другие племена пока не знают, что дичь ушла, но благодаря Тали мы-то знаем – и доберемся до туров первыми.

Тали заговорила вновь:

– Если с нами пойдут волки, туры будут не опаснее лосей.

Она говорила как взрослая, как настоящая криана, а не как ребенок, и я ею гордилась.

– Можно поохотиться и на туров, – подхватил другой мужчина. – Это не хуже, чем драться с Алн из-за лося. И нас будут уважать.

– Почему их будут уважать? – спросил меня Аззуен.

– Не знаю.

Первый мужчина, который жаловался, что до туров далеко, хмыкнул в знак согласия.

– Хорошей охоты я не боюсь, – сказал он. – А если дичи мало, пусть остальные племена знают, что мы бьем туров. Они еще подумают, прежде чем драться с нами из-за добычи.

Халин положил руки на плечи сородичей.

– Значит, мы пойдем охотиться на туров и покажем всем племенам Долины, на что способны Лин. Тали, приводи волков, – распорядился он, как будто это была его идея.

– Да, Халин, – ответила девочка.

Халин улыбнулся, погладил ее по голове и зашагал прочь с другими мужчинами. Кили беспокойно взглянула на Тали и последовала за ними.

Ринали посмотрела вслед уходящим и снова уставилась на Тали.

– Надеюсь, насчет волков ты не ошиблась, – сказала она и тоже ушла.

Когда тетка оказалась за пределами слышимости, Тали присела и уткнулась лицом мне в шею.

– Я тоже надеюсь, – шепнула она.

Все четыре ноги у меня болели, правый бок сплошь покрывали синяки. Марра заработала ссадину над левым глазом, когда пыталась проскочить под брюхом у Сеелы, а Аззуен то и дело лизал правую переднюю лапу, которую зажало между бедром Пелла и острым камнем. Торелл настоял на том, чтобы дать нам еще один урок, прежде чем отпустить на охоту вместе с людьми. Он сказал, что мы должны отточить навыки и научиться обращать внимание на то, чего не видно. Скалистые швыряли нас в пыль снова и снова, пока не решили, что мы готовы.

Почему-то Тали выбрала самое удаленное от человеческой деревни пастбище и договорилась встретиться с нами там. Мы зашли так далеко на запад, что я видела холмы на западном краю Долины. Чуть южнее виднелась низкая гряда холмов, о которых говорил Пелл. Вершина одного из них поросла тополями и низким кустарником – подходящее место, чтобы спрятаться. Ничего не стоило сбегать туда и поискать тайник верховных

волков. Пастбище туров находилось более чем в полудне пути от человеческого стойбища, и люди прождали полночи, прежде чем пуститься в путь, чтобы прийти на рассвете. Таким образом, у Торелла было много времени, чтобы нас погонять, и мы, все трое, не пошли, а поплелись с территории Скалистых к людям.

Но оно того стоило. На земле лежал мертвый тур, и люди торжествовали.

Я удовлетворенно посмотрела на тура и на людей. Торелл оказал мне куда большую услугу, чем полагал, когда помог охотиться. Люди ценили туров превыше прочей дичи не только из-за мяса, питательного и вкусного, но и из-за шкур, достаточно прочных, чтобы прослужить несколько лет. Убийство тура считалось доказательством великой силы и смелости. Вот что имел в виду тот самец, когда говорил, что племя Лин будут уважать. Халин так радовался, что дал нам вдвое больше мяса, чем после охоты на лошадей. Я видела, как сородичи хвалят Тали. Если она и дальше будет приводить их к добыче, а мы – помогать в охоте, племя отдаст должное и волкам, и ей.

Я посмотрела на кромку леса, неподалеку от гряды холмов. Там лежали и наблюдали Франдра и Яндру. Виднелись только их морды и лапы, так что люди, если только они не присматривались, ничего бы не заметили. Ниали рассказала верховным о наших замыслах, и те захотели сами посмотреть, как мы охотимся на туров. Франдра увидела, что я за ними наблюдаю, и кивнула. Оба огромных волка скользнули в заросли.

Тлитоо дернул меня за ухо.

– От мяса никому не будет проку, пока оно валяется на земле, волк, – заметил он. – Стая не оценит ваших стараний, если не получит своей доли.

Клюв у ворона был в крови, живот раздулся. Как только люди принялись разрубать мясо, Тлитоо и Хлела подлетели и начали таскать внутренности, вывалившиеся из брюха тура. Люди отгоняли птиц, Халин чуть не ударил Тлитоо тупым концом копья, но все-таки вороны успели наворовать вкусного грезлина. Они возвращались еще дважды и таскали мясо подальше от Халина.

– Если тебе не нужно мясо для стаи, – продолжал Тлитоо, – его заберем мы.

– Удивительно, что ты еще держишься на лету, – сказала Марра, глядя на раздутое брюхо Тлитоо. – Но он прав, Каала. Чем раньше мы отнесем мясо стае, тем быстрее докажем, что дела с людьми пошли на лад.

Я встала, застонав от боли в ребрах, и едва успела взять в зубы кусок грезлина, когда Тали заметила меня и позвала.

– Серебряная Луна! – крикнула она, протягивая руку.

Халин встал рядом с девочкой.

– Волк, – окликнул он. – Серебряная Луна, поди сюда.

Раньше он никогда не звал меня по имени. Удивившись, я положила мясо и подошла. Позади слышались шаги Марры и Аззуена. Я приблизилась к людям и прижалась к Тали.

– Я думала, ты уже ушла, – сказала девочка. – Ты мне нужна.

Они с Халином посмотрели вдаль. Я проследила их взгляд и увидела кучку людей, появившихся из зарослей. Они вышли на Западную Равнину и остановились на расстоянии восьми волков от племени Лин. От них знакомо пахло ольхой, но я узнала пришельцев не сразу.

– Это племя Давриана, – сказала Марра.

– Ваша девочка привела охоту на чужую территорию, – самодовольно каркнул Тлитоо.

– Зачем? – спросила я.

Неужели Тали хотела разозлить родичей Давриана, чтобы они не пожелали видеть ее в своем племени?

Разумеется, сам Давриан тоже был здесь, и с ним еще девятеро, от которых похоже пахло. Он так и не перебрался жить к племени Лин, несмотря на приглашение Ринали. Может быть, потому что Тали огрызалась на него. Но, увидев девочку, Давриан прибавил шагу. Другой самец, высокий и стройный, с волосами, как шерсть у Риссы, остановил его и что-то зашептал. Все они держали в руках копья и острые палки.

Тали присела на корточки и шепнула:

– Я избавлюсь от Давриана.

– Что? – переспросила я, ощутив ужас. Тали бывала безрассудной, как Марра, и порой ей недоставало здравого смысла. Я понятия не имела, что она задумала, но заволновалась при виде решительного огонька в глазах девочки.

– Она хочет биться об заклад, – объяснила Марра с ноткой восхищения в голосе. – Миклан мне рассказывал. Люди спорят, совсем как мы. Это рискованно. Но если Тали выиграет, то избавится от Давриана.

– Брелан ни за что бы не позволил, – возразил Аззуен.

Но Брелана здесь не было.

Мужчины племени Риан не двигались с места. Первым заговорил белоголовый:

– Это наши охотничьи места, Халин. Почему ты не спросил разрешения, прежде чем охотиться здесь?

У меня встала дыбом шерсть на спине. Среди волков нарушение границы служило веским поводом для драки. Всего две луны назад стаи Озера Ветров и Древесной Тропы сцепились

из-за охотничьих угодий, и двое волков получили раны. Но белоголовый говорил мягко, хотя в его словах и заключался вызов. Видимо, он изо всех сил старался не злиться сам и не злить Халина.

– Как будто они способны убить тура, – пробормотала Тали достаточно громко, чтобы расслышал не только волк, но и человек.

Я стояла слишком далеко и не видела лицо Давриана, зато заметила, как он напрягся. Халин гневно взглянул на Тали, но та, не обращая внимания на вожака, скрестила руки на груди.

– Они не смогут убить тура, даже если он ляжет прямо перед ними и уснет.

Я привалилась к Тали, так что она споткнулась. Тлитоо слегка клюнул девочку в ступню.

– Я говорю правду, – шепотом сказала Тали. – Я не войду в их племя. Лучше уж поселиться в дупле.

Белоголовый самец посмотрел на нее и перевел взгляд на Халина.

– Мы на спорных землях, Палриан, – сказал тот. – Я знаю, вы с моим отцом спорили за них, но он так и не уступил.

Я вспомнила, что Миклан упоминал это имя. Палриан был отцом Давриана и вожаком племени Риан.

– Но мы с твоим отцом заключили договор, – возразил Палриан. – Мы условились предупреждать друг друга перед тем, как идти на охоту, и делиться добычей. Я знаю, ты совсем недавно стал вождем племени Лин, но я думал, что ты не нарушишь отцовские обещания.

– Мы охотно поделимся с вами мясом, – сказал Халин, указывая в сторону туши. – Еды еще много.

Я задумалась, знает ли племя Риан, что дичь ушла из Долины. Люди редко чуют ложь.

Палриан улыбнулся и махнул рукой сородичам. Опустив острые палки, те зашагали вперед и подошли вплотную к людям племени Лин. Когда Палриан приблизился, я заметила, что он гораздо старше Халина. Суставы у него двигались не так гладко, кожа висела складками. Но он был здоров и не сомневался в своей власти над племенем Риан.

– Ты же знаешь, я не хочу с тобой ссориться, Халин, – сказал он. – Я охотно заключу с твоим племенем союз…

Он окинул Тали взглядом. Женщина, стоявшая рядом с Палрианом, улыбнулась, протянула руку и погладила сильные плечи девочки. Тали не отстранилась, как я ожидала, но встретила взгляд женщины. Будь она волком, у нее на загривке встала бы дыбом шерсть.

– Я этого очень хочу, – продолжал Палриан. – Но вы на земле племени Риан, и я буду рад, если впредь вы не будете брать то, что не принадлежит вам. Нужно спросить разрешения, прежде чем идти сюда. Мы с твоим отцом обо всем условились и хорошо ладили.

– Давайте поиграем, – добродушно произнес Халин. – Чье племя быстрее завалит тура, тот получит право два года охотиться здесь.

Палриан улыбнулся.

– Зачем мне спорить из-за того, что и так мое? – спросил он.

Тали втянула воздух сквозь зубы и взглянула на Халина, прося разрешения. Тот кивнул.

– Чтобы доказать, что вы достойны союза с племенем Лин, – сказала она.

Давриан резко выдохнул. Все уставились на девочку.

– Твой сын хочет жениться на нашей целительнице, – сказал Халин. – Если ты победишь, получишь и ее, и эти охотничьи угодья. Если мы победим, то заберем их на два года, а заодно и Моховой Лес.

Тали рассказала Халину, что, несмотря на уход дичи из Долины, Моховой Лес кишел птицами, свиньями и мелкими животными – должно быть, потому что там витал запах сырого мха, который ненавидели верховные.

Палриан не смог скрыть волнения. Сердце у него забилось быстрее, и он оглядел Тали с головы до ног, как будто она была кроликом, а он – пещерным львом. Я понятия не имела, отчего он так стремился заполучить девочку, но, несомненно, Палриан высоко ее ценил.

Вот что Тали имела в виду, когда сказала, что намерена избавиться от Давриана. Меня замутило. Она чересчур полагалась на нашу способность убить тура. Я коснулась лапой ее ноги.

– Не рискнешь – не победишь, Серебряная Луна, – шепнула Тали. – Я должна бросить вызов, иначе для меня все пропало.

– Мы принимаем спор, – с готовностью произнес Палриан, и я вспомнила, как Веррна приняла ставку Торелла. – Мы охотно покажем вам, как охотится племя Риан.

Было видно, что он считал Халина надменным и неопытным.

– Подожди, отец, – возразил Давриан. – С ними волки. Они помогают охотиться.

Палриан коротко рассмеялся, несколько человек из племени Риан – тоже.

– Ты же сказал, что волки только мешают, Давриан, – напомнила Тали. – Ты твердил, что они опасны.

– Если ты боишься волков, – невозмутимо произнес Халин, – я

выставлю меньше охотников. Мы будем охотиться втроем. А ты можешь взять сколько угодно людей.

– Решено! – быстро сказал Палриан, не сомневаясь в своем выгодном положении. Давриан пытался протестовать, но когда соплеменники вновь рассмеялись и принялись завывать, как волки, лицо у него потемнело. Он перестал спорить и яростно взглянул на меня. Я отвернулась и задрала хвост, демонстрируя Давриану зад. Аззуен и Марра последовали моему примеру.

Охота началась.

* * *

Конечно, мы победили. Люди Риан охотились хорошо, но не знали то, что было известно нам, и им недоставало совместной тактики человека и волка. Они испытывали туров и искали слабейших в надежде убить их, не покалечившись, тогда как мы нашли самого злобного, взбесили его и завалили. Тогда туры решили, что с них хватит, и затопали прочь, оставив нас наедине с племенем Риан.

Палриан принял поражение достойно, хотя я не сомневалась, что ему горько.

– Надеюсь, мой сын не утратил права ухаживать за вашей девочкой? – сказал он.

– Конечно, нет, – ответил Халин, и Тали ахнула. – Мы охотно примем Давриана и будем рады разделить с вами добычу.

Палриан хлопнул Халина по плечу.

– Она ваша, вы добыли ее честно. Но я еще как-нибудь охотно с тобой потягаюсь… и кое о чем поговорю, – добавил он, глянув на Тали.

Он кивнул сородичам, и они двинулись прочь с равнины. Давриан, насупившись, стоял на месте, пока отец не взял его за руку и не увел. Как только люди Риан скрылись, Халин радостно завопил, подхватил Тали и закружил. Поставив девочку наземь, он подал знак соплеменникам, и те принялись разделывать второго тура.

– Почему он так поступил? – прошептала Тали. – Он должен был прогнать Давриана…

Она постояла неподвижно.

– Я не выйду за него, Серебряная Луна. Будь что будет, не выйду.

Халин позвал девочку. Она крепко сжала мою шерсть, прежде чем зашагать к вожаку. Я смотрела вслед Тали, отчаянно желая последовать за ней.

– Мясо, волчишка, – напомнил Тлитоо. – Отнеси еду стае.

– Я помню, – сказала я, не сводя глаз с Тали. – Где она сейчас?

– На сборном месте у Болотной Ямы, – ответил ворон.

Тлитоо придумал это название, когда мы нашли на самой границе Быстрой Реки болотистый, кишевший мухами клочок земли, на котором росли редкие кипарисы и можжевельник. Ворону хватило одного взгляда, чтобы прозвать его Болотной Ямой. Стая решила собираться там, потому что Яма была ближе всего к пастбищам туров и в то же время находилась на территории Быстрой Реки. Обнаружив там кусачих мошек и заболоченную землю, вожаки чуть не передумали, но, видимо, в результате все-таки остались.

– Пошли, – сказал Аззуен, лизнув больную лапу и тем самым напомнив мне о собственных ребрах и ногах. Только на Марру, казалось, возня со Скалистыми не возымела никакого эффекта. Она бросилась по направлению к Болотной Яме, остановилась и посмотрела через плечо. Я знала: ей не терпелось, потому что Марра хотела вернуться к Миклану.

– Мы идем, – сказала я, подошла к мясу, которое дал нам Халин, взяла большой кусок брюшины и зашагала впереди Аззуена и Марры к Болотной Яме. Невзирая на тревогу за Тали и ноющие мышцы, я радовалась. Мы отлично поохотились и добыли для стаи вкусный грезлин. Отнеся сородичам еду, можно было поискать тайник верховных. Мы двигались к успеху.

Уже перевалило за полдень, когда мы добрались до Болотной Ямы. Стая крепко спала. Рисса лежала, свернувшись клубочком, уткнувшись носом в лапы, и громко храпела. Рууко вытянулся во весь рост на солнце. Минн, которому во сне всегда было жарко, устроился в скудной тени кипариса. Когда мы ввалились в рощицу, таща мясо, Веррна приоткрыла один глаз и проснулась окончательно. Она встала, потянулась и подошла к нам.

– Оставьте здесь, – сказала она, прежде чем мы успели положить мясо наземь, и окинула еду взглядом. – И это все?

– Нет, не все, – ответила я, раздраженная тоном Веррны. А сколько, по ее мнению, могли притащить трое волков? Она даже не поблагодарила нас за то, что мы принесли стае мясо. – Что узнали Рууко и Рисса? – спросила я.

От вожаков пахло Пиррой и Сонненом. Значит, они разговаривали с волками из стай Озера Ветров и Древесной Тропы.

Веррна не ответила. Она поворошила принесенное мясо, ища изъянов, но это был сплошь хороший грезлин. Она взяла в зубы кусок брюшины, подошла к Минну, положила еду и ткнула

молодого волка носом.

– Вставай, – сказала она. – Мы отнесем добычу в новый тайник.

Минн заворчал, но поднялся и потянулся, а Веррна вернулась к нам.

– Тащите остальное, – велела она. – На закате встретимся у упавшего дерева на сборе стаи.

– У упавшего дерева? Это же в часе ходу отсюда! – запротестовала я. – А мы еще должны узнать, что такое прячут верховные, да и с людьми мы не закончили.

– Почему нельзя поговорить с Рууко и Риссой сейчас? – потребовал Аззуен.

– Потому что после общего сбора они не проспали и двух часов! – Веррна сердито уставилась на меня, как будто вина была полностью моя. – Дай им отдохнуть, иначе я с тобой расправлюсь!

Она подобрала мясо, которое принесли Аззуен и Марра, каким-то чудом уместив все куски в своих мощных челюстях, и зашагала через рощу.

Марра преградила ей путь.

– Пирра и Соннен согласились союзничать с Быстрой Рекой? – спросила она. – Что-то случилось. Я знаю.

Она понюхала землю под ногами, как будто надеясь уловить произошедшие в стае изменения. Мы с Аззуеном удивленно воззрились на Марру. Волк, еще не достигший одного года, не бросает вызов высокопоставленному члену стаи. Веррна даже не отклонилась с пути. Она просто отпихнула ее, но, вместо того чтобы уйти, положила мясо наземь и гневно взглянула на Марру.

– Не мое дело говорить за вожаков! – прорычала она. – И не твое дело – требовать у меня ответа!

Покрытая шрамами морда Веррны напряглась. Она неловко переступила с ноги на ногу. Веррна всегда говорила напрямик и не любила секретничать.

– Ступайте искать то, что прячут верховные, а потом возвращайтесь к туше и принесите остальной грезлин, – велела она.

Она подобрала мясо и ушла с прогалины. Минн бросился за ней, расшвыривая лапами землю. Марра и Аззуен зашагали через рощицу, я последовала за ними, но остановилась, когда появился Тлитоо. Он завис над Рууко и приземлился на спину спящему волку.

– Ты идешь? – спросил Аззуен, увидев, что я медлю.

– Нужно поискать тайник верховных, пока люди не заметили, что нас нет, – добавила Марра.

– Я вас догоню, – сказала я. – Подождите под холмом.

Марра хотела возразить, но я сердито посмотрела на нее. Ворча, они с Аззуеном убежали.

– Шевелись, волк, – сказал Тлитоо, как только они отошли подальше.

Он отказывался прилетать в Болотную Яму, утверждая, что здесь воняет. Но теперь ворон сидел на спине Рууко и выжидающе смотрел на меня.

– Я думала, ты не прилетишь, – сказала я, отмахиваясь от мух, которые пытались облепить морду. – Почему ты не на дереве, с Хлелой?

В моем голосе зазвучал яд.

Тлитоо метнулся ко мне. Я отшатнулась, но он всего лишь приземлился у ног и посмотрел снизу вверх.

– Я попросил Хлелу последить за людьми, Лунная Волчица, – сказал он, и при звуках этого имени я смутилась. – Возможно, другого шанса не будет.

– Нам некогда, – возразила я.

– Придется урвать время! – каркнул Тлитоо. – Нужно еще кое-что узнать. А я должен учиться. Мать-волчица сказала, это важно.

Так он называл Лидду.

Тлитоо снова вспрыгнул на спину Рууко. Поддавшись искушению, я шагнула к нему. Меня мучила совесть, оттого что я подсмотрела воспоминания Аззуена, но я была зачарована. Я думала: «Если я узнаю мысли Рууко, то, возможно, сумею убедить стаю, а заодно Соннена и Пирру присоединиться к нам. И поучиться действительно не помешало бы. Может быть, мы снова увидим Лидду».

– Тогда быстрее, – сказала я.

Тлитоо одобрительно каркнул и спрыгнул наземь. Осторожно, чтобы не разбудить вожака, я улеглась бок о бок с Рууко, а Тлитоо осторожно втиснулся между нами.

Я полагала, что готова к холоду, падению и отсутствию звуков, но все-таки переход меня ошеломил. Сердце бешено забилось, потребовалось усилие воли, чтобы не отстраниться. Я заставила себя терпеть. Тьма превратилась в яркий полуденный свет, отсутствие запахов сменилось ароматом холодной осенней травы. Рууко не думал о Пирре и Соннене, о союзе с людьми, об обещании, связавшем волков Широкой Долины. Ему снилась молодая волчица, чья белая шерсть сияла, как снег на солнце. Рууко томился по тому, чего никогда не мог обрести.

«Вставай, Воришка», – сказал Хиилн. Он прыгнул на Рууко, пробудив от полуденного сна.

Рууко терпеть не мог это прозвище, которое получил от брата в те дни, когда был щенком и боялся охотиться. Он встал и

потянулся, раздраженно глядя на Хиилна, который перерос его почти на полголовы. Сам Рууко достиг изрядных размеров, но теперь, когда им уже почти исполнилось два года, он понимал, что никогда не вырастет таким же большим.

Хиилн, заметив раздражение Рууко, но неверно истолковав причину, ткнул брата в ребра.

«Хватит ныть, – сказал он. – Скажи спасибо, что я тебя разбудил. Пошли».

Он помчался прочь от упавшего дерева – сплошь тугие мышцы и лоснящийся на ветерке мех.

Рууко последовал за ним.

«Что стряслось?» – отдуваясь, спросил он, отставая от брата, как всегда, почти на длину корпуса.

«Самки, – ответил Хиилн. – Две. Из стаи Теплого Холма. Остальные вошли в стаю Озера Ветров, когда погиб их вожак, а эти остались».

Хиилн замедлил бег, когда они приблизились к маленькому холму на границе территории Быстрой Реки, и лег на брюхо. Рууко плюхнулся рядом. Оттуда, где они лежали, было видно двух молодых самок по ту сторону границы. Ни одна стая еще не присвоила земли Теплого Холма, хотя это был лишь вопрос времени. Две молодые волчицы не сумели бы их защитить. Одна из них казалась на вид самой обычной и довольно худой, от нее пахло подчинением, зато другая, с чисто-белой шерстью, поражала красотой. Рууко такого никогда не видел. Он зачарованно наблюдал, как волчицы играют и борются на солнце. Белая была такой сильной и красивой, что Рууко не мог отвести взгляд.

Хиилн встал так, что волчицы его заметили. Они не убежали и не бросили вызов незнакомым волкам, а завиляли хвостами в знак приветствия.

Рууко и Хиилн пересекли границу и представились, позволив самкам Теплого Холма обнюхать их с головы до хвоста. Когда Рууко, в свою очередь, вдохнул запах белой волчицы, у него перехватило дух. Он понял, что хочет ее больше всего на свете.

Но, конечно, брат был первым. Конечно, она смотрела только на Хиилна, который держался уверенно, недвусмысленно давая понять, что однажды станет вожаком.

«Я Рисса, – сказала белая волчица. – А это моя сестра Нееса».

Нееса застенчиво взглянула на Рууко. Он окинул ее беглым взглядом и вновь повернулся к Риссе, но опоздал. Белую красавицу влекло к Хиилну. Она хотела избрать себе спутника.

Уже через четверть луны все четверо стали неразлучны. Рууко не обращал внимания на Неесу, пока не догадался, что Рисса

пытается их свести. Тогда он начал ухаживать за Неесой и удостоился одобрительного взгляда сестры.

Когда Рисса и Нееса пригласили волков из стаи Быстрой Реки понаблюдать за людьми, Рууко испытал отвращение, зато Хиилн пришел в восторг. Рууко притворился, что тоже рад. Рисса и Нееса довольствовались тем, что посмотрели на людей, но Хиилну хотелось большего. Он ходил к людям снова и снова и вскоре начал появляться на сборном месте, пропитанный запахом человеческого пота. Траан, его отец и вожак стаи Быстрой Реки, заметил это и велел Хиилну прекратить. Тот не послушался. Сказал, что не может.

Через две луны Хиилн покинул Долину. Точнее, был изгнан верховными волками и собственным отцом. Рууко не сомневался, что Рисса уйдет вместе с Хиилном, но тот взял с волчицы слово остаться. Перед уходом Хиилн поговорил с Рууко, вынудив у брата обещание, которое тот дал весьма неохотно. Но все-таки дал. Ради брата, с которым, возможно, ему не суждено было встретиться, Рууко пообещал, что возглавит стаю Быстрой Реки и сохранит ее. Он смотрел вслед Хиилну с грустью и благодарностью. Когда Рисса скорбно завыла, он завыл вместе с ней.

Через шесть лун Рууко горестно стоял над телом волка, который казался слишком сильным, чтобы умереть. Траан водил стаю Быстрой Реки почти пять лет, и его смерть предвещала время испытаний. Рууко постоял над мертвым отцом, а потом посмотрел в глаза сородичей – Тревегга, который был слишком стар, чтобы возглавить стаю, молодых волков, Аннана и Сенна. Неесы. И Риссы. Рисса взглянула на Рууко с надеждой и уверенностью, словно подзадоривая струсить и убежать. Рисса отказалась от любви во имя того, что считала правильным, и теперь носила его щенков. Траан знал, что умирает. Он настоял, чтобы Рууко и Рисса спарились – чтобы в наступающем году в стае появились щенки. И теперь, глядя в ясные глаза Риссы и сознавая, что в ее чреве зреет будущее Быстрой Реки, Рууко испугался. Он никогда и не думал занять место вожака. Вожаком должен был стать Хиилн – но он ушел навсегда. Рууко понимал, что не готов, недостаточно силен. Он не хотел. Но Рисса ждала – а ради нее он бы перевернул весь мир.

Что-то острое несколько раз стукнуло по голове. Ухо горело. Я открыла глаза и обнаружила Тлитоо и Хлелу, которые клевали и дергали меня.

– Просыпайся, волчишка! – потребовал Тлитоо. – Твои сородичи вернулись. Уже поздно. У тебя столько дел до темноты, а ты лежишь тут и бездельничаешь.

Я рыкнула на ворона и с трудом поднялась. Именно он предложил проникнуть в мысли Рууко. Я сделала несколько шагов и застонала. Я не чувствовала изнеможения, как после путешествия в Инехалин, но все-таки устала и вся дрожала. Я никогда и не думала, что Рууко способен кого-то так любить. Он всегда казался бесстрастным и серьезным.

Я услышала тяжелую поступь Веррны вблизи Болотной Ямы. Пора было идти. Я уперлась передними ногами в землю, оттопырила зад и потянулась, пытаясь прогнать из тела усталость. Хлела щелкнула клювом и оценивающе присмотрелась к моим лапам, как будто выбирая, которую клюнуть.

– Иду, иду, – сказала я, выпрямляясь, и посмотрела на Рууко, погруженного в сны о Риссе. Не обращая внимания на нетерпеливые крики воронов, я ласково коснулась носом щеки вожака, прежде чем покинуть Болотную Яму и отправиться на поиски того, что прятали верховные волки.

Глава 16

– Куда ты пропала? – спросила Марра. Они с Аззуеном сидели у подножия тополиного холма и ждали.

– Хотела кое-что узнать.

– Что? – поинтересовался Аззуен.

Я не решилась рассказать ему про то, что проделывали мы с Тлитоо. Аззуен и Марра никогда не относились ко мне как к волку из легенды, и я хотела, чтобы так шло и дальше.

– Не важно, – ответила я. – Все равно ничего не выяснила. Пошли.

Я побежала вверх по пологому склону, прежде чем они успели спросить что-нибудь еще. Аззуен и Марра последовали за мной. Холм был покрыт сухой травой и низенькими кустами, на верхушке торчали редкие тополя. Я остановилась на полпути и посмотрела вниз. На пастбище туров виднелись люди. Они разделывали туши и складывали мясо, чтобы отнести его в деревню. Если мы хотели получить побольше еды для стаи, следовало поторопиться. С людей сталось бы прихватить и нашу долю, раз ее никто не охранял.

– Живей! – велела я и стремглав взбежала на холм. Аззуен и Марра припустили следом, и мы полным ходом преодолели подъем. Пелл сказал, что за тополиным холмом лежит равнина. Я надеялась, что с вершины холма увижу древний тис, о котором говорила Лидда, и что он не будет скрыт другими деревьями.

Но, поднявшись на холм, мы заметили семерых верховных не далее чем в трехстах волках от себя. Они бродили вокруг небольшого пригорка – маленького возвышения на равнине – с отверстием, похожим на вход в логово.

Мы бросились наземь, укрывшись в низких кустах. Как глупо было опрометью бежать наверх. Если бы верховные посмотрели в сторону холма, они бы нас заметили, а если бы ветер дул в другую сторону – почуяли бы. Рууко и Рисса никогда не поступили бы так опрометчиво. Я открыла глаза – оказалось, я их закрыла, – подняла голову и окинула взглядом равнину.

– Тайник верховных, – сказала я.

Никакого тиса там не росло, но чем еще мог быть загадочный бугорок, если вокруг бродили верховные? Просто не верилось, что мы оказались так близко во время охоты на тура.

– Это и есть то место, которое ты искала? – каркнула Хлела, приземляясь рядом. – Оно всегда тут было. Его охраняют верховные.

Тлитоо сел на круп Аззуена. Видимо, вороны летели за нами

от Болотной Ямы.

– Что они стерегут? – спросила я у Хлелы.

– Не знаю. Может, еду. У злюковолков тайники по всей Долине, но только этот они охраняют скопом. Вороны пытались разузнать, нет ли здесь хорошей еды, но их прогнали. Двоих убили. Мы больше сюда не летаем.

Мы наблюдали за верховными. Одни сидели возле входа в логово, другие по очереди расхаживали вокруг. С каждой стороны пригорок непрерывно охранял, самое меньшее, один верховный.

– Надо сделать так, чтобы они ушли, – сказал Аззуен, но я сомневалась, что даже ему под силу избавиться от семерых верховных волков.

– Зориндру! – шепнула я.

Я хотела подойти, но нельзя было, чтобы верховные узнали, что мы здесь. Дозорные наблюдали, как старый Зориндру приближается к ним. Он остановился на расстоянии пятидесяти волков от тайника. Пятеро из семи верховных подошли к нему и приветствовали как вожака. Зориндру посмотрел в нашу сторону. Я не сомневалась, что он нас видел, – но он развернулся и зашагал обратно. Пятеро верховных последовали за ним в заросли, оставив на страже лишь двоих.

– Я еще не видела, чтобы тайник охраняли только двое, – сказала Хлела. – И это молодые. Галиндра и Сундру. Они глупее остальных.

Я съежилась, лежа в укрытии. Несомненно, Зориндру смотрел прямо на нас. Но он не предупредил прочих верховных. Интересно – почему?

Я развернулась, услышав за спиной мягкие, осторожные шаги и почуяв запах шалфея. По склону украдкой поднимался Пелл. Ему-то хватило здравого смысла ползти на брюхе, почти не отрываясь от земли.

– Вы нашли? – прошептал он.

– Я думал, Скалистые сюда не пойдут, – ответил Аззуен.

– Ну, будет худо, только если верховные меня поймают, – ответил Пелл. – Откуда вы знаете, что это нужное место?

– Мы ничего не знаем, – сказала я. – Но только что здесь было семеро верховных, и они охраняли вон тот холмик. Видимо, они что-то прячут.

– Остались только двое, а нас пятеро, – заметила Хлела.

– Я пойду первой, – сказала я Аззуену и Марре. – Тогда они точно встревожатся. Они погонятся за мной, а вы узнайте, что там такое.

– Нет, волк, не ты, – возразил Тлитоо и издал громкий крик, на который откликнулось множество вороньих голосов. Прежде

чем я успела что-нибудь сказать, они с Хлелой взвились в воздух. На полпути к пригорку к ним присоединились еще двадцать воронов, с карканьем летевших через равнину. Птицы принялись нападать на верховных, дергать за хвосты и за уши и долбить клювами – не шутливо, как с нами, а всерьез, чтобы пустить кровь. Верховные рычали и огрызались, но не сходили с холмика.

– Не помогает, – сказал Аззуен.

– Сейчас, – ответил Пелл и спустился с холма. На равнине он остановился, расставил лапы и громко завыл, а потом пустился что есть духу к верховным. Оба огромных волка, продолжая отбиваться от воронов, уставились на Пелла, сбежали с пригорка и помчались вдогонку. Я подумала: это не так уж отличается от охоты на тура.

– Он с ума сошел? – с несомненным восхищением в голосе спросила Марра.

– Он же Скалистый, – ответил Аззуен. – Они все ненормальные.

В любом случае смелости Пеллу хватало. Верховные неслись к нему, а он, вместо того чтобы броситься наутек, продолжал бежать навстречу. Лишь когда они уже почти столкнулись, Скалистый резко свернул вправо и побежал в лес. Верховные последовали за ним, но вороны мешали нагнать Пелла, и тот упорно держался впереди. Все трое скрылись в зарослях. Темное облако птиц летело по пятам.

– Вперед! – приказала я.

Мы спустились. Над нашими головами реяли вороны, шныряя туда-сюда, от рощи к пригорку. Я держала голову низко опущенной, чтобы меня не оглушило крылом и не зацепило когтем. Одного из воронов я узнала – это была Нлитса. Значит, она вернулась в Долину. Я попыталась догнать ее, но успела пробежать лишь несколько шагов, прежде чем Марра, сплошь мышцы и кости, налетела сбоку, очень больно, и сбила с ног.

– Что ты делаешь? – крикнула она.

– Там Нлитса, – ответила я. – Она знает, где моя мать!

– Потом, – сказал Аззуен. Он остановился, когда Марра опрокинула меня наземь. – Больше такого шанса не будет.

Я как главная имела право требовать повиновения. Но одного взгляда на решительную морду Аззуена и на сильное тело Марры, стоявшей надо мной, хватило, чтобы понять: они не подчинятся. И потом, Аззуен был прав.

– Ладно, – сказала я. – Пусти.

Марра вскочила, и мы побежали дальше, пока не достигли подножия пригорка. Мы плюхнулись наземь, чтобы нас не заметили верховные, если бы вдруг оказались поблизости.

– Следи, – велела я Марре. – И дай знать, если верховные вернутся.

Мы с Аззуеном поползли к норе, которую стерегли верховные. Как только мы достигли тайника, кучка земли у входа начала шевелиться. Мы оба застыли. В логове могло таиться что угодно. Верховный, который остался на страже, или медведь, или еще что-нибудь. Я оглянулась через плечо. Марра караулила, переводя взгляд от шевелящейся земли к зарослям, в которых исчезли верховные.

– Что будем делать? – спросил Аззуен.

Меня раздирали страх и любопытство. Пока мы нерешительно топтались на месте, земля приподнялась и рассыпалась, обдав нас грязью и веточками. Из ямы выскочил коренастый волк. Не верховный. Обычная молодая самка с почти белой, хотя и грязной, шерстью. Она приземлилась на все четыре лапы и немедленно зарычала, а потом удивленно подняла уши. Мы узнали друг друга одновременно.

– Борлла, – сказала я.

– Привет, медвежья еда, – ответила она. – Ты что тут делаешь?

Я с раннего детства помнила, что Борлла желала моей смерти. Мне едва исполнилось четыре недели, я была меньше и слабее других волчат Быстрой Реки, и Борлла подговорила двух щенков, Уннана и Реела, покалечить меня, чтобы я отстала от стаи. И у нее почти получилось. Пока мы росли, Борлла всегда задиралась. Сначала она пыталась внушить Риссе и Рууко, что я обуза, а потом – что я угроза для стаи. Я ненавидела ее. Даже после ухода Борллы не обошлось без неприятностей: когда она исчезла, некоторые волки в Долине сочли меня дрельшиком. Я бы куда больше обрадовалась, обнаружив в тайнике верховных голодного медведя или гнездо гадюк. Мы с Аззуеном и Маррой в ужасе уставились на Борллу.

– А ты что тут делаешь? – спросила я, когда наконец смогла заговорить. Аззуен и Марра продолжали молча смотреть на сестру, подняв уши. Марра завиляла хвостом, но тут же смутилась и замерла.

– Ухожу, – ответила Борлла, посмотрела через мое плечо туда, где скрылись верховные, и быстро потянулась – сначала лапами, потом спиной. Встряхнувшись, она пустилась бежать.

– Подожди, – сказала я, следуя за ней.

– Я пять лун не могла выбраться! – отрезала она. – И не собираюсь ждать, пока они придут! Что, по-твоему, безопаснее?

Аззуен и Марра поравнялись с нами.

– Сюда, – велел Аззуен, сворачивая налево, к холму, с

которого мы увидели тайник верховных. – Как ты сюда попала? И как выбралась? Мы решили, что ты умерла.

Борлла окинула его взглядом на бегу.

– А я и не думала, что ты переживешь зиму, – сказала она. – Год, должно быть, выдался сытный. Как видишь, я жива. Прости, что разочаровала.

Она припустила быстрее. Ноги у Борллы были длиннее, чем у нас с Аззуеном, так что приходилось мчаться во весь дух, чтобы не отставать. Мои мысли тоже бешено неслись. Неужели Борлла и есть секрет верховных? Ну нет.

– Борлла, что еще прячут верховные? Мы должны знать.

Она не ответила. Неудивительно, ведь мы с Борллой ненавидели друг друга одинаково. Мне захотелось опрокинуть ее, прижать к земле и все выпытать, но тогда мы бы оказались беззащитны, если бы вдруг вернулись верховные. Я посмотрела на Борллу и заметила, что, хотя она бежала быстро, правая передняя нога у нее была слегка согнута. Я подумала: «Может быть, и получится узнать что-нибудь про верховных».

– Что у тебя с лапой? – спросила я, стараясь говорить неравнодушно. Мы уже достигли подножия тополиного холма.

– Они ее сломали, – спокойно ответила Борлла, одолевая подъем, – когда я в первый раз попыталась убежать.

Марра резко выдохнула, я от удивления запнулась. Борлла окинула меня взглядом. Я и забыла, как надменно и оскорбительно она умела смотреть.

– Ты что, ничего не знаешь про верховных и про то, чего они хотят? Ты правда думала, что они позволят тебе оставаться человеческим штрекком? Просто поверить не могу, что половина Совета считает тебя спасителем волчьего рода! Они, наверное, совсем отчаялись.

Борлла осталась такой же высокомерной и себялюбивой, как раньше. Меньше всего я хотела, чтобы она вернулась в мою жизнь. Но Борлла явно что-то знала, раз уж ей было известно, что верховные говорили обо мне. Я не могла не попытаться.

– Что ты слышала? – пропыхтела я. На подъеме холм казался намного круче.

Мы, все четверо, остановились, достигнув вершины. Борлла не ответила. Она посмотрела направо и налево, решая, куда идти.

– Борлла, это важно, – настаивала я. – От тебя, возможно, зависит жизнь стаи.

Она резко развернулась и яростно сверкнула глазами.

– А какая мне разница, что с ними будет? Они меня бросили. Бросили в плену у верховных пять лун назад и не искали.

– Они старались, – ответила Марра – единственная, кто не

запыхался.

– Значит, недостаточно, – буркнула Борлла, холодно глядя на сестру. Из нас троих только к Марре она питала хоть какое-то уважение и в детстве не попрекала слабостью.

– Они долго тебя искали, – продолжала та. – Минн бегал по округе две луны. И Уннан все время пытался узнать, что случилось.

Борлла вздрогнула при имени Уннана. Я попыталась представить, каково это – надеяться, что кто-нибудь придет. Окажись я на ее месте, я бы каждый день ждала, когда же Аззуен и Марра меня разыщут.

– Это важно, – повторила я, внезапно ощутив жалость. – Вопрос жизни и смерти.

Борлла вновь покосилась в мою сторону. С Маррой она говорила с некоторым уважением, – но только не со мной.

– Знаешь, что сказали верховные, когда я попалась после первого побега? Что они переломают мне все четыре ноги и оторвут уши, если я еще раз попробую сбежать. Ты и понятия не имеешь, что такое вопрос жизни и смерти.

Я содрогнулась от отвращения. Я знала, что Милсиндра безжалостна, но даже не представляла, что верховные на такое способны.

Борлла с величайшим презрением посмотрела на меня и произнесла:

– Да что ты знаешь?!

Она бросилась вниз с холма, миновала короткую полоску травы и углубилась в густые заросли. Я потеряла ее из виду, а потом почти сразу же услышала, как столкнулись два тела, отчаянно зашаркали лапы, и кто-то взвизгнул.

Мы с Аззуеном и Маррой помчались в рощу. На маленькой полянке один из верховных прижимал Борллу к земле, а второй стоял над ней. Она отчаянно сопротивлялась под лапами огромного волка, но никак не могла вырваться.

– Все вместе! – крикнула я, совсем как Торелл, когда он хотел, чтобы мы одновременно бросились на тура. И это сработало. Мы с Аззуеном и Маррой разом прыгнули на волка, который удерживал Борллу. Я узнала обоих верховных. Галиндра и Сундру, которые охраняли тайник. Галиндра пошатнулась, когда мы налетели втроем, и Борлла кое-как поднялась на ноги. Я нырнула под живот Сундру, точь-в-точь как учил Торелл. Аззуен и Марра шныряли вокруг Галиндры. Борлла что есть сил укусила Сундру за бок. Верховные разъярились не меньше туров и делали точно такие же глупости. Мы сбили их с толку и ошеломили. Когда Пелл, вслед за которым с криками летели вороны,

выскочил на прогалину, верховные бежали.

– Уходите отсюда! – приказал Пелл. – Я их отвлеку.

Прежде чем я успела возразить, он помчался за верховными. Вороны реяли прямо над его головой. Я не верила своим глазам: он гнался за верховными волками! Борлла уже выбежала с полянки, а я стояла, ошеломленная тем, что мы сразились с двумя верховными и победили.

– Шевелись, Каала! – крикнул Аззуен.

И я побежала.

Мы бросились по следу Борллы и нагнали ее там, где лес пореже. Я заметила, что Борлла хромает и двигается гораздо медленнее, чем раньше.

Мы бежали через лес, пока даже Марра не начала задыхаться. Нам пришлось остановиться на отдых в сосняке. У Аззуена тяжело вздымалась грудь, а язык свисал чуть ли не до земли. Борлла дышала коротко и прерывисто. У меня саднило в глотке, и, услышав звук текущей воды, я поняла, как же хочу пить. День стоял прохладный, но мы завалили двух туров и подрались с верховными, не выпив за все это время ни глотка. Ручей тек где-то под холмом. Я чувствовала запах свежей, прохладной воды. Борлла бежала впереди, пока мы удирали от верховных, но теперь она, Аззуен и Марра последовали за мной, когда я отправилась на поиски ручья.

Ручей был холодным, от него вкусно пахло сырым лесом и рыбой. Мы жадно глотали воду, и я едва успела остановиться, прежде чем брюхо раздулось, мешая бежать. Я огляделась. До сих пор я слепо шла за Борллой, надеясь убраться как можно дальше от верховных. Я поняла, что она вела нас на юг, прочь от наших людей и от стаи. Нужно было вернуться.

Аззуен и Марра лежали, переводя дух. Они еще не отдохнули, но медлить я не могла – я собиралась рассказать Тореллу о том, что мы нашли, и хотела убедиться, что с Пеллом все в порядке.

– Пошли, – сказала я. – Мы уходим.

Я не жаждала видеть Борллу в нашей компании, но в то же время меня мучила бы совесть, если бы ее вновь поймали верховные. Я решила: пусть идет с нами, если захочет.

– Каала, подожди, – позвала Борлла дрожащим голосом. Я вспомнила испуганное выражение на ее морде, когда она лежала, прижатая к земле лапами Галиндры.

Я неохотно остановилась и повернулась. Она смотрела с неприязнью, как будто припасла очередное оскорбление.

– Ты мне помогла, – произнесла Борлла. – Иначе я ничего бы не сказала.

Я подождала. Наверху послышался нетерпеливый шелест. Я

подняла голову и увидела Тлитоо, который смотрел на нас с дуба, держа в клюве пучок светлого меха.

Борлла негромко зарычала.

– Знаешь, зачем верховные меня притащили?

– Потому что они вымирают. Им нужна новая кровь, чтобы продолжить род, – ответил Аззуен. – Поэтому верховные похитили и волка из стаи Озера Ветров, ведь так? Иначе я просто не понимаю…

Борлла удивленно уставилась на брата. Она проводила мало времени с Аззуеном и не знала, как быстро он соображает.

– Они перестали рожать щенков, – сказала Борлла. – Больше сотни лун у них не было волчат, и верховные, способные вынашивать щенков, стареют. Одни не прочь спариться с малыми волками, чтобы сохранить род. Другие думают, что верховным пора вымереть. А третьи считают, что в живых надо оставить только нескольких малых волков, чтобы размножаться, а остальных убить.

Я не удивилась, узнав, что верховные пытались создать новую породу. Тлитоо говорил, что они вымирают, а в конце осени Франдра и Яндру намеревались вывести меня из Долины, чтобы смешать мою кровь с кровью других волков. Но я удивилась, когда услышала, что, по мнению некоторых верховных, им пришло время вымереть.

– А что случилось с волком из стаи Озера? – спросила я. Как похоже на Борллу – сбежать и бросить товарища по несчастью.

– Его звали Ивван, – ответила та. – Нас держали вместе несколько дней, а потом верховные его забрали. Не знаю, что с ним сталось.

Она взглянула на меня с отвращением.

– Они все время говорят о тебе, Каала. О том, кто ты такая – спаситель или губитель волчьего рода? Они спорят, как ты распорядишься судьбой малых волков – жить им или нет? Каждые пол-луны они проводят какой-то обряд и просят наставления у Древних. Вот почему сторожить остались только двое верховных. Остальные ушли на обряд. Я слышала, как Кивдру говорил с одним из молодых. Только старшим верховным разрешено в нем участвовать. То, что они делают, слишком важно, чтобы рассказывать молодым. Кивдру сказал, они жуют сонную траву и вспоминают предначальные времена – эпоху верховного волка Индру. Они ищут ответов в прошлом…

Она тревожно посмотрела через плечо и заговорила быстрее:

– Верховные ждут какого-то странника, который способен заглянуть в прошлое. Они говорят, он поможет им узнать, как выжить и остаться вожаками волчьего рода. Пока верховные его

не найдут, они будут искать совета в памяти предков.

– Куда они ходят? – спросила я.

Я буквально чувствовала пронзительный взгляд Тлитоо у себя на затылке. Странник – это, конечно, был он, и Лидда сказала, что дар Нейякилакина способен открыть правду, которую скрывают верховные. Я бы не отказалась проникнуть в воспоминания предков.

Я думала, Борлла не ответит, но она ворчливо сказала:

– Не знаю. Но когда они возвращаются, от них всегда пахнет сонной травой и землями Быстрой Реки… – Она понуро опустила уши и хвост. – От них пахнет домом.

– Ты слышала что-нибудь еще? – спросила я.

– Я проторчала в плену пять лун. Как ты думаешь? – огрызнулась Борлла.

– Что еще ты знаешь? – спросил Аззуен.

– Ничего. Они вот-вот будут здесь.

Меня снова охватило желание прижать Борллу к земле и вызнать правду. Но верховные и впрямь могли напасть в любой момент, и Борлла ничуть не меньше нашего имела право делать то, что считала нужным.

– Спасибо, – произнесла я, сдерживая гнев.

Борлла не ответила – она просто развернулась, чтобы уйти.

– Борлла, – сказала я. – Уннан в стае Озера Ветров. Он ушел из Быстрой Реки. Из-за того, что случилось с тобой.

Она помедлила, а потом повернулась и коснулась носом моей морды.

– Удачи, медвежья еда, – произнесла она и скрылась в лесу.

Тлитоо спрыгнул с дуба, с шумом приземлившись на берегу ручья, и выплюнул клочок шерсти.

– Скалистый в порядке, – прокаркал он, прежде чем я успела спросить. – Он побежал к своей стае, чтобы рассказать про тайник. Двое злюковолков вернулись на холмик. Они очень злы. Давай поищем другое тайное место.

– Нлитса что-нибудь сказала про мою мать? – спросила я.

– Нет, волк. Пора идти, сейчас же. – Тлитоо посмотрел на меня, открыл клюв и часто задышал. Сердце ворона под гладкими перьями на груди быстро колотилось.

Я не возражала. Я понятия не имела, сколько у нас времени, прежде чем верховные закончат обряд. Мы не могли ждать еще пол-луны.

– Нам не обязательно быть у упавшего дерева в сумерки, – сказала Марра. – Времени еще хватит.

– Его не так уж много, – заметил Аззуен. – Как только Галиндра и Сундру расскажут остальным про Борллу, верховные

захотят с нами поговорить.

– Это уж точно, – сказала я. Верховные не знали, что мы проведали про обряд. Зато вскорости им предстояло услышать, что мы помогли Борлле сбежать, и они бы точно не обрадовались. Если уж мы решили повидать обряд верховных, нужно было отправиться на поиски немедленно. Впрочем, Аззуена и Марру я бы предпочла оставить в другом месте. Я не хотела, чтобы они видели, что делаем мы с Тлитоо. Я собиралась сказать: «Давайте разделимся», – когда увидела Хлелу, быстро летевшую над водой. Она приземлилась, заскользила и врезалась в Тлитоо.

– Ты нужна, Лунная Волчица! – каркнула она. – Случилось кое-что важное.

– Что? – нетерпеливо спросила я. Мне предстояли поиски места, где верховные проводили свой обряд, а у воронов зачастую бывали странные представления о важном и неважном.

– У твоей девочки неприятности. Иди к ней.

Я не стала задавать вопросов и побежала к пастбищу туров.

Верховным придется подождать.

Глава 17

Хватило одного взгляда на людей, чтобы понять, что имела в виду Хлела. Даже с верхушки тополиного холма я разглядела, что в племени заварушка. Люди не дрались и не кричали, но что-то в осанке Халина и в плечах Тали говорило о том, что дело неладно. Остальные стояли вокруг саней, уже нагруженных мясом, или срезали остатки с костей, как всегда после охоты, но двигались скованно и не сводили глаз с вожака и девочки.

Мы бегом спустились с холма, держась под прикрытием тополей и низкорослых кустов. Когда мы добрались до нашего наблюдательного места на краю равнины, я с удивлением обнаружила Праннана, молодого Мышееда. Он ждал нас там, где заросли заканчивались.

– За мной прилетели вороны, – сказал он. – Они велели постеречь людей, пока вы не придете, вот я и прибежал. Один из людей дал мне мяса!

Все еще пораженная его присутствием, я ткнулась носом в морду Праннана в знак благодарности и повнимательнее посмотрела на племя. Кили и ее спутника я не видела, а остальные, казалось, старательно избегали Халина и Тали.

– Что тут творится? – спросила я у Праннана.

– Тот, кого зовут Халин, зовет племя на территорию, которая называется «земля племени Алн», – ответил он. – Там пасется небольшой табун лосей, и он намерен перебить их, прежде чем придет племя Алн. Он хочет перебить всех лесных свиней, бескрылых птиц и мелкую дичь на чужих землях – не помню, как называются те племена, – пока другие люди не поняли, что крупная дичь уходит. Халин решил добыть как можно больше дичи, опередив остальных. И он требует, чтобы ты ему помогла. Твоя девочка пытается вмешаться… – Он остановился, чтобы набрать воздуха. – Она говорит, что это противоречит учению криан и законам Равновесия.

Люди, предоставленные самим себе, убьют все, до чего дотянутся. Тали выпала непростая задача.

– А еще племя Вен, – добавил Праннан, – которое охотится на мелкую дичь. Мне пора, Каала. Я должен вернуться к стае.

Я удивленно моргнула, по-прежнему не веря, что он пришел помочь.

– Спасибо, – сказала Марра, не дождавшись моего ответа.

Праннан кивнул и скрылся в лесу. Когда его хвост исчез в густых кустах, я увидела, что Франдра и Яндру вернулись, – они лежали, опустив головы на лапы, и наблюдали за людьми.

Интересно, сколько они пробыли здесь и не видели ли, как мы бежали по тополиному холму? Голос Тали привлек мое внимание к происходящему на равнине.

– Нельзя перебить всю дичь, – ровным голосом объясняла девочка. Она стояла спиной, но напряженные плечи показывали, как трудно ей сохранять спокойствие.

Халин нахмурился. В отличие от Тали, он не старался скрывать недовольство.

– Некогда слушать чушь! Мы следовали воле криан, – он презрительно выплюнул это слово, – слишком долго. Тонлин говорил с Древними, и они сказали, что мы можем охотиться где хотим. Давриан говорит то же самое. Старуха бы нам не позволила, но она слишком стара, чтобы помешать.

– Я займу место бабушки, – возразила Тали. – Ты же знаешь, что надо выполнять наставления криан. Мы должны поддерживать Равновесие.

– Нет! Дичи мало. Если сейчас мы не добудем как можно больше мяса, начнется голод.

– У племени будет достаточно еды. Я об этом позабочусь, и волки мне помогут.

Она взглянула через плечо. Я не знала, заметила ли она нас, а потому подошла и прижалась к ноге Тали. Халин не обратил на меня внимания.

– Если мы перебьем всех животных в долине, то нарушим Равновесие на многие годы, – продолжала Тали. – Если охотиться не в меру, у дичи не останется молодняка. Это плохо.

Халин стукнул тупым концом копья по земле, и оно сломалось. Он выругался и отшвырнул его.

– Отныне племя Риан не станет слушать старых криан. И племя Вен тоже. Они берут что хотят, и мы последуем их примеру. Завтра мы убьем лося. Ты приведешь своих волков, Тали, и они нам помогут.

– Нет, – негромко ответила она. – Не приведу.

– Приведешь! – прикрикнул Халин, теряя терпение. Он придвинулся ближе и зашипел девочке на ухо: – Если послушаешься – так и быть, называй себя крианой и выбирай мужа по своему желанию. Ты поможешь племени добыть столько еды, сколько нужно! Ты приведешь волков охотиться с нами утром, или я свяжу тебя, отнесу в племя Риан и оставлю там.

Вожак развернулся и зашагал к саням, полным мяса, как будто не сомневаясь, что ему повинуются.

– Пойдем, Серебряная Луна, – сказала Тали, тихонько отступая к зарослям, где ждали Аззуен и Марра. Я заметила краем глаза какое-то движение, посмотрела вдаль и увидела, что

Франдра и Яндру встали. Я пошла с Тали. Когда она скрылась с глаз племени за деревьями, то упала на колени. Мы с Аззуеном и Маррой прижались к девочке, чтобы утешить.

– Я вернусь к бабушке, – прошептала Тали. – Пойдем со мной, Серебряная Луна.

Она встала и пустилась бегом.

– Нам надо туда, где верховные видят сны, – каркнул Тлитоо, нависая надо мной. – Прежде чем верхозлюки проснутся.

Я это знала. Чтобы добраться до жилища Ниали, предстояло сделать изрядный даже для волка крюк, который у Тали бы занял еще больше времени. Мне было надо увидеть обряд верховных, отнести мясо стае, найти Нлитсу и выяснить, что она узнала о моей матери.

– Останусь с Тали, пока она не будет в безопасности, – сказала я.

Повернув голову на шорох, я увидела, что Франдра и Яндру отступают в заросли. У меня мелькнула мысль подойти к верховным и узнать, видели ли они нас на тополином холме, но времени не было. Если они захотят с нами поговорить, то сами найдут.

– Спрячь остальное мясо, потом отнесем его стае, – велела я Марре. – И догоняй.

Мы с Аззуеном последовали за Тали. Мы бежали так быстро, как могла девочка, пока не оказались далеко от Западных Равнин и племени Лин. Тали перешла на трусцу и вновь заговорила:

– Риан и Вен хотят избавиться от криан, но Лан и Алн верят в старые законы. Другие племена сомневаются…

Она остановилась и, совсем как мы, склонила голову набок, услышав шорох в кустах.

– Это только Марра, – сказала я, хотя и знала, что Тали не поймет.

– Нет, не только, – заметила та, выскакивая из можжевельника. Ветер донес запах мужчины из племени Риан.

– Давриан преследует нас, – прошипела Тали. – Я знаю, это он. Он, наверное, прятался в кустах, как змея… он и есть змея! Не хочу, чтобы он знал, где живет моя бабушка, Серебряная Луна.

Я лизнула ладонь девочки, чтобы показать, что поняла.

Тлитоо сел на низкую ветку.

– Этот увалень скоро будет здесь, волки.

– Пошли, – сказала я Аззуену и Марре.

Я побежала в ту сторону, откуда доносился запах Давриана и треск кустов. Он страшно шумел, продираясь через заросли и надеясь застать Тали врасплох. Тем проще было его найти.

Мы настигли Давриана, когда он перелезал через два дерева,

лежавших на краю пологого склона, который заканчивался густо заросшим оврагом. Давриан окинул взглядом деревья и соскочил наземь, подпрыгнув гораздо выше необходимого, как будто из желания показать, на что он способен. Он был сильным и подвижным, как молодой волк, но очень неуклюжим. Он приземлился, потеряв равновесие.

– Не причиняйте ему вреда, – приказала я. – Просто задержите на некоторое время.

– Запросто. – Аззуен ухмыльнулся и прыгнул Давриану на грудь, а Марра бросилась под ноги. Давриан приземлился прямо на пятую точку, и Аззуен тут же отскочил. Давриан быстро поднялся на ноги, но я толкнула его в спину, а Тлитоо громко каркнул и захлопал крыльями над головой. Человек споткнулся, поскользнулся на сосновой хвое и почти изящно съехал вниз по склону. Марра вскочила на груду веток и сбросила их на Давриана. Ветки были относительно небольшие и вряд ли могли причинить серьезный вред. Тлитоо стоял на краю обрыва и швырял в противника сучки и сосновые шишки.

Издав торжествующий взвизг, я бросилась за Тали. Девочка мчалась что есть духу, когда мы ее догнали. Чтобы оказаться вне досягаемости Давриана, до того как он выберется, надо было не сбавлять скорости. Я боялась, что Тали недостаточно быстрая и что она не сможет долго бежать, но длинные ноги легко несли девочку через лес. Даже когда она перешла на трусцу, мы покрыли немалое расстояние, прежде чем наконец она остановилась, тяжело дыша, у входа в жилище Ниали.

Тали отдышалась, подняла оленью шкуру, загораживавшую вход, и впустила нас первыми в укрытие. Ниали удивленно подняла голову, когда мы вошли, но Тревегг уже заслышал наше приближение и ждал прямо у входа.

– Что случилось? – спросил он, когда Тали плюхнулась наземь рядом с бабушкой, а потом принюхался и недоверчиво воскликнул: – От вас пахнет Борллой!

Пока Тали говорила с бабушкой, мы рассказали, что люди решили перебить всю дичь и что мы встретили Борллу. Казалось, женщина пыталась слушать собравшихся одновременно. Тревегг очень обрадовался, узнав, что Борлла жива, и, несомненно, хотел задать нам не один вопрос, но тут заговорила Ниали, и мы стали слушать.

– Дела плохи, – сказала криана, – но я не удивлена. Халин всегда был тупицей, даже в детстве.

Тлитоо просунул голову в отверстие для дыма.

– Злюковолки идут сюда. Их уже слышно. А мы еще должны найти место, где они смотрят сны! – Он склонил голову направо,

потом налево. – Сейчас вернусь.

Он скрылся, и я услышала шум крыльев.

– Франдра и Яндру обещали прийти сегодня, – продолжала Ниали. – Они что-то хотели рассказать.

– Им уже известно, что Халин хочет перебить всю дичь, – сказала я, – но они пока не знают, что мы нашли Борллу…

У меня перехватило горло, когда я вспомнила, как они лежали и наблюдали на краю равнины.

– То есть я надеюсь.

Ниали побарабанила пальцами по шкуре, укрывавшей ее ноги.

– Скоро выясним. Думаешь, этот обряд волков-криан настолько важен, Серебряная Луна?

– Да, – ответила я. – Если они так таятся, значит, он важен.

– Борлла сказала, они никогда его не пропускают, – добавила Марра. – Они ходят на потайное место каждые пол-луны. Надо узнать, чем они там занимаются.

– Согласен, – заметил Тревегг. – Если они проводят обряд втайне, хотел бы я знать о нем побольше.

– И я, – согласилась Ниали. – Как только разведаете, возвращайтесь. Что бы ни случилось, криан за пределами Долины тоже нужно предупредить.

Она повернулась к Тали. Девочка смотрела то на нас, то на бабушку. Она знала, что Ниали разговаривает с волками так, как не умеет она. Женщина улыбнулась.

– Я научу тебя понимать твоих друзей, – пообещала Ниали. – Жаль, что не сделала этого раньше, но я не знала, что времени так мало.

Старая криана повернулась ко мне.

– Если ты собираешься следить за волками-крианами, тебе придется скрыть свой запах. Тали, дай, пожалуйста, уийин.

По крыше заскребли вороньи когти. Тлитоо вернулся. Он рухнул в дымоход и приземлился рядом с Ниали.

– Они близко! – каркнул он и опять вылетел через дыру.

Ниали кивнула девочке. Та молча встала, подошла к одной из глиняных стен жилища и вытянулась в полный рост, чтобы достать с высокой деревянной полки сухую тыкву. Я узнала запах уийина – мази, сделанной из аронии, трав и древесного сока, которая скрывала запах волка или человека. Тали однажды испробовала уийин на мне, когда мы следили за верховными.

Я хотела поговорить с Тревеггом, сказать ему, что обряд верховных проходит где-то на наших землях, посоветоваться, каким образом известить стаю, но было некогда, если верховные действительно подошли близко и могли нас услышать. Возможно,

у меня разыгралось воображение, но я поклялась бы, что слышу их дыхание за стеной.

Тали зачерпнула немного уийина из горлянки и села рядом со мной. Ниали взяла остальное и подозвала Аззуена и Марру. Я стояла спокойно, пока Тали натирала мазью мою шкуру, и наслаждалась прикосновениями ее рук. Когда мы все трое были покрыты слоем липкой смеси, Тали убрала тыкву обратно на полку и снова опустилась наземь.

– Тали, останься на несколько ночей со мной, – сказала Ниали. – Пусть Халин успокоится и поймет, что без тебя и твоих волков он будет голодать. Тогда ты вернешься и предложишь ему помощь – как криана и на твоих условиях. Больше не делай глупостей и не спорь с ним прямо, от этого он только злится и лезет в бой. – Она усмехнулась. – Я должна была предвидеть. Если Халин все-таки откажет, ты пойдешь в племя Лан и станешь их крианой.

Я тревожно фыркнула. На ожидание могло уйти пол-луны. Времени у меня не было.

– Я понимаю, что тебе не терпится, Серебряная Луна, – с упреком сказала женщина, – но ты дала обещание. Если мы выполним задание верховных волков, то сможем покинуть Долину когда угодно.

Я и без напоминаний знала, что случится, если мы не справимся. Нас ждала гибель. Я склонила голову.

– Но у меня ничего не получилось, – тихо, с отчаянием произнесла Тали. – Халин не станет слушать, пусть мы и охотились на туров с волками. Он говорит, что больше не станет жить по-старому.

Ниали протянула руки, и девочка подошла к ней. Я последовала за Тали, и Марра с Аззуеном расступились, позволяя мне втиснуться между крианой и ее внучкой. Ниали погладила Тали по голове.

– Ты неправильно понимаешь обязанности крианы, – ответила женщина. – Дело не в обрядах, которые ты совершаешь, и не в том, каково твое место в племени. Главное – поступать правильно, чтобы те, кто следует за тобой, не забывали, что они – часть окружающего мира. Раньше крианы слушали верховных волков и передавали их слова остальным людям. Вы с Серебряной Луной нашли новый способ, и никто пока не знает, что из этого получится. – Ниали легонько оттолкнула меня, чтобы коснуться обеими руками лица Тали. – Но вот что я знаю твердо: криана – это не титул, который дает тебе вождь племени, а выбор, который ты делаешь сама. Ты отказалась нарушить Равновесие, пусть даже Халин взамен пообещал назначить тебя крианой. Ты не потерпела

поражение – ты проявила качества настоящей крианы, и я горжусь тобой.

Тали расслабилась, обвила руками бабушку и крепко прижалась к ней. Лицо Ниали было прямо передо мной, и я лизнула ее в щеку. Женщина рассмеялась, села на груду шкур и обратилась ко мне:

– Думаю, вам троим пора.

– Я останусь, – сказал Тревегг. – Когда стая велела вам вернуться?

– На закате, – ответила Марра.

– Тогда идите.

Я хотела предупредить, чтобы он не доверял Франдре и Яндру, и спросить, что, по мнению Тревегга, представлял собой обряд верховных. Но было некогда. Верховные волки могли нас услышать.

– Я волнуюсь за Тали, – шепнула я. – За них обеих. Халин сказал, что силой отведет ее в племя Риан. Мне боязно оставлять девочку.

– Я понимаю, – сказал Тревегг. – Ступай, Каала, я буду защищать Тали до конца.

– Не сомневаюсь. – Я коснулась носа старого волка. Оставалось лишь надеяться на лучшее.

Мы с Аззуеном и Маррой вышли из жилища крианы и увидели, что Франдра и Яндру уже выбираются на прогалину. Вновь от них не пахло волком. Я была рада, что мы не стали распространяться о наших планах и об обряде верховных. Если бы не Тлитоо, им ничего не стоило подкрасться и услышать.

– Как вы это делаете? – спросил Аззуен. – Как скрываете свой запах?

– Это секрет верховных волков, – ответил Яндру, высоко задрав нос. – Мы говорим с Древними и с деревьями. Они нас научили.

– Ха! – Тлитоо спрыгнул с крыши жилища. – Вы валяетесь в чернике, в болотной грязи, на тисовой коре и чьем-нибудь помете. Я видел.

Яндру уставился на ворона, раздраженно фыркнул и обернулся ко мне. Если он и учуял запах уийина, то ничего не сказал.

– Идем, – велел он.

Мы последовали за верховными волками в густые заросли. Я боялась, что они подслушали разговор об обряде или видели нас на тополином холме и догадались, что мы обнаружили тайник, но когда верховные заговорили, то лишь о Тали.

– Девочка должна стать крианой, Каала, – сказал Яндру.

– Да, – с облегчением ответила я.

– Совет за ней наблюдает, – добавила Франдра. – Если она не справится, Равновесие может нарушиться.

– Да, – повторила я, и облегчение быстро сменилось досадой. И тревогой. Я беспокоилась с тех самых пор, когда Ниали намекнула, что, возможно, отошлет Тали в племя Лан. Даже если Лан защитили бы Тали и позволили ей стать крианой, понадобилось бы время, чтобы племя научилось охотиться с волками, особенно в отсутствие Брелана. А значит, даже если бы мы преуспели, то провозились бы слишком долго, доказывая другим стаям, что мы способны ладить с людьми. Слишком долго, чтобы я успела найти свою мать.

– Она знает, злюковолки, – подтвердил Тлитоо. Верховные не обратили на ворона внимания.

– Ты понимаешь, что если верх одержат люди, которые желают власти над природой, то ни ты, ни твоя стая ничего не поделаете?

– Да.

Даже если люди Лан продолжали придерживаться старых обычаев, в Долине жили еще три племени, которые не желали больше слушать криан, и нам предстояло победить вопреки им. Верховные не открыли мне ничего нового. Зачем они пытались испортить настроение еще сильнее?

– Хорошо, – сказала Франдра. – Тогда мы кое-что тебе покажем.

Мы пошли обратно почти по той же тропе, по которой Тали отвела нас к Ниали. Добравшись до оврага, куда мы сбросили Давриана, я помедлила.

– Что они собираются делать? – шепнул Аззуен.

Я не знала. Хвост Франдры исчез в зарослях, и я последовала за ней. Она остановилась у двух упавших деревьев, где мы перехватили Давриана.

– Смотри, Каала, – сказала она, носом указывая в овраг.

Давриан все еще был там. Вопреки моим ожиданиям он не выбрался. Ветки, которые сбросила на него Марра, оказались тяжелее, чем мы думали. Давриан не пострадал, но угодил в ловушку. А потом я увидела, на что показывала Франдра. Я думала, что овраг сходил полого до самого низа, но на самом деле он обрывался, превращаясь в отвесное ущелье, в полушаге от того места, где лежал Давриан.

– Этот человек убедил вожака племени Лин, что Тали нельзя становиться крианой. Если он умрет, твоя девочка может одержать верх, убедив вожака, что в ней – спасение людей.

Тлитоо спорхнул вниз, посмотрел на Давриана и вернулся.

– Он не ранен, – сказал ворон, – но сам не выберется. Впрочем, сейчас придут другие.

– Каала, достаточно толкнуть справа вон ту ветку, на которой он лежит. И тогда кусок земли вместе с человеком рухнет в ущелье. Никто не догадается, что это сделал волк. Никто ничего не узнает, все подумают, что он сорвался случайно.

Мне стало дурно. Я лишь хотела, чтобы Давриан от нас отстал. И тут до меня дошел смысл слов Франдры. Если Давриан умрет, он не станет крианом и не потребует Тали себе в спутницы, и тогда она, вероятно, будет крианой в собственном племени. Мы получим шанс быстро добиться успеха с людьми, и я покину Долину, чтобы разыскать мать.

– А почему вы сами его не сбросили? – спросила я у верховных.

– Это не наше дело. Он – твой враг. Выбор за тобой.

Давриан с ненавистью посмотрел на меня. Я вспомнила, как он ударил Тали. Если племя Лан не сумеет защитить девочку, Халин откажется признавать ее крианой и принудит стать спутницей Давриана. Но Тали скорее умрет, чем согласится. Полные злобы глаза человека устремились в мою сторону. Было так легко его убить…

– Нет, – сказала я. – Я не могу. И не важно, что никто не узнает. Я не хочу нарушать закон Широкой Долины.

Аззуен резко выдохнул.

– Дрельшан, – негромко сказал Яндру.

– Что? Что это значит? – спросил я. – Что такое дрельшан?

Меня уже называли «дрельшик», но никогда – «дрельшан».

Яндру не ответил.

– Ступай к своей стае, волчица, – приказал он. – И уговори их последовать за тобой.

Он кивнул Франдре, они повернулись и побежали в лес. Когда я перевела дух и собралась с мыслями, верховные уже исчезли из виду. Послышались голоса приближающихся людей.

– Надо идти, Каала, – сказал Аззуен.

– Жаль, – буркнул Тлитоо. – Хотел бы я попробовать человечий грезлин.

Я услышала над головой какой-то шум и увидела на дереве вороний силуэт. Старый ворон, который до сих пор сопровождал нас, смотрел на меня. Убедившись, что я его заметила, он громко каркнул и улетел.

Тлитоо подскочил ко мне и клюнул в переднюю лапу. Я взвизгнула.

– Шевелись, волчишка!

– Ладно, ладно, – ответила я, лизнув больное место.

– До темноты меньше двух часов, – заметила Марра. – Придется разделиться.

Я обрадовалась, потому что по-прежнему не хотела рассказывать Марре и Аззуену о том, что мы с Тлитоо проделывали вместе. Я велела Марре пойти берегом реки, а Аззуену отправиться на западную часть земель Быстрой Реки.

– Если что-нибудь найдете, не войте, – наказала я. – Встретимся на закате у упавшего дерева и тогда решим, что делать.

Но я не сомневалась, что они ничего не найдут. Я знала, где проходил обряд верховных. Борлла сказала, что они собирались на нашей территории, там, где пахло сонной травой, а Лидда упомянула древний тис. На землях Быстрой Реки было только одно место, где росли старый тис и сонная трава, – холм Волкоубийца.

Глава 18

Волкоубийца заслужил свое название, потому что волки часто срывались с его крутых склонов и разбивались об острые камни внизу. Ходили легенды, что на холме обитают злые духи волков, которые здесь погибли, и никто из нас не ходил туда без крайней необходимости. Я подумала: «Если это – потайное место верховных, то они, возможно, сами сочинили мрачную легенду».

Я быстро добралась до Волкоубийцы, но Тлитоо всю дорогу меня подгонял и клевал, если я хотя бы немного замедляла шаг. Поэтому когда я незадолго до сумерек добежала до холма, то совсем запыхалась. Я невольно вспомнила последний – и единственный – раз, когда побывала здесь. Мы с Аззуеном и Маррой прятали на вершине холма оленину и случайно подслушали разговор Скалистых, которые собирались напасть на людей. В тот день мне пришлось уйти из стаи – и в тот же день я обнаружила, что верховным волкам нельзя верить.

Я знала, где росла сонная трава. Я видела ее, когда была на холме. Примерно на полпути к вершине я свернула на тропку, ведущую по узкому карнизу. Слева возвышался Волкоубийца, справа шел поросший травой склон, уходивший в лес. Я приостановилась, достигнув поворота, легла на брюхо и поползла вперед. Тлитоо, непривычно тихий, мелкими шажочками двигался рядом. Я обогнула поворот и посмотрела влево, где тропа внезапно обрывалась. Внизу лежали острые смертоносные камни. Как будто какой-то гигантский голодный зверь вырвал из холма огромный кусок. Волк, несущийся по тропе бегом, запросто мог свалиться и погибнуть.

Медленно переставляя лапы, я ползла по самой кромке. Высунув из-за края нос, я почуяла сонную траву, опустила морду и посмотрела через край. Сонная трава кустиками росла между камней, а поближе к холму, скрытые от посторонних взглядов, спали верховные волки.

Я тихонько вздохнула. Отчасти я надеялась, что ошиблась, что никого не найду, что мне не придется лежать рядом со спящим верховным в попытке проникнуть в его сны. Теперь, когда я их увидела, выбора не оставалось. Даже если бы я решила сбежать, Тлитоо бы не позволил.

Я повнимательнее посмотрела на неподвижных верховных. Почти все они спали бок о бок. Я заметила Милсиндру, Зориндру и многих незнакомых. А чуть в стороне, у самого густого кустика, лежал Кивдру, спутник Милсиндры. Не лучший вариант, но сойдет.

Тлитоо, видимо, подумал о том же. Он спрыгнул с тропы и приземлился на расстоянии нескольких волков от Кивдру. Вороньи крылья сильно шумят, и он, видимо, боялся разбудить верховных. Он подошел к Кивдру и посмотрел на меня.

Я заглянула в ущелье. На предательски узкой тропке, извивающейся между камнями и кустами, в пыли виднелись огромные отпечатки лап. Должно быть, именно этим путем спустились верховные. Медленно и осторожно я поползла по крутому склону, стараясь двигаться по следам. Отпечатки располагались слишком далеко друг от друга, и я, как правило, в них не попадала. Я уже проделала полпути, когда пришлось перепрыгнуть через камень, через который верховные просто переступали. Я приземлилась в сухую пыль, начала скользить и уперлась передними лапами в землю. Это было ошибкой. Я перекувырнулась через голову и кубарем покатилась с холма. До меня дошло, что именно так тут и погибали волки. Перепугавшись, я вытянула все четыре лапы, сильно ударилась мордой и глубоко поранила подушечку об острый камень – но все-таки сумела остановиться, не укатившись дальше. Краем глаза я заметила какое-то движение. Один из верховных волков поднял голову. Я застыла и уставилась на него. Проснувшийся Зориндру обратил ко мне свои светлые глаза. Я не сомневалась, что он разбудит остальных или по крайней мере подойдет. Но несколько ужасных мгновений он просто смотрел, и я была готова поклясться, что на морде старого волка мелькнула улыбка. Зориндру опустил голову.

Я выдохнула. Кивдру и Тлитоо находились на расстоянии двадцати волков от меня. Я захромала к ним, ожидая, что Тлитоо съязвит насчет моего неуклюжего спуска, но он просто вспрыгнул на спину Кивдру и моргнул.

– Скоро сумерки, волк.

Я не ответила. Незачем было шуметь больше необходимого – и незачем медлить. Оставалось лишь верить, что уийин скроет мой запах и что Тлитоо предупредит, если Кивдру начнет просыпаться. Я улеглась рядом и осторожно прижалась к волку. Меня трясло, и я не сомневалась, что моя дрожь разбудит верховного, но тот крепко спал. Тлитоо прошелся по широкой спине Кивдру и прильнул головой ко мне.

Я сомкнула веки и, как обычно, почувствовала, что падаю, а потом отдалась на волю холодного потока и подождала, пока нос не привык к отсутствию запахов. Я открыла глаза, готовая проникнуть в сон Кивдру, но увидела только темноту и ощутила невероятные грусть, обиду и гнев. Я отстранилась и вновь оказалась на Волкоубийце, испытывая легкую тошноту от

отчаяния и ярости, которые мучили Кивдру. В горле пересохло, я несколько раз сглотнула, чтобы его увлажнить, и посмотрела на Тлитоо. Он сосредоточенно щурился, и перья на шее у ворона стояли дыбом. Я снова закрыла глаза, пытаясь увидеть сон Кивдру, но напрасно.

Я ткнула Тлитоо носом и шепнула:

– Не получается.

– Знаю, волк, – хрипло отозвался тот. Знакомый ядовитый тон успокоил меня.

Я боязливо оглядела поросшую сонной травой полянку. Зориндру уже проснулся. Вдруг проснется еще кто-нибудь?

– Может быть, пойдем? – предложила я.

– Тихо, волк. Есть одна мысль. Попробуй еще раз.

Я опять закрыла глаза и изо всех сил прижалась к верховному. Темнота поплыла, и я ощутила тошноту, когда мир вокруг завертелся.

– Ха! – сказал Тлитоо. – Получилось.

Я открыла глаза. Мы оказались в Каменном Круге. Это был Инехалин. И нас ждал волк.

Огромный волк, хотя и не такой большой, как верховные, – примерно ростом со Скалистого, с обычной светло-серой шерстью, но глаза у него блестели ярким серебром, как ни у одного другого волка, а кончики ушей как будто терялись в ярком свете. Рядом стоял ворон – тот старый ворон, который следовал за мной. Но сейчас он казался молодым и сильным, и его глаза серебрились так же, как у волка.

– Думаю, ты ищешь именно меня, – сказал волк.

– Кто ты? – быстро спросила я, прежде чем знакомый холод успел сковать челюсти.

– Тот, кого они видят во сне.

– Индру?

Он склонил голову.

– Я Индру, – произнес он тоном самого обычно волка, знакомящегося с равным.

Мои замерзшие уши прижались к голове сами собой.

– А это мой друг Хралзу, – добавил Индру, кивком указывая на ворона.

– Он ведь живет в обоих мирах, – заметил Тлитоо. – Как такое может быть?

– Но ведь ты делаешь то же самое, – ответил волк. – Тебе нужно многому научиться, Нейякилакин, но сейчас не время. Молодая волчица должна кое-что увидеть, а ты знаешь, что ей нельзя долго здесь оставаться. Идемте.

Он развернулся и зашагал в заросли, окружавшие Каменный

Круг. Мне ничего не оставалось, кроме как потрусить следом.

Индру остановился в рощице и сел. Когда мы поравнялись с ним, он лег и велел:

– Сядь рядом, Каала.

Что-то в его голосе внушало доверие. Я устроилась сбоку и проследила взгляд волка. Нос мерз, и я поежилась, страшась холода, который уже охватывал все мое тело.

Мы смотрели на заснеженную вершину, видневшуюся прямо под нами, не дальше, чем человеческое стойбище, расположенное невдалеке от кустов, за которыми мы прятались, чтобы наблюдать за людьми. Но в окрестностях Каменного Круга не было никаких гор, и я напомнила себе, что это не наш мир. На плато на вершине горы собралось не меньше двадцати волков.

Я узнала Индру, стоявшего на камне над остальными, хотя его глаза были обычного бледно-желтого цвета, а уши ничем не отличались от моих. Я в замешательстве взглянула на призрачного Индру, который лежал рядом, устремив взгляд серебристых глаз на происходящее внизу. Я не понимала, как можно быть одновременно в двух местах. Впрочем, в инехалине я многого не понимала.

Тлитоо дернул меня за ухо. Оно так замерзло, что я едва почувствовала.

– Смотри внимательно, волчишка! Вот зачем мы здесь!

Индру, стоящий на камне, слушал одного из волков.

– Ничего не получится, – говорил огромный самец, покрытый светлой шерстью. – Мы пытались помочь людям, но они только и делают, что нападают на нас. Мы напрасно стараемся.

– И все же мы должны найти выход, – заявил Индру, стоящий на камне. – Мы дали обещание. Если мы его не сдержим, то погибнем.

– Мы пробовали, – сурово произнесла какая-то самка, почти такая же большая, как он. – Но люди хотят, чтобы мы повиновались каждой их прихоти. Они убили Савдру, когда она съела кусок добычи, которую сама же убила!

– Если сделать так, чтобы люди почувствовали себя главными, ими будет легко управлять, – негромко сказал некрупный самец.

– Значит, мы станем рабами! – возразил тот, что заговорил первым. – Это недопустимо.

Гибкая жилистая волчица вскочила на камень рядом с Индру и прижалась к нему. Я решила, что это его спутница. Бесплотный волк, лежавший рядом со мной, тихонько заскулил.

– Мы кое-что заметили, – сказала волчица. – Одни из нас ладят с людьми лучше других. Одни ссорятся с ними, другие нет.

– И что? – спросил кто-то из множества волков, собравшихся на вершине.

– Значит, стая должна разделиться, – ответил Индру. – Одни останутся с людьми, другие будут их сторониться.

Холод проник в мои легкие, и я громко закашлялась. Призрачный Индру тревожно взглянул на меня.

– Время истекает. Уходи.

Он проводил нас обратно к Каменному Кругу. Я стояла, вся дрожа. Почему-то я замерзла меньше, чем в прошлый раз, когда побывала в инехалине. Тогда я закоченела так, что даже не могла дрожать. Наверное, это как-то было связано с Индру.

– Ты поняла то, что видела? – спросил он.

– Кажется, да, – ответила я, стуча зубами и пытаясь скрыть разочарование. На самом деле я узнала мало нового.

Хралзу вскинул крылья.

– Ничего ты не поняла, волчишка-малышка!

Я обиженно уставилась на ворона. Я перестала быть «малышкой» много лун назад. Тлитоо потянул меня за хвост, а Хралзу хрипло рассмеялся, но тут же посерьезнел и заговорил:

Есть два рода волков —
Одни большие, другие малые,
У каждого рода своя задача.
Оба дали священную клятву:
Малые волки следят, большие отступают,
Те и другие хранят природу.

Я почувствовала еще большее разочарование. Сейчас это знали все волки в Широкой Долине. Вдобавок Хралзу кое-что спутал.

– Людей всегда должны были хранить верховные волки, а не малые, – поправила я, дрожа.

– Нет, Каала, – сказал Индру. – Нет.

Он подождал, пока до меня не дошло.

– Это мы? – наконец произнесла я. – Не может быть.

– Что ты знаешь о происхождении верховных волков? – спросил Индру.

– Они появились, когда жила Лидда, – ответила я. – Она пыталась подружить волков с людьми, и у нее получилось. Но люди и волки стали ссориться, поэтому верховные явились, чтобы приступить к своим обязанностям, потому что малых волков слишком сильно тянуло к людям. Вот почему Милсиндра говорит, что у нас ничего не получится, вот почему ее сторонники твердят, что мне нельзя дружить с людьми.

Старый ворон грубо захрипел и плюнул в меня жучком. Тлитоо каркнул.

– Они снова соврали, да?.. – спросила я.

– Это секрет, который верховные волки хранили много поколений и ради которого они убивали, – ответил призрачный Индру. – Я увидел, что некоторые волки в моей стае меньше склонны ссориться с людьми, поэтому назначил их хранителями. Тем же, кто охотно бросался в бой, я поручил охранять свободу волчьего рода. Они пообещали держаться подальше от людей. Случилось так, что самые крупные волки и были те, кто чаще всех дрался, и именно им я запретил подходить к людям. Они спаривались между собой и сделались крупнее остальных волков. Тогда они отняли то, что принадлежало другим.

Дикие волки ревнивы,
Они позавидовали малым
И обокрали их.

Старый ворон уставился на меня, как будто ожидая ответа. Как ни странно, слова Индру имели несомненный смысл. Я знала, что Милсиндра сделала бы что угодно, чтобы защитить секрет верховных. Теперь я сообразила почему. Если именно малым волкам Индру назначил хранить людей, значит, верховные не имели над нами власти и не могли приказывать, что делать. У них не было права решать, что будет с людьми. Если бы остальные стаи Долины это услышали, они бы поняли, что я права.

Я попыталась заговорить, но как бы Индру ни старался уберечь меня от холода, его помощь оказалась тщетной. Моя морда совсем заледенела, и я с трудом открыла рот.

– Почему верховные продолжают вспоминать прошлое? – спросила я.

– Сам удивляюсь, – сказал Индру. – Я слышал, многие говорят, что я ошибся, что назначил не тех волков хранителями людей, и они смотрят в прошлое, чтобы найти там оправдание. Наверное, верховные чувствуют себя виноватыми за то, что сделали, и хотят успокоить свою совесть. Некоторые, впрочем, уже подумывают, что пора вернуть эту обязанность тем, кого избрали для нее изначально. Так считает их вожак Зориндру. И те двое, что наблюдают за вашей стаей. Вот почему они спасли тебя в детстве, Каала. Но верховные никогда не знали покоя. Они боятся вымереть или стать бесполезными.

Пасть намертво замерзла, и дышать становилось все труднее.

«Почему они сами не придут в Инехалин? – думала я. – Зачем

им нужен Нейякилакин?» Но я не могла произнести ни слова. Я посмотрела на Тлитоо, пытаясь передать ворону свои мысли, но он лишь беспокойно моргнул и сказал:

– Она замерзла. Нам пора.

Индру коснулся меня носом, и я ощутила тепло.

– Уведи ее, – велел он Тлитоо.

Ворон подлетел и прижался ко мне.

Мои уши наполнило хлопанье крыльев, и я провалилась в темноту. В следующее мгновение я уже лежала рядом с Кивдру на полянке, поросшей сонной травой. Я согрелась и была на диво полна сил. Каким-то образом Индру снял все болезненные последствия пребывания в Инехалине. Я чувствовала себя так, как будто проснулась после долгого полуденного сна, и сердце бешено колотилось от того, что я узнала. Именно нас назначили хранителями людей. В том-то и дело. Я возбужденно фыркнула.

– Тихо, волчишка! – прошипел Тлитоо.

Но было уже поздно. Кивдру зашевелился и открыл глаза. Я застыла. Тлитоо поспешно отлетел прочь. Верховный волк взглянул на меня, и шкура у него на лбу собралась в складки.

– Что ты тут делаешь? – пробормотал он. – Ты сон?

Он положил огромную лапу мне на спину, прижав к земле, и понюхал. Я лежала неподвижно, стараясь не дышать. Кивдру нюхал и нюхал, а потом поднял нос, вымазанный уийином.

– Ничего не чую, – сказал он. От верховного густо пахло сонной травой. – Тут никого нет. Зачем ты явилась в мои сны, надоедливая волчица? Тебе это не поможет. Мы не имеем права оставить тебя в живых.

Он приподнял лапу, тоже вымазанную уийином, подсунул ее под грудь, вздохнул и закрыл глаза. Я подождала, пока не убедилась, что Кивдру крепко заснул, и осторожно отползла. Отойдя на несколько шагов, я бросилась прочь.

Я взлетела вверх по холму, морщась от боли в раненой лапе, достигла вершины и спустилась по противоположному склону Волкоубийцы. Впервые после смерти Иллин я ощутила облегчение. Индру снял мою усталость. Как только Рууко и Рисса узнают правду об обещании Индру, они убедят Соннена и остальных, что я не несу беду волчьему роду. Возможно, они даже присоединятся к Скалистым и открыто бросят вызов верховным волкам. А если нет – в любом случае мы уже доказали, что способны охотиться на туров с людьми. С помощью нашей стаи и других волков мы и впредь будем добывать еду, хотя бы племя Лин и передумало. Если Франдра и Яндру сдержат слово, я все улажу в Долине и пойду искать свою мать. Я бежала вперед, а Тлитоо нырял и взмывал над моей головой.

Глава 19

Я бежала до упавшего дерева не останавливаясь, но добралась туда лишь затемно и так тяжело дышала, что даже не могла говорить. Меня ждала вся стая, исключая Тревегга, который остался у Ниали. Рууко стоял на круглом камне, Рисса – у его ног, Минн и Веррна – слева. Аззуен и Марра бросились ко мне.

– Где ты пропадала так долго? – спросил Аззуен. – Мы рассказали про Борллу и про то, как искали место, где верховные проводят свой обряд. Рууко и Рисса виделись с Сонненом, но отказались говорить, пока ты не придешь.

И тут он заметил выражение моей морды.

– Ты нашла?..

– Да, – сказала я. – На Волкоубийце. Я узнала, что верховные скрывали от нас.

– И что же? – спросила Рисса.

Я думала, она выбранит меня за опоздание, но голос волчицы звучал ласково, и она виляла хвостом. Я была благодарна Марре и Аззуену, которые принесли стае новость о Борлле. Настроение у всех заметно поднялось.

Я посмотрела на сородичей и задумалась, рассказать ли им, что произошло на самом деле, – что я встретила Индру и заглянула в прошлое. Я убедила себя, что на это уйдет слишком много времени и некогда будет отвечать на вопросы, которые неизбежно возникнут. Я быстро поприветствовала вожаков, Веррну и Минна, затем отступила назад и взглянула на Рууко. Тлитоо, негромко каркнув, уселся рядом с вожаком, на соседнем камне.

– Обряд уже закончился, но я слышала разговор верховных, – начала я, хоть мне и было совестно лгать сородичам. – Индру назначил хранителями людей вовсе не верховных, а нас. С самого начала.

Я быстро рассказала как можно больше, умолчав о том, что способна видеть сокрытое от остальных.

– Теперь Соннену и стае Древесной Тропы придется присоединиться к нам, – заявила я. – Может быть, и Пирре тоже.

Я остановилась, переводя дух и ожидая ответа. С самого детства я мечтала услышать от Рууко, что вовсе не приношу несчастье. С того дня, когда я вытащила Тали из реки, я хотела, чтобы стая признала, что я вовсе не дрельшик, хотя и провожу время с людьми. Теперь-то они поймут, что малые волки имеют на это полное право и что мое присутствие в стае не ослабляет, а укрепляет ее. Я выжидающе перевела взгляд с Рууко на Риссу.

– Подите сюда все, – приказал Рууко.

Марра и Аззуен встали рядом со мной у подножия камня. Рисса вспрыгнула наверх и встала рядом с Рууко, согнав Тлитоо. Ворон заворчал, взлетел и приземлился на упавшую ель, которая делила поляну пополам.

– Мы снова говорили с Сонненом, – сказал Рууко, – и приняли решение. Мы поддержим его.

В каком смысле «поддержим»? Я пришла в замешательство. Ведь это мы хотели, чтобы Соннен поддержал нас. Мы располагали такими сведениями о верховных, которые заинтересовали бы каждого волка в Широкой Долине.

– Милсиндра и Кивдру сделали предложение и нам, – подхватила Рисса. – Они сами пришли и сказали. И мы согласились.

Я несколько секунд просто хлопала глазами. Они что, не расслышали?

– Зачем? – крикнула я. – Верховные опять солгали. Именно малым волкам предназначено быть с людьми. Верховные украли Борллу и держали в плену пять лун! Мы должны рассказать остальным стаям…

Рисса улыбнулась:

– Мы рады, что Борлла в безопасности. И мне очень жаль, что верховные ее похитили. Но Милсиндра объяснила, что они нуждаются в свежей крови, чтобы не вымереть. В том числе мы условились и об этом…

Рууко и Рисса заключили какой-то договор с Милсиндрой? От изумления я онемела. Зато Аззуен, к счастью, сохранил дар речи.

– Что значит «условились»? – спросил он.

– Мы поддержим Милсиндру в борьбе за власть в Совете и каждые несколько лет будем, как и другие стаи, отдавать верховным одного щенка, чтобы их род не пресекся. Мы поклянемся не общаться с людьми. И тогда мы останемся жить… и наши дети тоже. Верховные пообещали, что вернут дичь в Долину, а до тех пор помогут стаям прокормиться.

На поляне воцарилась такая тишина, что я услышала, как Тлитоо расправляет крылья. Я просто не верила в то, что услышала.

– Но именно нам предназначено хранить людей! – повторила я. – Все, что говорили верховные, – ложь. Мы должны быть с людьми!

– Уже не важно, – сказал Рууко. – Может быть, раньше так и было. Но теперь и за людей, и за малых волков отвечают верховные. Мы выполним их волю – или умрем.

Я потрясла головой, чтобы добиться ясности в мыслях.

Приняв решение, вожаки как будто отказывались слышать то, что им противоречило. Торелл предупреждал, что Рууко и Рисса слабы, а я не поверила.

– Даже если бы мы не были хранителями человеческого рода, вовсе не обязательно поддерживать Милсиндру, – рассудительно произнес Аззуен. – Мы добудем вдоволь лосей и туров. Пирра и Соннен ни за что не нападут, если нашу сторону примут Скалистые.

– У нас получится, – добавила я, пытаясь говорить так же здраво, но мой голос дрожал. – Сейчас мы кормимся лучше, чем когда бы то ни было. Мяса будет еще больше, когда мы начнем охотиться на туров с людьми. Мы докажем, что Зориндру прав, и поможем ему победить Милсиндру. Если мы справимся и если Зориндру победит в Совете, Милсиндра уже никого не напугает.

Вожаки молчали, сочувственно глядя на нас.

– Вы уже давно решили, – негромко сказала Марра. – Вы всегда этого хотели…

Я посмотрела на нее, удивляясь, что до сих пор она молчала. Обычно Марра первой пыталась урезонить стаю и разъяснить свою точку зрения. И теперь она дрожала от ярости.

– Мы с самого начала думали, что так будет правильно, – признал Рууко, – но не знали, позволит ли нам Милсиндра. Стая получила даже больше, чем могла надеяться. Вы прекратите охотиться с людьми и будете избегать их, как и следовало всегда, а верховные снова возьмутся за свои обязанности.

– Нет, – ответила я. – Я пообещала Зориндру, Франдре и Яндру. И я не могу бросить Тали. Ты тоже дал обещание. Нельзя брать слово назад.

– Мы должны поступить так, как будет лучше для стаи, Каала, – сказала Рисса. – Для стаи и для всего волчьего рода. Мы считаем, что Франдра и Яндру ошиблись, позволив тебе жить с людьми. Мы были не правы, последовав за ними.

Я поняла, что она имела в виду. Что Яндру и Франдра ошиблись, пощадив меня в детстве.

– Ты – часть стаи, – продолжала Рисса. – Ты – волчица Быстрой Реки, поэтому мы поддерживали тебя, когда ты рисковала нашими жизнями. Теперь мы выполним свой долг перед Долиной и перед собственной стаей и не отступим от него.

– А если Милсиндра и Кивдру лгут? – отчаянно воскликнула я. – Они и раньше лгали!

– Они признали свою ошибку, – сказал Рууко. – Они думали, что иначе не получится нас защитить. Теперь они дают малым волкам право голоса.

– Но это же неправильно… – повторила я и вспомнила слова

Торелла: некоторые легко отказываются от прежних убеждений в обмен на обещание безопасности.

– Вы поступили бесчестно, – выговорила Марра. – Какой стыд. Вы не лучше червекопов.

– Решение принято, – сказал вожак.

– Червекопы! – каркнул Тлитоо со своего камня.

От беспомощности мне захотелось выть. Я потерпела поражение. Я заверила Яндру и Франдру, что заручусь поддержкой сородичей, и, полагаясь на мои слова, они бросили вызов Милсиндре. Зориндру верил в меня, и его я тоже подвела. В иное время я начала бы возражать, оспаривать решение стаи, но теперь боялась, что стоит открыть пасть и оттуда вырвется жалобный скулеж.

– А если мы не перестанем охотиться с людьми? – спросил Аззуен. Я была благодарна ему за то, что он заговорил. – Если мы предпочтем жить с ними, что тогда?

– Оставайтесь с нами и присоединяйтесь к Милсиндре, – сказал Рууко. – Или уходите.

Вот так, просто и ясно. Я и не думала, что вожаки выскажутся так прямолинейно. Как будто нам предлагали выбрать между двумя абсолютно разумными вариантами, как будто мы могли предать все, во что верила Быстрая Река.

– Мы получим ромму, если уйдем? – поинтересовалась Марра, вскидывая голову. Ни один молодой волк не делал так в присутствии старших.

– Нет, – ответил Рууко. – Если вы отказываетесь следовать законам стаи, мы не дадим вам ромму. Но если вы останетесь и будете подчиняться нашим правилам, – другое дело. Вы сильные волки и заслуживаете места в стае.

– Мы хотим, чтобы вы остались, – подхватила Рисса. – Мы будем рады. Вы поможете нам, когда появятся щенки, точно так же, как в прошлом году помогали Иллин и Минн. Иначе выкормить волчат будет трудно.

– Иллин погибла из-за вас! – прорычала Веррна. – Вы обязаны помочь стае с новыми щенками!

– У них есть право решать, Веррна! – резко перебила Рисса.

Может быть, она действительно думала, что поступает правильно.

– Вы поможете Милсиндре и Кивдру убить нас? – с горечью спросила Марра.

– Конечно, нет. Мы настояли, чтобы Милсиндра беспрепятственно выпустила тебя из Долины, Каала. Тебя и тех, что захочет пойти с тобой.

– Так же как они выпустили Иллин? – напомнила я. – Ей они

тоже разрешили уйти.

– Мы сказали верховным, что иначе не согласимся, – вмешался Рууко. – И Соннен принял нашу сторону. Он с уважением относится к тебе, Каала, хотя и придерживается другого мнения. А Милсиндра просто хочет, чтобы ты перестала мешать.

– Да уж, – пробормотал Аззуен.

– Подумайте хорошенько, волки, – сказала Рисса. – Мы будем рады, если вы трое останетесь в стае. Но если вы решите покинуть Долину, мы отложим для вас мясо.

Рисса и Рууко, а вслед за вожаками Веррна и Минн коснулись нас носом, как это бывало уже сотни раз. Словно сегодняшнее прощание ничем не отличалось от предыдущих, словно нам не предстояло сделать выбор между родной стаей и обещанием, которое мы дали. Возможно, мы в последний раз собрались вместе.

Они ушли.

Прохладный вечерний ветерок ерошил шерсть у меня между ушей. Я понимала, что Аззуен и Марра наблюдают за мной, ожидая первого шага. Краем глаза я видела, что Тлитоо сидит на полусогнутых ногах, как будто готовясь взлететь. Но я продолжала стоять, глядя в просвет между деревьями, где скрылась наша стая. Я никогда не была полностью уверена, что мы победим Милсиндру и Кивдру, – я понимала степень риска, но не сомневалась, что Рууко и Рисса поступят правильно, что стая Быстрой Реки отличается от других и что даже если мы сделаем ошибку или потерпим неудачу, то тем не менее совершим благородный поступок. А теперь я не знала, что и думать. Те, на кого я полагалась, оказались предателями. Тем, в ком я нуждалась, нельзя было доверять.

Аззуен поскреб лапой пыль.

– Нужно их переубедить, – сказал он. – Как только они узнают правду и хорошенько подумают, то встанут на нашу сторону.

– Нет! – с отвращением возразила Марра. – Они думают, что безопаснее выполнить приказ верховных. Придется найти другой способ.

Я посмотрела на обоих. Не все, кому я доверяла, оставили меня. Я вспомнила то, что видела в воспоминаниях Рууко, – как он смотрел на Риссу, когда она наконец стала принадлежать ему. Он бы пошел на что угодно, чтобы защитить спутницу.

– Нет, они не передумают, – сказала я.

Тлитоо прыгнул с елки и приземлился рядом.

– И что теперь, волчишка? Будем стоять здесь и скулить?

Я не знала, что теперь. Я думала, все решится, как только

стая узнает про секрет верховных, но теперь поняла, какой была наивной. Рисса сказала, что Милсиндра позволит нам покинуть Долину вместе с нашими людьми. Меньше луны назад я только об этом и мечтала. Я и сейчас хотела уйти.

– С нами остаются Скалистые, – напомнила Марра, пока я молчала.

– И племя Лан, – добавил Аззуен. – Попробуем поохотиться с ними.

Стойкость друзей заставила меня устыдиться собственной слабости. Разве я могла сбежать, если они собирались продолжать борьбу?

– Я поговорю с Ниали и Тревеггом, – сказала я. – Может быть, они подскажут, что делать.

При мысли об их мудрости мне полегчало.

Марра вскочила на ноги.

– Я пойду к племени Лан и найду Миклана. Ниали объяснит ему, что случилось.

– Хорошо, – ответила я, пытаясь говорить с не меньшим энтузиазмом. – Встретимся у Ниали поскорее. На обратном пути вой так, как будто нашла хорошую добычу.

Они бросились прочь. Я смотрела вслед, завидуя их уверенности, и невольно задумалась, не совершаю ли ошибку. Что, если верховные волки стали хранителями людей, потому что мы действительно были слишком слабы? Я-то именно так себя и чувствовала.

– Я предупрежу своих, волк.

Тлитоо улетел, не дожидаясь ответа. Я в последний раз взглянула на упавшее дерево, к которому мне не суждено было вернуться, сделала глубокий вдох и побежала к Ниали.

Подкрепляющее воздействие Индру выветрилось, и я устала, но заставляла себя бежать, потому что не знала, сколько у нас времени. Новое жилище Ниали находилось довольно далеко от упавшего дерева, и раненая лапа снова начала болеть. Я перешла на рысцу, потом на шаг и наконец достигла крошечной прогалины, на которой стояло человеческое укрытие.

Мне сразу стало ясно: случилась беда. Огонь потух, из жилища пахло страхом и гневом. Изнутри послышались хриплый вопль и пронзительный взвизг. Забыв об усталости, я бросилась вперед, нырнула под шкуру, закрывавшую вход, и вползла в дом крианы на животе.

Ниали, скорчившись и неестественным образом вывернув шею, лежала у погасшего огня. Из глубокой раны на горле текла кровь. Женщина не дышала. Тревегг, рыча, заслонял Тали, которая рыдала над бабушкой. И над ними возвышался Давриан с

окровавленным копьем в руках.

Я пожалела, что не убила его раньше, когда представилась такая возможность.

В тесном жилище развернуться и как следует разбежаться было негде. Я прыгнула на Давриана в ту самую секунду, когда он, яростно размахнувшись, ударил копьем и глубоко пробил грудь и живот Тревегга. Старый волк взвизгнул, повалился на бок и отчаянно засучил ногами, как будто тщетно пытаясь убежать от врага, а потом замер и задышал коротко и хрипло. Давриан снова занес копье, готовясь второй раз пронзить Тревегга. И тут я врезалась в человека всем весом, так что он отлетел к стене.

У волков есть законы, касающиеся убийства. Прежде чем убить или серьезно ранить сородича, его надлежит предупредить. Но некоторых вещей не прощают – например, убийства другого волка без всякой причины, не считая гнева и голода. Мы поклялись не драться с людьми, кроме как защищаясь. Но это не значило, что нужно просто стоять и смотреть, если человек лишает кого-то жизни. Давриан убил Ниали и тяжело ранил Тревегга. Когда волк сходит с ума и начинает резать сородичей, он нарушает закон природы и заслуживает смерти. Давриан утратил право на безопасность.

Я бы убила его, но он отскочил, как только я прыгнула, и я столкнулась с ним под неудачным углом. Давриан уронил острую палку и отбросил меня. Я приземлилась на спину, получила сильный пинок в ребра, извернулась и собралась прыгнуть еще раз, но двигалась медленно от боли и усталости. Когда я поднялась, Давриан потянулся через Тревегга, который попытался укусить его за руку, сгреб Тали и крепко прижал к груди. Она извивалась, дергала Давриана за волосы и пинала, куда только могла дотянуться. Давриан перехватил девочку так, что руки Тали оказались крепко прижаты к туловищу, и сдавил, вынудив закричать от боли. Мне хотелось убить его больше, чем когда-либо в жизни, но я не могла добраться до слабой тонкой шеи человека, потому что он держал Тали слишком близко к себе. Тогда я вцепилась Давриану в ногу, и, когда он закричал, мое сердце забилось, как от призыва на охоту. Его кровь наполнила мой рот, как кровь добычи, и я разжала зубы, чтобы вцепиться ему в другую ногу. Я увидела каменное острие за мгновение до удара, извернулась, и Давриан промахнулся. Тогда он ударил меня ногой в голову, и я, заскулив, упала.

Давриан вынужденно освободил одну руку, чтобы драться со мной. Девочка яростно визжала и сопротивлялась, почувствовав, что хватка ослабла. Она стукнула Давриана локтем в лицо, и он уронил ее. Но Тали не успела подняться – он жестоко ударил

девочку ногой в живот. Она согнулась пополам, хватая воздух ртом, и принялась шарить в костровой яме, ища какое-нибудь оружие. Как только пальцы Тали сомкнулись вокруг большого острого камня, Давриан подобрал упавшее копье и хватил ее тупым концом по голове. Она рухнула наземь. Я наконец поднялась и снова прыгнула на Давриана, но слишком неуклюже – он отступил и с такой силой швырнул меня об стену жилища, что несколько драгоценных секунд я не могла двинуться с места. Давриан накрыл Тали плащом, который подарил ей, а она отказывалась носить, и снова поднял на руки.

Я беспомощно наблюдала, как он захромал наружу, унося девочку. Я дважды пыталась встать на ноги и падала, мучаясь от головокружения и тошноты. Стремясь его догнать, я поползла к выходу и вдруг поняла, что тяжелое дыхание, которое я слышу, – не мое. Тревегг был еще жив. Я подползла к старому волку и прижалась мордой.

– Он пришел за девочкой, – выговорил Тревегг. – Он сказал, что сделает ее своей спутницей и станет крианом в обоих племенах, Лин и Риан. Девочка ответила, что проломит ему голову, прежде чем позволит стать крианом, что он слишком глуп, чтобы заниматься хоть чем-то, кроме охоты на кроликов. Тогда он разозлился. Ниали едва успела встать между ними, и он убил ее…

Тревегг с неимоверной грустью говорил о гибели женщины. Казалось, о Ниали он беспокоился больше, чем о собственной ране.

Я смотрела на мертвую криану, и в моей груди вскипали боль и чувство вины. Я не сумела позаботиться о бабушке Тали. Посмотрев на ее сломанную шею и рану на горле, я подумала: Давриан заплатит за смерть Ниали. Племя Лин этого не простит.

– Каала… – прохрипел Тревегг, и я встряхнулась. Было мучительно смотреть на него. Ни один волк не выжил бы после такого ранения. – Что сказала стая? – спросил он.

– Быстрая Река намерена поддержать Милсиндру, – ответила я. – Вожаки отказались мне помогать. Они хотят жить, как раньше.

Глаза старого волка затуманило отчаяние.

– Значит, конец, – произнес он. – Мы вступили в игру – и проиграли. Все впустую…

– Нет, – сказала я. – Не впустую.

Казалось жизненно важным уверить его, что борьба не окончена, что у нас остался шанс. Я хотела, чтобы Тревегг умер, зная это.

– Еще не конец, – продолжала я. – Я узнала, что скрывали

верховные. Именно мы должны были хранить людей. Индру разделил свою стаю пополам и велел верховным держаться от них подальше, а нас назначил хранителями.

– Значит, это правда? – спросил Тревегг. – Франдра и Яндру так и сказали, когда ты ушла. Ниали предупредила девочку, что нужно собрать других криан и рассказать им. Но я не поверил. А откуда ты знаешь, что не ошиблась? Что верховные не солгали опять?

Я взглянула в потухающие глаза старого волка и ответила:

– Я сама видела. Мы с Тлитоо способны переноситься в мир духов. С его помощью я вижу чужие сны и мысли.

– Нейякилакин… я слышал легенды, когда был еще щенком, но думал, что это просто сказки… – У Тревегга перехватило горло. Он с трудом дышал.

– Прости… – шепнула я.

– За что? – Тревегг посмотрел на меня, и отчаяние в глазах старика сменилось радостным блеском. – Разве ты не понимаешь, Каала? Ты можешь выполнить обещание даже без помощи стаи. Не сдавайся. Что бы ни случилось, ты должна сдержать слово.

– Но я не готова, – ответила я, сердясь на себя за то, что жду утешения от Тревегга, вместо того чтобы утешить его самого.

– Не важно… Тебе придется действовать, полагаясь на те умения и знания, какие у тебя есть. Выбирай то, что правильно. Как и должен поступать всякий волк…

До сих пор мне, в общем, не из чего было выбирать.

– Жаль, что я не убила Давриана. А ведь я могла. Убить его и выставить дело так, как будто он упал с обрыва. Если бы я это сделала, Ниали осталась бы жива и ты бы… – Я не сумела договорить. – Прости. Я зря его не убила.

– Нет, Каала, не зря. Это было бы очень легко и удобно, но неправильно. Ни о чем не забывай, держи в уме последствия каждого своего поступка. Да, так будет сложнее, но по-другому теперь нельзя. Не теряй смелости и не разуверивайся.

Я лежала рядом, пока дыхание старого волка не замедлилось и наконец не затихло. Я уткнулась носом в шею Тревегга, чтобы унести его запах с собой, куда бы я ни пошла. Грусть охватила меня, но я отогнала ее, как уже делала не раз, и решила, что еще успею оплакать друга. Тали нуждалась в помощи, и я пошла за ней.

* * *

Я добиралась до человеческого стойбища вдвое дольше, чем

всегда. В обычное время я бы оказалась там намного раньше Давриана, хотя он и ушел далеко вперед, но мне было трудно дышать, и с каждой минутой все сильнее кружилась голова. Давриан с такой силой швырнул меня о стену, что ребра ныли от любого движения.

Отчаяние вновь нахлынуло, когда я подумала о Тревегге и Ниали, но я собралась с духом и почувствовала, как горе сменяется гневом. Он и погнал меня вперед, по следу Давриана, к человеческому стойбищу. Я вспомнила, как Тали висела на руках у похитителя, и заставила себя двигаться быстрее. Когда я перешла реку и заковыляла к колючим кустам, в которых обычно пряталась, наблюдая за стойбищем, то изо всех сил стискивала челюсти, чтобы не скулить вслух.

Хотя у Давриана была изрядная фора, а я еле двигалась, он только-только добрался до деревни. Он вышел на общую поляну, шатаясь под тяжестью Тали и прихрамывая от раны на ноге. Я надеялась, что ему очень больно. Может быть, рана воспалится и Давриан умрет.

Он сдернул плащ с окровавленной головы Тали и положил девочку возле одного из костров, освещающих деревню в ночной темноте.

Люди на поляне немедленно оставили свои занятия и бросились к ним.

– Что случилось? – спросила Ринали, наклоняясь над девочкой. Хоть она и хотела отдать Тали в спутницы человеку, которого та ненавидела, на лице у женщины была искренняя тревога.

– Волки, – ответил Давриан. – Они убили старуху и пытались убить Тали. Одного я прикончил, а волчица убежала. Та, с которой водится Тали. Серебряная Луна. Я ее ранил, но она удрала.

Он так легко и убедительно лгал. Но я подумала: скоро люди узнают правду. Тали отведет сородичей в жилище Ниали, и они увидят, как погибла криана. Ринали осмотрит голову Тали и поймет, что такую рану не мог нанести ни один волк.

Тали очнулась и попыталась заговорить.

– Волки не виноваты… – пробормотала она.

Я услышала ее, а люди, казалось, нет. Ринали наклонилась и зажала девочке рот ладонью. Значит, она тоже услышала – но постаралась сделать так, чтобы это осталось тайной.

– Мы найдем волков, – мрачно произнес Халин, и стоявшие вокруг схватились за острые палки и камни. Они даже не собирались проверять, правду ли говорил Давриан. Они просто поверили.

– Зря мы не перебили их сразу!

Я недооценила готовность людей возненавидеть нас. Они не стали расспрашивать Давриана и не поверили бы Тали, что бы она ни сказала. Нужно было забрать девочку, но как? Вокруг Халина стояли, самое малое, десять человек, вооруженных острыми палками, и еще больше наблюдали за происходящим с других концов поляны. Вот почему люди представляли такую опасность – они собирались большими стаями. Давриан нависал над девочкой, как гиена над добычей. Я никак не могла к ней подобраться.

Тали открыла глаза и посмотрела прямо на мой куст. Она знала, где я пряталась. Лежа на животе, я проползла несколько шагов, чтобы кончики лап и носа высунулись из зарослей, а в глазах отразился свет человеческих огней. На лице Тали мелькнула мрачная улыбка.

– Оставайся там, – проговорила она беззвучно. Но разве я оставила бы ее бороться в одиночку?

Рука Тали напряглась, и я поняла, что девочка так и не выронила камень, который подобрала в хижине Ниали. Изящным и быстрым движением, совсем как волк, она вскочила на ноги, запустила камнем в голову Давриана и попала в цель. Он зашатался, из виска хлынула кровь. Тали, присев, подобрала камень с земли и швырнула в Халина, у которого хватило ума пригнуться. Двое самцов схватили Тали за руки и стиснули с боков.

Она закричала.

Охваченная яростью, я вылетела из куста, не успев опомниться, и побежала к людям, которые держали Тали.

– Вот она! – закричал кто-то, и в голосе человека прозвучала не столько ярость, сколько страх.

Казалось, все обитатели человеческого стойбища бросились ко мне. Вспомнив уроки Торелла, я представила себя горным танцором. Люди спотыкались об меня и падали. Я прыгнула на одного из самцов, державших Тали, и врезалась в него с такой силой, что он разжал руки. Тали укусила второго и вырвалась. Я перепрыгнула через человека, которого свалила, и мы с девочкой вместе побежали к лесу. Я держалась позади, огрызаясь и рыча на тех, кто подходил близко. Когда какой-то юноша попытался отрезать Тали путь, я забежала вперед и бросилась ему под ноги. Мы оба растянулись на земле, а Тали скрылась в зарослях. Я вскочила, собираясь последовать за ней.

И тут я увидела острую палку – копье – в руке Давриана. Поднятое высоко над окровавленной головой человека и нацеленное в мою грудь. Рядом с Даврианом стояли еще трое,

преграждая дорогу. Когда Давриан опустил копье, чтобы пронзить меня, я отпрыгнула, и острие воткнулось в правое бедро. Я взвизгнула – раз и другой, когда Давриан выдернул копье из раны.

Я поползла прочь, но люди столпились вокруг.

– Убей волка! – крикнул кто-то. – Пока он кого-нибудь не укусил!

Давриан снова поднял копье. Я радовалась, что Тали успела убежать. Радовалась, что моя стая будет в безопасности, что сородичам хватило ума не поверить мне, когда я сказала, что с людьми можно жить в мире. Я смотрела на копье, не в силах отвести взгляд от окровавленного острия.

– Не трогай ее!

Когда я услышала голос Тали, то чуть не взвыла. Почему она не скрылась?

– Не убивай ее, и я буду твоей женой, Давриан!

Тот несколько раз моргнул, и на его лице показалась улыбка.

– Хорошо, – сказал он. – Мы оставим волчицу в деревне. Когда остальные волки придут за ней, мы перебьем их всех.

Кто-то схватил меня за задние лапы и потащил. Бедро болело так, что я невольно заскулила, хотя и знала, что Тали, услышав, встревожится. Я извернулась и попыталась укусить чужие руки, но человек с силой дернул за раненую ногу, и я смирилась. Люди прошли через деревню, в сухую пыльную рощицу на окраине. Трое подняли меня, держа вниз головой, и я увидела яму в то самое мгновение, когда полетела туда. Упав, я приземлилась на груду веток, камней и мягких листьев. В отверстии показалась голова Тали – она подбежала к краю ямы, чтобы посмотреть, но ее немедленно оттащили.

Тяжело дыша, я сидела на дне и жалела, что осталась в живых. Я потерпела полное поражение. Моя стая не сдержит обещание, и Тали не станет крианой своего племени. Милсиндра была права – мы, малые волки, не способны присматривать за людьми. Тревегг и Ниали погибли, а Аззуену и Марре грозит опасность, если они пойдут по моему следу от жилища Ниали к деревне. Соплеменники Тали станут охотиться на волков, и начнется война. Я никогда не найду свою мать…

Я заскулила.

Огромный черный силуэт показался в отверстии, и Тлитоо слетел вниз.

– Вот ты где, волчица! – каркнул он. – Стоит мне отлучиться, и ты сразу попадаешь в беду. Ну что, ты закончила себя жалеть? У нас еще полно дел!

Я непонимающе взглянула на ворона. Яма была шириной

чуть более моего роста и в высоту, самое малое, достигала пяти волков. Я никак не могла выбраться.

– Твоя девочка укусила человека. За ухо. Теперь у него полуха. Она слишком много времени провела с волками.

Я невольно рассмеялась. Отчаяние начало отступать, несмотря на скорбь и тревогу за Тали. Я поняла, что Тлитоо прав. Мы еще не закончили.

Верховные солгали – солгали опять. Стая предала меня, и я знала, что они не последние. Племя Лин стоило доверия не больше, чем гиены. Но Тали вернулась ко мне. Тревегг и Ниали погибли, защищая наш союз. Аззуен и Марра не сдались, пусть даже отступились все остальные. Тали рисковала жизнью, отстаивая закон, когда отказалась охотиться на землях племени Алн. Она относилась к нам как к сородичам – и вернулась, чтобы спасти мою жизнь, хотя могла и убежать.

И, что бы там ни говорила Милсиндра, что бы ни думал Рууко, я не была дрельшиком, хотя и хотела жить с людьми. Нам велели их хранить, и я пообещала, что так и сделаю.

Я услышала далекий вой Марры, гласивший, что она нашла табун лошадей. Мы условились, что она подаст знак, когда разыщет Миклана и направится к жилищу Ниали. Аззуен ответил, что присоединится к охоте, – иными словами, он повстречался со Скалистыми. Пелл подхватил вой Аззуена, говоря, что Скалистые пойдут на охоту с нами. Они искали меня. Тлитоо мог предупредить их, что нужно держаться подальше от человеческого стойбища, что люди будут убивать всех волков, какие только попадутся. Но я хотела, чтобы друзья знали не только это.

Я села, посмотрела на луну, висевшую над ямой, и подумала о них – об Аззуене, Марре, Тали, Миклане и Брелане, Тлитоо, Хлеле и Нлитсе. Я вспомнила, что Ниали и Тревегг погибли во исполнение обета, что Тали вернулась за мной. Что мы – настоящая стая, что у нас есть дело, которое надо выполнить, что это многое значит для волков и для людей. Сидя в вонючей яме, я взглянула на луну, которую сейчас видели все мои сородичи, и завыла в ответ.

Наконец-то я сдержу слово.

Дух волков

Глава 1

Пригибаясь к земле, я крадучись подползла к сборному месту у Упавшего Дерева, зажав в зубах только что пойманного теплого и обмякшего зайца; мои задние лапы подрагивали от напряжения. Волки Быстрой Реки, готовясь к утренней охоте, терлись носами и тихо переговаривались между собой. Неяркий утренний свет клочьями пробивался сквозь ветви двух высоких дубов, стоявших, как стража, на краю поляны, неровно окрашивая лежавшую посреди Упавшую Ель, делившую пополам самое большое место сбора моей стаи.

Нет, это была не моя стая. Я уже не была волком Быстрой Реки, и Упавшее Дерево перестало быть моим домом. Здесь я узнала, что значит быть волком, здесь научилась охотиться и громко петь песнь стаи, но сейчас я не знала, примут ли меня здесь. Я выбрала долг перед моей семьей, и мои бывшие товарищи по стае могли и прогнать, и принять меня. Меня пронзило страстное желание поджать хвост и убежать, но ведь всего несколько часов назад я видела убитых волков стаи, уцелела в бою с человеком, разодравшим мне бок, и с трудом выбралась из западни, из которой почти невозможно было выбраться. Я не поведу себя как последний трус, не брошу в беде волков, воспитавших меня. Это был мой последний шанс заставить их выслушать меня, и, если я не сумею этого сделать, они погибнут.

Тихое сопение привлекло мое внимание к кучке мха у края места сбора. Я взглянула на человеческое дитя, на мирно спавшую девочку Тали. Она лежала на мху, подтянув ноги к подбородку. Девочка дрожала, скрючившись под звериной шкурой, по обычаю людей, носивших шкуры для защиты от холода. Эту девочку я любила, как собственного щенка. Когда мне самой было всего четыре луны, я спасла ее из ненасытных волн Быстрой Реки. Я сохранила ей жизнь, но нарушила священный закон волков. Наши легенды и не прощающие проступков верховные волки, правившие нами, запретили волкам Широкой Долины общаться с людьми, и я была обязана оставить Тали на верную смерть. Но я не смогла этого сделать, заглянув в ее темные глаза и вдохнув ее дымный запах. В тот момент я поняла, что не сумею бросить ее.

Сон девочки охранял темно-серый волк. Его уши нервно подрагивали, внимательные глаза поблескивали серебром. Аззуен был моим лучшим другом и самым умным волком из всех, кого я знала. С ним Тали была в такой же безопасности, как и со мной.

Девочка пошевелилась, и густой мех ее головы разметался, обнажив глубокую рану на лбу. Когда я увидела эту рану, в моей груди вскипел страшный гнев. Я должна была защитить Тали, но не смогла. Человеческий самец Давриан ударил девочку после того, как ранил меня. Он хотел сделать Тали своей спутницей, спариться с ней, а когда она отказала, пришел в ярость. Он убил моего товарища по стае Тревегга и бабушку Тали и ранил меня. Я с трудом сдержалась, чтобы не зарычать от бессильной злобы. Надо было увести Тали в безопасное место, но я не могла бросить стаю на произвол судьбы.

Опустив уши и хвост – так принято приветствовать старших волков, – я повернула в сторону места сбора и потрусила по поляне, покрытой мягким мхом. Я положила кролика на землю и тихонько зарычала, давая знать о своем появлении. Минн, худой волк с острой, как у ласки, мордой увидел меня первым. Он был на год старше и никогда не любил меня – впрочем, это было взаимно. Потом меня заметила Веррна, второй волк – воин стаи. Рууко и Рисса, вожаки стаи, проследили за ее взглядом. Рууко насупился, но Рисса обнажила зубы в приветливой улыбке. Запах дуба и ели, исходивший от нее, напомнил мне о первой охоте, о беге по угодьям стаи, о теплом молоке и надежном логове.

– Каала! – сказала она, заметив кролика. – Тебе не надо носить дары волкам Быстрой Реки. Мы всегда рады тебя видеть, – с этими словами она в знак приветствия склонила покрытую белым мехом голову. – Ты все-таки решила остаться с нами?

В ее голосе прозвучала такая надежда, что у меня сдавило горло. Она очень хотела, чтобы я осталась. Но я не могла этого сделать.

– Я пришла, чтобы кое-что сообщить вам, – ответила я.

– Мы уже знаем о Тревегге, – прорычал Рууко, – и о старухе тоже.

– Есть и еще одна вещь, – сказала я. Мне хотелось посмотреть в глаза Риссе, чтобы убедить, что принесла очень важную весть, но не может годовалый волк глядеть в глаза вожаку стаи, и я посмотрела на ее левое плечо. – Вы должны вместе со мной уйти из долины.

Нам нужно было уходить отсюда как можно скорее. Когда я воспротивилась воле стаи и нарушила заветы верховных волков, чтобы остаться с Тали, я поняла, что наши легенды – ложь, и узнала истинный Завет волков Широкой Долины: мы должны быть хранителями людей и не покидать их. Ибо, предоставленные самим себе, они решат, что им позволено все, и тогда они уничтожат лес, благодаря которому только и могут жить. Лишь мы можем уберечь их от этого. В давние времена один волк по

имени Индру поклялся Древним, что мы убедим людей принять нас в свои стаи и, таким образом, принять окружающий мир. Верховные волки знали об этом, но лгали нам, потому что хотели сохранить свою власть над людьми.

Когда я обнаружила эту ложь, вся ответственность за соблюдение Завета легла на меня. Однако я не смогла справиться с заданием, и теперь, если не исправлю свою ошибку, верховные волки убьют меня и моих близких, если, конечно, люди не сделают этого раньше.

– Почему мы должны покинуть наш дом? – прищурив обведенные темными кругами глаза, Рууко пристально взглянул на меня. Каждый раз, когда он так на меня смотрел, я чувствовала себя щенком. Я перевела дыхание.

Это был последний шанс сохранить мир между волками и людьми. Рууко изгнал мою мать из долины, когда я только начала выползать из логова. Всего луну назад мать прислала ко мне одного волка с вестью: я должна была встретиться с ней на огромной скале неподалеку от долины. Эта встреча очень важна для будущего волчьего рода. Мне было велено ничего не говорить ни Рууко, ни Риссе. Эту весть мать прислала мне, потому что знала ответ на Обеты. Пока я не узнаю этот ответ, волки Быстрой Реки будут в опасности.

– Давриан обвинил нас в убийстве бабушки Тали, – сообщила я Рууко. – Он говорит другим людям, что все волки злодеи и им надо как можно скорее избавиться от нас, пока мы их всех не убили. Они не поверили Тали, когда она сказала, что это ложь. Они уже идут по нашему следу.

Рууко зарычал, а Рисса ошеломленно молчала. Я не знала, чего ждать. Может, у них был свой план, как уйти из долины? Я надеялась, они подскажут мне, что делать, но они смотрели на меня так, словно я одна знала ответ. Как будто это я была взрослой, а они – молодыми волками.

– Верховные волки уберегут нас от людей, – произнесла наконец Рисса. – Они обещали.

Так говорила ей Милсиндра, верховная волчица, которая хотела убить меня. Это была ее очередная ложь.

– Они не помогут, – возразила я. – Если люди начнут уничтожать волков, верховные скажут, что мы нарушили Обет, и тоже станут убивать нас. Они хотят убить каждого волка, в котором течет моя кровь. – Рисса приходилась сестрой моей матери, а значит, все волки Быстрой Реки были моими сородичами.

– Они говорили, что не тронут нас, – упрямо повторила Рисса. – Они пообещали, что ты сможешь беспрепятственно

покинуть долину.

– Они лгут, как всегда! Вы все в большой опасности.

– Мы сможем защититься сами, – заявил Рууко. – Мы станем драться с людьми, если они придут к нам, и не будем думать об Обете. Пусть они сначала найдут нас своими слабыми носами и глухими ушами. – Он презрительно усмехнулся. – Мы остаемся.

– Тебе тоже незачем уходить, – поддержала его Веррна, взглянув на меня горящим взглядом. – Через одну луну у Риссы появятся волчата, и надо будет помочь их выкормить.

Значит, есть еще одна причина уйти. Щенки сделают нас более уязвимыми.

Я сделала еще одну попытку:

– Верховные волки не помогут. Они вас убьют.

Рууко поднял с земли кролика и пошел прочь.

Один за другим волки отошли от меня. Минн начал копать яму у подножия небольшого холма, который стая использовала как наблюдательный пункт. Рисса и Рууко мирно о чем-то беседовали, и только Веррна продолжала укоризненно глядеть на меня. Через некоторое время Рууко отрывисто рявкнул, и все четверо выбежали с поляны, чтобы отправиться на охоту. Я повернула назад и тоже ушла со сборной поляны, чувствуя горечь поражения.

Аззуен ждал у кучки мха, охраняя спящую Тали. Увидев меня, он встал, потянулся, выгнув длинную спину, и подбежал. Он уже сбросил зимнюю шубу, и тонкий весенний мех подчеркивал его стройную фигуру, фигуру молодого волка.

Он уткнулся носом мне в морду. Запах можжевельника и воды Быстрой Реки разгладил морщинки вокруг моих глаз.

– Они не пойдут?

– Нет, они думают, что верховные защитят их.

Аззуен склонил голову набок.

– Волки никогда не прислушиваются к правде, если она им не нравится, – заметил он.

– Они погибнут, если останутся.

– Нет, не погибнут, если мы успеем добежать до твоей матери, – возразил Аззуен. – Она скажет, что делать, чтобы исполнить Обет, и тогда все будет хорошо. Мы сейчас же покинем долину, найдем Неесу и вернемся, прежде чем люди или верховные волки успеют что-то предпринять.

Подрагивая хвостом, он взглянул на горы, обрамлявшие восточный край долины.

– Мы сможем это сделать, – уверенно добавил он. Человек Аззуена – Брелан – ушел из долины почти половину луны назад, и

Аззуен очень по нему скучал.

Все волки долины знали, как умен был Аззуен. Если он думал, что это наш шанс, то, наверное, так оно и было.

У меня сладко защемило в груди от одной мысли о том, что всего через несколько дней я встречу маму. Я не видела ее с тех пор, как была беспомощным щенком, и так тосковала по ней, что, вспоминая ее, еле сдерживала стон.

Аззуен хотел еще что-то сказать, но вдруг широко раскрыл глаза и потянул носом воздух, учуяв опасность. Я уловила запах подгнившей ели, грязи, меха и, обернувшись, увидела взгляд волка, которого меньше всего хотела бы встретить.

Милсиндра шла к нам на своих длинных лапах, ее мышцы мощно перекатывались под шкурой. Темные пятна ярко выделялись на радужках светлых глаз, злоба и коварство уродовали ее физическую красоту. Она пахла верховным волком – это был более сильный, более плотский запах, чем запах обычного волка, примешивался к нему и резкий запах хвои. Слышалась в этом запахе и горечь – признак ее дурного, злобного характера. Как и все верховные, она была в полтора раза крупнее нас, обычных волков. Я задрожала, в пасти у меня пересохло. Милсиндра считала, что я опасна для всего волчьего рода. Она боролась за место вожака верховных волков Широкой Долины, и то, что я приняла Обет, сильно ей в этом мешало.

Она остановилась над Тали, оскалила зубы – вдвое длиннее моих – и едва не коснулась ими девочки. От дыхания волчицы мех на ее голове зашевелился. Я затаила дыхание, надеясь, что Тали не проснется и не увидит огромные зубы, сверкнувшие над ее лицом. Через мгновение в лесок вошел спутник Милсиндры, Кивдру – косматый темный верховный волк. Он повалил Аззуена на спину и поставил на него передние лапы. Аззуен попытался выбраться, но Кивдру без усилий вдавил его в землю, и молодой волк затих. Верховные могли убить тех, кого я любила больше всего на свете, и я не смогла бы помешать.

– Вы обещали, что мы сможем беспрепятственно покинуть долину, – я гордо вскинула голову, но сердце колотилось так громко, что я едва слышала собственный голос. – Вы сказали Рууко и Риссе, что не тронете нас, если мы уйдем.

– Но вы тем не менее не ушли, – притворно урча, произнесла Милсиндра. – Вы вернулись. Твоя беда, Каала, в том, что ты никак не можешь решить, к какой стае принадлежишь – волчьей или человечьей. Именно это делает тебя такой опасной, делает дрельшиком.

Дрельшик. Это означает проклятый волк. Среди наших легенд

есть одна сказка, рассказывающая о волке, рожденном для того, чтобы погубить волчий род. Легенда повествует, что в жилах этого волка будет течь смешанная кровь, на его шерсти появится знак полумесяца, и он станет относиться к людям как к волкам. Моим отцом был волк, не живший в долине, на моей груди виднелся отчетливый знак полумесяца. Когда я нашла Тали и убедила некоторых моих соплеменников стать союзниками людей, многие волки решили, что я и есть дрельшик.

– Или дрельшан, – выдохнул Аззуен из-под огромных лап Кивдру. В легендах говорилось также о волке-полукровке – дрельшане, который спасет волчий род. Половина верховных волков на Совете считали, что я дрельшик, а половина – что дрельшан.

– Ты будешь молчать, пока я не разрешу говорить, – прорычал Кивдру. Наклонив голову, он обхватил зубами горло Аззуена.

Я, разогнавшись, бросилась на Кивдру, надеясь толчком свалить его на землю. С таким же успехом я могла бы повалить большой дуб. Одним лишь поворотом огромной головы он отшвырнул меня прочь. Я грохнулась на землю, ударившись раненым боком, и взвыла от боли. Но зато Кивдру выпустил горло Аззуена.

От этого шума проснулась Тали. Она открыла глаза, увидела Милсиндру и едва не задохнулась от ужаса. Девочка стремительно отползла назад и прижалась спиной к большому пню. Выхватив из-под шкуры большой каменный нож, она крепко ухватила его обеими руками. Тали была в числе немногих людей, знавших о верховных волках и об их роли в жизни всех остальных волков. Может, она и испугалась Милсиндру и Кивдру, но не ударилась в панику.

– Ты не ушиблась, Серебряная Луна? – так она называла меня из-за знака полумесяца на груди.

Люди не понимают наш язык, как и языки всех других лесных зверей, но иногда я могу объясняться с Тали другими способами. Я негромко тявкнула, сообщив, что со мной все хорошо. Девочка ослабила хватку, встала и, покачиваясь, пошла к Милсиндре и Кивдру. За последние несколько лун она так вытянулась, что ее длинные ноги и руки стали очень неуклюжими.

– Приветствую вас, господа волки! – важно произнесла она.

Милсиндра рассмеялась и шагнула навстречу девочке, потом обернулась, посмотрела на меня и оскалила зубы.

– Если ты нападешь на кого-то из нас, то Совет верховных волков непременно узнает об этом, – со смелостью отчаяния крикнула я. – Совет постановил отпустить нас. Зориндру пока еще вожак верховных.

Зориндру был старый верховный волк, считавший меня спасителем, а не погубителем волчьего рода, и поклявшийся помочь нам исполнить Обет.

Милсиндра отвернулась от Тали. В три прыжка волчица оказалась передо мной. Она не остановилась и продолжала идти, оттеснив меня к осине. Я услышала, как зарычал Аззуен. Когда я уперлась крестцом в твердую кору дерева, Милсиндра склонилась ко мне.

– Ты опасна настолько же, насколько невоспитанна, юная волчица. Я же предупреждала, что твои шашни с людьми погубят тебя. Тебе надо было слушать, что говорят другие, более мудрые, волки, – она еще больше оскалила зубы. – Ну что ж, это даже к лучшему. Теперь я смогу убедить Совет, что этот старый дурак уже не может быть главой стаи.

– О каком дураке ты говоришь, Милсиндра?

Голос был спокойным, почти дружелюбным. Милсиндра отпрянула от меня, резко обернулась и увидела старого верховного волка, сидевшего на краю поляны. Зориндру окинул ее взглядом из-под полуприкрытых век.

По обе стороны от старика стояли два сильных волка с настороженными ушами и напряженными мышцами. Оба кивнули мне. Это была стража вожака – Яндру и Франдра, верховные волки, возглавлявшие стаю Быстрой Реки. Они помогали мне чаще, чем вредили, и помогали Зориндру руководить великими волками.

Оттолкнувшись задними лапами от моей груди, Милсиндра подошла к Зориндру. Голос ее зазвучал спокойно, несмотря на то что бока предательски подрагивали. Она выказывала непокорность, но, несмотря на это, Зориндру был ее вожаком.

– Ты неправильно меня понял, Зориндру, – произнесла она. – Волки погибнут на копьях людей, и виноват будет этот дрельшик. – Она повела пастью в мою сторону. – Нам надо избавиться от нее и от всех, в ком течет ее кровь, испорченная любовью к людям.

Зориндру встал. Он начал править великими волками задолго до того, как родились все известные мне волки. Он был так худ, что позвоночник выпирал на его спине, покрытой поредевшим мехом. Он стал еще более немощным со времени нашей последней встречи.

Он посмотрел на Кивдру, который все еще стоял на Аззуене, и тот метнул на старого вожака горящий взгляд. Зориндру так долго молча смотрел в глаза молодому волку, что мне захотелось выть, чтобы хоть как-то нарушить тишину. Потом старик ощерился. Его зубы были стесаны так, что я засомневалась, может

ли он охотиться сам, но рык сохранил свою мощь, и Кивдру прижал уши и отступил от Аззуена, который, шатаясь и кашляя, встал на лапы.

Милсиндра, крадучись, подошла к Зориндру, ее бока все еще подрагивали. Она была на полголовы выше его, могучие мышцы виднелись под ее блестящим мехом так же хорошо, как кости под тусклой шерстью Зориндру. Но было видно, что она боится старика. Когда она заговорила, в ее голосе послышалась мольба.

– Люди убили старого волка без всякой причины, – заявила она. – Всего лишь вопрос времени, когда они начнут охотиться за волками по всей земле. Люди всегда дрались с волками, а теперь это случается все чаще и чаще.

Исполнить Обет было очень трудно. Волки должны были остаться с людьми, чтобы они не чувствовали себя оторванными от окружающего мира, но каждый раз, когда люди и волки сходились, они начинали биться друг с другом. Именно я должна была это изменить.

– Мы говорили дрельшику, что она, ее стая и ее люди смогут спокойно жить, если она сохранит мир между людьми и волками, – продолжила Милсиндра. – Но она не сумела этого сделать. Единственное, что нам остается, это избавиться от людей и волков, приставших к ним.

– Ты говорила, что нам дается три луны, – перебил ее Аззуен. – Но прошла только одна луна с тех пор, как мы начали.

Кивдру бросился к нему, но отпрянул, когда сверху на землю упала большая пернатая тень и ударила его по холке. Ворон, широко расправив крылья, приземлился перед Аззуеном и уставился на Кивдру немигающим взглядом своих круглых блестящих глаз.

Тлитоо был молодым вороном, но его голова доставала до пасти Аззуена, а размах крыльев был таким же, как длина волка. Размеры, а еще мощный клюв и могучие когти делали ворона отменным бойцом. Когда я была еще щенком, он стал моим другом и верным союзником против верховных волков. Он был, кроме того, Нейякилакином – вороном, который мог бывать и в мире жизни, и в мире смерти. Он мог брать меня с собой в эти путешествия, мог помочь мне проникнуть в тайные мысли других, но только я одна это знала.

Я воспользовалась мгновенным замешательством, чтобы посмотреть на Тали. Девочка стояла на пне, по-прежнему сжимая в руке нож. Пока она была в безопасности.

Тлитоо посмотрел на Кивдру и взмахнул крыльями.

Ворчащие волки думают, что правят миром,

Но иногда и они должны проявлять смирение.
Вороны помогут им в этом.

Вороны всегда выражаются витиевато и не очень понятно. Меня это порой раздражает, но когда я вижу, как это пугает Кивдру, мне хочется вылизать Тлитоо от клюва до хвоста. Я никогда не могла понять, почему верховные волки так робеют в присутствии воронов. Кивдру отступил на шаг.

– Юный волк прав, – произнес Зориндру, взглянув в сторону Аззуена. – Пока еще война между волками и людьми здесь не началась, – его рыжеватые глаза встретились с моими. – Как ты собираешься сохранить это положение, Каала?

– Я собираюсь найти мою мать… – заговорила я.

Милсиндра торопливо перебила меня.

– Твоя мать нарушила законы Широкой Долины уже тем, что родила тебя на свет! – зарычала она, намеренно повернувшись хвостом к Зориндру, чтобы с помощью гнева заглушить страх перед ним. – Этот старый волк и те глупцы, что следуют за ним, верят, что она знает, почему волки и люди не могут жить бок о бок друг с другом, и ее ответ позволит нам изменить положение и исполнить Обет. Они уверены, что она поделится этими сведениями только с тобой, ее дочерью и дрельшиком. А я думаю, люди будут драться с нами, несмотря ни на что, и твои действия только ускорят наш конец. Но Совет не прислушался ко мне. Они постановили, что ты можешь покинуть долину и идти искать свою мать.

Зориндру тихо кашлянул.

– Ты снова выказываешь недовольство моим правлением, Милсиндра, как и решениями, которые принимает Совет под моим началом, – сказал старый верховный волк. – Ты хочешь оспорить мое решение?

Милсиндра обернулась и долго смотрела на старого волка, а потом поджала хвост и отвела взгляд. Зориндру, наоборот, поднял хвост.

– Мы дадим ей время до Равноденствия, Зориндру. Я все сказала.

Каждый год бывает два равноденствия, когда день становится равен ночи. До следующего Равноденствия осталось меньше одной луны.

Милсиндра подняла хвост.

– Если к Равноденствию она не принесет нам ответ, то мы – и те, кто присоединится к нам, – отнимем у тебя Совет. Мы будем убивать людей и волков, примкнувших к ним. – С этими словами

она кивнула Кивдру, и два верховных волка потрусили с поляны. Франдра и Яндру побежали за ними.

У меня подкосились лапы. Только теперь, когда Милсиндра ушла, я почувствовала, как сильно испугалась. Зориндру коснулся носом моей морды.

– Пока я могу обуздать Милсиндру, но это ненадолго, – произнес он. – Она убеждена, что единственный способ спасти волчий род – это остановить тебя. В Совете много волков, готовых пойти за ней, а я не вечен. Найди свою мать, Каала, и как можно скорее. Я смогу отбиться от людей, от Кивдру и Милсиндры – во всяком случае, до Равноденствия, но за то, что будет потом, я не могу отвечать, – он кивнул мне и исчез за деревьями.

Я испустила долгий вздох облегчения. То же самое сделала и Тали. Она спрыгнула с пня и подбежала ко мне, обхватила за шею и обняла с такой силой, что я захрипела.

Тут нетерпеливо заговорил Тлитоо.

– Волчонок, – негромко каркнул он, – если ты будешь попадать в беду всякий раз, как я отлучаюсь, мы далеко не уедем. Я не могу все время следить за тобой, как за желторотым сосунком. – Он посмотрел на меня своими круглыми глазками, перья на шее топорщились от возмущения. Он раскрыл крылья, и на одном из них я увидела белый полумесяц. – Тебе не стоило возвращаться в прежнюю стаю, ты перестала принадлежать ей.

– Ей надо было попытаться, – возразил Аззуен.

Тлитоо возмущенно закаркал, потом рванулся вперед, схватил Аззуена за ухо и резко дернул. Аззуен взвыл и отпрянул, но Тлитоо не отставал, продолжая наскакивать на волка, и схватил его за нос. Он уже хотел клюнуть его в хвост, когда на поляну ленивой трусцой выбежала светло-серая волчица.

Марра была сестрой Аззуена из одного помета. Это была высокая, быстроногая волчица, способная догнать в долине любого зверя. Светло-серый мех был мокрым и грязным. Рядом с Маррой бежал человеческий ребенок с двумя кусками звериной шкуры. Люди называют такие штуки мешками. Один мешок мальчик держал в руке, второй висел у него за спиной. В ходьбе он помогал себе палками, которые почему-то так нравятся людям. Куски меха, которыми были обернуты ноги мальчика, оказались так же мокры и грязны, как мех Марры. Должно быть, оба пришли от реки. Мальчик явно устал. Он остановился, упал на колени и застыл, стараясь отдышаться. Воздух с хрипом вырывался из его груди. Больше всего на свете Марре нравился бег, и медлительность людей – даже человека, которого она любила так же, как я Тали, – приводила ее в отчаяние.

– Они придут? – спросила она.

– Они для этого слишком трусливы, – ответил за волков Тлитоо. – Они будут прятаться здесь, как мыши в норе.

Тали схватила один из мешков, принесенных Микланом. Ей, как и нам, предстояло покинуть долину. Бабушка передала ей свою роль крианы, духовного вождя племени. Крианы должны были поддерживать равновесие между людьми и природным миром, но многие люди в Широкой Долине перестали их слушать. Бабушка взяла с Тали клятву, что она найдет криан в других племенах и расскажет им о случившемся в долине. Брелан, юноша, которого любили Тали и Аззуен, уже ждал их там. Я пообещала себе, что прежде чем увижусь с матерью, провожу Тали в безопасное место. Я лизнула ее руку, ощутив вкус пота и грязи.

– Ну, мы идем, волчонок? – каркнул Тлитоо. – У нас нет времени мешкать.

Мне нечем было ему возразить. Нам осталось меньше одной луны на то, чтобы найти мою мать и вернуться в долину с ее ответом – как исполнить Обет. Я старалась не думать о том, что могло случиться с Риссой и другими волками Быстрой Реки за время нашего отсутствия. Но я и не могла помочь им, оставшись в Широкой Долине.

Я тяжело вздохнула. В конце концов, мне только десять лун. До сих пор мне помогали старшие волки, давали советы. Но, кажется, это время ушло.

Тали закинула мешок на плечо. Аззуен и Марра с нетерпением смотрели на меня.

Я коротко тявкнула и повела своих спутников прочь из осинника. Нам нельзя было терять время.

Глава 2

Вместе с людьми мы вышли на берег – границу владений стаи Быстрой Реки. Берег был низменный и пустынный, мы просматривались как на ладони, и если бы нам устроили засаду… Однако единственный, кто нас ждал, был наш друг, высокий широкогрудый волк цвета летней травы.

– Значит, Рууко и Рисса не придут? – Пелл не счел нужным скрывать свое недовольство. Это был мускулистый большой волк, крупнее, чем волки Быстрой Реки. В свои три года он мог рассчитывать стать вскоре вожаком стаи Каменной Горы, соперников стаи Быстрой Реки. Он выбрал другую судьбу и пошел с нами, хотя и не испытывал никакой нежности к людям. Марра говорила, что он хотел, чтобы я стала его спутницей, но мне кажется, он просто жаждал приключений, как многие молодые волки. Я была очень рада, что в этом трудном путешествии нас будет сопровождать такой сильный волк.

– Нет, – ответила я. – Они надеются, что верховные защитят их.

Я рассказала Марре и Пеллу о нашем столкновении с Милсиндрой в осиновой роще, и мне очень не хотелось, чтобы Пелл сказал что-то презрительное о моей родной стае. Он всегда считал их слабаками. Но вместо этого он лизнул меня по голове и слегка куснул за ухо.

– Ты же и так всегда знала, что Милсиндра хочет убить тебя, Каала, – заметил он. – Не стоит об этом думать; нам надо поскорее найти твою мать.

Марра одобрительно тявкнула и бросилась в речку. Аззуен и Пелл последовали за ней и поплыли на другой берег. Миклан вошел в реку, и когда вода дошла ему до груди, тоже поплыл.

Я с тревогой посмотрела на Тали. Она не умела плавать. С тех пор как я видела ее карабкающейся на камень в разлившейся в половодье реке, она сильно вытянулась и уже много раз переходила реку вброд, но я все равно нервничала. Девочка была ранена и ослабла. А река такая широкая, что тридцать волков смогли бы встать от одного берега до другого, уткнувшись носами друг другу в хвосты. К тому же после зимних дождей она превратилась в бурный поток, который легко мог увлечь и унести Тали.

– Я справлюсь, Серебряная Луна, – заверила она.

Она стала перепрыгивать с камня на камень, переходя реку. Я плыла рядом с девочкой, держась как можно ближе. С облегчением я увидела, что Аззуен, который уже выбрался на

противоположный берег, снова прыгнул в воду, зашел на глубину и остановился, ожидая, когда девочка дойдет до берега. Вода била его в грудь, но он твердо стоял на лапах. Я вспомнила его маленьким щенком, когда он, выбиваясь из сил, боролся с течением, вместе со стаей пересекая реку. Он был самым слабым волчонком в стае Быстрой Реки. Теперь же он стоял, как скала, – настоящий молодой волк.

Когда Пелл увидел, что Аззуен вернулся в воду, то посмотрел на меня и тоже прыгнул в реку. Тали к тому времени была уже на середине.

– Мне не нужна твоя помощь, – заявил Аззуен.

Пелл, однако, не обратил на его слова никакого внимания. Он был выше и смог зайти в воду на целый корпус дальше. Аззуен попытался пойти за ним вслед, но потерял опору под ногами и упал.

Тали невольно посмотрела на них и тоже свалилась, не дойдя до камня, с которого в два прыжка могла бы добраться до берега. Девочка упала в воду лицом вниз и на короткий, но страшный миг исчезла из вида. Аззуен, Пелл и я тотчас нырнули за ней, но, прежде чем два волка успели ее подхватить, Тали уже сидела на случайно подвернувшейся отмели. Пелл и Аззуен, разогнавшись, не смогли остановиться и врезались в Тали, едва не утопив ее. Девочка с силой оттолкнула их, с трудом поднялась и заковыляла к берегу. Аззуен ухватился зубами за надетую на ней шкуру, которую люди называют *туникой*, и потянул к берегу с такой силой, что Тали снова упала. На четвереньках она вылезла на берег одновременно со мной и Аззуеном.

– Пожалуйста, не помогайте мне больше переходить реки, – попросила она Аззуена и Пелла, выжимая шкуру. От Тали запахло мокрым оленем.

Я прижалась к девочке, стараясь ее согреть, но потом поняла, что мой мех такой же мокрый, как ее одежда.

Поправив висевший за спиной мешок, Тали сердито посмотрела на нас и затопала в лес.

Уже затемно мы наконец добрались до гряды невысоких холмов у подножия восточных гор, обрамлявших долину. Люди развели огонь и постелили на землю шкуры, готовясь к ночлегу. Я в это время поднялась на ближайший холм. Людям потребуется не меньше половины дня, чтобы подняться на него, а мне нужно было посмотреть, что ждало нас завтра. Аззуен, Марра и Пелл отправились исследовать другие дороги – мы хотели найти кратчайший путь на вершину холма. Вскоре я обнаружила извилистую тропинку, которая полого поднималась вверх по

склону. Слабый человеческий запах и более сильный запах оленя отчетливо подсказали мне, кто прошел здесь раньше нас. Запах человека был очень слаб и не тревожил меня: двуногий прошел здесь давно. Удовлетворившись разведкой, я потрусила назад, к нашим людям.

Они дали костру почти погаснуть, и я была этому очень рада. По запаху дыма нас легко могли выследить и чужие люди, и волки. Миклан, свернувшись, мирно спал на обоих мешках, словно охраняя их. Я поискала глазами Тали, но ее не было.

Уткнувшись носом в землю, я пошла по ее следу, ведущему прочь от костра, в недалекую березовую рощу. Там ее запах был очень сильным, но к нему примешивался и другой, отлично мне знакомый.

Земля была взрыта, а под моими лапами виднелись следы двух людей. Одна из ножных шкурок Тали, которые у людей называются *сапогами*, валялась тут же. Над поляной висел удушливый запах пота Давриана. Я оскалила зубы, зарычала и три раза тявкнула, подзывая своих товарищей волков.

Давриан похитил Тали и унес ее прочь.

Как я могла проявить такую беспечность! Нельзя было оставлять Тали одну. Давриан уже однажды похитил ее. Тогда он ударил ее так сильно, что она упала без памяти. Этот человек был необуздан и опасен, и сейчас Тали находилась в его руках. Меня охватила паника, от которой едва не подкосились лапы. У Тали были тупые зубы и слабые челюсти. Она же беспомощна, как щенок! Я с трудом двинулась с места. Скорее я позволю Милсиндре перегрызть себе горло, чем оставлю Тали в руках Давриана.

Откуда-то из березового леса раздался приглушенный крик и шум борьбы. Я устремилась на звук.

Давриан ломился по лесу, как взбешенный лось, оставляя за собой сломанные ветки и глубокие следы. Я догнала его на небольшой полянке, окруженной березами и елями. Увидев его, я замедлила бег, чтобы подкрасться незаметно.

Давриан стоял на коленях, обхватив Тали руками и зажимая ей ладонью рот. Я подползла ближе, сдерживая ярость и желание броситься. Надо было хорошенько обдумать план атаки. В этот момент меня отвлекло выражение лица Давриана. Я ожидала увидеть его искаженным злобой и ненавистью, но на самом деле он смотрел на Тали с нежностью. Давриан так желал Тали, что покинул стойбище и отправился в далекий путь, чтобы найти ее и спариться. Он сильно расстроился, поняв, что она предпочла ему Брелана. Я знала, что волк, отбившийся от стаи, может вести себя

очень странно. Такой волк чувствует себя одиноко и начинает делать глупости. Давриан тоже был сейчас одиноким. Он что-то шептал Тали, и мне показалось, он делится с ней сокровенными тайнами. На какой-то миг мне даже стало его жаль. Моя стая отвергла меня, когда я была крошечным щенком, и я знаю, каково это, когда от тебя отворачиваются те, от кого ты ждешь заботы. Но потом я увидела синяки и ссадины на лице Тали, прочитала страх и ярость в ее глазах и злобно зарычала. Давриан остался один из-за своей слабости и низкой злобы, он сам был в этом виноват. Я внимательно осмотрелась, пытаясь сообразить, как мне освободить Тали.

Длинную палку с острым концом Давриан воткнул в землю недалеко от себя, чтобы в любой момент до нее дотянуться. Палка была сделана из ольхи и выглядела как длинная тонкая ветка, но в отличие от настоящей ветки она была почти прямая и гладкая. К одному концу крепился кусок камня. Таким камням люди умеют придавать форму клыка и очень остро их затачивать. Люди называют подобные палки *копьями* – это их излюбленное боевое и охотничье оружие. На поясе Давриана висело другое острое лезвие. Оно было приделано к небольшому кусочку дерева. Наверное, он думал, я так глупа, что не позабочусь о своей безопасности. Он всегда говорил другим людям, что волки ничтожные, дикие и глупые твари, и, к нашему счастью, он действительно в это верил.

Сзади незаметно подполз Аззуен и ткнулся носом в мою морду. Родной запах Быстрой Реки, влажной почвы и можжевельника успокоил меня. Мне захотелось свернуться рядом с ним в клубок и уснуть, чтобы наше дыхание смешалось в этом мирном сне. Я встряхнулась: как я могу думать о сне, когда Тали в опасности?

– Понимаешь, что это ловушка? – шепнул мне Аззуен.

Я кивнула в знак согласия.

– Мы будем охотиться на него, как на зубра, – сказал Аззуен, обежал людей, оказавшись с противоположной стороны от них, и спрятался в кустах. Давриан неуклюже топтался, ожидая моего нападения. Нам с Аззуеном даже не надо было смотреть друг на друга. Когда мы недавно охотились на зубра – огромного опасного зверя, – то сначала разозлили его, заставив потерять голову, а потом напали. Оценив состояние Давриана, Аззуен решил, что он поведет себя как зубр.

Аззуен громко зашуршал листьями в кустах. Давриан встал и, не выпуская из рук Тали, резко оглянулся на звук. Я подкралась к Давриану сзади, ухватила его за край туники и сильно потянула на себя. Давриан взвизгнул, как поросенок, и обернулся. Тали изо

всех сил ударила его ногой по голени и локтем в живот, а Аззуен бросился на Давриана из засады. Тот выпустил из рук Тали и уронил палку с острием. Девочка упала на руки, схватила палку и уползла в кусты. Аззуен еще раз толкнул Давриана, а я ударила его под колени и повалила на землю.

Аззуен бросился в лес вслед за Тали, а я задержалась, поставив лапы на грудь лежавшего Давриана. От гнева я оскалила зубы, слюна капала на грудь ненавистного человека. Он убил бабушку Тали. Он убил бы и меня, и всю нашу стаю. Он бил Тали. Я понимала, что он будет преследовать нас и снова постарается похитить Тали.

Никогда не убивай человека, если он не напал на тебя первым. Это была одна из самых важных заповедей Обета. Если волки начнут убивать людей, то люди станут нападать на нас чаще, чем сейчас, и поэтому мы нападаем на людей лишь ради спасения собственной жизни. Некоторым зверям нарушить обещание так же легко, как ворону сломать клювом ветку. Но мы, волки, не таковы, от доверия в стае зависит наша жизнь.

Я отпустила человека.

– Серебряная Луна! – позвала меня Тали. – Идем!

Я еще раз рыкнула на Давриана и побежала искать Тали. Я догнала ее в лесу, по которому они с Аззуеном шли окольным путем к костру. Когда мы подошли к спящему Миклану, я принесла Тали оброненный ею сапог.

Миклан встал.

– Что случилось? – поинтересовался он.

– Давриан выследил нас, – ответила Тали, беря у меня сапог. Я думала, она будет испугана, но в голосе девочки не слышалось страха. Я ткнулась носом в ее руку, спросив, как она себя чувствует. Тали улыбнулась мне, ее глаза блеснули в свете луны.

– Я знала, что он нас найдет, – сообщила она, – и поэтому дала ему себя похитить. – Стоя на одной ноге, Тали натягивала на ногу сапог. – Он спросил, куда мы идем, и я солгала. Я сказала, что мы идем в стойбище Реллин на южных холмах.

Девочка поступила умно и храбро, но мне не понравилось, что она рисковала собой, и я наступила лапой ей на ногу.

Тали улыбнулась.

– Пока он поймет, что я его обманула, мы успеем далеко уйти, и он нас не найдет.

Миклан, однако, лишь нахмурился в ответ. Его тоже тревожило наше положение.

– Я знаю, что делаю, – заверила нас Тали. Я защищала ее с первого дня, как увидела, и продолжала относиться к ней как к щенку. Но теперь, взглянув на ее решительное лицо, на стиснутые

зубы, я поняла, что не могу запретить ей рисковать, как не могу запретить Марре и Аззуену охотиться на злую и опасную дичь.

Тали склонилась к шкуре, на которой спала, и принялась укладывать ее в мешок.

– Мы меняем ночевку, – заявила она.

Усевшись рядом с ней, я смотрела, как она собирает вещи, и одновременно оглядывала поляну и прислушивалась к шагам бродившего где-то поблизости Давриана. Я, как могла, старалась защитить Тали от опасностей темной ночи.

Глава 3

Люди нашли новое место ночлега в часе ходьбы от прежнего, между тремя высокими скалами, которые могли защитить от ветра и спрятать от Давриана. Уже не в первый раз я порадовалась, что у людей такое слабое обоняние. Давриан не сможет найти нас по запаху.

Поднялся ветер, и начался ливень. Миклан достал из мешка свернутую лосиную шкуру, а Тали извлекла из другого мешка свою. Люди изобрели способ сохранять шкуры так, что они оставались мягкими, будто были еще живыми. Развернув шкуры, они воткнули свои палки в специально выкопанные в мягкой земле отверстия. Аззуен, навострив уши, с интересом наблюдал за ними. Люди и их орудия просто зачаровывали его. Своими умными и ловкими руками Тали и Миклан закрепили шкуры на палках и связали их концы веревками из полосок высушенной оленьей кожи, сплетенной со стеблями тростника. Получилось маленькое убежище. Аззуен, принюхиваясь, обошел его со всех сторон. За волком, тихо каркая, неторопливо шагал Тлитоо. Стоило людям отвернуться, как он сильно клюнул основание одной палки, и шалаш завалился набок, накрыв Аззуена. Тлитоо довольно рассмеялся.

– Прекрати! – сердито прикрикнул Миклан на Аззуена, поднимая упавшие шкуры. Дождь намочил мех на голове мальчика, волосы прилипли к голове, и маленький человек казался теперь еще меньше. Аззуен не мог сказать Миклану, что это ворон повалил шалаш. Тлитоо самодовольно усмехнулся и отошел на несколько шагов в сторону.

– Если бы ты умел говорить со своими людьми, то объяснил бы, что произошло, – заявил он. – Плохо, что ты этому так и не научился.

Бабушка Тали была единственным человеком, который нас понимал.

Аззуен рявкнул на ворона, но Тлитоо, довольно хрипя, взлетел в воздух. Для нас, волков, он был недосягаем.

Люди снова воткнули палки в ямки и заползли в свое убежище. Кожаный полог защищал их от дождя, и, хотя желательно было как можно скорее уйти из долины, я так устала, что мне тоже захотелось спрятаться в странном человеческом логове.

Пелл вспрыгнул на вершину одной из скал. Я с невольным восхищением посмотрела на могучие мышцы, перекатывавшиеся под его мокрым мехом.

– Я буду охранять вас, Каала, – сказал он. – Тебе надо отдохнуть.

Пелл выбрал самую дальнюю от человеческого логова скалу. Он не доверял людям и однажды признался, что ему не хотелось бы охотиться вместе с ними. Пока мы шли, Пелл бросал на Миклана подозрительные взгляды, да и вообще чувствовал себя не очень уютно рядом с мальчиком.

Аззуен выбрал другую скалу, а Марра третью. Я с радостью присоединилась бы к ним, но два дня драк и бегства так меня измотали, что надо было хорошенько выспаться. Глаза просто закрывались на ходу.

Миклан с серьезным лицом сел у входа в палатку, скрестив ноги и положив копье на колени. Он был младше Тали. Трудно было доверять ему охрану нашего лагеря, но ему хотелось взять эту ответственность на себя, и это вызывало уважение. Когда я подошла к входу в шалаш, он улыбнулся мне. Миклан всегда хорошо к нам относился, даже лучше, чем Тали. С первой же встречи он относился к нам как к своим сородичам. Марра думала, что это из-за того, что он был еще ребенком. Я от души надеялась, что он не утратит своего доверия теперь, когда его детство осталось позади.

Предоставив моим друзьям стеречь лагерь, я вползла в палатку. Тали уже спала, и я тихонько устроилась рядом с ней. Я прислушалась к ее ровному дыханию, и мои веки тоже начали закрываться. Но, несмотря на усталость, я никак не могла уснуть и подвинулась ближе к Тали. Мне очень хотелось отдохнуть, но было еще одно неотложное дело.

– Тлитоо! – прошептала я. Он не ответил. Я снова позвала его, немного громче. Я хотела позвать ворона в третий раз, но он уже услышал меня и вошел в шалаш.

– Я не сова, волчица, и не летучая мышь. Я и так уже слишком поздно лег спать сегодня.

– Я хочу знать, что ей снится, – сказала я.

Ворон досадливо щелкнул клювом, и я прижала уши.

– Ладно, волчонок, – проворчал он. – Когда я вижу твой страдальческий, как у голодного щенка, взгляд, то не могу устоять. Но учти, когда тебе будет страшно хотеться спать, я тебя обязательно разбужу.

Продолжая ворчать, он втиснулся между мной и спящей Тали. Я никому, даже Аззуену, не говорила, что мы с Тлитоо можем делать. Мне не хотелось, чтобы друзья знали, что я и в самом деле особенная.

Мы с Тлитоо могли попадать в мысли верховных и обычных волков, но проникновение в мысли Тали особенно завораживало.

Мне всегда страстно хотелось с ней поговорить. Когда Тлитоо вводил меня в мир ее мыслей, я чувствовала, что становлюсь близка с ней, как с волком, и сейчас мне очень нужна была эта близость.

Тлитоо тихо что-то проворковал и улегся между мной и девочкой так, чтобы одновременно касаться нас обеих. Для того чтобы совершать путешествия в мысли других существ, ему нужен был телесный контакт с ними.

Я приготовилась к исчезновению звуков и запахов, что всегда происходило, когда я проникала в чужие мысли. Это было сродни ощущению внезапного падения в пропасть, и каждый раз перед этим у меня перехватывало дыхание. Но перед путешествием в мысли и чувства Тали я всегда испытывала еще и головокружение, и страшную растерянность. Проникновение в мысли других волков не было столь болезненным. Люди так странно представляли себе мир – для них он был полон красок и смутных колеблющихся контуров, – поэтому, когда я попадала в него, мне становилось не по себе.

Я подождала, пока уляжется тошнота, а потом погрузилась в мысли Тали.

Я сразу увидела сморщенное лицо старой женщины и съежилась, вспомнив, что это я невольно приблизила ее смерть. Потом я глубоко вздохнула, чтобы успокоиться. Если тот день в хижине Ниали был так важен для Тали, что даже приснился ей, то мне надо набраться мужества и посмотреть этот сон до конца. Я постаралась успокоиться среди ее мыслей, и постепенно мне это удалось.

Тали знала, что бабушке осталось жить недолго. Ниали призналась, что в последнее время ей становится все труднее дышать и следующую зиму она не переживет. После этого Тали придется взять на себя дело криан.

– У тебя есть волки, – промолвила старая Ниали, – ты хорошо их знаешь и дружишь с ними. Они тебе помогут.

Тали оглянулась через плечо. У каменной стены хижины спала волчица. Она похрапывала и слегка подергивала лапами во сне.

Тали подошла к волчице и селя рядом с ней.

– Я не могу с ней говорить, – сказала она бабушке. – Ты можешь, а я нет.

Тали умела разговаривать с животными, когда была совсем маленькой. Она беседовала с кроликами и воронами, которые говорили, что от нее дурно пахнет, она могла общаться даже с пещерными львами. Она понимала и гигантских волков, с которыми бабушка познакомила Тали, когда та еще не умела

толком ходить и спотыкалась, как жеребенок. Но сейчас Тали перестала понимать язык зверей. Часто ей казалось, что она видит какую-то мысль в глазах Серебряной Луны, но всегда сомневалась, боясь ошибиться.

– Ты найдешь другой способ общения с ними, – ответила Ниали.

Тали легла рядом с волчицей и вдохнула дурманящий аромат леса. Девочке было всего четыре года, когда бабушка начала готовить ее к роли крианы племени, и с тех пор началось ее одиночество. Очень многие соплеменники не хотели прислушиваться к крианам, которые говорили, что надо и чего не надо делать, на каких животных можно охотиться, а на каких нет. Люди смеялись, когда Тали объясняла, что они – такая же часть лесов, как и животные, на которых они охотятся, и растения, которые они едят. Люди начали сторониться Тали. Ей стало казаться, что она лишилась семьи.

Так продолжалось до того дня, когда она упала в реку.

Тали изо всех сил боролась за жизнь, но в глубине души ей было интересно, что будет, если она отдастся на волю течения и уплывет к дальним водопадам. Когда какой-то волк прыгнул в воду и поплыл к ней, девочка решила, что он сейчас убьет ее – ведь все вокруг утверждали, что волки охотятся на людей. Но волк просто поплыл рядом. Девочка ухватилась за его мех и вместе с ним выбралась на берег.

Потом волк встал, склонившись над ней, и принялся, сопя, обнюхивать ее. Девочка смотрела на огромные зубы и ждала, когда же огромный зверь убьет ее. Но волк не убил Тали, он даже проводил ее до дома.

Тали оперлась спиной на лежавшую у стены волчицу и взглянула на бабушку.

– Они могут не выбрать меня крианой, – проговорила она.

– Я знаю, дитя мое, – вздохнула бабушка. – Если они не позволят тебе стать крианой, тебе придется уйти из долины. Ты все равно останешься крианой, неважно, признают тебя люди племени или нет. Ты найдешь других криан, которые живут в лесах вокруг стойбища Каар. Они знают, что мы должны быть частью природы. Знают, что если победят такие, как Давриан, то мы все погибнем. Они будут до конца бороться за наше правое дело. Ты пойдешь и поможешь им. Ты и твои волки.

Тали во все глаза смотрела на старую женщину. Достаточно и того, что она сумеет убедить людей своего племени стать частью природы. Если у нее это не получится, то как она может рассчитывать, что сумеет убедить чужаков?

– Ты должна это сделать, – упрямо повторила бабушка,

словно прочитав мысли Тали. – То, что произойдет в Кааре, не останется незамеченным и в других местах земли. Их стойбище больше всех других, какие ты видела на своем недолгом веку. Это очень важно, решат ли его люди идти за крианами или возомнят себя царями всех остальных существ. Я слишком стара для такого путешествия, и я доверяю только тебе. Ты должна это сделать.

– Но что, если волки не пойдут за мной?

– Это их долг. – Голос старухи окреп. – Ты просто не слышала. Это долг волков и криан. Твои волки знают о нем, они сами мне сказали. Если ты не научишься с ними говорить, то найди другой способ сообщить, что у вас одна цель.

Старуха с трудом поднялась и заковыляла к Тали.

– У тебя хватит сил сделать все, что ты по-настоящему захочешь сделать. И у тебя, и у твоих волков. Это твой долг, и я знаю, что ты исполнишь его.

– Я исполню его, – прошептала Тали.

Старая женщина посмотрела на девочку, на лежавшего у стены волка, и на ее лице мелькнуло загадочное выражение, которое Тали не смогла понять.

– Ее зовут Каала, ты знаешь, – сказала Ниали, с улыбкой глядя на похрапывавшую волчицу. – Ее друзья – Аззуен и Марра. Это такое счастье, что вы нашли друг друга. – Она выпрямилась и вернулась на свое место у очага. Дрожа от холода, завернулась в шкуру.

Тали зарылась лицом в густой мех волчицы.

– Я люблю тебя, Серебряная Луна, я люблю тебя, Каала. – Она шептала слова, которые никогда не говорила никому, даже Брелану. – Я все сумею, если ты мне поможешь.

Каждый удар мощного волчьего сердца, каждый вздох могучих легких вселяли в девочку уверенность и придавали ей сил. Незаметно она уснула, а когда проснулась, волчицы рядом не было, но лицо девочки было мокрым и липким. Тали улыбнулась – Каала всегда вылизывала ей лицо, когда уходила. Тали встала, поцеловала в щеку спящую бабушку и выскользнула из дома в холодок раннего утра.

– Просыпайся, волчонок, – прохрипел Тлитоо. – Уже светает.

Я, прищурившись, посмотрела в круглые глазки ворона и заставила себя окончательно пробудиться. Путешествие в чужие мысли всегда страшно меня утомляло, но сейчас хотелось завыть от восторга. Я узнала что-то очень важное в воспоминании Тали – у нас с ней была общая цель, одна задача.

Я должна была догадаться об этом раньше, ибо крианы отвечали за то, чтобы люди познали и осознали Равновесие.

Равновесие – вот что сохраняет целостность мира. Каждое существо хочет жить и иметь как можно больше еды и территории. Но если какое-то существо станет слишком сильным, то Равновесие нарушится и другие создания погибнут. Люди нарушают Равновесие, и именно поэтому они должны исполнить Обет. Люди-крианы напоминали своим собратьям об их месте в мире.

Я вспомнила день, проведенный в жилище Ниали. Я пришла тогда, страшно усталая после неудачной охоты, и не прислушивалась к тому, что старуха говорит своей внучке. Но теперь, узнав об этом, я радовалась так, что сердце едва ли не выскакивало из груди. Я уже знала, что волки и крианы поклялись сохранить связь людей с природой и для этого Тали должна будет покинуть долину. Теперь же я узнала, что у нас с ней одна задача и крианы, которых мы будем искать, помогут нам ее решить.

Заметила я и то, чего не увидела Тали. Она не смогла истолковать выражение лица Ниали, но я его хорошо поняла. Люди слишком сильно полагаются на слова и читают выражения лиц даже своих сородичей хуже, чем мы, волки. Лицо старой женщины было искажено тревогой и страхом, но читалась в нем и надежда. Старуха не была наивной девочкой, и поэтому я тоже прониклась надеждой.

Я лизнула Тали, и она вытерла лицо тыльной стороной ладони.

– Как это противно, Серебряная Луна, – укоризненно произнесла она. – Бабушка говорила, что тебя зовут Каала.

Я снова лизнула девочку – от подбородка до лба – и пошла к выходу из укрытия, давая ей понять, что пора вставать. Увидев, что у Тали снова сонно слипаются глаза, я обернулась, высунула язык и грозно направилась к ней.

– Все, все, – засмеялась Тали, прикрыв руками лицо, – я уже проснулась.

Она встала и выбралась из палатки. Миклан уснул, а мои друзья-волки по-прежнему несли свою вахту. Тали исчезла за скалой, и я последовала за ней. В нос мне ударил горьковатый запах ели.

– Не надо ходить за мной, Каала, – сказала Тали, присаживаясь за камнем. Но я ее не послушалась. Отныне глаз с нее не спущу.

Позади меня хрустнули сухие листья, и я обернулась, рассчитывая увидеть Аззуена или Марру. Но вместо них заметила серый мех, мелькнувший в кустах.

– Ты видела? – спросил Аззуен. Глаза его были расширены от

страха, когда он спрыгнул ко мне со своего наблюдательного пункта.

Я опустила к земле нос и пошла на сухой и резкий запах ели, отдававший едва заметной горечью.

Аззуен вскоре обнаружил след лапы, отпечатавшийся в грязи. След был один, но настолько отчетливый, что, казалось, его оставили преднамеренно. Я оставила рядом с ним свой след – он оказался в два раза меньше.

– Верховный волк, – сказал Аззуен.

И не просто верховный волк, подумалось мне, когда я снова принюхалась к следу. Это была Милсиндра. Она даже не пыталась скрыть свой запах, как это умеют делать верховные. Она преследовала меня и хотела, чтобы я это знала.

Шерсть у меня на спине встала дыбом. Я не знала, что было на уме у Милсиндры, но понимала, что ничего хорошего нас не ждет. Ее заставили выпустить меня из долины, но она считала, что Совет совершил ошибку, поэтому наверняка она постарается помешать мне – это было так же неизбежно, как восход луны.

Глава 4

Остановившись на горном перевале, который должен был вывести нас из долины, я оглянулась и бросила прощальный взгляд на свой дом. Я увидела длинное извилистое русло Быстрой Реки и очертания холма Волкоубийцы. Но все остальное в ярком свете дня показалось мелким и незнакомым; Широкая Долина уже стала мне чужой. Аззуен тоже оглянулся, но Марра и Пелл смотрели только вперед. Тлитоо кругами парил над нами, то опускаясь, то взмывая вверх в восходящих потоках воздуха. Рядом с ним летел еще один ворон. Я узнала птицу – это была самка, которая иногда присоединялась к Тлитоо.

Рядом с нами, тяжело дыша, поднимались в гору Тали и Миклан. Люди, даже молодые, не могут бегать быстро, как мы. Я больше не ощущала запах Милсиндры, но спиной чувствовала ее горячее дыхание, а до Равноденствия оставалось не больше трех четвертей луны. Мы поторапливали людей, хватая их за одежду, когда они начинали идти слишком медленно, и подгоняя носами, когда они надолго останавливались. Но, несмотря на это, нам понадобился целый день и еще почти полдня, чтобы добраться до высокого перевала, который должен был вывести нас из долины.

Когда-то я думала, что Широкая Долина очень велика. Теперь же я видела, как мала она на самом деле. Страна, расстилавшаяся перед нами – бескрайние луга с перелесками, – простиралась насколько хватало глаз. Справа виднелись высокие холмы, поросшие сухой жесткой травой, слева рос лес, состоявший из сосен, кипарисов и елей. У меня заурчало в животе. В этом лесу добычи хватит на десять волчьих стай. Я вдруг вспомнила, что давно ничего не ела.

Сразу за кипарисовой рощей возвышалась скала размером с добрый холм. Именно здесь я должна была встретиться с матерью, но необъятность пространства сбивала с толка, и я никак не могла понять, далеко ли нам идти до той скалы. Я даже не знала, там ли еще моя мать. До нашей встречи оставалась одна луна, а пока мать где-то пряталась от верховных волков. Но у меня все равно сжалось сердце и перехватило дыхание. Впервые за долгое время я наконец-то увижу мать. Я хорошо помнила запах молока, тепло ее живота, ощущение надежности, покоя и защищенности.

Когда ты вырастешь и тебя примут в стаю, ты пойдешь и найдешь меня, сказала мама до того, как Рууко прогнал ее из стаи. Я никогда не забуду эти слова. Неужели не пройдет и дня, как я снова увижу ее?

Хрипловатый голос Тали прервал мои размышления.

– Нам надо найти место, где в ручье лежат друг на друге две упавшие сосны, – сказала она Миклану. Они с мальчиком, пошатываясь, смотрели на долину. Над землей плыли темные облака, обещая долгие дожди.

Тали сжимала в руке кусок оленьей кожи. Она глянула сначала на него, а потом на озеро.

– Нам надо идти вон к той скале, а потом по карте к Скрещенным Соснам.

Я не смогла точно понять, какое отношение кусок кожи, который Тали назвала картой, имел к поиску Скрещенных Сосен, но людям мало глаз для того, чтобы находить места, где они никогда прежде не бывали. Наверное, *карта* – это еще одно проявление человеческого ума, который компенсирует людям слабость их природных чувств.

Мы спустились к подножию небольшого холма, когда начался дождь. Людям понадобилось несколько часов, чтобы спуститься с горы, и теперь им требовался отдых. К тому же начало уже темнеть.

Палатку они поставили возле большого камня. Мне много раз приходилось охотиться под дождем и переплывать Быструю Реку в грозу, но все же я предпочитаю сухие места. Аззуен, Марра и я заползли под полог палатки, Пелл, еще не избавившийся от своей подозрительности, остался пережидать дождь под открытым небом. Тали и Миклан вытащили из мешков обжаренное на огне мясо. Я понимала, что им надо поесть, но была так голодна, что не выдержала и тихонько заскулила. Жареное мясо лучше нашей обычной еды. Оно сочное, вкусное и пахнет дымом человеческого костра. Один кусок жареного мяса стоит двух кусков сырого. Аззуен и Марра были не менее голодны, чем я, и тоже не мигая смотрели на людей. Тали улыбнулась и дала по куску мяса мне и Аззуену. Миклан дал еду Марре. С виноватым видом я быстро проглотила мясо.

– Надо будет раздобыть еще еды, – заметила Тали, видя, как жадно мы глотаем свои куски.

В этом мы, несомненно, могли им помочь. Молодые люди немного поговорили и улеглись спать на расстеленных шкурах.

Дождавшись, когда они крепко уснут, Аззуен, Марра и я выползли из палатки. Дождь прекратился, с чистого неба сияла серебристая луна.

Увидев нас, Пелл сладко потянулся, приподняв зад.

– Я голоден, – заявил он.

Мы были в пути уже три дня, и за это время нам удалось лишь несколько раз поживиться какой-то мелочью по дороге и

крохами, которые оставляли нам люди. Нужна была полноценная охота. Я оглянулась на палатку, где спали Тали и Миклан.

– Мы не можем оставить их одних, – сказала я.

– Мы последим за твоими человечками, – Тлитоо приземлился у входа в палатку, а Хлела уселась на ее крышу. – Мы нашли их Скрещенные Сосны. Они находятся сразу за тем местом, где ели уступают место соснам.

– Вы не сможете следить за людьми, потому что вам надо выспаться, – возразила я. Вороны, как и люди, ночью спят.

– Мы проснемся, если кто-то подойдет, – уверила нас Хлела, опустив крылья и свесив голову между ними.

– Мимо воронов не пройдешь, – добавил Тлитоо. – К тому же поблизости нет ни одного злюковолка или человека.

Злюковолками ворон называл верховных волков. Я все еще колебалась, и тогда Тлитоо с силой выплюнул мне в голову косточку какой-то ягоды.

Лохматый безмозглый волчонок
Думает, что знает больше ворона.
Добром это для волчонка не кончится.

Я рассмеялась и тряхнула головой.

– Идемте искать добычу, – сказала я своим друзьям-волкам.

Марра взвизгнула от радости и побежала вперед. У нее был прекрасный нюх, а это особенно важно на охоте в незнакомой местности. Требовалось не только учуять добычу, но и не забежать случайно на территорию другой волчьей стаи. В Широкой Долине мы знали территории всех стай, но здесь придется соблюдать осторожность.

Марра принюхалась к земле, потом подняла морду.

– Я чую добычу, – крикнула она, завиляв хвостом. – Не могу сказать, что это, но какой-то зверь.

Она отступила в сторону, и я не задумываясь взяла след. Только тут до меня дошло, что я действую как вожак, и смущенно оглянулась. Аззуен стоял рядом, наклонившись к земле и нюхая след. Пелл и Марра остановились позади меня, ожидая, что я решу делать дальше. Сердце мое сильно забилось от радости: я возглавлю охоту. Я издала низкий отрывистый лай, как это делал Рууко, начиная погоню.

Я сделала шаг вперед, запуталась лапами в корнях и поскользнулась в грязи. Я не успела сохранить равновесие и полетела вниз, но сумела приземлиться на грудь. И тотчас встала. По груди и морде стекала жидкая грязь.

Марра пробежала мимо меня.

– Постой! – крикнула я. Мне хотелось удостовериться, что рядом нет других волков, которые могли бы заявить свои права на добычу. Но Марру не интересовали такие мелочи. Когда мы с Аззуеном догнали ее, она уже стояла на вершине холма и смотрела на луг, где при ясном свете луны паслись какие-то животные, похожие на лосей. Пелл бежал немного позади – на случай опасности. Мне самой следовало бы подумать об этом.

Я внимательно присмотрелась к добыче. Эти животные походили и на лосей, и на снежных оленей. У них были длинные стройные ноги, и они казались легче, чем лоси долины.

У меня слюнки потекли.

Несколько лосей посмотрели вверх по склону холма и заметили нас. Эти животные всегда были настороже, ожидая непрошеных охотников. Мы начали тихо съезжать на брюхе с холма, когда сзади раздался предостерегающий клич Пелла.

По равнине бежали пятеро волков, распугивая добычу. Они бежали прямо к нам, оскалив зубы. Нас было хорошо видно даже в тусклом лунном свете. Это оказалось глупостью с моей стороны – встать на таком открытом месте.

Мы ждали их приближения, и я заметила, что снова стою впереди всех. Я лихорадочно попыталась вспомнить, как встречали чужаков Рууко и Рисса, оказавшись на вражеской территории, но так ничего и не вспомнила. Я не могла решить, с чего лучше начать – с угроз или приветствий. А может, лучше всего отступить и убежать? Я все еще раздумывала, когда они настигли нас – мех на спинах стоял дыбом, уши были зло прижаты.

– Вы хотите украсть нашу добычу? – спросила бежавшая впереди волчица. Горделивая осанка и почтение, с каким смотрели на нее другие волки, подсказывали, что она – вожак этой стаи. Я ожидала увидеть на ее месте волка-самца возраста Рууко. Эта волчица казалась моложе Пелла. Остальные волки ее стаи были двухлетки или такие же молокососы, как мы.

– Мы не знали, что это ваша территория, – ответила я. От волнения у меня пересохло в пасти, но говорить я старалась уверенно и спокойно. – Мы не станем брать то, что не принадлежит нам, и покинем вашу территорию, если вы разрешите ее пересечь, – я не раз слышала, как это говорили Рууко и Рисса, но не думала, что и у меня получится так же.

Пятеро волков, рыча, смотрели на нас. Шерсть на их спинах стояла дыбом. Волчица-вожак молчала, и я ждала ее ответа. Я решила, что сейчас они на нас нападут. Мы вторглись на их территорию и готовились атаковать их добычу, так что они имеют полное право постараться убить нас. Они были молоды и сильны,

и к тому же превосходили нас числом. Аззуен, Марра и Пелл подвинулись ближе ко мне.

– Почему от вас пахнет, как от людей? – все еще рыча, спросил один из волков. У него был темный мех и залысина за левым ухом, где заживала свежая рваная рана. Я приготовилась к схватке. Если они попытаются преследовать нас по запаху и выйдут к Тали и Миклану, то я их остановлю.

– Они пришли из Широкой Долины, – заметила волчица. – Там все волки пахнут, как люди.

Ее светло-серый мех отливал серебром в неярком свете луны. Она высоко подняла хвост, едва сдерживая желание вступить в бой.

– Что у тебя с лапой? – поинтересовалась она.

Я колебалась, не желая признаваться в своей слабости.

– Ее ранил человек, – надменно прорычал Пелл. Он всегда говорил таким тоном, когда хотел напугать. Он, заметно прихрамывая, сделал два шага вперед. Во время дождя у Пелла всегда начинала болеть лапа, которую он поранил во время схватки с обезумевшим лосем четыре луны назад. – Она дралась с ним, и он ранил ее своей острой палкой.

– Ты убила его? – спросил темный волк.

– Нет, но я сильно его покусала, – ответила я. Меня ранил Давриан, когда хотел меня убить, но я не хотела рассказывать все чужим волкам.

Пятеро волков, кажется, немного успокоились. Волчица-вожак опустила хвост.

– Меня зовут Лаллна, я из стаи Стражей, – сообщила она, едва заметно улыбнувшись, – а это Желток, – добавила она, ткнув носом в темного самца. Марра тихо фыркнула – имя волка показалось ей смешным. Но что это за Стражи, кого и от чего они охраняют?

– Значит, вы – бродячая стая? – осведомилась волчица. Она не заметила смешка Марры или решила не обращать на него внимания.

– Что?

– Бродячая стая. У вас нет своей территории.

Я уже думала об этом. Стая Быстрой Реки перестала быть нашим домом.

– Нет, – ответила я. – То есть да. У нас нет своей территории.

– Вы пытаетесь найти ее здесь или хотите уйти дальше?

– Кто твой второй волк? – спросил, выходя вперед, тот самый самец, кого Лаллна назвала Желтком.

«Мой второй волк?» – удивленно подумала я. Все волки стаи Стражей уставились на меня. Они решили, что я вожак, а все

остальные подчиняются мне. Желток мельком взглянул на Марру и Пелла и снова перевел взгляд на меня. Если бы они знали, что мы не настоящая стая, что я не вожак, то они наверняка бы уже напали на нас. Они были не слишком велики и не сильнее нас, но мы не могли рисковать, чтобы не пропустить их к нашим людям.

– Мы пока думаем над этим, – ответила я.

– Значит, вы – новая стая, – задумчиво произнесла Лаллна, словно для нее это было очень важно. Она подошла ближе ко мне. – Я бы выбрала этого пахнущего ивой самца, хотя он и хромает. Мне кажется, тебе не стоит выбирать вторым волком самку. Если второй волк будет самцом, он сможет стать и твоим спутником. – Она окинула Пелла оценивающим взглядом и ухмыльнулась.

– Так почему ты дралась с человеком? – не отставал Желток. Рана на его голове стала кровоточить, но, видимо, его это совершенно не беспокоило.

Чем больше я говорила с этими Стражами, тем отчетливее понимала, что им ни в коем случае нельзя рассказывать о наших людях.

Лаллна, Желток и их товарищи смотрели на меня, ожидая ответа. Марра пришла мне на выручку.

– Вы называете себя стаей Стражей? – уточнила она. Она говорила вежливо, но всякий, кто ее знал, уловил бы в ее голосе насмешку над чужой стаей. Я бросила на нее красноречивый взгляд, и Марра опустила глаза, но не от покорности, а чтобы не рассмеяться.

– Да, – ответила Лаллна. – Стражи охраняют все земли от елового леса до Скалистой Вершины.

Я едва не фыркнула от недоверия. Никогда не слышала о стаях, которые бы контролировали такие громадные территории.

– Сколько волков в стае Стражей? – спросил Аззуен. Мех между его глазами сморщился, что бывало, когда он напряженно размышлял. Мне как-то сразу не пришло в голову, что в стае может быть намного больше пяти волков.

– Этого я вам сказать не могу, – прорычала Лаллна.

Аззуен шагнул вперед.

– Что вы охраняете? – не отставал он. Нос его подрагивал, словно он чуял добычу.

Лаллна слегка оскалила зубы.

– Вы очень скоро это узнаете. Всех волков, которые приходят сюда из Широкой Долины, мы должны приводить на поляну нашего сбора. Вы пойдете дальше, если вам разрешит Совет.

Я сразу ощетинилась. Мы не можем бросить наших людей. Даже если вожаки стаи Стражей позволят нам идти дальше, я не

имела права оставлять людей на попечении двух воронов. Я взглянула на Марру. Она лучше других знала обычаи волчьих стай, и я надеялась, что она сможет договориться с молодыми Стражами, чтобы они сами пропустили нас. Но вместо Марры заговорил Пелл.

– Почему мы должны идти с вами? – Пелл сверху вниз посмотрел на Лаллну. – Мы не принадлежим вашей стае и пойдем своим путем. Нам не пристало подчиняться какой-то кучке низкохвостов.

Низкохвостами называют волков, занимающих самые низкие ранги в стаях, волков, которые едят в последнюю очередь. Это было оскорбление, и Стражи на него немедленно отреагировали. Я не успела даже зарычать, когда Лаллна стремительно кинулась на меня.

Я еще не напрягла толком мышцы, чтобы устоять на лапах, а она уже вцепилась мне в холку. Краем глаза я заметила, что и остальные чужаки бросились на моих спутников. Желток и еще один рыжеватый волк кинулись на Пелла, который оскалился и присел, приготовившись защищаться. Два других волка бросились на Аззуена и Марру. Мое сердце билось так сильно, что Лаллна, наверное, слышала его стук. Некоторые волки любят драку, но не я. Лаллна так сдавила мне грудь, что я едва могла дышать.

Волчица ударила меня со всей мощи, стремясь свалить с ног. Первым моим побуждением было противостоять натиску и устоять во что бы то ни стало. Потом я вспомнила, чему учил меня Торелл. Это был отец Пелла и вожак стаи Скалистой Вершины, и он научил меня хитрому приему, который помогает в драке не хуже силы. Я не стала противиться удару и упала, покатившись по земле, заставив Лаллну споткнуться об меня. Прежде чем она успела встать, я уже оседлала ее. Она щелкнула зубами у моего носа и вырвалась, подбросив меня в воздух. Я перекувырнулась и упала на бок.

Мышцы отчетливо проявились под кожей Лаллны, когда она прыгнула мне на грудь, всей тяжестью придавив к земле. Она была не слишком большого роста, и я не ожидала от нее такой силы. Своим прыжком она выбила из моих легких весь воздух, но я все же ухитрилась извернуться, выбраться из-под нее и даже приподняться, прежде чем она снова попыталась меня схватить. Мы покатились по земле, стараясь подмять под себя друг друга. Лапы Лаллны дрожали, но это не был страх, как я подумала вначале. По глазам волчицы было видно, что она просто наслаждается схваткой. Лаллна улыбалась.

Я выгнула спину, развернула задние лапы и ударом головы повалила Лаллну на землю. Погрузив передние лапы глубоко в

мех на ее брюхе, я оскалила зубы и приготовилась укусить.

Я видела, что Пелл отбросил рыжего волка так, что тот покатился вниз по склону холма, а потом свалил Желтка на спину и обхватил зубами его горло. Он не стал сжимать челюсти – просто держал Желтка за горло, а тот пытался лизнуть Пелла в нос. Я вспомнила, что говорил мне Рууко, когда рассказывал о схватках за господство и положение в стае. Только слабый и коварный волк способен без необходимости укусить другого волка. Именно сдержанное поведение Пелла заставило меня овладеть собой. Пелл бросил вызов молодым волкам стаи Стражей, когда отказался идти с ними. Кровь еще не пролилась, но если бы я ранила Лаллну, то спор за господство превратился бы в смертельную схватку. Я оглядела поле боя. Марре и Аззуену приходилось туго, но они держались.

Я отвлеклась, и Лаллна сразу же воспользовалась этим, сбросив меня со своего брюха. Прищурившись, она глянула на меня и что-то тихо сказала своим товарищам. Волки, дравшиеся с Аззуеном и Маррой, отскочили в сторону, а Пелл отпустил Желтка. Пятый волк чужой стаи вскарабкался на вершину холма.

Лаллна продолжала внимательно на меня смотреть. Аззуен резко толкнул меня в бок, и я догадалась, что Лаллна ждет, когда я заговорю. Она все еще считала меня вожаком.

Мы выиграли схватку и получили право диктовать свои условия, но Стражи были сильными волками. Они могли пойти за нами и обнаружить наших людей, напасть на нас снова или привести сюда других волков. Мы не сумели бы от них избавиться, но зато могли выиграть время.

– Мы пойдем на встречу с вашими вожаками, – объявила я, – но прежде нам надо сделать одну вещь.

– Что? – поинтересовалась Лаллна.

– Нам надо кое с кем встретиться, – ответил за меня Аззуен.

Если бы я не боялась отвернуться от Лаллны, то показала бы Аззуену зубы. Он думает, я глупа настолько, чтобы сказать, что нам надо встретиться с людьми?

Лаллна холодно глядела на нас.

– Мы согласны, чтобы вы отвели нас в свою стаю, – вставила Марра. Лаллна продолжала смотреть на меня, ожидая подтверждения.

– Да, – сказала я, поняв то, что уже сообразила Марра: если Лаллна приведет чужаков в свою стаю, это повысит ее статус в глазах вожаков.

– Мы бы победили, если бы не этот пахнущий ивой волк, – заметила Лаллна, – но и вы деретесь неплохо, – она вызывающе вскинула голову. – Если вы согласны пойти к нашим вожакам, то

сейчас можете идти.

– Вы не пойдете за нами, – твердо заявил Пелл, – а дадите время – еще две ночи.

Мне бы ни за что не хватило духу говорить с чужими волками так напористо.

– Мы дадим вам ночь и половину дня, – возразила Лаллна. Пелл едва заметно кивнул мне.

– Хорошо, – согласилась я. – Через одну ночь и половину дня мы вернемся на это место.

Не говоря больше ни слова, пятеро Стражей развернулись и побежали вниз с холма, разбрызгивая грязь.

Глава 5

Когда перед рассветом мы вернулись на нашу стоянку, люди уже проснулись и ждали нас. Они сложили палатку, увязали мешки и достали куски мяса и кислые ягоды на завтрак. Я не могла удержаться и смотрела на них во все глаза, пока они ели, ведь наша охота оказалась неудачной. И снова люди накормили нас из своих запасов. Некоторые волки считают, что люди так не похожи на нас, что им ни в коем случае нельзя доверять, но Тали и Миклан не колеблясь поделились с нами, как волки родной стаи. Я знаю волков, которые ни за что бы не проявили такую щедрость. Аззуен, Марра и я с готовностью съели то, что дали нам люди. Пелл стоял в стороне, отказавшись от их пищи. От него пахло мышами, которых он, видимо, поймал на обратной дороге, но что такое мыши для волка? Пелл ничем не отличался от волков Быстрой Реки: без еды он становился раздражительным и замкнутым.

– Может, ты все-таки поешь? – сердито спросила я. – Если бы мне был нужен неразумный щенок, то я взяла бы с собой его, а не тебя.

Он в ответ зло зарычал.

– Я ем только свою добычу.

– Нам нужны сильные волки, – вмешалась Марра, – а ты наш лучший боец.

Пелл посмотрел на нее, потом на людей, лизнул Марру в макушку и уставился немигающим взглядом на Миклана. Мальчик понимал нас, волков, лучше многих других людей. Он порылся в мешке, достал кусок жареного мяса и на ладони протянул его Пеллу. Волк не двинулся с места. Он пристально глядел на мальчика до тех пор, пока тот не бросил мясо на землю и не отошел в сторону. Тогда Пелл жадно проглотил мясо.

– Спасибо, что поделился добычей, – церемонно произнес он. Миклан вздохнул и перебросил мешок через плечо. Тали взяла свою ношу. Сейчас во что бы то ни стало требовалось их поторопить. Я была убеждена, что Милсиндра идет за нами по пятам, и даже если волки Стражей выполнят свое обещание и дадут нам полтора дня, мешкать не стоило. К моей радости, люди тоже это поняли и пошли вперед быстрым шагом.

Заставить их идти за нами к Скрещенным Соснам оказалось нелегко. Люди порой бывают упрямы, как вороны. Они все время смотрели в свою карту, а не на окружающую местность, и постоянно отклонялись от кратчайшего пути, обнаруженного умным Тлитоо. Я бы не стала мешать людям, если бы не

Милсиндра. Надо было заставить их идти самым коротким путем, чтобы как можно скорее добраться до цели. Чем быстрее люди дойдут до стойбища, тем скорее я увижу свою мать. Когда Тали остановилась возле дерева со странно изогнутыми ветвями и принялась доставать шкуру полога палатки, я вырвала шкуру из ее рук.

– Серебряная Луна! – в раздражении Тали всегда называла меня прежним именем. – Отдай!

Девочка остановилась, топнула ногой и подбоченилась.

Я подбежала к ней вплотную, словно собираясь отдать шкуру. Миклан и Тали протянули к ней руки, но я проворно отскочила назад. Они бросились за мной, но я отбежала еще дальше. Марра и Аззуен путались у них под ногами, заставляя поминутно спотыкаться. Несколько раз я подыгрывала им, почти позволяя дотянуться до шкуры. Потом побежала, сначала неторопливо, в направлении Скрещенных Сосен. Люди последовали за мной.

Ниали ошиблась. Когда надо, мы умеем неплохо понимать друг друга.

Когда мы два часа спустя добрались до ручья, люди проголодались, устали и разозлились. Я дала им время отдышаться, а потом забралась на верхнюю из лежавших крест-накрест сосен, положила перед собой шкуру и пристально посмотрела на Тали. Она остановилась, внимательно глянула на меня и только после этого поняла, на чем я сижу.

– Две сосны, лежащие в ручье крест-накрест, – сказала Тали Миклану. Она углубилась в лес на две сотни волков, потом свернула влево и через пять минут дошла до истока ручья.

– Да, это, наверное, здесь, – прошептала она.

Пелл ткнул меня в плечо.

– Я обследую территорию, – сообщил он.

Я хотела было возразить, но почувствовала, что ему не по себе. Помогая нам, Пелл против воли общался с нашими людьми и за это нравился мне все больше. Я не стала настаивать, понимая, что он не хочет видеть здесь еще целую толпу народа.

Сначала я не могла понять, где искать людей, хотя чуяла, что они где-то недалеко. Я ожидала увидеть большие, выстроенные из глины и камней дома и костры, к каким привыкла в стойбище Тали в Широкой Долине. Потом вспомнила хижину Ниали, вспомнила, как она вдруг, словно из-под земли, выросла передо мной в лесу. Это убежище было так хорошо спрятано, что люди часто проходили мимо, не замечая его. Приглядевшись внимательнее, я увидела признаки человеческого жилья: большую площадку для костра и отверстия, обложенные камнями и глиной. Эти отверстия, казавшиеся природными, и были входами

в дома.

Из одного отверстия выполз старик.

– Добро пожаловать, – прохрипел он. – Мы ждем вас.

Он обратился одновременно и к Тали, и ко мне. На шее старика, на кожаном шнурке висел длинный клык, оправленный в кусок ольхи. Такой же клык дала Тали ее бабушка, когда девочка стала крианой. Должно быть, этот старик тоже криан. Мы нашли стойбище, которое искали. Из другого отверстия, поменьше, выбрался юноша.

– Брелан! – воскликнула Тали. Вот откуда старик узнал о нашем скором появлении – будущий спутник Тали ему рассказал. Девочка сбросила с плеч мешок и кинулась к Брелану.

Аззуен опередил ее. Брелан был его человеком, он любил парня так же, как я любила Тали. Не добежав до Брелана двух волков, Аззуен прыгнул. Молодой человек, высокий и мускулистый, не устоял под таким натиском и упал. Аззуен принялся лизать парню лицо и при этом так сильно вилял хвостом, что сбил с ног и Тали, хотевшую тоже подойти к Брелану. Стали собираться и другие люди, тихо выбиравшиеся из своих нор за деревьями. Мне даже показалось, что они ведут себя не как люди, а как волки.

Брелан поздоровался с Аззуеном, с такой силой ткнув его в ребра, что волк кашлянул. Потом парень отодвинул Аззуена, встал, поднял на руки Тали и покружил ее в воздухе. Он так прижимал ее к себе, что я засомневалась, может ли она дышать. Я подошла к ним и наступила на ногу Брелану.

– Привет, Серебряная Луна, – поздоровался он. И тут заметил Миклана, стоявшего рядом с Маррой. Отпустив Тали, Брелан улыбнулся мальчику:

– Ты вырос.

Миклан застенчиво подошел к брату и поприветствовал его, ударив тупым концом копья о землю. Брелан обнял мальчика и произнес:

– Спасибо, что привел Тали целой и невредимой.

Миклан улыбнулся в ответ.

– Мне надо вернуться домой, – сообщил он. – Я обещал другим крианам в долине рассказать, что здесь происходит.

Лицо Брелана помрачнело. Он отступил на шаг.

– Тебе придется многое им рассказать. Здесь творится такое, о чем Ниали не могла даже подумать. Не знаю, послала бы она сюда Тали, если бы знала.

Брелан снова привлек к себе девочку. Одной рукой он обнимал ее, а другую положил на спину Аззуена.

– Как поживает Ниали? – спросил он. – Неужели она так

ослабла, что не смогла прийти сама?

– Ее убил Давриан, – проговорила Тали и расплакалась. – Он убил ее и сказал, что это сделали волки.

Брелан сочувственно посмотрел на девушку.

– Она умерла? – Он смахнул слезу, так как тоже очень любил Ниали.

Тали кивнула. Она уткнулась лицом в щеку Брелана и рассказала ему все, что произошло с тех пор, как он покинул деревню. Лицо молодого парня мрачнело все больше и больше.

– Я бы ни за что не ушел, если б знал, что Давриан так опасен, – прошептал он. – К тому же и здесь я мало чем сумел помочь.

Он хотел добавить еще что-то, но в это время раздался властный женский голос:

– Вы проделали долгий путь. Не хотите ли поесть?

При слове *поесть* я подняла голову и услышала, как заурчало в животе у Аззуена. Марра радостно взвизгнула, и обратившаяся к нам женщина рассмеялась.

Они дали нам столько еды, сколько я ни разу не получала от людей. Нам досталось мясо взрослого лося, свежее, не изжаренное на огне. Я уже привыкла к жареной человеческой пище, но сочное свежее мясо было просто восхитительным. Я проглотила первый кусок и принялась за следующий. Аззуен и Марра ели с такой же жадностью, а Тлитоо летал вокруг и подбирал объедки. Покончив с едой, я тщательно слизала с морды все кусочки мяса.

– Они так оголодали, – извиняясь за наше обжорство, сказала Тали.

Откуда-то издалека я учуяла волчий запах. Это была не Лаллна и ее компания из стаи Стражей, но кто-то очень знакомый. Волк находился далеко, и ждать беды от него не приходилось, но что-то в этом запахе неудержимо меня притягивало. Мне страшно захотелось пойти за ним.

Тали была в безопасности и не отрывала глаз от Брелана. Теперь я могла ненадолго отлучиться и ткнула носом Аззуена в морду.

– Последи за Тали, пока меня не будет, – попросила я и незаметно выскользнула с площадки, чтобы уйти из стойбища.

– Остановись, молодая волчица, – громко произнес вдруг властный голос. Я застыла на месте с приподнятой передней лапой. Собственно, я бы ни за что не стала останавливаться, так сильно манил меня запах, но в голосе послышался приказ вожака, и я замерла. Интересно, откуда раздался голос? Казалось, он исходил с небес. Я оглянулась и подняла голову.

На дереве, над костром, по-вороньи сидел тот старик, который первым приветствовал нас в деревне. Тлитоо, усевшийся на соседнюю ветку, что-то ворковал ему на ухо. Я не раз наблюдала, как Тали и другие молодые люди влезали на деревья – и всегда при этом завидовала их длинным ногам и цепким рукам, – но мне еще не приходилось видеть, как на деревья лазают старики – для этого они были слишком слабы.

Старик соскользнул с ветви и уперся ногами в нижний сук, а потом повис на руках и спрыгнул вниз, так грациозно приземлившись возле Тали, будто слетел на крыльях.

– Меня сильно опечалила весть о смерти твоей бабушки, – сказал он Тали и положил ей на голову свою узловатую руку. – Я знал Ниали в молодости, она сделала для нас больше, чем любая другая криана. Она говорила, что ты займешь ее место, когда ее не станет.

– Я постараюсь, – тихо ответила Тали.

– Ты умеешь говорить с волками? – спросил старик; резкость голоса плохо сочеталась с улыбкой.

– Нет, – пристыженно призналась Тали. – Я умела, когда была маленькой, но потом все забыла. Серебряная Луна – то есть Каала – и я пытались выучить Древний Язык, но бабушка умерла, и мы не успели.

Древний Язык – это наречие, на котором в незапамятные времена говорили все животные. Я знала его лучше, чем Тали, но все равно плохо.

Улыбка старика погасла.

– Значит, я последний, – прошептал он так тихо, что вряд ли кто-то из людей его услышал. Он повысил голос: – Ниали умела говорить с ними, и мы надеялись, что и ты научишься. Ты пыталась выучить этот язык, волчица? – спросил он меня.

От неожиданности я ответила, не думая:

– Да, но у нас не было времени.

– У нас и теперь нет времени, – заметил старик и поморщился, видя мое удивление. – Я понимаю тебя, даже если не понимает твоя девочка. Ты и Тали должны найти другой способ общения. – Он взял за руки Тали и Миклана и кивнул нам. – Идемте со мной. У нас мало времени и много дел. У нас есть план, и необходимо ваше содействие – чем скорее, тем лучше. Я хочу познакомить вас со своими друзьями. – Он повернулся и зашагал, ведя за собой Тали и Миклана.

Волчий запах снова обдал меня, и сердце бешено забилось.

Это был запах моей матери.

Я хотела заглянуть в глаза Аззуену или Марре, но они уже шли за людьми, да и не узнали бы этот запах, даже если обратили

бы на него внимание. Они видели мою мать всего раз – в тот день, когда ее изгнали из Широкой Долины. Они не сосали ее молоко и не спали в ее густом теплом мехе. Для них это был всего лишь запах какого-то волка, который находился слишком далеко, чтобы представлять опасность. Вслед за людьми они вошли в один из лазов.

Я замерла. Запах снова обдал меня горячей волной. На этот раз мать была ближе, и вместе с запахом меня захлестнули воспоминания о молоке, об уютном логове и чувстве защищенности. Я вспомнила, как она дала мне имя, как защитила меня, когда Рууко убил остальных щенков. Люди и мои собратья волки не успели скрыться в убежище, когда я со всех ног бросилась в лес.

Как на крыльях, летела я мимо толстых древесных стволов и густых кустарников. Тлитоо летел прямо над головой. Наконец запах вывел меня на широкую поляну. Полуденное солнце стояло высоко в небе, и в его лучах ярко светилась Скалистая Вершина. Оттуда манил меня запах матери. Я побежала быстрее.

– Волчонок, погоди! – крикнул Тлитоо. – Ты же не знаешь, что тебя ждет.

Но мне было все равно, что меня ждет, я знала, что впереди встреча с матерью – и только это имело значение. До встречи осталось всего несколько шагов.

Я пересекла луг и снова углубилась в лес. Следуя за запахом, я выбежала к ручью. На другом его берегу стояла не очень рослая серая волчица. Она резко вскинула голову и посмотрела на меня, подергивая носом.

Я узнала ее с первого взгляда. И побежала к ней, спотыкаясь, как неуклюжий щенок, и повизгивая от счастья. Как давно я ждала этой встречи… Больше всего на свете мне хотелось найти ее. И на какой-то краткий миг мне показалось, что в ее глазах мелькнула радость. Уши ее, дрогнув, встали торчком в знак приветствия.

Но потом, когда я была уже совсем рядом, что-то вдруг изменилось. Мать оскалила зубы и прижала уши. Шерсть ее вздыбилась, сделав ее больше, а из горла вырвался низкий угрожающий рык.

Это поразило меня настолько, что я попыталась остановиться, но не успела и по инерции врезалась в мать. Ее запах обволакивал, навевал память о логове, тепле, надежной защите… Мать швырнула меня на землю, наступила на живот и больно прикусила горло.

– Тебе не надо быть здесь, – прорычала она. – Уходи и больше

не возвращайся.

С этими словами она отошла в сторону, а я, шатаясь, с трудом встала на ноги. Я стояла как вкопанная, и тогда мать несколько раз щелкнула зубами у меня перед носом и принялась толкать, прогоняя прочь.

От нее исходила странная смесь запахов. Я чуяла гнев и отчаяние, а кроме того, страх. Я не могла понять, что во мне могло так ее напугать. Я отбежала на несколько шагов, а потом все-таки оглянулась.

– Уходи! – зарычала мать.

Я не нашлась что сказать. И вообще не знала, что теперь делать. Я медленно, спотыкаясь на каждом шагу, побрела назад. Свирепый рык матери неотвязно звучал в ушах.

Глава 6

Когда я была еще щенком и прошло только три дня с тех пор, как я выползла из логова, ко мне подошел Рууко и зловеще шепнул, что я не доживу до зрелости. Щенок, у которого нет матери или отца, сообщил он, никогда не станет настоящим членом стаи. Я промолчала, так как щенок не смеет возражать взрослому волку, но себе сказала, что он ошибается и изгнание матери не означает, что ее больше нет. С тех пор каждый раз, когда я чувствовала запах сумерек или видела светло-серого волка, вспоминала о матери. Я знала, что в один прекрасный день найду ее, и она, положив голову мне на шею, скажет, что гордится мной. Я надеялась, что после этого снова почувствую себя цельным и сильным волком. Как же я ошиблась!

Я бежала, не разбирая дороги, не обращая внимания ни на запахи, ни на звуки. Я хрипела, будто мои легкие забились грязью. Я бежала и бежала, не в силах остановиться. Тлитоо что-то каркал у меня над головой, но я не понимала его слов.

– Каала! – голос Пелла донесся до меня словно сквозь бурю, глухо и невнятно. Я пробежала мимо него, даже не заметив. Я остановилась и попыталась рассказать, что произошло. Но слова застревали в горле, и я просто стояла и, моргая, смотрела на Пелла.

– Что случилось? – спросил он, зарывшись носом в мех у меня на спине. – От тебя пахнет Неесой! – заметил он. – Ты нашла ее?

– Я нашла ее, – тусклым голосом подтвердила я. Мы стояли в сосняке, в зарослях можжевельника, и здесь пахло родным домом. Сквозь можжевельник продрались Марра и Аззуен. Они остановились, переводя взгляд с меня на Пелла.

– Она нашла Неесу, – сообщил им Пелл.

– С ней все хорошо? – поинтересовался Аззуен.

– С ней все прекрасно, – гнев пересилил боль и потрясение. Она оставила меня одну в Широкой Долине! Она допустила, чтобы убили весь ее выводок, а потом велела мне, рискуя жизнью, найти ее. И вот я нашла, и что? Я закрыла глаза и постаралась отдышаться, думая, почему она так поступила. И рассказала все своим товарищам, надеясь, что они смогут подсказать объяснение.

– Она зарычала на меня, – говорила я, едва сдерживая жалобный визг. – Укусила и прогнала прочь.

– Нееса всегда была переменчивой, – произнес Пелл. – Она ушла к людям и скрестилась с чужим волком. Она родила щенков смешанной крови, – он осекся. Я была одним из тех щенков

смешанной крови, и если моя мать такая непредсказуемая, то, значит, я должна стать еще хуже. Пелл отвел взгляд.

– Глупый волк, – отругал его Тлитоо.

– Она напала на тебя, Каала, – упрямо продолжал Пелл. – На тебя, собственного щенка. Что же она за волк? – Он нежно взглянул на меня. – Когда мой отец хотел за что-нибудь убить волка из нашей стаи, то уводил его в уединенное место, где не было других наших волков, и только там нападал. Может, Нееса хотела сделать именно это? Или она просто сумасшедшая. – Он переступил лапами в грязи. – Нам надо вернуться домой. Думаю, от Неесы можно ждать одних только неприятностей.

Я говорила себе то же самое, но не хотела слышать это от других. И зарычала на Пелла.

– Но какая-то причина должна быть, Каала, – произнес Аззуен так спокойно, что это поразило меня до глубины души. – Она же очень хотела тебя видеть, ты нужна ей.

– Откуда ты знаешь? – спросила я, продолжая рычать.

Аззуен прижал уши. Он не знал ответ. Да и не было никакого ответа. Я навсегда запомню ее оскаленные зубы и свирепый рык. Я оставила дом, отказалась остаться в стае и пообещала, что найду ответ, как исполнить Обет. Но все оказалось зря. Верховные волки убьют моих товарищей, убьют наших людей и истребят всю стаю Быстрой Реки.

И моя мать отказалась от меня.

Я задрала голову, раскрыла пасть, и все мое отчаяние, все горе вырвались из горла протяжным тоскливым воем.

– Спокойно, Каала! – Пелл покрутил головой, оглядев рощу. Марра обежала кусты по лесу. Аззуен сделал ко мне три шага, но потом остановился, снова прижав к голове уши.

– Что ты делаешь, волчица? – укоризненно каркнул Тлитоо.

Я умолкла и съежилась, как от удара. Только что своим воем я открыла наше местоположение всем волкам в угодьях Стражей.

– Надо уходить, – заявила Марра, переминаясь с лапы на лапу, уже готовая сорваться с места.

Меня трясло так, что я не могла не только бежать, но даже говорить. Казалось, вой высосал из меня все силы до последней капли. Ноги мои подкосились, и я упала на землю. Мне было все равно, придет ли сейчас Милсиндра, чтобы меня убить.

– Вставай, Каала, – велел Аззуен. Он схватил меня за загривок и попытался поднять, но у него не хватило для этого сил.

Подлетел Тлитоо и клюнул меня в зад.

– Ты становишься очень скучной, когда впадаешь в хандру, волчица. Я бы ни за что не полетел с тобой, если бы знал, что ты

свернешься клубком и будешь хныкать.

Раньше, в Широкой Долине меня часто охватывала глубокая печаль, когда я думала о пропавшей матери. Иногда на охоте меня охватывал такой приступ тоски, что я не могла бежать со стаей и начинала жалобно скулить. Когда мать позвала меня, эти припадки прекратились, и я почти забыла о них. Я предвкушала, с какой радостью мама встретит меня, когда я ее найду. Как я мечтала об этом! А теперь снова впала в прежнее отчаяние.

Тлитоо клюнул меня сильнее.

– Ты хочешь, чтобы твоих товарищей убили из-за того, что тебе захотелось поныть? – прокаркал он.

Аззуен, Пелл и Марра тревожно оглядывались. Я не стала говорить, чтобы они уходили без меня. И, собравшись с силами, встала на лапы. Пелл бегом бросился прочь из леса, и я, спотыкаясь, последовала за ним. Рядом со мной бежали Аззуен и Марра. Тлитоо летел под ветвями густо росших деревьев. Побежав, я сразу почувствовала себя лучше, бег по лесу вселял силы. Если нам повезет, думала я, то местные волки не обратят внимания на пробегающую мимо бродячую стаю и не станут нас преследовать.

Но нам не повезло. Лаллна и другие молодые Стражи догнали нас через десять минут, когда лес поредел и мы выбежали на край заросшей травой равнины. На этот раз их было больше. Восемь сильных волков против четырех. Оскалив зубы и не скрывая своих злобных намерений, они окружили нас.

– Что случилось? – поинтересовалась Лаллна. – Вы же обещали, что никто не узнает, что вы здесь.

Замолчав, она уставилась на мою грудь. Ручей смыл с нее грязь, и на шерсти явственно обозначился полумесяц.

– Так ты дрельволк, – прошептала она.

Я не поняла, что она имела в виду. Меня называли дрельшиком и дрельшаном, но никто никогда не говорил, что я дрельволк.

– Если бы мы это знали, то не дали бы тебе уйти, – прорычал Желток. Рана на его голове продолжала кровоточить, и я не понимала, почему никто ее не зализал.

Лаллна села, задрала морду и завыла.

– *Я нашла дрельволка!* – тянула она. – *На краю Лошадиной равнины!*

Это был охотничий клич.

Один за другим остальные Стражи подхватили этот вой. Мне всегда нравился вой, созывавший волков, особенно, когда их собирали на охоту. Но здесь дело приняло дурной оборот, ибо охотиться собирались за мной.

– Пора бежать, волки, – велел нам Тлитоо. Он резко спикировал сверху на спину Лаллны.

Пелл свалил с ног двух других волков, освободив нам проход. Мы бросились прочь из леса и вырвались на равнину.

Пелл огромными прыжками несся по траве к еловому лесу на дальнем краю равнины. Низко опустив голову, я летела за ним. Если бы мы успели пересечь равнину, то в лесу смогли бы либо оторваться от преследователей, либо победить их, пользуясь лесистой местностью.

Потом я услышала, как позади меня взвизгнул Аззуен. Подняв голову, я увидела, что волки бегут к нам с разных направлений. У меня пересохло в горле.

Из леса позади и впереди нас высыпало великое множество волков. Мы побежали быстрее, веером рассыпавшись по равнине, но чужих волков становилось все больше. Поодиночке и группами по три-четыре они окружали нас, а Лаллна и ее волки постепенно догоняли.

Надежды на бегство не осталось. Мы остановились и встали в круг, повернувшись к бежавшим со всех сторон волкам, отдавшись своей судьбе. Не знаю, дрожали ли мои лапы или лапы моих спутников. Аззуен дышал с хриплым свистом, а Марра кашляла от страха. Пелл наклонил голову, приготовившись к схватке. Тлитоо летал взад и вперед над полем, выкрикивая ругательства в адрес чужих волков.

– Они убьют нас, – прохрипела Марра. Я вдруг с отчетливой ясностью поняла, что не хочу умирать – не хочу, несмотря на то, что меня отвергла собственная мать, несмотря на то, что не смогла исполнить Обет, несмотря на то, что я, возможно, стала причиной истребления волчьего рода. Я вдруг ощутила приступ голода, хотя только недавно наелась до отвала. Сила вернулась ко мне, и я постаралась придумать, что мне сказать подбегающим волкам – если, конечно, они дадут нам заговорить.

Они не стали нападать. Они начали теснить нас, как теснит волчья стая стадо лосей на охоте, к краю большого поля. Молча, как стая горных львов, они сомкнулись вокруг нас и, не оставив нам выбора, погнали в нужном им направлении. Тлитоо падал с неба, клевал чужих волков в спины, вырывая у них клочья шерсти и куски кожи, но они не обращали на него внимания. Волки бежали так быстро, что я едва поспевала за ними. Рядом со мной хватал воздух Аззуен, и даже Марра тяжело и хрипло дышала.

Они немилосердно гнали нас до маленького пруда. Я попыталась было отхлебнуть немного воды, чтобы смочить пересохшее горло, но волки угрожающе защелкали зубами и погнали нас дальше.

Через несколько минут мы преодолели низкий холм. За подножием холма я увидела границу соснового бора, окаймлявшего равнину. Окружавшие нас волки прибавили шаг, и мне стало казаться, что я сейчас упаду и они меня затопчут. Наконец наши враги замедлили бег возле густого смешанного леса, где росли березы, сосны и ели. Я надеялась, что за тесно стоящими стволами находится поляна, но волки остановились под могучим дубом, окруженным более мелкими деревьями. Я учуяла запах множества других волков. Преследователи расступились, и я смогла понять, куда мы попали.

Везде стояли и лежали верховные волки. Они стояли на камнях, сидели на траве и внимательно смотрели на нас. Раньше я даже не догадывалась, что в мире столько верховных. В нос мне ударил знакомый хвойный запах. Пригнавшие нас волки оттеснили в сторону Аззуена, Марру и Пелла. Я осталась одна. Потом преследователи, почтительно припадая к земле, поползли к верховным. Я упала на брюхо и услышала насмешливый презрительный голос, знакомый мне так же хорошо, как голос Тали или вой Аззуена. Как же мне хотелось ошибиться, но в душе я понимала, что мне не будет дано такого счастья. Я подняла голову и встретила холодный и презрительный взгляд верховной волчицы Милсиндры.

Стаей Стражей руководили верховные, и Милсиндра была одним из них.

Глава 7

Милсиндра – сколько я ее знала – всегда лгала о предназначении волчьего рода и об Обете, она пыталась убить меня и убила одного волка из нашей стаи, которого я любила. Она делала все, что могла, чтобы помешать нам, волкам, жить в мире с людьми. Теперь она выманила меня из долины и загнала в стаю верховных волков.

– Как же легко водить вас, щенков, за нос, – прошептала она мне. – Неужели ты и правда думала, что я позволю тебе уничтожить нас?

Она наклонила голову и посмотрела на огромного бурого самца. На лбу у него была светлая звездочка, а осанка выдавала вожака стаи.

– Это она, Навдру, – сказала она, самодовольно улыбнувшись. – Дрельшик. Я же говорила, что приведу ее к тебе.

– Это мы ее привели, – недовольно проворчала Лаллна у меня за спиной, но сказала она это очень тихо, чтобы не показать своеволия великим волкам.

Верховный волк, которого Милсиндра назвала Навдру, направился ко мне в сопровождении большой серой волчицы, такой же величественной, как и он сам. Бежать было некуда. Милсиндра очень искусно заманила меня в ловушку. Я всегда думала, что если меня окружат желающие убить меня верховные, то я оцепенею от страха, но страха не было, наоборот, я чувствовала прилив сил. Тлитоо, сидя на ветке у меня над головой, выкрикивал проклятия. Я оскалила зубы и зарычала, не собираясь умирать без сопротивления.

Навдру подошел ко мне на своих длинных ногах и остановился на расстоянии корпуса от меня.

– Меня зовут Навдру, – пророкотал он, не обращая внимания на мою дерзость, – я вожак стаи Стражей. Это моя спутница Йилдра, – он качнул головой в сторону светло-серой волчицы, – а это место сбора в Тайной Роще. – Он посмотрел на меня взглядом, в котором мелькнуло нечто вроде разочарования, а потом кивнул мне. – Ты долго шла сюда.

Я замолчала и глянула на него, как загнанный олень. Он не собирался убивать меня – во всяком случае, сейчас. Он ждал моего прихода. Я немного успокоилась, поняв, что на время избежала опасности, но тело было все еще напряжено, я была готова драться и не смогла найти слов для ответного приветствия.

Милсиндра рычала в бессильной ярости.

Зубы Навдру обнажились в широкой улыбке.

– Водить за нос можно не только молодых волков, Милсиндра. Твоя жажда власти затмевает твой разум. Мне надо было, чтобы ты заставила ее покинуть Широкую Долину без боя.

Я наконец обрела дар речи.

– Я пришла сюда только для того, чтобы повидаться с матерью, – прошептала я. С матерью, которая меня прогнала и не помогла исполнить Обет. – Мои товарищи и я покинем вашу территорию, если вы позволите нам уйти.

Я не знала, что буду делать потом. Надо было забрать наших людей и найти для нас безопасное место.

Навдру, наклонив голову, внимательно посмотрел на меня.

– Ты никуда не уйдешь, – сказал он. – Ты Каала из рода волков Широкой Долины, рожденная в результате кровосмешения, ибо твоя мать Нееса родила тебя от волка чужой стаи, нарушив закон волков. Ты привела с собой Аззуена и Марру, а также Пелла, наследственного вожака стаи Каменной Горы, но он выбрал другой жребий – и теперь сопровождает тебя, вместо того чтобы воспользоваться своим прирожденным правом. Еще будучи щенком, ты спасла человеческого ребенка, девочку по имени Тали. Ты охотилась вместе с людьми, тоже нарушив закон волков. Делая это, ты и твои товарищи по стае стали первыми волками, которые жили в мире с людьми, не отказываясь при этом от вольной жизни волков. Это означает, что ты, наверное, дрельволк, волк из легенды, наша последняя надежда, наш последний шанс.

Он знал имя Тали. Это было первое, о чем я подумала в тот момент. Он знал, кто она. Это означало, кроме того, что он мог найти и убить ее. Мне очень хотелось спросить, откуда он так много о нас знает и что намерен с нами делать. Хотелось спросить и о том, не хочет ли он причинить вред Тали.

– Что такое дрельволк? Я знаю, что есть дрельшик и дрельшан, но я не знаю, кто такой дрельволк, – сказала я так спокойно, словно мы говорили о плане следующей охоты.

– Так тебе никто этого не сказал? – Навдру нахмурился. Он оскалил зубы и посмотрел на Милсиндру, и она смущенно отвела взгляд. – Мы убеждены, что дрельшан – волк-спаситель и дрельшик – волк-разрушитель – это один и тот же волк. От того, что он будет делать, зависит судьба волчьего рода. Мы уверены, что ты и есть этот волк, и поэтому хотели тебя убить, когда ты спасла человеческого детеныша. Твоя мать и верховный волк Зориндру из Широкой Долины убедили нас дать тебе шанс, и когда мы увидели, как ты прекратила битву между людьми и волками четыре луны назад, то поняли, что поступили

правильно. – Он снова нахмурился. – Дрельволк – это волк, наделенный великой властью и силой. – Он оглядел меня от носа до кончика хвоста. – Но ты еще так молода.

– Она уже стала причиной многих бед и смерти одного волка стаи, – сказала Милсиндра и решительно направилась к Навдру. – Если она останется жива, это будет конец для волчьего рода.

Навдру зарычал.

– Ты не в Широкой Долине, Милсиндра, здесь ты не имеешь права распоряжаться.

– Она не распоряжается и в Широкой Долине, – злобно каркнул с ветки Тлитоо.

Милсиндра взглянула на ворона долгим оценивающим взглядом и прижала к голове одно ухо. Я вспомнила, как она так же легко подчинилась Зориндру. Я поняла, что она боится Зориндру так же, как и Навдру, но возражает ему, потому что уверена в своей правоте. Она была убеждена, что только верховным волкам под силу подчинить себе людей, и если мы, малые волки, попытаемся наладить мир с людьми, то случится большое несчастье. Она действительно думала, что я самим своим существованием угрожаю волчьему племени.

– Мое предложение остается в силе, – сказал ей Навдру. – Если эта молодая волчица потерпит неудачу, ты станешь вожаком стаи Широкой Долины, и мы больше не будем иметь дело с людьми. Но пока я не позволю тебе нарушать порядок в моей стае.

Милсиндра прижала второе ухо. Она хотела что-то сказать, но позади нее предостерегающе зарычал какой-то волк. Я услышала топот бегущих лап.

Через мгновение на полянку выбежала Нееса и набросилась на Навдру. Он был настолько крупнее ее, что даже не покачнулся от удара. Нееса упала на траву, поднялась и снова бросилась на верховного.

– Уходи отсюда, Каала! – задыхаясь, проговорила она. – Почему ты не убежала, когда еще было не поздно это сделать?

Я лишь изумленно уставилась на нее. Я-то думала, что она ненавидит меня, но она не побоялась прийти на место сбора верховных волков, чтобы увидеть меня.

Навдру одним могучим движением головы отшвырнул мою мать от себя, и она отлетела на край полянки, ударилась о ствол сосны, упала и, пошатываясь, поднялась на лапы. Я взвыла и, не отдавая себе отчета в своих действиях, бросилась к ней. Да, она прогнала меня прочь, велела мне покинуть мой дом, а потом отвергла меня, но она была мать, и я не могла допустить, чтобы Навдру убил ее. Аззуен, Пелл и Марра прорвались сквозь ряд

Стражей и подбежали ко мне. У Пелла на шее зияла свежая рана. Над головой я услышала хриплый клекот – Тлитоо перелетел на ветку, под которой стояли мы.

– Тебе надо было бежать, когда я тебе говорила, Каала, – хрипло проговорила Нееса, едва держась на ногах. – Они хотят воспользоваться тобой, как люди – своими орудиями.

Навдру подошел к нам. Шерсть на его спине стояла дыбом, зубы были страшно оскалены.

– Тебе нельзя было уговаривать ее бежать, Нееса. Ты предала стаю Стражей.

– Ты солгал мне, – тоже оскалившись, ответила ему мать, бесстрашно глядя на волка, вдвое крупнее ее. Наклонив голову, она шепнула мне: – Я покинула место, где пряталась, только потому, что они обещали, что ты сможешь прийти ко мне и они не причинят тебе никакого вреда. Они сказали, что ты нужна им, но не сказали, что ты окажешься в западне. Я хотела предупредить тебя, чтобы ты не уходила из Широкой Долины, но было уже поздно. Я бы никогда не позвала тебя, если бы знала, ведь ты – мое единственное дитя.

Я безмолвно, во все глаза смотрела на нее. Я понимала, что стоявшие вокруг верховные волки могут убить меня в любой момент, но думала лишь о том, что мать прогнала меня не потому, что ненавидела, а потому, что хотела спасти.

– Мы все в опасности, Нееса, и ты это знаешь, – сказал Навдру и щелкнул зубами.

Он опустил голову и задумчиво покачал ею, злобно оглядывая всех нас – меня, Марру, Аззуена, Пелла и Неесу. Гнев исходил от него, словно туман. Потом он вздохнул, шерсть его улеглась, и он зажмурился. Рууко тоже так поступал, когда ему надо было успокоиться и усмирить гнев. Потом верховный открыл глаза и заговорил – не столько с нами, сколько с самим собой.

– Мне стоило помнить о беззаветной храбрости волков Широкой Долины, – сказал он. – Наверное, только благодаря ей они и выжили. – Он повернулся ко мне. – Ты должна меня выслушать, молодая волчица. Перестань рычать и слушай.

– Дрельволк, – прошептал кто-то за моей спиной. – Ни один другой волк не посмел бы перечить великому волку.

– Я слышал, что она не настоящий волк, – пробормотал один из верховных. – Она наполовину человек.

– Оставьте нас! – приказал Навдру и, сверкая глазами, оглядел волков. – Я не могу говорить с молодыми волками, когда вы все дышите нам в затылки.

Верховные и малые волки один за другим начали выходить из рощицы. Осталось около десятка верховных, и среди них Йилдра

и Милсиндра. У опушки леса Лаллна остановилась и тревожно оглянулась на Навдру. Он проследил за моим взглядом, пересек рощицу, легонько прикусил зубами нос Лаллны и сказал:

– Ты хорошо справилась с делом, молодая волчица, ты привела к нам дрельволка.

Лаллна смиренно опустила глаза, как положено молодому волку, но радостно завиляла хвостом. Теперь ее положение в стае будет намного выше прежнего. Когда Навдру отпустил ее нос, она посмотрела на меня, победно улыбнулась и побежала в лес.

В рощице наступила почти мертвая тишина. Я слышала лишь тихое карканье Тлитоо и тяжелое дыхание матери и моих товарищей. Я попыталась немного расслабиться.

– Я не могу винить мать за то, что она хотела защитить своего детеныша, – произнес Навдру, поклонившись Неесе. – Что же до вас, молодые волки, то я восхищен вашей готовностью драться за себя, – он кивнул мне и моим спутникам. Гнев его исчез, он говорил со мной по-доброму, но твердо и уверенно, как говорит вожак стаи со своими волками.

– Все было плохо с самого начала. Мы слишком долго ждали появления дрельволка. – Навдру слегка сморщил нос. – Мы ждали тебя, потому что если мы не исполним Обет сейчас, то другого шанса у нас просто не будет, – он замолчал, дав нам время усвоить его слова. – В двадцати минутах бега отсюда живет человеческое племя, и от того, что там произойдет, зависит, будет нам сопутствовать успех или нет.

Спутница Навдру наконец заговорила звучным рокочущим голосом:

– Люди Каара сейчас делают выбор между двумя путями бытия, молодые волки. Некоторые из них думают, что люди – это всего лишь одни из природных созданий, другие же считают, что люди особенные, что Древние поставили перед ними задачу подчинить себе прочих живых существ, править всеми лесами, полями и горами. Эти люди верят, что чем больше станет их стойбище, тем больше будет у них силы и власти. В доказательство они захватывают и подчиняют себе другие стойбища.

– Я тоже начала понимать это еще дома, – сказала я. Люди – очень надменные создания. Волк чувствует ответственность за свою территорию. Он не должен чрезмерно охотиться, чтобы с его территории не исчезли стада добычи. Волк имеет право биться с другими волками, которые попытались бы вторгнуться на территорию его стаи. Но и сам волк не должен выходить за пределы своих охотничьих угодий. А если и выходит, то должен с уважением отнестись к волкам, которые охраняют свою

территорию. Вообразить себя вожаком всех на свете волков – это бред обезумевшего волка.

– Эти решения люди принимают везде, где они живут, – произнес Навдру. – Но Каар – очень влиятельное племя. Оно сильнее всех других племен, какие видели волки с земли, а вороны с неба. Как поступит Каар, так поступят и другие племена. Если же люди выберут путь подчинения всех других существ, то для нас не будет смысла держаться их стороны и пытаться влиять на них, ибо тогда люди никогда не признают никакой мудрости за исключением своей, а на всех остальных существ будут смотреть либо как на врагов, либо как на полезные орудия.

– Именно поэтому тебе не надо было убегать, как испуганной мышке, молодая волчица, – раздался сверху скрипучий хриплый голос. Это старый криан Ралзун устроился на ветке сосны рядом с Тлитоо. Над головой старика сидели в ветвях и тихо каркали еще несколько воронов.

Ралзун спрыгнул на землю и стремительно поклонился Навдру. Великий волк кивнул ему в ответ. Люди-крианы и верховные волки Широкой Долины когда-то действовали вместе, чтобы исполнить Обет. Волки Стражей, видимо, делали это до сих пор.

– Я должен был привести ее к тебе, Навдру, но она неожиданно убежала, – он неодобрительно посмотрел на меня. – Ты уже не своевольный безответственный щенок, который может думать только о себе.

Я немного оскалила зубы. Этот человек не был вожаком моей стаи.

– Люди в большом стойбище любят волков, так ведь? – выпалил Аззуен, и его уши дрогнули. – Похоже, это правда, Каала, – он посмотрел мне в глаза. – Племя Тали хочет воспользоваться нами, чтобы отобрать территорию у других племен. Именно поэтому мы здесь? – требовательно спросил он у Навдру.

Было видно, что Навдру смутился.

– Да, они любят волков, – согласился он.

– Или скорее любят то, что мы можем для них сделать, – заметила Йилдра. – Волки жили с людьми раньше, помогали им охотиться и защищать земли. Отчасти поэтому люди избрали такую силу. Теперь они смотрят на нас как на свои орудия, и если мы окажемся полезными, то сделают все, чтобы оставить нас. Как только они примут нас – тебя со стаей, – мы сможем помочь им понять, что они такие же дети природы, как и другие живые существа, и они ничем не отличаются от окружающего их мира.

– Но мы не можем позволить ни одному волку приблизиться

к человеку, если не удостоверимся, что люди не собираются и дальше отклоняться от Равновесия, – пророкотал Навдру.

– Но как сможет Каала это сделать? – рыкнул в ответ Пелл, а Марра только тихо заурчала.

Ралзун, очень довольный собой, ответил:

– Я говорил с вождями Каара о том, что волки вернутся в племя только в том случае, если их приведет криан. На празднике Весны и Равноденствия племя выберет нового криана.

– У людей тоже есть Равноденствие? – удивленно спросил Аззуен. Меня тоже порой интриговало то, что люди рассчитывали время так же, как мы.

Ралзун решительно кивнул головой.

– Так люди отмечают приход весны и осени. Раньше они понимали, что делят эту традицию с другими существами, но теперь воображают, будто сами выдумали такие церемонии. Некоторые люди считают, что крианы должны увести людей как можно дальше от природного мира и еще сильнее отделить от остальных зверей, – он помахал рукой Навдру и Йилдре. – Вот почему мои друзья разрешат вам прийти в племя и сделать еще одну попытку, – старик улыбнулся. – Если люди захотят, чтобы вы, волки, помогали им охотиться и охранять дома, то они по древней традиции должны выбрать того криана, которого посоветую им я.

– Тали, – сказала я. – Ты хочешь, чтобы крианой деревни стала Тали. Ты велел Ниали прислать ее сюда, но не сказал зачем. – Мне очень не понравилось, что старик подверг Тали опасности.

– Я призвал ее исполнить ее долг, как тебя призвали исполнить твой.

Я зарычала на него. Он был таким же властным и хитрым, как верховные волки.

Навдру ткнул меня носом в грудь так, что я закашляла.

– Ты принимаешь на себя этот долг, молодая волчица? – требовательно спросил он.

Я думала, теперь, когда я нашла свою мать, она скажет, что надо делать, и я вернусь домой, чтобы научить молодых волков ответственности, которую им предстояло на себя взять. Теперь же стая верховных волков, которая из поколения в поколение пыталась взять власть над людьми, решила использовать меня, так как сама с этой трудной задачей не справилась.

Аззуен тихо тявкнул. Я посмотрела ему в глаза. Это был теплый подбадривающий взгляд.

– Да, принимаю, – ответила я Навдру. Можно подумать, у меня оставался выбор. Если бы я не согласилась, они бы убили и

меня, и тех, кого я люблю.

– Хорошо, – произнес вожак Стражей. – Но теперь внимательно выслушай, мне надо сказать тебе одну важную вещь. Ты не должна выказывать абсолютного подчинения людям. Ты когда-нибудь выказывала его, хотя бы для того, чтобы не злить свою девочку?

– Нет, – ответила я, – мы ведем себя как равные.

– Не было ли у тебя от этого неприятностей? – спросила Йилдра. – Не злились ли люди на отсутствие покорности с твоей стороны?

Я вспомнила Давриана, метнувшего в меня копье, и мертвую Ниали, лежавшую на земле в своей хижине. Углом глаза я посмотрела на Милсиндру. Она наверняка захочет мне возразить, но меня поддержат друзья.

– Нет, – солгала я.

Милсиндра не стала возражать. Она визгливо рассмеялась, а потом улеглась на землю, положив морду на передние лапы. Я не могла сообразить, что было у нее на уме.

– Ты не должна безоговорочно подчиняться им, молодая волчица. Если ты все время будешь лебезить перед ними и вилять хвостом, у тебя ничего не выйдет. Ты это понимаешь?

– Да, – ответила я, хотя на самом деле не совсем понимала, куда он клонит. Я не могла понять, что плохого в подчинении, если не считать того, что это задевает волчье самолюбие. Я посмотрела в желтые глаза Навдру. – Что будет, если мы потерпим неудачу?

– Ты и сама знаешь, что будет. Нам придется убить тебя и твоих сородичей, – ответил он.

Милсиндра одобрительно тявкнула. Пелл зарычал, а вслед за ним Марра и Аззуен. Я отвернулась. Все это ничем не отличалось от угроз Милсиндры.

– Я не из тех волков, которые убивают слабых, – смущенно добавил Навдру, – но у нас нет иного выбора.

К моему удивлению, он вроде бы говорил извиняющимся тоном.

– Мы должны быть беспощадными, защищая волчий род, – объяснил он. – Если ты не найдешь способ подчинить людей, то нам придется покинуть эту землю и уйти туда, где люди не смогут нас найти. Так мы сохраним волчий род и дикую природу – наше законное наследие. Возможно, этого хватит для того, чтобы остановить людей. Некоторые из нас думают, что без нашей помощи люди начнут слишком быстро размножаться и умрут от голода или падут жертвами других зверей, которые ненавидят и презирают их. Есть среди нас и те, кто считает, что

уже слишком поздно и люди стали слишком сильны. Вот почему мы даем тебе последний шанс попытаться изменить их. Если тебе это удастся, мы найдем способ вознаградить тебя.

– Что будет с волками Широкой Долины? – спросила Марра. Я физически ощутила, как она дрожит рядом. Я покосилась на нее и с облегчением поняла, что она дрожит от ярости, а не от страха.

– Если вы преуспеете, мы не станем причинять им вреда. Это их дело, как они сумеют ужиться с людьми.

Я почувствовала, что во мне тоже закипает гнев. Надоело, что мною пытаются манипулировать и волк, и криан. Но я сдержалась. Навдру все понял, ему понравилась моя сдержанность, и он едва заметно улыбнулся. Потом лицо его снова стало серьезным.

– Мы даем тебе время до Равноденствия, молодая волчица.

Навдру посмотрел на Ралзуна, сидевшего на высоком камне, и сказал:

– Отведи их в Каар. – Он тявкнул своим волкам и рысцой побежал в лес.

Стражи один за другим последовали за ним. Мать приблизилась ко мне, и Йилдра куснула ее за плечо.

– Ты пойдешь с нами, Нееса. К людям отправится твой щенок, а не ты.

Мать застыла на месте, но потом послушно кивнула верховной волчице.

– Если я понадоблюсь тебе, найди меня, Каала, – проговорила она. – Мне не разрешают находиться рядом с людьми, но Стражи не могут запретить давать тебе советы. – Она подбежала ко мне, лизнула в голову и последовала за другими волками.

Милсиндра ушла последней.

– Я жду твоего поражения, Каала, – сообщила она и, оскалившись, злобно зарычала.

Ралзун хлопнул меня по голове, не обратив внимания на рычание Пелла и Аззуена.

– Я сказал людям, что вы здесь, и они горят любопытством. Им не терпится увидеть вас на охоте. Если вы не подведете, они разрешат вам остаться в племени. Сначала вас будет немного. Завтра утром мы встретимся на рассвете, перед началом охоты. А если ты снова убежишь, я скормлю тебя первому же горному медведю.

С этими словами он зашагал в лес. Не в силах ни о чем думать от страха, гнева и усталости, подавленная трудной задачей, я безвольно последовала за ним.

Глава 8

Охота может быть удачной или неудачной. Это известно каждому волку. Но предстоящая охота не должна была стать неудачной. В нашем распоряжении имелось лишь двадцать дней на то, чтобы повлиять на жителей Каара; двадцать дней и ночей на то, чтобы убедить их выбрать незнакомую им Тали крианой племени. Мы не имели права на ошибку.

На травянистой, залитой рассветными лучами солнца равнине, изобиловавшей лосями, оставившими здесь свой насыщенный мускусный запах, собралось около двадцати человек, смотревших на нас во все глаза. Ралзун отвел к ним Тали, Брелана и Миклана. Мы, четыре волка, на брюхе поползли к опушке леса, оглядываясь то на людей, то на пасшихся на равнине лосей. Люди сжимали в руках свои копья и сделанные из оленьих рогов приспособления, помогавшие дальше метать копья. От них пахло нетерпением и охотничьим азартом, но я не чуяла ни страха, ни подозрительности, которые так характерны для людей, которые плохо знают волков. Лоси тревожно вертели головами, глядя по сторонам.

Мне следовало бы чувствовать тревогу и волнение, но глядя на готовых к охоте людей и вдыхая запах нелегкой добычи, я испытывала только надежду. Нам уже не раз приходилось охотиться вместе с людьми, и мы хорошо умели это делать.

Люди негромко переговаривались, и я снова, в который уже раз, подивилась их необычной внешности. Ни одно другое существо не может всегда стоять на задних ногах, и когда я впервые увидела людей, то очень удивилась тому, что они сохраняют равновесие и не падают. Потом я поняла, что умение стоять и ходить на двух ногах позволяет им использовать свои умные руки для работы с орудиями, но все равно эта их способность сильно меня тревожила. Медведи встают на задние лапы, чтобы запугать. То же самое делают и некоторые звери, на которых мы охотимся, и поэтому, когда я впервые познакомилась с людьми, мне показалось, что они все время нам угрожают.

На людях почти совсем нет меха. Шерсть растет у них только на головах и на некоторых частях тела, а у самцов еще и на лицах. Я невольно засмотрелась на одного самца – у него на голове вообще не было волос. Тот посмотрел мне в глаза, и я прочитала на его лице такую ненависть, что стало не по себе. Но человек быстро смягчил взгляд и стал похож на сонного старого волка.

Ветер доносил до нас сильный запах лосей. Кровь бросилась

мне в голову, лапы задрожали, стало даже жарко. Захотелось, забыв о людях, броситься за добычей вместе с моими товарищами, загнать лосей до полного изнеможения, повалить их на землю и впиться зубами в их плоть, ощутив на языке вкус крови и восхитительного свежего мяса. Мне пришлось встряхнуться, чтобы прийти в себя. Это была не простая охота; это шанс завоевать доверие и расположение людей. Если нам повезет, мы докажем нашу ценность, как и ценность Тали. Если же нам не удастся этого сделать, то мы потерпим неудачу, не приступив к делу, и Стражи убьют нас. Я вдруг занервничала, как щенок, выходящий на первую охоту.

Послышался знакомый шелестящий свист крыльев. Это Тлитоо уселся над нашими головами на низкую еловую ветвь. Вороны – отличные помощники на охоте, они отвлекают добычу и предупреждают нас, когда появляется опасность.

– Ты поможешь нам? – спросила я, не сразу заметив, что он не один. Рядом с ним устроилась Хлела и принялась чистить Тлитоо перья.

Он нежно провел клювом по головному оперению подруги и, помедлив, ответил:

– Нет, я не буду вам помогать. Люди хотят посмотреть, на что способны волки, а не вороны.

Я посмотрела ему в глаза, пытаясь намекнуть, что люди не заметят вороньей помощи, но Тлитоо отвел взгляд. Он прижался к шее Хлелы, и они принялись тихо ворковать. Ворониха начала чистить хвостовые перья Тлитоо.

– Не думаю, что от них будет какой-то толк, – насмешливо сообщил Пелл. Я посмотрела на него и заметила, что он напряжен и серьезен. – Наступила весна, ничего не поделаешь.

Марра фыркнула. Оба ворона сверху уставились на нас.

– Маленькие волчата, – проворчала Хлела. Освободившись от Тлитоо, она перелетела на ветку повыше.

Ворон распушил перья на шее и раздраженно каркнул. Я думала, он сейчас бросит в нас сучок, но он расправил свои могучие крылья и последовал за Хлелой.

По полю разнесся громкий человеческий голос:

– Охота начинается!

Этот клич издала высокая самка. Безволосый самец стоял рядом с ней с одной стороны, а по другую ее руку расположился Ралзун. Тали подала нам знак. Мы пересекли поле и, вежливо прижав уши, сели рядом с людьми.

– Они меньше, чем я ожидала, – заметила высокая женщина, не ответив на наше приветствие. Я не стала обращать внимание на ее грубость, наверное, эта самка просто не знает правила

приличий.

– Это Хесми, – тихо, так, чтобы не услышали люди, шепнула мне Тали. – Она сейчас возглавляет совет старейшин.

Женщина была физически сильна, и от нее пахло властью.

– Этого лысого зовут Инимин, – она кивнула в сторону безволосого самца, в упор смотревшего на меня. – Он не хочет, чтобы мы пускали волков в деревню.

Мне было отрадно видеть, что в Кааре не верили в глупый предрассудок о том, что женщина не может руководить или охотиться, как воображают многие люди в Широкой Долине. Старейшина Хесми глядела на нас с нескрываемым любопытством. Инимин сладко улыбался, но если бы он был волком, то сейчас шерсть на его спине стояла бы дыбом. Люди, кажется, не понимают, что запахи говорят о них красноречивее любых слов, а этот человек пах злобой.

Я прижалась к Тали, а Марра шумно задышала в предвкушении охоты. Аззуен тихо тявкнул и лизнул меня в голову. Я обернулась, чтобы поделиться своим волнением с Пеллом, но он, прищурившись, смотрел на нас с Аззуеном.

Брелан наклонился к Тали и прошептал ей:

– Скажи волкам, какого лося надо загнать. Покажи Хесми, что волки тебя слушаются.

Такого я допустить не могла. Этого нельзя было делать ни в коем случае, если мы хотели доказать Стражам, что у нас с людьми отношения равных. Возможно, Навдру оставил здесь своих соглядатаев.

Я села и отвернулась от Тали, как сделала однажды в Широкой Долине, когда отказалась без нее переплывать реку.

Тали поняла, словно я сказала ей об этом. Внимательно глянув на меня, она шепнула Брелану:

– Нет, мы хотим показать Хесми, что волки сами умеют выбирать добычу.

Я встала и лизнула ей руку. Она улыбнулась мне и заговорила с Хесми и Инимином.

– Волки умеют сами выбирать лучшую дичь. Этим они тоже могут помочь нам, – заявила она. Я заметила, что Тали стала выше. Она теперь выглядела как взрослая девушка.

– Отлично, – согласилась Хесми, а люди начали перешептываться между собой. Я оглянулась, чтобы узнать, не станут ли они возражать, но они просто с любопытством смотрели на нас. Ралзун однажды сказал, что многие из них жили в Кааре в те времена, когда волки охотились вместе с жителями племени.

Ветер принес на поле сильный запах еловой хвои, и я

чихнула.

– Найди хорошего зверя, Каала, – сказала Тали. Я еще раз лизнула ей руку и побежала по полю. Друзья последовали за мной.

Я перевела дух. Надо было найти лося, которого мы смогли бы поймать быстро. Надо было поохотиться так, чтобы принести людям добычу, но при этом не выказать покорности, не допустить среди людей ранений и не причинить им неудобств. Для этого от нас потребуются все наше умение и сила.

– С чего начнем, Каала? – спросил Пелл. Он так часто возглавлял охоту, что нисколько не тревожился за ее исход. Я улыбнулась ему и раскрыла пасть, чтобы лучше чуять запах лосей.

– Найди самую легкую жертву, – ответила я. Если бы мне надо было произвести впечатление на волчью стаю, то я, вероятно, стала бы охотиться за самой трудной добычей. Но людям ее надо было принести как можно скорее. Я повысила голос:

– Марра и Пелл, охоту начнете вы. Посмотрите, какой из лосей начнет первым уставать. Аззуен, беги за ними и высматривай самого слабого лося.

Все трое кивнули и бросились к стаду лосей.

Я осталась стоять на месте, сдерживая щенячье желание побежать вслед за ними, и следила, как Марра и Пелл атаковали группу лосей. Все они выглядели здоровыми и быстрыми. Пелл на некоторое время обогнал Марру и рассек стадо на две группы – на тех, кто бежал быстрее, и тех, кто бежал медленнее. Это был прекрасный маневр. Все было сделано так ловко, что лоси даже не заподозрили, что стадо разделили. Марра сделала небольшой круг, присоединилась к Пеллу, и они вдвоем рассекли вторую группу еще надвое. Пелл несся, как стрела, на своих длинных мускулистых ногах.

Аззуен громко залаял.

Он бежал, низко пригнувшись к земле, к отсеченной группе лосей. Одна самка, на которую обратил внимание Аззуен, бежала быстро и выглядела здоровой, но мой волк почему-то выбрал именно ее.

– У нее кровяные мухи! – пролаял Аззуен. Рууко и Рисса учили нас распознавать паразитов, которые жили в легких лосей, и узнавать запах этих паразитов, когда мы ели убитых лосей. Животное, пораженное кровяными мухами, может питаться и бегать, но быстро устает и теряет силы и реакцию.

Я стояла, терзаясь нерешительностью. Пелл и Марра непременно найдут уставшего лося, но это потребует времени,

потому что лоси, за которыми они гнались, были здоровыми и сильными. Лось Аззуена был слабее, но зато жирнее остальных, а это понравится людям.

Я подала сигнал Пеллу и Марре, чтобы они обратили внимание на лосиху Аззуена. На мгновение замедлив бег, они оглянулись, проследили за моим взглядом, увидели Аззуена и бросились к нему и выбранной им добыче. Я поймала взгляд Тали, а потом посмотрела на Аззуена. Тали меня поняла.

– Вот он! – крикнула она Хесми. – Видишь, с черным лбом и белым пятном на спине!

Я не видела ничего особенного на спине лосихи, но давно заметила, что люди полагаются на внешние приметы разных вещей, когда описывают их друг другу. Аззуен думал, что они различают больше цветов, чем мы. Но ведь людям надо было чем-то возместить свою неспособность различать запахи и слышать тихие звуки.

Воздух наполнился криками и гиканьем; самые молодые из людей бросились к лосям. Марра и Аззуен погнали лосиху на них. На нее посыпался дождь копий, и она упала на землю. Животное жалобно кричало и билось, пока к ней сбегались люди, потрясающие копьями. Не дожидаясь, когда раненый зверь перестанет двигаться, Марра бросилась к группе лосей, за которыми они с Пеллом гнались раньше. Миклан побежал за Маррой, а за ним последовало еще несколько человек. Они не могли, конечно, угнаться за Маррой, но когда она погнала им навстречу еще двух лосей, на тех тотчас обрушился град копий. Люди и волки действовали так слаженно, словно всю жизнь охотились вместе. Один из лосей, пронзенный тремя копьями, повалился на землю. Второй убежал, но попал прямо в зубы Пеллу, который атаковал лося в грациозном высоком прыжке и вцепился ему в заднюю ногу. У меня упало сердце, когда я увидела, как лось лягнул Пелла. Я бросилась на помощь, а Тали метнула копье с помощью рогового приспособления. Это орудие позволяло даже слабому человеку бросать копье далеко и с большой силой.

Лось зашатался и упал, когда я подбежала к нему. Я намеренно упала на бок и откатилась прочь от раненого зверя. Он еще два раза лягнул ногами и затих. Встав на ноги, я увидела, что люди уже окружили новую жертву.

Тали подбежала ко мне, что-то радостно крича. Споткнувшись, она приземлилась на свой зад. Я подошла к ней и облизала с ног до головы, слыша, как радуются люди вокруг нас. От волков и людей исходил запах радости и торжества. Вместе с людьми мы убили трех лосей, а солнце еще не дошло до полудня.

Я оглядела равнину, по которой убегало прочь лосиное стадо, и обратила внимание на деревья, обрамлявшие травяное поле. Там, на опушке стояла Милсиндра и внимательно наблюдала за охотой. Так вот почему я почуяла хвойный запах. Я не могла, конечно, знать, послали ее Стражи или она пришла по собственному желанию, но меня это и не тревожило – Милсиндра стала свидетелем нашего успеха. Натянуто улыбнувшись мне, она исчезла в чаще леса. Я дождалась, когда она скроется из вида, и зарычала, глядя на то место, где она только что стояла.

Запах свежего мяса щекотал ноздри и возбуждал аппетит, и я с трудом сдерживалась, чтобы не подбежать к туше и не вонзить в нее клыки. Я с радостью убедилась, что и мои друзья проявляют такую же осторожность. Люди, включая и Хесми, шумно радовались удачной охоте. Тали и Ралзун подошли к старейшине и встали рядом с ней. Старик радостно улыбнулся мне. Потом я уловила запах гнева. Инимин не радовался удачной охоте вместе с другими, а стоял в стороне. Когда он повернулся ко мне, я поймала его взгляд. Выражение его лица мгновенно изменилось – напряглись мышцы вокруг рта и глаз, а кожа на лбу натянулась так, что уши немного сдвинулись назад на лысом черепе. Он был в ярости, но люди, казалось, этого не замечали. Наши скудные средства общения не позволяли мне предупредить об этом Тали. Ралзун что-то шепнул девушке. Она посмотрела на Инимина и прищурилась.

– Волки получат свою долю, – произнесла она, и я не сразу поняла, что этот властный голос принадлежит Тали. Это не был неуверенный голосок ребенка, которого я знала в Широкой Долине. Она смотрела на одного из убитых лосей, сжав руки в кулаки.

Марра и Пелл сорвались с места и бросились к туше. Несколько человек хотели было возразить, но остановились, когда заговорила Тали. Хесми покачала головой, и люди отступили. Аззуен присоединился к товарищам, и я, тревожно взглянув на Хесми, сделала то же самое. Я подбежала к убитому лосю, улеглась возле него и вгрызлась в его брюхо. На мгновение я забыла обо всем, кроме сочного, теплого и ароматного мяса. Я не ощущала ничего, кроме приятной тяжести в желудке. Аззуен лежал с одной стороны, а Пелл – с другой. Первой оторвалась от еды Марра.

– Нам надо остановиться, – низким голосом произнесла она. – Надо оставить грезлин людям.

Грезлин был самой лакомой частью туши. Марра так быстро ела, что стала задыхаться.

Я с большим сожалением отошла от лося. За мной

последовали Аззуен и Пелл. Люди столпились вокруг других туш. Однако шестеро людей во главе с Инимином решительно направились к нам.

– Оставим им тушу, – сказала я.

– Ты уверена? – спросил Пелл и метнул взгляд в ту сторону, где раньше стояла Милсиндра. Он тоже ее заметил.

– Уверена, – ответила я.

Одно дело не проявлять покорность, и совсем другое – сознательно бросать людям вызов. Волк, который вступает в драку с каждым встречным волком, глуп, а не силен. Я поняла это еще в Широкой Долине. Конечно, для Равновесия в стае каждый волк должен уметь постоять за себя, но он должен думать не только о себе, но и о благе стаи. Мне хотелось, чтобы люди видели в нас членов стаи, а не соперников.

Мы отошли еще дальше от туши. Тали пошла навстречу тем шестерым. За ней, легко передвигаясь на своих длинных ногах, шла Хесми. Люди сгрудились вокруг убитого лося. Пока они разрезали то, что от него осталось, Тали незаметно подмигнула мне.

– Каала, – сказала она, – ты не принесешь мне ребро? – С этими словами она указала мне рукой на лежавший справа от меня кусок. Я взяла его в зубы и подтащила кусок к ее ногам. Мне было трудно – у лосей даже небольшие кости очень тяжелые. Когда я положила мясо к ногам Тали, она улыбнулась Хесми.

Старейшина улыбнулась в ответ. От людей, стоявших вокруг туши, отделился Инимин и, нахмурившись, затопал к нам.

– Принеси мне кусок мяса, волк, – приказал он мне. Я взглянула на него, села и широко зевнула. Он ткнул меня ногой в ребра. Он не пнул меня, а просто попытался подтолкнуть к куску мяса. Тогда я просто улеглась на землю.

Тали присела возле меня, зарылась лицом в мой мех и рассмеялась. Успокоившись, она подняла голову.

– Каала, ты не принесешь мне кусок мяса, который лежит вон у того камня?

Я встала, подбежала к кусочку мяса и принесла его девушке. Тали подняла его и положила в мешок Хесми. Старейшина что-то буркнула и пошла прочь. Тали присела, обвила руками мою шею и прижалась ко мне щекой.

– Мы смогли это сделать, Каала, – прошептала она. Я вытянулась рядом с ней. В груди стало тепло от счастья.

– Это только начало, – сказала я, извернулась и лизнула Тали в лицо. Мне показалось, что в ее глазах мелькнуло понимание, когда она сильно меня обняла, встала и побежала за Хесми. Похоже, не было ничего, что мы не могли бы сделать вместе.

Я услышала, как рядом кто-то пыхтит от натуги. Это был Пелл, который потащил в лес грудную клетку лося. Волку было трудно, так как тащить тяжелую ношу пришлось в гору. Аззуен продолжал прислушиваться к тому, что говорили люди. Если он услышит что-то важное, то непременно расскажет мне. Я же побежала к опушке леса – помочь Пеллу. Вместе мы втащили кости и мясо в лес.

Оказывается, Пелл уже собрал в тени сосен большую кучу мяса. На ней стояли Тлитоо и Хлела – они клевали кусочки мяса и кожи. Я помогла Пеллу взгромоздить грудную клетку на эту кучу.

– Это порадует Стражей, – сказала я. Они не просили принести им мяса, но я посчитала, что это не повредит. Кроме того, они поймут, что мы делаем не только то, что велят нам люди.

Сквозь ветви пробился луч света и упал на меня, и я сладко потянулась, стараясь избавиться от нытья в спине и тяжести в плечах. Пелл улыбнулся мне. Мы славно поработали. Тлитоо и Хлела взлетели на ель и с любопытством наблюдали за нами.

– Кажется, люди не против того, чтобы мы охотились вместе с ними на равных, – заметил Пелл. Он продолжал улыбаться, широко раскрыв пасть и вывалив между зубами язык.

– Нам предстоит пройти еще долгий путь, – остудила я его радость. – Это всего лишь одна охота.

– Если кто-то и может с этим справиться, то это ты, Каала, – проговорил он. Лицо его смягчилось. – Ты необыкновенная. Я понял, что ты можешь быть вожаком, еще когда ты была глупым щенком, который, ничего не понимая, носился по угодьям стаи. Я убедился в этом, когда ты следила за нами на холме Волкоубийце. Когда-нибудь ты станешь настоящим вожаком, и я хочу в это время быть рядом с тобой.

Я не мигая уставилась на него и уже открыла пасть, чтобы ответить, но слова застряли у меня в горле.

– Сезон уже кончается, но нам с тобой еще не поздно завести щенков, – сказал он и подошел ближе ко мне, тоже оказавшись в пятне света. – Торелл желала спариться со мной в прошлом году, но я этого не захотел и очень рад теперь, что смог подождать.

Он прижался ко мне, не давая возразить. Я знала, что нравлюсь Пеллу, как знала и то, что симпатия ко мне заставила его покинуть долину. Но я не была уверена в своих чувствах к нему, а копаться сейчас в себе просто не было времени. Он станет хорошим спутником другой волчицы – когда-нибудь. Я подняла голову и посмотрела на Тлитоо, надеясь, что он что-нибудь сделает, чтобы помочь мне и остановить Пелла. Но Тлитоо и

Хлела просто сидели на ветке и с любопытством смотрели на нас. Ворониха чистила клювом перья на шее ворона и что-то тихо ворковала. Нет, помощи от них я не дождусь.

Пелл положил голову мне на шею и притянул к себе. Я не один раз видела, как Рууко так же клал голову на шею Риссе. Кровь бросилась мне в голову, как перед охотой, но тогда я не чувствовала такого головокружения. В животе стало тепло, а лапы едва не подкосились. Я пошатнулась, но Пелл прижался ко мне еще сильнее, и я уже не чувствовала ничего, кроме мягкого меха, горячего тела и биения его сердца.

Тяжело дыша, я с трудом оторвалась от него.

– Я не могу, – выдохнула я. – Я слишком молода для того, чтобы заводить щенков.

Волчицы не спариваются раньше второго года жизни.

– Можешь, – живо возразил Пелл, как будто заранее знал, что я скажу. – Некоторые волчицы спариваются и на первом году жизни.

Я попыталась вспомнить, что говорила Рисса о рождении щенков. Я не смогла бы совместить вскармливание волчат с исполнением Обета.

Но горячее тело Пелла влекло меня. Я думала, что только люди могут притягивать меня с такой силой. Я сделала два шага к Пеллу и собрала все силы, чтобы остановиться. Меня била крупная дрожь.

– У нас просто нет времени! – произнесла я, начав злиться. Если мы потерпим неудачу в племени Каар, это будет катастрофой для волчьего рода. Умрет Тали, а возможно, и мы. Пелл вообще думает о нашем долге?

– Именно поэтому мы теперь должны быть вместе, – возразил он. – До следующего года мы можем просто не дожить.

– Но тогда зачем нам заводить щенков? – парировала я, стараясь убедить Пелла логикой. Пелл взвыл от отчаяния. Я села, обвила себя хвостом и поставила передние лапы очень близко к задним. Пелл растерянно глядел на меня.

– Я думал, что нравлюсь тебе, Каала. Только поэтому я пошел с тобой.

– Ты и в самом деле мне нравишься, – ответила я. – Но я думала, что ты хочешь помочь нам исполнить Обет. – Я смотрела на него во все глаза, не зная, что делать дальше. Он действительно мне нравился.

– Каала, наверное, это наш последний шанс. – Он снова подошел ко мне. От его близости дыхание мое участилось.

Но Пелл внезапно остановился и зарычал. Справа от меня в кустах послышался шорох, и на полянку выбрались два волка. Я

живо вскочила.

Пелл стремительно повалил одного волка на землю и, оскалив зубы, посмотрел на другого – на молодую волчицу, которая тут же повалилась на бок.

– Что вы здесь делаете? – спросил Пелл. – Кто вас прислал?

– Мы ищем Каалу, – ответил волк, на которого поставил лапы Пелл. Придя в себя, я узнала их. Это Праннан и Амма из стаи Мышеедов, охотившейся в Широкой Долине. Это были светло-серые мелкорослые волки, а прозвище свое получили, потому что редко охотились на крупную дичь. Праннан и Амма уже предлагали мне свою помощь в установлении дружбы с людьми.

– Не трогай их, – резко сказала я Пеллу. – Отпусти его.

Пелл прижал уши, как набедокуривший щенок, а не как взрослый сильный волк, и отступил в сторону.

Праннан встал, вежливо поклонился Пеллу, а потом обратился ко мне, прижав уши и поджав хвост. Подойдя, он поздоровался, почтительно лизнув меня в нос. То же самое сделала вслед за ним и волчица Амма.

– Зачем вы пришли? – встревоженно спросила я. – Вашу стаю истребили? Кто – люди или верховные волки? – Я не могла представить себе иной причины, которая заставила бы молодых мышеедов уйти так далеко от родного дома.

– Мы хотели найти тебя, Каала, – повторил Праннан.

– Меня зовут Амма, – представилась волчица. Она стояла рядом с Пеллом, и было видно, что она боится, как бы я не напала. Я же еще раз подивилась тому, насколько малы волки стаи Мышеедов. Амма была моей ровесницей, но рядом с Пеллом выглядела как пятимесячный волчонок.

– Я помню тебя, – разрешила я, и выражение тревоги в ее глазах исчезло.

– Я могу поздороваться с тобой? – спросила она.

– Конечно, можешь, – ответила я. Она рванулась вперед и лизнула меня в нос, потом отступила и принялась внимательно на меня смотреть. Я не сразу сообразила, чего она от меня ждет. Потом вспомнила, как Рисса и Рууко приветствовали нас, когда мы, маленькие щенки, возвращались после долгих отлучек. Я подошла к Амме и нежно взяла в пасть ее нос. Я сразу почувствовала, как она расслабилась. Только после этого они поприветствовали Пелла. Он же смотрел на них со смешанным чувством раздражения и недоумения.

Оба волка снова уставились на меня, но я не знала, чего они от меня ждали.

– Как дела у Мышеедов? – поинтересовалась я.

– У них все хорошо, – ответил Праннан.

– Тогда почему вы ушли от них? – спросила я. – Теперь вы остались без стаи.

Я не могла понять, как можно оставить стаю, если тебя никто к этому не вынуждает.

– Каала, – укоризненно произнес Пелл.

Праннан посмотрел на меня, поджал хвост, опустив его между задними лапами, и отвернулся.

– Я понимаю, что ты не хочешь принять нас в свою стаю. Мы и правда не очень сильны. Но мы поможем вам охотиться, поможем наладить отношения с людьми, а потом ты решишь, достойны ли мы быть в твоей стае.

– В моей стае? – удивленно переспросила я. Они, как и Лаллна, решили, что мы – настоящая стая. Они оставили свой родной дом, чтобы присоединиться ко мне. Я должна была сказать, что они ошиблись, и отослать их домой, в Широкую Долину. Я не могла гарантировать их безопасность, да и к чему лишняя ответственность?

– Послушай, волчонок, – заговорил Тлитоо, приземлившись рядом со мной, – неважно, вожак ты на самом деле или нет. Им нужен вожак, а ты не знаешь, что сулит будущее и какие волки тебе понадобятся. Здесь они будут не в большей опасности, чем дома.

Я повернулась к ворону и щелкнула зубами, но ухватила лишь воздух – Тлитоо предусмотрительно успел взмыть в небо. Я снова посмотрела на Праннана и Амму. Оба они отвернулись, но украдкой бросали на меня умоляющие взгляды. Я вспомнила, как Рисса принимала меня в стаю, когда я сама была крошечным волчонком, как она и Тревегг обучали волчьим обычаям после того, как меня с презрением отверг Рууко.

– Можете остаться с нами, – решила я.

Оба тотчас навострили уши и с таким пылом бросились ко мне, что повалили на землю. Я поднялась и предупредила:

– Но пока вам надо держаться подальше от людей.

– Мы знаем, – сказала Амма. – Похожий на ворона человек не хочет, чтобы к людям сразу пришло много волков; надо приучать их постепенно, чтобы не напугать, – она умолкла, чтобы перевести дух.

Я внимательно посмотрела на них. Долго ли они шли за нами? Потом рассмеялась. Похожий на ворона человек – это, конечно, был Ралзун.

На полянку, запыхавшись, выбежал Аззуен. Заметив Пелла, он нахмурился. Пелл же смотрел на меня не отрываясь. Я заглянула в его янтарные глаза и с трудом отвела взгляд. Потом виновато посмотрела на Аззуена, но тот вдруг расплылся в

улыбке.

– Приветствую вас, Праннан и Амма.

Мышееды радостно завиляли хвостами. Аззуен нежно прикусил им носы, а потом ткнул меня в бок.

– Твоя девушка ищет тебя, – сообщил он. – Вожди людей хотят, чтобы мы пришли в племя!

Это было то, на что я так сильно надеялась. Люди захотели, чтобы мы пришли к ним, а это означало, что у нас есть шанс завоевать их расположение. Я невольно улыбнулась. Нам потребовался всего один день, чтобы получить право прийти на территорию людей.

Я взглянула на Пелла. Он, похоже, уже готовился к следующей охоте.

Он ткнулся носом в мою морду.

– Отнесу еще немного мяса Стражам. – Он с улыбкой обратился к Амме и Праннану: – Если хотите, можете пойти со мной.

Оба радостно тявкнули, и когда Пелл взял в зубы кусок лосиного мяса и затрусил в лес, последовали за ним. Я сделала несколько шагов им вслед.

– Идем, Каала, – теряя терпение, сказал Аззуен. – Чего мы ждем?

Я посмотрела в его преданные светлые глаза, и желание идти за Пеллом испарилось.

Мы сможем завоевать людей, привлечь их на нашу сторону. Теперь я твердо это знала. Я свистнула Аззуену, и мы побежали в стойбище.

Глава 9

Таких человеческих поселений я не видела никогда в жизни.

В центре стойбища находилась большая поляна. Подобные поляны, конечно, имелись во всех местах сбора людей, но эта была так огромна, что если всех знакомых мне волков положить на ней в ряд, головами к хвостам, то цепь не дотянулась бы от одного края поляны до другого. Это оказалась даже не поляна, а огромная равнина, на которой можно было свободно охотиться. Место было таким большим и открытым, что я содрогалась при мысли, что здесь на меня нападет какая-нибудь большая птица. Спрятаться на поляне особо негде. Такого страха я не испытывала с раннего детства, когда по ночам очень боялась сов.

Отдельными кипами были сложены оленьи кожи и лосиные шкуры. Эти кипы достигали высоты двух поставленных друг на друга волков. Дома были здесь раза в два выше, чем хижины в других человеческих поселениях. Основания этих домов, как обычно, сложили из камня, как и в деревне Тали, но сами строения были сплетены из ветвей и шкур. Имелись здесь и целые горы обработанных камней и заостренных костей – их люди использовали на охоте или резали и сшивали с их помощью звериные шкуры. А как же сильно здесь пахло людьми! Никогда не думала, что их может быть столько…

Ралзун провел нас с Аззуеном по боковым полянкам, примыкавшим к большой центральной поляне. Ралзун настоял на том, чтобы нас было только двое, чтобы не напугать жителей стойбища. Но люди не казались мне слишком испуганными. Пока мы шли, они то и дело окружали нас. Они нам не угрожали и держались на почтительном расстоянии, но меня не покидало неприятное ощущение преследования, и я старалась держаться ближе к Аззуену. Тлитоо сначала летел над нами, а потом приземлился и пошел рядом по земле.

Ралзун жестом остановил нас на расстоянии шести волчьих корпусов от большого плоского камня, на котором стояла группа людей. Среди них были старейшина Хесми и неприятный Инимин. Все эти люди внимательно смотрели на нас. Волки посчитали бы такое разглядывание сигналом к атаке, но люди не знали волчьих обычаев.

– Ждите здесь, пока я не позову вас, – сказал нам Ралзун и поспешил к камню. Мимо нас пробежала стайка маленьких человеческих детенышей. Их было, наверное, человек восемь. Все они казались моложе Миклана. За этими детенышами бежали другие – еще меньше. Они кричали такими высокими

пронзительными голосами, что у меня заболели уши. Я заметила, что один детеныш – или ребенок, как называют своих потомков люди, – бежал отдельно ото всех, а когда он пытался присоединиться к остальным, его отталкивали и прогоняли прочь.

– Как они ухитряются прокормить весь этот молодняк? – прошептал Аззуен, окидывая взглядом поляну, на которой толпилось все больше и больше людей. – Как находят столько питательных растений? Они же объедают леса почище оленей.

– Они думают, что могут покорить все леса до последнего кустика, – прокаркал Тлитоо. – Вместо диких растений они насадят растения съедобные. Люди хотят убить всех зверей, которые охотятся за той же добычей, что и они.

Такие мысли в корне противоречили самому понятию о Равновесии. Мы убивали лис и гиен, которые пытались украсть нашу законную добычу, но нам даже не приходило в голову убивать их за то, что когда-нибудь они смогут на нее посягнуть. Волка, который бы так поступил, сочли бы безумным и изгнали из стаи.

Люди, как волки, большую часть своей жизни следуют за дичью, на которую охотятся. Но они, кроме того, съедают пищу, которой питается их добыча. Поэтому людям приходится время от времени менять места своего обитания. Но так было лишь до недавнего времени. К тому моменту, как родилась я, люди стали дольше задерживаться на одном месте, строили большие стойбища и постепенно уничтожали природу вокруг себя, убивая намного больше дичи, чем им требовалось для пропитания. Но я пока не видела этого своими глазами.

Ралзун махнул рукой, подзывая нас. Окружающие люди расступились, и мы подошли к старику и людям на высоком плоском камне. Я была очень благодарна Ралзуну; перед камнем мне стало легче дышать. Увидев рядом с ним Тали и Брелана, я, забыв обо всем, бросилась к девушке, которая, присев, погладила меня по голове. Аззуен, бежавший следом, бросился к Брелану. Опомнившись, я похолодела: вдруг людям не понравится, что мы так бесцеремонно вторглись на их личную территорию? Но тут послышался смех, а подняв голову, я увидела, как улыбается Хесми.

– Они очень дружелюбны, – заметила старейшина Тали, и я завиляла хвостом. Хесми обратилась к Ралзуну:

– Они пришли за этой девушкой из Еловой Долины?

– Да, оттуда, – подтвердил Ралзун.

Люди на камне стали тихо переговариваться друг с другом. Они говорили так быстро, что я улавливала лишь отдельные слова, но смысл сказанного ускользал от меня. Старейшина

Хесми подняла руки над головой, и наступила тишина. Потом она заговорила – размеренно, словно исполняя ритуал.

– Мы согласились на том, что во время праздника Равноденствия мы выберем того, кто будет нашим следующим крианом, – звучный голос гремел над поляной. – Ралзун привел к нам Тали, внучку Ниали, которая хорошо послужила нам в прошлом, – старейшина протянула руку в сторону Тали. – Считаешь ли ты, что мы и впредь должны придерживаться наших древних обычаев? – спросила она девушку.

Ниали однажды сказала нам, что Тали потребуется одобрение совета старейшин для того, чтобы стать крианой. Это был ее шанс. Она взяла протянутую руку и взошла на камень. Возвышаясь над толпой, она обратилась к жителям деревни:

– Как моя бабушка до меня, как ее мать до нее и как все наши предки до них, я верю в то, что мы должны делить мир с другими созданиями природы. Да, мы должны защищать и кормить себя и сражаться за то, что принадлежит нам, но при этом не можем убивать всех зверей только потому, что они охотятся за той же дичью, что и мы. Мы не можем истребить все растения в лесу, чтобы заполучить больше земли. Как и моя бабушка, я верю, что криан должен предостерегать людей от гордыни, должен научить их не уничтожать окружающий мир, не брать слишком много и не убивать слишком часто.

Мне были знакомы эти слова. Бабушка Тали произнесла их много лун назад, когда я впервые встретилась с крианами и узнала, какую роль играют они в жизни людей. Мы с Тали подслушали эти слова, когда Ниали говорила с верховными волками Широкой Долины.

Тали между тем возвысила голос:

– Мы должны учиться у существ, которые делят с нами этот мир, учиться поддерживать Равновесие, чтобы мы и те, кто придет после нас, смогли жить в гармонии и согласии с миром.

Тали поклонилась Хесми и спрыгнула с камня. Ралзун одобрительно посмотрел на девушку.

Вперед выступил Инимин. Ворон предостерегающе захлопал крыльями.

– Берегись этого человека, волчица. Он будет притворяться приветливым и дружелюбным, но на самом деле поведет себя как коварная гиена. Крианы избегают это стойбище, потому что он настроил его жителей против них.

Инимин сладко улыбнулся собравшимся жителям. Если бы не предупреждение ворона, я бы не усомнилась в его искренности.

– Мы живем в опасном мире, – заговорил он. – Есть звери, которые живут только для того, чтобы убивать нас; есть звери,

готовые похитить у нас пропитание, необходимое для выживания нас и наших детей. Единственный способ уцелеть в таких условиях – это овладеть окружающим нас миром, подчинить его себе. Более того, это наш священный долг. – Голос Инимина стал громче. – Когда-то мы были такими же зверьми, как и все остальные существа, охотились за добычей точно так же, как эти стоящие перед нами жестокие и звероподобные волки. – В этом месте я с трудом сдержалась, чтобы не зарычать. – Но теперь мы уже не похожи на всех остальных зверей. Мы избраны из всех живых существ и должны вести их за собой. Мы должны обуздать и приручить тех, кто дик, и устранить опасность, которой грозит нам земля. Зачем еще стали мы единственными созданиями, которые ходят на двух ногах, держатся прямо, используют орудия, разговаривают, мыслят и составляют планы?

– Волки тоже мыслят! – возразила Тали. – Умеют они и говорить; просто мы их не понимаем.

Несколько человек рассмеялись. Хесми нахмурилась и посмотрела на девушку.

– У тебя была возможность говорить, – заявила она. Тали была возмущена, но промолчала. Когда-то, еще в Широкой Долине, Давриан говорил нечто подобное о людях и их орудиях. Мне было очень больно снова слышать те же рассуждения.

– Я все сказал, – закончил свою речь Инимин. – Должен еще добавить, что восхищен страстью Тали.

Притворно улыбаясь, он тоже спустился с камня.

Он вел себя так снисходительно, что мне захотелось его укусить. Я не могла поверить, что он действительно думал, что люди предназначены самой судьбой подчинить себе всех живых существ на свете. Он говорил, как верховный волк!

Хесми кивнула Тали.

– Я познакомилась с Ниали, когда была ненамного старше тебя. Ты очень на нее похожа, и у тебя есть ее дар, ее благодать. Я рада приветствовать тебя как кандидата Ралзуна, который хочет, чтобы ты стала нашим крианом.

– Благодарю тебя, – учтиво ответила Тали. – Я сочту за великую честь служить вам как криана.

Старейшина обратилась к Инимину почти резко:

– Ведомо ли тебе, когда сын твоего брата придет к нам?

– Нет, – почтительно сообщил Инимин, – но я знаю, что он уже в пути.

– Он хороший кандидат, Инимин, но мы не можем ждать его вечно.

– Я не надеюсь на это, – улыбнулся Инимин. – Но мне хотелось бы убедиться, что эти волки на самом деле принесут нам

какую-то пользу.

– Племянник Инимина – это его кандидат в крианы, – объяснила Хесми Тали. – Сейчас он живет в другом племени, но много зим прожил в Кааре, как и его отец.

Мое внимание привлек тихий шорох, донесшийся из кустов кислой ягоды на краю поляны. Там, в зарослях, лежал на брюхе волк, смотревший на собрание. Виднелись только его лапы и голова. Он был слишком мал в сравнении с Милсиндрой и даже Лаллной, и я решила было, что это либо Амма, либо Праннан тайком проникли в деревню. Потом пригляделась внимательно и поняла, что с этим маленьким волком что-то не так. У него была необычно круглая голова и очень короткая морда. Я постаралась заглянуть ему в глаза, чтобы предупредить его. Каар был теперь моей территорией, на которую не смеет заходить ни один чужой волк.

Тут меня дернул за ухо Ралзун. Я возмущенно тявкнула.

– Ты внимательно слушала?

– Да.

Он недовольно посмотрел на меня. Праннан дала ему верную кличку. Он все время, как ворон, глядит на нас свысока.

Аззуен протиснулся между мной и стариком.

– Хесми сказала, что кандидат Инимина придет в деревню через три дня, и на празднике Весны в день Равноденствия племя выберет криана, – сообщил он.

Я ощутила прилив уверенности. Соперника Тали пока не было. Мы удачно поохотились с людьми, и Хесми хорошо отнеслась к Тали. В первый раз с тех пор, как мы покинули долину, я поверила в успех. Нам надо было еще очень многое сделать за то короткое время, что было отпущено, но пока все шло хорошо. Не обратив внимания на недовольство Ралзуна, я ткнулась носом в морду Аззуена и не спеша потрусила к Тали.

– Идем, – позвала я Аззуена. У нас было еще очень много важных дел.

Глава 10

Остаток дня и всю ночь Аззуен и я ходили возле человеческих жилищ, чтобы люди мало-помалу привыкали к нам. Наутро мы осмелились приблизиться к их очагам, и люди не стали этому противиться. Потом пришла Марра, и когда мы убедились, что ее присутствие не беспокоит людей, появился и Пелл. Правда, он бродил лишь по краю большой поляны. Я ждала, когда мы получим от людей следующее задание, но они не спешили с проверкой. Я едва не кусала свой хвост от нетерпения. Несмотря на то что Равноденствие было уже не за горами, я не хотела напрягать их слишком сильным напором. Наконец вечером второго дня нашего пребывания среди людей к нам пришли Тали и Миклан. Пелл сразу убежал в лес, как только их увидел.

– Нас позвали купаться с молодыми жителями стойбища, – взволнованно сообщила Тали. – Они хотят, чтобы пришли и вы. Все говорят, что охотиться с вами было удовольствием, которого они не испытывали много лун!

Я радостно улыбнулась девушке. Молодые люди всегда относились к нам лучше, чем старики. Если бы могли заставить их полюбить нас так же, как любили Тали, Брелан и Миклан, это повлияло бы и на других. Тали вприпрыжку помчалась из стойбища, и я, Аззуен и Марра последовали за ней.

Молодые люди резвились возле ручья в пяти минутах бега от Каара. Ручей был мелким, поэтому я не тревожилась за Тали. Все люди здесь были примерно одного с ней возраста – почти взрослые или только что перешагнувшие порог зрелости. Веселились они с энергией и задором молодых волков. Я непроизвольно завиляла хвостом, когда наши люди присоединились к ним. Не вытерпев, мы тоже прыгнули в воду. Вода была холодная и пахла мелкой рыбешкой. Я уловила запах ивы и шалфея – наверное, Пелл прятался где-то поблизости и наблюдал за нами.

Молодые самцы боролись между собой, в точности как волки, оспаривая право сильнейшего, в шутку топили друг друга и обрызгивали водой девушек. Тали с хохотом брызгалась в ответ. Когда один из молодых людей вылил на меня пригоршню воды, я толкнула его, и он с размаху сел в воду, не удержавшись на ногах. Все еще больше засмеялись, когда этот молодой самец попытался окунуть меня в воду. Я принялась убегать от него, кружась по мелкой воде. Учуяв, что он просто в отчаянии, я поддалась и позволила себя догнать и обхватить за шею. Он улыбнулся и

погладил меня между ушей, и на душе у меня стало тепло и спокойно.

Потом я вышла из ручья и выбралась на берег, где за мокрыми Аззуеном и Маррой гонялась толпа молодых людей. Люди смеялись и вопили от восторга. Я встряхнулась и легла рядом с Тали, которая грелась в лучах вечернего солнца.

– Ваши волки могут охотиться еще на кого-нибудь, кроме лосей? – спросил молодой парень, улегшись с Тали.

– Они могут охотиться на кого угодно, – ответила девушка. – Мы охотились с ними на лосей, оленей, лошадей и туров.

Другой молодой человек недоверчиво фыркнул, а потом широко улыбнулся.

– У вас в Еловой Долине живут горные медведи?

– Да, – ответил Брелан.

– А степные львы?

– Конечно, – Тали уже начала раздражаться.

Улыбка молодого человека стала еще шире.

– Вы и ваши волки боитесь их?

Наши люди возмущенно посмотрели на задавшего этот вопрос парня, и тот поспешно встал на ноги.

– Идемте, – коротко предложил он.

Тали и Брелан тоже встали, поднялись и мы с Аззуеном.

Мы всегда чувствуем, когда нам бросают вызов. Миклан крепко спал, а рядом с ним Марра. Она подняла голову, сонно посмотрела на нас, зевнула и снова захрапела, положив голову на грудь Миклана.

Я последовала за людьми, шедшими прочь от ручья, думая о том, какое приключение ждет нас на этот раз.

Люди остановились в рощице, где росли какие-то деревья с твердыми стволами и густые кусты. Люди сгрудились, как стадо оленей, ищущих укрытия в зарослях. Откуда-то из-за деревьев доносился острый мясной запах. Он показался мне страшно знакомым, но я никак не могла его вспомнить.

Перешептываясь, люди принялись продираться сквозь кусты. Острые шипы кололи и царапали открытые части их тела, и мне стало жаль, что у них нет шерсти. Люди очень давно потеряли свой мех и, наверное, поэтому научились заменять его звериными шкурами. Я была так поглощена этими мыслями, что не заметила, как мы вышли на небольшую полянку. На ней лежал обглоданный почти до костей труп лося, а возле него сидели три длиннозуба. Я едва не взвыла от страха.

Никогда прежде не доводилось мне видеть живого длиннозуба. Я знала только их запах, который ощущался еще

долго после того, как они уходили. И теперь, увидев их собственными глазами, я поняла, почему этот запах хорошо мне знаком: так пах длинный клык, который Тали носила на шее в знак своей принадлежности к крианам.

Длиннозубы были в два раза больше взрослого волка. У них имелся гладкий светлый мех, и вообще они больше походили на травоядных, чем на хищников. Даже на расстоянии были видны их длинные изогнутые клыки, благодаря которым они получили свое название. Эти клыки длиннозубы вонзали в горло своим жертвам, которые умирали либо от кровотечения, либо от удушья. Один длиннозуб легко мог убить лося или тура. Мы никогда не соперничали с длиннозубами за добычу. Соперничали с ними гиены, но они не охотились сами, а лишь подбирали убитых животных, и, должна признать, воровать чужую добычу гиены всегда умели лучше нас.

Люди, охваченные волнением и страхом, оживленно переговаривались между собой.

– Хесми не разрешила бы нам с ними драться, – заметила Тали, – хотя мы могли бы победить, если захотели.

Сверху раздалось насмешливое фырканье. Тлитоо глядел на меня с высокой ветки.

– Что будет, если один из твоих волков сразится с длиннозубом? – поинтересовался юноша, который играл со мной в ручье.

– Не хочу пробовать, – ответила Тали.

Я посмотрела на нее, потом на остальных людей. В человеческих группах, как и в стае волков, верховодит сильнейший, а главенство завоевывают мужеством.

Отвернувшись от людей, я принялась разглядывать длиннозубов. Три взрослые особи сидели вокруг ободранной туши. Котята, как называли своих щенков длиннозубы, хватали полоску шкуры, с которой свисал изрядный кусок мяса. Стоило одному детенышу ухватить этот кусок, как другой тотчас отнимал его.

– Пожалуй, я захвачу эту шкуру, – заявила я Аззуену. Если бы мне удалось ее стащить, это произвело бы впечатление на молодых людей. Я ожидала, что Аззуен скажет, как это опасно, но он лишь озорно осклабился.

– Что ж, давай попытаем счастья, – согласился он.

Двое взрослых длиннозубов отогнали третью, самку, от туши. Когда она попыталась вернуться, они набросились на нее, свирепо рыча. Один из них поднялся на задние лапы и атаковал самку. К ней на помощь кинулись двое детенышей.

Они были стройными и тонкими, ростом в две трети от

взрослой особи. Длиннозубы растут медленнее, чем волки. Взрослеют они только в два года, а это значит, по возрасту они были нам ровесниками, а по зрелости не доросли еще до четырехмесячных волчат, только что покинувших логово. Мать детенышей посмотрела на них, а потом на мертвого лося. Выждав некоторое время, она поползла к туше, где двое длиннозубов продолжали свой пир.

На костях еще оставалось довольно много мяса. Детеныши жалобно замяукали, и я, хотя и не знала их языка, поняла, что они плачут от голода. Самка подкралась к туше и попыталась оторвать немного еды, но два самца грозно зарычали, и самка опять отползла в сторону. Она легла на брюхо и принялась неотрывно глядеть на длиннозубов и еду, которую они стерегли. Детеныши некоторое время таращились на мать, а потом снова затеяли свою игру со шкурой. Дыхание Аззуена участилось. Он смотрел на котят так же внимательно, как самка на лосиную тушу, и его хвост подергивался, как перед началом охоты.

Несмотря на голод, котята вели себя очень игриво. Они были крупнее нас и, в отличие от травоядных, вооружены острыми когтями и зубами. Я искоса взглянула на Аззуена, и мне стало стыдно, что я спросила его совета. Если мне выпало стать вожаком стаи, то я должна сама принимать решения.

Аззуен склонился ко мне и принялся шептать на ухо. Раздался едва слышный шорох ветвей, большая черная тень обрушилась на Аззуена, он ощутил немилосердный удар клюва по хвосту.

Аззуен взвизгнул, и длиннозубы оглянулись на нас. Тлитоо рассмеялся низким горловым смехом и внимательно уставился на наши носы. Я непроизвольно прикрыла нос лапой и увидела, что Аззуен сделал то же самое.

Я зарычала на Тлитоо, и он снова засмеялся.

– Ты такая грозная волчица, что, пожалуй, сможешь напугать своим рыком какого-нибудь жука. Я прилетел, чтобы помочь тебе. Я их отвлеку, а ты в это время ухватишь шкуру. Это будет очень забавно, а то ты в последнее время стала слишком серьезной.

В трудное время играй и шути,
Ведь скучен нахмуренный волк.
Смотри на ворона и веселись.

– Пусть они думают, что вы играете, – тихо прокаркал он, – что вам нет до них дела. Потом бросайтесь и хватайте шкуру.

– Как раз это я и хотел предложить, – вставил Аззуен.

– Но не предложил, волк.

– Потому что ты клюнул меня в хвост, – громко возмутился Аззуен. Котята повернули головы в нашу сторону.

– Не надо так орать, волчонок, – назидательно произнес Тлитоо и полетел к камню на середине луга. Уставив свои глаза-шарики на длиннозубов, он начал рычать низким голосом, подражая волкам. Никогда прежде я не думала, что он может так искусно имитировать нашу речь. Все длиннозубы – даже те, что грызли лося, – смотрели теперь в его сторону.

Тлитоо иногда бывал просто невыносим, но сейчас он оказался прав. Небольшой трюк точно не повредит. А Аззуен в таких делах был более ловок, чем я.

– Иди вперед, – сказала я ему. Его глаза загорелись от радости. Он лизнул меня в макушку. Я моргнула, а когда открыла глаза, Аззуен уже полз вперед на брюхе. Я с удовольствием смотрела на игру его мышц. Когда Аззуен был моложе, худоба делала его неуклюжим, но теперь она превратилась в стройность. Он, извиваясь как ящерица, стремительно приближался к длиннозубам. Он оглянулся, и только тут до меня дошло, что я, как последняя идиотка, пялюсь на него, лежа на месте. Распластавшись по земле, я поползла вслед за ним.

Аззуен дождался меня, и когда мы подползли к краю луга, встал и не спеша побежал по его периметру. Я тронулась за ним.

– Серебряная Луна! – крикнула мне Тали. – Каала, вернись!

Она хотела броситься за нами, но Брелан удержал ее. Другие люди взволнованно зашептались.

Мать котят сразу же нас заметила, подняла голову и принялась так сверлить нас взглядом, что у меня возникло желание остановиться. Однако Аззуен продолжал бежать, и я преодолела страх. Мы бежали с таким видом, будто просто решили обследовать луг и нам нет никакого дела до длиннозубов. Маневр удался, и самка снова с вожделением уставилась на тушу. Решив, что никакой угрозы мы не представляем, она потеряла к нам всякий интерес.

Оба котенка увлеченно играли, забыв о мясе. Они рычали, возились и вырывали друг у друга полоску шкуры. На первый взгляд они дрались всерьез, но дружелюбное виляние хвостами выдавало игру. Я и сама непроизвольно завиляла хвостом.

Мы пробежали буквально в нескольких шагах от котят. Занятые игрой, они нас попросту не заметили. Мы снова упали на брюхо и незаметно, очень медленно, поползли вперед. Когда мы приблизились на расстояние броска, Аззуен шепнул мне:

– Ползи на ту сторону и отвлеки их.

Я прижалась носом к его морде. Конечно, нечестно было пользоваться их детской неразумностью, но, как правильно

заметил Тлитоо, это всего лишь игра. Мы не собирались делать котятам ничего плохого.

Я обошла котят сзади и тихо свистнула. Они тотчас подняли голову, а один из них выпустил из зубов кусок шкуры. Аззуен метнулся вперед и выхватил ее. Второй котенок, продолжавший удерживать шкуру, потянул ее на себя и вырвал у Аззуена. Тот зарычал, и котенок бросился бежать, таща за собой шкуру. На бегу он налетел на брата. Я тоже зарычала. Тогда котята прижали уши и дружно взревели в ответ. Аззуен отступил, сделал круг и забежал в тыл котятам, пока они не отрываясь следили за мной. Я бросилась вперед и головой ударила в зад котенка, выпустившего шкуру. Он взвыл и кинулся на меня. Я едва успела откатиться назад – как я могла забыть о его длинных острых когтях! Я почуяла его страх и, присев на передние лапы, приподняла зад, чтобы показать, что это игра. Котенок внимательно посмотрел на меня и убрал когти.

– Это наше, – прорычал он, но рык был игривым. Он что-то сказал своей сестре, которая продолжала сжимать зубами кусок шкуры. Они повернулись и бросились наутек – прямо навстречу Аззуену. Я, грозно тявкая, побежала следом.

Мы сцепились посреди луга, катаясь в грязи. Все это было очень похоже на наши игры с Аззуеном, Маррой и людьми. Котята были сильнее, но нас спасала их неуклюжесть. Я извивалась, избегая ударов их мощных лап. На мгновение остановившись, я свистом поддразнила ближайшего котенка.

В этот момент сзади ударила гора мышц и меха. Мать одним ударом могучей лапы припечатала меня к земле. Аззуен бросился на нее, но она отшвырнула его в сторону небрежным ударом головы. С Аззуеном тут же схватились оба котенка, мешая помочь мне. Самка длиннозуба раскрыла пасть и нацелилась на мое горло.

У большой кошки были золотистые глаза, подернутые печалью и усталостью. Я не могла долго смотреть в них, видя боковым зрением нацеленные на меня огромные клыки.

– Щенки, – тихо прохрипела она, – глупые маленькие щенки. Возвращайтесь в свою стаю, у нас нет времени для игр. Она поставила огромную лапу мне на грудь и выпустила длинные смертоносные когти. Я прижала уши, и кошка убрала когти. Я полежала еще мгновение, глядя в янтарные глаза. В них была такая тоска, какой я не видела со дня гибели Иллин, одной из волчиц Быстрой Реки.

– Иди, щенок, – велела большая кошка, отходя в сторону, – играй где-нибудь в другом месте.

Она что-то прорычала своим котятам. Когда они подняли

головы, я метнулась вперед, схватила шкуру и опрометью бросилась бежать. Аззуен сильным толчком в брюхо свалил мать на землю и вслед за мной побежал к лесу.

Тали и Миклан неслись нам навстречу, потрясая копьями. Увидев, что мы в безопасности, они резко остановились. Пелл пробежал мимо них. У него в глазах был такой страх, что я остановилась, споткнувшись о шкуру, и Аззуен сзади налетел на меня. Но мешкать было нельзя, и только когда Миклан, Тали и Пелл добежали вместе с нами до спасительного леса, я оглянулась, чтобы посмотреть на длиннозубов.

Мать, низко опустив голову, уводила своих котят к противоположному краю луга – от нас и других длиннозубов, продолжавших терзать обглоданный труп. Большая кошка тяжело переставляла ноги, и мне стало стыдно, что мы стащили у ее котят ненужную нам шкуру.

– С тобой все в порядке? – спросил Пелл, обнюхав меня от головы до хвоста.

Аззуен протиснулся между нами.

– У нас все хорошо, – сообщил он. – Спасибо, что спросил.

Тали опустилась на колени и обхватила меня руками за шею.

– Никогда больше не делай так, Каала, – попросила она.

– И ты тоже, – сказал Брелан Аззуену так строго, что я даже вздрогнула. Только теперь я поняла, как сильно тревожились за нас наши люди.

Я отдала шкуру Тали и подтолкнула ее к молодым людям. Девушка бросила ее одному из них, и тот, размахивая шкурой в воздухе, с громким веселым криком помчался в стойбище.

Другие молодые люди последовали за ним. Пелл, удостоверившись, что со мной все в порядке, убежал в лес и пошел за нами на приличном расстоянии. Аззуен и я прошли почти весь путь до деревни вместе с нашими людьми. Но, когда мы приблизились к Каару, мне наскучил их неторопливый шаг.

Я куснула Аззуена за ухо.

– Давай побежим в стойбище наперегонки!

Он согласно тявкнул и сорвался с места. Мы летели по лесу, перепрыгивая через низкий кустарник и упавшие ветви, чувствуя на шерсти тепло заходящего солнца. Тлитоо летел низко над нами, описывая круги и подбадривая своим клекотом. Меня охватило такое воодушевление, что я готова была взлететь к ворону в небеса. Мы провели с людьми всего два дня, а они уже восхищаются нами и готовы признать нас членами своей стаи. Если бы не быстрый бег, я бы, наверное, завыла от счастья.

Мы с Аззуеном влетели в Каар бок о бок и остановились. В стойбище появился новый запах. Я узнала его, у меня от страха

сдавило горло.

В центре стойбища собралась группа людей, сгрудившихся вокруг крепкого коренастого мужчины. Первым я увидела Инимина, стоявшего к нам спиной. Рядом с ним была какая-то молодая женщина. Хесми, скрестив руки на груди, смотрела на пришельца. Я чихнула, стараясь избавиться от противного запаха. Он сообщил мне, кто пришел в деревню, раньше, чем я увидела этого человека.

Давриан обернулся и уставился на меня холодным немигающим взглядом.

– Это та самая волчица, которая убила старуху, – объявил он.

Глава 11

Не я убила ее. Давриан убил Ниали, пронзив копьем ей горло. Он принес Тали в стойбище и сказал всем, что это я убила старуху. Когда я попыталась спасти Тали, он метнул в меня копье, но я увернулась, и оно пробило мне не сердце, а заднюю лапу.

Не я убила Ниали, но в ее смерти была отчасти и моя вина. Я разозлила Давриана и не подумала о риске для Ниали. Вспомнив ее распростертое на земле тело, я попятилась назад от стыда. Неужели я всегда навлекаю смерть на тех, кого люблю?

– В Еловой Долине мы называли ее Кровавой Луной, – Давриан указал на меня копьем. – За ее метку на груди и за то, что она всегда преследовала нас.

Я посмотрела на свою грудь. Мех был испачкан лосиной кровью, натекшей со шкуры, которую мы стащили у котят. Рядом со мной приземлился Тлитоо.

– Будь осторожна, волчица. Кажется, здесь происходит что-то, о чем нас не предупредили.

– Они сейчас нападут на нас? – спросил какой-то мужчина, заметив мою открытую пасть. Я тяжело дышала после быстрого бега и никак не могла утишить дыхание. Аззуен тоже тяжело дышал, оскалив белые зубы.

Я ждала, что сейчас люди начнут метать в нас копья, и уже была готова бежать, но поняла, что если побегу, то потеряю все, чего нам удалось достичь за последние два дня. Я лихорадочно переводила взгляд с Давриана на Хесми и соображала, что делать дальше. Аззуен закрыл пасть, повалился на бок и принялся болтать лапами. Люди рассмеялись. Я заставила себя тоже закрыть пасть, хотя так и не успела отдышаться, и почувствовала, что атмосфера немного разрядилась.

На площадь, взявшись за руки и смеясь, вбежали Тали и Брелан. Тали остановилась как вкопанная, увидев Давриана, однако Брелан не стал останавливаться. Он бросился на Давриана и повалил его на землю ударом в лицо. Я прыгнула вперед и оказалась рядом с Тали, остановившись между ней и Даврианом. Подбежал Аззуен и встал впереди меня.

– Охраняй Тали слева, – сказала я. Давриан легко мог обойти меня и подобраться к девушке с другой стороны.

Аззуен твердо уперся лапами в землю. Он защищал меня, а не Тали. Наклонив голову, он злобно смотрел на Давриана.

Брелан вдавил голову Давриана в землю.

– Я убью тебя, – воскликнул он. – Клянусь Древними, я тебя убью!

Он встал коленями на раскинутые руки Давриана и сдавил руками его горло. Трое сильных мужчин с трудом оттащили Брелана в сторону.

– Пустите меня! – кричал Брелан. – Он убийца, это он убил Ниали и едва не погубил Тали! – Его голос дрогнул. – Он хотел взять ее, но у него ничего не вышло!

В толпе людей возник громкий ропот. Давриан, кашляя, с трудом поднялся на ноги.

– Он лжет, – прохрипел Давриан. – Эта девушка околдовала его. – Его голос сорвался на фальцет. – Все волчьи крианы Еловой Долины умеют так делать.

Несколько человек рассмеялись над этим вздором.

– Я говорю правду, – мрачно стоял на своем Давриан. – Наверное, ваши крианы тоже умеют.

– И я об этом слышал. – Я обернулась. Эти слова произнес Инимин, остановившийся в нескольких шагах позади меня. У ног он поставил мешок. – Это одна из причин, по которым нам надо отказаться от старых обычаев и избрать себе нового криана. Нам надо покорить дикую природу, а не впускать ее в наши дома.

Он натянуто и фальшиво улыбнулся Тали.

– Выходит, ты знакома с сыном моего брата Даврианом, – сказал он.

– Он сын твоего брата? – спросила Тали. – Тот самый, которого ты так ждешь?

Я не смогла сдержать рвущийся из груди рык. Значит, Давриан был тем молодым человеком, которого имел в виду Инимин, и кандидатом в крианы. Да он годился на роль криана меньше, чем любой из знакомых мне людей!

– Спокойно, волчица, – предостерег Тлитоо. – Сейчас не самое подходящее время рычать на людей.

– Стойбище Раан построили те, кто ушел из Каара в Широкую Долину на поиски новых земель, – объяснила Хесми. – Таких деревень много во всех землях, какие мы знаем.

В голосе ее звучала нескрываемая гордость. Навдру тоже говорил, что влияние Каара распространяется далеко за пределы этой деревни, но я никогда не думала, что оно простирается и на Широкую Долину.

В это время заговорила еще одна женщина:

– Если Давриан говорит, что волки убили Ниали, то мы не должны пускать их к нам.

– Он лжет о Ниали, – возразил Брелан, взяв себя в руки. – Он сам ее убил и обвинил в этом волков. – Аззуен приподнялся на лапах, явно желая подойти к своему человеку.

– Зачем ему понадобилось ее убивать? – спросила Хесми,

наморщив лоб и скрестив на груди сильные руки.

– Он сумасшедший, – раздался позади меня звучный голос. Я резко обернулась. Тали была совершенно спокойна, лицо ее выражало непоколебимую уверенность. Она вытянула из-под туники клык криана, чтобы все могли его видеть. – Он сочиняет истории о колдунах и свирепых волках. Он убил мою бабушку и ранил меня. – Девушка откинула со лба волосы и показала еще не зажившую рану, которую нанес ей Давриан, когда убивал Ниали. – Вожди племени хотели убить его, чтобы он больше не причинял никому зла, но его отец этого не допустил.

Давриан тупо уставился на Тали. Люди стояли в недоумении, не зная, кому верить.

– Она говорит правду, – подтвердил Брелан.

– Ты был там, когда умерла старуха? – осведомился Инимин. – Видел, как это случилось?

– Нет, – признал Брелан. – Мне рассказала Тали.

Хесми нахмурилась еще больше. Давриан неуверенно взглянул на нее.

– Вот видите. Его там не было. Он верит всему, что говорит эта девушка.

Инимин старательно откашлялся.

– Именно поэтому я так старался убедить вас в том, что нельзя пускать волков в деревню. Они в любой момент могут превратиться из друзей во врагов и загрызть нас во сне. Такова натура дикого зверя, и мы не можем полностью от нее защититься.

На площади появился Ралзун и остановился рядом со мной. Я подняла голову и зарычала.

– Ты должен был предупредить, что Давриан племянник Инимина, – резко заявила я.

– Ты должна была предупредить, что он идет за вами следом! – хрипло возразил в ответ старик.

Он подошел к Хесми и произнес:

– Инимин говорит вздор. Волк не может никого околдовать, и глупец тот, кто так думает. Волки помогали нам раньше и помогают сейчас.

– Они плавали с нами в ручье и не сделали ничего плохого, – заметил молодой человек, пытавшийся окунуть меня в воду.

– Вот что они нам подарили, – сказал другой юноша, подняв шкуру, которую мы утащили у котят длиннозуба. Он, правда, не упомянул о самих длиннозубах. Наверное, старейшины запрещали молодым людям подходить к этим зверям.

– И вообще они мне нравятся, – добавила какая-то девушка.

– Они опасны, – стоял на своем Давриан, – и неважно, какими

дружелюбными при этом кажутся.

Люди вокруг нас принялись вполголоса переговариваться и перешептываться, иногда раздавались и возбужденные крики. Мне они в тот момент напомнили стаю воронов, собирающихся куда-то лететь.

– Волчата, – прошептал Тлитоо, – если вы дадите им спорить и дальше, они нагонят на себя такого страху, что не смогут найти выход. Покажите им.

– Что?

– Покажите, кто на самом деле опасен, – ответил ворон, кивнув в сторону мешка Инимина.

Я поняла, что он имел в виду, улыбнулась и стала пробираться сквозь толпу.

– Куда ты идешь? – шепотом поинтересовался Аззуен.

– Хочу позлить Инимина, – ответила я.

Люди замолчали, когда я подошла к Инимину. Он отклонился назад, когда я оказалась рядом, но не отступил. Не глядя на него, я схватила зубами мешок и подняла с земли. И только после этого взглянула Инимину в лицо.

Разумный человек спокойно отнесся бы к тому, что я подняла его мешок, но он напомнил мне самолюбивого и злобного Давриана. Инимин попытался пнуть меня ногой и ударить тупым концом копья, но я легко увернулась, подбежала к Хесми и положила котомку к ее ногам. Она рассмеялась.

– Ты заслужил, чтобы она тебя укусила, Инимин, – усмехнулась Хесми, и я лизнула ей руку. Она положила руку мне на спину, я почувствовала биение ее сердца. Я всегда чувствовала этот звук, когда люди прикасались ко мне.

– Она любит, когда ее чешут за ушами, – заметил Ралзун.

– Я помню, – Хесми погладила меня между ушей. Я прижалась к старейшине.

– Эти волки ведут себя не как убийцы, – сообщила она, – а Давриан провел у нас слишком мало времени, чтобы я стала доверять ему больше, чем внучке Ниали, – она погладила меня по спине. – Пусть Давриан остается твоим кандидатом, Инимин, но я не желаю больше ничего слушать о колдовстве и чарах. Что касается того, опасны волки или нет, то мы пока понаблюдаем за ними до праздника Весны. В конце концов, если потребуется, то мы всегда сможем легко их убить.

Широкими шагами она пересекла площадь и вошла в свой дом. Давриан и Инимин, присев на корточки и проводив взглядами Хесми, принялись о чем-то шептаться. Остальные разбрелись по стойбищу. Когда люди, державшие Брелана, ушли, он, пошатываясь, приблизился к Тали и Ралзуну. Мы с Аззуеном

тоже присоединились к ним.

Тали глубоко вздохнула и спросила у Ралзуна:

– И что теперь?

– Докажи им, что ты – лучший кандидат. Пока и ты, и твои волки производите хорошее впечатление на Хесми.

Ралзун говорил очень уверенно, но мне было неспокойно на душе. Я не знала, что может предпринять Давриан. Я и в дурном сне не могла представить, что он окажется замешанным в это дело и станет соперником Тали на выборах криана. Пока Тали, Брелан и Ралзун тихо переговаривались друг с другом, а Аззуен кругами ходил вокруг, я напряженно думала. Я боялась, что снова, в который уже раз, потерплю неудачу. Мне нужна была помощь.

Мать велела найти ее, если она мне понадобится. И вот теперь, как только стемнело, я отправилась на ее поиски. Я напала на ее след у ручья, где мы виделись в последний раз, и по этому следу побежала в кипарисовую рощу. Мать спала на свежем воздухе.

– Я не смогу ничего сделать, – проговорила я, когда она проснулась. – В стойбище явился Давриан и пугает людей тем, что волки их загрызут. Многие ему верят. До Равноденствия я не успею доказать, что он лжет. Мне нужно больше времени.

– Времени у тебя не будет, Стражи этого не допустят.

– Тогда вместо меня должен прийти волк старше. Ты должна сделать это, а не я.

Мама встала.

– Ты потеряла право сдаться, когда отказалась покинуть свою девочку. Если бы ты хотела сбежать с поджатым хвостом, тебе следовало бы остаться с Рууко и Риссой и забыть о людях.

Я все-таки надеялась на совет или хотя бы сочувствие. Мать заметила мой расстроенный вид и ласково ткнулась носом мне в щеку. Потом побежала к Каару и, обернувшись, позвала за собой.

Я так рассердилась за то, что она сурово отчитала меня, что хотела было остаться, но вместо этого наклонила голову и последовала за ней.

Никогда в жизни я не видела такого красивого места.

Лунный свет заливал таинственным светом роскошную траву, восхитительно пахнувшую добычей. Высокие сосны и густые заросли можжевельника напомнили мне о родном доме, а рядом мирно журчал ручей, обещая прохладную чистую воду. Местность, простиравшаяся перед нами, изобиловала полями и лесами. Глядя на эти богатейшие угодья, я не могла сдержать

улыбки.

Мы с матерью улеглись на вершине невысокого холма и долго смотрели на эту добрую и щедрую долину, источавшую несравненный аромат охотничьего счастья.

– Я хотела показать тебе эту землю, Каала, – сказала мама, – чтобы ты знала, за что борешься. Навдру обещал, что если ты добьешься успеха, то получишь эту землю. Она расположена достаточно близко к человеческому племени, и поэтому ты будешь проводить с людьми столько времени, сколько нужно, но одновременно сможешь позаботиться и о своей стае.

– О моей стае, – ошеломленно переспросила я, – о моей собственной стае?

Я вспомнила, как Навдру сказал, что найдет способ вознаградить меня.

Мать наклонила голову.

– Хиилн и я думали, что здесь будут угодья нашей стаи. Но Хиилн ушел, а я не хочу заводить щенков с другим волком.

Хиилн был братом Рууко, и это он должен был спариться с Риссой и стать вожаком стаи Быстрой Реки. Когда он отказался уйти от людей, его изгнали из стаи, и власть в Широкой Долине досталась Рууко и Риссе.

Я не знала, что Хиилн был спутником Неесы.

– Он умер? – спросила я, хотя мама сказала, что он ушел.

– Его убили, – ответила она.

– Мне жаль, – пробормотала я, и мать наклонила ко мне голову.

Моя же голова закружилась от всего этого. Хиилн любил людей и был спутником Неесы. Может, он мой отец? Мне очень хотелось спросить маму об этом, но я не решилась.

– Я рассчитывала после Равноденствия вернуться в Широкую Долину, – произнесла я.

– Да, ты сможешь вернуться, но ненадолго, – ответила мать. – Однако, если у тебя все получится, за людьми все равно придется присматривать.

Если же ничего не выйдет, подумала я, то мне все равно будет некуда возвращаться.

Мать посмотрела на меня.

– Как ты думаешь, что произойдет после того, как Тали станет их крианой? Тебе придется остаться с ней?

Так далеко я не загадывала. Мне стало грустно от одной мысли, что придется навсегда расстаться с Широкой Долиной. Потом я снова окинула взглядом прекрасные угодья, и мне захотелось их получить. Захотелось так же сильно, как быть рядом с Тали.

Я вспомнила о предложении Пелла. Он хотел спариться со мной и завести щенков. Теперь я знала, что он покинул Широкую Долину не для того, чтобы исполнить Обет, а чтобы быть рядом со мной. Но, воображая себя матерью и вожаком стаи в этой чудесной стране, я видела рядом не Пелла.

Словно прочитав мои мысли, на холме появился Аззуен.

– Я обнаружил, что тебя нет в деревне, – упрекнул он меня и поздоровался с Неесой.

Мама ответила на приветствие.

– Теперь я тебя вспомнила, – сказала она. – Ты – младший сын Риссы. Когда я ушла, у тебя еще не было имени. Рууко и Рисса не думали, что ты доживешь до зимы.

Если стая была уверена, что щенок слишком слаб и не выживет, то ему не давали имени. Все считали, что Аззуен умрет, не дожив до возраста, когда сможет охотиться.

– Что произошло? – спросила Нееса. – Как ты выжил?

– Мне помогла Каала, – ответил Аззуен.

Да, мы выручали друг друга, вместе отбиваясь от других щенков.

Мать с улыбкой переводила взгляд с меня на Аззуена.

– Надеюсь, вы и дальше будете помогать друг другу, – заметила она. – Стражи не разрешат мне быть с людьми, это должна сделать ты, Каала. Но я, чем смогу, постараюсь тебе помочь, – она снова улыбнулась Аззуену. – И ты не одинока в этом трудном деле.

Мы с Аззуеном вернулись в Каар, оставив мать на холме.

– Кажется, я знаю, как нам одурачить Давриана, – объявил Аззуен, когда мы вбежали в деревню. – Он не такой умный, как Инимин. Он открыто ненавидит нас и до сих пор влюблен в Тали. Он легко поддается своим эмоциям и поэтому наверняка наделает много ошибок. – Аззуен обнажил зубы в улыбке. – А мы поможем ему сделать большую ошибку.

– Мы должны сосредоточиться на том, чтобы доказать людям нашу полезность, – возразила я, – и показать, что, выбрав Тали крианой, они поступят наилучшим образом.

Аззуен посмотрел на меня как на неразумного щенка.

– Давриан будет искать способ нанести нам поражение. Ты и сама это хорошо понимаешь. Но ты слишком доверчивая, Каала. Ты честная и ждешь честности от других. Именно поэтому дома ты так часто доверяла верховным волкам.

– Ничего подобного, – заспорила я. Однако Аззуен был прав. Меня много раз обманывали, и просто не хотелось в этом признаваться. Не признавалась я и в другой причине, почему не

хотела схватки с Даврианом: я до сих пор его боялась. Я подошла к маленькому кострищу и легла возле него. Аззуен, вытянувшись, устроился рядом. Мои глаза просто закрывались от усталости, но я сопротивлялась сну.

– Нам надо выспаться, – зевнул Аззуен. – Нужно хорошенько отдохнуть перед следующей охотой.

Я хотела возразить, но только сама зевнула в ответ. Услышав шаги Тали, я подняла голову. Девушка уселась рядом со мной.

– Мы сможем сделать все, как надо, – сказала она. – Мы покажем им, что с волками их жизнь станет лучше. – Ее голос дрогнул. – Нам поможет Ралзун.

Я извернулась и лизнула девушку в лицо. Мне страшно хотелось сообщить ей, что я помогу, чем смогу. Тали уснула, обхватив длинной рукой мою шею. А я лежала и прислушивалась к ее ровному дыханию. Если я проиграю в Кааре, то потеряю Тали, а допустить этого я не могу.

Глава 12

Я проснулась от прикосновения холодного носа к моему уху. Открыв глаза, я увидела Аззуена, который стоял и нетерпеливо смотрел на меня.

– Уже наступило время следующей охоты? – буркнула я сквозь сон. Солнце только что поднялось, воздух был свеж и влажен. Я зевнула.

– Просыпайся, Каала, – сказал Аззуен. – Мне пришла в голову одна идея.

Наверное, эта идея посетила его во сне.

Аззуен повернулся и побежал через большую поляну посреди стойбища. Я встала и потянулась. Тали села и сонным взглядом проводила меня, когда я последовала за Аззуеном. Марра спала в обнимку с Микланом у горячих углей.

Я остановилась, увидев стайку маленьких человеческих детенышей. Они были меньше, чем Тали, когда я вытащила ее из реки.

Дети внимательно смотрели на меня, но непонятно, испытывали ли при этом страх. Я улыбнулась, придав морде ласковое выражение, как делала Рисса, когда мы были еще несмышлеными щенками. Люди доверяют нам тем больше, чем они моложе, когда встречают нас в первый раз, и не повредило бы завести в деревне маленьких друзей.

Приблизившись к детям, я легла на землю, чтобы от меня не исходило вообще никакой угрозы.

Дети взволнованно загалдели. Некоторые из них выступили вперед и отважились подойти ближе. Одна храбрая девочка погладила меня по голове, и я лизнула ее руку. Человеческий молодняк восторженно окружил меня, и дети наперегонки принялись гладить мой мех.

– Тали сказала, что скоро очень много волков будут нам помогать, – заявила храбрая девочка. – И что они научат нас охотиться вместе.

– Тали еще говорила, что волки спят вместе с ней, – произнес худенький мальчик, глядя мне в глаза. Любой волк посчитал бы такой взгляд вызовом. Надо было не забыть предупредить новых волков о том, что у людей взгляд в глаза не означает ничего плохого.

– Я хочу взять волка домой, – раздался тихий голос. Я обернулась и увидела темноволосого маленького мальчика с нежной кожей. Если бы я встала, он вряд ли сравнялся бы с моим носом. Я лизнула малыша в личико, и он довольно засмеялся.

Потом дети громко зашушукались. Я увидела мальчика, который, опустив глаза, стоял поодаль от остальных. Это был тот самый ребенок, которому другие дети не давали приблизиться к себе, когда я в первый раз появилась в Кааре. Я встала.

– Это Джалимин, – насмешливо сообщил худой мальчишка. – Он ничего тебе не скажет, он даже думать не умеет. – Но я же видела, что мальчик смотрит на меня как зачарованный. Я страшно разозлилась на насмешника. И вспомнила, что Аззуен был самым слабым и маленьким щенком из выводка Риссы. Когда более сильные братья отталкивали его от матери, лишая молока и тепла, я помогла ему отвоевать свое законное место. Я решила помочь и этому мальчику.

Я встала и, продравшись сквозь частокол гладивших меня рук, подошла к маленькому изгою. Он улыбнулся, когда я приблизилась, и робко протянул мне руку, а я лизнула ему ладонь.

Вдруг раздался оглушительный свист, и стайка детей исчезла, словно ветром сдуло. Я смотрела им вслед, когда ко мне, поджав губы, подошел Ралзун. За ним трусцой бежал Аззуен.

– Он был таким же, как все, – заговорил Ралзун, глядя на мальчика, – пока ему не настала пора начинать ходить. И как раз в это время он подвергся нападению носорога, ворвавшегося в нашу деревню. Носорог убил его старшего брата, и Джалимин прекратил разговаривать, перестал отвечать людям и замкнулся в себе. Никто не знает, почему это случилось. Одни считают, что носорог его ранил, а другие говорят, что он так сильно испугался, что потерял дар речи. Это единственный внук Хесми. Для нее это очень большое горе – ее внук никогда не будет заседать в совете старейшин.

Ралзун уселся на корточки рядом с нами. Аззуен лизнул меня в щеку.

– Я сказал Ралзуну, что мы хотим научить людей ловить лососей, – произнес он. – Как мы делали это в Широкой Долине.

Мы никогда не ловили лососей в Широкой Долине, но Аззуену хотелось убедить Ралзуна в том, что мы это делали. Наверное, теперь старик не станет снова учить нас, как действовать. Я, если честно, тоже устала от попыток Ралзуна везде совать свой нос, словно мы были несмышлеными щенками.

– Мы рыбачим на реке, – сообщил Ралзун, – но если вы поможете нам, то лишний раз докажете старейшинам, что можете приносить большую пользу.

Нахмурившись, он обратился к Тали:

– Иди с ними и посмотри, стоит ли это делать. Ты умеешь ловить лососей?

– Да, – нетерпеливо ответила девушка.

– Мы охотились вместе много лун, – добавила я.

– Это я знаю, ребятки, – сказал Ралзун. – Но не будьте так беззаботно уверены в себе. Вы все слишком молоды для дел, которые мы вам поручаем, но тут уж ничего не поделаешь. – Он, прищурившись, посмотрел в глаза Тали. – Не показывайте Хесми, как сильно вы не любите Давриана. Это делу не поможет.

Тали улыбнулась старику.

– Я привыкла притворяться, будто не считаю людей глупцами. За мной, волки! – задорно крикнула она и побежала в лес. Аззуен последовал за ней.

Я продолжала стоять, чувствуя, что на меня кто-то смотрит. Оглянувшись, я увидела немого Джалимина. Подбежав к нему, я ткнулась носом в его щеку. Он широко раскрыл глаза и счастливо рассмеялся. Я лизнула его в лицо и побежала за Тали и Аззуеном.

Когда мы приблизились к реке, я учуяла знакомый резкий запах сосен и дерна. Я рассчитывала, что Аззуен остановится, но он как ни в чем не бывало продолжал бежать дальше, прямо на запах.

– Аззуен, – сказала я, – ты что, не чувствуешь запаха горных медведей?

– Конечно, чувствую, – усмехнулся он. – Как иначе, скажи мне, найти лососей? Надо идти за медведями. Я так уже делал.

«Интересно, когда он это делал?» – мысленно удивилась я. Я думала, что знаю об Аззуене все.

Когда мы вышли на берег, Аззуен замедлил бег. Запах медведей стал очень сильным. Я не хотела подпускать Тали слишком близко к ним, хотя и знала, что медведи никогда не нападают первыми, если им никто не угрожает и не пытается утащить добычу. Но я понимала, что именно этим и собирается заняться Аззуен. Я загородила Тали дорогу, встав перед ней на тропинке.

Аззуен ткнул меня мордой в бок.

– Я не настолько глуп, чтобы драться с медведями из-за добычи, Каала. – Он тихо свистнул, и с древесной ветви на землю упала Хлела, едва не приземлившись на мою голову.

– Они уходят, волки, – прокаркала она. – Мы предупредим вас, если они задумают вернуться.

Я хотела попросить Хлелу, чтобы они проследили, куда пошли медведи, но вороны не слушают ничьих просьб.

Аззуен потрусил к реке. Когда я была еще маленьким щенком, мне приходилось охотиться вместе с Тлитоо, искать вместе с ним добычу. Я не знала, когда Аззуен начал охотиться с

помощью Хлелы.

– Ты ждешь, когда состаришься? – насмешливо каркнула Хлела. Тали нетерпеливо толкнула меня, и я опасливо последовала за Аззуеном. Мы подошли к узкому быстрому рукаву реки. В этом месте дно резко уходило вниз, и поток с шумом струился по камням и стволам упавших деревьев. Вдали виднелись два медведя, неуклюже уходившие прочь. За ними, перелетая с ветки на ветку, следовали Тлитоо и Хлела.

– Скорей! – тявкнул Аззуен.

Тали смотрела вслед уходившим медведям, судорожно сжимая в руке копье. Только после того как медведи скрылись из вида, она успокоилась и присела на корточках у воды. Охота на рыбу требует чувства меры. Волк, рискнувший напасть на ловящих рыбу медведей или львов, будет либо убит, либо ранен так, что никогда больше не сможет охотиться. Но, с другой стороны, если волк будет слишком долго ждать ухода соперников, то рискует умереть от голода. Лосось – завидная добыча и вкусная еда. Вся проблема заключается в том, что его надо поймать достаточно много. Обычно мы упускали намного больше рыб, чем ловили, и поэтому не тратили времени на ловлю лосося.

Аззуен прыгнул на камень посреди потока и взглянул на быстрину, а потом на нас. Он стоял, слегка покачиваясь, и мокрый мех лип к его телу. Я смотрела на Аззуена во все глаза, не понимая, что он задумал.

– Я нашел два способа ловли лосося, – сообщил он. – Один способ – ловля на мелководье, второй – на быстрине. Мы можем отвести людей на мелководье, если захочет твоя девушка. – Аззуен говорил, не глядя в мою сторону. Он стоял на камне неподвижно, как цапля. Потом вдруг резко сунул голову в воду, а когда выпрямился, в его пасти трепыхался лосось.

Аззуен выбрался на берег и бросил рыбу на землю, а я придавила его лапой. Аззуен вернулся на камень и через несколько долгих мгновений поймал еще одну рыбину. На этот раз, когда он притащил лосося на берег, Тали взмахнула принесенным из леса камнем и размозжила рыбе голову.

– Через минуту их будет еще больше, – пообещал Аззуен. – Они плавают большими стаями.

Он жадно понюхал лосося, на которого я наступила лапами, и вопросительно посмотрел на меня.

– Ты первый, – сказала я, – ведь это ты его поймал.

Аззуен раскусил лосося пополам и в один присест съел свою половину. Я вгрызлась в то, что осталось. Пока мы ели рыбу, Тали сидела на берегу, зачем-то сплетая водоросли. Время от времени

она тревожно поглядывала на противоположный берег. Но она зря волновалась, мы бы предупредили ее, если б вернулись медведи.

Внезапно переменился ветер, и мне послышался запах горькой еловой хвои. Где-то рядом была Милсиндра. Я побежала навстречу запаху, чтобы ее найти, но он исчез. Я тревожно посмотрела на Аззуена.

Когда он снова прыгнул на камень, я последовала за ним и тоже встала над потоком.

– Когда ты научился это делать? – спросила я, глядя на проплывавшую мимо серебристую рыбу.

– Это было в Широкой Долине, – ответил Аззуен, – когда ты вытащила девочку из воды. Я тогда внимательно наблюдал за медведями и решил, что если у них получается, то у нас получится и подавно.

Я увидела следующую рыбу и быстро сунулась за ней, но мои зубы схватили только воду – лосось увернулся, и я вытащила голову из реки несолоно хлебавши. Аззуен тем временем поймал еще одну рыбу и бросил ее Тали, которая разбила ей голову и положила рядом с другим мертвым лососем. Я зарычала от отчаяния. Огромный лосось плыл мне прямо под ноги. Я бросилась за ним, упустила его и мордой грохнулась в воду. Потом выбралась на камень и увидела, как Аззуен улыбается со следующим извивающимся лососем в зубах.

Мы поймали четырех лососей – Аззуен три, а я одного. Тали тем временем сплела из водорослей очень полезную штуку, которую люди называют корзиной.

Мы с Аззуеном стояли на противоположном берегу и наблюдали за тем, что делала Тали.

– Это было здорово, – я лизнула его в щеку. От его меха пахло рекой и лососем.

– У меня есть и другие идеи, – многозначительно заметил Аззуен. Когда он был щенком и напускал на себя серьезность, то становился похожим на старого волка в облике щенка, но теперь такая серьезность ему очень шла.

– Я в этом уверена. – Я шутливо толкнула его плечом.

Он устоял на ногах, а потом положил голову мне на шею. Его дыхание шевелило мой мех.

Я отпрянула в сторону. Я не знала, что бы ответила, если бы он, как Пелл, предложил завести щенков. Светлые глаза Аззуена лучились улыбкой, мех на лбу собрался в складку. Он тряхнул головой и отступил на несколько шагов. Потом поднял нос и предостерегающе свистнул.

Снова запахло Милсиндрой, и на этот раз очень сильно. Волчица приближалась. Рядом с нами приземлился Тлитоо и

тревожно каркнул.

Тали все еще сидела на берегу, склонившись над корзиной. Внезапно ее накрыла большая тень: из кустов за спиной девушки вынырнула Милсиндра. Тали, складывавшая в корзину пойманную рыбу, не заметила огромную волчицу. Верховная, глядя мне в глаза, раскрыла свою страшную пасть.

Когда я бросилась в воду, а за мной Аззуен, Милсиндра издевательски захохотала. Тали обернулась в тот момент, когда вслед за волчицей на берег вышли Навдру, Йилдра и вожаки Стражей.

Когда мы достигли берега, Тали вскинула корзинку на плечо и повернулась лицом к верховным волкам. Йилдра и Навдру смотрели на девушку как зачарованные. Верховные волки никогда не являются обычным людям, но Тали была крианой, а их верховные не чурались приветствовать. Аззуен и я бросились к Тали.

Навдру, подрагивая ноздрями, потянулся мордой к корзине и принялся нюхать рыбу. Тали, не отрывая глаз от огромного волка, поставила корзину на землю и достала из нее большого лосося.

– Это тебе, – сказала она Навдру.

Он неуверенно переступил с лапы на лапу. Несмотря на то что он был вожаком Стражей и великим волком, Навдру не знал, как ответить девушке. Он посмотрел на меня.

– Все в порядке, – осмелилась я сказать верховному. – Можешь взять рыбу.

Навдру продолжал колебаться, и Йилдра насмешливо взвыла.

– Ну, знаешь, если ты не хочешь лосося, то я возьму. – Она схватила рыбину и в три глотка покончила с ней.

– Вы научились ловить так много лосося в Широкой Долине? – поинтересовалась она, облизываясь.

– Мы научились этому у тамошних людей, – солгал Аззуен так убедительно, что даже я на мгновение ему поверила.

– Вы должны показать нам, как это делается, – сказал Навдру и зарычал на Милсиндру. – Я не вижу никаких проблем в том, что они ловят рыбу вместе с людьми. Эта человеческая девочка не верховодит ими, а если они чему-то учатся у людей, то тем лучше для всех нас.

– Да, вожак. – Милсиндра так снисходительно оскалилась, а в ее тоне прозвучала такая надменность, что даже не верилось, что это сойдет ей с рук. Но Навдру лишь прищурился и, наклонив голову, потрусил в лес. За ним побежала и Йилдра. Милсиндра задержалась на берегу.

Я вскинула голову и посмотрела на нее. Она привела сюда вожаков, чтобы показать, что мы никуда не годимся, но у нее

ничего не вышло. Она тоже задрала голову и злобно зыркнула на меня. Аззуен зарычал, а Тали подняла копье, но Милсиндра не обратила на них ни малейшего внимания.

– Я могу подстеречь ее в любой момент, Каала, и в любом месте. Мне ничего не стоит перекусить ей шею или столкнуть со скалы.

– Стражи убьют тебя, если ты это сделаешь, – возразила я дрогнувшим голосом.

– Если смогут доказать, что это я. Люди часто получают раны и умирают.

– Какое тебе дело до того, что здесь происходит? – спросил Аззуен. – Ты можешь вернуться в Широкую Долину и верховодить тамошними волками.

– Широкая Долина – ничто, – зарычала, ощетинившись, Милсиндра. Она уставилась на Аззуена, но он выдержал ее взгляд, лишь немного скосив глаза в сторону. – Если волки останутся с людьми, то они наверняка утратят то, что делает их волками. Они станут человеческими прихвостнями, а я не хочу, чтобы это случилось. – Она снова обратилась ко мне: – Ты наверняка ошибешься, и как только это произойдет, Стражи сразу узнают, будь уверена.

Она склонила голову набок и улыбнулась.

– Кажется, идут твои друзья. – Она наклонилась, выхватила лосося из корзинки Тали и побежала в лес.

Я услышала, как сквозь кусты продираются люди.

– Ты видела это? – раздался голос Давриана. Я бы учуяла его отвратительный запах даже во сне. – Это не обычный волк. А это вообще медвежьи следы.

Из моей глотки непроизвольно вырвался грозный рык.

– Милсиндра специально привела их сюда, – сказала я Аззуену. Обычно верховные изо всех сил уклоняются от встреч с людьми. – Она хотела, чтобы они увидели верховных.

Давриан пролез сквозь тонкие длинные ветви и выбрался на берег. За ним, нахмурившись, шла Хесми. Когда она увидела на берегу нас и Тали, то нахмурилась еще больше.

– И ради этого ты привел меня сюда? – она махнула рукой в нашу сторону. Мы – я и Аззуен – сидели у воды с самым невинным видом.

Давриан отрицательно покачал головой.

– Здесь бродят гигантские волки, Хесми. Я видел их. Они просто прячутся, заметив нас.

Один из следов Милсиндры виднелся слева от ноги Тали. Девушка незаметно поставила ступню на след и растерла его в песке. След исчез, будто и не было.

– Я их здесь не видела, – солгала Тали. – Хотя, конечно, одни волки бывают больше, другие – меньше. – Она недоуменно пожала плечами.

– А некоторые люди трусливее, чем другие, – подхватил Брелан, появившись из-за кустов. Он спрыгнул на песок с высокого камня и оказался рядом с Тали.

Лицо Давриана потемнело, и я подумала, что сейчас он бросится на Брелана, но вместо этого он заглянул в корзинку и насмешливо произнес:

– Пять рыбешек? – Ровно столько лососей осталось после того, как по одной рыбине взяли Йилдра и Милсиндра. Давриан злобно рассмеялся: – Этого, конечно, хватит на пропитание одной-двух семей на один вечер.

Это была неправда. Из того, что я знала о том, как люди едят лососей, пяти рыб хватило бы на пропитание нескольких семей в течение нескольких дней. Но, конечно, этого мало для такого большого племени, как Каар.

Тали, презрительно прищурившись, взглянула на Давриана.

– Мы можем поймать и больше. Волки нам помогут.

Тот снисходительно усмехнулся.

– Конечно, конечно, сможете, я в этом не сомневаюсь. К тому же осторожность никогда не повредит. Если волки не могут помочь в опасной охоте, то надо ловить рыбу.

Я тут же разозлилась. Угрозы Милсиндры и оскорбления Давриана буквально меня воспламенили.

– Как думаешь, люди крадут добычу у длиннозубов? – поинтересовалась я у Аззуена.

Он оскалил зубы в улыбке.

– Не стоит делать этого, волки, – предупредил Тлитоо, приземлившись между нами. – Это будет совершенно ненужный риск.

Я перепрыгнула через ворона, подошла к Давриану и посмотрела ему в глаза, зная, что это вызывает страх у подобных людей. Потом медленно отошла, повернулась и снова взглянула на него.

– Я приведу остальных, – проворчал Тлитоо и взмыл вверх.

– Чего хочет это животное? – нервно спросил Давриан, опасливо уставившись на меня.

– Она хочет, чтобы мы пошли за ней, – насмешливо улыбаясь, ответил Брелан.

Для того чтобы добраться до поля длиннозубов, людям потребовалось в два раза больше времени, чем нам, если бы мы были одни. Длиннозубы завалили еще одного лося. Мать и ее

котята, как и в прошлый раз, стояли поодаль и смотрели, как самцы рвут на части большую тушу. Правда, на этот раз самке и котятам досталось плечо с лопаткой, и котята, жадно урча, ели мясо, роняя на траву его кусочки. Я слышала, что длиннозубы, в отличие от пещерных и степных львов, охотятся стаями. Непонятно было одно: почему мать и котята впали в немилость.

– Мы уходим, – заявила Хесми, увидев длиннозубов. Я все время забывала, что у людей очень слабое обоняние и они не чуют опасность на расстоянии. Я думала, они в курсе, что ждет их на поле.

– Волки знают, что делают, – сказала Тали. Она так искусно скрыла свой страх, что, кажется, никто из людей его не заметил. Я прижалась к девушке, делясь с ней своей силой. Давриан посмотрел сначала на Тали, потом на Хесми. Старейшина пожала плечами и села на землю, опершись на копье. У Давриана не осталось выбора. Если бы он ушел, то навсегда прослыл бы трусом.

Брелан улыбнулся старейшине.

– Ты не поверила, когда я говорил, на что способны волки, – заметил он. – Теперь смотри сама.

Прошло довольно много времени, в течение которого людям только и оставалось, что смотреть и ждать. Длиннозубы охраняли свое мясо так хорошо, что мы не осмеливались к ним приближаться.

Потом самка не выдержала и на брюхе поползла к самцам, рвавшим тушу лося. Один из самцов поднял голову и предостерегающе зарычал, но самка продолжала ползти, постепенно, почти незаметно продвигаясь вперед. Времени у нас было мало.

Я кивнула Аззуену.

Мы бросились по траве к котятам. Аззуен бегал не так быстро, как Марра, но зато был очень проворен и умел быстро менять направление бега. Он погнался за одним из котят и укусил его за зад. Котята, рыча и скаля зубы, бросились на него.

– Это наше! – крикнул один из них. У этого котенка были темные ушки и длинная морда – длиннее, чем у его сестры.

Я накинулась на него и ударила головой в бок. У котенка оказались жесткие ребра, расположенные близко под кожей. Наверное, эти звери очень быстро растут, и у них на костях не успевает нарасти мясо.

Кошка, которую укусил Аззуен, повернулась ко мне, глаза ее вспыхнули безумным огнем. Аззуен и я сделали большой круг вокруг котят. Потом Аззуен схватил кусочек мяса и бросился бежать.

– Это наше! – снова обиженно воскликнул котенок с темными ушками, и брат с сестрой бросились в погоню за Аззуеном, забыв о лопатке. В этот миг на поле выбежала Марра. Тлитоо действительно ее нашел. Волчица кинулась наперерез котятам. Она неслась так быстро, что они не успели увернуться от столкновения. Потом Марра бросилась на них еще раз.

Я подхватила с земли больший кусок мяса, а Аззуен уронил свой в траву, и котята бросились к нему. В это время мы с Маррой уже пробежали полдороги к тому месту, где нас ждали люди, – с большим куском мяса.

Тяжело дыша, я бросила мясо к ногам людей. Котята решили преследовать нас, но Тали, Брелан и Хесми встали и подняли свои копья. Котята остановились, глядя на оружие. Аззуен помог мне отволочь мясо в лес.

Хесми улыбалась. Тали с торжеством смотрела на женщину-вождя.

– Они смогут сделать это еще раз? – спросила Хесми.

– Да, – ответил Брелан. – В любое время по нашему желанию.

Аззуен негромко зарычал, и Брелан улыбнулся волку.

– Или в любое время по их желанию, – поправился он.

Хесми недоуменно посмотрела сначала на Брелана, а потом на Аззуена и тоже рассмеялась, оценив шутку. Забрав мясо, она направилась к стойбищу. Давриан шипел от бешенства, как ворон. Он посмотрел на меня с такой злобой, что я отпрянула. Потом он отвернулся и поспешил за Хесми.

Именно в этот миг до моего слуха донеслось жалобное мяуканье. Я глянула на Аззуена, думая, что он ранен и скулит от боли, но он тоже повернул голову в сторону поля. Это мяукали котята – они жаловались на нас матери, которая вернулась от туши ни с чем. На боку большой кошки зияла свежая кровоточащая рана. Котята посмотрели на нас и замяукали еще громче.

Мне был до боли знаком этот звук. Я помнила его еще с тех пор, как крошечным щенком не выползала из логова. Это был звук голода и отчаяния. Я снова посмотрела на котенка, которого ударила, вспомнила его выпирающие ребра. На опушке леса я еще раз оглянулась и увидела боль и отчаяние в глазах матери. Это мы украли их добычу и оставили голодными.

Я и сама не знаю, почему мне стало их так жалко – ведь они не были волками и не принадлежали нашей стае. Но когда я последовала за людьми в лес, то от стыда поджала хвост и прижала уши.

Глава 13

После того как люди вернулись в Каар, мы с Аззуеном устроились на тенистой полянке между вязами, в кустах шалфея, с наслаждением валяясь на прохладной земле. Марра ушла искать Миклана, оставив нас двоих нежиться в холодке наступившего вечера. Аззуен, несколько раз вздохнув, сладко уснул. Мне не спалось. Я повернулась на бок, потом перекатилась на брюхо, но сон не шел. Я была очень довольна нашей рыбной ловлей и впечатлением, какое мы произвели на Хесми игрой с длиннозубами. Но до Равноденствия оставалось семнадцать дней, а нам надо было еще хотя бы несколько раз поохотиться с людьми и принести добычу, чтобы окончательно завоевать их расположение.

– Опять волнуешься, волчонок. – Я даже не заметила, как на ветку вяза сел Тлитоо. Он резво слетел с ветки, шлепнувшись о землю, и вразвалку подошел. Блеск его глаз насторожил меня. Он бесцеремонно втиснулся между мной и Аззуеном.

– Что ты делаешь? – возмущенно поинтересовалась я.

– Хочу напомнить тебе, что жизнь состоит не только из исполнения долга и борьбы.

– Я так не думаю, – запротестовала я. – Вы, вороны, сами все время упрекали меня в том, что я не хотела брать на себя исполнение долга.

На самом деле они, конечно, ни в чем не упрекали. Они угрожающе хлопали крыльями, клевали меня в спину и обзывали трусихой – еще давно, в Широкой Долине, когда я сомневалась, что задача мне по плечу.

– Да, и ты обязана его исполнить, волчонок. Это должны сделать вместе Нейя и Лунный Волк, дрельволк, – он покачал головой, и в его глазах засветилась нежность, какой я не ожидала. – Но тебе нужно помнить, зачем все это нужно.

И прежде чем я успела его остановить, ворон оперся спиной об Аззуена, а грудью прислонился ко мне. Я почувствовала, что падаю куда-то в пропасть. Запахи земли, волка и вяза исчезли…

Бок о бок бежали они, преследуя обезумевшего от страха оленя. Аззуен остро чувствовал запах возбуждения от погони, исходивший от Каалы, и слышал частые удары ее сердца. Каждый раз, когда ее лапы касались земли, он тотчас попадал своими лапами в ее следы, и их дыхание сливалось…

Я с трудом вырвалась из плена мыслей Аззуена.

– Нет, – едва слышно выдохнула я, – это неправильно.

Я не могла попросить у Тали разрешения проникать в ее мысли, потому что она все равно бы меня не поняла, но Аззуена я должна была спросить. Однажды я уже побывала в его мыслях и до сих пор испытывала страшный стыд.

Тлитоо с любопытством посмотрел на меня.

– Рад, что ты смогла это сделать, волчица, но я не помню, чтобы раньше заставляла нас уходить из снов.

Я уставилась на ворона негодующим взглядом.

– Очень хорошо, волчица, – каркнул Тлитоо. – Я не стану отправлять тебя в чужие мысли, если ты этого не захочешь. Я просто хотел показать, что впереди тебя ждут не только трудности и испытания.

Он расположился рядом со мной, потом громко и резко каркнул, и я снова начала падать в пропасть, на этот раз еще быстрее. Звуки стихли, запахи исчезли, но теперь их сменил жуткий пронизывающий холод.

– Я не хотел приходить сюда, волчица, – произнес ворон.

Нас окружали высокие скалы Каменного Пояса Широкой Долины. Этот вид и страшный холод подсказали, где мы находимся. Инехалин был местом, где встречались два мира. Мы уже бывали здесь с Тлитоо. Он не всегда мог сразу его отыскать, и всякий раз оно возникало перед нами совершенно неожиданно. Здесь мы познакомились с верховным волком Индру, который еще до начала времен говорил с Древними о спасении волчьего рода, и здесь же мы общались с моим предком Лиддой, которая отвечала за соблюдение Обета до меня. Но я не могла долго тут оставаться. Инехалин был небезопасен для любого живого существа, за исключением Тлитоо. Если бы я замешкалась, Инехалин отнял бы у меня тепло и жизнь.

– Уведи меня отсюда, – попросила я, едва шевеля замерзшими губами.

– Именно это я и стараюсь сделать, волчица, – раздраженно прохрипел Тлитоо.

Мы заметили, как кто-то переходит через Каменный Круг. На скалы упала тень огромного волка, но мы его не видели. Тень Волка повернулась к нам, и я поняла, что он в упор смотрит на меня. Я явственно услышала его слова: *Мы оказались бессильны и сдались. Мы спрятались в пещере, отказавшись от Обета и не желая признать свой стыд и позор. Пора исправлять положение, и ты поможешь нам в этом.*

У меня похолодело в груди.

– Иди, – громко приказала Тень Волка. – Ты не должна умереть здесь. Я найду способ прийти к тебе, но сначала я должен

был дождаться твоего прихода. Мне многое нужно сказать тебе, но пока уходи.

Потом какая-то неведомая сила схватила меня за холку и перебросила через Каменный Пояс. Я проснулась на полянке рядом с Аззуеном.

Мне было тяжело дышать, я просто задыхалась. Я чувствовала полное изнеможение – устала так, словно бежала три дня без сна и отдыха. У того призрачного места была и еще одна плохая сторона: чем дольше там находишься, тем хуже оно становится. Но ведь на этот раз я пробыла там всего несколько мгновений…

– Прости, волчонок. – Тлитоо сочувственно посмотрел на меня. – Я и сам до сих пор знаю не все обычаи Инехалина, а они очень и очень необычны. – Он опустил голову между крыльями. – Как ты себя чувствуешь?

– Неплохо, – ответила я, преодолевая невероятную сонливость. – Но мне надо отдохнуть.

Это было все, что я смогла произнести. Мои глаза закрылись, и я погрузилась в глубокий сон.

Я проснулась от волчьих голосов и человеческого смеха. Открыв глаза, я поняла, что наступило утро и солнце давно взошло. Марра возилась на полянке с Микланом – они, играя, наскакивали друг на друга. Марра ловко повалила мальчика на землю, поставила лапу ему на грудь, подхватила с земли копье и побежала через полянку. Миклан догнал волчицу и отнял у нее свое оружие. Потом Марра нагнала мальчика и загородила ему путь. Им было так весело, что я и сама непроизвольно завиляла хвостом. Рядом громко тявкнул Аззуен.

– Ты проспала почти полдня, Каала! – заметил он. – Я уже хотел тащить тебя к реке, чтобы макнуть в холодную воду и разбудить.

Я от души пожалела, что он этого не сделал. Я ощущала такую жажду, что готова была выпить целое озеро. Вместо озера я нашла неподалеку лужицу и вылакала ее до дна. Потерян целый день… Я попыталась посчитать, сколько дней осталось до Равноденствия, но не смогла, потому что после посещения Инехалина у меня разболелась голова. Я подняла глаза, надеясь увидеть Тлитоо, но на ветках вяза его не было.

Миклан опустил палку так, чтобы Марра могла схватить ее зубами. Она вырвала палку из руки мальчика и бросилась наутек. Миклан погнался за ней. Волчица бегала быстрее, но позволила мальчику почти настигнуть себя, а потом рванулась вперед. Мы подбадривали Миклана громким лаем. Нам было так весело, так хорошо не думать в этот момент о Давриане, Кааре и судьбе

волчьего рода.

Миклан сумел наконец схватить палку и потянул ее на себя. Марра уперлась лапами в землю. Мальчик попытался сдвинуть ее с места, но волчица встала на задние лапы, а передними уперлась ему в грудь и повалила на землю. Миклан, громко смеясь, оттолкнул Марру, и они клубком покатились по земле.

Они так шумели, что я не заметила, как появились люди. Их было трое, во главе с Даврианом. Они вбежали на полянку, потрясая поднятыми копьями. Я вскочила на ноги и свистнула Марре.

– Отпусти его! – завопил Давриан, кинулся на волчицу и попытался ударить ее копьем. Она увернулась.

– Она ничего мне не сделала! – закричал Миклан.

Но люди были так возбуждены, что не услышали его. Они решили, что Марра хотела загрызть ребенка, и все вместе бросились на нее со своими копьями. Миклан встал между Маррой и Даврианом, но тот отшвырнул мальчика в грязь.

– Уходи! – крикнул он Марре. Но она не послушалась и встала над ним. Миклан попытался оттолкнуть ее ногой.

– Они мне ничего не сделают! – истошно закричал он, видя, как Давриан опять поднимает копье.

Марра снова увернулась, посмотрела на Миклана, а потом на меня.

– Чего ты ждешь? – спросила я. – Они покалечат Миклана, если он постарается тебя защитить!

Марра рванулась в лес. Аззуен и я последовали за ней. Она убежала недалеко от края полянки и затаилась в кустах лавра.

– Они ничего ему не сделают, – сказала я, но Марра не обратила ни малейшего внимания на мои слова. Она, присев на задние лапы, продолжала внимательно следить за людьми.

Давриан обнял Миклана за плечи.

– Ты думаешь, что волки – твои друзья, но это не так, – заявил он и потрепал мальчика по волосам. Мальчик попытался вырваться, но Давриан держал крепко. Наверное, людям казалось, что он проявляет заботу, но я-то знала, какие у него намерения.

– Ты действительно хочешь жить с такими ложными крианами? – осведомился Давриан и презрительно скривился, произнеся это слово. – Я хочу отвести охотников Каара на Дальнюю равнину, поохотиться на туров. Пойдем с нами.

Миклан в ответ только сверкнул глазами и опять постарался освободиться, но передумал. Он посмотрел на кусты, словно мог увидеть там Марру. Может, он и правда ее видел. Она дрожала так сильно, что тряслись ветки.

– Я пойду в Каар, – сообщил мальчик, снова попытавшись

вырваться из рук Давриана.

– Мы все сейчас туда пойдем, – заметил один из мужчин, – расскажем, что волк напал на ребенка.

Давриан улыбнулся, и они отправились в стойбище, уводя с собой Миклана.

Марра прыгнула, но мы с Аззуеном удержали ее – я повисла у нее на шее, а Аззуен на крестце.

– Они ничего ему не сделают, – повторила я. – Давриан не настолько глуп.

– Мне нельзя было его оставлять, – пробормотала Марра.

– Нет, ты должна была его оставить, – возразила я, хотя прекрасно понимала, что она сейчас испытывает. Я бы не смогла оставить Тали наедине с Даврианом. Я извернулась, прикоснулась носом к щеке Марры и почувствовала, как она успокаивается. Аззуен и я встали и отступили от нее, дав подняться. Она не побежала в Каар, как я ожидала, а продолжала стоять, глядя себе под ноги.

– Что случилось? – спросила я. Скрытность была не в характере Марры.

Она некоторое время переминалась с лапы на лапу, а потом подняла голову. В ее взгляде я прочитала вызов.

– Миклан хочет вернуться в Широкую Долину и рассказать тамошним крианам, что здесь происходит, – объявила она.

В груди у меня похолодело. Миклан говорил об этом, еще когда мы привели Тали к Ралзуну. Тогда это меня не взволновало. Но теперь, когда перед нами стояла грандиозная задача, мне нужна была любая помощь, какую мы могли получить. Я поняла, чего не договаривает Марра.

– Ты хочешь пойти с ним?

– Ему небезопасно идти одному в такой далекий путь. – Она снова опустила голову. – И потом, я не хочу отпускать его от себя надолго. Мне будет очень его не хватать.

Об этом мы никогда раньше не говорили. Любовь человека и волка была так сильна, что разлука казалась столь же болезненной, как удар копьем в грудь. Когда я долго не виделась с Тали, мне казалось, что я лишилась части своего тела. Иногда я сомневалась, что в какой-то ситуации мне удастся сохранить безусловную верность волчьей стае.

Мне очень хотелось попросить Марру остаться. Я не представляла, как удастся завоевать Каар без нее. Но я не могла ни о чем ее просить. И дело не только в том, что нечестно разлучать ее с Микланом. Она права и в другом. В пути мальчика могли подстерегать многочисленные опасности. Я бы ни за что не позволила Тали одной вернуться в долину. Таков закон любви к

людям. Они всегда попадают в опасные ситуации, и наш долг защитить их.

Кроме того, если люди думали, что Марра опасна, то ей было лучше пока уйти из Каара.

– Да, – согласилась я, – ты права, тебе надо идти с ним.

Марра слегка прижала уши.

– Я вернусь, – пообещала она, – когда увижу, что Миклан в безопасности.

Я опустила голову и принялась рассматривать свои лапы.

– Расскажи в стае, что здесь происходит. Я хотела попросить об этом Хлелу, но тебе они поверят легче, чем ворону. Вернешься – расскажешь, что тебе ответят, да и вообще, как у них дела.

Марра задумчиво покачала головой, а потом лизнула меня в щеку и потрусила в стойбище.

Всю дорогу до Каара меня снедала тревога. Люди не доверяли Давриану, но с ним были еще два человека, видевшие, как Марра играла с Микланом. Давриан скажет, что Марра хотела загрызть мальчика, и его спутники это подтвердят.

– Может, тебе пока не заходить в деревню? – предложила я, когда впереди показались человеческие жилища.

– Я только увижусь с Микланом и уйду, – ответила Марра. Она осталась в густом ельнике, а я вышла на большую поляну. Миклан сидел на корточках рядом с Тали и Бреланом и что-то взволнованно им рассказывал. Марра не отрывала взгляд от своего человека. Я шла, прячась за постройками и стопками шкур, чтобы другие люди меня не увидели. Давриан и его друзья стояли с Хесми и рассказывали ей свою ложь. Они говорили, а я все сильнее нервничала.

Подошедший Аззуен толкнул меня в плечо. Он подкрался так тихо, что я не услышала его шагов.

– Ты же знала, что это будет нелегко, Каала, – напомнил он и окинул взглядом поляну. – Но мы умнее Давриана. Надо только найти способ показать Хесми, что нам можно и нужно доверять.

Да, будет нелегко убедить вождя в том, что волку можно доверять больше, чем собрату человеку. Оставалось лишь надеяться, что Аззуен не опоздает со своими умными идеями.

Марра и Миклан ушли в Широкую Долину до наступления темноты. Аззуен, Пелл и я проводили их до сосен и кипарисов на опушке леса, а потом долго смотрели, как они пересекают травянистую равнину. Правильно, что они пошли вместе. Миклану надо было оповестить о происходящем крианов Широкой Долины, а Марре удастся избежать неприятностей, которые могли причинить ей обвинения Давриана. Она поможет Рууко и Риссе ухаживать за щенками, когда те появятся. К тому

же она обещала вернуться, если вдруг понадобится мне. Вороны быстро ее найдут, и ей потребуется не больше одного дня, чтобы дойти от Широкой Долины до Каара. Конечно, это не то же самое, как если бы она осталась с нами… Хорошо бы еще и моя стая была здесь со мной.

Издали Марра и Миклан выглядели маленькими и беззащитными. Как же они уязвимы перед верховными волками, людьми и другими опасностями, которые могут подстерегать их в пути… Быстрые лапы Марры сослужили бы ей хорошую службу, но она не сможет ими воспользоваться – ведь ей придется защищать Миклана, который не умеет так быстро бегать. Наверное, моя тревога была слишком явной, потому что ко мне подошел Пелл и ткнулся носом в щеку.

– Я провожу их до холмов, – вызвался он.

Пелл по праву считался нашим лучшим бойцом, он был крупным волком и мог выглядеть устрашающе. С ним Марра и Миклан будут в большей безопасности.

– Спасибо тебе, – поблагодарила я.

Он положил голову мне на шею, и по телу разлилась волна тепла и волнения, как после охоты на лосей. Я оцепенела.

Пелл отступил. Вид у него был немного растерянный. Он долго смотрел на меня, потом встряхнулся и побежал за Маррой и Микланом. Аззуен и я видели, как он догнал их и они вместе взошли на холм, а потом исчезли за его вершиной. После этого мы отправились назад, в Каар.

Мы, крадучись, вошли в стойбище, чтобы удостовериться, что наше появление не вызовет паники. Тали и Брелан сидели возле пахнувшего травой шалаша, и мы направились к ним. Ложь Давриана встревожила и насторожила людей. Несколько человек посмотрели на нас с подозрением, когда мы пришли, и даже взялись за копья.

Мы уже почти добрались до наших людей, когда послышался заливистый детский смех. Я завиляла хвостом, даже не успев сообразить, откуда он доносится. Потом услышала топот детских ножек и урчание играющего волка.

Джалимин, немой мальчик, потерявший дар речи после гибели брата, кругами бегал вокруг Праннана, который лежал на спине и махал лапами в воздухе. Несколько взрослых людей стояли чуть поодаль и внимательно следили за этой игрой. Глаза Джалимина светились осмысленной радостью, он широко улыбался. Когда Праннан перестал размахивать лапами, ребенок остановился и нетерпеливо топнул ногой.

– Играй! – требовательно воскликнул он и взмахнул куском оленьего рога.

Праннан перекатился на брюхо, потом снова на спину и принялся извиваться так, словно его мучила чесотка. Мальчик сделал еще несколько кругов, а потом плюхнулся на землю рядом с волком.

Праннан подбежал к кострищу, подобрал у его края остывший печеный корень и положил его к ногам Джалимина. Мальчик поднял лакомство и, счастливо улыбаясь, вонзил в него зубы. Я внимательно следила за взрослыми людьми, опасаясь, что они подумают, будто Праннан хочет напасть на ребенка. Но я напрасно беспокоилась. Одни смотрели на них с улыбкой, другие с удивлением. Страха, который жители деревни испытывали в первый день, уже не было.

– Он не смеялся с тех пор, как погиб его брат Паймин, – заметил один молодой мужчина. – Он не произнес ни слова за прошедшие двенадцать лун!

– Я думала, он уже никогда не заговорит, – раздался голос Хесми. Мне вспомнился рассказ Ралзуна о том, что Джалимин и Паймин были ее внуками. Сейчас она говорила странным, сильно сдавленным голосом.

Праннан подбежал к ней, на его морде было печальное выражение, как у щенка, ждущего одобрения. Мне захотелось предупредить его об осторожности, но в это время Джалимин приблизился ко мне.

– Поиграй со мной, волк, – отчетливо произнес он и бросил к моим лапам кусок оленьего рога. Я искоса взглянула на смотревших на нас людей, лизнула мальчика в ухо, подобрала с земли рог и бросилась бежать. Ребенок погнался за мной вокруг кострища. Сделав несколько кругов, я дала Джалимину догнать себя. Он толкнул меня в бок, и я повалилась на землю, выпустив из зубов рог. Джалимин схватил его и со счастливым смехом бросился наутек, скрывшись в одном из жилищ. Мы с Тали часто так играли до тех пор, пока она не повзрослела.

Хесми медленно подошла ко мне. Рядом с ней трусил Праннан.

– Спасибо вам, волки, – сказала она. – Я уж не надеялась, что когда-нибудь услышу его смех, – она говорила так, будто знала, что мы ее понимаем.

Праннан, часто дыша, преданно посмотрел старейшине в глаза и улыбнулся, обнажив белые зубы. Обычно люди пугаются волчьей улыбки, но Хесми в ответ тоже улыбнулась.

– Оказывается, вы умеете не только охотиться. – Она наклонилась и погладила Праннана между ушей, и он тотчас опрокинулся на спину. Волки стаи Мышеедов всегда отличались послушанием. Хесми с надеждой посмотрела на меня. Она

являлась вождем, главой совета старейшин, и влияние у нее было больше, чем у Давриана или Инимина. Я плюхнулась на бок и перекатилась на спину, подставив Хесми брюхо, и женщина потрепала меня по животу. Праннан счастливо повизгивал. Хесми еще раз улыбнулась и пошла прочь. Мы сумели завоевать ее дружбу.

Я встала и удовлетворенно посмотрела ей вслед. Потом заметила, что на меня глядит Инимин, и оскалила зубы, но в тот же миг уловила горький запах хвои. В страхе я обернулась. На границе деревни, в кустах, с презрительным выражением на морде стояла Милсиндра, а рядом с ней молодая волчица Лаллна. Они видели, как я подставила брюхо Хесми. Я направилась к ним, чтобы объясниться, но они повернулись и убежали в лес.

Глава 14

Я вышла за пределы деревни и села, обернув хвост вокруг лап, чтобы выглядеть уверенной, но сердце мое бешено колотилось, и мне было трудно дышать. Аззуен прятался в кустах кислой ягоды слева от меня. Я просила его остаться в деревне, чтобы укрепить дружбу, возникшую между нами и Хесми, но он отказался оставить меня одну. Стражам не составит никакого труда выследить нас. Нам было поставлено условие: ни в коем случае не подчиняться людям, а Милсиндра наверняка рассказала Стражам о том, что видела. Я очень боялась, что за мной придут Навдру или Йилдра. Когда же увидела Неесу, я выдохнула с облегчением.

Я кивнула Аззуену, и он, попятившись, побежал в Каар.

– Нам нужно было во что бы то ни стало успокоить людей, – заговорила я первой, торопливо подбирая слова, – иначе они начали бы нас бояться. Мы сможем изменить их только в том случае, если они будут нам доверять. Конечно, мы опасаемся, что люди попытаются подчинить нас себе, но, если Давриан сумеет убедить старейшин, что мы опасны, все это станет неважным.

Мать подождала, когда я выскажусь.

– Идем со мной, Каала, – произнесла она затем. – Ты должна кое-что увидеть.

Она куснула меня за нос и побежала к видневшимся вдали холмам.

Я последовала за ней. Несмотря на снедавшую меня тревогу из-за реакции Стражей на мое подчинение Хесми, я по-детски радовалась близости матери. Сколько раз я мечтала о той минуте, когда буду вот так бежать рядом с ней! Я прикрыла глаза и вообразила, что мы направляемся на охоту и впереди у нас много-много лун, которые мы проведем вместе. Но бежали мы не на охоту, и я знала, что меня ждут не радости, а неприятности. Я покосилась на Неесу и увидела, что она внимательно на меня смотрит.

– Что собирается делать Навдру? – поинтересовалась я после долгого молчания.

– Не знаю, – ответила мать и перешла с бега на шаг, – но я хочу кое-что показать тебе, прежде чем он нас найдет. Ты должна знать, что у наших правил есть очень веские причины. Ты же не остановишься просто потому, что кто-то прикажет тебе это сделать, – сказала она и, помолчав, добавила: – В этом ты очень похожа на своего отца.

– На моего отца? – быстро переспросила я. Я знала, что

Хиилн был отважным и отчаянным волком. Но мать не стала продолжать эту тему.

– Я покажу тебе, что может случиться, если волки подчинятся людям. Каала, ты не первая, кто хотел быть рядом с людьми. Далеко не первая. Мы пытались сделать это много раз, но каждый раз терпели неудачу. Иногда эти неудачи были катастрофическими.

– Все об этом говорят, но никто не объясняет почему.

Вместо ответа мать снова перешла на бег. Мы пробежали березовый лес, а потом углубились в сосняк и ельник. Мама остановилась, когда у меня уже болели лапы, а в горле окончательно пересохло.

– Мы пришли, – сообщила она.

Мы стояли на невысоком холме, возвышавшемся над каменистой равниной. Нееса села на задние лапы, и я последовала ее примеру. До нас доносился слабый запах незнакомых волков. Мы вползли на вершину холма, и мать переместилась так, чтобы мы оказались с подветренной стороны от волков – чтобы они не учуяли наш запах. Правда, есть такое правило, что, когда вступаешь на территорию другой стаи, надо идти с наветренной стороны, чтобы волки почуяли запах пришельцев. Эти же меры предосторожности говорили о том, что мать хочет сохранить наше присутствие в тайне.

Потом Нееса поползла вперед на брюхе, и я сделала то же самое.

Где-то поблизости скулили и лаяли щенки, хотя сейчас был не сезон для щенков, только что вылезших из логова. Потом я увидела их. Под лунным светом на равнине отдыхала стая волков, некоторые из них играли в охоту. Первой моей мыслью было то, что это стая таких же молодых волков, как я, но потом я пригляделась внимательнее. Они были какие-то странные. Их головы имели круглую форму, как у новорожденных волчат, уши у некоторых висели, а морды были короче, чем у волков. Они походили на тех маленьких волков, которые исподтишка подглядывали за нами, когда мы впервые пришли в Каар.

– Они больны? – спросила я.

– В каком-то смысле да, – ответила Нееса. – Такое случается, когда волки долго подчиняются людям. Через много поколений они начинают выглядеть вот так. Когда пройдет время жизни двадцати волков, они изменятся еще больше и станут вести себя совсем как щенки. Они забудут о цели нашего объединения с людьми. – Нееса положила голову на лапы. – Стражи убьют их, если обнаружат, что они живут с людьми.

– За что? – искренне удивилась я. Какую угрозу могли

представлять для нас эти недоделанные волки? Они были такими игривыми. – За что они хотят убить волков, которые не стремятся захватить нашу территорию?

– Эти маленькие волки хотят заполучить людей только для себя. Они несут гибель волчьему роду. Если мы позволим таким недоволкам быть с людьми, то Обет будет забыт. Люди любят этих волков, потому что они не угрожают их власти. Людям эти недоволки нравятся гораздо больше, чем мы. Люди убьют нас и оставят жить их. Это будет конец волчьего рода и Обета.

«Недоделками» мы называем самую презренную добычу, животных, которые даже не пытаются драться за свою жизнь. Недоделка – это слабая и трусливая тварь. Назвать волка недоделанным – это самое тяжкое оскорбление, повод для драки.

Нееса пошла назад, к Каару. Близился рассвет, когда она вбежала на низкий холм, покрытый жесткой травой. Мать взглянула с холма на то, что вначале показалось мне идеальной равниной для охоты. Потом я пригляделась. Это было не охотничье угодье.

Перед нами простирался высохший безжизненный пейзаж. Он напомнил мне Старый Лес, выгоревший дотла, – проклятое место Широкой Долины. Но эта пустыня была такой огромной, что я не видела ее края. Там и сям виднелись жалкие растения, но они не могли служить пропитанием ни лосям, ни лошадям. Здесь не было и более мелкой дичи – мышей, крыс и белок, – которая может жить там, где не хватает корма для крупных животных. Были здесь и остатки человеческих жилищ, их грязные стены покосились почти до земли, но каменные основания еще стояли. Такой картины невероятного запустения я не видела никогда в жизни.

– Что здесь случилось? – прошептала я, боясь, что мой голос вспугнет призраков этого страшного места.

– Ничего особенного, просто здесь жили люди, – ответила мать, – и волки, которые не смогли исполнить Обет. Это Пустошь. Результат того, что волки перестали быть собой и унизились до людей.

Я все равно не могла ничего понять. Опустив голову, я принялась обнюхивать землю, а потом спустилась с холма, чтобы осмотреть эту опустошенную местность. Земля до сих пор хранила остатки запахов людей, их костров и очагов. Но сильнее всего здесь пахло застарелой смертью. Я вернулась на холм, где меня терпеливо ждала мать.

Она заговорила, прежде чем я села рядом с ней:

– Это одно из мест, где мы пытались напомнить людям, что они – часть окружающего мира, часть природы. Такие волки, как

ты, которых влекло к людям, подружились с ними, и всем казалось, что люди примут их как стаю. Но потом люди начали убивать тех волков, кто не хотел им подчиняться. Людям нужна была стая покорных прихвостней.

В большинстве стай был по крайней мере один прихвостень, или покорный волк. Но нельзя представить себе целую стаю таких волков, в ней не может быть ни вожаков, ни бойцов.

Нееса продолжила:

– Люди сохранили лишь самых послушных волков, а из их щенков отбирали только самых покорных. Они и превратились со временем в недоволков. Вместо того чтобы сохранить природные качества волков, люди лишили их этих качеств.

С самого начала, с первого моего знакомства с людьми мне не раз говорили, что, дружа с ними, мы рискуем перестать быть волками. Но никто не объяснял, почему это важно.

– Почему это имеет такое большое значение? – поинтересовалась я.

Нееса поерзала на задних лапах.

– Есть некоторые вещи, которые и делают нас волками, неповторимыми уникальными созданиями, – ответила она. – Среди этих качеств наше умение охотиться, острые зубы и мощные челюсти, наша верность стае и готовность драться в случае необходимости. Горные медведи отличаются огромными когтями и непреклонным упорством. Туры обладают острыми рогами и неукротимой свирепостью. Но самое главное то, что у каждого животного есть инстинкт следовать зову собственной воли. Это создает в природе Равновесие. Каждое животное уникально, но является частью окружающего мира. Это и есть природа. Если люди примут только волков, забывших о своей воле, то не станут частью природного мира – наоборот, изменят природу под себя. И при этом еще больше отдалятся от мира. Люди смотрят на него как на одно из своих орудий, которыми просто надо пользоваться. Так они создают вокруг себя Пустоши.

– Здесь они тоже создали Пустошь?

– Да, – кивнула Нееса. – Люди с помощью своих прихвостней построили тут самое большое стойбище в округе. Стойбище росло и росло до тех пор, пока люди не истребили здесь все живое и не испортили землю. Потом они сожгли все, что осталось, чтобы никто больше не смог тут жить. Так получилась Пустошь. Затем люди ушли отсюда. Стражи приказали всем волкам-прихвостням покинуть людей. Некоторые согласились, и Стражи сохранили им жизнь. Остальные отказались, и Стражи убили их, чтобы такое больше никогда не повторилось.

– Но это повторилось, – продолжила я за нее, начиная что-то

понимать. Недоволки, полные покорности, отказались от своей воли и предали природу, – в Кааре.

– Это не должно было случиться, – промолвила мать. – Недоволкам запрещено было жить вместе с людьми. Всякий раз, когда Стражи пытались снова изменить отношение людей к природе, они посылали в Каар обычных волков, таких, как мы. Но и они начали подчиняться людям. Потом эти выродки вместе с людьми выступили против волков в битве за добычу. Тогда Йилдра и Навдру приказали, чтобы любой волк, встретивший такого волка, убил его на месте, – голос Неесы дрогнул. – Хиилн вступился за этих покорных волков, сказав, что они тоже нужны природе, и за это Стражи убили и его. – Мама на несколько мгновений замолчала. Я встречала двух волчиц, потерявших своих спутников, а теперь не знала, что сказать. Мне очень хотелось спросить, являлся ли Хиилн моим отцом, но Нееса была так печальна, что я не осмелилась. Потом мать встряхнулась и стала рассказывать дальше: – С помощью Хиилна некоторые запятнанные волки Каара смогли бежать. Они примкнули к стае недоволков, спрятавшихся неподалеку, и стали спариваться с ними со времен возникновения Пустоши. Волки, которых ты видела, – это их потомки. Они ближе к настоящим волкам, чем волки Пустоши, но все равно недоволки. Именно поэтому ты не имеешь права подчиняться людям, Каала. Если ты это сделаешь, то Обет будет нарушен, и тогда ты умрешь.

– Но почему верховные волки не убьют их всех? – спросила я. Ведь хватает же у них свирепости на то, чтобы собираться убить всю мою стаю. – Да и те, которых я видела, могли бы вернуться к людям.

– Их нельзя убивать, потому что это нарушит Равновесие. Даже верховные не станут уничтожать целый род из-за того, что он может им как-то угрожать. Они, конечно, свирепы и беспощадны, но не настолько безумны. Однако любого недоволка, который появится вблизи людей, они убьют.

– Я смогу найти подход к людям, – заговорила я, но Нееса уже не слушала. Она встала и тревожно посмотрела с холма вниз.

– Беги, Каала, беги отсюда скорее!

Теперь и я увидела их, четверых верховных волков, которые целеустремленно, как на охоте, неслись по равнине. В небе показались два ворона. Тлитоо и Хлела догнали нас, когда мы начали сбегать с холма.

– Злая волчица сказала им, что вы – человеческие прихвостни, – каркнул Тлитоо. – И еще добавила, что вы были прихвостнями и в Широкой Долине. Не знаю, почему она сказала это только теперь, а не раньше.

– Раньше они бы этому не поверили, – прохрипела Хлела. Она поймала восходящий поток и парила над нами. – Теперь, когда это случилось здесь, они поверили. Они говорят, что ты – недоволк и угроза волчьему роду.

У меня перехватило дыхание от такой несправедливости. Я опустила голову и бросилась бежать. Нееса не отставала. Верховные неумолимо приближались. Впереди показалась опушка леса. Верховные бегают быстрее обычных волков, но они не такие ловкие. Если я успею добежать до леса, то смогу спастись. Тлитоо и Хлела полетели обратно к волкам и принялись мелькать у них перед глазами, но серые великаны лишь щелкали челюстями, не замедляя бег.

Нам оставалось не больше десяти волчьих корпусов до леса, когда верховные нас догнали. Милсиндра ударила меня в бок и свалила на землю. Я взвыла от боли: мелкие камни впились в тело. Я трижды перевернулась, а потом тяжело упала на бок. Милсиндра ударила так сильно, что я едва не лишилась чувств. Нееса, бежавшая впереди, кинулась ко мне.

Были здесь и Навдру с Йилдрой. Четвертым был Кивдру – спутник Милсиндры. Я не знала, что он покинул Широкую Долину вместе с ней.

– Отойди от нее, – приказал Навдру Неесе, – она позволила волкам стать человеческими прихвостнями. Это запрещено. Позже мы решим, надо ли щадить тебя, Нееса.

– Вам нечего решать, – ответила Нееса. – Если вы убьете ее, то убейте и меня.

– Так будет лучше всего, – прорычал Кивдру, – потому что это ты причина всех бед. Убейте их обеих!

– Только попробуйте, – раздался не слишком мелодичный голос. Над нами появилась туча воронов. Их было столько, что я не смогла сосчитать. Кто из них это сказал, я так и не поняла. Йилдра и Навдру с беспокойством посмотрели на несметную стаю черных птиц.

– Эти вороны не смогут вечно их охранять, – рявкнула Милсиндра.

– Но мы всегда можем настичь злых волков, – проскрипел Тлитоо.

Мать спокойно уселась передо мной. Дыхание ее успокоилось, она выглядела такой безмятежной и уверенной в себе, словно охотилась на мышей.

– Убьете ли вы волка, который находится под покровительством Нейякилакина? – спросила она верховных волков.

У меня от неожиданности открылась пасть. Я и понятия не

имела, что ей было известно другое имя Тлитоо. Я никому его не говорила, даже Аззуену. Навдру съежился так, словно ему поднесли факел к хвосту. Он бросился к Неесе и щелкнул зубами у ее носа.

– Это не Нейякилакин! – крикнул он. – Это неправда.

– Если ты не знаешь о какой-то вещи, это не значит, что ее не существует, – незлобиво проворковал сверху Тлитоо.

Как смеялись Древние,
Создавая волков с большими головами,
Но с крошечными мозгами.

На верховных волков сверху обрушился град ветвей и сучьев. И я не смогла удержаться от смеха, видя, как растерянно Навдру посмотрел на воронов. Я хохотала, не в силах остановиться. Моя жизнь была в опасности, но смех оказался сильнее страха. Навдру зарычал, бросился ко мне и придавил к земле своей могучей лапой.

– Ты притворилась Нейякилакином, чтобы подразнить нас? – Он склонил надо мной голову и открыл страшную пасть. Все, что я теперь была в состоянии видеть, – это его огромные зубы.

– Покажи им, Каала.

Голос матери звучал глухо, будто доносился откуда-то издалека, но я ощутила всю глубину ее отчаяния.

Я могла только смотреть на Навдру. В следующий момент я увидела черные перья. Тлитоо уселся на мое брюхо, протиснулся между мною и Навдру и уткнулся головой в грудь великого волка.

Я с наслаждением окунулась в знакомое чувство падения в бездну. Снова вокруг исчезли все запахи и звуки. Мне уже приходилось бывать в мыслях верховных. Как люди, они видели мир не так, как мы, и мне пришлось преодолеть тошноту и головокружение, когда я погружалась в странный ум верховного.

Навдру был самым большим щенком в помете, а значит, именно ему предстояло впоследствии возглавить стаю Стражей. Но он никогда не стал бы вожаком, если бы не научился охотиться. А он не мог, так как боялся добычи. Он страшно боялся ее острых рогов и мощных копыт, боялся презрительных взглядов могучих травоядных животных. Навдру был почти год, а он до сих пор не убил ни одного лося, ни одного оленя, ни одну лошадь. Если бы об этом узнали другие волки, они не просто изгнали бы его из стаи, а еще, пожалуй, убили бы. Верховные не терпят слабых в своих стаях. Если он и теперь не сможет никого поймать, то в стаю больше не вернется. Навдру уйдет и будет жить один, если

сможет.

Он наблюдал, как охотятся его товарищи по стае, видел, как охотятся длиннозубы. Он даже смотрел, как охотятся маленькие волки, но все равно не мог понять, почему они не боятся нападать на других животных.

Он кругами бегал вокруг табуна лошадей. У них по крайней мере не было острых рогов, которыми они могли поранить, но зато имелись копыта, которыми они лягали и топтали.

Навдру отступил. На равнину опустились вороны. Они принялись клевать его в зад и щипать за уши, подталкивая назад, к лошадям. Стоило Навдру отступить от табуна, как вороны снова начинали клевать его и толкать к лошадям.

Старый ворон со взъерошенными перьями сел ему на спину.

– Вот что я скажу тебе, волк, – произнес он. – Все боятся. Плох не страх, а то, что ты ему поддаешься. Мы поможем тебе справиться с первой добычей, но все остальное ты сделаешь сам.

– Зачем вам это? – подозрительно спросил Навдру. – Почему вы мне помогаете?

– Потому что ты понадобишься нам, когда вырастешь. Если мы поможем тебе, то клянешься ли ты помочь нам, когда мы об этом попросим?

Волк готов был на все, лишь бы остаться в стае.

– Да, я клянусь, – ответил он.

Прилетели и другие вороны. Они подогнали к Навдру лошадь, и он учуял, что она больна. Когда он зарычал на нее, лошадь споткнулась и едва не упала. Вороны нападали на несчастную сверху, клевали ее, ранили своими острыми когтями. Не раздумывая больше, Навдру прыгнул и вонзил зубы в шею лошади. Острые боковые зубы прокусили горло животного. Он держал извивавшуюся лошадь до тех пор, пока она не затихла. Вкус крови смыл страх. Теперь он знал запах дичи, на которую можно было нападать, которую можно было убить. И впервые понял, что способен это сделать. Он поднял голову, чтобы поблагодарить воронов, но те уже улетели.

Я услышала вой, когда вынырнула из глубин сознания великого волка. И тут же вернулись запахи и звуки мира. На мгновение мне показалось, что я вижу старого ворона из воспоминаний Навдру. Он стоял и смотрел на меня, как глядит Тлитоо, когда бывает мною недоволен. Я узнала его: это Зралзу, древний ворон, которого я видела в Инехалине. Потом он исчез, и я взглянула в неподвижные глаза Навдру.

– Ты боялся охотиться, – прошептала я, – и вороны помогли тебе убить лошадь.

– Я никому об этом не рассказывал, – дрожащим голосом произнес тот.

– Но ты поклялся, – напомнила приземлившаяся рядом с нами Хлела, упираясь клювом в грудь великого волка. – Пришло время исполнить клятву.

Навдру отступил в сторону, и я, шатаясь, встала.

– Как же долго мы ждали Нейякилакина, – прошептал он. – Дольше, чем я живу на этом свете. Мы ждали Нейякилакина, который умеет проникать в чужие мысли и сможет исполнить Обет.

Великий смотрел на меня с таким благоговением, что по спине у меня пробежал холодок.

Его била дрожь, когда он обратился к своим товарищам по стае:

– Я всегда держу свое слово. Мы дадим молодой волчице еще один шанс.

Милсиндра издала такой жуткий низкий рык, что под лапами у меня задрожала земля. Несмотря на мой страх перед верховными волками, ее отчаяние доставило мне ни с чем не сравнимое удовольствие. Навдру зарычал на нее.

– Ты что-то хочешь мне сказать, волчица Широкой Долины?

Милсиндра зарычала еще сильнее, и мне показалось, что она сейчас бросится на Навдру. Я очень надеялась, что она это сделает, и тогда он убьет ее. Но она лишь взглянула на своего спутника и склонила голову.

– Мы здесь гости, – произнесла она, – и должны подчиняться твоим требованиям. Но я не думаю, что оставить эту волчицу в живых – мудрое решение. Она причинила смерть в Широкой Долине, и это не последняя смерть на ее счету.

– Почему ты не сказала нам, что молодая волчица и ворон – это Нейякилакин? – спросил Навдру. В третий раз он назвал меня, а не только Тлитоо, Нейякилакином.

– Я не знала этого.

Милсиндра посмотрела на меня, но не как на дичь или жертву. В ее взгляде не было прежнего презрения и высокомерия. Она чего-то от меня хотела.

Милсиндра пробормотала что-то нечленораздельное Кивдру, и тот, изумленно свистнув, уставился на меня горящим взглядом.

– Скажи мне, Каала, – спросила Милсиндра, – можете ли ты и твой ворон побывать в одном интересном месте, где царит вечный холод и где сходятся два мира?

К Милсиндре с громким клекотом подлетел Тлитоо.

– Тебе нельзя этого знать! – закричал он. – Это место тебе больше не принадлежит!

Хлела присоединилась к Тлитоо, и вдвоем они принялись клевать и бить верховную волчицу, заставив ее поджать хвост и бежать. Еще три ворона обрушились на Кивдру. Он тоже позорно бежал. Вороны преследовали их до самого леса, не дав вернуться.

Йилдра с интересом наблюдала происходящее.

– Верховных волков Широкой Долины и в самом деле стоит поучить хорошим манерам, – заметила она, взглянув на меня. – Я очень рада, что вороны это сделали.

Нахмурившись, она перевела взгляд на мою мать.

– В чем дело, Нееса? Почему ты не сказала нам, что твоя дочь – Нейякилакин?

– Я сама не знала об этом до сегодняшнего вечера, – почтительно ответила мать, прошла мимо верховных волков и встала рядом со мной. – Я подозревала это, но твердой уверенности у меня не было.

Мне очень хотелось спросить, как она узнала. Интересно, что такого я сделала за последние несколько часов, что мать поняла, на что способны мы с Тлитоо? Но не стоило обсуждать это перед верховными волками.

– Ты показала ей недоволков? – осведомилась Йилдра.

– Да, – подтвердила Нееса.

– Мне думается, ей не стоило это видеть, – задумчиво произнесла Йилдра. – Я бы предпочла, чтобы она не знала о существовании таких волков, чтобы не последовать их примеру. Она не говорила с ними, Нееса?

Навдру нервно перебил ее:

– Наши легенды рассказывают, что дрельволк уничтожит или спасет волчий род. Легенды также говорят, что дрельволк, который к тому же наполовину Нейякилакин, может навсегда изменить облик волчьего рода. Я не знаю, что делать с волком – почти щенком, – который, возможно, есть и тот и другой. Часть моего разума говорит, что его надо убить сейчас, пока он не успел уничтожить все, что мы смогли сделать, – он посмотрел на меня со смешанным чувством восторга и страха. – Но я не могу убить волка, который, возможно, спасет нас.

– Я согласна с тобой, – поддержала его Йилдра. Мне показалось, что она испугалась меньше, чем Навдру. Однако, с другой стороны, я не могла сейчас прогуляться по ее мыслям, как по соседнему лесу.

– Мы разрешаем тебе и дальше работать с людьми, Каала, но если ты снова проявишь покорность или люди изменятся в нежелательную для нас сторону, то мы убьем тебя, будь ты хоть трижды Нейякилакин.

– Мы убьем и всех твоих родичей, – добавил Навдру, словно я

сама этого не понимала. – Я не убежден, что ты полностью предана нашему делу. У такой волчицы, как ты, могут быть и свои тайные, далекоидущие планы. Такие, как ты, могут и подружиться с недоволками, и воевать против них, смотря по личной выгоде. Если мы решим, что ты опасна, то убьем тебя и твоих возможных отпрысков, – он встряхнулся, будто только что выбрался из реки. – До Равноденствия осталось пятнадцать ночей, юная волчица. Так что поспеши.

Йилдра посмотрела на мою мать, которая, решительно подняв голову, стояла рядом со мной.

– Ты не должна ей помогать, Нееса. Нам надо знать, действительно ли она на нашей стороне. С заходом луны возвращайся в тайную рощу.

Мать в знак повиновения прижала уши, и верховные волки побежали прочь.

Глава 15

Навдру и Йилдра сначала слегка трусили, а потом перешли на быстрый бег. Тлитоо, прогнавший вместе с другими воронами Милсиндру и Кивдру, вернулся к нам. Я посмотрела на мать. Она все еще скрывала от меня свои тайны.

– Откуда ты знаешь, что умеем делать мы с Тлитоо? – поинтересовалась я.

– Мне об этом рассказал какой-то волк, которого я однажды случайно встретила.

Тлитоо опустился на землю рядом со мной. Крылья его отяжелели в сыром ночном воздухе. Мне казалось, он должен был сердиться за то, что его опять разбудили среди ночи. Я испытывала к нему искреннюю благодарность за то, что он спас меня от Стражей, но ждала, что сейчас он выскажет все свое недовольство.

Он встряхнул крыльями и поклонился Неесе.

– Мы с Каалой Нейя, – признался он. Кажется, его нисколько не волновало, что мать знала об этом, но это волновало меня.

– Почему Навдру все время говорил, что я – Нейякилакин? – спросила я Тлитоо. – Ведь Нейякилакин – это ворон.

– Нет, волчонок, это и ворон, и одновременно волк. Они доверяют друг другу и ради своего единства готовы рискнуть всем на свете. Вот почему появились Нейя.

Волк и ворон —
Две слившиеся души.
Вдвоем они откроют новый путь.

– Что сказал тебе волк? – осведомилась я у Неесы.

Мать в ответ застенчиво улыбнулась.

– Можно я устроюсь поудобнее, Каала? – Она легла на землю. – Теперь, когда я знаю, что ты и твой друг – Нейякилакин, я хочу тебе кое-что показать – упомянутого волка и что-то еще.

Большую часть моей жизни я тосковала по отсутствующей матери. Сколько времени было потеряно, сколько уроков осталось неусвоенными… Я никогда не училась у мамы. Как я могла не воспользоваться возможностью заглянуть в ее мысли? Сколько упущенных лун нам надо восстановить!

Я легла рядом с ней и не успела как следует устроиться, как Тлитоо втиснулся между нами. Я вдохнула неповторимый аромат матери, и запах, как обычно, исчез, а я снова почувствовала, что

лечу в бездну. Как мне хотелось читать мысли матери и одновременно слышать ее ровное дыхание, чувствовать тепло ее тела! Но, увы, это было невозможно. Я перестала цепляться за настоящее и позволила падению увлечь себя.

Нееса уже убегала из долины, но сегодня она впервые сделала это одна.

В первый раз они ускользнули вместе с сестрой Риссой, когда были еще почти щенками. Стая Теплых Холмов охотилась на быстроногих баранов, которые паслись у подножия Высоких Гор, обрамлявших долину. Пока взрослые волки спали, две любознательные юные волчицы от скуки отправлялись исследовать местность. Рисса всегда отличалась предприимчивостью. Она была смелее Неесы, и именно она предложила посмотреть, что находится за горами. Риссе везло, ей всегда удавались самые рискованные предприятия. Она была красива и грациозна даже на охоте, и многие самцы-волки, в том числе и молодняк, не достигший годовалого возраста, оборачивались, когда она пробегала мимо. Неесе страстно хотелось найти какое-нибудь место для себя, вдали от стаи, которая всегда любила Риссу больше, чем ее. В тот день Рисса пошла со старшими волками учиться отмечать границы территории, и Нееса оказалась предоставлена самой себе.

Она остановилась на перевале и оглядела открывшийся перед ней простор. Эта равнина была настолько больше долины, что здесь Нееса, без сомнения, могла найти то, что искала.

Она бегом спустилась с холма, чувствуя, как утренний холодок ласкает упругие мышцы. Она даже не услышала, а почувствовала, что за ней следом бежит какой-то волк. Достигнув подножия холма, Нееса остановилась и обернулась.

Хиилн, волк из стаи Быстрой Реки, улыбнулся ей. Эта стая была одной из сильнейших в долине; все знали, что Хиилн скоро станет ее вожаком. После него сильнейшим считался его брат Рууко. Риссе и Неесе уже приходилось охотиться с ними обоими, и Хиилн очень хотел спариться с Риссой. Прежде он никогда не обращал внимания на Неесу. Она застенчиво свистнула в знак приветствия.

– Никто, кроме тебя, не отважился бы выйти за пределы долины, – заговорил он. Неесе показалось, что в голосе волка прозвучало восхищение.

– Я не очень далеко ушла, – возразила она.

– Хочешь, пойдем и осмотрим пещеры? – предложил Хиилн.

Если бы это сказала Рисса, то Нееса отказалась бы, убедила сестру, что это очень опасно, но ей не хотелось, чтобы молодой

волк из стаи Быстрой Реки посчитал ее трусихой. Они побежали по узкой долине между горой и холмами к пещерам.

– Выбирай любую, – сказал Хиилн.

Нееса уже было выбрала самую ближайшую, чтобы скорее ее осмотреть и уйти, но потом что-то потянуло ее к другой пещере, расположенной выше. Она ловко взбежала к ней, и Хиилн рассмеялся.

– Должно быть, ты из стаи горных баранов, – заметил он, и Нееса смущенно улыбнулась. Они подошли ко входу, и Хиилн, наклонившись, зашептал ей в ухо, щекоча его своим дыханием. У Неесы перехватило дыхание.

– Рисса ходила с тобой сюда?

Сердце было готово выпрыгнуть из груди, и на языке появилось чувство горечи.

– Да, – ответила она.

Не думая об опасности, она вошла мимо Хиилна в пещеру.

Нееса думала, что в пещере никого нет. Если бы здесь пахло каким-то живым существом, она не полезла бы так безрассудно в темноту. И застыла на месте, увидев перед собой тень волка, но запаха при этом не почувствовала. Хиилн, бежавший следом, натолкнулся на нее и едва не упал. Он раздраженно свистнул, а потом проследил за взглядом Неесы.

– Я думал, ты придешь сюда раньше, – пророкотал какой-то волк. Голос был старческий, но тень на стене пещеры перемещалась с юношеской легкостью. Нееса опустилась на колени перед ней, понимая, что единственное правильное действие – это бегство. Но сквозь страх она успела заметить, что волк не угрожал им, как это часто делали верховные долины. Потом до нее дошло, что в пещере не было живого волка, который отбрасывал бы тень на стену. Тень говорила и существовала сама по себе.

Улучив мгновение, Нееса окинула взглядом пещеру и увидела кости. Их было здесь превеликое множество. От костей пахло волками, но кости казались слишком большими для обычного волка. Это были скелеты очень многих верховных.

– Что здесь произошло? – спросила она.

Хиилн толкнул Неесу в бок, предостерегая от излишней болтливости. Но любопытство пересилило осторожность.

– Мы пришли сюда, когда потерпели поражение, – ответил верховный. – Нам стало стыдно жить дальше. Это было очень давно, в те времена, когда еще не родился ни один из известных вам волков.

– Думаю, нам надо уходить, Нееса. – Хиилн принялся пятиться назад.

– Не уходи, – сказал верховный, но обращался он к Неесе, а не к

Хиилну. – Ты так долго шла, чтобы узнать свое предназначение, что было бы нелепо уйти теперь.

– Какое предназначение? – спросила Нееса, затрепетав от прикосновения какой-то великой тайны.

– Разве тебя не нашли вороны?

Вороны и в самом деле часто донимали Неесу, прося ее пойти с ними, но она отмахивалась от их просьб. Она не ответила, и верховный волк недовольно поморщился.

– Вырождается стая Теплых Холмов.

Нееса зарычала от такого оскорбления, но Тень волка лишь слабо улыбнулась в ответ на ее гнев.

– Тебя никогда не влекло к людям?

– Влекло, – неожиданно для самой себя призналась Нееса. Она думала, что, кроме нее, об этом никто не знает. Когда они с Риссой не исследовали окрестности, они внимательно, хотя и издали, присматривались к людям. Рисса даже хотела взять с собой Хиилна, чтобы показать ему людей.

– Почему ты хочешь это знать? – поинтересовался Хиилн.

– Потому что люди и волки должны быть заодно, – ответила Тень волка.

У Неесы пересохло в пасти. Это была ее самая сокровенная тайна. Никто не знал, что ее неудержимо влекло к этим безволосым двуногим созданиям, завернутым в звериные шкуры.

– Вожаки нашей стаи говорят, что это противоестественно, и велят держаться от людей подальше.

– Это наша вина, – произнес Волк-призрак, и голос его дрогнул от сожаления. Нееса взглянула в горящие мрачным светом зеленые глаза призрака и почувствовала, как подкосились ее ноги. Против воли она улеглась на холодный пол пещеры. Хиилн улегся рядом, тихо поскуливая.

– Я не задержу тебя надолго, верный молодой волк, – сказал призрак Хиилну. – Ты сыграешь в этом деле свою роль. – Хиилн заурчал, удивившись таким словам. – Ты питаешь слабость к самкам стаи Теплых Холмов, это часто случается с волками вашей стаи. Ты не обязан следовать предназначению, как Нееса, но я чувствую, что ты не из тех, кто пасует перед опасностью. Я не стану задерживать вас надолго, но вы должны узнать, что произошло здесь и почему так важно предназначение, о котором я толкую.

Нееса сосредоточилась, как перед охотой. Когда призрак снова заговорил, она была вся внимание.

– Когда-то все живые существа были едины, – начал Волк-призрак. – В начале всех времен была только Земля, Луна, Солнце и Великая Мать Небо. Вместе эти Древние создали Равновесие. Но

время шло, и постепенно Древним наскучило одиночество. Они начали уставать друг от друга и стали ссориться. Однажды ночью, когда Луна отвернулась, а Солнце было занято разговором с Небом, Земля сотворила живое существо, чтобы ей было не так одиноко. Узнав об этом, Луна, Солнце и Небо сначала пришли в ярость и задумали его уничтожить. Но это создание их околдовало. Впервые с тех пор как Древние себя помнили, они прекратили ссориться и стали с радостью наблюдать за играми живого существа. Впервые Древние получили средство хоть немного развеять свое одиночество.

Но когда создание подросло, оно стало капризным, своевольным и неуправляемым. Оно захотело получить свою долю Земли и претендовало на владение Луной, Солнцем и Небом. Однако Древние так полюбили существо, что не смогли его уничтожить. Вместо этого они расщепили его на тысячу частей, и из каждой части возникло новое существо, которое также разделилось на множество частей. Так весь мир наполнился новыми существами. Но каждое новое создание – частица прежнего – было очень и очень одиноко, и Древние начали опасаться, что все частицы ослабнут и погибнут.

Призрак подошел к Неесе и ткнулся своим призрачным носом в ее теплую щеку.

– Одинокое существо – опасное существо, – продолжил он, – и Древние убедили частицы в том, что каждая из них является частью другой частицы. А все вместе они – часть общего Равновесия. Много лет после этого существа поддерживали Равновесие. Так продолжалось до тех пор, пока однажды на краю великой пустыни не встретились племя людей и один волк. Люди умирали от голода, а волк передал им свои секреты, и благодаря им племя смогло выжить. Волки и люди стали лучшими друзьями.

Нееса фыркнула. Она, как и все волки, прекрасно знала историю Индру.

Но Волк-призрак продолжал:

– Однако, как и Древние, они все же поссорились и начали драться между собой, убивая и калеча друг друга, ибо в каждом существе постоянно происходит борьба между любовью и эгоистической волей. Люди были так уязвлены предательством волков, что отдалились и от всех остальных существ. Люди начали крушить и разрушать все в природе, к чему только прикасались, пользуясь знаниями, полученными от волков. И Древние решили истребить людей, пока те не уничтожили всех остальных существ.

– А волк Индру попросил Древних оставить жизнь волкам и людям, – вставила Нееса, вспомнив старинную легенду. – И

Древние согласились это сделать.

– Волки же пообещали присматривать за людьми, – добавил Хиилн.

– Верховные волки, – уточнила Нееса, поклонившись призраку.

– И мы потерпели поражение, – сказала Тень волка. – Нам поручили наблюдать издалека и хранить природу, а волкам вашего рода было предложено взаимодействовать с людьми. Но мы оказались ревнивы и позарились на то, что нам не принадлежало. В конце концов мы сдались и спрятались в этой пещере, забыв об Обете. Однако малые волки его не забыли. Некоторые из вас не в силах уйти от людей слишком далеко, и именно это может помочь нам. Спасение волков зависит именно от вашего рода.

Он умолк. Нееса во все глаза смотрела на Тень, не вполне понимая, что этот призрак от нее хочет.

– Ты хочешь, чтобы она приняла на себя ваше предназначение? – едва сдерживая рычание, поинтересовался Хиилн.

– Это самое последнее, чего я хочу, – огрызнулся призрак. – У нас просто нет другого выбора. Малые волки должны преуспеть там, где мы потерпели неудачу. В противном случае люди уничтожат всех: себя, волков и остальных. Решение вопроса в твоей крови, Нееса из стаи Теплых Холмов. Твоя сестра предназначена для жизни в стае. А тебя ждет успех, если ты прислушаешься к воронам и не станешь бросать вызов людям. Если же ты не сможешь или не захочешь это сделать, то найди такого волка, который пойдет с воронами и перейдет границу страны духов. Ты должна это выполнить, иначе волчий род погибнет.

Нееса поняла, что разговор окончен. Поднявшись на лапы, она бросилась прочь из пещеры. Хиилн не отставал. Они ни разу не остановились, пока не добежали до подножия холмов Широкой Долины.

Я откатилась в сторону от матери, и в нос мне ударил смешанный запах волка, земли и хвои. Мать уже проснулась и, широко открыв глаза, смотрела на меня.

– Я оказалась слишком трусливой, Каала, – призналась она. – Мы с Риссой взяли с собой Хиилна, когда в следующий раз пошли смотреть на людей. Люди притягивали его, как тебя, и за это его изгнали из стаи. Я осталась в Широкой Долине, предпочтя спокойную жизнь. Вороны несколько раз прилетали ко мне, но я всякий раз их прогоняла. Потом я стала мечтать о том, чтобы родить волчат, которые спасут волчий род, и решила сделать еще одну попытку. Я ушла из долины, нашла Хиилна, спарилась с ним, и мы стали вместе трудиться ради исполнения Обета.

Нееса решила сделать это, родив щенка, то есть меня. Если

бы она взялась сама исполнить Обет, как велел ей Волк-призрак, то мне не пришлось бы покидать свою стаю и дом. Не пришлось бы менять легкую жизнь на дружбу с Тали, да и вообще я могла бы не родиться, если бы мать приняла предложение Тени волка. Но я все равно почувствовала обиду. Мать оставила меня наедине с трудностями, и мне пришлось самой выпутываться из последствий ее выбора.

Раздался злобный вой. Только теперь до меня дошло, что верховная волчица Йилдра давно уже воет.

– У тебя будут неприятности с верховными? – спросила я, заметив, что уже рассвело.

– Будут, но дело того стоит. – Нееса улыбнулась и ткнулась носом в мою морду. – Ты видела волка, состоявшего из тени?

– Да, – ответила я. – Это был тот же волк, которого я встретила в Инехалине. Он сказал тогда, что найдет способ пообщаться со мной.

Среди дальних холмов снова раздался вой Йилдры. Она звала мою мать.

– Тебе пора, – сказала я, хотя мне совсем не хотелось с ней расставаться.

Мы одновременно услышали поступь волчьих лап и обернулись к лесу. К нам, держа нос по ветру, приближалась Лаллна. Молодая волчица выглядела так же надменно, как и в тот день, когда вышла нам навстречу во главе волков из стаи Стражей. Она подошла к Неесе, подчеркнуто церемонно с ней поздоровалась, а потом ухмыльнулась мне.

– Меня прислали следить за тобой, – насмешливо произнесла она. – Чтобы ни ты, ни твои дружки не смели больше подчиняться людям. Если вы это сделаете, то мы – с разрешения Йилдры и Навдру – убьем вас. – Она, казалось, была совсем не против такой перспективы.

– Я бы на твоем месте не стала так радоваться, – заметила Нееса. – Если у Каалы ничего не выйдет, то мы все погибнем.

Издалека я услышала раскат грома, хотя небо было чистым.

– Это ты так говоришь, – Лаллна презрительно оскалилась. Это был не рык и не вызов, но и не подобающий ответ старшему волку. – Йилдра и Навдру приказали всем малым волкам, за исключением нас и стаи Каалы, покинуть ее, чтобы не осквернить. Лично я считаю, что нам надо оставить людей на милость природы, но мне не дано решать.

– Да, тебе не дано, – подтвердила Нееса, – и не забывай об этом.

Она лизнула меня в нос, потом подцепила головой Лаллну под брюхо и подбросила ее в воздух, рассмеялась и помчалась в

сторону Стражей.

Сердито хмурясь, Лаллна встала на лапы.

– Пошли, – сказала она мне, сделала несколько неуверенных шагов, а потом перешла на бег. Снова послышался гром, и я ускорилась, надеясь добраться до навесов стойбища до того, как начнется дождь. Присутствие Лаллны меня не особенно беспокоило. Пелл, Аззуен и я всегда сможем при необходимости убрать ее с дороги.

От грома затряслась земля под лапами. Я оцепенела, поняв, что это вовсе не гром. Лаллна замедлила бег, остановилась и принялась, прижав уши, лихорадочно оглядываться. Вид у нее был не как у охотницы, а как у затравленной дичи. Я поравнялась с ней и остановилась, прислушиваясь. Земля с каждой секундой дрожала все сильнее. Лаллна вывернула шею и посмотрела на восток. Морда ее исказилась от ужаса.

– Зверь-убийца! – заорала она и опрометью бросилась бежать.

Я проследила за ее взглядом и увидела огромного несущегося на нас зверя. За ним гналась верховная волчица Милсиндра. На мгновение у меня перехватило дыхание.

У каждого животного есть свои способы защититься от врагов. Некоторые очень быстроноги, и охота на них превращается в утомительную погоню. Другие звери защищаются шипами и иглами, например, дикобразы, до нежного мяса которых почти невозможно добраться. Есть еще такие животные, как лошади, которые имеют твердые копыта и злой нрав. У лосей острые копыта и мощные рога, которыми они могут свалить волка на землю, а потом копытами затоптать насмерть. Есть еще такие страшные и сильные животные, как туры. У них, кроме мощных копыт, есть огромные острые рога, которыми они способны заколоть волка в мгновение ока.

Зверь, который несся на нас, был высок, как тур, но в два раза шире и, наверное, настолько же тяжелее. Когда я впервые увидела тура, то решила, что погибну, если попытаюсь на него напасть. Мы все-таки убили его, но только чудом избежали ранений. Этот же зверь был еще страшнее.

У него было два острых рога. Один на лбу – размером с голову доброго волка, а второй на носу, и еще длиннее первого. Нижняя губа выдавалась вперед, а сам зверь был покрыт грубой толстой шерстью.

Эта тварь, кроме того, очень быстро бегала. Наклонив вперед голову, она летела от Милсиндры прямо на меня.

Не помня себя, я рванула вслед за Лаллной. Мне следовало бы давно понять, что верховная так просто от меня не отстанет.

Она не смогла убить меня с помощью Стражей и решила сделать это сама. Никому не пришло бы в голову обвинить ее, если бы меня затоптало это чудовище. Я оглянулась. Зверь заметно отстал. Мои зубы обнажились в усмешке: Милсиндра снова меня недооценила. Я пригнула голову и помчалась еще быстрее.

Приблизившись к Каару, я свернула в сторону, чтобы не привести страшное животное в стойбище. Лаллна, бежавшая на десять корпусов впереди, сворачивать не стала и понеслась прямо в Каар. Я хотела предупредить ее, но мне не хватило дыхания крикнуть так, чтобы она услышала. Я замедлила бег и, повернувшись, кинулась навстречу зверю, чтобы он погнался за мной, а не за Лаллной. Я была уверена, что Милсиндра специально направила зверя на меня – чтобы убить, но она погнала его за Лаллной в стойбище.

Только теперь я поняла, что это за зверь. Тали рассказывала мне, что носорог, который убил брата Джалимина, выглядел точно так же. Носороги нападают на людей. Я заметила довольное выражение в глазах Милсиндры, когда она убедилась в том, что носорог несется за Лаллной прямо в деревню. Увидев меня, она злобно зарычала, оскалилась и, прекратив погоню, скрылась в лесу.

Носорог, никуда не сворачивая, продолжал нестись в стойбище. Я видела, как Лаллна скрылась в густых лесных зарослях рядом с Кааром и носорог влетел в лес вслед за ней. Я понимала, что не смогу обогнать их, но все равно мчалась за ними. Когда я достигла леса, то уже не видела ни Лаллну, ни носорога, зато слышала вопли ужаса, шум, крики и невыносимый рев.

Когда я наконец добежала до Каара, в стойбище царил невероятный хаос. На земле валялись какие-то деревянные обломки и куски камня. Разбросанные угли из костров попадали на крыши жилищ, вызывая пожары, и люди сбивали пламя шкурами животных. Лаллна спряталась в травяном шалаше, а толпа людей выгоняла носорога из деревни. Я не видела ни Аззуена, ни Пелла. В толпе я заметила Тали, подбежала к ней и уткнулась мордой в ее меховую тунику. Брелан держал девушку за руку.

Запах можжевельника подсказал, что Аззуен где-то рядом.

К нам, пошатываясь, подошел Давриан.

– Это волки привели его сюда! – пролепетал он, указывая на нас дрожащим пальцем. Он хромал, хотя я не чуяла, что он ранен. – Они привели сюда носорога!

Хесми стояла над распростертым телом какой-то женщины. Я изо всех сил постаралась успокоить дыхание. Если они поверят,

что это мы виноваты в смерти человека, то убьют нас. Женщина, однако, зашевелилась, села и, хотя и с трудом, поднялась. Из раненой ноги текла кровь. Люди подхватили ее под руки и увели.

Я посмотрела на Тали, удивляясь, почему она не защищает нас. Вид у девушки был задумчивый. Хесми глядела на нее со злостью.

– Эта тварь гналась за волком. – Давриан указал на шалаш, из которого выглядывала дрожавшая от пережитого страха Лаллна.

– Ты же сама говорила, что носороги приходили в деревню и раньше, – рассудительно заметила Тали. – Волки – это не проблема, но они могут стать решением.

Я взглянула на нее. Не могла же она всерьез сказать это?

– Ты думаешь, что волки могут убить носорога? – недоверчиво поинтересовалась Хесми. – Мы когда-то пробовали это сделать. Я тогда потеряла троих охотников.

– Ты не потеряешь ни одного, если мы с волками тебе поможем, – произнесла Тали с такой убежденностью в голосе, что я и сама ей поверила.

Я ждала, что Хесми начнет спорить с Тали или требовать доказательств, но старейшина лишь окинула девушку оценивающим взглядом и коротко кивнула. Видимо, ей действительно надо было убить носорога.

– Будьте готовы к завтрашнему утру, – сказала она и пошла вслед за раненой женщиной.

Брелан взял Тали за руку.

– Это очень опасно, я тебя не пущу.

Тали вырвалась и уставилась на Брелана негодующим взглядом, скрестив на груди руки и вздернув подбородок. Брелан нежно обнял ее за плечи и заговорил таким же тоном, каким Тали однажды беседовала с плачущим ребенком. Аззуен улегся у их ног, поглядывая по очереди то на девушку, то на парня.

– Ты не сможешь помочь крианам, если погибнешь на охоте, – пытался убедить Брелан. – Ты должна быть осторожной.

– Сейчас не время для осторожности, – возразила Тали. – Если мы будем осторожничать, то на празднике Весны Давриан станет крианом. Половину молодых людей деревни он убедил в том, что я легкомысленна, а волки опасны.

– Давриан все время разговаривает с молодыми мужчинами, – шепнул мне Аззуен. – Тебя он называет Кровавой Луной и рассказывает всем, что Марра напала на Миклана. Некоторые верят в его ложь. Что случилось с Неесой?

– Об этом я расскажу позже. – Я оглянулась. Я не увидела ни Ралзуна, ни Инимина, но, судя по запаху, оба были где-то неподалеку. Над центральной поляной пролетел Тлитоо,

приземлился возле нас и принялся щипать завязки сапог Брелана.

– Мне нужно доказать, что мы с волками можем принести пользу Каару, и доказать быстро. – Тали отстранилась от Брелана. – Здесь так же, как у меня дома. Половина жителей деревни начинают верить в то, что женщины не так важны, как мужчины. Если я не докажу им свою силу, они отвергнут меня, как слабого человека.

– Это смехотворный риск, – горячо заспорил Брелан.

– Рисковать приходится всегда! – воскликнула Тали. – Ты должен доверять мне, Брелан. Не надо относиться ко мне снисходительно, особенно если хочешь, чтобы я стала крианой. Ведь не стал бы ты останавливать Ниали?

Ответ я прочла в его глазах: он не был влюблен в Ниали.

– Вы все мне потребуетесь, Каала, – обратилась ко мне Тали. Голос ее немного дрожал. Я лизнула девушке руку. Она решительно направилась на главную поляну. Брелан последовал за ней, но споткнулся о развязанную завязку и упал. Тлитоо довольно хохотнул и подскочил ко мне.

– Это будет добрая охота, – заметил он. – Хорошее дело – убить носорога для людей.

Легко ему говорить: он всегда может укрыться на дереве, а у меня ноги подкашивались при одной мысли о страшном рогатом чудовище. Но если мы не выйдем на эту охоту, то Давриан и Инимин смогут убедить жителей деревни в том, что от нас, волков, больше вреда, чем пользы, а Милсиндра скажет Стражам, что мы не справились со своей задачей. «Вы все мне потребуетесь». Эти слова Тали продолжали звучать у меня в ушах. Я ощутила солоноватый привкус ее кожи на языке. Пусть лучше меня проткнет сотня носорогов, чем я разочарую Тали. Я встряхнулась, уняла дрожь в ногах, поддала головой Тлитоо и толкнула в бок Аззуена. У нас есть дичь для охоты.

Глава 16

На рассвете следующего дня Тали направилась на главную площадь стойбища, чтобы поздороваться с Хесми и Ралзуном. Я держалась возле нее, стараясь не задевать своим боком. Тали шепотом разговаривала со мной:

– Хесми возненавидела носорогов с тех пор, как один из них убил брата Джалимина. Она думает, что носороги специально преследуют людей.

Старейшина потеряла из-за носорога внука, и я понимала, отчего она так их ненавидит.

Бежавший рядом со мной Аззуен взглянул на Тали.

– Она понимает, что делает? – поинтересовался он. Ответа у меня не нашлось. Тали – умная и храбрая девушка, но все же она еще не совсем взрослая. Носорог может легко растоптать ее.

Хесми и Ралзун стояли на площади в окружении большой группы людей возле огромного кострища. Выражения лиц у людей были самыми разными – от отвращения и волнения до откровенного страха.

– Это даст нам возможность проверить, что могут сделать для нас волки, – проговорила Хесми, словно заканчивая спор, который люди только что вели о Тали и о нас. – Не подвергая ненужной опасности моих охотников, – сурово добавила старейшина.

– Я никогда не подвергну ненужному риску тех, кто идет за мной, – церемонно ответила Тали.

Хесми поднесла к губам полый рог тура, висевший у нее на шее, и затрубила в него. По деревне разнесся резкий звук, похожий на рев раненого лося.

– Охота начинается, – объявила Хесми. – Смотри, не подведи нас.

Тали поклонилась старейшине, потом ухватила меня за мех на спине и легонько подтолкнула вперед, отвернувшись в сторону. Я посмотрела на девушку. Кулаки ее были сжаты, челюсти стиснуты. Она не хотела, чтобы люди деревни это видели.

– Позови Пелла, – сказала я Тлитоо. Пелл уже должен был вернуться с дальних холмов. Ворон сложил крылья и задумался. – Пожалуйста.

– Пелл не любит людей, волчица. Я не уверен, что это удачная мысль – позвать его сюда.

Я зарычала; ну почему в этой жизни все дается мне с таким трудом? Когда Рууко или Рисса что-то говорят, то все их приказы

исполняются немедленно и без рассуждений. Наверное, им просто не приходится иметь дело с воронами.

– Я пойду! – вызвался Пранан, который неслышно подошел к нам. – Я найду его для вас! – С этими словами он бросился в лес, взволнованно виляя хвостом.

На мой взгляд, мы слишком поспешно покинули стойбище и отправились на поиски носорога. Найти его оказалось нетрудно. Он ломился сквозь кусты, как верховный волк, никогда не видела зверя, производившего столько шума и разрушений. На его пути валялись растоптанные кусты шалфея, можжевельника и молодые деревца.

Впереди охотников шли Ралзун и Хесми, на шаг позади них держались Инимин и Давриан, несмотря на то что возглавлять охоту предстояло Тали. Но она вместе со мной скромно шла в середине толпы. Хлопанье крыльев вверху показывало, что и вороны тоже здесь. Многие люди смеялись и подначивали друг друга, что показалось мне странным перед охотой на такого опасного зверя.

– Ручаюсь, ты завопишь от страха и бросишься бежать в стойбище, как только его увидишь, – сказал один мужчина другому.

– А ты обмочишься, как только он на тебя посмотрит, – ответил тот.

– А я уверена, что первая попаду в него копьем, – заявила девушка, ровесница Тали.

– Мы не найдем никакого носорога и охоты не будет, если вы не замолчите, – обернувшись, строго сказала Хесми, но губы ее улыбались. Аззуен тихо свистнул мне и обогнал троих споривших парней. Согнув передние лапы, он поднял зад, приглашая людей поиграть. Они рассмеялись, а один из них легонько ткнул Аззуена палкой в бок. Волк поймал палку зубами, но сразу же отпустил и трусцой вернулся ко мне. Люди снова засмеялись. Я удивленно посмотрела на Аззуена.

– Что это было?

– Это то же самое, что наша охотничья церемония, – он слизнул мелкую щепку с морды. Перед охотой мы всегда играем, готовясь к этому рискованному предприятию, чтобы сплотиться в единую стаю, а не гнаться за добычей поодиночке.

Люди притихли, когда лес поредел. Я ожидала, что они поведут нас на открытую равнину, где и начнется охота, но они остановились на опушке леса. Там, в кустах, опутанный ветвями, стоял носорог.

Вблизи он казался еще больше и страшнее.

– Раньше их было больше, – шепнул, наклонившись ко мне и

опираясь на копье, Ралзун, – когда было холоднее. Почти все носороги ушли на север, где климат прохладнее.

– Как мамонты, – добавил Пелл, незаметно подойдя к нам сзади. Праннан посмотрел в его сторону. – Но мамонты в два раза больше носорога. Мы однажды охотились на мамонта.

Я не знала, верить ли его словам; правда, говорили, что стая Скалистых Вершин часто охотится на опасную дичь. В любом случае Пелл, конечно, был более опытным охотником, чем я, и этот опыт мог спасти нам жизнь. Я поздоровалась с ним, ткнувшись носом в его морду. Пелл посмотрел на меня долгим взглядом, а потом снова повернулся к носорогу.

– Носороги любят пастись на равнинах, – заметил Ралзун, – но иногда едят и лишайники в лесу. Если нам удастся загнать зверя глубже в лес и не пускать на равнину, то он не сможет атаковать нас.

Огромный зверь громко сопел в зарослях. Нам надо было каким-то образом обойти его, спугнуть и погнать в лес.

Инимин, скрестив руки на груди и блестя на солнце лысиной, патетически изрек:

– Мы не можем рисковать жизнями охотников.

Носорог поднял голову, покосился на Инимина, а потом принялся ощипывать листья с куста.

– Поэтому я и привела с собой волков, – сказала Тали. Люди, наверное, думали, что она совершенно спокойна, но я слышала, как часто бьется ее сердце. От девушки явно пахло тревогой.

Стук упавших на землю деревянных предметов заставил меня насторожиться и спугнул носорога. Он перестал щипать листья, метнул взгляд в нашу сторону, громко хрюкнул и бросился на равнину, где и остановился, почти невидимый за высокой травой.

Давриан с сокрушенным видом стоял над грудой копий, которые выронил на усеянную мелкими камнями землю.

– Я захватил с собой запас копий на случай, если охота затянется, – объяснил он, пожав плечами.

Тали бросила на него ледяной взгляд.

– Не надо мне мешать.

Давриан нагло ухмыльнулся.

– Я взял с собой много копий и случайно уронил их, – повторил он, – но если волки и в самом деле такие могущественные, как ты говоришь, то им это не помешает.

Он сладко улыбался, однако голос выдавал издевку.

Тали отвернулась от него.

– Каала, идем.

Уняв дрожь в лапах, я пошла за девушкой. Пелл трусил впереди нас. Праннан бежал рядом и все время заглядывал мне в

глаза.

– Ты уверена, что мы сможем победить его?

– Волк может победить любого зверя, если проявит хоть немного ума, – ответила я. Так учил нас Рууко, когда мы еще были совсем маленькими щенками. Тогда, шесть лун назад, я верила ему, но сейчас уверенности в победе у меня не было. Я сомневалась, что мы сможем одолеть такого огромного зверя. Я сказала Праннану, что он может не участвовать в охоте, если боится. Его уши на мгновение задрожали, но он почти сразу успокоился и снова побежал за мной. Он поверил мне. Я поняла, что Рууко и Рисса, внушая нам уверенность, сами далеко не всегда ее испытывали.

Носорог продолжал уходить все дальше на равнину, прячась за высокой травой. Я потеряла его из вида. Потом в одном месте заволновалась трава, хотя ветра не было. Тлитоо и Хлела стали кружить над этим местом, и над травой показалась лохматая холка и два острых рога.

– Не стоит тебе лезть в это дело, дочка, – сказал Тали один старик. Он говорил ласково, положив ей руку на плечо. – Криане не обязательно быть великим охотником.

Он обратился к ней «дочка» – как к ребенку, а не как к вождю, за которым ему, возможно, придется скоро следовать.

Тали улыбнулась пожилому человеку и ответила:

– Я не великий охотник. Великие охотники – волки. Очень хорошо, что они с нами, и это одно из преимуществ сближения с окружающим миром. Одно из многих.

Тали говорила без запинки, наверное, не раз повторяла эти слова. Интересно, она действительно уверена в успехе или искусно притворяется, как я в разговоре с Праннаном? Я оглянулась и увидела, как улыбается Ралзун, глядя на Тали. По спине у меня пробежал холодок. Мне нравился этот похожий на ворона старик, но вдруг он попытается использовать нас для каких-то своих целей? Не хочет ли он просто пожертвовать нами в собственной игре? Не хочет ли принести в жертву Тали, чтобы выиграть свою битву за Каар? Я отогнала мрачные мысли. Мы уже здесь, и охота на носорога началась.

Старик хмыкнул и убрал руку с плеча Тали.

– Ну, посмотрим, на что они способны.

Аззуен, Пелл и Праннан сгрудились вокруг меня. Не прошло и секунды, как откуда-то появилась Лаллна. Значит, она решила последить за нами и здесь.

– Сейчас тебе лучше уйти, – миролюбиво произнес Аззуен. Я слегка оскалила зубы.

Лаллна внимательно взглянула на волнующуюся траву.

– Я давно мечтаю поохотиться на такого зверя. Навдру и Йилдра не разрешают нам такую охоту, – она умоляюще посмотрела на Тали. – Знаешь, мне начали нравиться некоторые люди.

Едва бы я удивилась больше, если бы Лаллна призналась, что любит гиен. Я невольно залюбовалась ее тугими мышцами и целеустремленным взглядом. Она была готова помочь нам убить носорога. Но мне не хотелось, чтобы она возглавила охоту.

– Это моя охота, – заявила я, – и ты будешь делать то, что я скажу.

Лаллна внимательно посмотрела на меня своими светлыми глазами. Я выдержала ее взгляд и слегка ощерилась. Аззуен тихо, чтобы его не услышали люди, зарычал. Пелл тоже показал клыки.

– Да, это твоя охота, – согласилась Лаллна, – и я буду слушать тебя, если ты не станешь покорным человеческим прихвостнем.

Я кивнула Лаллне и задумалась, как она сможет нам помочь. Эта волчица быстронога, сильна и бесстрашна. Если бы не мои подозрения, я была бы просто счастлива оттого, что она захотела присоединиться к нам.

– Ты пойдешь с Пеллом, – объявила я. – Вы привлечете внимание зверя и поведете его за собой.

Это было очень опасное задание, и Лаллна прекрасно это знала, но лишь улыбнулась и поиграла мышцами. Пелл глянул на меня и понял мою мысль. Он должен был проследить, чтобы Лаллна не смогла помешать нам.

Тали с интересом смотрела на меня и ждала. Она не могла понять, о чем наш разговор, но догадалась, что мы держим совет. На незнакомую ей Лаллну Тали глядела с любопытством. В отличие от многих других людей наша девушка умела различать волков.

– Может, нам уйти и попытать счастья позже? – предложил Брелан Тали. – Носорог знает, где мы.

Девушка отрицательно покачала головой.

– Мы загоним его в лес и там убьем.

– Томин уже пытался это сделать, – сообщил Давриан, – но в результате носорог проткнул ему ногу и ушел.

Томин был одним из лучших охотников Каара.

– У него не было волков, – возразила Тали.

Она трижды ударила о землю тупым концом копья, созывая охотников.

– Будем охотиться как на тура, Каала, – сказала она. Я лизнула девушке руку. Для того чтобы удачно охотиться на туров, сперва их надо разозлить. Животное, потерявшее контроль над

собой, становится легкой добычей.

Тали коротко поговорила о чем-то с несколькими охотниками, и те выбежали в поле. Мы последовали за ними, держась позади и стараясь не терять их из вида. В высокой траве нам хорошо помогали слух и обоняние.

– Вперед! – крикнула Тали, и несколько человек побежали к тому месту, где колыхалась трава. Там скрывался носорог.

Теперь он рычал. Да, на самом деле рычал. Я никогда в жизни не слышала, чтобы травоядные издавали подобные звуки. Носорог ревел, как тысяча лосей. Потом сорвался с места и побежал. Люди ловко увертывались от него. Они кололи носорога копьями, а потом резво отскакивали в сторону. Остальные охотники на значительном расстоянии окружили зверя, приготовив копья и копьеметалки.

– У этих носорогов очень толстая шкура, – сказал Пелл. – Чтобы убить его копьем, надо иметь верный глаз и сильную руку.

– Вперед! – скомандовала Тали, и мы побежали. Пелл пронесся мимо людей и, пригнувшись к земле, пролетел под брюхом носорога. Лаллна громко залаяла, взлетела в воздух и изо всех сил вцепилась в хвост носорога. Зверь принялся брыкаться, пытаясь стряхнуть волчицу, но тщетно. Потом Лаллна разжала челюсти, упала на бок, стремительно откатилась в сторону и снова попыталась ухватить носорога за хвост.

Потом один из людей упал, и носорог немедленно бросился к нему. Другие охотники принялись неистово кричать и швырять в зверя камни и копья, чтобы отвлечь его, а Тлитоо и Хлела нападали на носорога сверху, стараясь клюнуть в морду. Но отвлечь зверя казалось невозможно. Наклонив голову, он продолжал нестись к лежавшему на земле человеку. Это был не тур, который, приходя в бешенство, начинал вести себя глупо. Гнев делал носорога более внимательным и сообразительным.

Аззуен тоже это понял.

– Укуси его, пусть он почувствует боль! – крикнул он.

Пелл, который был ближе всех к носорогу, согласно взвыл.

Упавший человек тем временем смог встать, но все еще находился на пути разъяренного носорога. Мы с Аззуеном бросились на чудовище и вцепились в него зубами. Мои клыки, прокусив толстый мех, едва коснулись кожи. Пелл ухватился за брюхо носорога, который поволок волка за собой. Лаллна сделала молниеносный прыжок и очутилась на спине зверя, но это не произвело на него ни малейшего впечатления.

Тали увидела, что мы делаем, и что-то крикнула охотникам. Они подбежали к носорогу и принялись изо всех сил колоть его копьями. Лаллна соскочила со спины животного и снова

вцепилась ему в хвост. Пелл по-прежнему висел под его брюхом, а люди продолжали бить носорога копьями. Запахло кровью и слепой яростью.

«Что делать дальше?» – подумала я. Нам удалось отвлечь зверя, но он пришел в ярость – просто кипел злобой. Однако не обезумел, как тур. Он был нацелен на убийство.

Тали что-то прокричала, но я не разобрала что.

– Гони его к лесу, Каала! – заорал Пелл. Он отпустил брюхо носорога и упал на бок, чтобы немного отдышаться.

Я оторвалась от огромного лохматого бока зверя, упала на землю, перекатилась через спину и вскочила на лапы. Пелл был уже рядом со мной. Аззуен остановился на расстоянии волчьего корпуса от нас, а Лаллна продолжала носиться вокруг носорога. Люди неустанно тревожили зверя копьями. Тали крикнула им, чтобы они гнали его к лесу.

– Вспомните охоту на степных лошадей, – сказала я Аззуену и Пеллу. Аззуен немедленно сорвался с места, но Пелл не стал спешить и вопросительно посмотрел на меня. – Мы охотились этой зимой на шестерых лошадей, я знаю, что надо делать, просто смотри на нас.

Было видно, что мои слова раздражают Пелла, но он не стал спорить.

Мы с Аззуеном накинулись на носорога сзади: один справа, другой слева.

– Возьми Лаллну и кусайте его за передние ноги, – крикнула я Пеллу. Он пробежал мимо Лаллны и передал ей приказ. Они бросились его исполнять. Аззуен бежал сзади и кусал носорога за задние ноги. Идея заключалась в том, чтобы, нападая на зверя сзади и с боков, направить его в лес. Такой трюк легко удавался с лошадьми. Они обычно бежали туда, куда мы их гнали. Но с носорогом такой трюк не прошел. Он ускользал из наших ловушек. При этом яростно вращал головой, и Пеллу и Лаллне с трудом удавалось увертываться от его огромных острых рогов. Отпугнув их, носорог снова устремлялся в нужном ему направлении. Это был очень умный зверь.

Брелан первым понял, что мы делаем. Он быстро собрал группу охотников и побежал за нами. Вместе мы погнали носорога к лесу. Он опустил рога и попытался вырваться из западни, но тут налетели вороны и принялись изо всех сил клевать его. Животному ничего не оставалось, как вбежать в лес.

Мы не могли перемещаться в лесу так же легко, как на открытой местности, но носорогу было еще труднее. Я ожидала, что сейчас он сделает попытку прорваться назад, но он остановился, посмотрел на меня и заговорил. Некоторые наши

жертвы говорили с нами, некоторые нет. Я не знала, что носорог умел это делать.

– Зачем вы им помогаете? – спросил он низким скрипучим голосом. – Так поступать нельзя. Это не в обычаях вольных охотников. – Он тяжело ворочал головой, с храпом выпуская из ноздрей воздух. – Вы должны драться с ними. Они убьют вас с такой же легкостью, как меня. Когда-то нас было много. Очень много, но они истребили почти всех. За это я их убиваю. Они уничтожат всех нас.

К носорогу подбежали три человека. Зверь опустил рога и кинулся на них, но деревья сковывали его движения, а люди беспрепятственно кололи его своими копьями. Животное отчаянно отбивалось, стараясь хоть что-то сделать в густых зарослях. Аззуен, Пелл и я нападали на него всякий раз, когда он, отбиваясь от людей, отворачивался от нас. Лаллна попыталась укусить носорога в глаз, и он едва не проткнул ее рогом. Несколько человек испустили торжествующий крик. Они забрались на деревья и били его копьями сверху. Три копья вонзились ему в шею, и носорог, зашатавшись, упал.

– Не помогайте им, – прорычал он, умирая. – Они всегда берут больше, чем дают, – но это был уже не голос, а предсмертный хрип.

Волки и люди снова набросились на него, и вскоре носорог был мертв. Дыхание жизни покинуло его.

Однако его предостережение продолжало звучать у меня в ушах.

Я встряхнулась, стараясь избавиться от тяжкого впечатления. Жертве всегда надо что-нибудь сказать в надежде на пощаду и сохранение жизни. Но теперь носорог перестал двигаться и превратился просто в груду вкусного мяса и доказательство нашей полезности людям.

Не знаю, кто дышал тяжелее, стоя вокруг поверженного великана, – люди или волки. Лаллна уже пыталась прокусить мех и шкуру, но все остальные просто стояли вокруг, уставившись на убитое животное.

Хесми внимательно смотрела на меня и Тали. Лаллна оторвалась от своих тщетных попыток перекусить и перевела взгляд на меня. Она, наверное, ждала, что сейчас я как-нибудь изъявлю покорность. Я с трудом сдвинулась с места – лапы просто гудели от усталости, – вспрыгнула на тушу и высоко выгнула спину, заявляя свои права на нее. Аззуен восхищенно вздохнул, а Тали поощрительно улыбнулась. Тлитоо одобрительно каркнул, и они с Хлелой улетели в глубь леса.

Сначала засмеялся один человек, потом другие подхватили. Когда я спрыгнула с туши, ко мне приблизился мужчина огромного роста. Я думала, он дружески ткнет меня в бок, как часто делали другие люди, но он вместо этого подхватил на руки и оторвал от земли. Я запаниковала, решив, что сейчас он изо всех сил швырнет вниз, но он просто покрутил меня в воздухе и осторожно поставил на землю.

– Мне нравятся твои волки!

Мужчина улыбнулся Тали, а потом подошел к ней и тоже повертел ее в воздухе. Когда он поставил девушку на землю, несколько человек ласково похлопали ее по спине. Хесми тепло смотрела на них. Лаллна, которой наконец удалось оторвать от туши кусок мяса, тоже поглядела на меня с улыбкой. Пелл церемонно поклонился и убежал в лес, подальше от людей.

В отличие от людей Широкой Долины охотники Каара не возражали, чтобы мы получили свою долю добычи. Они сами нам ее предложили. Через несколько часов после того, как людям удалось освежевать огромную тушу, они стали нарезать мясо, и мы знатно попировали вместе с ними. Иногда среди них вспыхивали споры из-за куска мяса, но так бывает после охоты в любой стае. Я заметила огорченную физиономию Давриана и оскалила зубы. Он некоторое время смотрел на меня, а потом по его лицу скользнула кривая ухмылка, и он что-то шепнул Инимину. Они чего-то ждали, но я не поняла чего. Решив не тревожиться понапрасну, я взялась за следующий кусок мяса.

С наступлением сумерек люди закончили разделку туши и сложили куски мяса на салазки, которыми пользовались для перетаскивания больших грузов. Аззуена эти салазки просто околдовывали. Люди делали их из кусков дерева, которые хитроумно сплетали друг с другом гибкими ветками. Вот и сейчас Аззуен решил зубами попробовать на прочность одно из соединений салазок, сделанных из ствола молодой осины. Меня же больше интересовало мясо, оставшееся на брошенном в лесу скелете, – и люди оставили там приличные куски. Мы могли пригласить Стражей полакомиться убитым носорогом.

Ко мне, виляя хвостом, подбежал Праннан. Сытый Аззуен с трудом вспрыгнул на салазки, которые нагружал Брелан.

Неподалеку остановились незаметно подошедшие Давриан и Инимин. Их появление вызвало у меня тревогу. В руках они держали горящие ветки, которыми люди освещают себе путь по ночам. Они стояли далеко, не подозревая, что волчий слух острее человеческого.

Давриан показал факелом на Аззуена.

– Вон тот волк напал на Миклана. Я видел, как он стоял над

спящим мальчиком, желая его загрызть. Потом он заметил меня и убежал. Он оставил Миклана в покое, но теперь, наверное, замышляет убить кого-то еще. Этого волка в Широкой Долине мы называли Детоубийцей. Если он укусит человека, тот станет наполовину волком. Чем больше человек общается с волками, тем скорее сам превратится в зверя.

Раньше он обвинял в этом Марру. Давриан не мог даже отличить одного волка от другого.

– А это волк-призрак, – добавил Инимин, указав рукой на Лаллну, мех которой серебристо сиял в свете луны. Она была так занята мясом носорога, что даже не подняла головы. – Это дух, который может во время сна высосать жизнь из человека. А вон та волчица – Кровавая Луна, – Давриан посмотрел на меня. – Она самая опасная. Они все ее слушаются.

Хесми слушала эти рассуждения с насмешливым видом, но несколько человек нахмурились, восприняв слова Давриана и Инимина всерьез. Я подбежала к Аззуену.

– Я все слышал, – сказал он. – Они так говорят обо мне с тех пор, как Давриан увидел Марру, игравшую с Микланом, – он глянул в сторону людей. – Многие ему верят.

Лаллна, смеясь, подползла к нам сзади.

– Значит, я волк-призрак, а ты – Кровавая Луна? – Она с трудом сдерживалась, чтобы не расхохотаться в голос.

– Не смешно, – сказала я. – Это очень опасно, и именно поэтому Марре пришлось уйти.

– Ты же знала, что они придумают еще какую-нибудь гадость, Каала, – заметил Аззуен. – Знала, что они изо всех сил станут вредить Тали, чтобы она не стала крианой.

– Я понимаю. – Я не чувствовала ничего, кроме безмерной усталости. – Нам нужно произвести хорошее впечатление на Хесми.

– Ты сделаешь это, Каала, – сонно моргая глазами, заверил Праннан, – а мы тебе поможем.

Я взглянула в его преданные глаза. Аззуен тоже смотрел на меня, готовый в любой момент прийти на помощь.

– Мы будем внимательно слушать, что говорит Давриан, – сказала я, – и продолжим охотиться с людьми.

До Равноденствия оставалось всего четырнадцать дней.

Тяжело переставляя лапы, я поплелась к Тали, и мы прилегли отдохнуть. Когда же окончательно стемнело и люди зажгли множество факелов, я отошла от нее, позволив вести нас в Каар.

Глава 17

С наступлением темноты в стойбище стало тихо. Притащив в селение мясо убитого носорога, жители Каара разошлись по домам, развели огонь в очагах, приготовили ужин, выставили охрану и уселись вокруг костров, чтобы починить свои орудия и поговорить.

Моя тревога между тем росла. Давриан рассказывал лживые истории о нас, и многие ему верили. Меня преследовало предостережение носорога, и я боялась, что люди обвинят нас в том, что это мы привели его в стойбище. Кроме того, в мыслях меня неотвязно преследовали маленькие волки, которых показала Нееса. Мать сказала, что люди предпочитают нам этих недоволков, которые, утратив свою дикость, стали представлять угрозу для нас.

Но даже из-за любви к Тали я могла бы безоглядно подчиниться людям, отказаться от воли… Впрочем, жители Каара вроде не возражали против того, чтобы мы сохранили независимость и не превратились в прихвостней. Мне хотелось понять, что в недоволках так притягивало людей, вызывало такую симпатию; я желала знать, что делало недоволков такими опасными. Надо признать, меня тянуло к ним, как волка тянет в его стаю.

До Равноденствия оставалась всего половина одной луны, Давриан и Милсиндра изо всех сил пытались расстроить наши планы, и мне хотелось узнать побольше о маленьких волках.

В зарослях на краю стойбища я учуяла Аззуена и Пелла. Праннан и Амма ели мясо, сидя у костра рядом с Джалимином и наблюдая за тем, как два человека растягивают шкуру носорога и скребут ее изнутри своими орудиями. Мальчик кормил волков кусочками носорожьего мяса, и с его лица не сходила счастливая улыбка. Запаха Лаллны я не чувствовала, но это не значило, что она не бродила где-то поблизости. Мне надо было что-то придумать на случай, если она вдруг вздумает меня искать. Я подошла к Праннану и Амме.

– Пойдемте охотиться за мелкой дичью, – предложила я нарочито громко. – Здесь неподалеку есть одна рощица, о которой мне рассказывала Нееса.

– Мы останемся здесь, – сказал Праннан. – Джалимина скоро надо будет укладывать спать. – Он облизнулся, и мальчик дал ему кусок вареного носорожьего мяса. Праннан проглотил его. Амма коснулась мальчика лапой, и он звонко рассмеялся и тоже протянул ей кусочек. Амма проглотила его и лизнула Джалимина

в лицо.

Я начала было их уговаривать – говорила, что их место в стае, что они не должны ложиться спать рано только потому, что так делают люди, но им так нравилось быть с мальчиком, что я не стала особо настаивать. К тому же они могли сказать, что я отправилась охотиться, если вдруг Лаллне вздумается меня искать. Я ткнулась носом в морду Праннана, потом Аммы и, оставив их в покое, пошла искать остальных.

Они сидели на берегу ручейка за деревенской околицей. Аззуен смотрел на Лаллну, а Пелл с трудом сдерживал смех.

– Скажи ей, чтобы она перестала дурачиться, Каала, – попросил Аззуен.

Лаллна ползла на брюхе по берегу ручья. Луна была во второй четверти, и в ее бледных лучах мех Лаллны сиял каким-то сверхъестественным светом.

– Я волк-призрак, – придав морде суровое выражение, завыла волчица. – Я буду по ночам преследовать людей и вселять в них страх!

Потом, не в силах больше сохранять серьезность, она дважды подпрыгнула, плюхнулась в ручей, выскочила оттуда и расхохоталась.

– Это совсем не смешно, – заметил Аззуен, видя, как дернулись мои ноздри. Я не могла сдержать недовольства. Давриан был непроходимо глуп – надо же, назвать Аззуена детоубийцей, меня Кровавой Луной, а Лаллну – волком-призраком!

– Это очень важно, Каала, – произнес Аззуен. – Если Давриану удастся разбудить их застарелые страхи, то люди возненавидят нас, как это случилось в Широкой Долине.

Раздался шорох листьев. Мы обернулись и увидели, как хвост Лаллны исчез в кустах.

– Останови ее, Каала, – сказал Аззуен, но я помедлила.

– Господи, ради великой луны! – воскликнул Пелл. – Когда мы в последний раз по-настоящему веселились?

Он завилял хвостом.

Аззуен продолжал смотреть на меня.

– Я не могу запретить Лаллне делать то, что ей хочется, – сказала я.

– Нет, можешь, ты вожак, – Аззуен по-прежнему серьезно глядел мне в глаза. – Ты идешь, Каала?

Как будто мне нечем было заняться, кроме того чтобы утверждать свое превосходство над Пеллом и Лаллной! Но слова Аззуена возымели действие. Я пошла за Лаллной.

В человеческом селении казалось темно, но главная поляна

была залита лунным светом, а костры яркими пятнами светились между жилищами.

Вокруг самого большого костра сидели несколько человек. Они негромко переговаривались, ели и что-то делали своими орудиями. Маленькие дети спали на руках у взрослых. Точно такую же картину я видела по вечерам и в человеческих селениях Широкой Долины. Знакомое томление сдавило мне грудь. Захотелось побежать к людям, сесть с ними возле костра, вдохнуть их запах, почувствовать себя с ними заодно. Я поискала глазами Тали, но ее не было.

Лаллна незаметно выскользнула на поляну, в пятно лунного света, и остановилась, прищурив глаза и подняв уши. Лунный свет придавал волчице сверхъестественный и причудливый вид. Сначала ее никто не заметил. Она нетерпеливо огляделась, потом задрала голову и протяжно завыла.

Люди подняли головы и всполошились. Лаллна самозабвенно выла, обнажив острые зубы.

Я очень надеялась, что люди примут эту выходку за шутку. Мне хотелось, чтобы они в ответ весело рассмеялись, как было, когда мы играли в догонялки с Джалимином, хотелось, чтобы вой Лаллны помог нам сблизиться, как игра Аззуена по дороге на охоту.

Сначала стало очень тихо. Потом одна женщина прижала к груди ребенка и отвернулась от Лаллны, чтобы прикрыть собой малыша. Я услышала один испуганный вскрик, потом другой. Кто-то бросил в Лаллну палкой. Она снова завыла. Люди смотрели на нее с выражением страха.

Аззуен оказался прав, но я уже ничего не могла с этим поделать.

– Иди ко мне, – прошипела я Лаллне. Она обернулась, посмотрела на меня краем глаза и еще больше оскалилась. Ей не было никакого дела до того, что она их напугала. Она была не против, чтобы люди возненавидели нас.

Несколько человек набрались храбрости, вскочили и начали прогонять Лаллну. Она бросилась ко мне.

Мы обе со всех ног кинулись бежать в лес. Люди не стали преследовать нас, но я слышала их возбужденные голоса.

Тяжело дыша, мы остановились у ручейка, где нас ждали Аззуен и Пелл. Лаллна повалилась на бок и принялась хохотать так, что не могла вымолвить ни слова.

– Ты видела, какие у них были рожи? – с трудом спросила она наконец. – Они выглядели как мыши, которые вдруг поняли, что их сейчас съедят!

Аззуен не стал ни в чем меня упрекать, только раздраженно

глянул на Лаллну. Пелл выказывал полное равнодушие к происшедшему и лишь улыбался. Лаллна перехватила его взгляд и лизнула в нос, а он на мгновение положил голову ей на шею.

Мне захотелось как можно скорее уйти. Я понимала, что надо сказать Пеллу, куда я собралась, – ведь он был членом моей стаи, но мне не хотелось. Я лизнула Аззуена в морду и шепнула:

– Пойдем?

Он озадаченно посмотрел на меня и хотел было возразить, однако что-то в моем взгляде заставило его передумать. Он кивнул и последовал за мной.

– Нам надо узнать, что говорят люди, – напомнил он.

– Мы узнаем, когда вернемся, – ответила я, – а сейчас я хочу кое-что тебе показать.

Он на мгновение остановился, а потом довольная улыбка тронула его морду.

– Где? – поинтересовался он.

Вместо ответа я сорвалась с места и побежала вперед. Я была счастлива оставить хотя бы на время Каар со всеми проблемами и неприятностями. Со счастливым повизгиванием Аззуен бросился следом.

Несколько минут мы неслись очень быстро, хотя я и понимала, что нам надо беречь силы. До стоянки недоволков путь был неблизкий. Но как это было здорово – бежать вот так, что есть духу, рядом с Аззуеном, как мы бегали когда-то в Широкой Долине, когда у нас не существовало других забот, кроме помощи старшим на охоте и желания завоевать место в стае. Я слышала, как его сердце бьется в такт моему, чувствовала тепло его тела. Лапы Аззуена ритмично ударялись о землю, он дышал мощно и ровно. Я представила, как мы бежим на охоту впереди наших щенков и стаи, как возвращаемся в логово с набитыми желудками, и от этой картины так закружилась голова, что я едва не запуталась в собственных лапах и не упала. Я постаралась сосредоточиться на том, что нам предстояло сейчас. Прежде чем думать о щенках и стае, надо было пережить Равноденствие.

Я немного замедлила бег, продолжая наслаждаться присутствием Аззуена.

По дороге я объяснила, кто такие волки Пустоши и как они там оказались. Он молча слушал. Близился рассвет, когда мы выбежали на вершину холма, откуда открывался вид на место сбора стаи недоволков. Я перешла с бега на шаг, и Аззуен последовал моему примеру. Бок о бок мы начали спускаться с холма на равнину.

Луна заливала окрестности призрачным светом. Многие недоволки спали, только несколько ходили вдоль границы места

сбора. Аззуен слушал меня как зачарованный, пока я пересказывала ему то, что узнала от Неесы об этих маленьких волках.

Ветер переменился, и несколько недоволков повернули морды в нашу сторону, уловив чужой запах.

– Давай уйдем, Каала, – шепнул Аззуен.

Но я, не ответив, поползла вперед.

– Мне надо поговорить с ними, – сказала я Аззуену. – Подождешь здесь? Не стоит тревожить их сверх меры. Они могут испугаться двух волков.

Я встала, показывая себя недоволкам, и коротко тявкнула, чтобы они не подумали, будто я подкрадываюсь исподтишка. Сердце мое забилось чаще. Я всегда нервничала перед встречей с незнакомыми волками, даже такими маленькими, как эти.

Гибкий и стройный, уверенный в себе недоволк подбежал ко мне, чтобы поздороваться. Я вежливо прижала уши, стараясь не обращать внимания на странную голову и не менее странную морду этого волка. Не сказать, что они сильно отличались от наших, но все равно были необычны и вызывали у меня какую-то смутную неловкость.

– Ты Каала, – первым заговорил он. И так внимательно и пристально глянул на меня, что я невольно отступила на шаг. – Я рад, что ты пришла. Меня зовут Гаанин.

Он знал, кто я, и говорил уверенным тоном. Он вел себя как настоящий вожак стаи и смотрел на меня как на заблудившегося щенка, который наконец вернулся домой. Гаанин подался вперед, словно собираясь взять в пасть мой нос, но я отпрянула. Он не имел права выказывать свое превосходство.

Было видно, что Гаанин удивился, но не стал упорствовать.

– Ну, конечно, тебе же не рассказывали обо мне.

– Нееса рассказывала, – сообщила я, пытаясь понять, почему у меня урчит в животе. – Она говорила, что Стражи считают вас очень опасными существами.

Его запах показался знакомым, хотя я никак не могла вспомнить, откуда он мне известен.

– Волки вашей стаи шпионят за мной.

Гаанин не стал этого отрицать.

– Ты очень важна для нас, Каала, как и выбор, который ты сделаешь. Мне надо знать, как у тебя дела с людьми. Прости, что не обратился к тебе прямо, но у меня были для этого веские причины.

Нееса говорила, что недоволки покорны, но Гаанин был так же напорист и уверен в себе, как любой другой вожак волчьей стаи. Уши у него, как я заметила, были такими же, как у нас.

– Волки из стаи Стражей говорят, что вы хотите переманить людей на свою сторону, чтобы они выбрали вас и убили всех нас, – с вызовом заявила я.

Гаанин вдруг резко посмотрел куда-то поверх моей головы и, как Аззуен, издал предостерегающий вой. Я обернулась и увидела волка, бегущего по равнине. Я повернулась, раздумывая, бежать или нет, но, увидев, что это Нееса, облегченно вздохнула, хотя Гаанин явно был недоволен.

– Твоя мать не спускает с нас глаз, – прорычал он. – Наверное, она очень не хочет, чтобы мы общались. Она все еще думает, что сумеет спасти тебя. – Он заговорил с большим жаром и быстрее: – Они ошибаются, Каала. Стражи ошибаются в своем отношении к людям, не зная, как с ними обращаться. Стражи хотят, чтобы ты заставила людей вести себя как волки, но из этого ничего не выйдет. Люди слишком боятся дикости волков, и ты не сможешь это изменить, даже если вы будете охотиться с людьми и развлекать их детей. – Он прищурился. – Ручаюсь, что за время, пока вы находитесь с людьми, они хотя бы однажды были вами сильно напуганы.

Я сразу вспомнила реакцию людей на игру Марры с Микланом и тот страх, с которым они смотрели на стоявшую в лунном свете Лаллну. Я ничего не ответила, но по выражению моей морды Гаанин сам догадался.

– Мне не надо шпионить за тобой, Каала, чтобы узнать, потому что такое случается всегда. Есть способ уменьшить их страх, но для этого тебе понадобится наша помощь.

Он снова посмотрел поверх моей головы.

– Есть и еще кое-что, – торопливо добавил он, понизив голос. – Ты должна прийти сюда еще раз, дочь Луны. Сделаешь это?

– Откуда ты знаешь это мое имя? – спросила я. Так меня называла только мать. Каала и означает «Дочь Луны».

– Мне сказала об этом твоя мать, – ответил он, отводя глаза. Я догадалась, что он что-то скрывает.

– Почему Стражи не хотят, чтобы я узнала что-то важное о тебе и твоей стае? – спросила я.

Мать была уже совсем рядом. Вместе с ней к нам подлетал Тлитоо.

Гаанин на мгновение опустил взгляд. Я поняла, что сейчас он солжет. И едва удержалась от того, чтобы не зарычать.

– Они не хотят, чтобы ты знала о людях то, что я только что рассказал. Поэтому я хочу поговорить с тобой, когда рядом не будет Неесы.

Я все же зарычала и оскалила зубы. Гаанин ничуть не лучше

верховных волков. Уверяет, что я должна ему помочь, а потом начнет манипулировать. Наверное, он захочет отнять у меня расположение людей, и если ему это удастся, то верховные убьют меня. Именно такую «помощь» он и предлагает. Я вспомнила чудесное охотничье угодье, которое показала мама! Гаанин наверняка желает заполучить его сам! Так он лишит меня шансов когда-нибудь завести собственную стаю.

Нееса с разбегу остановилась рядом со мной. Вместе с ней прибежал Аззуен. Тлитоо приземлился неподалеку.

– Что он сказал тебе, Каала? – требовательно спросила мать. Ее морда была искажена тревогой. Так же она смотрела, когда мне угрожал Навдру.

– Сказал, что Стражи ошибаются в отношении людей, – сообщила я. Аззуен обошел Неесу, чтобы встать рядом со мной.

– И это все?

– Да, это все, – ответил за меня Гаанин, – но ты можешь рассказать ей остальное.

– Это не тебе решать! – огрызнулась мать, окинула недоволка долгим оценивающим взглядом, но потом закрыла пасть, спрятав зубы.

– Ты же знаешь, что я не сделаю ничего плохого ни тебе, Нееса, – тихо произнес Гаанин, – ни твоей дочери.

– Тогда позволь ей жить, Гаанин, – так же тихо откликнулась Нееса.

Недоволк смотрел на нее так долго, что она, не выдержав его взгляда, отвернулась. Тогда он взвыл от отчаяния и произнес:

– Я оставляю тебя наедине с твоей матерью, Каала. – Он лизнул меня в плечо, будто я была членом его стаи, поклонился Аззуену и побежал прочь.

Нееса поддела головой мою пасть, подняла мне голову и заглянула в глаза.

– Ты хочешь все знать, Каала, – сказала она, – но есть вещи, которые тебя не касаются и от которых лучше держаться подальше.

– Ты следила за мной! – не скрывая негодования, воскликнула я.

Мать тоже повысила голос:

– Да, следила, но мало, надо было следить больше! Верховные волки не разрешили мне вмешиваться в твои отношения с людьми, и пришлось устроить засаду здесь, потому что я знала, что рано или поздно ты сюда придешь. Я делаю все, что в моих силах, чтобы помешать Навдру и Йилдре убить тебя. Если они узнают, что ты говорила с Гаанином, то я ничем не смогу тебе помочь. Они решат, что ты не стоишь риска, убьют

тебя, бросят людей и забудут об Обете. Я осталась в стае Стражей после того, как они убили Хиилна, потому что поклялась им, что сделаю все от меня зависящее, чтобы исполнить Обет. Ты же должна быть осторожнее.

Я едва сдержала злобный рык.

– Перестань, Каала, – шепнул Аззуен. Наверное, Нееса его услышала, но продолжала пристально смотреть на меня.

Я знала, что принимаю неудачные решения, когда расстроена, в этом Аззуен прав.

– Хорошо, – произнесла я, – больше мы сюда не придем.

Нееса вздохнула.

– Хотелось бы верить. Прошу тебя, Каала, держись подальше от Гаанина и его стаи. Будь осторожна. Я сделаю для тебя все, что смогу. Но сейчас немедленно уходи. Навдру и Йилдра следят за нами обеими.

Она нежно взяла в пасть мой нос, и в груди у меня потеплело. Я ничего не могла поделать с этим чувством. Как давно я мечтала, чтобы мать всегда была рядом! Но она отодвинулась от меня и побежала обратно к лесу.

Тлитоо тихо каркнул.

– Не думаю, волчица, что она хранит от тебя какие-то секреты, чтобы обидеть. Но мне кажется, что и недоволки не желают тебе зла, – он приподнял крылья и встряхнул их, – хотя точно не знаю. Однако попрошу Хлелу последить за ними.

– Спасибо, – проговорила я, глядя на деревья леса, за которыми только что исчезла мама. – Но скажи, что ты делаешь здесь среди ночи?

Тлитоо сложил крылья на спине.

– Конечно, я сейчас с удовольствием бы спал, но иногда приходится бодрствовать, чтобы не упустить что-то важное. Не хотите ли прогуляться в страну мертвых, волки? – решительно предложил он. Его неуверенность прошла так же быстро, как и появилась. Я всегда завидовала способности воронов быстро стряхивать с себя неприятности.

Я все еще смотрела в сторону леса, куда ушла мать. Тлитоо ласково ущипнул меня за ухо.

– Если ты будешь всю ночь хандрить, волчонок, то я, пожалуй, лучше полечу на свой насест.

Я устала быть серьезной и потянулась к ворону. Аззуен радостно тявкнул. Тлитоо протяжно каркнул, взвился в воздух и полетел к Пустоши. Он парил над нами, описывая круги, подгоняя вперед. Аззуен и я мчались во весь дух. Я высоко подпрыгнула, едва не схватив Тлитоо, а он, весело каркнув, шутливо клюнул меня в нос и ухо. Аззуен, встав на задние лапы,

попытался дотянуться до ворона. Тлитоо в отместку ухватил его за хвост и опрокинул на землю. В общем, когда мы добежали до Пустоши, мне уже полегчало.

Тлитоо летел к сожженной деревне, а я следовала за ним.

– Это место смерти, волчица, – сообщил он. – Отсюда я легко перехожу в Инехалин.

Я посмотрела на Тлитоо, а потом перевела взгляд на Аззуена. Мне не хотелось, чтобы он узнал наш с вороном секрет.

– Он знает, тупоголовая волчица, – нежно проворковал Тлитоо.

– Я знаю об этом уже много лун, Каала, – признался Аззуен и искоса взглянул на меня, чтобы понять, не сержусь ли я, – но ничего не говорил тебе. Я думал, ты сама расскажешь, когда посчитаешь нужным.

– Ты не считаешь меня ненормальной? – несмело спросила я. Мне не хотелось ему это рассказывать из-за страха, что он может меня возненавидеть.

– Я считаю тебя Каалой, – просто ответил он. Он вдруг оказался совсем рядом, и его горячее дыхание обожгло меня. – Этого вполне достаточно, для меня ты навсегда ею и останешься.

Мое сердце забилось от счастья. Я почти явственно увидела наше будущее, увидела так же легко, как Инехалин вместе с Тлитоо. Когда все это закончится, мы заведем щенков. Это будет стая Земли Ручьев. Таким будет и наше имя. Аззуен – мой лучший друг, и таким останется навсегда. Я заглянула в его серебристые глаза и вспомнила, что обратила внимание на этот блеск, еще когда он был беспомощным слабым щенком.

– Не сейчас, волчата, – прикрикнул Тлитоо и втиснулся между нами. – Ну почему волки не способны выбирать правильное время для спаривания? – проворчал он.

Аззуен отбежал в сторону, от смущения прижав уши.

Прежде чем я успела рыкнуть на Тлитоо, он вспрыгнул мне на спину. Я тотчас утратила способность воспринимать запахи и звуки. Единственное, что я чувствовала – это тошноту от падения в бездну. И непроизвольно закрыла глаза.

Открыв их, я увидела, что рядом с Тлитоо стою на Каменном Поясе Инехалина. Я сразу же задрожала. Холод этого места буквально высасывал жизнь.

– Нам надо поторопиться, волчица, – заметил Тлитоо. – Чем дольше ты здесь находишься, тем опаснее. Но тебе надо это увидеть. Я нашел это место, когда ты ела мясо носорога. Всю ночь я не мог уснуть и отправился искать тебя, благо сделать это оказалось нетрудно.

Он взлетел с поляны, и я побежала за ним, чувствуя, как подушечки лап немеют от холода. Я перестала чувствовать свой хвост, а нос замерз так, что я уже не могла им шевелить. Тлитоо привел меня на знакомый невысокий холм, с которого открывался вид на Пустошь.

Но сегодня Пустоши не было. Я увидела громадную цветущую деревню. Она казалась больше и оживленнее Каара. По улицам сновало великое множество людей. Их вид зачаровал меня. Все они – мужчины, женщины, дети – выглядели сытыми и довольными, хотя – судя по снегу на крышах – стояла зима, самое голодное время года.

Тлитоо клюнул меня в крестец, но я едва почувствовала укол из-за невыносимого холода.

– Сейчас не время таращиться на людей, волчица. Посмотри лучше на недоволков.

Теперь и я заметила, что в деревне было полно волков. Я внимательно к ним пригляделась. Если волки стаи Гаанина были не вполне обычными, то эти вообще казались такими странными, что их можно было назвать волками лишь с большой натяжкой. Головы у них имели круглую форму, и у многих уши висели, а не стояли торчком. Пасти были такими короткими, что в них не могло уместиться положенное волкам количество зубов. Всем своим видом эти волки выказывали услужливость, характерную для щенков и человеческих прихвостней. Нееса говорила, что со временем они сильно изменились. Наверное, сейчас я видела результат этих изменений.

– Смотри внимательно, волчица. Смотри, как они ведут себя с людьми.

Я присмотрелась. Людей, насколько я могла судить, нисколько не тревожило присутствие в деревне такого количества волков. Они сидели рядом с недоволками вполне непринужденно, словно были членами одной стаи. Если не считать наших людей и детей, в Кааре люди не чувствовали себя так спокойно с волками. Эта деревня казалась намного богаче, чем Каар. Кипы шкур на улицах были такими высокими, что я бы наверняка сломала себе лапы, случись мне прыгнуть с нее. На углях коптились горы мяса.

– Я увидел это и решил показать тебе, волчица. Люди совсем не боятся этих недоволков. Люди относятся к ним как к собственным детям. Почти все люди любят этих волков, и в этом вся разница.

Но разница была не только в этом. Недоволки вели себя как прихвостни, как и говорила Нееса. Меня внезапно охватила ярость. Если мы им позволим, то недоволки на брюхе приползут в деревню, похитят у нас расположение людей и покончат с нашим

последним шансом. Люди предпочтут нам недоволков!

– Одинокое существо – опасное существо, волчонок, – Тлитоо повторил слова, сказанные Волком-призраком Неесе и Хиилну. – Эти люди не одиноки.

Я хотела возразить Тлитоо, что за такое подобострастие Стражи непременно нас убьют, но у меня так замерзла пасть, что я не могла ею пошевелить, а легкие, казалось, наполнились колючим льдом. Я смотрела на ворона и тряслась от невыносимой стужи.

– Пора уходить, волчица, – сказал ворон, окинув меня внимательным взглядом. Он вспрыгнул на мою спину, и показалось, что он отрывает меня от земли. Было такое чувство, что я падала бесконечно долго, прежде чем лапы коснулись твердой земли. Я так устала, что не смогла поднять голову, чтобы заговорить с Аззуеном, который с тревогой смотрел на меня.

– Ты все поняла, волчица? – спросил Тлитоо.

Я поняла. Поняла, чем опасны для нас недоволки. Они действительно украдут у нас людей, лишат нас их расположения и дружбы. Когда мне была всего одна луна от роду и Рууко изгнал из стаи мою мать, я была одинока и голодна. Я заползла в логово Риссы, надеясь, что она даст мне пососать молоко на своем теплом лохматом животе. Три ее щенка не пожелали со мной делиться и попытались прогнать. Они кусались и царапались своими острыми коготками. Тогда меня тоже охватила ярость, и я расшвыряла их, борясь за свое место и за право на жизнь. Такой же гнев охватил меня и сейчас. Но драться было не с кем, а значит, я ничего не могла с этим поделать.

Я попыталась рассказать Аззуену об увиденном, но от усталости не могла вымолвить ни слова, а лишь положила голову на лапы. Аззуен улегся рядом со мной. Его знакомый запах успокоил меня. Вместе мы сможем расстроить коварные планы недоволков. Я хотела сказать ему об этом, но смогла лишь устало зевнуть.

– Отдыхай, Каала, – сказал он. – Я буду тебя охранять.

Последним, что я почувствовала, был его нос, которым он ткнулся в мою щеку.

Глава 18

Мне снилось, как разъяренные люди забрасывают меня камнями. Я побежала прочь, но теперь атаковали вороны, которые нещадно били меня по голове своими мощными крыльями. Убежав от воронов, я попала в гущу пчелиного роя, и пчелы принялись жалить меня между ушами.

Жалобно взвизгнув, я проснулась от того, что Ралзун шлепнул меня по голове пустым кожаным мешочком.

Он смотрел на меня, как рассерженный старый ворон.

Я была страшно голодна, а язык от жажды прилип к нёбу. Аззуен охранял меня, сидя рядом и недовольно глядя на Ралзуна. Рядом стояла сушеная тыква, наполненная водой. Я встала и принялась лакать оттуда. Ралзун бросил мне несколько кусков вяленого мяса, и я с наслаждением их проглотила. И только после этого подняла голову и посмотрела на человека.

– Если бы я знал, что ты настолько глупа, – прохрипел он, – то не подпустил бы тебя к стойбищу и на бросок копья!

Светившее из-за его головы солнце слепило мне глаза. Я не понимала, о чем речь. Что им всем от меня надо – и людям, и волкам? Я положила голову на лапы и закрыла глаза.

Ралзун снова ударил меня мешком по голове.

– Меня не интересует, насколько ты устала, – прикрикнул он. – Вставай на все четыре лапы и иди за мной!

– Надо идти, – сказал Аззуен. Он опасливо посмотрел на меня, словно боясь, что я его сейчас укушу.

Но я слишком устала, чтобы спорить и возмущаться. Ралзун пошел впереди. Рядом с ним летел Тлитоо, насмешливо взлетая вверх и резко падая вниз в такт шагам старого криана. Аззуен подтолкнул меня, я встала, встряхнулась и потрусила за Ралзуном.

Старик шел решительными широкими шагами. Измотанная путешествием в Инехалин, я не поспевала за ним. Аззуен тоже отстал, идя рядом со мной. Сердито выругавшись, Ралзун замедлил шаг.

– О чем ты думала? – резко спросил он.

Сначала я не поняла, о чем он. Потом вспомнила, как Лаллна дразнила людей и как они испугались. Я даже не могла припомнить, когда это было. Обычно для того, чтобы прийти в себя после посещений Инехалина, мне требовался целый день сна.

– Это была шутка, – сказала я Ралзуну.

– Глупая шутка, – прошипел старик, и Тлитоо тоже зашипел,

передразнивая криана.

– Я знаю, – вздохнула я.

Выражение лица Ралзуна немного смягчилось.

– Люди говорят, что по ночам вы все превращаетесь в призраков. Говорят, что вам нельзя доверять. Ко всей вашей стае жители деревни относятся с большим подозрением.

Я вспомнила недоволков, которых показал мне Тлитоо в Инехалине. К ним люди относились без всяких подозрений, не считая их призраками и детоубийцами.

– Как долго я спала? – пробормотала я.

– Почти два дня, волчица, – ответил Тлитоо. – Прости меня, я не думал, что ты проспишь так долго.

Прошла уже половина луны с тех пор, как мы покинули Широкую Долину. До Равноденствия осталось одиннадцать дней. Нечего удивляться, что я испытывала такую жажду. Я встала и пошла на слабый запах воды. Неподалеку я нашла ручеек и полакала из него. Аззуен пил рядом со мной. Я не слышала, как сзади подошел Ралзун, но, подняв голову, увидела, что он сидит на высоком камне и внимательно на меня смотрит.

– До чего же глупы люди! – воскликнула я. – Они верят любым небылицам.

– Это далеко не глупость, – отозвался он. – Ночь очень опасна, если у тебя нет клыков. Темнота страшит, если ты плохо видишь в темноте.

Он вздохнул и спрыгнул с камня.

– Тебе придется поработать, чтобы завоевать доверие людей. Тали рассказала старейшинам, как вы вместе с ней ловили лососей. Хесми очень любит эту рыбу. Ваша девушка завтра поведет вас на ловлю лосося. К этому времени ты должна хорошо отдохнуть.

Он сердито глянул на меня, отвернулся и зашагал в лес.

Если бы он не был так занят, отчитывая меня, то я рассказала бы ему про деревню с недоволками. Я рассказала о ней Аззуену. Он выслушал молча, только на лбу появились складки.

– Не представляю, что могут сделать Гаанин и его стая, Каала. В нашем распоряжении осталось всего одиннадцать дней. Нужно просто не пускать их сюда все это время, – он улыбнулся мне, – и завоевать людей. Не дать Милсиндре пригнать сюда еще одного носорога и помешать Давриану сочинять небылицы.

– Только и всего, – я натянуто улыбнулась.

Аззуен поднялся на задние лапы и положил передние мне на спину.

– Мы принесем столько рыбы, что им не придется ловить ее целую луну, – пообещал он. – Люди растолстеют, как пещерные

медведи, наевшиеся на зиму.

Смеясь, я отскочила в сторону, стряхнув его со спины.

– Так и будет, если ты не съешь весь улов до того, как мы принесем его в стойбище.

Он легонько куснул меня за нос, вызывающе тявкнул и потрусил в лес. Я побежала за ним. До успеха в Кааре было далеко, многое могло пойти не так, и я не могла просчитать все варианты. Но Аззуен полагал, что успех возможен, и я бежала за ним, на время забыв и об усталости, и о сомнениях.

В полдень я стояла на мелководье широкой реки. Рядом со мной расположились Аззуен и Пелл. Праннан и Джалимин сидели на берегу, и мальчик кормил волка кусочками мяса. Лаллна следила за нами из леса, обгладывая лошадиную кость, украденную ею из тайника в деревне. С берега за нами наблюдали шесть человек, включая Хесми, Тали и Брелана.

Тали сказала нам, что люди часто охотятся на лосося. Эта охота называется *рыбной ловлей*. Для нее люди вооружаются копьями – как для обычной охоты – и, кроме того, большими пучками, сплетенными из гибких прутьев. Сначала я подумала, что эти пучки нужны для того, чтобы носить рыбу, но когда увидела, как люди их разворачивают, то поняла, что для переноски эти штуки слишком велики и громоздки.

Мы поднялись вверх по течению от того места, где ловили с Аззуеном лососей в первый раз. Здесь течение было спокойнее, но я все же с тревогой смотрела, как Тали шла к нам по воде.

– Я сказала им, что вы поможете загнать рыбу в сети, – Тали указала на развернутые свитки из прутьев. – Обычно для того чтобы удержать сеть, полную рыбы, нужно двенадцать человек, но сегодня часть охотников пошла на лося – в округе появились четыре стада, и Хесми не смогла выделить много людей для рыбной ловли. Однако теперь мы сможем поохотиться на лосей и половить лосося. – Голос Тали дрожал от волнения. Да, сегодня мы могли доказать людям свою ценность.

Девушка улыбнулась и повернулась к людям. Вода доходила ей до колен.

– Я вместе с волками погоню в сеть рыбу, – крикнула она четверым людям, державшим сеть.

Наверное, Тали плохо смотрела себе под ноги. То ли споткнулась о камень, то ли поскользнулась в тине, но она вдруг упала в воду. Здесь, конечно, было тише, чем среди камней, но все же течение было достаточно сильным, чтобы унести ее. Люди, видимо, не знали, что она не умела плавать.

Я ринулась к ней, рядом со мной плюхнулся в воду Аззуен.

Брелан бросил свой край сети и метнулся к нам. Мы втроем подбежали к Тали одновременно, но она уже сама встала на ноги и сердито смотрела на нашу суету.

– Все в порядке, – сообщила она.

– Тебе непременно надо научиться плавать, Тали, – укоризненно сказал ей Брелан, нежно обняв. Я легонько шлепнула девушку, соглашаясь с Бреланом.

– Мне надо начинать ловлю. – Тали попыталась мягко высвободиться из объятий.

Но Брелан и не думал ее отпускать.

Он приподнял пальцами ее подбородок и заглянул в глаза. Я слышала, как участилось его дыхание. Выражение его лица смягчилось.

– Потом, – улыбнулась девушка.

Однако Брелан не стал ее слушать и прижался губами к губам Тали. Так они стояли довольно долго. В нетерпении я протиснулась между ними, стараясь оторвать друг от друга. Брелан сердито покосился на меня, но все же отпустил Тали и пошел назад, к людям, державшим сеть.

Тяжелые тела лососей били по лапам, едва не сбивая с ног. Я посмотрела вниз и увидела, что река преобразилась. Лососей было так много, что река превратилась в поток серебристых тел.

– Начали! – скомандовала Тали.

Аззуен, Пелл и я ринулись в поток. С берега прибежал Праннан, а из леса выскочила Лаллна и с разбега прыгнула в реку. Я испугалась, решив, что она начнет воровать рыбу, но она стала выполнять мои команды и загонять поток лососей в сети, растянутые людьми.

Рыболовы работали четко и слаженно, так же, как волки в стае. Они заворачивали сети так, чтобы лосось сам заходил в них. Потом сеть вытягивали на берег и оттаскивали в лес, где вываливали на землю трепещущую рыбу.

Лаллна, тяжело дыша, работала рядом со мной.

– Зачем ты нам помогаешь? – спросила я, уверенная, что она что-то задумала.

– Это же удовольствие! – ответила волчица. – Ты слишком серьезно ко всему относишься.

Пелл рассмеялся, а я смущенно прижала уши к голове. Он выхватил из потока лосося и побежал с ним в лес. Люди вернулись к реке, зашли на быстрину и снова расставили сеть. Все началось сначала. Прежде чем поток рыбы поредел, люди еще дважды наполнили сеть.

Мы выбрались из реки. Недалеко от берега я увидела одиноко плывущего лосося и схватила его. Большая рыба билась и

извивалась у меня в зубах. Я бросила рыбину на землю и вгрызлась в нее зубами.

Ко мне подбежал один из людей.

– Отдай рыбу, волк! – приказал он.

Я раздраженно посмотрела на него. У них было три полные сети рыбы. Эта рыбина была им не нужна, а мне страшно хотелось есть. К тому же я прекрасно знала, что Лаллна сейчас внимательно наблюдает за мной. Потом я уловила горький запах еловой хвои. Значит, Милсиндра тоже бродит где-то неподалеку. Я хищно осклабилась. Сейчас я им покажу свою покорность и подчинение.

Я не стала рычать на человека, даже не показала ему зубы. Я просто схватила лосося и оттащила в сторону. Он попытался схватить рыбину, но я увернулась, проскользнув под его рукой. Он сделал еще одну попытку. Лицо его раскраснелось от напряжения и растерянности. Я еще раз увернулась и решительно побежала в лес. Услышав тяжелый глухой стук, я обернулась. Человек поднял большой камень и от досады изо всех сил швырнул его на землю. Посмотрев на то место, где я скрылась в кустах, он еще больше покраснел от гнева и стыда. Это столкновение меня нисколько не обеспокоило: в любой стае всегда возникают ссоры и споры из-за добычи.

– Кажется, он не слишком тобой доволен, – прокомментировала Милсиндра и, зевая, вышла из-за деревьев. У меня сильно забилось сердце, как и всякий раз, когда я ее встречала. Я вспомнила всю ловлю. Нет, мы ни разу не проявили угодливости и покорности.

Я положила лосося на землю.

– Он это переживет, – сказала я, очень довольная тем, что самой Милсиндре нельзя показываться людям, за исключением крианов. Если бы не этот запрет, она, пожалуй, и сама залезла бы в реку во время ловли.

– Возможно, – заметила она. – Но, должна сказать, люди – не самые разумные создания. Они слишком легко пугаются даже собственной тени.

– И поэтому ты натравила на них носорога? – поинтересовалась я. Глупо было спорить с ней, но я уже устала от ее подлостей. – Можешь натравливать их и дальше, мы все равно победим.

Вроде бы в ее глазах мелькнул страх – но он так быстро исчез, что я подумала, мне показалось. Милсиндра рассмеялась, ткнула меня носом в ребра с такой силой, что я упала, подхватила своими огромными челюстями моего лосося и исчезла в лесу.

Меня била крупная дрожь, когда я поднялась на ноги. Нужно научиться противостоять Милсиндре, когда я оказываюсь наедине с ней. От волнения у меня страшно зачесалась кожа и заболела шея. Надо было срочно почесаться. Я потерлась об иву, но это не помогло. Потом я уловила запах гниющего мяса. Пошла на запах и вскоре наткнулась на труп барсука, пролежавший здесь не меньше трех дней.

Погрузив плечо в мягкую мертвую плоть, я опрокинулась на спину и начала кататься по гниющему барсуку до тех пор, пока не прошел зуд и не успокоилась боль в шее. Я еще раз повалялась на трупе, потом встряхнулась и побежала за людьми.

Они уже отправились в Каар, но я легко их догнала, так как шли они медленно, нагруженные богатым уловом. Солнце клонилось к закату, и я с удовольствием ощущала под лапами нагретую лучами землю. Хесми, шедшая впереди, возвысив голос, начала выть, меняя тональность то вверх, то вниз. Это был сложный вой, почти такой же, как волчий, с повторами и ритмом, похожим на ритм звуков, которые люди называют *музыкой*. Музыка возникает, когда люди бьют по высушенным тыквам или дуют в полые оленьи кости. У Хесми был замечательный голос. Он звучал как ветер, дующий в расщелинах скал. Сначала один человек, потом еще несколько подхватили вой. Я остановилась и тоже присоединила свой голос к этой песне в честь удачной охоты. Моему примеру последовали Аззуен и Праннан. Наши голоса слились с голосами людей. Тлитоо приземлился рядом и принялся покачивать головой в такт песне.

Через мгновение до меня вдруг дошло, что люди остановились, прекратив петь и изумленно уставившись на нас. Наш вой тоже пресекся. Хесми озадаченно глянула на нас, я бы даже сказала, с вызовом. Праннан подбежал к ней и тихонько взвыл, давая понять, что хочет продолжить пение. Старейшина вдруг улыбнулась такой озорной улыбкой, словно была не вожаком деревни, а ребенком – ровесником Джалимина. Она запрокинула голову и принялась выть, подражая вою волков. Праннан, прижав уши, отскочил в сторону. Голос Хесми не был таким сильным, как у волка, и к тому же в ее вое не содержалось никакого смысла – это было не сообщение о местоположении дичи или о статусе стаи, а всего лишь попытка вступить с нами в разговор. Хесми умолкла на секунду, чтобы набрать в легкие воздух, а когда снова завыла, я присоединилась к ней. В этот момент я думала о возможном единении волков и людей, о дружбе и слиянии двух родов.

Наш с Хесми вой воплотился в звучную гармонию. Стаи волков часто синхронизируют вой, чтобы показать единство.

Аззуен и Праннан присоединились к нашему хору, потом завыла Лаллна. Наш вой, смеясь, подхватили Тали и Брелан, а потом еще несколько человек.

Хесми выла, видимо, для того, чтобы выказать дух товарищества. Она хотела показать, что, возможно, настанет день, когда наши стаи начнут жить вместе, доверяя друг другу. Старейшина была к этому готова.

Я пробежала мимо Праннана, который радостно вилял задранным хвостом. Я не успела добежать до Хесми, как она вдруг повалилась на землю, издавая странные клокочущие звуки. Я остановилась, недоумевая. Сначала подумала, что старейшине стало плохо, но потом вспомнила, как наши люди издавали похожие звуки. Они так смеялись. Другие люди рядом с Хесми тоже захохотали так, что едва могли дышать. Захихикала даже Тали. Никто из них, кажется, не понял значения нашего воя.

Праннан продолжал радостно вилять хвостом. До него тоже не дошла важность того, что сейчас произошло. Аззуен все понял и растерянно глядел то на людей, то на меня.

Один мужчина указал на меня рукой.

– Смотрите, какой у нее вид! Такая же рожа была у Ламина, когда он упал в пруд!

Он хрюкнул, как лесной кабан, и с такой силой хлопнул меня по спине, что я пошатнулась. От этого он захохотал еще громче.

Ко мне незаметно подошел Пелл. От него пахло грязью и ивой. Он все время наблюдал за нами из-за деревьев.

– Я ничего не понимаю. – Мой голос заметно дрожал. Я была так уверена, что наш вой для них что-то значит…

– Они решили, что это шутка, Каала, – сказал он. – Вот и все.

– Я не думаю, что это все, – возразил Аззуен и принюхался. Пошел небольшой дождь, и от влажной кожи людей начал исходить запах. Он был похож на запах Тали после того, как она спала в обнимку со мной, или на запах Брелана после того, как он возился с Аззуеном. Это был не очень сильный запах, но он возникал всякий раз, когда люди сближались с нами. Все-таки наш вой немного их изменил.

– Это важный шаг, волчонок, – сообщил Тлитоо, важно подходя ко мне. – Они, кажется, начинают избавляться от страха и думать о вас как о членах своей стаи.

Это был шаг к тому, чтобы люди Каара полюбили нас так же, как в другой деревне полюбили недоволков. Я лизнула руку Хесми, и она погладила меня по спине. Потом вдруг сморщила нос.

– Чем это воняет от твоей волчицы? – спросила она у Тали.

В этот момент я услышала недовольное урчание, а среди

деревьев мелькнул серый мех. Милсиндра продолжала идти за нами по пятам. Она боялась, что наша охота на лосося окажется удачной, и убедилась в этом.

– Они старые, – задумчиво произнес Аззуен, – Хесми и другие, они уже старые люди.

– И что? – поинтересовался Пелл. – Какое значение имеет их возраст?

Я как раз думала о том же, но, хорошо зная Аззуена, решила подождать, когда он выскажется, чтобы подхватить его мысль.

– Вот смотри: Тали и Брелан – молодые люди. – Аззуен говорил так, словно обращался к несмышленому щенку. Пеллу это не понравилось, и он нахмурился. – Они легко воспринимают новые идеи. Старые же люди медленнее привыкают к новому. Они считают, что их обычаи лучше, чем всякие нововведения, – уши Аззуена подрагивали от волнения. – Понимаешь, Каала? Мы ожидали, что они поведут себя как волки, или как крианы, или как молодые. Мы ожидали, что они поведут себя как мы, но нам надо взглянуть на них по-другому. Нужно понять, что может заставить их захотеть быть с нами.

Гаанин говорил, что мы должны не только охотиться вместе с людьми. С теми волками, которых показал мне в Инехалине Тлитоо, люди чувствовали себя комфортно. Хесми и другие, как мне показалось, были совершенно спокойны, когда выли вместе с нами. Люди были так похожи на нас, что мне казалось, они и поведут себя как мы. Но они не волки. Аззуен прав. Нам надо поставить себя на место людей и постараться думать как они, чтобы помочь им преодолеть страх перед нами.

Лаллна так сильно куснула меня за ухо, что я взвизгнула.

– Сюда идут еще люди, – сообщила она и исчезла в лесу. Я проводила ее взглядом, недоумевая, зачем ей понадобилось меня предупреждать. Я коснулась носом Хесми и демонстративно посмотрела в направлении приближавшейся группы людей. Через мгновение она тоже их услышала. Довольная, она снова погладила меня по голове.

Обоняние подсказало, что среди подходивших людей был и Давриан. Эти люди возвращались в стойбище с Лосиной Равнины, и наши пути пересеклись на большой поляне, заросшей утесником. Я чихнула. Запах утесника был мне всегда противен.

От Давриана и его охотников пахло недовольством и разочарованием. Запаха убитого лося я не ощутила. Что ж, охота бывает неудачной чаще, чем счастливой, но людям, наверное, повезло бы больше, если бы они охотились с нами. В неудачной охоте нет ничего постыдного. Однако от Давриана исходил отчетливый запах стыда.

Мы остановились подождать, когда они подойдут ближе. Тали подтолкнула меня коленом, и мы встали рядом с Хесми. Девушка держала большую корзину с рыбой, и мне подумалось, что эта ноша слишком тяжела для нее. Но Тали желала показать Давриану, какой удачной оказалась *наша* охота, хотя в тот момент она еще не могла знать, что его охота не удалась.

Давриан первым ступил на поляну. Он посмотрел на корзину рыбы в руках Тали, потом на Хесми и снова на рыбу. После этого перевел взгляд на меня, и я прочитала в его глазах признание поражения. Теперь и люди – вслед за нами – убедились в том, что охота на лосей успехом не увенчалась.

– Вы не поймали ни одного степного лося? – сочувственно спросила Тали, поставив на колено тяжелую корзину с рыбой. Я подняла голову и тихонько тявкнула. Мне стало понятно, для чего она это делала. Первые, кого увидели люди, вошедшие на можжевеловую полянку, была Тали с полной корзиной рыбы, стоявшая рядом с Хесми, и я у ног Тали. Первое же, что увидела наша группа людей, – это пустые руки и горестное выражение лиц пришедших. Смысл был понятен. Мы добились успеха, а они проиграли. Глаза Тали светились торжеством. Я тявкнула еще раз. Если она захочет сильнее пристыдить Давриана, то он и возненавидит нас еще больше. Сильный вожак может иногда сознательно унизить не в меру зарвавшегося волка, но только если чувствует, что сможет в случае необходимости поставить его на место. Тали была физически слабее и намного моложе Давриана. Мне подумалось, что не стоило унижать его слишком сильно.

Давриан улыбался, но я заметила, что его руки дрожали.

– В этот раз нам не повезло, – признал он. – Но ничего, это не последняя охота в нашей жизни. Мои поздравления с удачной рыбалкой.

Тали наклонила голову.

– Я очень рада, что нам удалось добавить рыбу к мясу носорога. В следующий раз мы возьмем волков на охоту на лосей. Надеюсь, это поможет.

Давриан с такой силой пнул низкорослый куст, что посыпались листья, один из которых попал ему в лицо.

– Будь осторожнее, – с напускным сочувствием произнесла Тали. – Это ядовитое растение, не вздумай проглотить листочек.

Давриан злобно зыркнул и хотел было ответить, но в этот момент Хесми протяжно завыла, и он от неожиданности отпрыгнул назад. Несколько человек завыли вслед за старейшиной. Даже Праннан решил к ним присоединиться, но, увидев, что я не стала этого делать, умолк. Хесми рассмеялась и

похлопала Давриана по плечу, как люди иногда делают, чтобы выказать дружбу.

– Ну что ж, на этот раз девочка выиграла, Давриан.

Он поморщился и отошел от старейшины.

Какой-то молодой человек приблизился к Тали и протянул руки к корзине.

– Я могу понести ее, – застенчиво предложил он. Тали, прищурившись, взглянула на него, а я потянула ее за подол. Нам надо заручиться поддержкой как можно большего числа людей.

– Спасибо, – поблагодарила Тали. Молодой человек взял корзину, взвалил ее себе на плечо и побежал за остальными.

Я заметила боль в глазах Давриана. Мне даже захотелось потереться о его ноги и подбодрить. Он повернул голову и, поймав мой взгляд, оскалился, как волк. К нему подошел Инимин, обнял за плечи и что-то шепнул на ухо. Как я ни старалась, не смогла расслышать его слов. Давриан мрачно улыбнулся и кивнул, а потом посмотрел на Тали долгим тоскливым взором.

Глава 19

Люди покинули поляну с кустами утесника и медленно двинулись к стойбищу. Теплое вечернее солнце и медленный шаг навевали дремоту. Я начала подумывать, где бы найти удобное местечко в Кааре, где можно будет всласть выспаться, и вдруг едва не налетела на Тали. Кажется, что-то произошло.

Люди остановились, когда мы вышли на равнину, обрамленную лесом. Люди напряженно всматривались в силуэт какого-то существа, метавшегося по степи. Трава здесь была низкая, и силуэт виднелся очень отчетливо, хотя до него было не меньше ста волчьих корпусов.

– Это бешеный волк, – прошептал Пелл охрипшим от волнения голосом.

Теперь и я увидела, что это действительно волк. Он двигался рывками, меняя направление, как затравленный лось, описывая круги и то и дело возвращаясь назад.

– Именно так ведут себя волки, заболевшие бешенством, – произнес Давриан. – В пасти такого волка возникает яд, и если он коснется человека, то тот сам взбесится и умрет в страшных мучениях. Он будет корчиться от такой боли, словно его пронзают тысячью копий, – он покосился на меня. – Если же человек не умрет, то сам превратится в бешеного волка.

– Мы можем его убить? – спросил Праннан.

– Даже не пытайся, – резко ответила я. – Давриан прав. Если этот волк тебя укусит, то неминуемо отравит.

Рууко рассказывал нам о бешеных волках, и я от души надеялась, что мне никогда не придется с ними столкнуться.

– В конце концов он умрет, – заметил Пелл, – но если до этого кого-нибудь укусит…

Он не договорил. Если такой волк укусит другого волка, то заразит его бешенством. Если же он укусит человека, это будет большая беда… Тем временем бешеный волк увидел нас и бросился в нашу сторону.

Жужжащий звук заставил меня съежиться. Давриан метнул свое копье, и оно со свистом полетело в цель. У Давриана был меткий глаз и твердая рука. Копье описало дугу и вонзилось в спину волка. Он упал, его лапы несколько раз дернулись, и он затих. Люди вздохнули с облегчением. Я заметила, что все держали поднятые копья. Хесми сжала руку Давриана.

– Отличный бросок, – промолвила она. Потом старейшина озабоченно посмотрела на меня, и я поняла, что этот бешеный волк заставил ее поверить в рассказы Давриана.

– Не понимаю, почему он вдруг оказался здесь, – пробормотал Аззуен. – Почему очутился здесь именно сейчас?

– Это проделки Милсиндры, – сказала я, вспомнив ее слова у реки. Не стоило надеяться, что она оставит нас в покое. Она видела, что мы успешно сотрудничаем с людьми, и погнала за нами бешеного волка. Я со страхом, тяжелым, как намокшая под зимним дождем шерсть, понимала, что на этом верховная не остановится. Когда же люди вскочили с мест и стали что-то кричать, протягивая руки к горизонту, у меня упало сердце.

На высоком камне стояла Милсиндра. Она находилась так далеко, что могла бы потом заявить, что не собиралась показываться людям, но достаточно близко, чтобы все поняли, что это не обычный волк.

– Это существо больше горного медведя, – прошептала Хесми, не в силах скрыть страх. Она посмотрела на Давриана. – Ты был прав. До сих пор я не верила твоим рассказам о волках-великанах.

– Да, есть волки-великаны и бешеные волки, – подтвердил тот. – И вообще, никогда не знаешь, какой опасности можно от них ожидать.

– Надо привести Ралзуна, – сказал Аззуен и побежал на поиски старого криана.

Всю дорогу до Каара люди угрюмо молчали, источая тревогу так же, как их костры источают дым.

Слух о бешеном волке и Милсиндре мгновенно разнесся по деревне. Жители занялись рыбой. Часть надо было отложить про запас, а часть приготовить на ужин. В это время Хесми созвала совет старейшин. Я увидела рядом с Ралзуном Аззуена. Старый криан, присев на корточки, внимательно слушал, что говорил ему волк. Старик расправил плечи и сжал кулаки, а потом присоединился к другим старейшинам. Все они вошли в большое убежище, которое люди использовали для важных собраний. За старейшинами отправились Тали, Брелан и Давриан.

В отличие от прочих домов деревни этот был целиком сделан из шкур, скрепленных сложным переплетением гибких ветвей и натянутых на стволы молодых берез.

Ралзун однажды сказал мне, что это сооружение называется *шатром* – домом, который можно складывать и переносить с места на место. Когда люди постоянно кочевали, как другие животные, они все время носили с собой шатры, чтобы на новом месте старейшинам было где собраться на совет. Шатер до сих пор использовали в знак соблюдения традиции собраний, на которых принимались важные для племени решения. Я сомневалась, что шатер сохранится, если крианом изберут

Давриана – убежденного противника кочевого образа жизни.

Мягкие стены шатра позволяли нам слышать, что говорят собравшиеся там старейшины. Мы с Аззуеном легли у одной из стенок.

– Это как раз то, о чем предупреждал нас Давриан, – заявил Инимин. – Сейчас волки ведут себя очень дружелюбно, но они могут в любой момент напасть на нас!

– Другие животные тоже болеют бешенством, – возразил Ралзун. – Я сам видел, как обезумевший тур бросался на выставленные копья, а один конь бросился со скалы и разбился насмерть.

– Это еще одна причина, по которой нам не следует впускать диких животных в наше стойбище, – заметил Инимин. – Мы же охраняем его от диких лесных животных! Мы должны укротить дикую природу, а не звать ее к нашим очагам.

– Люди тоже могут впадать в бешенство, – вставила Тали. – В Широкой Долине я видела женщину, которая убила трех человек, потому что слышала, как Древние велели ей это сделать. Это безумие не имело никакого отношения к волкам.

– Давриан говорил, что у бешеных волков на зубах есть яд. Но что ты можешь сказать о волках-великанах? – Голос показался знакомым; кажется, он принадлежал Хесми, но полной уверенности у меня не было. Надо бы узнать, кто это сказал. Я сунула нос под полог шатра. Никто этого не заметил, и я просунула в шатер всю морду. Подождав несколько секунд, я приподняла полог, чтобы увидеть, что там происходит.

Хесми сидела на высокой кипе шкур. Остальные люди сидели вокруг нее, кроме Тали, Брелана и Давриана, которые стояли. Услышав слева от себя шорох шкур, я скосила глаза и заметила Тлитоо, примостившегося в тени. Его сложно было различить, но я чувствовала на себе его взгляд.

– Это неправда, – нетерпеливо произнес Ралзун. – Это сказки-страшилки для несмышленых детишек и тех врослых, которые недалеко ушли от них по разуму. – Он говорил убежденно, и несколько человек негромким ропотом выразили согласие. – Волки, которых привела с собой Тали, не сделали нам ничего плохого. Наоборот, они неплохо помогли.

– Эта помощь не стоит возможного риска, – заспорил Давриан. – Мы убедились в этом дома, в Широкой Долине. Что будет, если хотя бы у одного из них наступит бешенство? Такой волк убьет половину деревни.

– Такое когда-нибудь случалось? – парировал Ралзун. – Я об этом ни разу не слышал.

– Бабушка рассказывала, что когда-то мы, люди, жили вместе

с волками, – вставила слово Тали. – Никто из них не болел бешенством. Некоторые волки бывают больше остальных, как и люди. Но я не слышала о том, что рослые люди опаснее обычных.

Инимин негромко кашлянул.

– Вам всем следует знать и еще кое-что, – начал он. – Об этом рассказал мне Давриан. Я не хотел говорить, чтобы не обидеть Тали. – Он посмотрел на нее так, будто был ее лучшим другом. – Прости, Тали, но я должен сказать. Давриан сообщил мне, что эта девушка, Тали, сама однажды обезумела. Она покусала троих своих соплеменников, а одному даже оторвала ухо. Это были люди, которые сами себя называют крианами. И, – он опустил глаза, притворяясь, что ему трудно об этом говорить, – это случается и с теми, кто живет в дикой природе. Те, кто называет себя старыми крианами, забыли законы Древних. Они поклоняются деревьям и кустарникам. Они разговаривают с дикими животными, как с людьми, – он перешел на шепот. – Некоторые из них даже сами превращаются в животных.

Наступила мертвая тишина. Ее нарушила Тали.

– Это смехотворно – то, что ты говоришь! – Мне захотелось тявкнуть в подтверждение ее слов. – С таким же успехом ты мог сказать, что деревья превращаются в носорогов.

– Я знаю людей, которые это видели, – встрял Давриан.

– А Давриан не рассказывал, как он жевал листья кислой ягоды и разговаривал с Древними? – осведомилась Тали.

Люди заговорили все сразу, стараясь перекричать друг друга. Разобрать их слова стало невозможно.

Хесми вставила в рот два пальца и оглушительно свистнула. Резкий высокий звук едва не оглушил меня. Люди в шатре замолчали.

– Я не допущу, чтобы племенем управляли, руководствуясь слухами и страхами, – заявила Хесми. – Но не желаю и того, чтобы жители деревни подвергались опасности. Непосредственной опасности я не вижу, поэтому волки останутся здесь. Понятно, что некоторые из них опасны, и поэтому мы будем внимательно следить за нашими волками.

Ралзун заметил меня и нахмурился. Я выбралась из-под шатра, пока меня не увидели и другие. Аззуен смотрел на меня широко раскрытыми глазами.

– Что будем делать? – спросила я, отведя его на несколько шагов от шатра.

– Не знаю, Каала, – ответил он. – Нам ни в коем случае нельзя пугать их.

Я вздохнула.

– Ну да, и при этом еще суметь сохранить независимость и не

подчиниться.

Я сразу вспомнила о Лаллне. Где она? Я подняла голову и потянула носом воздух. Если она услышит то, что говорят люди на совете, то сразу же передаст их слова Стражам. Оказалось, что Лаллна лежала рядом с группой молодых людей, двое из которых гладили ее по спине. Увидев, что я смотрю на нее, волчица встала, встряхнулась и с независимым видом потрусила в лес.

Я хотела вернуться к шатру, но теперь возле него стояли несколько человек. Тогда я принялась ходить взад и вперед, ожидая, когда люди закончат свои разговоры, и стараясь разобрать в шуме голосов, о чем они говорят. Аззуен следил за мной от врытого в землю очага, возле которого мы сидели. Когда мои лапы устали, я подошла к нему и уселась рядом.

Мы сидели так до тех пор, пока теплое солнце не скрылось за горизонтом и на деревню не опустилась ночная прохлада. Я все надеялась, что люди вот-вот начнут вылезать из шатра и разойдутся по домам спать, но их собрание продлилось до рассвета. Когда же солнце появилось из-за горизонта, люди начали по одному и по двое выходить из шатра. У многих лица были искажены страхом, и это сильно меня встревожило. Страх опасен. Он означает, что люди нам не доверяют.

Я прижала к голове уши и постаралась придать морде самое ласковое выражение. Потом подбежала к трем испуганным людям – молодым мужчинам – и завиляла хвостом. Я не могла лечь на спину и подставить брюхо, так как боялась, что меня увидит Лаллна, однако надо было каким-то образом рассеять их страх. Я вспомнила, как Аззуен играл с людьми, когда мы шли охотиться на носорога, и подобрала с земли палку.

Я подошла к людям и, присев на задние лапы, протянула им палку, еще сильнее завиляв хвостом.

– Посмотри в его глаза, – сказал один из них. – Он же может взбеситься в любой момент!

Другой подобрал большой сук и швырнул в меня, но, к счастью, промахнулся.

– Пошел прочь, волк! – крикнул он.

Все трое повернулись и пошли по домам.

Я почувствовала на себе взгляд Лаллны. Она следила за мной с опушки леса и, увидев, что я ее заметила, побежала ко мне. Потом вдруг замерла и потянула носом воздух. Затем зарычала, наклонила голову и посмотрела в сторону зарослей кислой ягоды. Из-под листвы торчали волчьи лапы, а нос подергивался, улавливая запахи стойбища.

– Недоволк! – рыкнула Лаллна. – Как он осмелился сюда прийти?!

Волк, прятавшийся в кустах, сделал несколько шагов в сторону племени, и я отчетливо рассмотрела его круглую голову и короткую морду. Снова недоволки принялись подглядывать за нами! Возможно, этот волк слышал то, о чем говорили люди на совете старейшин, и видел, как один из них швырнул в меня палкой. Он расскажет своей стае, что нас здесь боятся, а значит, недоволки могут пробраться к людям и похитить их дружбу!

Лаллна метнулась к лесу. Недоволк гавкнул, подскочил на месте и бросился наутек. Волчица кинулась за ним, а я – за ней.

Я догнала ее, когда она пыталась бегом продраться сквозь заросли кислой ягоды. Я обежала их, опередив Лаллну. Быстро обнаружив след недоволка, я побежала за ним, немного хромая, так как шип кислой ягоды вонзился мне в переднюю лапу. Запахи можжевельника, шалфея и мха поочередно били мне в нос, пока я ныряла под кусты и обегала деревья.

Обогнув толстый ствол тиса, я увидела недоволка, который стоял на месте и смотрел на меня, тяжело дыша. Это был молодой самец. Я резко толкнула его, повалила на спину и поставила лапы на грудь.

– Зачем ты шпионишь за нами? – сурово спросила я.

– Я не шпионил, – ответил недоволк. – Просто хотел посмотреть на людей. Это нечестно, что нам не разрешают к ним приходить; они наши!

Стоя над маленьким волком, я вдруг ощутила желание лизнуть его в морду, словно тот был щенком. У него были такие ласковые глаза, он источал такое дружелюбие, что мне захотелось сделать для него что-нибудь хорошее, а не упрекать в том, что он нам мешает.

– Почему это ваши? – поинтересовалась я.

– Потому что это наше призвание – быть с ними. Потому что людям надо заботиться о ком-то, кроме себя. Им нужны рядом существа, которых бы они не боялись…

Лаллна с разбега налетела на меня и сбила с недоволка. Не раздумывая ни секунды, она молниеносно прокусила ему горло.

– Зачем ты это сделала? – ахнула я. – Зачем ты его убила?

Лаллна слизнула с носа кровь недоволка.

– Он пришел на место сбора людей, – заявила она. – Не надо с ними миндальничать, Каала. Я понимаю, что они выглядят как щенки, но они не щенки; они – воплощенная мерзость. Они – угроза всему волчьему роду. Они продадут волчью натуру за кусок мяса. Наш долг – убивать их всякий раз, когда они приближаются к людям, – она спрыгнула с тела, бросила задними лапами несколько комьев земли на него и побежала назад в Каар.

Я же осталась стоять над мертвым недоволком. Он

действительно был очень похож на щенка. Я злилась, что он следил за нами, но не хотела его убивать. Мы убивали гиен, нападавших на нас, даже волков, посягнувших на наши угодия, но убивать этого маленького волка было несправедливо. Я вспомнила своих маленьких братьев и сестер, которых жестоко убили до того, как они успели попробовать мясо. И встряхнулась. Нужно помнить о том, какие ставки в этой игре. Если недоволки займут наше место рядом с людьми, то Обет будет нарушен. Они помогут людям сотворить еще одну Пустошь, потом другую, пока весь мир не превратится в пустыню. Если им это удастся, Навдру убьет всех, кого я люблю.

Мне не хотелось убивать маленького недоволка, но если бы пришлось выбирать между ним и моей стаей, между ним и Тали, то я убила бы его без колебаний.

Глава 20

– Мне кажется, я что-то слышу, – насторожился Аззуен.

Он сел на краю большой поляны и, навострив уши, принялся пристально вглядываться в лес. Прошел день с тех пор, как Лаллна убила маленького недоволка, и я старалась отвлечься от этого страшного воспоминания, присматриваясь к людям и стараясь понять, кого из них Давриан сумел убедить в своей правоте. От напряжения моя голова просто распухла – мне даже стало казаться, что она набита мхом. Я уже готова была добежать до ручья и искупаться, чтобы освежиться, и подошла к Аззуену. Я не рассказывала ему, как Лаллна убила недоволка и как я помогла ей в этом.

– Это на краю стойбища, – проговорил Аззуен, прежде чем я успела открыть пасть.

Я прислушалась, но услышала лишь шелест листьев на ветру.

– Это волк? – спросила я. Мне не хотелось стать свидетельницей убийства еще одного недоволка.

– Пока не могу сказать.

Потом он выпрямил уши, наклонил голову и посмотрел на опушку леса. Тогда и я услышала звук. Это было пронзительное мяуканье.

Мы бросились в лес, и я сразу уловила запах Джалимина. Другой запах тоже невозможно было спутать ни с чьим другим. Это был запах длиннозуба – я запомнила его на всю жизнь.

Джалимин сидел на корточках перед одним из котят и пытался накормить его дикими яблоками. Я едва не расхохоталась вслух. Джалимин обожал кормить нас или брать еду у нас. Котенок деликатно поднимал куски яблока передними зубами, а потом так же деликатно выплевывал их на землю. Не знаю, едят ли длиннозубы плоды, но этот котенок есть их не желал. Каждый раз, выплевывая яблоко, он смотрел на Джалимина и жалобно мяукал. Это была мольба невероятно голодного существа. Его ребра выпирали под мехом, как решетка.

Ни мальчик, ни котенок сначала не заметили нас, так сильно были поглощены друг другом. Мальчик протянул детенышу еще один кусок яблока. Придя в отчаяние, котенок ударил Джалимина лапой. Он не выставил когти, иначе оторвал бы ребенку руку, но мальчик сильно испугался. Он вскочил и с криком бросился в деревню. Котенок посмотрел на меня пустыми голодными глазами.

Аззуен побежал вслед за Джалимином. Я понимала, что мне надо последовать за ними, но не смогла бросить котенка. Я знала,

что значит быть маленьким и голодным.

– Жди меня здесь, – сказала я ему. Потом побежала в одну из человеческих кладовых, взяла там небольшой кусок вяленого носорожьего мяса и отнесла его котенку. Он набросился на еду.

– Как тебя зовут? – поинтересовалась я.

– Свирепый Охотник с Золотой Равнины, – с достоинством отозвался он. Я с трудом сдержала смех. – Но сестра зовет меня Золотом.

– Вы оба голодные, Золото? – спросила я.

– Мы все голодны, – ответил он. – Еды стало мало, люди гонят нас отовсюду. Моя мама, сестра и я – самые голодные, потому что родичи нас не любят.

Он живо напомнил мне Праннана и убитого недоволка.

– Я принесу вам всем что-нибудь поесть, если вы немного подождете, – пообещала я.

Конечно, с моей стороны это казалось полнейшим безумием. Он не был волком и не входил в мою стаю, однако мне все равно хотелось его накормить. Я не смогла спасти недоволка, но, может, помогу хотя бы Золоту. Я бросилась к тому месту, где спрятала рыбу. Вернувшись к котенку, я положила лосося между лапами.

– Покажи, где твоя сестра и мать, – попросила я. Котенок посмотрел на рыбу такими голодными глазами, что, казалось, сейчас схватит ее и убежит.

– Я могу принести вам еще еды, если буду знать, куда нести, – добавила я. Золото склонил голову набок, оценивающе глядя на меня, а потом встал и побежал в лес. Я подхватила лосося и потрусила за ним.

– Что ты делаешь, волчица? – спросил невесть откуда взявшийся Тлитоо, пролетев над моей головой. Он всегда выбирал такие моменты, когда мой рот был занят и я не могла ответить.

– Сама не знаю, – с трудом пробормотала я.

Как выяснилось, я и без Золота отыскала бы дорогу. Котенок привел меня на то место, где я впервые столкнулась с длиннозубами. Мне показалось странным, что они не переходят с места на место, как волки.

Золото остановился на открытом месте рядом со встревоженной матерью. Я бежала за ним, высоко подняв голову и хвост, зажав в зубах рыбину и с трудом удерживаясь от того, чтобы вонзить зубы в ее сочную мякоть. Тут до меня вдруг дошло, что вся эта затея была отчаянной глупостью. Я прибежала сюда одна, если не считать ворона. Мать котят могла забрать лосося и убить меня. Это ничего бы ей не стоило. И она, и ее котята были настолько голодны, что могли съесть и другого охотника. Я

слышала, что так поступают голодные горные медведи.

Я уже собралась бежать, но потом передумала – у меня не было никаких шансов убежать от длиннозубой кошки. К тому же, хотя она и смотрела на меня голодными глазами, желания напасть я не видела. Я сделала еще несколько шагов вперед и положила лосося на землю.

– Прости, что отняла еду у твоих котят, – произнесла я. – Я не знала, что вы умираете от голода.

Кошка не ответила. Она лихорадочно озиралась, глядя куда-то поверх меня, словно ожидая ловушки. Наверное, думала, что я привела с собой других волков.

– Я одна, – заверила я. Это было глупо, но я хотела, чтобы она взяла лосося, чтобы поняла, что я принесла его им – ей и котятам. Из-за спины матери выбежал второй котенок и, подлетев к лососю, схватил его зубами. Золото тоже сорвался с места, подскочил к рыбине и принялся рвать ее.

Мы с матерью продолжали не отрываясь смотреть друг на друга. Потом я начала потихоньку, шаг за шагом, отступать к лесу.

– Меня зовут Острый Коготь, Убийца Туров, – сказала огромная кошка. Рык ее был таким низким и мощным, что у меня под лапами дрогнула земля. Он напоминал отдаленные раскаты грома. Я еще раз вгляделась в ее светлые с темными крапинками глаза, раздумывая, нападет она или нет. Ее пасть была короче, чем у волков, но острые и длинные, как медвежьи когти, клыки ходили вверх и вниз, когда она говорила. Тело зверя покрывал короткий светлый мех, а вдоль спины тянулся гребень из более густой и темной шерсти. Говорила кошка с большим достоинством, как Золото, но в ее устах это не выглядело смешно. Мне хотелось, чтобы она сказала что-нибудь еще, но она лишь молча уставилась на меня.

– Меня зовут Каала, – сообщила я. Мне хотелось добавить: «Я – Каала с Быстрой Реки из стаи Широкой Долины», но это было бы неправдой. – Я – Каала из Земли Ручьев.

– А я – Праннан из стаи Земли Ручьев, – раздался из-за моей спины писклявый голос. Праннан захватил с собой большую лосиную кость с внушительными кусками мяса. Я удивилась: как этот маленький волк сумел притащить из Каара такую тяжесть? Острый Коготь тоже удивленно посмотрела на низкорослого волка.

– Благодарю вас, Каала и Праннан из стаи Земли Ручьев. – Она произнесла это так, словно обращалась к котятам. Потом тон ее стал серьезным: – Я не знала, что волки носят свою добычу другим охотникам. Стая не будет возражать? – Она прищурила

свои светлые глаза. – Ваша человеческая стая не будет возражать?

– Каала – вожак стаи, – ответил Праннан. – Ей не надо спрашивать ничьего разрешения.

Острый Коготь покосилась на молодого волка.

– Вот как? – с плохо скрытой насмешкой поинтересовалась она.

Потом взглянула на своих котят, которые перебежали к лосиной кости, отодвинула их лапой с дороги, подошла к лососю и откусила половину рыбины, а затем отступила в сторону.

Я понимала, что мне надо вернуться в Каар до того, как люди обнаружат пропажу мяса и рыбы, но светлые глаза огромной кошки завораживали меня, и я не могла сдвинуться с места. Мне приходилось слышать рассказы о том, что длиннозубы часто подолгу смотрят в глаза жертве, и та засыпает под этим взглядом, после чего кошки легко убивают добычу. Меня обуял ужас, когда Острый Коготь направилась ко мне. Надо было сказать Праннану, чтобы он бежал в Каар, однако я потеряла дар речи. Острый Коготь сделала еще два шага ко мне, но я стояла, как зачарованный ее взглядом кролик.

Подойдя ко мне, она наклонилась и обдала своим горячим дыханием, которое пахло лососем. Мне следовало бы оскалиться, но я была так испугана, что тело отказывалось повиноваться. Кошка длиннозуба выдохнула и длинным языком слизнула с морды кусочки мяса.

– Ты помогла мне, юная бродячая волчица, – проговорила она, – и я помогу в ответ. Я скажу одну вещь, которую тебе надо хорошенько усвоить.

Я наконец обрела дар речи.

– Что именно? – шепотом спросила я.

Она улыбнулась, наверняка чувствуя мой страх.

– Вы можете пленить людей, – произнесла она. – Это можно сделать, и это уже не раз делали. Но чтобы преуспеть, вы должны кое от чего отказаться. От такой вещи, которая может оказаться слишком ценной, чтобы ею жертвовать.

– Откуда ты знаешь… – начала я, но Острый Коготь не дала договорить.

– Каждое существо, мозги которого работают лучше, чем у тура, знает, юная скиталица, о давнем желании волков заключить союз с людьми. Волки много раз пытались сделать это раньше. Если вам удастся заключить союз, то и вы, и люди станете намного сильнее, и из-за этого погибнет много других охотников. Возможно, все охотники. Многие скажут, что я должна была убить тебя, чтобы предотвратить это. Другие скажут, что я должна была убить тебя, потому что в противном случае люди вообще

уничтожат все, что движется. Мы голодаем, так как люди отнимают нашу добычу и убивают нас, когда обнаруживают. Но ты накормила моих котят, и я не стану тебя убивать. Мне следовало бы сделать это, когда я увидела тебя в первый раз, но тогда я не знала, что ты – *тот самый* волчий щенок.

Я была потрясена так, что снова онемела. Значит, другие охотники прекрасно знают о том, что мы собираемся сделать? Наверное, кошкам известны наши легенды.

Острый Коготь оскалила зубы – они оказались еще больше, чем я думала.

– Мы не понимаем людей так хорошо, как вы. Их стаи похожи на ваши. У вас в стае есть вожаки, их подручные и рядовые члены стаи. У нас такого нет. Мы тоже деремся за господствующее положение, но у нас проигрыш не воспринимается так легко, как у вас, – она посмотрела на Праннана. – Мы не миримся с подчиненным положением, как, например, этот волк.

Праннан склонил голову набок и посмотрел кошке в глаза.

– Я – часть стаи, – заявил он. – И не становлюсь слабым волком оттого, что я не вожак.

– Я говорю не о слабости, – возразила Острый Коготь, – а о том, что ты не будешь спорить, если на всю жизнь останешься рядовым членом стаи.

– Нет, не буду, – согласился Праннан, переводя взгляд то на меня, то на огромную кошку. – Я – представитель стаи и следую за своим вожаком.

Мне никогда не приходило в голову, что волк может отказаться от борьбы за положение в стае, хотя бы за положение подручного. Тревегг говорил, что Веррну устраивало положение подручной вожака, и только поэтому Рисса разрешила ей остаться в стае. Минн возмущался своей подчиненной ролью, но никогда не выказывал этого недовольства, если не считать того, что вымещал его на щенках.

– Ваши стаи действуют так успешно, потому что в них есть волки, согласные быть ведомыми. Мы, длиннозубы, не любим, когда нам велят что-то делать. – Острый Коготь коротко хохотнула, но потом снова посерьезнела. – Именно поэтому мы не выживем. Нас осталось очень мало. И не только нас. Почти исчезли степные львы и горные медведи. Крупные охотники не уживаются с людьми, даже ваши верховные волки. Куда приходят люди, там исчезает и крупная добыча. Поэтому мы и голодаем. Не думаю, что у моих детей будут котята.

– Я постараюсь принести вам еще еды, – сказала я, сама не зная зачем. Признаться, я не была уверена, что мне это нужно.

Острый Коготь втянула носом воздух и предостерегающе

зарычала. Она повела головой из стороны в сторону и энергично замахала хвостом. Потом большая кошка подбежала к котятам, схватила кость с остатками мяса и бросилась в лес. Котята побежали за ней. Праннан громко тявкнул, и в этот миг что-то тяжелое ударило меня в бок.

Я, зарычав, обернулась и увидела Давриана, стоявшего надо мной. Лицо человека было искажено яростью. В руке он держал зазубренное длинное лезвие из камня – Давриан не расставался с этим опасным орудием. Он замахнулся, чтобы еще раз ударить меня тупой стороной орудия, но ему помешали. В руку Давриана вцепились Тали и Ралзун. Тали пришлось повиснуть на нем всем своим весом. Рядом с Даврианом стояла Хесми. За ними виднелись подходившие люди. Аззуен бежал среди людей, стараясь не попадать на глаза Давриану, но и не убегал, чтобы при необходимости прийти мне на помощь.

Я прижала уши. Всего луну назад я бы по меньшей мере оскалила зубы, чтобы показать, что Давриан не имеет никакого права меня бить, но на этот раз смирила свой гнев и смотрела, что будут делать люди. Я пристально взглянула Давриану в глаза, и он испуганно отпрянул, хотя я не сдвинулась с места. С неба спустился Тлитоо и приземлился рядом со мной.

– Это неестественно, когда начинают дружить волк и саблезубый тигр, – едва сдерживая гнев, громко произнес Давриан. – Волки привели тигра в деревню. Так же, как носорога и бешеного волка. Из-за этого мальчик был ранен!

– Джалимин ранен? – спросила я ворона.

– Золото его поцарапал, – объяснил мне Аззуен из-за спин людей. – Не сильно, но следы когтей остались на руке.

Мне следовало быть внимательнее. Я думала, что Золото промахнулся.

– Это нельзя назвать естественным, – снова заговорил Давриан. – Насколько можно судить, теперь, вслед за волками, к нам в стойбище пожалуют медведи, тигры и львы – и перебьют всех.

Он гневно топнул ногой.

– Мы будем следить за волками, – неторопливо произнесла Хесми. Было видно, что она долго раздумывала, прежде чем принять решение. Размышляя, старейшина морщила лоб – точно так же, как Аззуен. – Возможно, это совпадение – то, что саблезубый тигр оказался сегодня в Кааре. Тигрята приходили и раньше, и Джалимин каждый раз их кормил. – Она повернулась и пошла в деревню. Тали бросила на меня тревожный взгляд и отправилась следом. За ними последовали и остальные.

Выходит, всякий раз, как мы добивались пусть даже

небольшого успеха, сразу же появлялись и новые неприятности. Не надо было нести мясо кошкам. Каждый раз, когда мы давали людям повод сомневаться в нас, путь к успеху становился труднее.

Аззуен подбежал ко мне и Праннану. Тлитоо укоризненно глянул на меня своими глазами-горошинами.

– Я знаю, что мне не следовало этого делать, – признала я, – но они были такие голодные.

Я пересказала им то, что сообщила Острый Коготь.

– Наверное, тебе и правда не стоило этого делать, – сказал Тлитоо, – но, может, и стоило. Мы многого не знаем.

Это было верно. Праннан нетерпеливо тявкнул.

– Я снова хочу есть, – заявил он.

– Почему ты не испугался Острого Когтя? – спросила я, проигнорировав его замечание.

Праннан посмотрел на меня так, словно ему приходилось объяснять очевидные вещи.

– Потому что ты пошла к ней, Каала. С тобой я чувствую себя в безопасности.

Я тяжело вздохнула.

– Никто из нас не может чувствовать себя в безопасности.

Он задумался.

– Да, все волки находятся под угрозой, – согласился он, – но мне все равно хотелось быть рядом с тобой, – он подставил мне нос, и я взяла его в пасть. После этого Праннан побежал за людьми.

– Нам всем хочется попытать счастья с тобой, Каала, – улыбнулся Аззуен. – Поэтому мы здесь.

Я взглянула на Аззуена, молодого сильного волка, который мог быть теперь настоящим сокровищем для любой стаи. Он был не глуп, далеко не глуп. Это самый умный волк из всех, кого я знала. Марра была бесстрашной и вполне могла сама повести за собой любую стаю, но и она решила быть с нами. Я не должна была становиться их вожаком, но раз уж они мне поверили, нужно действовать так, чтобы оправдать это доверие. Мне страшно захотелось поджать хвост и прижать уши, но я бодро подняла и то и другое.

– Идемте в Каар, – позвала я, придав голосу звучность и уверенность.

Тлитоо ухватил меня за ухо и сильно потянул.

– Не переигрывай, волчонок, – сказал он и улетел. Я рассмеялась, ткнула Аззуена в бок, и мы побежали в деревню.

Глава 21

Давриан все следующее утро ходил по стойбищу, заглядывал в дома и отрывал людей от еды, чтобы убедить: это мы виноваты в том, что тигренок поцарапал Джалимина. Он говорил, что мы, волки, приводим в деревню длиннозубов, горных медведей и бешеных волков. Большинство людей устало от его разглагольствований, тем более что солнце только взошло и было довольно холодно. Некоторые, правда, думали, что появление бешеного волка подтверждало нашу опасность для деревни, но большинство не были в этом уверены, особенно при ярком солнечном свете наступившего утра. Когда Тали и Брелан объявили, что хотят взять нас на охоту за мелкой дичью, Хесми взяла копье и собралась идти с нами. Рядом с ней припрыжку бежал Джалимин. Следом шли остальные охотники – взрослые и дети. Люди, как и волки, часто берут детей на безопасную охоту, чтобы те усваивали правила. Ралзун, наблюдая за сборами людей, одобрительно кивнул мне, поднял копье и пронзительно свистнул. Я радостно тявкнула в ответ. До Равноденствия оставалась четверть луны, и еще несколько удачных охот могли бы закрепить наш успех.

– Они распугают всю дичь, – усмехнулась Лаллна.

– Тогда мы поохотимся на что-нибудь покрупнее, – ответила я. – Собственно, тебе не обязательно идти с нами.

– У меня задание – следить за вами, – заявила Лаллна, задрав нос. Она, правда, не стала говорить, что позволила двум людям погладить себя в тот вечер, когда убила недоволка. Эти люди тоже шли на охоту. Я улыбнулась. Ей самой начали нравиться люди. Мимо пролетел Тлитоо и клюнул Лаллну в хвост. Она взвизгнула и отбежала в сторону.

Дичи мы не нашли, но люди в течение нескольких часов вели нас от Каара к вершине отвесной скалы.

Они подошли к самому краю обрыва и заглянули вниз. В желудке у меня заурчало от сильного запаха копченого мяса.

Ко мне подбежала Тали. Она наклонилась, чтобы меня погладить, но тотчас выпрямилась и закашляла.

– Хесми права. От тебя и правда очень плохо пахнет, – она отступила на несколько шагов. – Инимин повесил здесь на веревках мясо, чтобы его не съели горные медведи. Но веревка почти перетерлась, и мы не можем достать мясо.

Я не поняла, о чем она. Люди часто применяли свои орудия совершенно загадочным и непостижимым для меня способом. Аззуен, подрагивая ушами, тоже заглянул в пропасть. Я легла на

краю скалы рядом с ним. Над озером, на высоте в сорок волчьих корпусов, на веревке висел мешок, сделанный из лошадиной шкуры. До самой воды крутой спуск был покрыт острыми каменными выступами. Тлитоо опустился на один из этих выступов, задрал голову и посмотрел на мешок.

Несколько человек, опасливо перегнувшись через край скалы, старались дотянуться до мешка. Одна молодая женщина взяла в руку длинную палку, к которой под углом привязала другие палки, и попыталась этим приспособлением подцепить мешок.

– Мешок был привязан к скале, – сказал Аззуен, глядя на острый выступ под самым краем утеса. – Веревка перетерлась, – он любил повторять человеческие слова, – и теперь, если они попытаются за нее потянуть, она оборвется, и мясо упадет на острые выступы, а люди не смогут его достать.

Я переводила взгляд с мешка на скалу и обратно. Я ничего не поняла, но поверила Аззуену. Он озабоченно урчал. Один из мужчин подхватил женщину за ноги и опустил с края утеса, а она снова попыталась подцепить мешок скрепленными палками, но лишь еще больше раскачала его. В веревке перетерлось еще несколько гибких прутьев, и мешок соскользнул ниже. Люди отошли от края.

– Можно обвязать кого-нибудь веревкой и спустить за мешком, – предложил Инимин, выразительно глянув на Тали.

– Можно сбросить мешок Томину и Ларами, – хрипло возразил Ралзун, стоявший у меня за спиной. – Это безопаснее.

Я снова заглянула в пропасть и увидела, что два человека уже спустились на берег озера на дне пропасти.

– Мешок застрянет на склоне, – озабоченно нахмурившись, произнес Брелан. Он взял петлю на длинной веревке, перегнулся через край и постарался набросить петлю на мешок. Но ему это не удалось, а сам он скользнул вниз, едва не сорвавшись в пропасть. Аззуен тявкнул, несколько человек бросились к Брелану и, ругаясь, схватили его за руки и оттащили от края.

– Не вздумай сделать это еще раз! – воскликнула Тали.

К краю пропасти подползли несколько детей. Один из мальчиков покосился на Хесми. Она стояла спиной к нему. Мальчик был еще слишком юным, чтобы называться настоящим охотником, но достаточно большим, чтобы попытаться доказать свою самостоятельность и проявить удаль. Он плюхнулся на живот на самом краю скалы. Несколько человек закричали от ужаса. Ребенок стремительно пополз вперед, стараясь дотянуться до разлохматившейся веревки.

Ралзун пнул меня ногой в зад.

– Чего ты ждешь? – хрипло спросил он.

Я рванулась вперед, ухватила ребенка за сапожок. Мальчик вскрикнул от неожиданности, оглянулся и уставился на меня широко раскрытыми от изумления глазами, когда я потащила его от края скалы.

Крики перешли в громкий смех. Я обернулась и увидела, что люди улыбаются, глядя на меня. Хесми одобрительно наклонила голову, как делала Рисса, когда хотела похвалить нас за поступки, предотвращавшие неприятности. Ралзун хитро ухмыльнулся.

Я гордо подняла и распушила хвост. Все же мало-помалу люди начинали относиться к нам как к членам своей стаи. Я взглянула на Тали, чтобы проверить, заметила ли она мою удачу, но девушка с тревогой смотрела на Брелана. Он же до сих пор, хмурясь, гипнотизировал взглядом мешок.

– Я смогу его достать, – тихо сказал он.

– Ты уже пробовал, – огрызнулась Тали, – и чуть не упал.

Аззуен внимательно глядел на своего человека, который снова решительно шагнул к пропасти. Все, что было дальше, произошло так быстро, что я не смогла бы остановить Аззуена, даже если бы угадала его намерение. Волк спрыгнул со скалы и приземлился передними лапами на мешок, схватившись зубами за веревку.

Я завыла, а Брелан громко вскрикнул. В животе у меня завязался тугой комок. Аззуен, держась зубами за веревку, раскачивался над озером. Передними лапами он продолжал стоять на мешке, а задними скреб по нему, перекусывая перетершуюся веревку. Она наконец окончательно порвалась, и Аззуен вместе с мешком рухнул вниз. Я в ужасе глянула вниз, ожидая, что Аззуен вот-вот налетит на острые выступы, но он точно рассчитал падение и вместе с мясом плюхнулся в озеро.

Мешок и волк скрылись под водой. Потом Аззуен вынырнул и поплыл к берегу, таща за собой мешок. Двое людей прыгнули в воду, подбежали к волку и взяли мешок. Когда Аззуен, барахтаясь, попытался вылезти на берег, люди подхватили его за холку и помогли выбраться из воды.

Брелан уже спускался вниз по узкой извилистой тропинке к озеру, и я едва не сбила его с ног, кубарем скатившись по этой же дорожке. Тем временем люди открыли мешок, чтобы проверить, цело ли его содержимое. Аззуен, улыбаясь, смотрел на них.

– Ты думаешь, что делаешь? – напустилась я на Аззуена. – Ты же мог погибнуть!

– Я бы упал в озеро с мешком или без мешка, – ответил он. – Я точно рассчитал угол прыжка и знал, что со мной ничего не случится.

Лаллна подбежала к Аззуену и с таким восторгом ткнула его

в бок, что едва не свалила с ног.

– Как умно ты все сделал! – шумно восхитилась она. – Это самый лучший охотничий трюк, который я только видела! – От избытка чувств она лизнула Аззуена в голову.

– Ты не мог наверняка знать, что упадешь в озеро! – продолжала бушевать я. – Ты мог поскользнуться, потерять равновесие и упасть на скалу! – Я так разволновалась, что даже охрипла.

Лаллна глянула сначала на меня, потом на Аззуена, и уши ее дрогнули. Она пошла прочь, отвернувшись слишком поздно, чтобы я не успела заметить ее лукавую улыбку. Тлитоо спустился на землю рядом с ней.

– Ты сама все время рискуешь, Каала, – заметил Аззуен. Его большие глаза в упор смотрели на меня из-под мокрой шерсти.

Это совсем другое, хотела сказать я, но промолчала и опустила голову, уставившись на свои лапы. Я понимала, что ни за что не смогу завоевать расположение людей без его умных идей, его живого ума. Я подняла голову, чтобы сказать все, что думаю, но от его взгляда у меня перехватило дыхание.

Аззуен не преследовал меня, как Пелл. Он не говорил ни о щенках, ни о спаривании, но, глядя в его серебристые глаза, я увидела в них такую теплоту, такую нежность, что забыла о людях и лукавой улыбке Лаллны.

Аззуен заговорил тихо и очень нежно:

– Знаешь, я всегда хотел, чтобы ты стала моей спутницей. Я не говорил об этом, поскольку понимал, что ты не была к этому готова, Каала. Я знаю, что прежде всего тебе нужно добиться успеха с людьми. Но я всегда хотел быть с тобой, с того дня, как ты помогла мне в логове получить молоко Риссы. – Он гордо поднял голову. – Я ждал десять лун, но могу ждать долго. В следующем году, когда мы победим, когда окажемся в безопасности, мы сможем основать новую стаю в Земле Ручьев, которую показала тебе Нееса.

Раньше я не могла понять, как волк чувствует, что другой волк должен стать его другом или подругой. Глядя на Рууко и Риссу, я не могла взять в толк, как могли два таких разных волка соединиться и успешно вести за собой стаю. Я думала, что поиск партнера в чем-то сродни охоте с ее опасностями и превратностями, но оказалось, это далеко не так. Оказалось, это похоже на глоток воды из прозрачного чистого ручья в момент невыносимой жажды или возможность прилечь на теплую землю после утомительной дороги.

Я положила голову на шею Аззуена и притянула его к себе.

Тлитоо предостерегающе каркнул, через мгновение кусты

зашуршали, и на тропинку вышел Пелл. В его прищуренных глазах я заметила разочарование и страдание. Я отошла от Аззуена. Мне не хотелось причинять Пеллу лишнюю боль.

– Значит, ты все-таки выбрала его? – спросил Пелл.

Лаллна удивила меня. Она посмотрела на нас троих и скромно удалилась. Тлитоо остался, тихо ворча себе что-то под клюв.

Я взглянула в глаза Пеллу. Мне не хотелось ему лгать.

– Да, – призналась я и сразу же поняла, что пути назад нет. Аззуен тявкнул от радости, но я не отрывала взгляда от Пелла. – Ты уйдешь?

Пелл был сильный волк и отменный боец. Он был мне нужен.

– Я не нарушу своего слова, – ответил он. – Я обещал тебе помогать и сдержу слово. Но я хочу ненадолго вернуться в Широкую Долину, посмотреть, что с Маррой. – Он неловко потоптался на мягкой земле. – Пока ты прекрасно обойдешься без меня, а я, разузнав, что делается дома, вернусь назад. Если я тебе понадоблюсь, ты можешь прислать за мной кого-нибудь из воронов.

Я открыла пасть, чтобы возразить.

– Пусть он идет, Каала, – негромко сказал Аззуен. – На его месте я бы сделал то же самое, – он посмотрел Пеллу в глаза. – Скажи Рууко, что здесь появились маленькие волки, пытающиеся завоевать людей. За ними надо последить.

Пелл взглянул на Аззуена, но ничего не ответил. Потом легонько куснул меня в нос и исчез в лесу.

Я смотрела ему вслед, и меня терзали сомнения. Я привыкла полагаться на силу и знания Пелла. Теперь же мы с Аззуеном остались одни…

Появился Брелан и восхищенно ткнул Аззуена в бок. Вокруг нас собрались и другие люди, похлопывая Аззуена по спине и поглаживая его мокрый мех. Один из людей даже поднял его на руках, а потом аккуратно опустил на землю. Тлитоо, раздраженно каркнув, взлетел в воздух и унесся, громко хлопая крыльями.

Рядом со мной присела на корточки Тали.

– Все только и говорят, как им нравишься ты и Аззуен.

Она крепко меня обняла, а я лизнула ее в лицо.

– Слушай, ты до сих пор чем-то пахнешь, – она легонько оттолкнула меня. Аззуен, окруженный восхищенными людьми, поймал мой взгляд и улыбнулся.

Люди длинной цепью расположились на берегу реки, завтракая и греясь на солнышке. Лаллна спала, опустив задние лапы в воду, а грудью лежа на берегу. Аззуен устроился рядом с Бреланом и Тали.

Я тоже улеглась между Аззуеном и Тали. Вокруг нас расположились еще три человека. Сердце мое билось сильно и часто. Мы были очень близки к успеху. Через четверть луны у людей будет праздник, и казалось, что у Тали становится все больше шансов победить. Нам предстояло еще немало поработать, чтобы внушить людям, что они тоже часть природы, но зато Стражи оставят нас в живых и не станут мешать, а значит, времени у нас будет вдосталь. Кроме того, со мной была любовь Аззуена, он хотел быть рядом и основать новую стаю, нашу стаю. Он похрапывал вблизи, и я, не выдержав наплыва чувств, лизнула его мягкий мех.

На фоне тихих разговоров отдыхающих людей послышался громкий и пронзительный голос Давриана. Он подошел к Инимину и о чем-то шепотом с ним заговорил. Инимин нахмурился и посмотрел на меня. Нет, они не успокоятся – наоборот, теперь они преисполнились еще большей решимости остановить меня, а Давриан не знает пощады. Милсиндра тоже не отстанет, и сделает все, чтобы мы потерпели неудачу. Теперь, когда Пелл ушел, я потеряла сильного союзника. Сколько еще ловушек может нас подстерегать!

Я встала и решила пробежаться вдоль берега, чтобы устать и попытаться уснуть.

Откуда-то издалека я уловила волчий запах. Он немного отличался от нашего. Это был запах скорее щенка, чем взрослого волка. Теперь этот запах был для меня навсегда связан с недоволками. Навдру сказал, что я в такой же степени склонна к дружбе с недоволками, как и к борьбе с ними, а Милсиндра сделает все, чтобы убедить Стражей в том, что я больше верна людям, чем волкам. Все вместе они могут решить, что мы представляем большую угрозу волчьему роду. Я могла потерять Аззуена, как и Тали. Я заставила себя остановиться и подумать. Если я скажу Навдру, что обнаружила недоволков далеко от их места сбора, то – если он мне поверит – смогу убедить его в своей верности волкам. Мне нужен был свидетель, который подтвердил бы, что я чую запах.

Я оглянулась на Аззуена. Он спал в окружении нескольких человек, и я не смогла бы его разбудить, не потревожив людей. Ралзун лежал спиной на плоском камне и громко храпел, подставив лицо солнцу. Но будить его было бесполезно, так как его обоняние нисколько не лучше, чем у остальных людей.

Лаллна спала у озера. Это был шанс. Навдру доверяет ей, а она сама в последнее время вела себя скорее как союзник, а не соперник.

Я, сдерживая нетерпение, подошла к ней и разбудила,

ткнувшись носом ей в морду.

– Где-то поблизости бродят недоволки, – сообщила я. – Ты не чуешь их запах?

Лаллна подняла голову, дважды втянула ноздрями воздух, потом улыбнулась, вскочила на лапы и побежала на запах.

Я несколько мгновений смотрела ей вслед, а потом потрусила за ней.

Мне хотелось сначала поговорить с Лаллной о недоволках и пойти вместе с ней к Стражам, чтобы знать, что она расскажет им. Однако следовало знать Лаллну: эта волчица не отличалась терпеливостью. Я стремглав мчалась вслед за ней на запах недоволков. По мере усиления запаха меня охватывало все большее беспокойство. Было в нем что-то тревожное.

– Не будь трусихой, – сказала я себе вполголоса. – Вожак стаи не должен бояться таких вещей.

– Разговариваешь сама с собой, волчица? – насмешливо обронил Тлитоо, летевший вслед за мной.

Я куснула воздух под его крыльями. В этот момент я услышала, как Лаллна трижды отрывисто пролаяла. Подождав несколько секунд, она снова пролаяла три раза. Я ускорила бег, но потом резко остановилась. Волчий запах был смешан с запахом незнакомых людей. Я не могла сразу его различить, так как он перебивался запахом наших людей у озера.

Я неторопливо потрусила дальше до опушки леса – зарослей вязов, берез и шалфея. В Широкой Долине большая часть лесов состояла из деревьев, которые на зиму сбрасывали листву. Теперь же на ветвях набухли почки, а это означало, что скоро наступит время для принятия решений людьми и Стражами. Дойдя до березовой рощи, я легла на брюхо и стала продвигаться ползком. Прямо за рощей располагалась обширная, голая равнина, на которой не росла даже трава. Запах доносился оттуда.

Лаллну я обнаружила на краю пустоши и легла рядом с ней. Неподалеку уселся Тлитоо. Лаллна набрала в грудь воздух, чтобы залаять еще раз.

– Подожди! – резко сказала я.

– Почему я должна ждать? – Лаллна покосилась на меня. – Недоволки не обратят внимания на лай. Поэтому Навдру велел мне лаять, а не выть, если я обнаружу их с людьми. Это наш сигнал.

Потому что Стражи убьют недоволков, если увидят их здесь, хотелось ответить мне. Но она и сама это понимала. Однако, если бы я сказала, что не хочу, чтобы маленьких волков убивали, Лаллна доложила бы об этом Навдру и Йилдре.

Лаллна пролаяла сигнал и уселась на задние лапы. Я

продолжала лежать рядом, всей душой надеясь, что недоволки успеют уйти до прихода Стражей.

Недоволки и люди отдыхали на равнине так же, как делали это в деревне, показанной мне Тлитоо в Инехалине. Дети, словно щенки, играли с недоволками, а взрослые мирно спали, лежа на земле. Ни один человек не выказывал страха или подозрительности, с которыми нам ежечасно приходилось сталкиваться в Кааре. Нас любили только дети. Несколько недоволков лежали на спине, подставив животы людям, которые гладили их мех.

Я очень хотела оказаться там, вместе с недоволками и не боявшимися их людьми. Мне была невыносима сама мысль о том, что придут Стражи и убьют этих маленьких волков. Если бы мне удалось посмотреть в глаза хотя бы одному из них, я бы дала ему знать, что всей их стае надо немедленно уходить. Я поползла вперед, но Лаллна тут же положила мне лапу на спину.

– Куда это ты собралась? – спросила она.

Я тупо уставилась на нее.

– Хочу посмотреть на них поближе, – ответила я после слишком длинной паузы.

Лаллна насмешливо прищурилась.

– Если они тебя увидят, то убегут, – с этими словами она сильно прижала меня к земле. – Мы будем лежать тихо и ждать прихода Стражей.

Я легко могла бы сбросить со спины ее лапу – в сваре я уже однажды побеждала ее. Но тогда Лаллна поймет, что мне не безразличны недоволки, и скажет, что я предпочла их настоящим волкам.

– Ты должна остаться на месте, волчица, – шепнул мне на ухо Тлитоо. – Должна, понимаешь?

Я не хотела, чтобы маленьких волков убили. Но если бы я предупредила их об опасности, то подвергла бы риску все наше дело. Я отползла назад, и Лаллна убрала лапу с моей спины.

– Если Навдру и Йилдра не успеют прийти вовремя, мы расскажем им, что видели, – заявила она. – Таким образом, недоволки не узнают, что мы их заметили.

Маленький, меньше Праннана, недоволк подполз на брюхе к одному из людей, и меня вдруг охватила неописуемая ярость. Мы так тяжело трудились, чтобы исполнить Обет, а эти недоделанные твари угрожают всему нашему делу! На секунду мне показалось, что Стражи, наверное, правы. В следующее мгновение маленькая девочка обвила руками недоволка и залилась счастливым смехом. Эта девочка напомнила мне Тали. Мой гнев испарился так же быстро, как и возник, и мне стало стыдно. Маленькие волки не

сделали ничего дурного. Они просто любили людей, как я любила Тали. Когда я была щенком, мне говорили, что нельзя ходить к людям, но меня все равно тянуло к ним. Я не могла винить маленьких волков за такую же любовь к людям, какую я испытывала сама.

Солнце начало клониться к закату. Люди поднялись, собрали свои котомки, взяли в руки копья и ушли. Маленькие волки провожали их взглядами. Теперь они были спасены.

Но в этот момент их атаковали Стражи. Они пришли с подветренной стороны, и я не учуяла их. Их было восемь, включая Милсиндру, Навдру и Йилдру. Они ворвались на равнину, накинулись на маленьких волков и принялись рвать их на части. Недоволки не имели никаких шансов против Стражей и погибали, как зайцы.

Лаллна перепрыгнула через меня и тоже бросилась к этому побоищу, чтобы принять в нем участие. Я пришла в ужас, глядя, как верховные убивают маленьких беззащитных волков.

– Я ничем не могу им помочь, волчица, – произнес Тлитоо. – Злюковолки знают, что мы с тобой заодно.

Он виновато опустил голову между крыльями.

Я совершила роковую ошибку, сообщив Лаллне о недоволках. Не стоило такой ценой добиваться расположения Стражей!

Прямо на меня бежали два недоволка. Увидев меня, они резко остановились, прижав уши и широко раскрыв глаза.

– Сюда! – крикнула я им. Они продолжали стоять и молча смотреть на меня. Я заговорила с ними строго и властно, как вожак стаи: – Следуйте за мной, живо!

Не ожидая ответа, я повернулась и бросилась бежать. За спиной я услышала частый топот лап. Увидев густой кустарник, я заползла под него. Два недоволка последовали за мной.

Остановившись, я обернулась и посмотрела на них. Они часто моргали, глядя на меня и ожидая, что я скажу, что делать дальше.

– Почему вы были с людьми? – спросила я. Вой и лай с места свалки заставляли меня говорить громко.

– Потому что таково наше предназначение, – ответила волчица. – Мы должны быть с ними, это наша роль, – она говорила с большим достоинством. – Мы нужны им, они наши друзья, они – наша стая.

В ее голосе не было сомнений, не было внутреннего конфликта, который мучил меня. Эта волчица не казалась слабой или глупой. Она была исполнена гордости и внутренней стойкости.

Так же, как Гаанин, они выглядели как нечто среднее между настоящими волками и теми уродцами, которых Тлитоо показал

мне в Инехалине. Я невольно вспомнила, как мирно выглядела та деревня. Но она была разрушена из-за утраты связи ее обитателей с природой и превратилась в Пустошь.

– Вы не имеете права просто быть с людьми, – я старалась не поддаваться страху, слыша крики умирающих волков. Оба недоволка передо мной дрожали от ужаса. У меня вдруг – в который раз – возникло острое желание уберечь их, как маленьких щенков.

– Вы должны одновременно оставаться дикими. Это часть Обета. В противном случае люди уничтожат всю природу.

Волки озадаченно смотрели на меня. Было очевидно, что они не понимали, о чем речь.

Я услышала, как к кустам подбежал какой-то волк и принялся продираться сквозь них. Гаанин – это был он – просунул нос под ветки и подполз к нам.

– Спасибо тебе за то, что спрятала Белоснежку и Куцехвоста, Каала, – сказал он, коснувшись носом моей щеки. Я поморщилась. Такими именами в стае обычно награждали маленьких щенят, а оба волка были моего возраста. Воздух рвался от криков раздираемых на части волков. Гаанин вздрогнул.

– Им нельзя быть с людьми! – воскликнула я. – Ты не должен пускать их к людям, или Стражи уничтожат всю твою стаю.

– Я не могу не пускать их к людям, Каала, как и ваши вожаки не могли помешать вам ходить к людям в Широкой Долине! А ведь мы привязаны к ним больше, чем вы.

Я не понимала, как такое могло быть.

– Но ведь твои волки не понимают, что надо оставаться дикими, они не знают, что такое Обет.

Гаанин нервно облизнулся. Он словно не мог решить, стоит ли говорить со мной дальше. Откуда-то сзади предостерегающе каркнул Тлитоо. Гаанин насторожился, подняв уши.

– Они идут сюда. Ты должна прийти ко мне, Каала. Я уже просил тебя об этом. Ты уверена, будто знаешь, что делаешь, но есть много вещей, которых ты не понимаешь, – он горестно тявкнул. – К тому же сейчас у нас нет времени.

Я слышала приближение тяжелых шагов. Это были верховные. Стражи убьют не только недоволков, если увидят их; они убьют и меня за помощь им. Гаанин прислушался, помедлил одно мгновение, потом отрывисто отдал команду двум своим волкам.

– Нападайте! – крикнул он, и все три волка бросились на меня. Белоснежка укусила меня в плечо, Куцехвост вцепился в заднюю лапу, а Гаанин прошелся когтями по моему животу. Потом все трое опрометью кинулись в кусты, пролетели мимо

Лаллны и Навдру и исчезли в густом лесу. Я поползла за ними.

Лаллна посмотрела на мои кровоточащие раны на морде и задней лапе.

– Ты пыталась драться с тремя тухловолками? – спросила она. – Нельзя делать это в одиночку. Они отважные бойцы, хотя и выглядят как щенки.

– Спасибо, что позвали нас, – сказал Навдру. Он посмотрел на мое искаженное ужасом лицо и дружелюбно свистнул. – Я понимаю, очень тяжело смотреть, как погибают такие волки, как они, а ты – молодая, впечатлительная волчица. Но пойми, у нас не было иного выбора, Каала. Или мы, или они.

Он одобрительно взглянул на меня и лизнул в голову. Потом они с Лаллной побежали на территорию Стражей.

Дрожа, я вышла из кустов и взглянула на равнину. Некоторым недоволкам удалось вырваться и убежать, но у большинства это не получилось. Я разглядела не меньше десяти мертвых тел, неподвижно лежавших на земле. Так погибает наша добыча, чтобы мы могли жить. Слабые волки погибают, чтобы выжили сильные. Казалось бы, здесь нет никакой разницы, но я чувствовала, что она все же была. Я вспомнила своих братьев и сестер, убитых Рууко, когда нам исполнилось всего четыре недели. Недоволки равнины были похожи на них, и их тоже убили из-за меня. Тлитоо, подпрыгивая, ходил передо мной, ожидая, что я скажу.

Я встряхнулась. Навдру сказал, что погибнуть должны либо мы, либо они. Нет, это будем не мы.

Солнце опустилось уже к самому горизонту, когда я вернулась к озеру. Я хотела рассказать Аззуену о том, что случилось, но меня позвала Тали.

– Хесми говорит, что волки – это самое лучшее приобретение племени за все последнее время, – прошептала она. – Она говорит, что если я приведу еще волков, то это будет большим благом для нас. Она считает, что нам пора возродить древний обычай.

Тали обняла меня и побежала к людям, которые собирали вещи и паковали мешки.

Я заметила, что Ралзун внимательно на меня смотрит. Я понимала, что надо рассказать ему о недоволках, но мне не хотелось признаваться, как я участвовала в их убийстве. Не хотелось, чтобы он подумал, что я ничем не лучше верховных и готова на убийство ради достижения своей цели. Я отвернулась и побежала вслед за Тали.

В стойбище мы вернулись уже затемно. Люди расположились вокруг костров. Я уже поняла, что для того чтобы сохранить хорошее зрение и способность видеть в темноте, не надо смотреть на яркое пламя. Хесми, удобно расположившись у огня, ела жареное носорожье мясо. Ралзун устроился рядом, обгладывая кость. Недалеко от них на корточках сидели Давриан и Инимин.

– Решение еще не принято, Давриан, – сказала Хесми, – но девочка представила очень убедительные доказательства. Я не вижу причин что-либо менять. Если что-то пойдет не так, мы сможем все изменить на будущий год.

Ралзун улыбнулся Давриану, но промолчал.

– Причина есть! – воскликнул Давриан. – Тали околдовала тебя, как ее бабка околдовала целое племя в Широкой Долине, а потом волки начали убивать людей. В следующем году будет уже поздно!

По крайней мере, для него. Когда Тали станет крианой, она сумеет убедить в своей правоте всех жителей деревни и привлечет их на нашу сторону.

– Ты все время говоришь одно и то же, – заметила Хесми, – но ни разу не привел ни одного доказательства.

– Какое доказательство тебе нужно? – спросил Инимин. – Ты хочешь увидеть, как вся деревня вымрет от волчьего коварства?

– До праздника Равноденствия осталось шесть дней, – сухо и по-деловому заявил Давриан. – Мы докажем вам, что волки опасны.

У меня дрогнули уши. В спорах Давриан обычно терял самообладание, и его спокойствие меня насторожило. Интересно, что он задумал?

– Докажи, – сказала Хесми, теряя терпение. – Но, прошу тебя, прекрати эту пустую болтовню и дай мне спокойно поесть.

Инимин нахмурился и уже открыл было рот, чтобы заговорить, но Давриан, шепнув ему что-то на ухо, увел его от костра в лес. Я тихо последовала за ними в чащу. Мужчины остановились у замшелого камня и уселись на него. Я спряталась за тисовыми деревьями – так, чтобы слышать их разговор и чтобы они не смогли меня заметить.

– Они хотят возродить древние обычаи, – дрогнувшим голосом заговорил Инимин. – Это совершенно ясно. Как только девчонка станет крианой, нам будет трудно что-то изменить.

– Мы действуем слишком робко, – сказал Давриан.

Он приподнялся и оглянулся, всматриваясь в темноту, будто мог что-то разглядеть своими подслеповатыми человеческими глазами. Потом снова сел и жарко зашептал Инимину:

– Для начала нам надо избавиться от нескольких волков. Я

расскажу тебе, как мы это сделаем. Потом мы сможем убедить Хесми в том, что волки действительно опасны. Но нам потребуется помощь, если мы хотим успеть вовремя.

Он улыбнулся Инимину.

– Кому, по-твоему, мы можем доверять?

Глава 22

Тучи закрывали полумесяц луны, и ночь была очень темной. Я непрерывно следила за Даврианом в течение двух дней после того, как он шептался в лесу с Инимином. Несколько раз я видела, как он собирает вокруг себя людей и рассказывает, что Тали и Ралзун были нами околдованы, что из-за нас они обезумели, что у нас ядовитые зубы, как у бешеных волков, и что ночью мы можем взглядом свести человека с ума. Некоторые внимательно слушали Давриана, но большинство смеялось над его россказнями. Я подумала: если это план Давриана, то мне не о чем беспокоиться. Прошло две ночи после того, как мы достали мешок с мясом. Я успокоилась и перестала так тщательно следить за Даврианом.

Перестал следить за ним и Ралзун. Однажды старый криан подошел ко мне с улыбкой на морщинистом лице.

– Никогда бы не подумал, что у тебя все так быстро получится, – сказал он. – Я полагал, тебе потребуется больше помощи.

Польщенная похвалой старика, я с чувством лизнула его руку.

– Я собираюсь в деревню крианов, – продолжил он. – Настало время выйти из тени. Надо подготовиться к приходу в Каар после праздника, – улыбка старика стала шире. – Для меня будет большим удовольствием сказать Инимину, что он проиграл.

Он резко, как обычно, поклонился и быстрым шагом покинул стойбище. Мы оба недооценили силу человеческого страха. Темнота делает людей робкими. Я заметила, что люди больше всего насторожены ночью, когда слабое зрение делает их наиболее уязвимыми. Давриан и Инимин тоже хорошо это понимали.

Единственное, что сделал Аззуен, – это пришел в деревню, чтобы найти меня. Я лежала возле костра. Аззуен заметил меня и подбежал, чтобы улечься рядом.

Давриан закричал что-то предостерегающее, потом встал и метнул копье в Аззуена, но волк ловко увернулся. Давриан и с ним еще три человека бросились к нам с поднятыми копьями. Мы не стали ждать, что из этого выйдет, и опрометью помчались в лесную чащу. Поняв, что нас никто не преследует, мы осторожно вернулись и залегли в кустах, чтобы посмотреть, что происходит в деревне.

Давриан стоял на поляне, скрестив руки на груди. Инимин – рядом с ним, держа копье так, словно был готов в любой момент

защитить Давриана.

К ним подошла Хесми, ведя за руку Тали.

– Что здесь происходит? – спросила она, отпустив руку девушки.

Давриан заговорил сдавленным от притворного страха голосом, но пахло от него лишь волнением и упрямством.

– Это был оборотень, – шепотом произнес он.

– Кто? – недоверчиво переспросила Хесми.

– Оборотень, существо, которое может превращаться из волка в человека и из человека в волка. Я уже говорил тебе об этом, когда мы видели бешеного волка. Брелан и его волк превратились в одно существо! Скоро они превратятся в такого же бешеного волка, как тот, который хотел напасть на нас!

– Какая чушь! – воскликнула Тали, оскалив зубы и звонко расхохотавшись. Ее смех разнесся по спящей деревне.

– Если это чушь, то скажи, где Брелан? Если он не этот волк, то где он?

– Не знаю, – ответила Тали, – может быть, на охоте?

– Ночью? – с вызовом поинтересовался Инимин.

– Такое однажды случилось у нас в Широкой Долине, – заметил Давриан. – Если оборотень укусит человека, то произойдет одно из трех: либо он взбесится, либо превратится в оборотня, либо умрет.

Хесми снова недоверчиво покачала головой.

– Никогда не слыхала о таких вещах, – сказала она, но в ее голосе не было полной уверенности.

Я не верила своим ушам. Мне казалось невероятным, что Хесми всерьез воспримет весь этот вздор. Ралзун говорил, что люди боятся ночи, потому что почти ничего не видят в темноте. Наверное, поэтому по ночам им чудятся разные чудовища. Я хотела поискать старика, но вспомнила, что он ушел в племя крианов. Кроме того, в Кааре той ночью не было многих из тех, кто доверял нам. Давриан хорошо рассчитал момент.

В этот миг на полянку выбежали Праннан и Амма. Я привстала на задние лапы, готовая броситься им на помощь. Однако в этот момент Джалимин издал радостный вопль и кинулся навстречу волкам. Праннан нес в зубах кусок жареного мяса, и Джалимин взял его. Несколько человек подняли было копья, увидев Праннана и Амму, но теперь они, опустив копья, улыбались.

– Волки принесли мне еду, – совершенно отчетливо произнес Джалимин. Он улыбнулся и положил голову на шею Праннану.

Лицо Хесми смягчилось.

– Они сделали для нас много, помимо того, что помогали на

охоте, – произнесла она. – Они стали почти членами рода. Я не могу поверить, что от них исходит угроза.

– Легенды рассказывают, что волки – наши друзья, – вставила Тали. – Люди становятся лучше, живя с волками.

– До тех пор, пока волки не начинают убивать их во сне, – буркнул Давриан.

– Мы примем это во внимание. – Хесми кивнула Давриану и обернулась к внуку. Было понятно, что разговор с Даврианом окончен.

Я решила, что он сейчас вспылит, но он лишь улыбнулся Хесми и зашагал прочь.

Я начала было выползать из кустов.

– Подожди, Каала, – задержал меня Аззуен. – Посмотри, как встревожены люди.

Я замерла на месте. На поляне в разных местах по-прежнему кучковались небольшие группы людей. Они перешептывались, лица их были напряжены, плечи неестественно приподняты. Среди них я увидела того мужчину, который бросил в меня палку после того, как мы увидели бешеного волка. Над деревней витал запах страха.

– Он хочет держать их в страхе до своей победы, – мрачно произнес Аззуен.

– У него мало времени, – возразила я. – До Равноденствия осталось совсем немного, а Хесми не верит в его россказни.

Мы дождались, когда люди мало-помалу успокоились, как можно тише выбрались из нашего укрытия и вошли в деревню. Дружки Давриана принялись перешептываться и показывать на нас пальцами, но остальные люди не обращали на это внимания. Около одного из костров, свернувшись калачиком, лежала Тали. Я подошла к ней и устроилась рядом. С другой стороны от меня прилег Аззуен. Давриан с вызовом посмотрел на меня, и я, не отведя взгляд, оскалила зубы. Человек отвернулся, не выдержав этого состязания. Удовлетворенно вздохнув, я поудобнее улеглась возле Тали, наслаждаясь теплом человеческого костра.

Утром я проснулась от шума и запахов суеты людей, готовившихся к новому дню. Где-то недалеко лежало мясо, и его запах нестерпимо щекотал мне ноздри. От голода заурчало в животе. Я растолкала Аззуена, и мы пошли на запах к самой теплой уютной маленькой полянке на краю деревни. Люди – расточительные существа и часто выбрасывают кости с большими кусками хорошего мяса. Но все же я никак не ожидала, что на краю полянки мы обнаружим целую гору отличного жареного лосиного мяса. Мясо оказалось не очень свежее. Я вспомнила, что

этот лось был убит несколько дней назад, а люди не любят есть старое, с душком мясо, если хорошенько его не закоптят. Наверное, поэтому они и решили оставить эту лосятину нам.

Я подбежала к мясу, но замерла на месте. В запахе мяса была какая-то отвратительная примесь.

– Не ешь его, Каала, – предостерег Аззуен.

– Да, я знаю, – я принюхалась. От мяса отчетливо пахло листьями горечи – растения столь ядовитого, что от одного съеденного листочка волк мог тяжело заболеть. Если же съесть несколько листьев, то можно и умереть. Кто-то затолкал в лосятину множество листьев горечи. Присутствовал здесь и другой сильный запах – Давриана. Я сразу вспомнила, как они с Инимином говорили о том, что от нас надо избавиться, и как он после ловли лосося пнул ногой кустарник горечи.

Аззуен негромко зарычал. Мне захотелось нагадить на кучу мяса, чтобы Давриан знал, что я думаю о нем и его попытках нас убить, но Тревегг однажды сказал, что злорадство над неудачей врага лишь укрепляет его решимость отыграться. Я набросала землю на груду мяса, чтобы другие волки, ощутив запах горечи, даже не подходили к этому месту.

Если раньше у меня еще были какие-то иллюзии, то теперь они окончательно развеялись. Давриан не остановится ни перед чем в своей борьбе за место криана. Он решил нанести нам решительное поражение, а для этого ему надо нас убить. Я презрительно зарычала. Если уж он так хотел нас убить, то мог бы придумать что-нибудь получше.

Тали и Брелан ждали возле травяного шалаша. Тали, увидев нас, расплылась в широкой улыбке. Я не понимала, как она может веселиться, зная, что Давриан делает все, чтобы она проиграла на выборах. Я села рядом с девушкой и пристально посмотрела ей в лицо.

– Идемте, волки, – сказал Брелан. – Мы будем учить Тали плавать.

Я встала и толкнула Аззуена плечом. Я пыталась убедить Тали научиться плавать, сколько ее знала. Брелан каким-то образом сумел ее уговорить, и я не собиралась ждать, когда она передумает. Пранан, Амма и Лаллна по-прежнему спали в лучах утреннего солнца. Мы ушли, предоставив им наслаждаться сновидениями.

Брелан привел нас на мелководный тихий участок реки. На поясе у Тали был маленький мешочек, пахнувший мясом и листьями какого-то клубневого растения, которое в изобилии росло по берегам ручьев вокруг Каара. Цветы этого растения

очень приятно пахли днем, но его листья были горькими и не годились в пищу. Тали, перехватив мой взгляд, рассмеялась. Она никогда не хотела учиться плавать, и я никак не могла понять, почему сегодня она так радуется предстоящему первому уроку.

Брелан остался на берегу, а Тали вошла в воду по пояс. Тлитоо подлетел к ней и сел на камень, выступавший из воды на середине реки. Посмотрев на меня, он насмешливо фыркнул, сорвался с камня и полетел на противоположный берег.

– Иди сюда, Каала, – позвала меня Тали.

Я побрела к ней, Брелан шел рядом. Аззуен, стоя на берегу, наблюдал за происходящим.

Когда я погрузилась в воду по грудь, Тали поскользнулась и упала. Я бросилась к ней, но, остановившись возле нее, поняла, что вода доходит мне до шеи, а это означало, что Тали легко могла бы устоять на ногах. Я остановилась, растерянно глядя то на Тали, то на Брелана. Девушка вскочила на ноги, и они с Бреланом, схватив меня за плечи, погрузили в воду так, что на поверхности осталась только голова. Брелан держал крепко, а Тали растерла меня пахучими листьями, пропитав шкуру их ароматом. Потом они вдвоем несколько раз окунули меня в воду с головой, пока не смыли с меха пену.

– Вот теперь ты пахнешь намного лучше, – широко улыбнулась Тали. Брелан шутливо ткнул меня в бок. Тлитоо с веселым хихиканьем носился над нами.

Я, шатаясь, вылезла из воды, сердито глядя на них. Изо всех сил встряхнувшись, я попыталась сбросить с себя возмущение вместе с водой. Аззуен старался сдержать смешок. Я гордо проигнорировала его веселье, нашла открытое место и улеглась сохнуть на солнышке.

Брелан действительно начал учить Тали плавать на более глубоком месте. Аззуен и я смотрели на них, лежа на солнце. Однако каждый раз, когда Брелан отпускал девушку, она тотчас шла ко дну. Было видно, что с каждой секундой она начинает все больше злиться. Простив ей мое мытье, я, выгнув спину, вернулась в воду. Вслед за мной пошел и Аззуен. Но и мы не смогли ничем помочь Тали. Она продолжала тонуть. Отчаявшись поплыть, она потопала к берегу. Они с Бреланом улеглись на берегу и вскоре уснули, а мы с Аззуеном сели рядом охранять их сон. Его ровное дыхание вскоре сказало мне, что уснул и он. Я закрыла глаза, но уснуть не успела. В нос мне ударил запах пота и сонной травы. Я открыла глаза. Мимо промелькнула чья-то тень. Я повернула голову и увидела Давриана, внимательно смотревшего на нас с опушки леса. Я не знала, как долго он там простоял и видел ли неудачный урок плавания. На мгновение я

ощутила беспокойство, но быстро перестала волноваться, так как не видела, каким образом способность Тали к плаванию может повлиять на отношение к ней Хесми, и не чувствовала опасности со стороны Давриана, так как мы с Бреланом были рядом, а уж мы-то смогли бы защитить девушку. Давриан скрылся в лесу, а я положила голову на живот Тали.

– Какая ты мокрая, Каала, – пожаловалась Тали, но потом улыбнулась: – Но теперь от тебя хотя бы не воняет падалью.

Мы лежали на берегу, блаженствуя на солнце. Я думала о грядущих днях, когда мы сможем уютно жить с людьми, не думая о Давриане, приближающемся Равноденствии и волках из стаи Стражей.

Вечером Тали и Брелан поднялись и пошли в деревню. Мы побежали, и молодые люди бросились вдогонку. Так мы бежали до самого Каара.

Мы не успели добежать до стойбища, когда до нашего слуха донеслись плач и стенания. От неожиданности мы остановились. В последний раз я слышала подобные звуки, когда лось затоптал одного из волчат Рууко и Риссы, и вся стая пела песню смерти.

Мы медленно пошли дальше. Люди стояли вдоль тропинки, ведущей к самой маленькой полянке стойбища. Мы проходили мимо, видя их бледные, искаженные горем лица. Одна женщина плакала. Я ткнулась носом ей в руку, и она в ответ погладила меня по голове.

На полянке стояла группа людей, которые, столпившись, что-то рассматривали. Тали испустила сдавленный стон, а я почувствовала, как пересохло у меня в горле. Послышался горестный вопль. Это кричала Хесми. Я пролезла вперед между ногами двух человек.

На земле недвижимо лежал Джалимин. Его грудь не поднималась. Мальчик не дышал. Глаза его были открыты, лицо сковала маска смерти. На тельце ребенка не было ран, и даже издалека я ощутила запах лосиного мяса и едва уловимый аромат листьев горечи. Мальчик лежал не далее чем в десяти шагах от того места, где я обнаружила отравленное мясо. Я подползла к мертвому мальчику, заставила себя взглянуть в его лицо и встретила застывший остекленевший взгляд. Мне показалось, что мертвый ребенок смотрит на меня с упреком.

Аззуен, волоча по земле хвост, вслед за мной подошел к неподвижному тельцу.

– Надо было закопать то мясо, Каала. Это наш недосмотр.

Да, это был недосмотр. Я живо представила себе, что здесь произошло. Джалимин привык к тому, что волки постоянно его

подкармливали. Он нашел мясо по нашим следам и съел его.

Никто из людей не злился на нас. Никто не знал, какую роль мы сыграли в смерти Джалимина. Правда, никто из них не знал и того, что это Давриан отравил мясо. Я бросилась туда, где оно лежало. Мясо исчезло. Я несколько раз обошла то место. Осталось только пятно сырой земли, запах горечи, волков и Джалимина.

Люди никогда не узнают, что произошло здесь на самом деле. Они не узнают, что Давриан подложил нам отравленное мясо. Я прокралась к опушке леса и принялась следить за людьми. Некоторые подходили и склонялись над Джалимином. Одни плакали, другие были молчаливы. Все оплакивали смерть ребенка.

Все, кроме Давриана.

Я думала, что его будет мучить раскаяние. Я ожидала, что он придет в ужас от содеянного – вместо волков он убил невинного, горячо любимого ребенка. Да, на лице Давриана была притворная скорбь, но запах выдавал его истинное настроение. От этого человека пахло предвкушением победы, он был как натянутая струна, как охотник, готовый броситься за добычей.

Распускать нелепые слухи начал Инимин.

– Давриан предупреждал, что у всех волков ядовитые зубы, – разносил ветер его шепот. – Джалимин все время с ними играл. Это был лишь вопрос времени, и вот наконец их яд убил его.

Я метнулась к Аззуену.

– Он не мог заранее этого предвидеть, – проговорила я. – Не мог же он знать, что его яд убьет Джалимина. Теперь он будет действовать осторожнее.

– Нет, не будет, если его неосмотрительность пойдет ему на пользу, – ответил Аззуен.

Давриан подошел к плачущей Хесми и, склонив голову, заговорил со старейшиной.

Хесми отрицательно покачала головой.

– Мальчик был очень любопытен и постоянно попадал в опасные ситуации, – сказала она ломким голосом, но посмотрела на нас жестким взглядом. Давриан схватил Хесми за руку и принялся говорить с еще большим жаром. Хесми отстранила его. – Я приму решение завтра. У меня умер внук, и сегодня я буду его оплакивать.

Праннан подбежал к Хесми и ткнулся носом в ее руку. Женщина рассеянно погладила по голове маленького волка. Когда же он скользнул за ней в хижину, старейшина не стала его прогонять.

Я вдруг почувствовала на себе чей-то пристальный взгляд. Я обернулась, подняла голову и увидела, что на нас с гнусной

ухмылкой смотрит Давриан. Он отвернулся и важной походкой пошел прочь. Откидывая занавеску у входа в свою хижину, он источал запах торжества.

Глава 23

По обычаю людей Джалимина похоронили на небольшом поле недалеко от стойбища. Когда выкопали яму, я уловила шедший из нее запах человеческих костей и порадовалась, что в страну вечной охоты Джалимин отправится не один.

Люди были подавлены, возвращаясь в стойбище. Многие продолжали плакать. Хесми, вернувшись в деревню, затворилась в своей хижине, и никто не осмеливался ее тревожить. Остальные люди принялись за свои повседневные дела, но в деревне стояла такая тишина, что мне хотелось выть от тоски. Праннан неподвижно лежал посреди поляны, где он так часто играл с Джалимином. Когда я подошла и хотела подбодрить его, взяв нос в свою пасть, он отвернулся и положил нос на лапы.

Я прошла по деревне вместе с Аззуеном, больше всего на свете желая развеять печаль людей, но из этого ничего не вышло. Не в силах выносить их горе, я убежала на край деревни, где нашла Тали и Брелана, которые, обнявшись, сидели на поваленном дереве. Я уселась рядом с Тали, прислонившись боком к ее ногам. Рядом с Бреланом устроился Аззуен. Веки мои стали тяжелыми, как камни. Я хотела успокоить и приободрить людей, но горе и чувство вины за смерть Джалимина высосали из меня всю энергию. Я на мгновение прикрыла глаза. Надо было подумать, чем грозит гибель Джалимина нашим планам. Но усталость взяла свое. Стоило мне закрыть глаза, как я тотчас уснула.

Меня разбудил пронзительный крик. Я подпрыгнула на месте, споткнувшись о Тали, которая тоже вскочила на ноги. Я зажмурилась от яркого полуденного света, а Аззуен грациозно перекатился на бок и встал.

Я учуяла запах человеческой крови.

Люди столпились вокруг того места, где Давриан оставил для нас с Аззуеном отравленную приманку. В воздухе, как туман перед бурей, висел тяжелый запах горя и ужаса. Давриан и Инимин поддерживали под руки Хесми. Я поискала глазами Ралзуна, но его не было.

Я опустила голову и сквозь частокол человеческих ног увидела лежавшую на земле женщину. На ее горле зияла большая рана. Кровь еще не запеклась, и от мертвого тела исходило тепло.

Я знала, что скажет Давриан, еще до того, как он раскрыл рот. Я оцепенела, не в силах ничего предпринять.

– Это сделали волки, – заявил Давриан. – Смотрите, как

много здесь волчьих следов!

Я истоптала все это место, когда пыталась понять причину смерти Джалимина. Вся поляна была в моих следах. Аззуен, тяжело дыша, стоял рядом со мной. Тали крепко вцепилась в мою холку. На какое-то мгновение я решила, что это Милсиндра убила женщину, чтобы направить на нас ненависть деревенских жителей.

Аззуен сделал маленький шажок вперед.

– Похоже, что рана причинена копьем, Каала, – в его голосе прозвучало облегчение.

Он протолкался к мертвому телу.

– Это след каменного клинка, – сказал он людям, забыв, что они не в состоянии его понять.

В этот момент к Хесми подбежала какая-то молодая женщина.

– В деревне убиты еще пять человек, – задыхаясь, произнесла она. – На их телах нет ран. Они умерли, как Джалимин.

Женщина со страхом покосилась на меня.

Я с ужасом смотрела на Давриана. Смерть Джалимина была случайной, но теперь Давриан преднамеренно убил еще пять человек, чтобы показать, как мы опасны для людей. Он говорил, что люди должны остерегаться бешеных волков, но на самом деле взбесился сам.

Хесми была сломлена и потеряла самообладание.

– Прогоните его прочь! – крикнула она и попыталась пнуть Аззуена. В голосе старейшины прозвучала вся боль, все горе мира. Всего несколько часов назад она потеряла внука, а теперь смерть принялась косить жителей деревни. Она снова ударила Аззуена в бок ногой. Он взвизгнул и отскочил в сторону. Несколько человек угрожающе подняли копья.

– Беги! – рыкнула я. Но Аззуен уже бросился бежать и сам. Он проскочил между ногами стоявших на поляне людей и стремительно скрылся в лесу. Я осталась стоять на месте. Люди с искаженными страхом и гневом лицами ополчились против него.

В этот момент из кустов, в которых только что скрылся Аззуен, вышел Брелан, который просто искал нас.

– Это оборотень, – завизжал Давриан. – Он убежал в лес и превратился там в человека! Всего мгновение назад он был волком!

Кто-то засмеялся над этим диким предположением, но другие завопили от страха. Брелан недоуменно уставился на Давриана. Юноша не ожидал того, что произошло в следующую секунду: Давриан метнул в него копье. Брелан ловко увернулся, и копье не пронзило ему грудь, а лишь оцарапало плечо. Брелан отпрянул. Из леса выскочил Аззуен и потянул его за тунику.

– Беги, Каала! – выдохнула Тали. Я со всех ног бросилась в лес. Если люди способны поверить в то, что волк может превратиться в человека, то уповать на их разум нельзя. Я уже выскочила за пределы деревни и углубилась в лес, когда поняла, что рядом со мной нет Тали.

Я решила вернуться за ней. Люди уже охраняли поляну, выстроившись вдоль ее края с поднятыми копьями и напряженно вглядываясь в чащу. Было трудно дышать от запаха страха и злобы. Я прилегла на брюхо, рассчитывая, что они не заметят меня в высокой траве.

– Это были не волки! – отчаянно крикнула Тали. – Это Давриан. Он уже делал такие вещи, это он убил Ниали!

Хесми повернула к Тали окаменевшее лицо и уставилась на нее остекленевшим взглядом.

– Или волки делали все это и раньше, а ты просто лгала нам, – проговорила она.

Сжав кулаки, Тали гневно посмотрела в глаза Хесми.

– Я докажу тебе это, – сказала она. – Это сделали не волки.

Голос Хесми стал жестким, как камень.

– Я знала Ниали с детства, – произнесла она, – и только ради этого пощажу тебя. Уходи из стойбища сейчас же, иначе я не гарантирую твою безопасность.

Тали взяла себя в руки и попыталась говорить спокойно.

– Я докажу тебе это, Хесми, – повторила она. – Я докажу, что это сделал Давриан, а не волки.

Какой-то рослый мужчина толкнул Тали, и она упала. Я зарычала и бросилась к ней. При моем появлении люди дружно взревели.

– Каала, – прошептала Тали. Она оглянулась и посмотрела на Хесми, которая подняла над головой копье. Тали вскочила на ноги и бросилась ко мне. Схватив меня за холку, она потащила за собой. Я не стала противиться.

Я привела Тали к Аззуену и Брелану, которые ждали нас на берегу ручья под ветвями ивы. Тали бросилась к Брелану. Его плечо до сих пор кровоточило.

– Это пустяки, – он слабо улыбнулся. – Давриан не отличается меткостью.

Однако молодой человек вздрогнул и поморщился, когда Тали принялась исследовать его рану.

– Рана неглубокая, – сказала она и обняла Брелана. Они долго стояли обнявшись, пока я наконец не потеряла терпение и не поставила лапы на спину Брелана. Молодые люди разжали объятия.

Издали донеслись звуки погони, крики и треск сучьев. Тали и

Брелан нырнули в густой сосновый лес. Мы последовали за ними.

На поляну выскочил Давриан и еще три человека. Они, тяжело дыша, остановились в паре десятков шагов от нас. Положив на землю копья, они припали к ручью, чтобы напиться.

– Волка легко убить, если незаметно к нему подкрасться, – сказал Давриан и ополоснул лицо. – Они всегда спят после еды.

– Видно, что он внимательно за нами наблюдал, – шепнул мне Аззуен. После сытной еды мы действительно не в состоянии бодрствовать. Конечно, во сне мы и правда очень уязвимы.

Напившись воды, люди подняли с земли копья.

– От них надо избавиться раз и навсегда, – заметил Давриан. Остальные одобрительно закивали головами. Они отправились на поиски. Их слабое обоняние не подсказало им, что мы находимся у них прямо под носом.

Тали взяла Брелана за руку и повела в чащу. Там она нашла какие-то темные пахучие листья и приложила их к ране. Потом мы вернулись к ручью. Тали наломала тонких и гибких ивовых прутьев и привязала листья к ране. В Широкой Долине она в детстве училась искусству исцеления.

– Мы никуда не пойдем до тех пор, пока не остановится кровотечение, – сказала она. – Потом мы подумаем, как нам убедить Хесми в том, что Давриан лжет.

Она заставила Брелана сесть на камень, поднять вверх раненую руку, а сама, скрестив ноги, села напротив, положив себе на колени его копье.

– Ну и что дальше? – спросил Аззуен. Он молча смотрел, как Тали занимается раной Брелана. Волк протиснулся между ними, чтобы сесть рядом со своим человеком, который погладил его здоровой рукой.

Если Хесми поверит, что это мы перегрызли горло женщине и убили пять человек ядом, который, как думали люди, выделяют наши зубы, то все наши планы безнадежно провалятся. Давриан станет крианом, а верховные волки убьют нас.

– Надо помочь Тали доказать, что это Давриан убивает людей, – проговорила я.

Глаза Аззуена радостно блеснули.

– Вспомни о листьях горечи, Каала! Она растет на поляне с утесником. Если мы принесем их твоей девушке, она поймет, как именно Давриан убил Джалимина и еще пять человек. Тали знает, что горечь ядовита. Она покажет эти листья Хесми.

– Ты умница! – сказала я, встала и потянулась.

Я оглянулась, ища взглядом Тлитоо. Он мог слетать на можжевеловую поляну и вернуться обратно намного быстрее меня и принести в клюве несколько листьев за черенки.

– Тлитоо! – позвала я ворона. Ответа не было. Я не стала выть, так как это сказало бы Стражам, что дела плохи, а мне не хотелось оставлять людей там, где их мог найти Давриан. Я походила по лесу, ожидая, что Тлитоо в конце концов, как обычно, прилетит на мой зов. Когда солнце стало клониться к западному горизонту, я решила, что ждать дальше не имеет смысла.

– Я пойду за листьями горечи, – вызвалась я. До поляны было меньше часа пути. – Не дай людям уйти.

Аззуен в знак согласия наклонил голову. Когда я побежала из сосняка, Тали попыталась встать, но Брелан удержал ее.

– Я скоро вернусь, – пообещала я, хотя и знала, что Тали не может меня понять. Но, наверное, моя мимика что-то ей подсказала, так как она снова села и спокойно посмотрела мне вслед.

Мне удалось добраться до поляны, не замеченной ни людьми, ни волками. Я осторожно взяла зубами за черенки несколько листьев горечи, надеясь, что в черенках нет яда и я останусь невредимой. Я едва успела сорвать листья с куста, как на него упала чья-то тень. Я оглянулась и увидела стоявшую за моей спиной хмурую Лаллну. Да, зря я рассчитывала на везение.

– Тебе придется пойти со мной, Каала, – сказала она. – Йилдра и Навдру хотят поговорить с тобой.

Она не мигая смотрела на меня тяжелым взглядом. Как же мне надоело ее подглядывание! Я аккуратно положила на землю сорванные листья горечи и оскалила зубы.

– Уйди с дороги, – прорычала я.

– Я не могу этого сделать, Каала, – ответила она. – Йилдра и Навдру велели привести тебя.

– Не сейчас, – огрызнулась я.

– У нас нет выбора, – сказала она, опустив на мгновение глаза, а затем снова вызывающе посмотрев на меня. – У тебя его тоже нет.

Сзади к нам незаметно подкрались еще три волка – незнакомые верховные из стаи Стражей. Они посмотрели на меня и хищно оскалились.

– Ты пойдешь с нами, или мы искусаем тебя в кровь, – сказал один из них. Его спутница подняла голову и протяжно завыла, давая знать, что они нашли меня. Они обходились со мной без всякого уважения, будто я не была долгожданным легендарным волком. Они окружили меня и погнали в нужном направлении. Лаллна бежала сзади и кусала меня в хвост, когда я, по ее мнению, бежала недостаточно быстро.

Меня все время подмывало спросить, знают ли они о смертях в Кааре, но их свирепый вид подсказывал, что мне стоит придержать язык. К своему облегчению, я увидела несущуюся рядом со мной по земле тень ворона. Тлитоо нашел меня и теперь летел, описывая круги, чтобы держаться рядом.

Волки привели меня в большую рощу, заросшую соснами и можжевельником, неподалеку от Скалистой Вершины. Тлитоо каркнул от огорчения. В нос мне ударил сильный запах волчьей крови.

Йилдра и Навдру стояли на опушке леса и бесстрастно смотрели на меня. Рядом с ними сидела Милсиндра. Была здесь и моя мать. Ее стерегли два верховных волка. Между ветвями гулял сильный ветер, разнося по округе запах смерти.

Вожаки стаи Стражей толкнули меня вперед, отрезав путь к бегству. Я пошла на запах крови, идя между редеющими соснами. На краю маленькой полянки я остановилась, увидев трупы верховных волков, совсем недавно сраженных смертью. Милсиндра прошла мимо меня и остановилась в середине поляны, которая, несомненно, была местом сбора стаи Стражей.

– Я отошла всего на одну минуту, – сказала Милсиндра вожакам стаи Стражей, которые шли за ней. – Мне надо было отогнать нескольких длиннозубов. Когда я вернулась, все они были мертвы.

Милсиндра была на тот момент волком-часовым. Она оставила сонных волков без охраны и дала их убить. Я была уверена, что она сделала это преднамеренно.

– Ты не разбудила хотя бы одного волка? – спросила Нееса.

Лаллна согласно рыкнула.

– Предательница, – прошептала она, и никто не упрекнул ее за это.

Милсиндра оскалила зубы, посмотрела на Лаллну, а потом перевела взгляд на Навдру.

– Ты и с собой позволяешь так говорить малым волкам?

Навдру посмотрел на Милсиндру, потом повернул голову в сторону Лаллны и Неесы, но промолчал. Я прошла на середину поляны и остановилась над трупами убитых волков. Все они были пробиты копьями, у некоторых были перерезаны глотки.

Это была моя вина. Я не подумала, что надо было предупредить Стражей об опасности, когда Давриан сказал, что собирается убивать волков. Но я не думала, что верховные волки могут быть такими уязвимыми.

Тлитоо подошел ко мне.

– Будь решительнее, волчонок, – тихо сказал он мне. – Сейчас не время колебаться.

Я вдруг поняла, что стою, подняв переднюю лапу. Я осторожно, словно поляна была усеяна острыми шипами, опустила лапу на землю. Я оглядела стоявших на поляне волков, лихорадочно ища слова.

– Ни одна стая не должна оставаться без часового, – снова повторила Нееса.

Навдру, не обратив на нее внимания, обратился ко мне:

– Вот что случается, когда мы слишком тесно сближаемся с людьми, Каала. Об этом мы тебя предупреждали. Мы надеялись, что ты сможешь это предотвратить.

– Но, надеюсь, теперь-то вы убьете этого дрельшика? – грозно зарычала Милсиндра. – Или будете ждать, пока люди не убьют других волков?

Моя мать переминалась с лапы на лапу, словно ей не терпелось броситься на Милсиндру, Йилдру и Навдру. Я собрала все свое мужество.

– Это ты позволила людям беспрепятственно прийти на место сбора, – сказала я Милсиндре. – Это ты пригнала в Каар носорога и бешеного волка, и ты позволила людям увидеть тебя.

– Дрельшик! – зарычала на меня Милсиндра. – Ни одному молодому волку я не позволю так вести себя со мной!

Она опустила голову, оскалила огромные зубы и пошла ко мне.

Навдру остановил ее негромким утробным рычанием.

– Это моя стая, а не твоя, – напомнил он Милсиндре. – Мне известно о твоих попытках напугать людей, – он посмотрел на меня. – Я допустил это, юная волчица, потому что хотел, чтобы люди боялись нас. Я хотел посмотреть, сделает ли страх их опасными, и оказался прав. Думала ли ты, что страх именно так подействует на них?

– Нет, – ответила я.

– Она лжет, – сказала Милсиндра. – Как раз сегодня один человек из Широкой Долины убил пятерых человек и обвинил в этом волков. Ей следовало после этого прийти к нам, но ей помешала поганая кровь ее отца.

Мать проскользнула мимо охранявших ее волков и очутилась рядом со мной. Мне следовало опустить уши, поджать хвост и молить о пощаде, но я была слишком разозлена.

– Хиилн был лучшим волком, чем ты, – сказала я Милсиндре.

Милсиндра рассмеялась, и Нееса смущенно опустила голову.

– Хиилн не был твоим отцом, – призналась она, отведя в сторону взгляд.

Я растерянно посмотрела на нее. Кто, кроме Хиилна, мог быть моим отцом?

– Я сама расскажу ей, кто был ее отец, если этого не сделаешь ты, – сладко промурлыкала Милсиндра. – Я бы сделала это раньше, Каала, но сама только что узнала. В любом случае теперь мне все стало понятно. Ты расскажешь ей, Нееса?

Я настороженно следила за Милсиндрой. Это очень плохой признак – когда она так радуется и сладко улыбается.

– Я знаю, что ты встречалась с недоволками. Это так?

– Да, – ответила я, удивившись смене темы.

– Тебе знаком один из них, по имени Гаанин?

Я замешкалась, не зная, признаваться ли в том, что я разговаривала с недоволками. Я посмотрела на Неесу.

– Гаанин – твой отец, Каала, – сказала Нееса. – Вот почему все они так озабочены в отношении тебя. Когда мною овладела мечта родить щенков, которые спасут волчий род, я отправилась искать Хиилна. Некоторое время – очень недолго – мы были с ним спутниками, – казалось, мать готова заплакать, но потом она взяла себя в руки и гордо вскинула голову. – Когда его убили, я поклялась его памятью сражаться за дело, которому он отдал жизнь, пусть даже я погибну сама. Я нашла Гаанина и подумала, что если заведу с ним щенков и воспитаю их в Широкой Долине, то из них смогут вырасти волки, которые добьются успеха там, где мы с Хиилном потерпели поражение. В тебе волчья дикая природа была смешана со странностями недоволков, с их любовью к людям. У всех волков Широкой Долины есть примесь крови недоволков, и поэтому верховные всегда с преувеличенным вниманием следили за нами, но в тебе крови недоволков еще больше. Именно поэтому Рууко убил всех твоих братьев и сестер, когда узнал, что я спарилась с чужим волком, и именно поэтому верховные Широкой Долины спасли тебя. Мы думали, что ты сможешь – в противоположность чистокровным недоволкам – сохранить в себе частицу дикой независимости.

– Это оказалось ошибкой, которую мы не повторим, – прорычала Милсиндра.

– Это не было ошибкой, – рыком возразила мать. – Это был наилучший, даже, пожалуй, единственный путь. – Она вскинула голову и с вызовом посмотрела на верховных волков. – Каала нашла путь к людям, когда ей было всего четыре луны от роду. Она завоевала их любовь, не выказав никакой покорности. Она одна, самостоятельно, едва не добилась решающего успеха.

– Ее нечистая кровь говорит сама за себя! – воскликнула Милсиндра. – Она спасала недоволков, когда мы пытались убить их четыре дня тому назад. Она спрятала двоих. Но в конце концов ее дикость все же обратит на нее их ненависть. И эта дикость, унаследованная от матери, заставит их убить ее.

Ветер усилился и теперь гудел так, что я с большим трудом могла разобрать, что говорят верховные. Значит, я – наполовину недоволк и поэтому так сильно отличаюсь от остальных волков моей стаи. Я – ненормальная. Эта мысль настолько ошеломила меня, что я улеглась на землю и положила голову на лапы. Даже Нееса сказала, что само существование тухловолков считается угрозой волкам. Если же я наполовину недоволк, то, значит, я – скорее всего – то существо, которому суждено истребить волчий род. Похоже, так оно и было.

Тлитоо сильно клюнул меня между ушами.

– Перестань хныкать, волчонок.

Я встала и встряхнулась.

– Давриан – всего лишь один из людей, – не задумываясь выпалила я. – Есть и хорошие люди, и они помогут победить одного плохого человека, – я вскинула голову, подражая смелости матери. – Сейчас мне надо вернуться к моим людям.

Я отвернулась и пошла прочь.

Мощный удар повалил меня на землю. Я перекатилась набок и встретила испытующий взгляд Навдру. В этот момент я услышала ожесточенное тявканье и звуки потасовки. Двое Стражей втолкнули на поляну Аззуена.

– Этот волк прятался в кустах и подглядывал, – ухмыльнувшись, сказал один из них. – Наверное, хотел напасть на нас.

Аззуен метнул на него негодующий взгляд и подбежал ко мне. Навдру позволил мне встать.

– В следующий раз не бросай им вызов так открыто, – сказал Аззуен, лизнув меня в голову. – Ты не так сильна, как тебе кажется.

– Ты следил за мной.

– Да, конечно, – сказал он таким тоном, каким разговаривают с тупоумными щенками, – я побежал следом за тобой, когда услышал вой нашедших тебя верховных волков. Я слышал то, что сказала сейчас Нееса – о том, что Гаанин твой отец, но это не имеет никакого значения. Ты сделала для нашего сближения с людьми больше, чем любой другой волк.

Он наклонился ко мне и тихо произнес:

– Дела плохи, Каала. Хесми поверила Давриану. Она говорит, что волки злодеи и их всех надо убить.

Мой желудок скрутило так, что меня едва не вырвало, а в глотке так пересохло, что я не могла дышать. Хесми хочет убить нас всех. Мы проиграли – и все из-за того, что я была выродком, дочерью недоволка, истребителем волчьего рода.

Верховные волки принялись ритмично выть, встав

полукругом около нас. Никогда в жизни я не слышала такого воя. Они стояли вокруг нас, низко опустив головы и присев на задние лапы, и раскачивались в такт своей заунывной песне. Мать встала рядом со мной. Тлитоо взмыл в воздух над верховными, угрожающе щелкая клювом.

Навдру сочувственно посмотрел на меня.

– Прости, юная волчица.

Мои задние лапы задрожали от напряжения. Я приготовилась бежать или драться. Нееса издала боевой клич. Аззуен угрожающе зарычал. У него был такой свирепый оскал, что окажись я сейчас на месте верховных, то испугалась бы. Они двинулись на нас.

Навдру вдруг резко вскинул голову. Через мгновение я услышала тяжелую поступь людей, идущих по лесной чаще.

Мы все выбежали с поляны и укрылись в густых зарослях можжевельника.

Ветер донес до нас голос Давриана, а через несколько секунд он сам ворвался на поляну во главе большой группы вооруженных копьями людей, несших горящие факелы.

– Я же говорил вам, что это волки-великаны, – сказал он, указывая на трупы верховных. – Это так же верно, как то, что они отравят всех нас.

Рядом со мной негромко рыкнул Навдру.

– Это он убил их, – сказал он. – Я узнаю его запах!

Он вскочил и бросился на поляну, чтобы напасть на Давриана, как напал бы на любого волка, ранившего члена его стаи. Он не понимал, насколько люди отличаются от волков, насколько они опаснее. Йилдра последовала за ним, а через мгновение, оскалив зубы в улыбке, за ними поспешила и Милсиндра.

Люди бросились врассыпную к краям поляны, увидев бегущих на них трех огромных волков. Один из людей в ужасе дико закричал. Другой швырнул свой факел в Навдру, который отразил его небрежным движением огромной головы. Факел отлетел в сторону, и огонь охватил ветви обрамлявшего поляну можжевельника.

Все люди бросились на нас, размахивая факелами. Давриан поднял свой горящий пучок веток и поджег сосну. Огонь, весело треща, начал перепрыгивать с ветки на ветку, подгоняемый сильным ветром.

– Сожжем их! – завопил Давриан. Он зажег еще один куст можжевельника, и огонь, лизнув сухую кору сосны, вспыхнул ярким пламенем. Обезумевшие от страха люди принялись поджигать все вокруг. В этом не было ни малейшего смысла, но в расширенных безумием глазах людей не осталось ни капли

разума. Они походили сейчас на бешеных волков, которые по кругу несутся в никуда, но были опаснее сотни волков.

– Они сожгут все, – ахнула я. Аззуен стоял неподвижно и смотрел на пламя так, будто наблюдал за работой еще одного интересного человеческого орудия.

– Худшего места они выбрать не могли, – шепнул он, глядя на меня расширенными глазами. – Сосна и можжевельник горят лучше других деревьев.

– Бегите, глупые маленькие волки, спасайтесь, – прохрипел сверху Тлитоо, сердито клюнув в зад сначала меня, а потом Аззуена.

Аззуен встряхнулся, все еще зачарованно глядя на огонь. В этот момент в нас буквально врезалась Нееса.

– Ветер гонит огонь в сторону стойбища, – сказала она. – Стражи побегут в Тайную Рощу, чтобы не сгореть. Оторвитесь от них по дороге и бегите в Широкую Долину. Теперь верховные волки не оставят тебя в живых. – Она еще раз толкнула меня. – Я постараюсь увести их. Беги!

Она отпрыгнула в сторону и бросилась к Стражам. Уводить их не было никакой нужды. Они сами бросились бежать от наступавшего огня, как мыши от ястреба.

Если огонь распространялся в сторону деревни, то он неминуемо должен захватить и наших людей.

Аззуен продолжал как зачарованный смотреть на пламя. Я куснула его в плечо.

– Надо выручать Тали и Брелана!

Аззуен наконец очнулся от морока, тряхнул головой и навострил уши.

– За мной, волки! – скомандовал сверху Тлитоо.

Мы бросились к ручью. Огонь буквально хватал нас за хвосты. Темный дым ел глаза и не давал дышать. За дымом я потеряла Аззуена из вида. Тлитоо летел прямо над нашими головами и тоже мучился от дыма и жара, но он то и дело окликал нас, чтобы мы не потеряли его за дымовой завесой.

Когда мне уже казалось, что я сейчас задохнусь, я внезапно ощутила под обожженными подушечками лап прохладную воду. Я влетела в ручей, а впереди увидела двух бегущих людей. Я сразу узнала стройную фигуру Тали.

Они сделали все правильно, бросившись в воду, где огонь не сможет их достать, но путь выбрали неверный – они бежали туда, куда распространялся лесной пожар.

У меня не хватило дыхания залаять, чтобы предупредить наших людей, да они и не услышали бы из-за дикого воя огня и треска горящих ветвей. Аззуен и я побежали за ними, и я впервые

обрадовалась тому, что люди бегают намного медленнее нас. Мы почти настигли их, когда они выскочили из ручья и побежали в направлении Каара.

– Там море огня, – хрипло прокаркал Тлитоо, но мы со всех ног кинулись за людьми.

Ветер гнал огонь быстрее, чем мы бежали. Огонь мгновенно охватывал кусты, словно кто-то поджигал их снизу. Мы наконец настигли Тали и Брелана. Они, крепко обнявшись, стояли в кольце пламени.

Меня обдало нестерпимым жаром, и я с трудом заставила себя остановиться.

– Сюда, Каала! – Аззуен нашел место, где огонь не доставал нам до груди, и мы перескочили через него. Я почувствовала, как от моего живота пахну́ло паленой шерстью.

– Каала! – задыхаясь, крикнула Тали, упав на колени и крепко обняв меня за шею. Брелан помог ей встать.

– Ты сможешь вывести нас отсюда? – спросил он Аззуена.

Аззуен нашел в себе силы тявкнуть в ответ и стал внимательно всматриваться в огонь.

– Что ты делаешь? – возмутилась я. – Нам надо бежать.

– Нужно подождать, – сказал он. – Пламя сначала поднимается, а потом отступает. Следуй за мной, когда я побегу.

Аззуен вовсе не был околдован пламенем, когда смотрел на огонь на поляне, где нас собирались убить верховные волки. Он просто наблюдал, как ведет себя огонь.

– За мной! – рявкнул он.

Он толкнул Брелана в бедро и побежал. Люди и я последовали за ним, проскочив в узкий промежуток между языками пламени.

Люди бежали медленнее, чем обычно.

– Надо отвести их в безопасное место, – прохрипела я Аззуену.

– Бегите за мной, – каркнул сверху Тлитоо.

Я не видела пути, по которому собирался вести нас ворон. Огонь бушевал со всех сторон. Языки пламени жадно лизали стволы деревьев. Люди, задыхаясь, ловили ртом воздух, стараясь не отстать от нас. Мы бежали до тех пор, пока у меня не заболели лапы, а язык отвис так низко, что едва не задевал землю. Я с трудом дышала, и мне начало казаться, что мы скоро превратимся в куски жареного мяса.

В тот момент, когда я уже готова была упасть, перед нами выросла гряда Скалистой Вершины. Все-таки Тлитоо знал, куда нас вести. Я принялась карабкаться по камням вверх, следя за тем, чтобы люди не отстали. Они двигались так же проворно, как

мы, подтягиваясь на камни своими ловкими руками. Вскоре мы уже были над пламенем.

Тлитоо влетел в отверстие среди камней. Там была глубокая, невидимая с земли пещера. Люди заползли туда, и мы последовали за ними.

Сырой воздух освежил дыхание. Аззуен быстро обследовал пещеру, обнюхав все ее углы.

– Никого нет, – сообщил он. – Здесь мы в безопасности.

Люди настолько устали, что у них не было сил на осмотр. Они просто повалились на пол пещеры. Тали держалась за ступню. Я подползла к ней.

– Я потянула связки, Каала, – пожаловалась девушка.

Брелан склонился над ней и принялся рассматривать сустав. Я лизнула его, потом еще раз, благодаря судьбу за то, что она отделалась таким пустяком. Аззуен мерил шагами пещеру, словно охранял ее от огня и дыма. Тлитоо вылетел из пещеры, и я пошла за ним.

Я стояла на выступе скалы и смотрела на простиравшийся под моими ногами лес. Пламя не могло добраться до нас, но поднимавшийся над ним дым щипал глаза и мешал дышать, царапая горло своими невидимыми когтями. Лес горел везде, насколько хватало глаз. В огне была и Тайная Роща с местом сбора. Я слышала дикие крики горевших заживо зверей – охотников и их жертв. Сейчас все они искали спасения от общего врага – лесного пожара.

Я попыталась завыть, чтобы позвать мать, но горло было так изъедено жаром и дымом, что я не смогла выдавить из себя ни звука. Нельзя было терять ее из вида. Она может сейчас быть где угодно в этом лесу – задыхающаяся в дыму и сгорающая в пламени. Аззуен спасся, уцелела и Тали, но остальные мои близкие могут погибнуть в бушующем внизу огне. Мне следовало повести себя как вожаку стаи, но я сама была беспомощна, как новорожденный щенок. Огонь пожирал все и всех с такой быстротой, что от него, казалось, не было никакого спасения.

Видно, Давриан и его дружки зажгли тысячу костров. Отсюда, с выступа, Каар не был виден, но я понимала, что стойбище не избежит пожара. Давриан отравил несколько человек, чтобы победить нас. Теперь же он был готов ради этого убить всех людей. В попытке уничтожить нас люди уничтожали все вокруг себя. Они неуправляемы, и мои попытки как-то повлиять на них окончились лишь ужасным несчастьем. Я – дрельшик и приношу боль всюду, где появляюсь.

Но сейчас мне оставалось лишь стоять на выступе скалы и смотреть, как в чаду и пламени горят мои надежды исполнить

Обет.

Глава 24

Горячие камни жгли лапы, а острые обгоревшие ветки кололи подушечки, когда на следующее утро я спустилась со Скалистой Вершины. Огонь выгорел сам, но воздух до сих пор был полон едкого дыма. Тлитоо летал вокруг меня, осматривая выжженную землю вокруг нас. Аззуен смотрел на нас от входа в пещеру. Он остался охранять Брелана и раненую Тали. Люди спали, истомленные событиями вчерашнего дня. Я тоже устала, но мне надо было знать, что произошло в человеческом стойбище и на территории Стражей. Мне хотелось понять, действительно ли я проиграла свою битву.

Еще когда мы были щенками, не способными отличить запах кролика от запаха зайца, нам говорили, что если люди и волки сойдутся вместе, то последует великое несчастье. Я не верила в это. Я думала, что это преувеличение, способ, с помощью которого верховные волки пытались сохранить в неприкосновенности порядок вещей в нашей волчьей жизни. Я не верила, что любовь, какую я испытывала к Тали, что узы, связывавшие мою стаю с людьми, могут быть так опасны. Я была уверена, что Давриан – просто злой человек, что его убийство Ниали и Джалимина стали просто проявлением его личного безумия, безумия одиночки. Но это было большим заблуждением. Я думала, что если буду достаточно сильно любить людей, если они полюбят нас в ответ, то это остановит злодеев и они не смогут нас уничтожить. Но любовь не сумела помешать им.

Я дошла до подлеска, точнее, до того, что было когда-то подлеском. Дубы, ивы и березы устояли, их влажные стволы смогли противостоять пламени. Сосны и ели исчезли или обгорели до неузнаваемости. Я, осторожно ступая, шла по выжженной земле.

По дороге мне попался труп лисы. Она, оскалив зубы, смотрела остекленевшими глазами. Потом я увидела мертвых кроликов на пороге их выгоревшей норы. Я поняла, что навлекла смерть не только на волков. Этому пожарищу не было ни конца ни края. Дойдя до поляны, где росла горечь, я поняла, что иду не туда. Закрыв глаза, я потянула носом воздух, чтобы сориентироваться, и уловила слабый запах бегущей воды. По этому запаху я вышла к тому месту, где Брелан пытался научить Тали плавать. Я припала к воде и принялась жадно лакать. Рядом со мной пил воду Тлитоо.

– Волчонок, – позвал он, – здесь только что кто-то был.

Он внимательно смотрел на отчетливый отпечаток волчьей

лапы в грязи. Я обнюхала след. От него исходил запах матери. Это был свежий запах, оставленный после того, как здесь пронесся пожар. От чувства невероятного облегчения у меня едва не подкосились лапы. Моя мать жива, или была жива сразу после пожара! Осознание того, что она уцелела, придало мне столько же сил, как глоток чистой воды. Я бы не вынесла ее потери.

– Хочешь пойти за ней, волчица?

Запах вел в реку и исчезал. Это означало, что мать вошла в реку и пошла по воде, чтобы остудить обожженные лапы или чтобы сбить со следа погоню. Поиск отнял бы много времени, и я, вздохнув, решила от него отказаться. Мать была жива, остались живы Тали и Аззуен. Со всем остальным я справлюсь.

– Потом, – сказала я. – Идем дальше.

Мы молча отошли от реки и направились в деревню крианов.

Огонь был настолько горяч, что в лесу уцелели лишь самые мощные, самые старые деревья. Я надеялась, что некоторые крианы выжили. Они знали лес не хуже, чем волки, и, возможно, учуяли приближение пожара. Может, у них было время, чтобы собраться и убежать.

Но огонь не пощадил и их. Мне стали попадаться обожженные до неузнаваемости мертвые тела крианов. Я не могла понять, почему их деревня сгорела дотла. Между лесом и входами в дома этой деревни находились большие, выложенные камнями площадки, которые могли бы защитить дома от огня. Я вспомнила, что Ралзун незадолго до пожара отправился сюда, чтобы поговорить с крианами. И от всей души понадеялась, что крепкий старик покинул деревню до того, как в нее пришла беда.

– Каала, – окликнул меня Тлитоо. Никогда прежде он не называл меня этим именем. Голос его прозвучал необычайно громко в окружавшей нас тишине. Не было слышно ничьих голосов, теплый ветер носил лишь пепел. – Надо идти в большое стойбище.

Мне не хотелось идти в Каар и видеть доказательства моего поражения. Я не хотела смотреть на людей и волков, погибших из-за меня, не хотела слышать, как живые обвинят меня в разрушении их домов. Но это было бы непростительной трусостью. Я пошла за Тлитоо в стойбище.

Я поняла, что мы пришли на окраину Каара, когда заметила сложенные на опушке сгоревшего ельника носорожьи кости. Стойбище было уничтожено почти полностью, если не считать нескольких устоявших домов, остовы которых до сих пор дымились на центральной поляне. Стойбище опустело. Во всяком случае, уцелевшие жители из него ушли. Повсюду лежали мертвые тела. Мертвых было так много, что я засомневалась, что

здесь вообще кто-то выжил. С ветвей обожженного вяза на землю слетела Хлела. Этот огромный вяз был единственным устоявшим деревом. Все кусты и молодые деревья вокруг него сгорели без остатка.

– Они хотели огнем прогнать вас с вашей территории, – проскрипела Хлела. – Люди говорили, что волки отравили землю и ее надо очистить. Я спряталась на дереве и слышала, что они говорили. Один из них, по имени Давриан, нарочно спалил, кроме того, деревню крианов. Он говорил, что крианы опасны для людей еще больше, чем волки. Но потом огонь вышел из повиновения, и загорелись их собственные дома, – она негромко каркнула и снова взлетела на вяз. – Сгорело все, а большинство жителей погибло. Те же, кто выжил, ушли в деревню Лаан. Они согласились с тем, что старые крианы стали опасны, и отказались от их учения.

Я не смогла сдержать рычания. Уже в тот момент, когда Хесми изгнала нас из деревни, я поняла, что мы проиграли битву за людей Каара. Теперь Давриан обратит против нас и остальных людей. Вороны тихо переговаривались. Они шли по земле, то и дело вскакивая то на кучу костей, то на обгоревший остов уничтоженного убежища. Все, на что они садились, несло на себе отпечаток смерти и разрушения.

Я подняла голову и принюхалась, чтобы понять, есть ли здесь выжившие, но все перекрывал нестерпимый запах гари. Я несколько раз чихнула, потом уловила слабый волчий запах и пошла на него.

Я увидела трупы Праннана и Аммы, лежавшие рядом с двумя мертвыми людьми.

– Они спали в одной хижине вместе с людьми, – сказала Хлела. – Они так и остались с этими медлительными людьми и не успели убежать вовремя. Я пыталась вывести их, но они смотрели только на своих людей.

Меня обдало таким стыдом, что я едва устояла на лапах. Первая заповедь вожака – беречь идущих за ним волков. Амма и Праннан доверились мне, но я принесла им смерть. Я делала все, что в моих силах, чтобы завоевать расположение людей и спасти волчий род, но в результате убила волков, которые больше других нуждались в моем покровительстве. Когда родилась я – дитя смешанной крови с полумесяцем на груди, – Рууко сказал, что я буду несчастна. Милсиндра же говорила, что я погублю волчий род. Оба они оказались правы.

– Иди сюда, волчица, – позвал меня Тлитоо. Он стоял, склонившись над каким-то едва шевелившимся существом.

Я поковыляла к ним на одеревеневших лапах. Тлитоо

склонился над вороном, грудь которого мучительно вздымалась при каждом вдохе. Глаза ворона были полузакрыты.

– Он говорит, что некоторым людям удалось бежать из стойбища. Хесми не смогла. Она осталась, чтобы спасать других, и погибла вместе с ними, – произнес Тлитоо. – Он говорит, чтобы мы не сдавались, что мы близки к успеху, говорит, что ты не должна забыть, чему научилась как Нейякилакин.

Умирающая птица открыла глаза и уставила на меня немигающий взгляд.

– У тебя нет времени на сожаления, – прохрипел ворон, с трудом шевеля клювом. – Нет времени и на упрямство. Не повторяй ошибку, которую до тебя делали столь многие волки.

Этот ворон до боли мне кого-то напоминал.

– Она должна найти способ поговорить с девушкой, – сказал он Тлитоо. – Это единственный путь. Найдите его.

Я поняла, кого напомнил мне этот старый ворон. Хриплым голосом и горящим взглядом он очень походил на Ралзуна, который мог бы точно так же слететь с дерева, если бы у него были крылья.

Я опустила голову и принюхалась. От старого ворона явственно пахло смертью. Мне захотелось поддержать его, облегчить последние минуты, но его пылающий взгляд остановил меня.

– Ты человек или ворон? – спросила я его.

– Я Нейякилакин, – с трудом просипел он. – До этого я был царем воронов. Я жил до тех пор, пока мне на смену не пришел новый Нейя. Не дай пропасть моим усилиям.

– Я клянусь тебе в этом, – пообещала я.

Он с трудом поднялся на лапы, тяжело взмахнул крыльями, взлетел, пролетел несколько шагов, упал и больше не поднялся.

– Ты можешь это сделать? – прошептала я Тлитоо. – Ты можешь стать человеком?

– Не знаю, – ответил он. – Я ни разу не слышал, чтобы какой-нибудь ворон мог превращаться в человека, – он бережно прикоснулся к телу мертвой птицы. – Но он был очень стар, а я очень молод. Ты же знакома с ним, волчица.

– Это Зралзу, – вспомнила я. Это был тот старый ворон, который охотился с Навдру, когда тот был молодым волком. Этот ворон стоял рядом с Индру, когда я увидела его в Инехалине одну луну назад. Тогда я не понимала, как может ворон одновременно быть человеком и птицей. Я не понимала, как он мог прожить от времен Индру до нашего времени, но умереть от пожара, устроенного Даврианом.

Его слова стряхнули с меня жалость к себе. Я посмотрела на

Праннана и Амму, подошла к ним и поочередно, прощаясь с ними, в последний раз зарылась носом в их мех. Ожогов на них было мало, и, скорее всего, они задохнулись от дыма, как это часто бывает с живыми существами во время пожаров. Они погибли, исполняя Обет. Погибли Ралзун, Хесми и многие, многие другие. Если я сдамся, то их смерть окажется напрасной. Давриан победит. От гнева у меня прояснилось в голове. Я не упаду на спину, как какой-нибудь низкохвост, я не сдамся. Я буду драться с Даврианом до последнего вздоха. Может, мне удастся добраться до Лаана раньше его.

– Далеко ли отсюда до Лаана? – спросила я Тлитоо.

– Эта деревня стоит за полем, на котором Стражи убили недоволков, – и глаза его вспыхнули.

– Идем туда, – сказала я.

Через час неутомимого бега мы миновали обгорелые деревья и обожженные до полной неузнаваемости трупы каких-то зверей и достигли границы пожара. Здесь я нашла ручей и от души напилась. Потом погрузила голову в воду, чтобы промыть глаза и нос, восстановив чувствительность к запахам. Повсюду я теперь чуяла признаки жизни. Я учуяла куропатку, бегущую к воде; уловила запах матери. Она побывала здесь не больше часа назад. Вокруг начали шевелиться все, кого не спалил огонь и не задушил дым. Я слышала жужжание насекомых, возню невидимых мышей. Снова послышались суетливые шаги куропатки. Я выловила из ручья рыбу и проглотила ее целиком. Желудок мой ожил, и я направилась на поиски куропатки. Она была оглушена дымом и не учуяла моего приближения. Я убила ее сразу и мгновенно съела. Мне даже пришлось некоторое время постоять, чтобы желудок не изверг ее назад.

Поев, я ощутила прилив сил и пустилась в дальнейший путь. Деревню Лаан я обнаружила за полем, где погибли недоволки. Эта деревня располагалась на большой поляне в вязовом лесу. Она была меньше Каара, но больше стойбища в Широкой Долине, где жила Тали. Я спряталась в лесу и, скрываясь за кустами можжевельника, стала наблюдать за деревней и ее жителями. Их вождем был коренастый темноволосый мужчина. Он стоял один возле своей хижины, и я медленно поползла к нему.

Я не успела сдвинуться с места, как услышала голоса Давриана и Инимина. Выкрикивая приветствия, они вошли в деревню. Я съежилась. Рухнули мои надежды добраться до Лаана раньше, чем туда придет Давриан.

Инимин привел в Лаан группу уставших, измотанных людей. Их было человек двадцать, и все они пришли из Каара. По тому,

как его слушались все остальные, как они внимали его словам, было понятно, что после смерти Хесми их вождем стал Инимин. Давриан, гордо вскинув голову, стоял по правую руку от Инимина.

Жители Лаана выступили вперед, и коренастый вождь приветствовал пришельцев.

– Мне очень жаль, что ваше стойбище сгорело. Это большое горе. Вы – все, кто остался в живых?

– Да, насколько мы можем судить, – ответил Инимин.

Коренастый человек прищурил глаза.

– Каким образом загорелся лес вокруг стойбища? – резко и требовательно спросил он.

Инимин кивнул Давриану, и тот выступил вперед.

– Все это случилось из-за волков, – заявил он.

Мне пришлось слушать все их лживые измышления о нас. Они говорили, что мы отравили жителей деревни и лишь немногим удалось спастись, что они были вынуждены поджечь место, где мы прятались, дабы уцелеть и не быть убитыми. Давриан сказал, что поджег лишь одно место, но мы разнесли горящие ветви по всему лесу и в отместку спалили его дотла. Еще он объявил, что это Тали и Ралзун подговорили нас сделать это, так как сами мы никогда бы не додумались, что крианы, любившие волков, сами опасны. Якобы они испортили нас, а мы испортили их. Жители Лаана в страхе тихо переговаривались друг с другом.

– Они ему верят, – прошептала я ворону.

– Тебе следовало бы понимать, что они сейчас поверят всему, что питает их страх, – ответил Тлитоо.

Сзади раздался шорох листьев, и я уловила родной запах цветущего шалфея.

– У людей страх всегда пересиливает разум.

Я не смогла сдержать радостный визг, когда подошедшая к нам Нееса улеглась рядом. Отпечаток ее лапы на берегу ручья и ее свежий запах уже сообщили мне, что она жива, но это отнюдь не то же самое, что увидеть ее целой и невредимой. Я потеряла Праннана и Амму и потерпела поражение в Кааре, но моя мать была жива. Шесть лун назад я не могла даже мечтать о том, что наступит день, когда я буду лежать рядом с ней. Я прижалась к ней, вдыхая запах гари и тревоги. Нееса положила голову мне на спину и принялась вылизывать мою холку, как маленькому щенку.

– Я учуяла твой запах, – сказала она, – но мне надо было удостовериться, что ты жива.

– Пока жива, – не удержалась я. – Стражи убьют меня, как

только найдут.

– Да, это так. Навдру и Йилдра живы, но Лаллне спастись не удалось. Навдру приказал всем своим волкам убить тебя и членов твоей стаи при первой же возможности. Он объявил это своей стае, как только прекратился пожар.

– Люди не примут Тали как своего криана. Давриан сказал им, что она так же опасна для них, как и волки. – Сделав над собой усилие, я отогнала образ Лаллны, ее мужество перед лицом носорога и верховных волков. Я буду оплакивать ее потом.

– Иди к своим людям, Каала. Я постараюсь уговорить верховных отпустить вас. Не ходи за мной, – велела она мне. – Я найду тебя, когда поговорю с ними.

Прежде чем я успела ответить, прежде чем я успела предостеречь ее от риска, она быстро встала и бросилась в лес. В тот миг я боялась, что никогда больше ее не увижу.

Еще некоторое время я наблюдала за людьми. Давриан и Инимин присели на корточки рядом с вождем Лаана и принялись что-то шептать ему. Остальные уцелевшие жители Каара разговаривали с местными людьми. Они заражали Лаан своей ложью, и я ничего не могла с этим поделать.

– Идем отсюда, волчица, – сказал Тлитоо.

Я отползла назад, вскочила на лапы и побежала к пещере.

Если жители Лаана поверят Давриану, то они не пойдут путем истинных крианов. Верховные волки ищут нас, чтобы убить. Возможно, правда, Неесе удастся переубедить их и сохранить жизнь моему роду в Широкой Долине. Если же Нееса потерпит неудачу, мне придется искать способ защитить себя и свою стаю. Тлитоо летел у меня над головой.

– Что дальше, волчонок? – проворковал он.

Я не знала, что делать дальше, но сдаваться не собиралась. Я постаралась мыслить как вожак стаи. Я не могу изменить то, что уже произошло, но это не означает, что у меня нет выбора. Если мы и наши люди не сможем жить в безопасности в стране Стражей, нам придется найти укрытие, где мы обдумали бы положение и решили, что делать. Мы сможем послать весть Рууко и Риссе, позвать их к нам до того, как их настигнут Стражи. Порадовавшись, что у меня есть хоть какое-то подобие плана, я побежала к невысокому холму среди равнины, чтобы осмотреть местность.

– Осторожно, волчица! Эти камни лежат очень неплотно.

Услышав предостережение, я посмотрела на россыпь камней под лапами. Как я могла забраться так высоко, не заметив этого?

Я осторожно, чтобы не пошевелить камень, поставила на него переднюю лапу, но он скользнул вниз, уйдя из-под лапы. Я

покатилась вниз. Я изо всех сил старалась поджать под себя лапы, а Тлитоо беспомощно метался у меня над головой. Я забралась не так высоко, чтобы падение меня убило или серьезно ранило, но боялась, что грохот падающих камней может привлечь людей или верховных волков.

Я приземлилась у подножия холма. От падения перехватило дыхание. Несколько мгновений я лежала на земле, приходя в себя.

– Беги, волчица! – пронзительно крикнул Тлитоо. Я попыталась встать, уверенная в том, что он увидел людей или верховных волков, но в этот момент один камень ударил меня в бок, а другой угодил в лапу. Я взглянула вверх, и показалось, что на меня обрушивается весь склон холма. Сверху катились камни. Одни попадали в меня, другие пролетали мимо. Я попыталась отскочить в сторону, но не успела. Когда показалось, что поток иссяк, один большой камень, лежавший у самого подножия холма, вдруг перевернулся и накрыл мне правую заднюю лапу.

Я изо всех сил постаралась выдернуть лапу из-под камня, но он оказался слишком тяжелым. Перевернувшись на живот, я попыталась столкнуть камень передними лапами, но лишь растянула мышцы на груди. Тогда я подрыла мягкую землю под камнем, но от этого он лишь опустился ниже и еще сильнее придавил мою лапу. Тлитоо скакал с камня на камень, горестно качая головой. Посмотрев на придавивший меня камень, он озабоченно каркнул.

– Он слишком тяжелый. Потребуется очень много воронов, чтобы сдвинуть его с места. Лучше я полечу за твоими людьми.

Мы находились довольно далеко от Холмистых Скал, но другого способа освободиться у меня не было. Если Давриан, Инимин или верховные волки обнаружат меня здесь, то убьют на месте.

Потом до моего слуха донеслись незнакомые человеческие голоса. Люди приближались.

– Останься здесь! – приказала я Тлитоо. Мой голос дрожал от накатившей паники. Наверняка это Давриан рыщет по лесам в окрестностях Каара в поисках волков, которых он хочет убить. Я вспомнила перерезанные глотки верховных волков и явственно ощутила, как копье Давриана вонзается в мою заднюю лапу. Я заскулила.

– Я слышу их, волчица.

Ворон расправил крылья, заслоняя меня от опасности. Напрягая все силы, я попыталась вытащить ногу из-под камня. Он подался, правда, совсем немного. Воодушевившись, я потянула ногу еще сильнее, потом еще раз. Камень сдвинулся с места, а

потом снова упал на прежнее место, и от сотрясения со склона посыпались другие камни. Я завизжала от боли, когда они засыпали всю нижнюю часть моего тела. Я старалась не шуметь, но боль была такой сильной, что я расплакалась.

Человеческие шаги между тем приближались. Я заставила себя замолчать и вжалась в камни, надеясь, что люди меня не заметят и пройдут мимо. Тлитоо сел передо мной.

– Звук доносился отсюда, – произнес мужской голос. – Я слышал, как он заскулил.

Люди обогнули склон, и один из них посмотрел прямо на меня. Трое других – двое мужчин и одна женщина – остановились и тоже уставились на меня.

– Попал в ловушку, бедняга, – сказал один из мужчин. В его голосе было сочувствие, а не злоба. От него пахло любопытством и желанием помочь. Он опасливо подошел ко мне и снял один камень с груды, не дававшей мне выбраться. Тлитоо, поняв, что сделал этот человек, отскочил в сторону и стал с любопытством наблюдать за его действиями.

Я подняла голову, и человек отпрянул назад. Лицо его исказилось, а к запаху примешалась тревога. Я прижала уши и нервно облизнулась. Я и сама не знала, зачем это сделала. Я подумала, что люди освободят меня только для того, чтобы убить.

– Он хочет, чтобы ты ему помог, – заметил другой мужчина.

Они молча посмотрели на меня, и я ответила им умоляющим взглядом. Мне показалось, что они сейчас начнут снимать с кучи камни и бросать их в меня, но они просто смотрели, держась на почтительном расстоянии и на всякий случай подняв копья.

Человек, снявший с меня первый камень, снял еще один. Потом третий. Тлитоо всячески подбадривал его своим негромким карканьем. Каждый раз, снимая камень, мужчина отпрыгивал назад, словно боясь, что я брошусь на него. Как будто я могла сдвинуться с места!

Его страх был буквально осязаем. Запах страха был так силен, что мне захотелось сказать человеку, что я не причиню ему никакого вреда. Я попыталась ласково улыбнуться и тихонько заскулила. Человек вскрикнул и стремительно отпрянул. Я вспомнила небылицы Давриана. Вспомнила его рассказы о том, что мы убиваем всех людей без разбора, что мы жаждем только человеческой крови, что наши зубы напитаны ядом. Я поняла, какое мужество требовалось человеку, чтобы помочь мне. Этот мужчина не был молод. Он уже прошел половину своего жизненного пути, а значит, привык не доверять нам, но он помогал мне, не рассчитывая ни на какую выгоду. Я не носила ему добычу, не защищала его, я не сделала для него ничего из

того, что люди больше всего ценят в нас. Он просто хотел мне помочь, словно для него был невыносим один только вид моих страданий. Он отнесся ко мне как к беспомощному человеческому детенышу.

Наконец, снимая камень за камнем, мужчина почти освободил меня. Оставался только один камень. Человек взялся за него и, как только приподнял, я попыталась выдернуть лапу, но стоило мне пошевелиться, как он тотчас отпустил камень, и тот упал мне на лапу. Я взвыла от боли.

– Он просто сильно испуган, – сказала женщина. – Он хочет, чтобы ты ему помог. Он тебя не тронет.

Мужчина снова приблизился и попытался поднять глыбу, но ее удерживали на месте несколько более мелких камней. Человеку было бы легче, если бы он склонился ниже ко мне, но он боялся это сделать. Он поставил ноги по обе стороны от большого камня и постарался поднять его с помощью деревянной палки, подсунутой под глыбу, но из этого ничего не вышло. Камень не сдвинулся с места. Тогда другой человек опасливо – словно я могла броситься на него – обошел меня, и они вдвоем налегли на палку. Камень приподнялся.

Как только я освободила заднюю лапу, люди опрометью кинулись прочь. Я бросилась в другую сторону в редкий лес, волоча по земле раненую ногу. Добежав до безопасного места среди деревьев, я обернулась. Тлитоо приземлился рядом со мной. Люди внимательно смотрели на кусты, за которыми я спряталась. На выразительных человеческих лицах отразилось не только облегчение, но и радость от сделанного. От людей исходил запах удовлетворения, как от Тали, когда я ложилась рядом с ней погреться на солнышке.

Я всегда думала, что есть хорошие люди, которым мы нравимся, и плохие люди, испытывающие страх перед природным миром. Это было неправильно. Я почувствовала, что эти люди хотели помочь мне, даже полюбить меня, но им мешал страх. Человек освободил меня, победив свой страх.

Они пошли прочь, то и дело оглядываясь на то место, где я укрылась в лесу. Мне хотелось выйти из своего убежища и поблагодарить их, но я боялась, что от страха они могут напасть. Люди расположились за камнепадом и развели костер. Было еще светло, но они уселись вокруг огня и стали доставать еду.

Я долго смотрела, как они сидели у огня и ели. Впервые я всерьез подумала о том, как плохо быть одиноким в этом мире. Даже когда мы убиваем дичь или деремся с другими охотниками, мы знаем, что делим с ними наш мир, что все мы часть одного большого Равновесия. Люди же начали об этом забывать.

Они вспоминали об этом, когда были с нами. Некоторые люди – как Тали или Джалимин – воспринимали нас как членов своей стаи. Они могли принять нас такими, какие мы есть. Но другие – как освободившие меня люди – боялись нас. И все же, несмотря на это, их тянуло к нам, и они были бы не прочь установить с нами связь.

Я вспомнила, как люди вели себя с недоволками – в деревне из прошлого и на равнине, до того как Стражи убили этих маленьких волков. Я боялась, что недоволки смогут отобрать у нас людей. Одна эта мысль приводила меня в ярость, но теперь я поняла, что все это значило. Люди хотели, чтобы мы стали членами их стаи, но при этом боялись нас и не подпускали близко к себе. Но недоволков они не боялись. Они любили их без страха. Если люди смогли полюбить их – этих близких к природе и одновременно к людям маленьких волков, то, может, научатся любить и нас, более диких, одновременно с дикой природой вокруг.

Верховные волки говорили, что недоволки – это наша смерть, но они ошиблись.

Возможно, Гаанин и его стая – это наш шанс, последний шанс прийти к людям. Если люди доверились недоволкам и полюбили их, то – кто знает, – может, наступит день, когда они полюбят и нас.

Гаанин дважды пытался мне что-то сказать, но я отказывалась его слушать. Но, если он жив, а меня не убьют Стражи, у нас будет шанс поговорить.

Тлитоо взъерошил клювом мех на моей голове.

– Я рад, что ты освободилась, волчица, – сказал он.

Я поделилась с ним своими мыслями о недоволках и людях.

– Может быть, еще не поздно, – добавила я.

– Конечно, не поздно, глупышка, – ответил ворон.

Я дождалась наступления темноты, чтобы люди меня не заметили, и пустилась в путь к Скалистой Вершине, к Аззуену и нашим людям. За спиной я еще долго слышала голоса сидевших вокруг костра людей.

Глава 25

По дороге к пещере я дважды видела в лунном свете далекие силуэты верховных волков, бродивших по равнине. Оба раза я надолго пряталась, ожидая, пока они уйдут. Мать сказала, что попытается переубедить их, но верховные глухи к доводам разума. Я бежала со скоростью лося, преследуемого длиннозубами, и добралась до пещеры перед самым рассветом. Мне надо было поговорить с недоволками до того, как меня обнаружат Стражи.

Сустав у Тали распух и посинел. Она сидела, прислонившись спиной к стене пещеры, и сердито смотрела на Брелана.

– Я тоже пойду, – проворчала она.

Аззуен поздоровался со мной, ткнувшись носом в щеку. От этого прикосновения я немного успокоилась.

– Брелан побывал в Кааре, – сообщил Аззуен. – Теперь он хочет посмотреть, кто из жителей выжил и собирается в Лаан. – Аззуен явно тревожился за своего человека. – Тлитоо и Хлела тоже здесь. Они устроились в глубине пещеры.

Я как можно короче рассказала ему о лжи Давриана и о том, как меня спасли люди. Когда я стала рассказывать о своих планах, Аззуен весь превратился в слух.

– Да, – сказал он, выслушав меня, – это может сработать, если нам удастся убедить Гаанина и Стражей, в чем я не очень уверен. Но в любом случае надо попытаться.

Тали нетерпеливо потерла опухшую лодыжку.

– Если Хесми там, то мне непременно надо с ней поговорить, – настаивала она, выглядывая из пещеры. Она не знала, что старейшины уже нет в живых, а я не решилась бы сказать ей об этом, даже если бы могла.

Я подошла к девушке и села рядом. Она погладила меня по голове.

– Если она там, я вернусь и возьму тебя с собой, – пообещал ей Брелан, – но сначала надо выяснить, побывал ли там Давриан и что он им наговорил. Я обещаю, что вернусь сразу, как только выясню, что произошло.

Тали с трудом поднялась на ноги. Пройдя несколько шагов, она пошатнулась и вздохнула.

– Я только задержу тебя, если пойду, – признала она и снова села рядом со мной. Я вздохнула с облегчением. Если бы она настояла на своем, пришлось бы идти с ней и охранять ее, а мне надо было непременно встретиться с Гаанином.

– Ты должен выяснить, там ли Хесми и Ралзун и выжили ли

Давриан и Инимин, – сказала Тали Брелану. – Если они оба живы, надо узнать, что они наговорили старейшинам Лаана. Если есть хоть малейший шанс, что Лаан примет меня как криану, нам нужно немедленно идти туда.

Меня охватила гордость за ее мужество и решительность. С тех пор как мы покинули долину, Тали действительно стала настоящей крианой. Но сейчас, после того как Давриан сумел убедить жителей Лаана в своей лжи, делать ей там было нечего. Но чем скорее она об этом узнает, тем лучше. Надо сделать так, чтобы она пошла с нами туда, где мы будем скрываться, а если она пойдет в Лаан, то это расстроит все наши планы.

Я подошла к Брелану и лизнула его руку. Он улыбнулся и потрепал меня по холке, потом почесал ухо Аззуену и вышел из пещеры. Аззуен пошел за ним.

Тлитоо и Хлела, сонно моргая, вылезли из глубины пещеры.

– Мы слышали твой план, волчица, – сказал Тлитоо. – Мы присмотрим за девочкой до вашего возвращения.

Конечно, два ворона – не слишком сильная охрана, но убежище было надежным, а острый ум Аззуена мог пригодиться мне на переговорах с недоволками.

– Спасибо, – ответила я, стараясь не выглядеть скептически.

Я лизнула Тали в лицо и выбежала на свет утреннего солнца.

Брелан дошел с нами до границы выжженной пожаром земли и отправился в Лаан. Аззуен с тревогой посмотрел ему вслед.

– Можешь идти с ним, если хочешь, – сказала я неохотно. Аззуен был нужен мне самой.

– Я найду его после того, как мы поговорим с недоволками, – ответил Аззуен. – Не хочу оставлять тебя одну, Каала.

Я лизнула его в нос, понимая, как тяжело ему отпускать своего человека без защиты. Мы смотрели вслед Брелану до тех пор, пока он не исчез в лесу, а затем побежали на место сбора недоволков. Мы пронеслись мимо пустоши и поднялись на склон холма, откуда была видна территория недоволков, которую пощадил огонь. Мы начали спускаться с холма, когда заметили силуэты бегущих нам навстречу волков. У этих странных волков были круглые, как у щенков, головы.

Впереди остальных бежал Гаанин. С ним были два недоволка. Увидев нас, они остановились и сели, поставив перед собой передние лапы. Добежав до них, я вдруг поняла, что не знаю, с чего начать.

Я посмотрела на Гаанина, и он ответил мне тем же. В его глазах не было упрека, но было видно, что он не рад моему появлению. Я вспомнила убитых на равнине недоволков и

опустила глаза.

– Они сожгли лес, – сказала я. Это было глупо, недоволки знали о пожаре и без меня. Двое волков, сопровождавших Гаанина, подозрительно взглянули на Аззуена.

– Это Аззуен, – сообщила я. – Он из моей стаи.

– Это твой спутник? – спросила волчица с любопытством.

– Пока нет, – ответила я и смущенно прижала уши.

Волчица едва заметно усмехнулась, но потом посерьезнела.

– Мы знаем, что они сожгли лес, юная дикая волчица. Что ты теперь собираешься делать?

Я хотела бесстрастно изложить недоволкам свой план. Всю дорогу от пещеры я готовилась использовать все свое красноречие, чтобы убедить их в своей правоте. Но теперь не стала тратить слов и сразу выпалила все, что думала:

– Я хочу, чтобы вы вместе с нами пошли к людям. Им нужны волки, которых бы они не боялись. Им хочется любить зверей, к которым они не питают страха. Я не знаю, почему они так боятся нас, но они боятся. Если у них будут такие волки, как вы, волки, не внушающие им страха, то, возможно, они перестанут убивать нас, и мы сможем к ним вернуться. Вы должны убедить их принять вас, а потом мы последуем за вами.

– В вас они боятся собственной дикости, – заговорил Гаанин. – Глядя на вас, они против воли вспоминают, какими были когда-то, – животными среди других животных, зверьми, а не особенными высшими существами. В нас они видят то, что могут полюбить, то, что не мешает их нынешнему взгляду на самих себя.

– Ты уже давно это понял, – признала я.

– Именно поэтому мы пожертвовали нашей дикостью, – произнес Гаанин. – Именно поэтому мы позволяем людям распоряжаться нами на охоте, занимать наши территории и управлять нашими стаями так, будто они – наши вожаки.

Я не могла даже в мыслях допустить, что мы будем лишены азарта охоты, радости погони и трепета, который испытываем, догоняя и заваливая дичь по своему выбору, а не по чужой указке. Я ни на что не променяла бы радость бега по своей территории во главе своей стаи. Когда я впервые столкнулась с недоволками, то решила, что они просто недоделанные волки, но они пожертвовали большим ради исполнения Обета.

– Я давно хотел сказать тебе об этом, Каала, – добавил Гаанин, – но ты не желала меня слушать.

Я опустила хвост, принимая его упрек. Но потом меня охватил гнев за его покровительственный тон. Я подняла хвост и вскинула голову.

– Ты скрыл от меня и еще одну вещь, – с вызовом заговорила я. – Не сказал, что ты – мой отец.

– Это была не моя тайна, – ответил Гаанин и виновато поджал хвост. – Мы много раз пытались произвести потомство волков, которых люди приняли бы, не требуя безоговорочной покорности. Во мне больше дикой волчьей крови, чем в любом волке моей стаи, и у меня было множество щенков. Ты больше других соответствовала требованиям. Но все надежды оказались пустыми. Они все равно боятся волков.

Так вот, оказывается, кем я была для него! Всего лишь одним из экспериментов. Я думала, что, отыскав отца, задам ему тысячу вопросов, но выяснилось, что я для него то же самое, что и орудия для людей. Мне нравился Гаанин. Он был храбр, как истинный волк, и готов на любые жертвы ради исполнения Обета. Я же могла рассчитывать только на роль его орудия. Я встряхнулась. Настоящими моими отцами были Тревегг и даже Рууко.

– Я бы не назвал тебя покорным волком, – заметил Аззуен, видя, что я молчу.

– Я проявляю покорность, когда нахожусь с людьми, – ответил Гаанин. – Это мой добровольный выбор. Дети моих детей будут еще более послушны. Те, кто не будет послушным, научатся притворяться. Люди – испуганные, робкие, одинокие существа, и кто-то должен научить их тому, что наш мир не такое уж страшное место. – Он улыбнулся, словно люди были несмышлеными щенками, только что выползшими из логова.

Он заботился о людях не меньше, чем я. Казалось, ему было совершенно неважно, что он мой отец, но люди и Обет значили для него столько же, сколько его стая. Они значили даже больше, ибо члены его стаи гибли, пытаясь научить людей любви. Хотелось бы, конечно, чтобы он относился ко мне как к дочери, но еще больше мне было нужно, чтобы он помог нам завоевать доверие и дружбу людей.

– Нееса говорила мне, что если люди будут жить с такими волками, как вы, – произнесла я, следя за тем, чтобы случайно не произнести слово «недоволки», – то дети ваших детей забудут о своем волчьем происхождении. Они забудут Обет, как Белоснежка и Куцехвост.

– Да, – согласился Гаанин. – Они будут помнить лишь то, что их долг – жить с людьми. Они не станут спорить из-за того, что, по их мнению, важнее для волчьего рода. Они даже не будут знать об этой части Обета.

Именно поэтому нам было необходимо оттеснить от людей недоволков. Дикость надо сохранить во что бы то ни стало, чтобы люди не превратили весь мир в пустыню. Я уважала стремление

Гаанина быть с людьми, но потом он должен будет уступить дорогу нам.

– Мы надеемся только на то, – сказал Гаанин, внимательно глядя на меня, – что если люди смогут полюбить существо, отличное от себя, существо, которое им ничем не угрожает, то найдут способ полюбить и окружающий мир. Мы испробовали все остальное, и теперь это наш последний шанс. И их шанс. Но мы не достигнем успеха, если вы – волки – не позволите нам жить.

– Поэтому Стражи и продолжают вас убивать, – вставила я.

– И не только Стражи, – вмешалась в разговор волчица. – Такое происходило и раньше с другими стаями. Дикие волки всегда ненавидели наш род и все время нас убивали. Да и ваш род немногим лучше верховных.

– Ты видела, что случилось с моими волками на равнине, – сказал Гаанин. Он посмотрел на меня таким тяжелым взглядом, что я подумала: не знает ли он, что это я привела на поле Стражей. Я ждала обвинения, но Гаанин лишь беспокойно вздохнул. – Теперь люди сожгли лес. Возможно, для нас настало время сняться с этого места, спрятаться и переждать неспокойное время, как мы часто делали раньше. Но, боюсь, тогда мы упустим наш последний шанс. Если мы будем ждать, то люди зайдут слишком далеко.

Мною едва не овладела паника. Определенно, потом будет поздно что-либо исправлять, если Гаанин сейчас уведет прочь свою стаю.

– Мы найдем способ убедить верховных волков оставить вас в покое, – пообещал Аззуен. Я не поняла, как он собирается это делать, но попыталась выглядеть такой же уверенной, как Аззуен.

– Инимин и Давриан уже в Лаане и распространяют о нас самые невероятные россказни, – продолжал Аззуен. Он говорил это с таким спокойствием, будто обсуждал планы завтрашней охоты. – Они говорят, что это крианы подговорили нас поджечь лес. Что будет, если люди испугаются и вас?

– Люди уже не думают о нас как о волках и не считают дикими, – возразил Гаанин. – Каала видела это до того, как Стражи начали нас убивать. Инимин и Давриан не представляют для нас угрозы. Мы пройдем мимо них, не возбудив у людей никакого страха. Мы пойдем в Лаан и понаблюдаем за людьми. Нам надо посмотреть, поверили ли жители деревни россказням Давриана и Инимина о крианах и безопасно ли вашим людям появляться в Лаане. Но для этого вы должны убедить Навдру не убивать нас.

– Я поговорю со Стражами, – заверила я.

– Мы можем подождать до следующего восхода луны, –

сказала волчица, встряхнувшись. – Мы будем ждать в лесу вблизи Лаана.

– Если вам не удастся склонить верховных волков к соглашению, – добавил Гаанин, – я буду вынужден увести свою стаю в надежное место.

Он поклонился нам и побежал в лес.

Когда они исчезли в чаще и уже не могли нас услышать, я обратилась к Аззуену:

– У тебя же нет плана переговоров со Стражами, верно? – Я хорошо знала Аззуена и понимала, когда он блефует.

– Пока нет, – ответил он, – но мы найдем выход, правда?

Я тяжело вздохнула.

– Конечно, найдем.

Он ткнулся носом в мою щеку.

– Мы что-нибудь придумаем, Каала, я тебе обещаю. Можно мне теперь поискать Брелана?

Я по запаху чувствовала, как сильно Аззуен тревожится за своего человека. Он думал о нем все время разговора с Гаанином. Я вспомнила о Тали, которая сидит в пещере одна, если не считать двух воронов.

– Да, иди. Я буду ждать тебя в пещере.

Он легонько куснул меня за нос и побежал в сторону Лаана. Когда Аззуен исчез, я остро почувствовала, как он мне нужен, но делать было нечего. Я встряхнулась и направилась в пещеру к Тали.

Я была уже на полпути к цели, когда воздух над моей головой наполнился звуком беспорядочного хлопанья крыльев. Хлела летела прямо на меня. Не останавливаясь, она врезалась мне в бок и свалила на землю. Я вскочила, задыхаясь и кашляя от неожиданности.

– Что ты делаешь? – зарычала я.

В ответ Хлела прошипела что-то невразумительное.

Я оскалила зубы и внимательно пригляделась. Перья Хлелы были взъерошены, воротник из перьев сильно топорщился. В ее глазах я прочла безысходное отчаяние.

– Что случилось? – спросила я, чувствуя, как паника железным обручем сдавливает мне горло.

– Они его схватили.

– Кого? – спросила я. Аззуена я только что видела и не могла понять, кто мог схватить Брелана.

Хлела посмотрела на меня горящим взглядом и плюнула в морду обломком ветки.

– Тлитоо! Злые волки схватили его и твою девушку.

– Как это получилось? – растерянно спросила я. – Где?

У меня было такое чувство, будто Хлела ткнула клювом мне в грудь и пробила сердце. Я не боялась встречи с Даврианом и Стражами, мне был нипочем лесной пожар, но я не могла представить, как я переживу потерю Тлитоо и Тали.

– В ее убежище, в пещере! – прохрипела Хлела. Она взлетела вверх и понеслась назад, в сторону сгоревшего леса. Она летела так быстро, что, когда я сделала первый шаг, Хлела превратилась в маленькую точку на горизонте. Я побежала за этой точкой, боясь, что, когда добегу до пещеры, там уже будет некого спасать.

Хлела ждала меня у подножия Скалистой Вершины. Когда я подбежала, она взлетела на середину склона. Я подняла голову и посмотрела на нее сквозь марево. Хлела нетерпеливо щелкнула клювом.

– У меня нет крыльев, – недовольно буркнула я. К тому же мне не хотелось, чтобы верховные волки преждевременно меня обнаружили. Каждый мой нерв, каждый мускул подгоняли меня вверх, к Тали, но если я очертя голову брошусь в пещеру, меня увидят задолго до того, как я до нее доберусь. Если бы здесь был Аззуен, он посоветовал бы дойти до пещеры каким-нибудь незаметным окольным путем. Я села и принялась внимательно разглядывать пещеру. Выступ перед входом окружал половину скалы. По этому выступу я смогу незамеченной подобраться к самому входу, а там уж найду способ подойти к Тали и Тлитоо. Я обежала скалу внизу и начала взбираться к выступу. Забравшись на него, я пробралась ко входу, а дальше медленно поползла на брюхе.

Оказавшись у порога пещеры, я залегла. Хлела повисла вниз головой под выступом, беззвучно открывая и закрывая клюв. Прижавшись головой к камням, я прислушалась. Я ничего не услышала, а запах дыма по-прежнему был так силен, что никаких других запахов я не чувствовала. Я хотела было спросить Хлелу, точно ли в пещере кто-то есть, когда почувствовала, как меня окатила волна горячего дыхания. Я подняла голову и увидела над собой издевательскую ухмылку Милсиндры.

– Что-то тебя долго не было, Каала, – насмешливо произнесла она. Схватив за холку, она швырнула меня в пещеру. Я перекатилась через голову и с размаху упала на живот. Меня сразу окружили верховные волки.

Я тотчас уловила запах Тали и Тлитоо, но рассмотреть их не смогла – видела только волчий мех. Мне показалось, что в пещере не меньше сотни верховных. В горле у меня так пересохло от страха, что я не смогла бы говорить, даже если бы нашла что

сказать. Я так спешила в пещеру, что не подумала о том, что буду делать, когда доберусь до нее. Да, я сделала большую глупость, придя в пещеру одна и без плана. Теперь я в ловушке и не смогу помешать верховным волкам убить всех нас.

Надо было успокоиться и подумать. Я закрыла глаза. Конечно, не стоило бы закрывать глаза в окружении врагов, но никаких иллюзий у меня не было. Если верховные решат сейчас меня убить, то открытые глаза едва ли помогут. Я несколько раз глубоко вдохнула, надеясь, что от этого в голове появятся какие-нибудь полезные мысли. Но они не появились. Подождав еще немного, я открыла глаза. Я ничем не помогу Тали и Тлитоо, если буду валяться здесь, как затравленная дичь.

Прежде всего верховных волков было не сто, а всего восемь, включая спутника Милсиндры Кивдру. Сначала мне показалось, что остальные волки мне незнакомы, но потом среди них я узнала Галиндру и Сундру и еще нескольких верховных из Широкой Долины, которые поддерживали Милсиндру. Но ни Тали, ни Тлитоо я пока рассмотреть на смогла. Потом я услышала визг боли, и на середину пещеры выпрыгнул молодой верховный волк. За ним выскочил Тлитоо с клоком шерсти и куском волчьей шкуры в клюве. За вороном я разглядела и Тали, которая, скорчившись, сидела у стены в глубине пещеры.

Тлитоо выплюнул клок шерсти.

– Тебе не надо было сюда приходить, волчонок, – сказал он, – но я очень рад, что ты здесь. Сейчас мы им покажем.

Он заковылял ко мне. Одно крыло висело под странным углом и волочилось по полу пещеры. В укрытие влетела Хлела и, хрипло каркая, принялась облетать волков, чтобы добраться до Тлитоо. Она что-то сказала ему, и Тлитоо ответил ей тихим отрывистым клекотом. Два верховных волка бросились за ней, но Хлела ловко увернулась, пролетев между ними, и вылетела из пещеры. Волки кинулись за ней, но Хлела, сделав всего один взмах, оказалась вне пределов досягаемости. Волкам оставалось только рычать ей вслед в бессильной злобе. Воспользовавшись их замешательством, я подбежала к Тали. Никто меня не остановил.

Тали крепко меня обняла. Ее кожа была влажной и прохладной. Девушка дрожала от холода. Я прижалась к ней и оглянулась на верховных волков. Я ждала, что они начнут скалить зубы и угрожать, но они просто стояли и внимательно на меня смотрели. Собственно, спешить им некуда, так как у меня не было никаких шансов убежать.

– Что вам от меня нужно? – спросила я Милсиндру, дерзко посмотрев ей в глаза.

– Мы хотим знать, что ты умеешь делать с этими двумя, –

ответила Милсиндра. – Мы знаем, что вы можете посещать царство духов. Нееса говорила, что ты умеешь проникать в мысли других волков, а волк, который делает это, может проникать и в царство духов. Нам всем так говорили, когда мы были еще щенками. Мы знаем, что существуют принадлежащие нам по праву тайны, которые помогут уберечь волчий род от гибели. Прошло очень много времени с тех пор, как у нас была возможность поговорить с Древними. Но это умеет делать дрельшик, не так ли? – В голосе Милсиндры послышалась зависть. – Ты отведешь нас туда, или мы на твоих глазах убьем девчонку.

Я не знала, что понадобилось верховным волкам в Инехалине, но мне совершенно не хотелось помогать Милсиндре.

В голове стучало, и мне показалось, что если страх усилится, то моя голова просто лопнет. Я заставила себя думать. Мимо верховных я проскочить не могла, как не могла и с ними драться – шансов на победу не было. Милсиндру надо перехитрить. Видимо, о том же подумал и Тлитоо.

– Да, мы это сделаем, – хрипло сказал он. – Мы Нейя. Вам нужны я, волчица и человеческая девушка.

Сначала я рассердилась за то, что он включил в число Нейя и Тали, но, поразмыслив, поняла, что должна поблагодарить ворона. Если бы он сказал, что Тали не нужна, верховные сразу бы ее убили. Тлитоо смотрел на меня, часто моргая. Этот хитрец явно что-то задумал.

– Если кто-то из вас ляжет рядом с нами, то сможет увидеть то, что видим мы, – проворковал он.

Я не имела ни малейшего понятия о том, что задумал Тлитоо, но своего плана у меня не было. Значит, буду делать то же, что и ворон. Милсиндра внимательно взглянула на меня. Я кивнула в знак согласия.

В этот момент Тали попыталась бежать. Она встала и сделала шаг к выходу. Боясь, что верховные бросятся на нее, я ткнулась носом под ее колени и заставила снова сесть на землю. Верховные волки сдержанно хихикнули. К нам заковылял и Тлитоо. Верховные волки окружили нас, но при этом старались не подходить близко ко мне. Я едва сдержала смешок. Они притворялись такими свирепыми и сильными, но боялись того, что могли сделать мы с Тлитоо.

– Что случилось у тебя с крылом? – шепотом спросила я его.

– Оно сломано, волчица. Я не могу летать, – громко произнес он, а потом перешел на шепот: – Ты должна позволить злюковолку лечь рядом с твоей девушкой. Я заставлю волков поверить, что только человек может открыть им путь к

Нейякилакину, и они ее не убьют. Но ты не должна возражать.

Мне, конечно, очень этого не хотелось, но другого выбора не было.

– Хорошо, – согласилась я.

– Угрюмые волки, – надменно обратился Тлитоо к стоявшим вокруг нас огромным великанам. – Один из вас должен будет доказать свою храбрость и улечься рядом с девушкой. Если вы посмеете ее ранить, то никогда не попадете в Инехалин.

Вперед выступила Милсиндра. Она сильно дрожала, и ее страх доставлял мне неизъяснимое удовольствие. Тали отпрянула, когда огромная волчица приблизилась к ней, но я толкнула ее к верховной волчице и лизнула ей руку.

– Ты должна сесть рядом с ней, – сказала я Тали так, чтобы слышала Милсиндра. – Сядь и сиди спокойно.

Тали осталась на месте, дрожа, как Милсиндра.

– Она подчиняется тебе? – изумленно спросил один из верховных.

Я не ответила. Все мои инстинкты взбунтовались против такого страшного соседства. От самой мысли о нем меня начало тошнить, и я изо всех сил сдерживалась, чтобы меня не вырвало, на радость врагам. Я наклонила голову к Тлитоо. Он неловко вскочил мне на спину.

Ворон без предупреждения доставил меня в Инехалин. Ощущение падения, потеря обоняния и слуха промелькнули так быстро, а холод ударил меня так неожиданно, что я не успела приготовиться. Мои мысли остановились как замороженные. Мы приземлились на Каменном Поясе, там, откуда всегда начинались наши путешествия в Инехалин. Правда, на этот раз нам навстречу не вышел Волк-призрак. Тлитоо несколько раз громко каркнул, а я постаралась отогнать страх. Я боялась, что нас услышат верховные и в отместку нападут на Тали. Я услышала карканье великого множества воронов. Оно раздавалось откуда-то из-за границы Каменного Пояса.

– Слушай меня внимательно, волчица, – сказал Тлитоо. – Мы сумеем выйти из пещеры, и после этого вы пойдете со мной. Ты не должна устать или замерзнуть, поэтому у меня нет времени ничего тебе объяснять. Ты веришь мне? Сделаешь ли ты все, что я скажу?

Углом глаза я заметила, что за большим камнем движется какая-то тень.

– Подожди, – сказала я и, отойдя от Тлитоо, направилась к тени. Волк-призрак уже был готов ускользнуть в лес.

– Это правда? – спросила я его. – Мы можем приводить другие существа в Инехалин?

Волк-призрак остановился и оглянулся через плечо.

– Я слышал, это так, – отозвался он, – но не могу поручиться за то, что из этого получится. Мне не нравится принятое тобой решение. Мне не нравятся волки, которые, не будучи настоящими волками, берут то, что по праву принадлежит нам. – Он что-то пробормотал себе под нос, но потом поднял голову. – Но мы не исполнили Обет, а наши попытки исправить совершенную ошибку провалились. Мы потеряли право судить.

– Мне нужна твоя помощь, – произнесла я. – Ты должен сказать Стражам, чтобы они не убивали недоволков.

От холода язык плохо мне повиновался.

Волк-призрак суетливо потоптался на месте.

– Я могу попытаться, – проговорил он. – Но, если я это сделаю, ты не сможешь отступить. Если маленькие волки останутся жить, это будет означать конец для нашего племени. Люди наберутся достаточно сил, чтобы убить нас. Если я соглашусь на такую жертву и позволю маленьким волкам жить, ты должна поклясться, что сделаешь все, чтобы оправдать эту жертву.

– Я клянусь, – ответила я.

Волк-призрак наклонил свою огромную голову.

– Я попытаюсь, – решил он. – Время верховных волков прошло, но твое время еще не наступило.

– Волчица, – прохрипел мне на ухо Тлитоо, – тебе нельзя больше здесь оставаться. Если ты уснешь, мы не сможем драться.

– В этот раз я помогу тебе, – сказал Волк-призрак. – Ты немного ослабнешь, но сможешь двигаться.

С этими словами он прикоснулся носом к моей груди, и я ощутила прилив тепла.

Тлитоо бросился ко мне, и я тотчас оказалась на полу пещеры, где было жарко по сравнению с вечным холодом Инехалина. Я ощущала усталость, но прикосновение Волка-призрака позволило мне не уснуть.

Тлитоо взмахнул здоровым крылом и посмотрел на верховных волков.

– Здесь, среди каменных стен, ничего не получается, – объяснил он. – Древние не могут войти сюда.

Верховные зарычали, а некоторые двинулись к нам, угрожающе оскалив зубы.

– Ничем не могу вам помочь, злюковолки, – сказал Тлитоо. – Не я выбираю время, когда духам угодно поговорить с нами. Но есть место, куда они всегда приходили к нам. Я могу отвести вас туда.

Милсиндра издала низкий горловой рык, но Тлитоо лишь

искоса взглянул на нее. Тогда волчица зарычала еще более свирепо. Тлитоо щелкнул клювом и покачал головой, а потом принялся клевать землю под ногами, словно ища там червей. Милсиндра нетерпеливо взвыла, а потом решительно пошла к выходу из пещеры. Если бы она не была верховной, желавшей меня убить, мне бы, наверное, даже стало ее жаль. Она нуждалась в помощи Тлитоо, чтобы спасти свою стаю, но я не знала ни одного волка, который смог бы уговорить ворона что-то сделать против его желания.

Четверо верховных взяли нас в кольцо, когда мы спускались по склону холма в лес. Еще два волка стерегли Тали, которая сильно хромала из-за опухшей ноги. Тлитоо ехал верхом на моей спине, выставив искалеченное крыло.

Потом, в какой-то неуловимый миг, Тлитоо взлетел, рассекая своим якобы сломанным крылом воздух. Я резко остановилась перед Тали, пытаясь прикрыть ее от верховных. Но Тали не собиралась сдаваться. Откуда-то из складок одежды она достала несколько острых камней и метко швырнула их между глаз нескольким верховным волкам. Они, угрожающе рыча, двинулись на нее. У меня не осталось выбора – надо было драться. Я бросилась на Милсиндру и укусила ее за ногу так, что она взвыла. Я улыбнулась, несмотря на весь свой страх. Мне давно хотелось как следует ее укусить.

Думаю, верховным даже в страшном сне не могло привидеться, что мы посмеем на них напасть. Милсиндра и Кивдру угрожающе защелкали зубами, но Галиндра и Сундру тупо моргали, не понимая, что происходит. Вернулся Тлитоо и принялся бить волков крыльями и клевать их в глаза. Мы с Тали бросились бежать.

Мы успели добежать до вязовой рощицы, прежде чем они нас настигли. Кивдру ударил меня так, что я на мгновение перестала дышать. Он рассмеялся и отошел. Два верховных зажали между собой Тали. Я еще не успела встать, как Кивдру что-то скомандовал, и в рощицу не спеша вошли Галиндра и Сундру. Сундру держал в зубах Хлелу. Галиндра держала Тлитоо. Она бросила его к ногам Сундру. И прежде чем ворон успел пошевелиться, Сундру прижал его мощной лапой к земле. Тлитоо яростно каркнул. Я вскочила и подбежала к Тали.

– Пойду скажу Милсиндре, что мы поймали этого глупого щенка, – сказала Галиндра и потрусила прочь.

Сундру, ухмыльнувшись, сжал челюсти, и его острые зубы вонзились в грудь птицы. Хлела молчала, но кровь из волчьих укусов стекала по перьям на грудь волка и на Тлитоо.

Я оцепенела от ужаса и собственной беспомощности. Если

Сундру еще немного сожмет свои исполинские челюсти, то Хлела умрет. Я не могла напасть на верховного волка, это было попросту бесполезно. Я ничего не могла поделать.

В рощу вбежала Милсиндра. Кивдру приветствовал ее радостным тявканьем.

– Не пытайся от нас убежать, – заявила Милсиндра, не потрудившись даже посмотреть в мою сторону. – Ты и Нейя приведете нас туда, куда нужно. Если же вы этого не сделаете, я убью эту птицу, – она повела носом в сторону Хлелы, – а потом и Нейю.

Я посмотрела на Тлитоо. Он дрожал под лапой Сундру. Сначала мне показалось, что он дрожит от такого же страха, что и я, но, взглянув в его глаза, я прочитала в них только ярость.

– Отпусти ее, – прохрипел он, глядя на Хлелу. – Вы не имеете права нападать на клан воронов.

Сундру засмеялся и надавил на Тлитоо лапой так, что ворон вскрикнул от боли.

– Поздно, верховные черви, – хрипло произнесла Хлела. – Вы не имеете доступа к великой памяти без воронов, а мы больше никогда не возьмем вас в царство духов. Волчонок, – ее круглые глаза смотрели на меня, – эти зубастые твари могут попасть в царство духов только с Нейей и Лунной Волчицей. Они хотят от нас именно этого. Они могут увидеть духов с нами, но не в силах увидеть их без нас, но мы никогда больше не возьмем их с собой, – Сундру сжал челюсти, заставив Хлелу умолкнуть.

– Все очень просто, Каала, – сказала Милсиндра. – Заставь ворона взять нас с тобой, или мы убьем не только этих двоих, но и всех твоих друзей до единого. Маленьких волков и людей убивать так же легко, как и воронов. Мы не позволим таким волкам, как ты, вытеснить нас.

Я задрожала от ярости, как и Тлитоо. Милсиндра хотела не только убить всех нас, чтобы спасти свой род, она собиралась уничтожить Обет. Я раскрыла рот, собираясь разговором отвлечь верховных волков.

– Не трать слов, волчица, – прохрипела Хлела, словно прочитав мои мысли и стараясь вырваться из пасти Сундру. – Негоже Нейякилакину идти на компромиссы.

Кивдру что-то коротко тявкнул Сундру, и тот так быстро сомкнул челюсти, что я не успела даже зарычать. Я видела, как уходила жизнь из глаз Хлелы, которая до конца смотрела на меня.

Тлитоо зашипел от гнева и горя.

– Вы не будете больше топтать землю, – сипло произнес он. – Ваше время истекло. Отныне земля будет гореть под вашими

лапами.

Верховные не обратили на Тлитоо никакого внимания. Придя в ярость, я не помня себя бросилась на Сундру. Он покачнулся и снял лапу с Тлитоо, который с криком взлетел на ветку.

Сундру опрокинул меня на землю, встал на грудь, не давая дышать, и схватился зубами за горло. Тали рванулась ко мне, но два верховных волка не дали ей сделать ни шага. Я с тоской взглянула вверх, на ветви вяза, и невольно удивилась тому, что после пожара на них осталось так много листьев.

Потом листья сорвались с места и слетели с дерева, словно от порыва ветра. Однако ветер здесь был ни при чем. Раздался шорох и шелест, и на камень слева от меня приземлился какой-то ворон. Другой сел на землю справа, потом еще один. Кроны деревьев надо мной кишели птицами. То, что показалось мне листвой, было на самом деле месивом из тысяч крыльев. Вот, оказывается, куда летала Хлела: она позвала на помощь воронов. Воздух наполнился неистовым карканьем, когда все эти вороны посыпались с деревьев вниз. Другие принялись кружить над головами верховных волков. Те зарычали, а потом, завыв, отступили. Я вырвалась из-под лап Сундру и бросилась к Тали. С карканьем и хриплыми криками вороны один за другим спускались с небес, пролетая над головами и хвостами верховных волков.

– Прячься, волчонок, – каркнул мне в ухо, пролетая мимо, Тлитоо.

Я бросилась бежать, чувствуя удары крыльев и когтей воронов, налетевших на добычу. Я добралась до Тали, и мы вместе помчались прочь из рощи. Кивдру и Сундру взвыли от потрясения и боли. Яростно залаяла Милсиндра. Выведя Тали из опасного места, я вернулась посмотреть, что происходит. Верховные волки оказались погребены под копошащейся массой клювов, крыльев и когтей. Они исчезли из вида под кипящим потоком воронов. Волчьи крики заглушило яростное карканье разъяренных птиц.

Я не могла оторвать зачарованного взгляда от этого зрелища. Мимо меня пролетел ворон с волчьей лапой в клюве. Другой держал в клюве какой-то предмет, подозрительно похожий на ухо. Окровавленный волчий хвост повис на ветке. Вороны расселись вокруг того, что осталось от верховных волков, и принялись гудеть. Затем по знаку Тлитоо они взмыли вверх и улетели.

Глава 26

Милсиндра была мертва. Она преследовала меня в кошмарных снах. Останься она жива, она бы убила и меня, и всех, кого я любила. Теперь у нее не будет такой возможности. Но к чувству облегчения примешивался липкий страх. Я знала Тлитоо почти всю жизнь, но не ведала, что вороны умеют так жестоко мстить. Я не подозревала, что они могут убить всех нас, если захотят.

Вместе с Тали я дрожа пряталась в кустах. От верховных волков остались лишь клочья шерсти, лужи крови и куски мяса.

Тлитоо приземлился среди всего этого и направился к нам. Его лапки были поцарапаны и покрыты запекшейся кровью, грудь тяжело вздымалась.

– Ты ранен? – спросила я.

– Со мной все в порядке, волчонок. А вот злюковолки пострадали. Им не стоило сердить клан воронов, не надо было убивать Хлелу.

Тали расширенными от ужаса глазами смотрела на ворона. Потом она протянула руку и нежно погладила его по груди тыльной стороной ладони.

– Спасибо, – проговорила она, – спасибо за то, что ты спас меня и Каалу.

Тлитоо от удовольствия издал мелодичную трель.

– У твоей девушки больше ума, чем у тебя, волчица, и это еще мягко сказано, – несмотря на этот укор, он ласково провел окровавленным клювом по моей голове. – Мы не нападаем на наших друзей. Ты должна теперь быть сильной, волчонок. Мы разозлили злюковолков, и теперь не миновать войны. Мы победим, их род будет искоренен, но борьба станет кровавой. Ты не должна жалеть усилий, – он скорбно каркнул. – Не подведи нас, смерть Хлелы не должна оказаться напрасной.

Ворон встряхнул крыльями.

– Твои друзья ждут вас у Скалистой Вершины. Настало время завершить задуманное.

Тлитоо расправил крылья, громко каркнул и взлетел в воздух.

Я встала, потянулась всеми своими скованными страхом мускулами и посмотрела на Тали. Надо идти в пещеру. Нас там ждали Брелан и Аззуен.

– Нам пора идти, – сказала я и потянула Тали за полу одежды. Она посмотрела на меня и, как это часто бывало, поняла без слов, хотя и не говорила на нашем языке.

– Хорошо, Каала, – устало согласилась она. – Я иду.

Аззуен и Брелан стояли на выступе перед входом в пещеру, а рядом с ними еще два волка. Я остановилась, раздумывая, что это за волки – друзья или враги? Ветер переменился, я уловила их запах и радостно тявкнула.

Пелл и Марра бегом спустились с крутого склона скалы. Аззуен и Брелан спустились медленнее. Марра и Пелл с ходу врезались в меня и повалили на землю. Я перекатилась на бок, вскочила на ноги и куснула Марру в ухо, а Пелла лизнула в нос, сдержанно виляя хвостом. Радость от встречи была омрачена гибелью стольких людей и волков. Мы и сами рисковали умереть до захода солнца – либо от рук людей, либо от зубов Стражей. Но сейчас шансов выжить у нас стало намного больше, чем утром. Мы снова были вместе.

– Мы увидели пожар и подумали, что вы погибли, – сказала Марра. Усевшись на задние лапы, она поставила передние мне на спину. – Подумали, что все вы уже мертвы.

– Праннан и Амма погибли. – Я снова опустила хвост в знак траура и печали. – Не выжила и Лаллна.

Я вдруг поняла, что могли погибнуть и многие, многие другие. В горле у меня встал ком.

– Все ли благополучно на Быстрой Реке? Пощадили ли верховные волки ее стаю?

– С ней все в порядке, во всяком случае пока, – ответил Пелл. – Правда, к нам пришли какие-то странные волки. Они прятались в стае мышеедов, а теперь живут с людьми в деревнях Лин и Риан. Совет верховных волков ожидает вестей о том, что произошло здесь, а потом решит, что делать с этой стаей. Мы пришли, чтобы рассказать вам об этом. Совет ждет вашего – твоего и Милсиндры – возвращения.

– Милсиндра не вернется, – с клекотом прокаркал Тлитоо.

Подошли Брелан и Аззуен. Брелан протянул руки к Тали, и она приникла к молодому человеку.

– Ты ходил в Лаан? – спросила она.

Он болезненно поморщился в ответ.

– Я попытался войти в деревню, но двое охотников прогнали меня до того, как я дошел. Мы с ними незнакомы. Нам придется еще раз попытать счастья и поговорить со старейшинами.

Я не хотела, чтобы они шли в Лаан. Там были Давриан и Инимин, рассказывавшие местным жителям небылицы о волках. Я даже завыла от отчаяния, не зная, как сообщить об этом людям.

Брелан так тесно прижал к себе Тали, что они показались одним существом. В этот момент я поняла, что Пелл и Марра

стоят очень близко друг к другу – так обычно ведут себя члены волчьей пары.

Марра перехватила мой взгляд и улыбнулась. Пелл отвел взгляд. Определенно, он не стал долго искать другую волчицу после того, как я ему отказала.

Тлитоо толкнул меня в зад.

– Они должны знать и все остальное, волчонок.

Я рассказала Пеллу и Марре о том, как Милсиндра и ее соратники погибли под клювами воронов, о спасших меня людях. Рассказала о планах использовать недоволков для того, чтобы они открыли нам путь к людям. Я рассказала и о том, что умеем делать мы с Тлитоо, о Волке-призраке и наших планах устроить Стражам встречу с ним.

Я со страхом ожидала, что они с отвращением и гневом отвернутся от меня. Пелл некоторое время смотрел на меня, а потом неудержимо рассмеялся.

– Я так и знал, что ты не все о себе рассказывала.

Глаза Марры засветились любопытством.

– Значит, ты можешь взять с собой стаю Стражей и показать им Волка-призрака?

– Думаю, что да, – ответила я, едва не упав от облегчения. Я была уверена, что мои сотоварищи будут шокированы, узнав, что проделываем мы с Тлитоо. Они могли подумать, что я ненормальная, и я боялась, что они станут меня избегать и я останусь в одиночестве. Однако им мои путешествия в мир духов показались не более странными, чем быстрые ноги Марры или острый ум Аззуена.

По выжженной земле разнесся предостерегающий вой. Это был голос моей матери. Как мне хотелось побежать к ней! Теперь, когда моя стая была со мной, я почувствовала, что могу уйти с ней в какое-нибудь безопасное место, оставив позади Каар со всеми его бедами и несчастьями. Но я не могла этого сделать. Нееса звала нас не на охоту, не на осмотр новых территорий. Это был предостерегающий вой. Значит, Стражи напали на наш след.

– Беги! – выла Нееса. Я взглянула в исполненные решимости лица волков моей стаи и наших людей. Но было уже поздно. Огромные силуэты верховных волков показались на гребне возвышенности, обрамлявшей равнину. Огонь уничтожил деревья и кусты, где мы могли бы от них спрятаться. В лучах заходящего солнца они видели нас так же отчетливо, как и мы их.

Нееса бежала впереди них. Верховные обогнали ее и устремились к нам.

– Стой твердо, волчица, – велел Тлитоо. Я подняла голову и увидела около двадцати воронов, круживших над нами. У многих

из них клювы и когти были покрыты запекшейся кровью.

Пелл, Аззуен и Марра встали рядом со мной. Люди отошли за наши спины и подняли копья. Над нами гудели вороны. Стражи, ведомые Навдру и Йилдрой, ускорили свой бег. Их было всего шесть, и я подумала, что схватка будет приблизительно равной.

Навдру, видимо, тоже так подумал, потому что, добежав до нас, резко остановился. Нееса пронеслась мимо него и встала рядом со мной. Навдру посмотрел на нас – пятерых волков, на Тали и Брелана с их смертоносным оружием и на стаю воронов в небе. Страх, мелькнувший в его глазах, говорил о том, что он слышал о гибели других верховных волков.

– За нами бежит вся стая, – хриплым от дыма голосом сообщил Навдру, взглянув на воронов.

– Они могут не поспеть вовремя, – нежно проворковал Тлитоо.

Навдру наклонил голову к земле.

– Может быть, они не успеют помешать нашему убийству, но они прибегут как раз вовремя, чтобы остановить этого дрельволка и его стаю, не дать ему погубить весь волчий род.

Он гордо вскинул голову, и в этот момент я поняла, что значит быть вожаком стаи. Навдру готов был умереть за то, что считал верным и справедливым. Я восхитилась им, пусть даже он считал справедливым мое убийство.

Наши взгляды встретились.

– Теперь ты веришь нам? – спросил он. – Теперь ты поняла, на что способны люди, охваченные паническим страхом?

Он ждал моих извинений. Да, в каком-то смысле я была виновата. Я делала ошибки в отношениях с людьми, и эти ошибки привели к лесному пожару. Но время для извинений осталось в прошлом.

– У нас есть план, – заявила я.

Мать живо перебила меня:

– Отпустите ее. Пусть она заберет своих людей и уйдет. Я ручаюсь, что они больше не пойдут к людям.

– Я никуда не уйду, – сказала я, и Йилдра, оскалившись, глухо зарычала.

– Слишком поздно, Нееса, и ты это знаешь, – произнесла она. – Они потерпели неудачу в своих попытках, точно так же, как и все другие волки до них.

Издалека донесся вой верховного волка. К нам приближалась стая Стражей. Наше время истекло.

– Теперь мы знаем больше, чем наши предшественники, – сказала я, – и вы тоже должны это знать.

Нееса предостерегающе тявкнула.

– Думаю, им надо встретиться с Волком-призраком, – заметила я матери.

– Но они не могут этого сделать! – отозвалась Нееса.

– Могут, – ответила я. *Во всяком случае, я очень на это надеюсь*, мысленно добавила я. Я не знала, что буду делать, если Тлитоо не сможет взять их в Инехалин.

– О чем она? – прорычал Навдру.

– Милсиндра говорила правду, – объяснила я ему. – Есть место между двумя мирами, и Тлитоо может отвести меня туда. Он может взять с нами и других волков, – я помолчала, пытаясь собрать все свое мужество. – Я – дрельволк, а вместе с Тлитоо мы – Нейякилакин.

Никогда прежде я не говорила об этом вслух, никогда, даже самой себе, не смела признаться в том, что я – волк из легенды. Но, хотела я того или нет, было ясно, что мои действия могут решить судьбу волчьего рода, и мне следовало иметь мужество признать это.

Тлитоо спланировал вниз и приземлился рядом со мной.

– Я могу одновременно с Каалой отвести туда еще одного волка. Но там нельзя долго оставаться. Инехалин – не место для живых существ. Ты замерзнешь, а если пробудешь там долго, то умрешь. Если дрельволк слишком там задержится, то тоже не выживет.

Он вскочил на спину Навдру и вызывающе каркнул. Навдру, рыча, попятился назад. Прежде чем он успел отдать приказ убить меня, я прыгнула к нему. Тлитоо поставил одну ногу на меня, а другую – на Навдру.

Мы начали падать. Последнее, что я слышала перед тем, как пропали все звуки и запахи, был вскрик ужаса. Прошло несколько томительных мгновений, и мы очутились на Каменном Поясе.

– Получилось! – скрипуче воскликнул Тлитоо. – Получилось, волчонок!

Он провел клювом по моей шерсти.

– Что это за место? – спросил Навдру. Голос его дрожал так сильно, что я с трудом его узнала. Глаза волка расширились от страха и потрясения. – Я знаю Каменный Пояс Широкой Долины, но это другое, – он судорожно вздохнул. – Я не чувствую своих лап.

– Это просто холод Инехалина, – пояснила я. Я уже забыла, как была напугана, когда оказалась здесь в первый раз.

– У нас нет времени на болтовню, волки, – напомнил Тлитоо. Он подошел к краю скал Пояса.

– Выпустите меня отсюда, – потребовал Навдру, пригнувшись, словно ожидал нападения сверху.

– Не выпущу, – ответил Тлитоо. – Я оставлю тебя здесь, и ты замерзнешь насмерть, если не пойдешь с нами. Ты же обещал ничего не жалеть ради блага волчьего рода. Теперь ты испугался?

Навдру выпрямился и поднял голову.

– Я сделаю все ради волчьего племени.

Мы прошли по царству Инехалина. Остановившись, мы привели Навдру в деревню, полную недоволков. На месте этой деревни была теперь Пустошь. Мы показали Навдру, как спокойно и безмятежно чувствовали себя люди с этими маленькими волками. Навдру зарычал, увидев их. Потом мы повели его к пещере Волка-призрака. Навдру остановился у входа, но отказался войти внутрь.

– Я уже был здесь один раз, – сказал он, не скрывая страха, – и это случилось в настоящем мире. Волк, живущий здесь, говорит от имени Древних. Я приходил сюда со своей стаей, когда еще был совсем маленьким щенком.

Мне стало любопытно, когда же это произошло. Верховные волки жили очень долго.

Волк-призрак вышел из пещеры и двинулся к нам. Навдру отпрянул, и Тлитоо куснул его за хвост, заставляя идти вперед.

– Верховные не исполнили Обет волчьего рода, – произнес Волк-призрак, переступив через кости, лежавшие на полу пещеры. Он был больше, чем мне казалось после первого посещения, и двигался легко и грациозно. – Вы возложили эту задачу на плечи молодой волчицы, – он наклонился ко мне, а потом, повернувшись к Навдру, оскалил призрачные зубы. – Теперь предоставьте это дело ей. Ты должен увести своих волков и оставить жить новых спутников людей, – он недовольно поморщился. – Оставьте недоволков в живых. Ни тебе, ни твоим волкам я не позволяю убивать их. Уходите, оставьте людей Гаанину и его детям, ибо время верховных волков почти истекло.

Навдру чихнул и попытался что-то ответить, едва шевеля замерзшими губами, но Тлитоо не стал ждать. В следующий момент мы оказались на поляне перед Скалистой Вершиной в окружении волков стаи Стражей.

Навдру била крупная дрожь.

– Что ты видел? – сурово спросила Йилдра. Навдру покачал головой.

– Вы не поверите мне. Вам надо увидеть это самим. Но теперь я понимаю, что мы ошиблись.

Я так устала, что мне хотелось заплакать, но если надо было отвести Йилдру в Инехалин, чтобы убедить ее сохранить жизнь нам и недоволкам, то я готова была тысячу раз совершить это мучительное путешествие. Йилдра, чуть дрожа, выступила вперед.

Шатаясь, я пошла ей навстречу. Тали преградила путь.

– Что с тобой, Каала? – спросила она, озабоченно глядя на меня. Я была настолько утомлена, что шаталась из стороны в сторону. Я лизнула Тали руку и осторожно отодвинула ее в сторону.

Йилдра молчала, когда я показала ей недоволков, а потом Волка-призрака. Мои лапы, хвост и нос, замерзшие во время путешествия с Навдру, не успели согреться за то недолгое время, что я пробыла в мире живых. Когда мы подошли к пещере, у меня замерз нос, лапы и морда. Вернувшись из царства духов к Скалистой Вершине, я упала на бок, судорожно хватая воздух.

– Довольно, – произнесла Нееса хриплым от волнения голосом. Но другие верховные смотрели на нас, ожидая своей очереди.

– Это очень важное решение, и мы не можем принимать его вслепую, – заявила одна волчица. – Нам нужны доказательства.

– Надо пойти еще раз, – сказала я Тлитоо.

– Ты не можешь показать это место всем волкам их стаи, – рыкнул Аззуен. Он опустил голову, словно собираясь напасть на стоявших вокруг верховных.

– Это будет уже слишком, волчица, – проворковал Тлитоо. – Ты еще ни разу не бывала так долго в этом холодном месте. – Я так посмотрела на него, что он опустил голову и спрятал ее между крыльями.

– Если я сейчас возьму тебя в Инехалин, то это будет в последний раз на много-много дней. Возвращаться туда для тебя очень опасно. Даже один раз. Это большой риск. Я не хочу тебя потерять, глупый маленький волчонок.

Но это я вывела Стражей на равнину, где они убивали недоволков. Моя вина была и в том, что Гаанин хотел уйти и увести свою стаю в безопасное место, и если верховные волки не согласятся сохранить жизнь недоволкам, то мы безвозвратно проиграем все.

– Нам надо убедить их оставить недоволков в покое, – прошептала я.

– Хорошо, волчица, – согласился Тлитоо. Аззуен тихо зарычал. Ворон расправил крылья и каркнул Стражам:

– Мы покажем Волка-призрака еще одному из вас, и это все.

Белая волчица выступила вперед. Я попыталась шагнуть ей навстречу, но не смогла. Она сама подошла и почти нежно прижалась ко мне. С другой стороны ко мне прижалась Тали. На этот раз у меня не было сил ее отодвинуть.

Тлитоо двигался так быстро от Каменного Пояса к деревне с недоволками и пещере Волка-призрака, что я с трудом поспевала

за ним.

– Не спеши так! – выдохнула я, ощутив нестерпимую боль в горле.

– У нас нет времени, волчонок. Ты и так уже слишком долго пробыла здесь.

Я понимала, что он прав. Я уже не чувствовала ничего, кроме груди и живота. Все остальные части тела замерзли до полного бесчувствия. Сердце билось очень медленно, а легкие отказывались наполняться воздухом. К тому моменту, когда мы показали волчице пещеру, теплой оставалась только моя грудь.

Потом, когда Тлитоо уже был готов вытолкнуть нас из Инехалина, я вдруг увидела сидевшую на камне Тали. Должно быть, она попала сюда, потому что прижималась ко мне, когда мы отправились в мир духов.

– Каала? – прошептала она.

– Тебе нельзя быть здесь, – сказала я, с трудом пошевелив носом.

– Почему нельзя? Ведь ты же здесь.

В тот момент, когда я осознала, что она меня понимает, Тлитоо вышвырнул нас из Инехалина. Мы все оказались у Скалистой Вершины. Тлитоо с любопытством посмотрел на Тали, но я лежала на боку и не могла не то что говорить, но даже как следует дышать.

Я попыталась поговорить со Стражами, объяснить им, почему они должны оставить в покое недоволков, но четыре путешествия в Инехалин лишили меня последних сил. Я уронила голову на землю и впала в беспамятство.

Мне показалось, что я проспала всего мгновение, когда Тлитоо разбудил меня. Я со стоном перекатилась на живот. Стражей не было, они ушли. Нееса осталась со мной. Аззуен лежал рядом, согревая своим сильным горячим телом. Пелл и Марра стояли на страже. Тали и Брелан сидели на корточках, ожидая моего пробуждения. Усталость была так сильна, что я до сих пор не могла двигаться. Солнце стояло высоко в небе, и я постаралась понять, сколько времени проспала. Не опоздали ли мы к встрече с недоволками?

Нееса потерлась носом о мою щеку.

– Они согласились, Каала. Мы отдаем людей недоволкам, а верховные волки оставляют им жизнь.

– Мы разбудили тебя, волчица, как раз вовремя – чтобы успеть на встречу с недоволками, – с тревогой в голосе сообщил Тлитоо.

– Но Стражи согласились?

Я не могла в это поверить. Значит, не все еще потеряно. Возможно, мы даже выиграем. Всего несколько часов назад я думала, что Обет безвозвратно нарушен и погибнут все, кого я любила. Но, возможно, мне удастся остаться с Тали и Аззуеном. Земля Ручьев была потеряна, так как она выгорела дотла, но уцелела моя стая – Аззуен и Тали. Мне захотелось подпрыгнуть от счастья, но я смогла лишь благодарно лизнуть Неесу в нос.

– Я ждала, когда ты проснешься, – сказала она, – но теперь мне пора присоединиться к остальным. Навдру и Йилдра настояли, чтобы я осталась с ними, чтобы не спаривалась больше с недоволками и не родила еще одного такого волка, как ты. Они считают нас с тобой возмутителями спокойствия, – она лизнула меня в ухо. – Пойдешь со мной? Навдру сказал, что ты найдешь свой дом в стае Стражей, и другие согласились с ним. Мне бы хотелось проводить с тобой больше времени.

Я мечтала быть в одной стае с матерью с тех пор, как она меня оставила. На мгновение я представила, как стану бегать с ней на охоту, спать рядом с ней на солнышке, пока Аззуен будет играть с нашими щенками. Но Стражи ни за что не пустят в свою стаю людей.

– Я должна остаться с Тали, – с трудом шевеля губами, пробормотала я. Нос так замерз в Инехалине, что я до сих пор с трудом дышала. Я не могла отказаться от Тали даже ради матери. Нееса была разочарована, но не удивлена. На прощанье она положила голову мне на шею и притянула к себе.

– Найдешь меня, когда сможешь, – сказала она. – Надеюсь, мы будем охотиться в нескольких днях пути от этих мест. Я не хочу снова тебя потерять. – Она еще раз лизнула меня между ушей, встала и по следам Стражей побежала к отдаленным холмам. Я долго смотрела ей вслед. Раньше я думала, что, когда найду мать, останусь с ней навсегда. Но вот я нашла ее, и она снова меня покидает. Правда, теперь это был мой выбор.

Мои товарищи молча смотрели на меня. Первой нарушила молчание Марра.

– Мы тоже уходим, Каала. Нам надо вернуться в Широкую Долину, – сообщила она. – Нам нужно доложить совету верховных волков о согласии Стражей. К тому же там находится Миклан. Мы вернемся с ним, если ты обоснуешься здесь со своими людьми.

– Да, мы собираемся это сделать, – сказала я. Конечно, так и случится, искренне думала я. – Мы остановимся возле Лаана и будем ждать, когда жители настолько привыкнут к недоволкам, что рискнут принять и нас.

– Ты сделаешь это, Каала, – подтвердил Пелл. – Мы с Маррой будем горды стать членами твоей стаи.

Марра и Пелл поочередно ткнули меня носами в щеку, а Аззуена – в шею и умчались к горам, за которыми начиналась Широкая Долина.

Мои глаза сами закрывались от усталости. Мне страшно хотелось спать, но я усилием воли отогнала сон. Гаанин ждет нас. Я встала и потянулась, стараясь избавиться от боли в окоченевших мышцах.

Я очень старалась идти быстро, но Аззуен, Тлитоо и даже Тали с ее растянутым суставом были вынуждены часто останавливаться, чтобы подождать, пока я доковыляю до них. Я плохо выспалась после моих путешествий в Инехалин, и тело меня не слушалось. Я не могла быстро двигаться. Брелан наконец взял меня на руки и понес. По дороге Брелан и Тали рассуждали о том, что они будут говорить, когда придут в Лаан. Мы должны найти способ не пустить их туда, увести подальше от этой опасной деревни, как увели их из долины.

Я была очень благодарна Брелану за то, что он меня нес, и от избытка чувств лизнула его в лицо и положила голову ему на плечо.

Недоволки встретили нас на опушке леса неподалеку от Лаана. Наши люди смотрели на них с любопытством, но без страха.

Я заворочалась в руках Брелана. Он поставил меня на землю, и я, шатаясь, пошла к недоволкам. Аззуен шел рядом, готовый поддержать. Люди присели на корточки, рассматривая недоволков.

– Стражи согласились с нами, – сообщила я Гаанину.

– И ты им поверила?

– Да, – твердо ответила я.

Морда его вытянулась.

– Будет хорошо, если это окажется правдой.

– Идемте к людям, – сказала я. Мне было холодно и страшно хотелось спать, но чем раньше мы отведем недоволков к людям, тем лучше.

Гаанин виновато посмотрел на меня, но когда заговорил, голос его звучал жестко:

– Ты не сможешь подойти к ним, Каала. Никто из вас, диких волков, не сможет этого сделать. – Он вскинул голову и с вызовом взглянул на Аззуена.

– Что ты хочешь сказать?

– Вспомни: в вас слишком много дикости, – пояснил он. – Из-за нее они даже сожгли лес. Ты должна уйти вместе со своими волками. Ваш род должен отныне держаться подальше от людей, как и род верховных волков. Задача сделать людей частью

окружающего мира досталась теперь нам.

У меня из горла вырвался злобный рык.

– Ты сам говорил мне, что хочешь научить людей ладить и с другими животными, помимо тебя и твоей стаи! Ты говорил, что если они научатся любить вас – недоволков, – то научатся любить и весь природный мир.

– Я действительно так говорил. Но это займет больше времени, чем отпущенный нам срок жизни. Прости, Каала.

Он преднамеренно обманул меня. Я зарычала громче. Тлитоо зашипел на недоволка.

– Но как же тогда с Пустошью? – поинтересовался Аззуен. – Если у людей будут волки, в которых нет дикости, они примутся снова творить Пустоши.

– Да, – согласился Гаанин. – Сейчас уже поздно, слишком поздно заставлять людей принять дикость в ее естественной форме. Мы должны действовать незаметно, постепенно, без нажима. За это время люди будут творить все новые Пустоши. Они станут занимать леса и уничтожать их. Но, может, настанет день, когда люди воспримут ту малую толику дикости, что останется в детях детей наших детей, и тогда окажутся способными смотреть на мир более широко. Будем надеяться, что это произойдет раньше, чем люди сумеют превратить в пустыню весь мир.

Я не могла на это пойти. Не могла, не имела права отступить после всего того, что сделала. Это я привела волков к людям. Я противостояла верховным, готовым убить меня. Это я водила их в царство мертвых. Это из-за меня погибли волки моей стаи.

Я посмотрела в глаза Гаанина и увидела в них вызов. Он тоже терял товарищей в борьбе за исполнение Обета.

– Скажи, Каала, ты хочешь быть такой же, как остальные? – спросил он. – Как древние верховные волки, увильнувшие от своей ответственности? Как Милсиндра, которая всегда стремилась только к власти и собственной выгоде? Если так, ты не моя дочь. Я забираю свою стаю и ухожу.

Верховные волки снова и снова терпели неудачу из-за своей гордыни и эгоизма. Недоволки ближе всех подошли к успеху, потому что лишились эгоизма и были готовы сделать все, чтобы завоевать доверие людей. Белоснежка и Куцехвост искренне считали, что их единственное предназначение в мире – это дарить людям любовь, и люди на равнине, среди которых находились недоволки, были счастливы. Я никогда не видела более счастливых людей.

Это я понимала. Я поняла, что недоволки больше подходят людям, чем мы, в тот момент, когда Тлитоо впервые показал их

мне. Когда я увидела их в Инехалине и на равнине, моя ярость была вызвана завистью. Недоволки на самом деле умели превращать людей в создания иного рода. В создания менее настороженные и более склонные к любви. Я знала, что жить с людьми будут именно недоволки.

Пранан и Амма погибли, исполняя Обет. Погибали за него и многие другие. Если я откажу недоволкам в праве быть с людьми, зная, что именно они смогут добиться успеха, то я окажусь ничем не лучше верховных. А если бы мне пришлось выбирать, кем быть – Милсиндрой или маленьким волком, я предпочла бы стать недоволком.

Вспомнила я и клятву, данную мною Волку-призраку. Он знал, что я бы сделала такой выбор.

– Мы уведем наших людей далеко отсюда, – вымолвила я наконец, с трудом выдавливая из себя слова. По крайней мере, мы сможем удержать рядом наших людей.

Аззуен, прищурившись, посмотрел на Гаанина.

– И все же мы нужны вам, – заговорил Аззуен, торопливо, как всегда, когда ему приходила в голову удачная мысль. – Стражи были правы в одном. Мы должны сохранить в себе частицу дикой природы, чтобы, когда она потребуется людям, она оказалась у них под рукой.

Гаанин согласно кивнул.

– Да, время верховных волков прошло. Вы и ваши дети должны сохранить в себе первозданную дикость природы. Если, приняв нас, люди перестанут убивать волков вашего рода и других диких животных, то есть надежда. Но для этого должны будут остаться те, кто помнит Обет. Вы должны поэтому исполнить еще одно предназначение, – он посмотрел на Тали, сидевшую рядом с Бреланом. – Все другие крианы мертвы, – снова заговорил Гаанин. – Так же, как волки должны хранить дикость, уповая на понимание людей, так и ваша девушка должна будет передать своим детям знание крианов – знание о непреложной необходимости сохранить дикую природу. Куда бы вы ни отвели ее, вы должны быть уверены, что она это сделает.

Я тут же вспомнила лживые наветы Давриана на Тали и Ралзуна.

– Вы были в Лаане? – спросила я, шатаясь от усталости. Я слишком долго простояла на ногах. – Верят ли они россказням Давриана о наших крианах? Будут ли Тали и Брелан в безопасности в этой деревне?

– Нет, не будут, – отозвалась одна из волчиц. – Я слышала, как люди Лаана говорили, что старые крианы опаснее волков. Они убьют вашу девушку и ее спутника, если найдут их.

Мы находились всего в паре сотен шагов от Лаана, и Тали с Бреланом были намерены идти туда.

Тлитоо предостерегающе каркнул.

– Вы должны были сказать нам об этом с самого начала, тупые волки! – недовольно проскрипел ворон Гаанину. – Сюда идут люди Лаана, волчица, – сообщил он мне. – Я вижу их. Они найдут твоих людей.

Это означало, что Тали надо было немедленно уводить отсюда, но я не могла ничего ей объяснить, не могла предупредить, чтобы она не шла навстречу своей смерти. Или все же я могла это сделать? Когда она на несколько секунд появилась в Инехалине, то понимала меня и говорила со мной.

Я заковыляла к Тали.

– Отведи нас! – выдохнула я, обращаясь к Тлитоо.

Он не стал спрашивать, куда. Он лишь озабоченно каркнул. Аззуен поочередно смотрел то на меня, то на ворона.

– Я же говорил тебе, что это очень опасно, волчица. Ты еще не отошла от прежних путешествий в царство духов. Ты слишком много раз была сегодня в Инехалине.

– У меня нет выбора! – крикнула я, впадая в панику. – Она должна все узнать, до того как люди Лаана найдут наших людей. – Я плохо соображала, в голове мутилось, меня трясло от слабости, но это была моя вина, а не Тали, что Стражи убивали недоволков на равнине и заставили Гаанина пригрозить, что он уведет свою стаю в надежное место. Это была не ее вина, что я слишком долго пробыла в Инехалине. Если я дам ей умереть, то Обет будет окончательно забыт.

– Хорошо, волчица, – согласился Тлитоо, – но придется все делать очень быстро.

Я села рядом с Тали и заскулила, чтобы привлечь ее внимание. Она присела на корточки и обвила руками меня за шею.

– Что с тобой, Каала? – заботливо спросила она.

На мгновение я прижалась к девушке, чтобы ощутить ее запах, проникнуться теплом ее тела. За последнюю луну она еще больше выросла, сгладилась угловатость, в облике уже проглядывала женственность. Скоро она сможет спариться с Бреланом. Потом у них появятся детки – вскоре после того, как появятся щенки у нас с Аззуеном – я решила спариться с ним в этом году. Мысль о том, что мы будем растить наше потомство вместе, наполняла меня радостью, хотя дети Тали будут расти медленнее, чем мои. Они будут еще маленькими, когда меня уже не будет на свете. Я отогнала от себя эту неприятную мысль и взглянула на Тлитоо.

– Нам надо поторопиться, – сказала я. – Ты готов?

В сердцах он швырнул в меня обломок сухой ветки.

– Я всегда готов, – ответил он, – это тебе следует подумать.

– Постережешь нас? – спросила я Аззуена.

– Конечно, – откликнулся он. Я прикоснулась носом к его щеке и потянулась всеми ноющими мышцами. Недоволки с любопытством смотрели на нас. Тлитоо протиснулся между мной и Тали.

На этот раз холод был еще более невыносим и страшен. Сначала мы с Тлитоо оказались в Инехалине вдвоем. Тлитоо бросил на меня быстрый взгляд.

– Подожди, волчица, – сказал он. – Сейчас я подумаю, как доставить сюда девушку.

Он исчез, и я осталась одна. Холод был так силен, что мне казалось: я вот-вот рассыплюсь на части. Потом ворон вернулся.

Я не заметила, как это произошло, но через мгновение я увидела Тали, сидевшую на соседнем камне.

– Серебряная Луна! – обрадованно воскликнула она. – Каала!

Я подошла к ней и коснулась заледеневшим носом ее кожи.

– Тали, – отозвалась я, и она улыбнулась. Девушка выглядела точно так же, как в мире живых. – Ты здесь.

– Я думала, это всего лишь плод моего воображения, – произнесла она, и ее улыбка стала еще шире. – Я именно так и представляла себе твой голос. Когда-то я умела говорить с волками, когда была маленькой – с Индру и Франдрой.

– Знаю, – ответила я. – Ниали рассказывала мне об этом. – Я лизнула ее в лицо. В Инехалине не было не только запахов. В мире духов все вещи теряли и свой вкус. Мне не терпелось снова вернуться в настоящий мир, где я снова смогла бы насладиться ее запахом травы и дыма, лизнуть кожу Тали и ощутить солоноватый привкус.

– Когда ты лизнула меня в первый раз, – вспомнила Тали, – я подумала, что ты хочешь меня съесть.

– С самого начала ты была для меня членом моей стаи, – призналась я.

Почему-то для меня было очень важно сказать ей это именно теперь. Я раньше не думала, что мне вообще когда-нибудь удастся с ней поговорить. Мне хотелось продлить это драгоценное мгновение, говорить и говорить с Тали. Но времени у нас не было. Я уже не чувствовала ног и почти отморозила нос.

– Я хочу сказать тебе о маленьких волках, – заговорила я. – Это очень странные волки. Они останутся с людьми вместо нас. – Я быстро, насколько смогла, рассказала Тали все, что знала о недоволках и людях, о том, как эти не вполне волки помогут

людям сохранить Равновесие, помогут им защитить и сохранить частицу дикой природы.

– Частицу, которую люди будут любить, но не будут бояться, – уточнила Тали. Умом она не уступала Аззуену.

– Ни я, ни ты не можем долго здесь оставаться, – заметила я, видя, что Тали отчаянно дрожит от холода. Мне захотелось обнять ее, но от этого ей стало бы еще холоднее. – Вам с Бреланом нельзя идти в Лаан, – торопливо добавила я. – Давриан говорит всем, что это из-за вас сгорел Каар. В Лаане вас убьют. Люди Лаана уже напали на ваш след. Вам – тебе и Брелану – надо пойти с нами. Потом, уйдя от опасности, вы найдете других крианов или начнете учить новых. Вы должны сохранить истории и легенды о дикой природе, о том, что человек – это ее часть.

– Ты поможешь мне? – спросила Тали.

В ответ я лизнула ей руку. Конечно, я помогу. Я начала говорить ей о своей любви, о том, что эта любовь принесла мне ни с чем не сравнимое счастье, но одних слов было недостаточно. Я всегда думала, что нашему взаимопониманию мешает неумение говорить друг с другом, но теперь мне хотелось просто прижаться к Тали, как я всегда делала в мире живых.

– Нам пора, волчонок, – сказал Тлитоо. Он вскочил на плечо Тали, и они исчезли.

Холод проник мне в грудь, сковав дыхание, я попыталась заскулить, позвать Тлитоо, чтобы он поскорее вернулся за мной, но из моей пасти не вырвалось ни одного звука. В один страшный миг я вдруг ощутила, что мое сердце перестало биться. Голова заболела так, что показалось, череп вот-вот лопнет. Но потом по телу разлилось приятное тепло. Грудь согрелась, нос оттаял, и сердце забилось ровнее. Море запахов затопило Инехалин. Вернулся Тлитоо. Сейчас он перенесет меня назад, подумала я, но ворон лишь не мигая смотрел на меня.

– Чего ты ждешь? – спросила я.

– Прости меня, волчонок, – ответил он, опустив голову между крыльями.

– Все хорошо, – сказала я, – отнеси же меня назад.

– Я не могу этого сделать, волчица, мы слишком долго пробыли здесь – сейчас и раньше. Смотри, – он опустил взгляд куда-то вниз.

Я посмотрела туда же. Каменный Пояс растворился, и я увидела внизу поляну, на которой столпились Тали, Брелан, Аззуен и недоволки. Все они смотрели на лежавшую на земле мертвую молодую волчицу с полумесяцем на груди. Я сразу поняла, о чем говорил Тлитоо. Я не вернусь. Я никогда больше не вернусь в мир живых.

Аззуен завыл. Это был страшный, тоскливый вой. Тали упала на колени рядом с мертвой волчицей. Вдали за деревьями показались жители Лаана. С ними шли Давриан и Инимин. Я предостерегающе залаяла.

– Они не слышат тебя, волчица, – произнес Тлитоо и исчез. Я увидела, как далеко внизу на спину Аззуену сел ворон. Тлитоо вцепился в его шерсть и сильно потянул. Аззуен посмотрел в чащу леса и схватил зубами тунику Тали. Девушка подняла залитое слезами лицо и что-то сказала Брелану, протянув руку в сторону Лаана.

Брелан наклонился и поднял с земли обмякшее тело волчицы. Я была рада, что они не оставили меня на месте. Люди и Аззуен быстро двинулись прочь от Лаана, а недоволки побежали навстречу деревенским жителям. Гаанин оглянулся, посмотрел на Брелана, несшего меня на руках, встряхнулся и последовал за своей стаей.

Брелан положил меня на берегу ручья, в тени деревьев той части леса, которую пощадил пожар. Брелан, Тали и Аззуен пробыли там со мной до захода солнца, дождавшись восхода луны. Затем Брелан взял Тали за руку и повел ее прочь. Аззуен зарылся носом в мой мех, потом встал и медленно побрел за своим человеком. Как мне хотелось идти рядом с ним! Но теперь я никогда не смогу этого сделать.

Когда луна скрылась за горизонтом, я оставила метку на самом большом камне Инехалина, чтобы Аззуен нашел меня, когда окончится срок его земной жизни. Как хотелось мне прислониться к его густому меху, как хотелось прижаться носом к влажной коже Тали… Как не хватало мне дыма, людей и их костров. От тоски невыносимо заныло в груди. Я не могла быть с Тали и Аззуеном, но они будут жить и исполнять Обет. Я же стану помогать им, насколько могут помогать духи живым существам. Я долго смотрела вслед остаткам моей стаи. Волк, два человека и ворон направлялись к видневшимся вдали холмам.

Тали исполнит свою часть Обета, а дикие волки – свою. Недоволки же попытают счастья с людьми.

Они, как и я, могут, наверное, потерпеть неудачу. Недоволки не могли, конечно, принудить людей принять их, заставить их примириться с дикостью, которая составляет такую же часть человеческого существа, как и его умные орудия. Единственное, что в силах сделать недоволки, – это дать людям шанс. Дать возможность полюбить тех, кто не будет внушать им страха. Что из этого получится, зависит только от людей.

Люди целеустремленно шли через лес. Рядом с ними, опустив хвосты и прижав уши, трусили маленькие волки.

Эпилог

Наступили теплые дни.

Стало так тепло, что, как гласят легенды, растаял лед на вершине и на дне мира, и жившие на вершине великие медведи пустились в плавание по безграничному морю в тщетных поисках клочка суши. Они плыли до тех пор, пока не иссякла их сила, а потом погрузились на дно моря. Леса стали пустынями, и существа, жизнь которых зависела от ручьев и рек, в изнеможении падали на землю, не в силах больше двигаться. Океан восстал, сметая в пучину тех, кто жил на его берегах. Яростные штормы обрушились на сушу.

В один из жарких летних дней, вскоре после того как сгорели последние леса, маленький мальчик вышел из дома, чтобы побросать красный резиновый мяч. Он вспотел на солнце, но не прекращал игру. Он и не мог остановиться, ведь ему не давало это сделать маленькое существо у его ног. Оно порывисто дышало, глядя на мальчика, вывалив из пасти розовый язык, и всем своим видом молило: еще один бросок, еще один миг веселой игры!

Откуда-то издалека раздался печальный, надрывающий душу вой. Мать рассказывала мальчику, что когда-то по земле всюду бродили волки. Потом, однако, их почти всех истребили, как бизонов и тигров. Говорили, что волков осталось очень мало. Мальчик снова бросил мяч, и товарищ по игре принес его назад, задорно задрав хвост. Мальчик подумал, что не хочет жить в мире, в котором не будет такого воя. Он взглянул в сторону пустынных холмов, и вой повторился, уже громче. Существо у ног мальчика тихо заскулило в ответ.

Мальчик посмотрел в коричневые глаза, светившиеся бескорыстной любовью, и улыбнулся. Когда издали снова донесся вой, он поднял голову и ответил.

Выражение признательности

Сила этой волчицы, как, впрочем, и всех других волков, заключена в ее стае. Эта книга никогда не была бы написана без верной стаи замечательных людей. Я не найду подходящих слов, чтобы выразить благодарность моей чудесной семье и друзьям. Мне посчастливилось прикоснуться к сокровищнице нашей семьи, откуда я черпала любовь папы, брата и сестры. Их мудрость и деятельная забота позволили мне воплотить замысел «Духа волков». Мама стала моим сотоварищем в писательском мастерстве; ее влияние чувствуется в каждой строчке книги, включая и сцену невольного купания Каалы. Выражаю сердечную благодарность всем другим членам моей семьи и друзьям – дорогим друзьям, которые любят меня, как любят волки членов своей стаи. Я бы не справилась с книгой без вашей помощи, без вашего участия.

Я очень благодарна Дженнифер Вельц, удивительной защитнице и союзнице волков, за ее поддержку. За неоценимые советы и юмор. Спасибо также и редактору Эмили Граф за ее острый глаз, профессиональное мастерство, понимание волчьего характера. Ее участие в работе сделало книгу сильнее и богаче. Замечательная Молли Глик стала беззаветной поборницей волков еще тогда, когда в «Законе волков» было всего пятьдесят страниц и много идей. Молли до сих пор остается незаменимым партнером, наставником и другом. Керри Коулен мастерски оформила первые две книги «Закона волков», представив их миру в очень привлекательном виде. Огромное спасибо также Аманде Фербер за ее гениальные идеи по маркетингу и рекламе книги, а также издательству «Саймон и Шустер», чьи усилия позволили роману выйти в свет. Благодарю я также и Хизер Флоренс за ценные советы и руководство, выпускающего редактора Стивена Льяно и литературного редактора Энн Черри. Я выражаю глубочайшую благодарность Лори Чунгу и Мелиссе Смит за замечательные фотографии волков, а Сэму Блейку и фонду спасения волков и собак – за отбор наилучших из них.

Хочу также выразить огромную благодарность и восхищение моим коллегам Памеле Беркман, Мэри Мэкки, Гарриет Рочмер, Элизабет Старк, а также надежному консультанту-антропологу Джайле Самудра и другим консультантам: Бонни Акимото, Черил Гринуэй, Лори Маццола и Иоганне Вонделинг. Обмен идеями был очень полезен, пробуждал творческую энергию и вызывал неподдельный восторг. Я очень благодарна женщинам из ВОМ-БА, которые помогли мне пережить смерть мамы и вернуться к работе

над книгой.

Мне очень помогают в жизни и работе занятия восточными единоборствами. Я благодарна этому сообществу, а в особенности Питеру Аджемяну и всем остальным в Soja Martial Arts, создавшим в группе теплую, поистине домашнюю атмосферу. Спасибо Марку Дэви за историю о медведе и висящем над пропастью мешке с едой.

Я в неоплатном долгу перед теми, кто говорил со мной об издательских делах и о жизни, кто звонил мне по телефону, приходил на чай или просто болтал, когда я временами вылезала из своей писательской скорлупы, – Бриджит Ахерн, Дайане Бодифорд, Эллисон Бруннер, Полу Фронджилло, Лесли Юра, Карен Мерфи, Дебби Ноткин, Дженнифер Оброхта, Донне Райан, Дэйву Ширли, Джину Цуботе и Кари Цуботе.

Я прочла массу книг и статей о волках, воронах, эволюции и природе (см. список литературы у меня на сайте!) и считаю, что нахожусь в большом долгу перед авторами этих работ. Я очень благодарна им за их мудрость. Спасибо Эми Кербер, которая всегда с готовностью делилась со мной по телефону сведениями о волках; Сьюзен Холт, Джулии Чарльз и Марку Ленбургу за статьи и научные сведения. За все допущенные в книге ошибки ответственность несу, конечно же, я. Спасибо всем людям и организациям, которые борются за выживание волков, за сохранение их охотничьих территорий.

Огромное спасибо библиотекам и книжным магазинам, донесшим «Закон волков» до широкого круга читателей. Спасибо также Ассоциации писателей Скво-Вэлли, где я работала над первыми главами трилогии. Благодарю я и сообщество авторов фантастики за то, что оно допустило моих волков в свои ряды.

Тысяча благодарностей вам, читатели «Закона волков» и «Тайн волков». Вы делили путь Каалы и писали мне о своих впечатлениях. Ваши письма помогали мне скрашивать дни напряженной работы над текстом.

Я люблю писать в кафе и поэтому приношу свою благодарность владельцам кафе, позволявшим мне просиживать в их заведениях долгие часы. Особенно я благодарна «Эспрессо Рома» и «Фильц» и всем замечательным людям, которые там работают.

Могу по-волчьи, воем, выразить свою благодарность верным помощникам – Эмми, Буррито, Инне, Акеле, Мило, Музу, Нике, Талисману, Люси, Ролло, Шелби и Цветку, а также тем замечательным зверям, которые ушли от нас в свой собачий рай – Хэппи, Джуду, Нони, Айсу, Куме, Руфусу и Саше, – и их двоюродным братьям и сестрам в диких лесах. Кто знает,

возможно, настанет день, когда мы – нашей мудростью – станем достойны вас.